Роберт

ШЕКЛИ

Паломничество на Землю

Роберт

ШЕКЛИ

Паломничество на Землю

Robert
SHECKLEY

Часть I

Справочник космического бизнесмена

•

Часть II

Основы выживания на враждебных планетах

•

Часть III

Человековедение не для слабонервных

•

Часть IV

Прикладная демонология

«ЭКСМО»
Москва
«ВАЛЕРИ СПД»
Санкт-Петербург
2002

Роберт

ШЕКЛИ

Паломничество на Землю

«ЭКСМО»
Москва
«ВАЛЕРИ СПД»
Санкт-Петербург
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Ш 40

Robert SHECKLEY
STORIES

Составитель *А. Жикаренцев*

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Шекли Р.
Ш 40 Паломничество на Землю: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Валери СПД, 2002. — 1264 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-00330-4

В книгу вошли лучшие рассказы мэтра фантастики, каждый из которых без преувеличения можно назвать шедевром жанра.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© И. Авдаков, В. Бабенко, В. Баканов, Б. Белкин, В. Бука, А. Вавилов, Е. Венедиктова, Ю. Виноградов, А. Волнов, Норя Галь, Р. Гальперина, И. Гурова, М. Данилов, Н. Евдокимова, А. Ежков, М. Загот, И. Зиньева, А. Иорданский, Э. Кабалевская, Б. Клюева, В. Ковалевский, А. Кон, С. Коноплев, А. Корженевский, Е. Короткова, Г. Косов, Н. Лобачев, Ю. Логинов, А. Мельников, А. Нефедов, Б. Носик, Т. Озерская, Л. Резник, А. Русин, А. Санин, В. Серебряков, В. Скороденко, И. Тогоева, Е. Цветков, М. Черняев, Т. Шинкарь, А. Щупейко. Перевод, 2002

ISBN 5-699-00330-4 © ООО «Издательство «Эксмо». Оформление. 2002

Пролог

О высоких материях

Мортонсон прогуливался тихо-мирно по безлюдным предгорьям Анд, никого не трогал, как вдруг его ошарашил громоподобный голос, исходивший, казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда.

— Эй, ты! Ответь-ка, что в жизни главное?

Мортонсон замер на ходу, буквально оцепенел, его аж в испарину бросило: редкостная удача — общение с гостем из космоса, и теперь многое зависит от того, удачно ли ответит он на вопрос.

Присев на первый же подвернувшийся валун, Мортонсон проанализировал ситуацию. Задавший вопрос — кем бы он ни был, этот космический гость,— наверняка догадывается, что Мортонсон — простой американец, понятия не имеет о главном в жизни. Поэтому в своем ответе надо, скорее всего, проявить понимание ограниченности земных возможностей, но следует отразить и осознание того, что со стороны гостя вполне естественно задавать такой вопрос разумным существам, в данном случае — человечеству, представителем которого случайно выступает Мортонсон, хоть плечи у него сутулые, нос шелушится от загара, рюкзак оранжевый, а пачка сигарет смята. С другой стороны, не исключено, что подоплека у вопроса совсем иная: вдруг, по мнению Пришельца, самому Мортонсону и впрямь кое-что известно насчет главного в жизни, и это свое прозрение он, Мортонсон, способен экспромтом изложить в лаконичной отточенной фразе. Впрочем, для экспромта вроде бы уж и время миновало. Привнести в ответ шутливую нотку? Объявить голосу: «Главное в жизни — это когда голос с неба допрашивает тебя о главном в жизни!» И разразиться космическим хохотом. А вдруг тот скажет: «Да, такова сиюминутная действительность, но что же все-таки в жизни главное?» Так и останешься стоять с разинутым ртом, и в морду тебе шлепнется тухлое эктоплазменное яйцо: вопросивший подымет на смех твою самооценку, самомнение, самодовольство, бахвальство.

— Ну как там у тебя идут дела? — поинтересовался Голос.

— Да вот работаю над вашей задачкой,— доложил Мортонсон.— Вопросик-то трудный.

— Это уж точно,— поддержал Голос.

Ну, что же в этой поганой жизни главное? Мортонсон перебрал в уме кое-какие варианты. Главное в жизни — Его Величество Случай. Главное в жизни — хаос вперемешку с роком (недурно пущено, стоит запомнить). Главное в жизни — птичий щебет да ветра свист (очень мило). Главное в жизни — это когда материя проявляет любознательность (чьи это слова? Не Виктора ли Гюго?). Главное в жизни — то, что тебе вздумалось считать главным.

— Почти расщелкал,— обнадежил Мортонсон.

Досаднее всего сознавать, что можешь выдать неправильный ответ. Никого еще ни один колледж ничему не научил: нахватаешься только разных философских изречений. Беда лишь, стоит закрыть книгу — пиши пропало: сидишь ковыряешь в носу и мечтаешь невесть о чем.

А как отзовется пресса?

«Желторотый американец черпал из бездонного кладезя премудрости и после всего проявил позорную несамостоятельность».

Лопух! Любому неприятно было бы угодить в подобный переплет. Но что же в жизни главное?

Мортонсон загасил сигарету и вспомнил, что она у него последняя. Тьфу! Только не отвлекаться! Главное в жизни — сомнение? Желание? Стремление к цели? Наслаждение?

Потерев лоб, Мортонсон громко, хоть и слегка дрожащим голосом, выговорил:

— Главное в жизни — воспламенение!

Воцарилась зловещая тишина. Выждав пристойный по своим понятиям срок, Мортонсон спросил:

— Э-э, угадал я или нет?

— Воспламенение,— пророкотал возвышенный и могущественный Глас.— Чересчур длинно. Горение? Тоже длинновато. Огонь? Главное в жизни — огонь! Подходит!

— Я и имел в виду огонь,— вывернулся Мортонсон.

— Ты меня действительно выручил,— заверил Голос.— Ведь я прямо завяз на этом слове! А теперь помоги разобраться с 78-м по горизонтали. Отчество изобретателя бесфрикционного привода для звездолетов, четвертая буква Д. Вертится на языке, да вот никак не поймаю.

По словам Мортонсона, тут он повернулся кругом и пошел себе восвояси, подальше от неземного Гласа и от высоких материй.

Часть I

Справочник космического бизнесмена

Необходимая вещь

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», тупо уставившись на список, включающий ни много ни мало две тысячи триста пять наименований. Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти две тысячи триста пять предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии II у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что Межпланетную очистительную службу «Асс» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде,— гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой,— вздохнул Грегор.— Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай,— торжественно произнес Арнольд.— Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем две тысячи триста пять единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи могут никогда не понадобиться!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь! Поехали на корабль, я ее тебе покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке, готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он.— Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь и увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину.— Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дело со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос,— твердо заявил Грегор.— Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он бросился разыскивать кувалду.

— Погоди,— взмолился Арнольд.— Дай, я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем гайку из числа двух тысяч трехсот пяти предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств,— сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты же не включил в список четырехдюймовую дюралевую гайку! — торжествующе вскричал Арнольд.— Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Хм,— произнес Грегор без особого энтузиазма.— Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные,— заметил Арнольд.— Ну да ладно.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все, что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо,— сказал он.— Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

— Транзистор серии е1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо,— признался Грегор.— Что ты там делаешь?

— Чищу креветки,— ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннет IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннет был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным количеством дождей. Почти все время на Деннете шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне овладели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннет. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они спускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта,— заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннета, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля. Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя, и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло,— заключил Арнольд.

— Да,— сказал Грегор, вглядываясь в туман.— Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку.

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук,— сказал Грегор.

— Знаю,— ответил Арнольд и снова нажал на кнопку: — Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью,— сказал Арнольд. Он ударил кулаком по кнопке и произнес: — Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно,— сказал Арнольд.

— Куда уж,— произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну,— сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу,— приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно,— произнес Арнольд.— Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все, что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно,— подытожил Грегор,— но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем,— беззаботно ответил Арнольд.

За бортом корабля начинался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение,— говорил Арнольд несколько часов спустя.— Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом,— продолжал Арнольд.— Получив стимулирующее воздействие, она переводит его на язык исполнительных команд и производит предметы в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит,— согласился Грегор,— но только единожды!

— Да — но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий интерес. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал,— сказал Грегор.— Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю,— ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Ну что ж,— задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор».— Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли.— Судя по голосу, Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона.— Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся,— ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется есть консервы,— со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли,— сказал он,— когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они пробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих,— сказал Арнольд.— Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью,— добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор.— Надо было заказать индейку.

На планете Деннет продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс. После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать,— сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, и стоит попробовать,— с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннете забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без долгих колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно,— грустно сказал Арнольд.— Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор.— Это так по-человечески...

— Как раз наоборот,— с тоской произнес Арнольд.— Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса,— видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел и периодически мигал лампочками, показывая, что все же слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана? — спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер! — закричал Арнольд.— Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: «КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II».

— Конечно, они уже использовали его для этих целей,— грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда, фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в непреодолимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду,— хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал. В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействовали. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд.— Это спасение!

— Я сделал гораздо больше,— устало ответил Грегор.— Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннете IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэстрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке,— сказал он Грегору.— Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно посмотрел на него:

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд.— Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор.— Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения,— устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

Лаксианский ключ

Ричард Грегор сидел за столом в пыльном кабинете Межпланетной очистительной службы «Асс» и раскладывал пасьянс. В холле раздался шум и топот, затем что-то упало. Дверь приоткрылась, и Арнольд, компаньон Грегора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами,— объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал: — Тащите его сюда, парни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего расплатился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины.

Грегор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь,— наконец сказал он.— Что это такое?

— Это миллион долларов,— охотно сказал Арнольд.— Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный производитель,— с гордой улыбкой произнес Арнольд.— Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо — той самой, где он держит всякий инопланетный хлам,— и обнаружил там эту штуку. Торговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знает, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю,— заметил Грегор.— А ты?

Арнольд встал на четвереньки и попытался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грегор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на планете процветала могучая цивилизация, обязанная своим благополучием так называемой Старой науке Мелджа. Но технологические секреты Старой науки были давно утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, произведенные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грегор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Могу поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше пяти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола.— Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грегор подошел к книжной полке.

— Ты и вправду не знаешь, что эта штуковина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница что? Главное — бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, от Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки,— проговорил он, записав в блокнот несколько предложений.— Производитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы ни заработаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд,— наконец произнес он,— я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я — эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернул какую-то рукоятку. Производитель заурчал.

— И кроме того,— продолжал Грегор, отойдя от машины подальше,— мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл, что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрными...

Производитель часто закашлял.

— Я все перевел,— сообщил Арнольд.— Здесь написано: «Мелджский Бесплатный Производитель. Очередной триумф лаборатории Глоттена. Неразрушимый бездефектный Производитель. Не требует энергетических затрат. Чтобы включить, нажмите кнопку номер один. Чтобы выключить, воспользуйтесь Лаксианским ключом. В случае обнаружения неисправности, пожалуйста, верните Производитель в лабораторию Глоттена».

— Ты, наверное, меня не понял,— возобновил атаку Грегор.— Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд.— Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться,— озабоченно сказал Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт,— пробормотал Арнольд.

Прошло пятнадцать минут. Кучка серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия,— ответил Арнольд.— Надо произвести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд.— Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, заполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали Межпланетную очистительную службу «Асс», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро об этом забывал.

«По крайней мере,— думал Грегор,— иногда получалось смешно». Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в конторе стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сандвичами и кофе.

Поев, он стал нервно расхаживать вокруг машины, то и дело поглядывая на растущую кучу серого порошка. Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангриз!

— Тангриз?

— Совершенно верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно если учесть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная продуктовая корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Ладно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору:

— Эти корпорации... Да, да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризом? Замечательно...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах так... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю... Что? Пять центов за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да, да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже,— сказал Арнольд, повесив трубку,— что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно пятьдесят мелджан, но доставка груза в северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся,— попытался утешить Арнольд своего компаньона,— тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грегор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грегор начал волноваться: выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и становится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грегор набрал номер строительной компании «Толедо—Марс» и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей,— твердо сказал Грегор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не сможем оставить машину здесь,— сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз будем забирать когда вздумается.

Грегор опять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно,— ответил О'Тул.— Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене пятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво,— сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку.— Перевозка нам обойдется...

— ...Гораздо дороже, чем пятнадцать центов за тонну,— закончил Грегор.— Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел. «Чтобы выключить, воспользуйтесь Лаксианским ключом».

— Ну так и воспользуйся.

— Подожди минутку...

— Выключишь ты ее или нет?! — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь:

— Поди попробуй...
— А в чем проблема?
— В том, что у нас нет Лаксианского ключа.

После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Лаксианский ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на инопланетную свалку.

— Нет, у меня нет ключа,— услышал он в ответ.— А почему, ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнеры молча уставились друг на друга. Мелджский Бесплатный Производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла и радиатор уже скрылись под серыми волнами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь,— в сердцах сказал Грегор.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грегору пришлось отгрести часть тангриза в холл.

Утром солнце безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— Боюсь, ничего...

Грегор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными розовошекими полицейскими.

— Я требую,— орал домовладелец,— чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И кроме того,— добавил один из полицейских,— существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка,— попытался возразить Грегор.— Это Мелджский Бесплатный...

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский.— И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело,— вступил в разговор Арнольд,— что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский.— Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда весь мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом уставились на Производитель. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд.— Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее,— откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он.

У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Лаксианский ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И похоже, он привел меня к тому, что я искал,— строго ответил человек.— Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании,— ответил Гастерс.— Начиная со вчерашнего полудня мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И потому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива.— Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман.— Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производитель.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грегор,— пряча глаза, ответил тот,— я не мог знать, что она будет хапать энергию из ближайшего источника...

— Вот именно,— продолжал издеваться Грегор,— «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грегор.— Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Лаксианского ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом проклятом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы послышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он.— Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грегора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд,— сказал он.— Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на Солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату наняли они людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном бил серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика,— рассуждал Арнольд.— На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбыть его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это,— ответил Грегор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Возить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, это требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян.— Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится,— ответил Арнольд.— Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник.— Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться: что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету,— строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть незамедлительно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, пятясь, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянии закричал Грегор.— Если вы боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник.— Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть крупинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простиралось посадочное поле, все в серой пыли. Поодаль стояли некрашеные серые здания, за ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватало глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета...— начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник.— Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Лаксианский ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

Мятеж шлюпки

— Скажите по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? — спросил Джо, межпланетный старьевщик.— Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а...— с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно оглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо.— Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что Межпланетной очистительной службе «Асс» невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо,— произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства.— Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядела неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят,— вздохнул Джо.— А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо...— процедил Грегор.

Служба «Асс» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части Вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучить.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе.— Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия:

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, зазвучал у него в голове:

— Я спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей,— сказал Джо, горделиво улыбаясь.— Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я спасательная шлюпка 324-А,— послышалось снова.— Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо.— Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она позаботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем,— выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете,— подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору осталось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эту планету, расположенную в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, недавно купил торговец недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не существовало ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров, на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента доходил всего лишь до колена. Вся беда в том, что суша не выступала из воды, и службу «Асс» специально пригласили для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только совсем рассвело, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку номер один.

— Я спасательная шлюпка 324-А,— услышали они.— Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку номер два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно,— произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание,— сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удалявшуюся береговую линию. И ему стало немного страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное,— на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически,— с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустынное море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу, подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум дня Грегор решил, что для первого раза сделано достаточно. Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность,— сказал Арнольд.— Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали,— пожал плечами Арнольд.— Ремонт не займет много времени.

Он снова полез в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел Вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь,— попросил он.

— Может быть, не стоит — ведь мы почти у цели.

— Ну и что ж... Пусть хоть немного поработает как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь другое дело,— сказал Арнольд.

— Я спасательная шлюпка 324-А,— опять сообщила лодка,— в настоящий момент полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия как психологического, так и физического характера запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор.— Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль,— спросил Арнольд,— что она болтает?

— ...Вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полуживые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...Оглушенные, израненные, упавшие духом...— закончила шлюпка.— Вероятно, вы испугались немного,— продолжала она уже несколько мягче.— Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война. Война — жестокая вещь. У нас не было другого выхода, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе,— заметил Грегор.— Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что придется как следует ее проверить,— сказал Арнольд.— Невозможно целый день слушать эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и о родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров,— отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор переглянулись.

— Лучше с ней не спорить,— прошептал Арнольд. Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно,— согласилась лодка,— однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль,— сообщила шлюпка.— На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага,— уверенно заявил Арнольд, потому что сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — *то* вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на отсутствие признаков жизни на этом стратегически важном клочке суши и на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. Ему надоело спорить с болтливой и эгоистичной машиной.— Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить,— сказала шлюпка.— Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены,— сурово сказала шлюпка.— Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома,— сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента.— Конечно, если только я найду его...

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, поблизости противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем.— Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение твоему предположению.— И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас,— потребовал Грегор.

— Безусловно,— ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель,— сказала лодка,— любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем это есть!

— Конечно, можете,— сказала шлюпка успокаивающе.— Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.

— Слушай, ты! — заговорил с лодкой Арнольд.— Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор.— Или я разберу тебя на гайки!

— Угрозы не беспокоят меня,— начала шлюпка безмятежно.— Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов,— напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо,— продолжала спасательная шлюпка,— я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше,— поспешно заявил Грегор.— Этот гизель выглядит очень аппетитно — не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил из себя Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля,— сообщила шлюпка с простительной гордостью.— Ничего не жаль для защитников. Попробуйте немного.

Грегор зачерпнул горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно,— сказала шлюпка.— А теперь я направляюсь к острову. И обещаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознание. Любой другой дромит уже не выдержал бы. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню ваш национальный гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопившейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начал сковывать конечности.

Его стало клонить ко сну. Нечего сказать, «повезло» — замерзать внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так случается, когда вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, чем все это кончится. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптер».— «Ага...— понимающе произнес главный.— Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надо-

рвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами.— Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель,— сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати градусах ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля — и никаких.

На трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты, быстро рос слой инея. Стены покрылись изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея,— осторожно сказал Арнольд.

Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал на ухо Грегору.

— Надо попробовать,— сказал Грегор.

Они встали. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно...— с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Криво усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно,— предупредила лодка.— Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны,— сказал Грегор.— Канистра будет доставлена в штаб.— Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов,— сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка.— Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на пол.

— Неважный удар, старик,— сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало бы принять меры предосторожности от таких случайностей,— грустно промолвила шлюпка.— Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров...— начал Арнольд.

— Невозможно,— прервала его шлюпка.— Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить

в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что за место?

— Южная полярная шапка,— ответила лодка.— Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. Извиняющимся голосом лодка добавила:

— И конечно, я обязана принять меры, исключающие внутренние неполадки.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай,— сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается,— ответил Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— Как ты думаешь, не можем ли мы просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы остался шанс.

— Конечно,— с горечью протянул Грегор.— Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я прекрасно помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов,— сказал Арнольд, вспомнив удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а...— Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начала постепенно вырисовываться у него в уме.— Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд увидели остров, до которого было не более ста ярдов. На фоне

пробуждающейся зари вырисовывался покореженный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное,— сказал Арнольд.

— Безусловно,— согласился Грегор.— Держу пари, что наши войска находятся в подземных убежищах.

— Ничего подобного,— возразила лодка.— Я исследовала поверхность на глубину сто футов.

— Так,— сказал Арнольд.— При данных обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст,— настаивала лодка.— Поверьте мне, мои чувства гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и выносливые, как вы.

— Нам этот климат по душе,— сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота,— серлечно произнесла лодка.— Я знаю, как вы сейчас страдаете, но теперь я направляюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хотя он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости,— сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу,— доверительно начал Грегор.— Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств,— живо подхватил Арнольд,— мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала,— сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты простая спасательная шлюпка,— сказал Арнольд.

— Немедленно высади нас,— приказал Грегор.— Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше,— ответила шлюпка.— Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто

управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была уже в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет,— сказала она.

— Что «нет»?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд.— Идет война! Приказы...

— Я знаю,— печально произнесла шлюпка.— Очень сожалею, но для данной миссии надо выбрать другой тип судна. Любой другой, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна,— умолял Грегор.— Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал! — взвизгнул Арнольд истерично.— И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в отведенных мне границах,— так же грустно сказала лодка.— Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набрала скорость, и остров стал быстро удаляться. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать,— умоляла лодка.— Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно,— подумал Грегор,— но, в конце концов, и южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход.— Он отпил глоток и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка.— Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась металлическая клешня и выбила канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома!

Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия,— простонала лодка.— Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем...— Ее двигатели замерли в нерешительности.— Скажите что-нибудь! — умоляла лодка.— Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали неподвижно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля?..

Из стены выдвинулись два подноса, друзья не шелохнулись.

— Мертвы,— сказала лодка.— Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хоть они и умерли от собственной руки, они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь, согласно полномочиям, данным мне флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде,— прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, неровно гудя машинами.

— Что она хочет, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю,— ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от людей. Они напряглись. А затем услышали завывающий скрип национального гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: «Покойтесь в мире», сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там флот планеты Дром.

— Такой случай больше не представится,— сказал Арнольд.— Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дыоара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд.— Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части,— ответил Грегор.— Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна твоя безопасность,— парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака V от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы,— сказал Арнольд.— Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины...— он выдержал драматическую паузу,— мы с тобой.

— У нас нет транспорта для перевозки скота,— возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде, чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну вот что, мечтатель,— озлился Грегор,— приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так подыхаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородные баллоны.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейла» через три дня,— сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилы доставлены еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон,— сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который изумленно хлопал глазами.

— Счастлив познакомиться.— Венс крепко стиснул руку Грегора.— Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано,— ответил Арнольд.— Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и вышел.

— Арнольд, что ты там вытворяешь? — медленно спросил Грегор.

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю,— ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?
— Да.
— На территории «Тригейла»?
— Да.
— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку,— ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу,— возразил Арнольд, по лицу которого градом катился пот.— Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при семидесяти по Фаренгейту, так что здесь никаких проблем не возникало. На корабль погрузили необходимые корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора вташили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да,— ответил Грегор, пытаясь сообразить, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу,— задумчиво продолжал чиновник.— Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто? Я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой не слыхал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ.

Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора,— весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора,— согласился Грегор без особого энтузиазма.

Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу.

Вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуа-

ры, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, жалобно блеяли и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

«В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона»,— подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. На коже был отвратительный налет слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю,— сказал он, сладко зевнув.— Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким.— Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт управления и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— Грегор!!! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развесе-

лился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет,— сообщил он Арнольду.— Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд.— Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд.— Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квильей шерстью. Клочья шерсти плавали в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно,— сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся.— Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — Queelis Tropicalis — мелкие тонкорунные млекопитающие, состоят в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с большим тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем».

— Никакого вредительства,— прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов,— ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтяший корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто,— сказал Арнольд, перелистав несколько справочников.— У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно, просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотришь. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести,— сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал:

— Подходи!

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения и так далее, и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он.

Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло».

У Грегора не было времени, чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно,— сказал Арнольд, когда связь была установлена.— Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно,— упрекнул Арнольд.— Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру,— самоуверенно ответил Арнольд.— Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают,— ответил Грегор.— Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сандвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

— Мне так и послышалось. А что это такое?

— То, что ты и слышишь,— раздраженно ответил Арнольд.— И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть,— мрачно произнес Грегор.— Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Или выбросить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот что думаю,— сказал Арнольд.— Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрытые изморозью,— сказал Арнольд.— Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к Солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило.

— А куда смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилов?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор.— Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его.— Арнольд,— проговорил он очень медленно,— довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно,— примирительным тоном сказал Арнольд.— Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс»,— объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника.— Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с центрального пакгауза «Тригейла»,— уточнил Грегор.— Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее, и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю оставшуюся жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор.— Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня,— хрипло сказал Грегор.— Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему в своем центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке в пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступать.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Вы не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор.— Мои намерения...

— Они меня не интересуют,— прервал его Венс.— Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое,— сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс,— сказал Грегор.— Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить,— огрызнулся Венс.— К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда,— ответил ему юный девичий голосок.— Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет малого, среднего и большого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы,— угрюмо произнес Грегор.— Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

Призрак V

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску,— оповестил он.

— Дай-ка гляну,— не выдержал Арнольд.

Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит.

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка.

Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор Межпланетной очистительной службе «Асс» не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладате-

лями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается,— зашипел Грегор.— Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот.

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали. Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр.— Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя.— Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выглядевший в белом халате и темных очках в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением,— радушно сказал Грегор.— Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для жилья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать,— самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости,— пояснил Фернгром.— Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны, и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.— Фернгром горестно отер пот со лба.— Прекрасное местечко,— продолжал он уже без всякого энтузиазма.— Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира.

— Идеально,— одобрил Грегор.— А микроорганизмы есть?

— Неопасные.

— Так чем же вам не угодила планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ V. Но все называют ее просто Призрак V.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное название для планеты, но доводилось слышать и похлеще. В конце концов, надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бессчетных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню,— признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! — набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех проведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона VI. На Призраке высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала II.

Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак V сущим раем. Они радировали на родную планету:

«Вылетайте скорее»,— как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак V вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало,— сознался Фернгром.— Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет связываться. А я до сих пор не знаю, в чем беда.— Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора.— Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю.

Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да,— процедил Грегор,— зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее,— сказал Арнольд.— Расщелкаем этот орешек, и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь,— возразил Грегор,— что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились,— напомнил Арнольд.— Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома и объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это,— сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, почему вы обратились именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался,— ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой.

— Всего наилучшего.

...Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку V. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной плане-

ты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке V не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака V, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить.

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хотя бы на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером на изготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак V отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу. Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок рябил поверхность озерца и шелестел в высокой траве.

Как нельзя более мирное зрелище.

Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками. Скорее всего, они сами, впав в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно.

Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут...

Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам.

В углу комнаты был кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер на незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх.

Незнакомец не шелохнулся.

Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился. Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног, пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против

искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно,— сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий.— Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит,— с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и обиженным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идейка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепенулся Грегор.

— Конечно, за тебя,— возмутился Арнольд.— Ведь мы, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел осматривать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грегора слово это было лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-то в тверди Призрака V. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо.

А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся

к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, то сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» таиться здесь, на облюбованной им планете, и, дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто стоявший перед ним достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет,— поздоровалось оно.

— Привет,— сказал Грегор, сглотнув слюну.

Бластер лежит на столе, всего в каких-нибудь двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если броситься за бластером?

— Как тебя звать? — спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я — Хват Раковая Шейка,— представилось чудище.— Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — Рука Грегора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые «Ричард Грегор»,— весело и бесхитростно продолжало чудище,— и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад "Смита" — превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам».

Пальцы Грегора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня намерен съесть?

— Безусловно,— заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так просто не возьмешь,— пояснил Хват,— чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором...

— Сегодня я тебя не съем,— предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся:

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный аромат мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло.

Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм,— откликнулся тот.— Хват Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне самому надо толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть,— сказал он, вернувшись к рации,— а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак». Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак,— не без ехидства ответил Грегор.— Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся,— перебил Арнольд.— Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ничего не напоминает?

Грегор призадумался.

— Разве что о детстве...— проговорил он.— Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай,— настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми, и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от этого чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да,— послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор.

— Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем...

— Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не все так просто,— прервал его Арнольд.— Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак V нетрудно,— уверенно продолжал Арнольд.— Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль.

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим,— сказал он наконец,— у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы, скорее всего, посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака V раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей — пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все же было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет,— поздоровался Хват Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями.

— Привет, дружище,— радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда.— Хват старательно скрывал свое разочарование.— Я прихватил шоколадный соус.— Он поболтал жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй,— сказал он.— Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я не собираюсь причинять тебе вред,— утешил Хват.— Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку.

Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... взаправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижжет ему руку горящей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укуса — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово,— сказал Хват.— Пожалуйста, не дергайся.

— Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь на волосок был от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это надо же — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, и Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерз-

кая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет,— распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю,— заявил Грегор, выхватив бластер.

Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром прошу, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению неподвластны. Грегор вообразил, будто в комнате темнеет, и...

Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятама волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово,— тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком V, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже,— заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары,— ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке V: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно-бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть,— пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд.— Все ясно. После посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака V.

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков, да еще двумя крылышками в придачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит,— пропыхтел он.— Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак,— ответил Арнольд.— Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем позабыл начисто,— признался Арнольд.— Оно что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашицу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучело. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость,— заметил Арнольд, кусая губы.— Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешно зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успел материализоваться и тянулся к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступал.

— Вспомни! — воскликнул Грегор.— Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? — поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовывался, и проделывал это отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд.— Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-таки вспомнил,— ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой,— словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребим.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучело?

— Я же говорю — никак. Он должен уйти по доброй воле.

А Ворчучело успел вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор,— взмолился Арнольд.— Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь,— твердил свое Грегор.

Вновь начинало явственно вырисовываться серо-крапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти...

Управляемый автопилотом корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовал себя на борту полновластным хозяином. Он вышагивал взад-вперед по пустынным коридорам, просачивался сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенал, ворчал и ругался последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно,— крикнул он Арнольду.— Ворчучело как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему,— сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше,— возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу.— Вот оно.

Долой паразитов!

Ричард Грегор и Фрэнк Арнольд сидели в конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», каждый на свой лад скрашивая долгое и томительное ожидание клиентов. Высокий, ху-

дой и сентиментальный Грегор раскладывал сложный пасьянс. Пухлый коротышка Арнольд, обладатель канареечно-желтых волос и голубых глаз, смотрел по маленькому телевизору старый фильм с Фредом Астером.

И тут — о чудо из чудес! — вошел клиент.

На сей раз им оказался сарканец — обитатель Саркана-2, чья голова напоминала голову ласки. Он был облачен в белый костюм, а в руке держал дорогой портфель.

— У меня есть планета, где требуется истребить паразитов,— с порога заявил сарканец.

— Вы пришли по адресу,— заверил его Арнольд.— Так кто же вам мешает?

— Мииги. Мы еще терпели их, пока они отсиживались по норам, но теперь они начали нападать на нашу саунику, и с этим необходимо что-то делать.

— А кто такие мииги? — осведомился Грегор.

— Маленькие, уродливые и почти безмозглые существа с длинными когтями и свалявшейся шерстью.

— А что такое сауника?

— Это овощ с зелеными листьями, напоминающий земную капусту. Сарканцы питаются исключительно сауникой.

— И теперь мииги поедают саунику?

— Нет, они ее не едят, а раздирают когтями и варварски уничтожают.

— Зачем?

— Разве поступки миигов вообще можно объяснить?

— Воистину, сэр,— рассмеялся Арнольд.— Вы совершенно правы. Что ж, сэр, думаю, мы сможем вам помочь. Есть только одна проблема.

Грегор встревоженно посмотрел на партнера.

— Вопрос в том,— продолжал Арнольд,— отыщется ли для вас просвет в нашем графике.

Он раскрыл книгу заказов, страницы которой были плотно исписаны именами и датами, сочиненными Арнольдом как раз для такого случая.

— Вам повезло,— объявил он.— Как раз в эти выходные мы свободны. Осталось только договориться об оплате, и мы вылетаем к вам. Вот наш стандартный контракт, ознакомьтесь.

— Я привез свой контракт,— сказал сарканец, доставая документ из портфеля и протягивая его Арнольду.— Как видите, в него уже вписан весьма крупный гонорар.

— Конечно, вижу,— отозвался Арнольд, размашисто подписывая контракт.

Грегор взял документ и внимательно его прочитал.

— Тут значится, что штраф за невыполнение условий контракта вдвое превышает наш гонорар,— заметил он.

— Именно поэтому я и плачу вам так много,— пояснил сарканец.— Результат нам нужен немедленно, пока не кончился сезон сбора урожая.

Грегору это не понравилось, но партнер метнул в него мрачный взгляд, напоминающий о неоплаченных счетах и просроченных банковских займах, и он, помедлив, все же нацарапал свою подпись.

Четыре дня спустя их корабль вынырнул из подпространства неподалеку от красного карлика Саркана. Через несколько часов они сели на Саркане-2, планете сарканцев и паразитов-миигов.

В Угрюмии, крупнейшем городе на Саркане, встречать их было некому — все население уже перебралось на каникулы в курортный городок Малый Таз, потратив на это немалые деньги, несмотря на предоставляемые группам отдыхающих скидки, и там, сидя в разноцветных хижинах, дожидалось избавления планеты от паразитов.

Партнеры прогулялись по Угрюмии, но глинобитные здания не произвели на них впечатления. Лагерь они разбили за пределами города на краю засаженного сауникой поля, где своими глазами убедились в том, что сарканец волновался не зря — многие кочаны были сорваны, выдраны, рассечены, разодраны на куски и разбросаны по полю.

Работу партнеры решили начать с утра. Арнольд вычитал в справочнике, что миигн весьма чувствительны к действию папаина — фермента, содержащегося в папайе. Если опрыскать миига раствором папаина с концентрацией всего двадцать частей на миллион, он впадает в кому, и спасти его может лишь немедленно наложенный холодный компресс. Неплохой способ, особенно если вспомнить, сколько в Галактике напридумано куда менее приятных вариантов убийства. Партнеры привезли с собой такой запас консервированной, свежей, замороженной и сушеной папайи, что его хватило бы для уничтожения миигов на нескольких планетах.

Они поставили палатки, разожгли костер, уселись на складные стулья и стали любоваться, как красное солнце Саркана опускается в скульптурный фриз закатных облаков.

Едва они покончили с ужином из консервированных бобов с острым соусом, как рядом в кустах что-то зашуршало и оттуда осторожно вышел маленький зверек, очень похожий на кота, только с густым оранжево-коричневым мехом.

— Как думаешь, это случайно не мииг? — спросил Грегор Арнольда.

— Конечно же, я мииг,— подтвердил зверек.— А вы, господа, из Межпланетной очистительной службы «Асс»?

— Совершенно верно,— ответил Грегор.

— Отлично! Значит, вы прилетели, чтобы расправиться с сарканцами!

— Не совсем так,— возразил Арнольд.

— Вы хотите сказать, что не получили нашего письма? Ведь я же знал, что его нужно было отправить космической экспресс-почтой... Но тогда почему вы здесь?

— Гм, я немного смущен,— признался Грегор.— Мы не знали, что *вы, мииги, говорите по-английски.*

— Не все, конечно. Но я, например, закончил Корнельский университет.

— Послушайте,— сказал Грегор,— дело в том, что несколько дней назад к нам пришел сарканец и заплатил за то, чтобы мы очистили планету от паразитов.

— Паразитов? И кого же он здесь назвал паразитами?

— Вас,— сообщил Арнольд.

— Меня? Нас? Паразитами? Сарканец нас так назвал? Да, у нас есть кое-какие разногласия, но такое переходит всяческие границы! И он заплатил, чтобы вы нас убили? И вы взяли его деньги?

— Если честно,— пробормотал Арнольд,— то мы представляли себе миигов более... примитивными. Обыкновенными вредителями, если вы знаете, о ком идет речь.

— Какая нелепица! — воскликнул мииг.— Это *они* паразиты и вредители! А *мы* — цивилизованные существа!

— А я в этом не совсем уверен,— заявил Грегор.— Зачем вы в таком случае портите кочаны сауники?

— На вашем месте я бы не стал невежественно судить о религиозных обрядах иноземцев.

— Что может быть религиозного в потрошении кочанов? — фыркнул Арнольд.

— Суть не в самом действии,— пояснил мииг,— а в неразрывно связанном с ним смысле. С тех пор как мииг Гх'тан, которого мы называем Великий Кошак, открыл, что простой акт раздирания кочана вызывает необыкновенное просветление сознания, мы, его последователи, ежегодно совершаем этот ритуал.

— Но ведь вы портите урожай сарканцев,— резонно заметил Грегор.— Почему бы вам не выращивать для ритуала свою сауникy?

— Сарканцы, исповедуя свою дурацкую религию, не позволяют нам выращивать саунику. Разумеется, мы предпочли бы рвать свои кочаны. Кто на нашем месте пожелал бы иного?

— Сарканец про это ничего не говорил,— сказал Арнольд.

— Теперь дело представляется в ином свете, верно?

— Но не меняет того факта, что у нас с сарканцами заключен контракт.

— Контракт на убийство!

— Я понимаю ваши чувства и весьма вам симпатизирую,— сказал Арнольд.— Но, видите ли, если мы нарушим контракт, то наша фирма обанкротится. А это, знаете ли, тоже нечто вроде смерти.

— А если мы, мииги, предложим вам новый контракт?

— Но первыми его с нами заключили сарканцы,— возразил Грегор.— И ваш контракт не будет иметь юридической силы.

— Любой суд миигов признает его абсолютно законным,— сказал мииг.— В основу юриспруденции миигов положен тот принцип, что любой контракт с сарканцем никого ни к чему не обязывает.

— Нам с партнером необходимо подумать,— заявил Арнольд.— Мы оказались в весьма щекотливой ситуации.

— Я ценю ваш поступок и предоставляю вам возможность все обдумать,— сказал мииг.— Не забывайте, что сарканцы заслуживают смерти, и в случае согласия вы не только заработаете внушительную сумму, но и обретете вечную благодарность расы разумных и, как мне кажется, симпатичных котов.

— Давай лучше отсюда смотаемся,— предложил Грегор, едва мииг ушел.— Такой бизнес мне не по душе.

— Но мы не можем просто так взять и улететь,— возразил Арнольд.— Неисполнение контракта — штука серьезная. Так что придется нам уничтожить или одну расу, или другую.

— Только не я!

— Ты, кажется, не понимаешь, в какой опасной — юридически опасной — ситуации мы оказались,— начал втолковывать Арнольд.— Если мы не прихлопнем миигов, что обязались сделать по контракту, то любой суд нас по стенке размажет. Но если мы уничтожим сарканцев, то по крайней мере сможем прикинуться, будто попросту ошиблись.

— Тут возникают моральные сложности. А я их терпеть не могу.

— Сложности только начинаются,— произнес сзади чей-то голос.

Арнольд подскочил, словно уселся на оголенный провод под напряжением. Грегор напряженно застыл.

— Я здесь,— добавил тот же голос.

Партнеры обернулись, но не увидели никого — если не считать кочана сауники, одиноко торчащего возле их лагеря. Как ни странно, но этот кочан показался им разумнее большинства других, которые им довелось увидеть. Но разве он способен разговаривать?

— Вот именно,— подтвердил кочан.— Это я говорил. Телепатически, конечно, поскольку овощи — и я горжусь своей принадлежностью к ним — не имеют органа речи.

— Но овощи не могут общаться телепатически,— возразил Арнольд.— У них нет мозга или другого подходящего для телепатии органа. Извините, я не хотел вас обидеть.

— Нам не нужны никакие органы,— заявил кочан.— Разве вам не известно, что любая материя с достаточно высокой степенью организованности обладает разумом? А способность к общению есть неотъемлемое следствие разумности. Лишь высшие овощи вроде нас способны к телепатии. Разумность сауники изучали в вашем Гарвардском университете. Нам даже присвоен статус наблюдателей при совете Объединенных планет. При подобных обстоятельствах, как мне кажется, нам еще следует обсудить, кого именно на этой планете следует уничтожить.

— Верно, так будет по-честному,— согласился Грегор.— В конце концов, именно из-за вас грызутся миигн и сарканцы.

— Если точнее, то они сражаются за исключительное право рвать, калечить и унижать нас. Или я в чем-то преувеличиваю?

— Нет, суть сформулирована совершенно верно,— подтвердил Грегор.— Так от кого из них вы желаете избавиться?

— Как и следует ожидать, никто из них не пользуется моей симпатией. Обе расы — презренные паразиты. Я предлагаю совершенно иное решение.

— Этого я и опасался,— вздохнул Арнольд.— Так чего вы хотите?

— Нет ничего проще. Подпишите со мной контракт, предусматривающий избавление моей планеты и от миигов, и от сарканцев.

— О нет! — простонал Грегор.

— В конце концов, мы самые древние обитатели планеты, потому что возникли вскоре после лишайников, задолго до появления животных. Мы — миролюбивые коренные жители, которым угрожают пришельцы-варвары. По-моему, ваша моральная обязанность совершенно ясна.

— Мораль, конечно, вещь прекрасная,— вздохнул Арнольд.— Но следует учитывать и прозу жизни.

— Я это прекрасно понимаю. Вы получите удовлетворение, сделав доброе дело, к тому же мы готовы подписать контракт и заплатить вам вдвое больше, чем предложили они.

— Знаете,— заметил Арнольд,— мне как-то с трудом верится, что у овоща может быть счет в банке.

— Разумное существо, какую бы форму оно ни имело, всегда способно заработать деньги. Действуя через нашу холдинговую компанию «Развлекательные модальности сауники», мы выпускаем книги и записи, а также составляем базы данных на всевозможные темы. Свои знания мы телепатически вкладываем в мозги авторов на Земле, а за работу платим им неплохие авторские. Особенно большую прибыль нам приносят материалы по сельскому хозяйству: только овощ может быть настоящим экспертом по садоводству. Полагаю, вы найдете состояние наших финансовых дел просто блестящим.

Кочан сауники откатился в дальний конец поля, чтобы дать партнерам возможность поговорить. Когда он удалился ярдов на пятьдесят — за пределы дальности телепатического общения,— Арнольд сказал:

— Не нравится мне эта капуста. Уж больно она умна, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Вот-вот. И у меня создалось впечатление, что сауника пытается что-то доказать,— согласился Грегор.— Да и тот мииг... тебе не показалось, что он в чем-то хитрит?

Арнольд кивнул:

— Да и сарканец, втянувший нас в эту историю... совершенно беспринципный тип.

— После такого краткого знакомства очень трудно решить, какую же из рас следует уничтожить. Жаль, что мы знаем о них так мало.

— Знаешь что? Давай уничтожим кого угодно и покончим с этим делом. Вот только кого?

— Бросим монетку. Тогда нас никто не упрекнет в предвзятости.

— Но нам нужно выбрать одно из трех.

— Давай тянуть соломинки. Что нам еще остается?

Едва он произнес эти слова, со стороны недалеких гор донесся чудовищный раскат грома. Лазурное небо зловеще потемнело. На горизонте вспухли мощные кучевые облака. Они быстро приближались. Под чашей небес раскатился грохочущий голос:

— Как мне все это обрыдло!

— О Господи, мы опять кого-то оскорбили! — ахнул Грегор.

— С кем мы разговариваем? — спросил Арнольд, задрав голову.

— Я голос планеты, которую вы называете Саркан.

— Никогда не слыхал, что планеты умеют говорить,— пробормотал Грегор, но существо — или кто бы то ни был — услышало его слова.

— Как правило,— пояснил голос,— мы, планеты, не утруждаем себя общением со всякими копошащимися на нашей поверхности козявками. Нам достаточно своих мыслей и взаимного общения. Время от времени бродячая комета приносит новости издалека, и этого нам вполне хватает. Мы стараемся не обращать внимания на всякую чушь, происходящую на поверхности, но иногда наше терпение лопается. Населяющие меня кровожадные сарканцы, миити и сауники настолько охамели, что больше я их терпеть не собираюсь. Я намерена прибегнуть к решительным и давно назревшим действиям.

— И что вы собираетесь сделать? — спросил Арнольд.

— Затоплю всю сушу метров на десять, и тем самым избавлюсь от сарканцев, миигов и сауники. Да, при этом пострадают несколько ни в чем не повинных видов других существ, но такова жизнь, в конце концов. У вас есть час, чтобы убраться отсюда. Потом я не отвечаю за вашу безопасность.

Партнеры быстро упаковали вещи и перебрались на корабль.

— Спасибо за предупреждение,— сказал Грегор перед стартом.

— Только не воображайте, будто вас я считаю лучше прочих. Насколько мне известно, вы такие же паразиты, как и мои обитатели. Но паразиты с другой планеты. И если узнают, что я вас прикончила, сюда заявятся другие существа вашего вида с атомными бомбами и лазерными пушками и уничтожат меня как бродячую планету. Так что уматывайте, пока я в хорошем настроении.

Несколько часов спустя, уже из космоса, Арнольд и Грегор своими глазами увидели, какая жуткая судьба постигла обитателей планеты. Когда все кончилось, Грегор взял курс на Землю.

— Полагаю,— сказал он Арнольду,— нашей фирме конец. Мы не выполнили условия контракта. Адвокаты сарканцев сотрут нас в порошок.

Арнольд, внимательно читавший контракт, посмотрел на Грегора:

— Нет. Как ни странно, но, по-моему, мы чисты как стеклышко. Прочти последний абзац.

Грегор прочитал и почесал макушку:

— Я понял, что ты имеешь в виду. И ты думаешь, что это удовлетворит судей?

— Конечно. Наводнения всегда считались стихийными бедствиями, божественной волей. И если мы промолчим, а планета не проболтается, то никто и не узнает, как все было на самом деле.

Беличье колесо

— Лучшие земли в Галактике — погублены,— горестно простонал клиент, верзила семи футов ростом с интенсивно-голубым цветом лица. Из отверстий, напоминающих смазочные, катились крупные слезы и падали на щеголеватую и, похоже, дорогую сорочку. В течение целых пятнадцати минут он невразумительно бормотал о постигшем его несчастье.

— Успокойтесь, сэр,— с участием промолвил Ричард Грегор, весь подобравшись на стуле. Он сидел за огромным старинным письменным столом из орехового дерева.— Астрологическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды, сокращенно «ААА—ПОПС», с готовностью решит все ваши проблемы.

— Не объясните ли нам, сэр, характер ваших проблем,— в свою очередь учтиво справился Арнольд.

Клиента все еще переполняли эмоции. Наконец он осушил слезы огромным носовым платком и с надеждой посмотрел на компаньонов фирмы «ААА—ПОПС».

— Разорение! — вскричал он.— Вот что меня ждет. Мои лучшие поля...

— Мы понимаем вас, сэр,— ободрил его Грегор,— но объясните, почему вас ждет разорение?

— В Битгер-Лаге, на планете Сир, у меня есть ферма,— наконец, взяв себя в руки, начал рассказывать сирянин.— Я засеял зерновыми и другими культурами около восьмисот акров. И жду всходов в этом месяце. Но как только поля зазеленеют, проклятые крысы начисто сожрут всходы.

— Крысы? — удивился Арнольд.

— Да, так у нас называют этот вид грызунов семейства альфикс дрекс.— Слезы снова заставили беднягу полезть за платком.— В этом году настоящее крысиное нашествие. Мои поля кишат ими. Я перепробовал уже все средства, но эти твари плодятся быстрее, чем подыхают. Сняв урожай, я стану богатым и хорошо заплачу, если вы избавите меня от этой дряни, джентльмены.

— Думаю, мы сможем вам помочь,— заверил его Грегор.— Разумеется, предварительно необходимо познакомиться с обстановкой. Мы предпочитаем знать заранее, с чем придется иметь дело.

— То же самое я слышал и от других фирм. Но время не терпит,— с горечью промолвил сирянин.— Я вложил в землю весь свой капитал. Через пару недель появятся всходы, и все они тут же будут уничтожены крысами. Вы должны покончить с этой напастью до того, как зазеленеют поля, джентльмены.

Длинное худое лицо Грегора не выражало особой радости. Он был весьма консервативен в своих решениях и действиях, и ему не нравился такой подход. Из-за самоуверенности и бахвальства Арнольда их фирма почти всегда несла убытки, заключая практически невыполнимые контракты. Грегор противился этому как мог. Но, видимо, без риска не обойтись, если затеваешь такое дело, как антиэнтропийное агентство, и не имеешь ни гроша в кармане. Однако в последнее время им везло, образовалась даже кое-какая прибыль, и Грегору не хотелось рисковать. Вот почему подозрительный блеск в глазах компаньона настораживал его.

Сам клиент не вызывал у Грегора недоверия, но кто знает, как все это может обернуться. Вдруг на самом деле крысы окажутся семифутовыми детинами с бластерами в руках. У фирмы «ААА—ПОПС» уже бывали подобные непредвиденные сюрпризы.

— Вам раньше приходилось бороться с вредителями полей? — спросил он у сирянина.

— Конечно. Но то были случаи, не представляющие проблемы, например, летучие висюки, ползущие скегли или гниль обыкновенная. Это привычные заботы фермера.

— А почему сейчас с крысами возникли проблемы?

— Откуда мне знать,— сердито буркнул сирянин.— Говорите прямо, хотите заработать или нет?

— Конечно, хотим,— поспешил согласиться Арнольд.— Мы готовы начать хоть сейчас...

— Нам с партнером сначала надо посоветоваться,— решительно вмешался Грегор и вытащил Арнольда в коридор.

Коротышка и толстяк Арнольд, как всегда, был полон энтузиазма. Его, дипломированного химика, интересовало абсолютно все. Он был напичкан самой невероятной информацией, почерпнутой из десятков научных и технических журналов, которые выписывал не без ущерба для бюджета фирмы.

Добытая таким образом информация не приносила практической пользы. Мало кого интересовало, зачем аборигены планеты Денеб-Икс упорно ищут наилучший способ массового самоубийства или, например, почему в созвездии Дрея животный мир представлен только летающими видами.

Но если бы кому-нибудь захотелось узнать это, Арнольд охотно поделился бы информацией.

— Интересно, во что мы впутаемся на этот раз,— сказал Грегор другу.— Что это за семейство альфикс дрекс?

— Это вид грызунов,— тут же пояснил Арнольд.— Чуть поменьше наших земных крыс и не такие агрессивные. Они питаются растительной пищей, живут на полях, в траве и в мелколесье. Как вид ничего особенного из себя не представляют.

— Гм. А если их там десятки миллионов?

— Тем лучше. Я говорю вполне серьезно, если бы клиент попросил нас доставлять ему каждую пятидесятую из уничтоженных крыс, я бы не взялся за это дело. Ведь тогда бы нам грозило потратить весь остаток жизни на поиски последних пяти или шести зверюг. Но, как я понял, от нас требуется вернуть популяцию крыс к обычной, «доэпидемической» численности. А этого мы вполне можем добиться, если оговорим все условия в контракте.

Грегор понимающе кивнул. У его компаньона хотя и очень редко, но все же появлялась деловая хватка.

— А мы сумеем вовремя справиться с ними? — все же переспросил он.

— Без всякого сомнения. Имеется несколько способов борьбы с грызунами. Морганизация — один из них, и неплохой. Или, например, система Турнье. Нам понадобится не более нескольких дней, чтобы уничтожить этих грызунов.

— Ладно,— сказал Грегор,— в контракте надо уточнить, что мы будем заниматься только крысами семейства альфикс дрекс. Для полной ясности.

— Хорошо.

Они снова вернулись в контору. Незамедлительно был составлен договор, в котором фирма «ААА—ПОПС» бралась за месяц истребить как можно большее число крыс на ферме заказчика. За каждый сэкономленный день компаньонам полагалось дополнительное вознаграждение, а в случае задержки — штраф за каждый просроченный день.

— Пока вы будете этим заниматься,— сказал сирянин,— я отправлюсь в отпуск. Вы действительно считаете, что удастся спасти урожай?

— Не беспокойтесь,— заверил его Арнольд.— У нас есть оборудование для проведения морганизации и аппараты для обра-

ботки зараженных мест по системе Турнье. И тот и другой способы весьма эффективны.

— Я знаю,— ответил клиент,— я тоже пользовался ими. Но, возможно, я что-то не так делал. Всего вам хорошего и желаю удачи, джентльмены.

Грегор и Арнольд еще долго молча смотрели на закрывшуюся за клиентом дверь.

На следующий день, загрузив в корабль оборудование, кипы руководств, ядохимикаты, ловушки и прочую аппаратуру для уничтожения грызунов, друзья направились на планету Сир.

После четырех дней путешествия без каких-либо приключений они наконец увидели под собой зеленеющие поля планеты Сир и береговую линию Биттер-Лага. Справившись по карте, определили место посадки.

Берни-спирит, ферма их клиента, была действительно прекрасным уголком: аккуратно распаханные поля и сочные луга, вековые деревья с густыми кронами, величественно чернеющие на фоне вечернего неба. А небольшой, но, очевидно, глубокий пруд поражал своей синевой.

Однако признаки запустения и нашествия крыс сразу бросались в глаза. Лужайки пестрели пятнами голой земли, листья деревьев, росших вокруг дома, казались увядшими и неухоженными. Внутри дома на мебели и стенах повсюду виднелись следы крысиных зубов, изгрызенными оказались даже массивные потолочные балки.

— Да, не повезло бедняге,— посочувствовал клиенту Арнольд.

— Это нам не повезло,— поправил его Грегор.

Обход дома сопровождался неумолкающим писком невидимых грызунов, попрятавшихся в щелях и норах. Когда Арнольд и Грегор приближались к дверям комнат, там сразу поднимался шум в панике разбегающихся тварей. Но друзьям так и не удалось увидеть ни одной крысы, паразиты успевали разбежаться до появления непрошеных гостей.

Наступил вечер, и уже не было смысла приступать к работе, однако Арнольд и Грегор расставили все виды ловушек, чтобы проверить, какие из них наиболее удачны против этих грызунов. Затем друзья достали спальные мешки и приготовились ко сну.

Арнольд умел засыпать в любых условиях, но для Грегора ночь выдалась малоприятной: целые полчища крыс проявляли невиданную активность. Было слышно, как они бегают по полу, натыкаются на ножки столов и стульев, грызут двери,

прогуливаются по стенам. А едва Грегор задремал, тройка самых наглых зверьков оказалась у него на груди. Смахнув их рукой и поплотнее завернувшись в спальный мешок, он все же смог на несколько часов отключиться.

Утром компаньоны произвели осмотр ловушек и убедились, что все они пусты.

Несколько часов ушло на выгрузку из корабля, сборку и установку громоздкого оборудования Моргана. Пока Арнольд заканчивал последнюю пригонку деталей, Грегор извлек аппараты Турнье и опоясал дом электропроводами. Наконец друзья уселись и стали ждать массового истребления грызунов.

Наступил полдень. Прямо над их головами висело горячее маленькое солнце планеты Сир. Оборудование Моргана гудело и ворчало, словно разговаривало само с собой. Над проводами аппаратов Турнье то и дело вспыхивали синие разряды.

А больше ничего интересного не происходило.

Медленно тянулись долгие часы ожидания, Арнольд успел прочитать все руководства по борьбе с грызунами. Грегор вытащил колоду потрепанных карт и мрачно раскладывал пасьянс. Оборудование работало и монотонно жужжало, как и было обещано в прилагаемой инструкции. А электроэнергии оно съедало столько, что хватило бы на освещение небольшого городка.

Однако в результате не появилось ни одного крысиного трупа.

К вечеру стало окончательно ясно, что этим крысам не страшны ни морганизация, ни турньеризация. Пришло время ужинать и решать, что делать дальше.

— Как им удается избежать опасности? — спросил озадаченный Грегор, сидя на стуле и держа в руках открытую банку саморазогревающихся мясных консервов.

— Мутация,— не задумываясь ответил Арнольд.

— Да, вполне возможно. Уникальный ум, адаптация...— Грегор механически жевал рубленое мясо. В кухне, где они сидели, слышалось беспрестанное царапанье коготков по полу, шорох тушек, трущихся о стены нор, но ни одной из крыс так и не удалось увидеть.

Арнольд снял упаковку с яблочного пирога.

— Произошла мутация, и притом потрясающе хитрая, черт побери! Нам надо во что бы то ни стало поймать хотя бы одну крысу, иначе не разобраться, с чем мы столкнулись.

Но поймать даже одну крысу оказалось ничуть не легче, чем уничтожить тысячу. Крысы не показывались, не попадались в крысоловку, обходили приманки, западни и одурманивающие наживки.

В полночь Арнольд решительно заявил:

— Это невероятно.

Грегор рассеянно кивнул. Он заканчивал установку нового типа ловушки — большого металлического ящика, зазывающе открытого с двух сторон: если сюда забредет какая-нибудь глупая крыса, то по сигналу от фотоэлемента дверцы молниеносно закроются.

— А теперь посмотрим,— закончив подготовку, удовлетворенно сказал Грегор. Оставив ящик на ночь в кухне, они перешли в гостиную.

В половине третьего ночи дверцы ящика громко захлопнулись.

Арнольд и Грегор поспешили в кухню. В ящике слышен был шум, отчаянное царапанье и писк. Грегор зажег свет и поставил ящик стоймя. Хотя он знал, что ни одна крыса не сможет подняться по скользкой, отшлифованной стенке, он все-таки начал открывать верхнюю дверцу медленно, с большой осторожностью, дюйм за дюймом.

Писк усилился.

Оба компаньона с интересом заглядывали внутрь ловушки, надеясь наконец увидеть крысу в полной форме побежденного врага с белым флагом в лапах. Но они не увидели ничего. Ящик был пуст.

— Она не могла убежать! — разочарованно воскликнул Арнольд.

— Или прогрызть металлический ящик... Эй! Слышишь?

В ящике продолжались возня и писк, казалось, что крыса скребет лапами стенку ящика, отчаянно пытаясь выбраться наружу.

Грегор сунул руку в ящик и осторожно провел пальцами по стенкам.

— Ой! — вскрикнул он и быстро выдернул руку.

На указательном пальце были видны два небольших следа от зубов.

Шум в ящике усилился.

— Кажется, мы поймали крысу-невидимку,— мрачно изрек Грегор.

Клиент с планеты Сир отдыхал в Катакинни-кластер, в отеле Маджестик. Потребовалось два часа, чтобы связаться с ним по межпланетному телефону.

Свой разговор Грегор начал с крика:

— Вы ни словом не упомянули, что ваши крысы невидимки.

— Неужели? — удивился сирянин.— Это досадная оплошность с моей стороны. Ну и что дальше?

— А то, что вы нарушили контракт,— орал Грегор.

— Ничуть. Мой адвокат, который случайно тоже отдыхает в одном отеле со мной, утверждает, что невидимость животных подпадает под определение естественного свойства защиты, как, например, изменение окраски, и упоминать об этом в контракте как о чем-то исключительном не требуется; кстати, в юридической практике судьи не принимают во внимание состояние невидимости, даже если есть возможность доказать, что оно имеет место. Судьи называют такой феномен «относительной видимостью». В общем, это никак не может считаться нарушением контракта.

От подобной наглости Грегор лишился дара речи.

— Нам, бедным фермерам, приходится защищать себя, вы же знаете,— продолжал меж тем сирянин.— Но я верю в вашу способность справиться с порученной работой. До свидания.

— Он-то сообразил, как защитить себя, черт побери,— проворчал Арнольд, кладя трубку.— Если нам удастся уничтожить это невидимое полчище крыс, он окажется в большом выигрыше. А если нет, просто возместит расходы, оштрафовав нас за невыполнение контракта.

— Невидимки они или нет,— упорствовал Грегор,— но морганизация должна сделать свое дело.

— Однако ничего не получилось,— возразил Арнольд.

— Я знаю. А почему не получилось? Почему не сработали ловушки? Или система Турнье?

— Потому что это крысы-невидимки.

— Какое это имеет значение? Крысиный нюх у них остался, правильно? Они же обыкновенные крысы, и сами сознают это. Думаешь, нет?

— Что ж,— промолвил Арнольд,— если их невидимость — следствие мутации, то их обоняние и другие чувства тоже могли претерпеть изменения.

Грегор сосредоточенно нахмурился.

— А изменение в их органах чувств потребует от нас соответствующих изменений в борьбе с ними. Нам прежде всего надо узнать, чем этот вид крысы отличается от других, нормальных грызунов.

— Кроме того, что он невидим глазу,— добавил Арнольд.

Но как можно проверить органы чувств невидимой крысы? Грегор решил начать с построения некоего лабиринта из лучших экземпляров мебели в доме фермера. По замыслу стенки лаби-

ринта должны были ярко освещаться, когда мимо пробегала крыса. Таким образом предполагалось отслеживать маршруты передвижения грызунов.

Арнольд же экспериментировал с красителями в поисках такого, который вернул бы крысам их видимость. Одно из красящих веществ оказалось настолько сильным, что на несколько мгновений вернуло крысе ее естественный облик. Словно по взмаху волшебной палочки, перед глазами возник экземпляр удивленно моргающего грызуна с подвижным чутким носом. Тварь с возмутительным равнодушием посмотрела на Арнольда и бесстрашно повернулась к нему хвостом. Затем уникально быстрый процесс обмена веществ поглотил краситель, и крыса снова исчезла из поля зрения.

Грегору все-таки удалось, погоняв по лабиринту, поймать десяток экземпляров крыс-невидимок, но те оказались крайне непослушными. Большинство из них не желали двигаться предложенным маршрутом, пренебрегали едой — только играли с нею, а попробовать решительно отказывались. Даже электрошок не действовал.

Однако в целом опыт дал кое-какие результаты. Он подтвердил полную непригодность для данного случая той аппаратуры, которую компаньоны привезли с собой.

Как и всякое громоздкое оборудование, системы Моргана и Турнье были рассчитаны на «нормальных» грызунов, которых можно завлечь в ловушку и истребить, руководствуясь их основными инстинктами: голодом и страхом. Только для таких животных и подходила эта аппаратура.

Все шло своим чередом, пока в популяции преобладал обычный вид грызунов. А как только животные стали меняться, потребовался и новый способ борьбы с ними. Крысы на этой ферме свыклись с тем, что они невидимки.

Отныне им не был присущ панический страх, ибо никто теперь их не преследовал. Исчезла необходимость спасаться бегством и набрасываться на пищу, они находили ее где угодно и когда угодно. Таким образом, всегда были сыты. Их больше не прельщал аппетитный запах, или предмет необычной формой, или новый звук.

С помощью систем Моргана и Турнье можно уничтожать лишь отдельных крыс, которые не успели или не смогли адаптироваться к новому состоянию невидимости, это лишь заставляло всех остальных адаптироваться быстрее в новых условиях.

Что же произошло с извечными врагами крыс, призванными сохранять естественный баланс в природе? Чтобы узнать

это, Арнольду и Грегору предстояло немедленно, в самом срочном порядке изучить фауну Биттер-Лага.

Мало-помалу, факт за фактом они восстановили все, что, по-видимому, здесь произошло. На планете Сир у крыс были свои враги: летучие висюки, дрыги, древесные скурлы и оменюги.

Все эти неимоверные твари не смогли, однако, в одночасье измениться. Прежде всего они принадлежали к миру видимых существ, для которых нюх — лишь вспомогательное средство, и хотя запах крыс весьма силен, их противник в охоте за пищей больше полагался на зрение и верил лишь глазам. Поэтому вскоре вместо грызунов они стали пожирать себе подобных, оставив в покое невидимых животных.

Это позволило крысам плодиться и плодиться...

Так фирма «ААА—ПОПС» оказалась неспособной остановить крысиное нашествие.

— Мы начали не с того конца,— спустя неделю, не давшую результатов, глубокомысленно заметил Грегор.— Прежде надо выяснить, почему крысы здесь стали невидимыми. Тогда мы сможем понять, как с ними справиться.

— Мутация,— упрямо стоял на своем Арнольд.

— Я не верю в это. Ни одно существо пока еще не стало невидимым в результате мутации. Почему это началось именно с крыс?

Арнольд пожал плечами:

— Вспомни хамелеона. Есть гусеницы, похожие на ветки деревьев, другие принимают окраску и форму листьев. У некоторых видов рыб естественная окраска настолько похожа на морское дно, что...

— Да, да, это всем известно,— нетерпеливо прервал его Грегор.— Это называется мимикрия в целях защиты. Но стать невидимыми...

— Некоторые виды медуз бывают настолько прозрачны, что сквозь них видно морское дно, а сами они как бы становятся невидимыми,— продолжал упорствовать Арнольд.— Быстрый полет колибри делает тоже почти невидимой маленькую птичку, а землеройка прячется так искусно, что почти никому не попадается на глаза. Все эти виды уже на пути к превращению в невидимок.

— Это ерунда. Природа наделила всех живых существ средствами защиты, но она никогда не давала преимущества лишь одному какому-то виду.

— Это смахивает на телеологию,— возразил Арнольд,— ты полагаешь, что у природы есть определенная цель во всем, как

у хорошего садовника. Я же утверждаю, что это слепой процесс усреднения. Конечно, в конце концов преобладает нечто среднее, но есть шанс и для крайностей. Природа в конце концов придет к проблеме невидимого.

— Это ты рассуждаешь с позиции телеологии и пытаешься убедить меня в том, что целью мимикрии в природе является желание быть невидимым.

— Так мне кажется. Вот подумай...

— К черту эти рассуждения,— устало сказал Грегор.— Я не совсем точно знаю, что такое телеология, но мы находимся здесь десять дней и за это время поймали около пятидесяти крыс из нескольких миллионов. И ни одна холера их не берет. Что будем делать дальше?

Они сидели молча, прислушиваясь к крику кружащего над полями висюка.

— Если бы этим глазастым охотникам за грызунами еще и мозги в придачу!..— печально заметил Арнольд.

— Да, это охотники за видимой целью. Вот если бы они...

Грегор неожиданно умолк и уставился на Арнольда. Тот какое-то мгновение недоуменно смотрел на компаньона, а потом его мрачное лицо осветилось пониманием.

— Конечно! — воскликнул Арнольд.

Грегор бросился к телефону и вызвал Галактическую экспресс-службу по доставке грузов.

— Алло! Примите срочный заказ...

Экспресс-служба превзошла саму себя. Через два дня на плешивой лужайке фермы Берни-спирит лежали доставленные с Земли десять небольших ящиков. Грегор и Арнольд перетаскали их в дом, а затем открыли первый. Из него с достоинством вышла большая великолепная и гордая кошка с лоснящейся шерстью и желтыми бесовскими глазами. Это была специальная порода, выведенная на Земле, ее охотничий инстинкт удалось обострить путем скрещивания с инопланетными разновидностями.

Кошка мрачно посмотрела на мужчин и принюхалась.

— Не надо питать особых надежд,— осторожно сказал Грегор, следя за тем, как животное пересекает комнату.— Она ведет себя не так, как нормальные кошки.

— Тсс,— прошипел Арнольд.— Не отвлекай ее.

Кошка остановилась и, чуть склонив набок голову, настороженно прислушивалась к писку и возне сотен невидимых крыс, без всякого страха пробегавших мимо нее. Кошка принюхивалась и шурила глаза.

— Ей здесь не нравится,— прошептал Грегор.

— А кому здесь может понравиться? — тоже шепотом ответил Арнольд.

Кошка сделала осторожный шаг. А подняв переднюю лапу для следующего, вдруг опустила ее.

— Она и не собирается охотиться,— разочарованно промолвил Грегор.— Может, лучше выписать сюда терьеров...

Но кошка внезапно прыгнула. Раздался отчаянный писк, похоже, она кого-то держала в лапах. Затем, сердито мяукнув, впилась зубами в невидимую плоть, и писк прекратился.

Зато он значительно усилился по всем углам. Кажется, крысы были в панике. И тогда Грегор не колеблясь выпустил еще четырех кошек, оставив пятерых про запас. На несколько минут комната превратилась в бойню. Друзьям пришлось покинуть ее: нервы могли не выдержать такого.

— Самое время отпраздновать,— сказал Арнольд, открывая одну из припасенных им бутылок бренди.

— Пожалуй, рановато...— нерешительно промолвил Грегор.

— Отчего же? Кошки знают свое дело, все идет отлично. Кстати, напомни мне, чтобы я заказал еще несколько сотен этих замечательных зверюг.

— Хорошо, напомню. А что, если крысы снова станут осторожничать?

— В этом-то и весь смак! — заметил Арнольд, наливая в стаканы бренди.— Какими бы хитрыми ни были крысы, для кошек они всегда мясо. А если вдруг вернутся в прежнее, видимое состояние, испробуем на них оборудование Моргана.

Грегор не возражал. Крысы не выживут, если их взять в клещи: с одной стороны когти и зубы, с другой — морганизация. Через неделю здесь все будет в полном порядке, и фирму ждет неплохая прибыль.

— Предлагаю тост за земных кошек,— поднял стакан Арнольд.

— Присоединяюсь,— поддержал его Грегор.— Пью за храбрую, простую и разумную земную кошку.

— Крысы-невидимки не могут сбить с толку нашу кошку.

— Она поймает и съест любую крысу, видит она ее или нет,— удовлетворенно заявил Грегор, прислушиваясь к душераздирающим воплям и писку за стеной,— вся эта какофония звучала для компаньонов как самая сладкая музыка.

Тостов было много, и все в честь многочисленных и достойнейших качеств земной породы кошек. Потом пошли тосты за саму планету Земля и, наконец, за другие родственные ей миры по алфавиту, начиная с Абака.

Бренди кончился где-то на Глострее. К счастью, у хозяина фермы оказалась неплохая коллекция местных вин.

Арнольд отключился на тосте в честь Уонликса, Грегор же, совсем чуть-чуть не дотянув до конца алфавита, положил руки на стол, уронил на них голову и заснул.

Проснулись они поздно с неизбежной головной болью, неприятным ощущением в желудке и болью в окоченевших суставах. Вдобавок ко всему вскоре выяснилось, что их храбрые, умные и разумные кошки с планеты Земля куда-то исчезли.

Друзья обыскали весь дом, все амбары, лужайки и даже поля. Разрыли крысиные норы и даже заглянули в заброшенный колодец.

Кошек не было, они исчезли, не оставив после себя даже клочка шерсти.

А тем временем крысы все так же весело и беззаботно бегали по дому, чувствуя себя в полной безопасности, ведь они по-прежнему были невидимы глазу.

— И это после столь отлично проделанной работы! — сокрушался Арнольд.— Ты думаешь, крысы дали кошкам хороший отпор?

— Не думаю,— ответил Грегор.— Это противоречило бы их крысиной сути. Скорее похоже на то, что кошки сами разбежались.

— Но здесь у них столько отличной еды! — недоумевал Арнольд.— Такого просто не бывает с кошками!

— Кис-кис-кис,— в последний раз позвал Грегор, но вместо знакомого мяуканья услышал лишь довольный писк по-прежнему беззаботного полчища крыс.

— Мы должны узнать, что произошло,— решительно сказал Арнольд, подходя к ящикам с оставшимися пятью кошками.— Мы повторим эксперимент, но на сей раз будем все держать под контролем.

С этими словами он, вытащив из ящика новую кошку, надел на нее ошейник с колокольчиком. Потом Грегор закрыл в доме все двери, и охота началась.

Кошка яростно кинулась на добычу, и вскоре компаньоны фирмы «ААА—ПОПС» наконец-то собственными глазами увидели тех, кто побывал в острых кошачьих зубах. Вместе с жизнью крыс покидала и их загадочная способность к невидимости.

— И все же это не ответ на наши вопросы,— возразил Арнольд.

— Потерпи и продолжай наблюдать,— велел ему Грегор.

Немного вздремнув, кошка попила воды и снова принялась за работу. Теперь Арнольда сморил сон, но Грегор продолжал наблюдать, и его посещали мысли одна мрачнее другой.

Он отлично понимал, что полмесяца они уже потеряли, а крысиное полчище не уменьшилось. Кошки в принципе могли справиться, но если после нескольких часов они теряют к охоте интерес, то во сколько же фирме обойдется полное уничтожение крыс? Возможно, терьеры справятся с этим лучше, или с ними произойдет то же самое?..

И вдруг... Охнув, он стал тормошить Арнольда.

— Эй, ты что? — сердито огрызнулся тот, просыпаясь и оглядываясь вокруг.

Там, где только что друзья могли видеть решительную, занятую ловлей крыс кошку, теперь остался только ее ошейник, повисший в воздухе над полом. Колокольчик продолжал весело позвякивать.

— Кошка тоже превратилась в невидимку! — взвыл Арнольд.— Как это могло случиться? Почему?

— Должно быть, что-то сожрала,— промолвил Грегор, в испуганном недоумении наблюдая за перемещениями ошейника по комнате.

— Кошка ела только крыс.

Приятели посмотрели друг на друга так, будто одна и та же мысль внезапно осенила их.

— Значит, умение крыс становиться невидимыми не имеет никакого отношения к мутации! — воскликнул Грегор.— Сколько раз я твердил тебе это! Подобное свойство так не передается. Следовательно, крысы тоже чего-то поели.

Арнольд кивнул в знак согласия:

— Я подозревал. Очевидно, это произошло, когда кошка вдоволь наелась крысами.

По тому, что творилось в комнате, они догадались: невидимая кошка продолжает пожирать невидимых крыс.

— Все они, должно быть, где-то здесь, в доме,— заметил Грегор.— Только почему не откликнулись на зов?

— Кошки — существа независимые,— высказал предположение Арнольд.

Позвякивал колокольчик. Ошейник опустился пониже к полу и продолжал рывками перемещаться из стороны в сторону. Грегор уж было подумал, что им не стоит так огорчаться, раз кошка продолжает ловить крыс.

Но пока он размышлял об этом, колокольчик умолк.

Ошейник неподвижно лежал на полу посреди комнаты, а затем и он стал как бы растворяться, пока окончательно не исчез.

На полу не осталось ничего.

Грегор обескураженно смотрел на то место, где только что лежал ошейник.

— Этого не было. Этого не могло произойти,— произнес он еле слышно.

К сожалению, он видел, что это произошло.

Он больше не знал ничего о кошке: прыгает она или крадется, наступает или отступает.

Невидимая кошка просто исчезла.

Хотя времени у компаньонов почти не осталось, они понимали, что все придется начинать сначала. Им необходимо узнать, почему крысы и кошки становятся невидимками. Арнольд закрылся в лаборатории, которую сам себе соорудил, и стал брать пробы почти всего, что окружало дом. Глаза у него покраснели от напряжения и долгих часов, проведенных над микроскопом, он порядком осунулся и вздрагивал при каждом звуке.

А Грегор продолжал эксперимент с кошками. Прежде чем выпустить седьмую, вмонтировал ей в ошейник крохотный радар, подающий сигналы. Но произошло все то же, что с ее предшественницей. После нескольких часов активной охоты на крыс кошка стала невидимой, а затем вовсе исчезла. Умолк и радар.

Теперь Грегор сосредоточил все свое внимание на оставшихся трех кошках. Восьмую и девятую он поместил в отдельные клетки и кормил строго дозированными кусочками крысиного мяса. Когда по прошествии нескольких часов кошки стали невидимыми, Грегор перестал класть корм в клетку восьмой, но по-прежнему продолжал давать крысиное мясо девятой. Кошка номер 9 исчезла без следа, как и все до нее, а вот кошка номер 8 хотя и была невидимой, но продолжала существовать.

У Грегора в связи с этим состоялся долгий, на высоких тонах, телефонный разговор со своим клиентом, фермером с Сира. Тот попросил фирму «ААА—ПОПС», уплатив небольшую неустойку, прекратить дальнейшую работу и уступить ее более солидной и опытной компании. Грегор наотрез отказался.

Потом, правда, засомневался в правильности решения. Разгадать загадки фермы Берни-спирит — дело, конечно, не из легких, может затянуться на многие годы. Одна тайна невидимости зверей чего стоит! Но хуже всего было полное их исчезновение. Оно практически не оставляло шансов на успех.

Грегор ломал голову над этими проблемами, когда в комнату вошел Арнольд. Вид у него был какой-то ошалелый, на губах играла улыбка идиота.

— Вот, смотри,— сказал он, протянув Грегору руку ладонью вверх.

Грегор посмотрел на пустую ладонь Арнольда.

— Что это? — спросил Грегор.

— Всего лишь секрет наших невидимок,— торжествующе хихикнув, ответил Арнольд.

— Я ничего не вижу,— осторожно сказал Грегор, пытаясь вспомнить, как в таких случаях следует вести себя с сумасшедшими.

— Конечно, не видишь,— торжествовал Арнольд.— Это невидимка.

Грегор продолжал пятиться от него до тех пор, пока не убедился, что их разделяет стол.

— Отличная работа, старина,— успокаивающе произнес он.— Твоя ладонь войдет в историю. Может, расскажешь, что все это значит.

— Перестань высмеивать меня, идиот,— огрызнулся Арнольд, продолжая стоять с протянутой рукой.— Ты ничего не видишь, но в моей ладони кое-что есть. Потрогай.

Грегор нерешительно протянул руку. На ладони Арнольда лежало нечто, казавшееся на ощупь кучкой жестких листьев.

— Невидимое растение! — догадался Грегор.

— Именно. Вот он, виновник наших бед и неудач.

Арнольд тщательно обследовал все вокруг дома и сделал массу проб, но безрезультатно. Но однажды, прогуливаясь, увидел на лужайке голое пятно без признаков растительности, а потом заметил, что такие пятна повторяются во многих концах лужайки. И обратил внимание на расположение пятен. Было похоже, что они аккуратно размечены.

Нагнувшись, Арнольд стал внимательно разглядывать странную «плешь». На ней ничего не росло — почти голый грунт. Почти.

Арнольд потрогал его рукой и тут обнаружил: на голой земле росло нечто. И это нечто было невидимым.

— Насколько я понимаю, это совершенно незнакомое нам растение-невидимка.

— Откуда оно попало сюда?

— Из тех мест, где пока еще не ступала нога человека,— уверенно ответил Арнольд.— Полагаю, что предок этого растения когда-то летал в космосе в виде микроскопической споры,

и в конце концов его занесло на орбиту планеты Сир. Спора упала на лужайку фермы Берни-спирит, пустила корни, растение расцвело и дало семена. Вот и все. Мы знаем, что эти крысы травоядные, с достаточно хорошим обонянием. Видимо, растение пришлось им по вкусу.

— Но оно невидимо?

— Крыс это мало беспокоит. Невидимость слишком сложное понятие для разума грызунов.

— Ты считаешь, что они все ели его?

— Нет, не все, но у тех, кто ел, оказалось больше шансов выжить, их не могли увидеть такие хищники, как летучие висюки и дрыги. Свое пристрастие к этому растению крысы передавали потомству.

— Затем появились наши кошки, которые стали поедать крыс-невидимок в таких количествах, что сами стали невидимыми. Отлично. Но почему они вдруг исчезли?

— Это же совершенно ясно,— сказал Арнольд.— Крысы кроме невидимой ели и другую, нормальную пищу, а кошки — только крыс. Они получили слишком большую дозу этого таинственного препарата.

— Большая доза приводит к исчезновению? Но куда?

— Возможно, когда-нибудь мы узнаем, но сейчас нам предстоит работа. Надо выжечь эти участки. Когда организм крыс избавится от яда, они снова превратятся в нормальных грызунов. Там уж наши кошки доведут свое дело до конца.

— Надеюсь, так оно и будет,— неуверенно согласился Грегор.

Они решили применить переносные огнеметы. Отыскать участки травы-невидимки на густых зеленых лугах Берни-спирит было проще простого. На этот раз невидимость растений сделала их легкой добычей.

К вечеру Грегор и Арнольд выжгли дотла все участки с проклятой травой.

А на следующее утро, обходя пепелища, были удивлены новыми всходами.

— Не следует тревожиться,— успокоил друга Арнольд.

— Видимо, трава дала семена до того, как мы ее выжгли. Но это будет последний урожай.

Еще один день ушел на повторное уничтожение. Лужайка была выжжена почти вся. К вечеру Галактическая экспресс-служба доставила новую партию кошек. Поместив их в клетки, друзья решили оставить свой боевой резерв на тот день, когда крысы снова обретут видимый облик.

Утром следующего дня на выжженном грунте лужаек появились новые всходы. Компаньоны межпланетной службы «ААА—ПОПС» устроили срочное заседание.

— Это идиотская затея,— заявил Грегор.

— Но это наш единственный выход,— настаивал Арнольд.

Грегор упрямо мотал головой.

— Тогда что нам делать? — наседал Арнольд.

— Ты можешь что-то предложить?

— Нет.

— У нас осталась всего неделя до истечения срока контракта. Мы и так уже потеряли часть гонорара. А если совсем не справимся с работой, нас просто вышвырнут из этого бизнеса.

Арнольд поставил на стол миску с невидимым растением.

— Мы должны знать, куда исчезают кошки, съевшие крыс, которые нажрались этой дрянной травы.

Грегор вскочил и зашагал по комнате.

— Они могут оказаться по другую сторону какого-нибудь солнца, если на то пошло.

— Тогда придется рискнуть,— сурово промолвил Арнольд.

— Хорошо,— вздохнув, смирился Грегор.— Начинай!

— Что?

— Я сказал — начинай.

— Я?

— А кто же еще? Я не стану есть эту дрянь. Это была твоя идея.

— Но я не могу! — Арнольд даже вспотел от испуга.— Я единственный исследователь в нашей фирме. Я должен остаться здесь, собирать и сопоставлять данные. Кроме того, у меня аллергия на зелень.

— На этот раз собирать и сопоставлять буду я.

— Но ты не умеешь! Я должен работать над новыми красителями. Мои записи понятны только мне, ты в них не разберешься. Кроме того, в ретортах готовятся новые смеси. Я собираюсь провести опыты с цветочной пыльцой на...

— Ладно, ты разжалобил меня,— устало промолвил Грегор.— Сдаюсь. Но это будет в последний раз, по-настоящему в последний.

— Обещаю, старина.— Арнольд быстро вытащил из миски пригоршню невидимой травы.— Вот, жуй. Отлично, бери еще. Какая она на вкус?

— Похожа на капусту,— пробормотал жующий Грегор.

— В одном я уверен,— промолвил Арнольд.— В таком теле, как твое, эффект не может быть длительным. Организм изба-

вится от яда довольно быстро. Ты почти сразу снова станешь самим собой.

Меж тем Грегор уже почти растаял, видимой оставалась только его одежда.

— Как ты себя чувствуешь? — допытывался Арнольд.

— Как всегда, никаких изменений.

— Съешь еще.

Грегор отправил в рот последние две щепотки травы. И тут же исчез, вместе с одеждой и прочим.

— Грегор! — испуганно позвал Арнольд.— Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Он исчез,— промолвил Арнольд.— А я даже не пожелал ему доброго пути.

Арнольд вернулся к своим ретортам и чуть уменьшил под ними пламя. Поработав минут пятнадцать, он вдруг все бросил и обвел глазами пустую комнату.

— Это ничего, что я не успел пожелать ему доброго пути,— сказал он вслух.— Ему ничто не грозит.

Потом приготовил себе ужин. Поднося вилку ко рту, вдруг остановился.

— И все же жаль, что я не попрощался с ним,— пробормотал он виновато.

Но тут же решительно прогнал все мрачные мысли и вернулся к своим опытам.

Арнольд провел в лаборатории всю ночь, а на рассвете, смертельно усталый, рухнул на кровать и тут же уснул. Проснувшись после полудня и наспех поев, он снова занялся опытами.

После исчезновения Грегора прошли сутки.

Вечером позвонил сирянин, и Арнольд заверил его, что крысы под контролем и окончательная победа — это лишь вопрос времени.

Затем Арнольд заново перечитал все руководства по истреблению грызунов, проверил оборудование, заменил кое-где проводку в морганайзере, обдумал еще одну идейку по поводу нового вида крысоловок, прошелся огнем по свежим порослям чертовой травы и наконец лег спать.

А когда вновь проснулся, первое, о чем подумал, было: с момента исчезновения Грегора прошло семьдесят два часа. Может случиться так, что он уже никогда не вернется.

«Грегор принес себя в жертву науке,— успокаивал себя Арнольд.— Я поставлю ему памятник».

Но это казалось такой мизерной данью памяти друга. Он должен был сам съесть эту «капусту». Грегор всегда терялся в

трудных обстоятельствах. Да, он был храбр, этого у него не отнять, а вот приспосабливаться не умел.

Впрочем, по ту сторону неведанного солнца никакое умение приспособиться не поможет. Попробуйте выжить, например, в космическом вакууме или...

Тут Арнольд услышал за собой какой-то шорох и быстро обернулся.

— Грегор! — радостно закричал он.

Но это был не Грегор.

Существо, стоявшее перед ним, оказалось не выше четырех футов, но имело много рук и ног. Оно было розовато-серым от изрядного слоя грязи, а за спиной у странного гостя болталась котомка, судя по всему, довольно тяжелая. Странно вытянутую и сужающуюся к макушке голову незнакомца венчал островерхий головной убор. Впрочем, это и была вся его одежда.

— Вы, надеюсь, не Грегор? — робко справился Арнольд, слишком потрясенный, чтобы действовать разумно.

— Конечно, нет,— ответило существо.— Я Хэм.

— О... А вы случайно не встречали моего партнера? Его зовут Ричард Грегор. Он на добрый фут выше меня ростом, худощав и...

— Конечно, я встречал его,— подтвердил Хэм.— А разве он не здесь?

— Нет.

— Странно. Надеюсь, с ним ничего не случилось.— Гость сел и тут же принялся скрести себя под тремя подмышками.

Чувствуя легкую дурноту от подступающего страха, Арнольд спросил:

— Вы откуда?

— С планет Оол, конечно,— ответил Хэм.— Мы там сеем наш скомп. А здесь он дает свои всходы.

— Простите, одну минуту.— Арнольд тяжело опустился на стул.— Прошу вас, начните сначала.

— Все очень просто. Испокон веков жители планеты Оол выращивали скомп. На ранних стадиях своего созревания это растение исчезает на несколько недель. А потом уже в зрелом состоянии снова появляется на полях нашей планеты. Мы собираем его и употребляем в пищу.

— Вы говорите слишком быстро, я не все понимаю. Где находится ваша планета?

— Грегор считает, что Оол находится в параллельном мире. Я ничего об этом не знаю. Ваш Грегор появился на моем поле

месяца два тому назад. Это он обучил меня английскому языку. А затем...

— Два месяца назад? — растерянно повторил Арнольд и призадумался.— Разница во времени, я полагаю. Ладно, рассказывайте дальше.

— Нет ли у вас чего-нибудь поесть? — неожиданно спросил Хэм.— Я не ел три дня. Не мог, сами понимаете.— Арнольд безмолвно протянул ему ломоть хлеба и подвинул банку с джемом.— Когда была открыта Новая Территория,— продолжал Хэм,— я первым решил рискнуть. Собрал всю свою живность, купил три жены класса «Б» и отправился в путь. Прибыв на место, я...

— Остановитесь! — умоляюще промолвил Арнольд.— Какое это имеет отношение к моим вопросам?

— Именно так все и произошло. Не перебивайте.

Почесывая одной рукой зудящее плечо, а двумя другими запихивая в рот хлеб с джемом, Хэм продолжил:

— Я прибыл на Новую Территорию и посеял здесь скомп. Посевы взошли, скомп зацвел и исчез, как и положено. Но когда скомп снова появился на моем поле, он оказался изгрызенным какими-то вредителями. Что ж, фермеров часто ждут неудачи. Я посеял скомп еще раз. Урожай вновь оказался никудышным. Это разозлило меня. Но я решил продолжать посевы. Мы, пионеры, народ упорный, вы это знаете. Но я был уже готов отступить, бросить свою затею и вернуться к цивилизации, как вдруг и появился ваш партнер...

— Подождите, дайте разобраться,— перебил его Арнольд.— Вы из параллельного мира. Значит, для того чтобы получить урожай вашего скомпа, его надо выращивать до полной зрелости в двух параллельных мирах.

— Совершенно верно. Но крайней мере так объяснил нам ваш Грегор.

— Странный способ выращивать сельскохозяйственные культуры.

— А нам подходит,— обиженно сказал пришелец с планеты Оол. Теперь он одновременно чесал себя под четырьмя коленками.— Грегор объяснил нам, что семена могут попасть на любую, даже незаселенную планету вашей Вселенной. На сей раз, когда я высадил скомп на Новой Территории, он взошел здесь.

— Ага! — торжествующе воскликнул Арнольд.

— Что значит «ага»? Грегор не говорил, что есть такое слово. Ладно, он все равно помог мне. Сказал, что незачем бросать свои поля на Новой Территории, просто я должен засевать

скомп на других участках. Грегор объяснил, что между параллельными мирами нет сходства один к одному. Хотя я и не понимаю, что это значит. А то, что я принес, это плата за другую услугу.

С глухим стуком он уронил свою тяжелую котомку на пол. Арноль развязал ее и заглянул внутрь. Там были желтые слитки, похожие на золото. И в это время зазвонил телефон. Арнольд схватил трубку.

— Алло,— услышал он голос Грегора.— Хэм еще у тебя?

— Да...

— Он все тебе объяснил? О параллельных мирах, о том, как выращивают скомп?

— Мне кажется, я начинаю понимать, но...— промолвил Арнольд.

— Теперь слушай, что я тебе скажу,— перебил его Грегор.— Перед тем как мы уничтожили всходы скомпа на нашей лужайке, Хэм успел посеять его вновь на своей планете. Поскольку в его мире время тянется медленнее, у нас на Сире всходы появились в течение одной ночи. Но этого больше не случится. Хэм будет сеять скомп на других полях. И если ты уничтожишь всходы, они уже никогда не появятся. Пережди недельку, а там и выпускай кошек с морганайзером на пару.

Арнольд крепко зажмурился. Грегору понадобилось два месяца, чтобы все это продумать и проверить. А ему не удалось. Просто не хватило времени.

— А как быть с Хэмом? — спросил он Грегора.

— Он пожует своего скомпа и вернется домой. Нам пришлось немало поголодать, пока эта дрянь вышла из нас и мы оба сумели попасть в наш мир.

— Хорошо,— покорно сказал Арнольд.— Но мне кажется... Эй, где же ты сейчас?

Грегор довольно хохотнул.

— Ты же знаешь, между параллельными мирами нет сходства один к одному. Я стоял на краю поля, когда действие скомпа на мой организм прекратилось, и я таким образом оказался на планете Тул.

— Но это же на другом конце Галактики!

— Знаю. Встретимся на Земле. Не забудь привезти золотые слитки.

Арнольд повесил трубку. Хэма уже и след простыл.

Только тогда Арнольд вспомнил, что не спросил у Грегора, что это за «другая услуга», за которую инопланетянин заплатил чистым золотом.

Об этом Арнольд узнал позднее, когда они с Грегором вернулись на Землю в свою фирму «ААА—ПОПС». Крысы на планете Сир, как и ожидалось, снова обрели привычный облик и были соответственно уничтожены с помощью кошек и морганайзера. Условия контракта фирма выполнила. Пришлось, конечно, поступиться частью прибыли и уплатить штраф за двухнедельную просрочку. Но эта потеря была с лихвой восполнена золотыми слитками пришельца с планеты Оол.

— Его поля пострадали от наших кошек,— рассказал Арнольду Грегор.— Они будоражили и даже пугали скот. Я отловил всех кошек и продал их Центральному зоопарку планеты Оол. Там никогда не видели подобных зверей. Мой клиент и я разделили выручку.

— Что ж,— задумчиво промолвил Арнольд и почесал в затылке,— все сложилось как нельзя лучше.

— Я тоже так считаю.

Сказав это, Грегор энергично поскреб зудящее плечо. Арнольд внимательно посмотрел на него, но тут же почувствовал, как и у него зачесалась грудь, затем голова, нога, и вообще чесалось все тело!

— Боюсь, не все еще кончилось,— заметил Грегор.

— Почему ты так считаешь? — спросил Арнольд и начал яростно чесать левое плечо.— Что случилось?

— Хэма нельзя назвать чистюлей, это верно, да и сама планета Оол довольно грязное место.

— Ну и что из этого?

— А то, что, похоже, я набрался там вшей,— ответил Грегор, отчаянно скребя живот.— Вшей-невидимок, как ты сам догадываешься.

Часть II

Основы выживания на враждебных планетах

Поединок разумов

Глава первая

Квидак наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний — развалины городов, смерть тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается *космический корабль*. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могучий инстинкт высшей цели сохранился и после того, как истончилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые дюзы, чтобы выровняться, и, подняв облачко пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак самолюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил доползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля «Южный Крест», был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археологической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город — вроде того, что экспедиция «Полариса» открыла на южном полюсе. Тут был только песок, да несколько чахоточных кустиков, да пара-другая покатых пригорков. Их лучшим трофеем за все это время стали три глиняных черепка.

Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

— Что хорошего? — окликнул их Йенсен.

— Да вот только,— ответил инженер-механик Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

— И на том спасибо,— сказал Йенсен.— А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

— Фотографии местности и больше ничего.

— Ладно,— произнес Йенсен.— Валите все в стерилизатор, и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо.

— Капитан, разрешите одну-единственную коротенькую вылазку к северу — вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

— Исключено,— возразил Йенсен.— Топливо, продовольствие, вода — все рассчитано точно на десять дней. Это на три дня больше, чем было у «Полариса». Стартуем вечером.

Инженер и штурман согласно кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и маленькую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор, завинтили крышку и поднялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задраил внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

— Постой! — крикнул Йенсен.

— Что такое?

— Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде большого клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

— Заверни-ка штурвал,— сказал капитан.— Уилкс, ты ничего такого не заметил?

— Ничегошеньки,— ответил штурман.— А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми здесь и не пахло.

— Что-то я видел, готов поклясться,— сказал Йенсен.— Но, может, просто почудилось... Все равно надо продезинфицировать одежду перед тем, как войти. Не стоит рисковать — не дай бог, прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

— Ничего,— наконец констатировал Йенсен.— Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стенки. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, как корабль вздрогнул. Весь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался то в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скудный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере, до тех пор, пока существовала возможность достичь высшей цели Квидака.

Прошло время, и он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на Дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на Дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методично опрыскивая помещения по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке:

никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первая лунная экспедиция.

— Неужели все это и вправду нужно? — спросил младший дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в Диспетчерскую службу).

— А то как же,— ответил старший.— На таких кораблях можно завезти черт знает что.

— Пожалуй,— согласился младший.— А все-таки марсианская жизнь, если она, конечно, есть, вряд ли на Земле уцелеет. Или нет?

— Откуда мне знать? — изрек старший.— Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

— Только время даром тра... Эге!

— В чем дело? — спросил старший.

— По-моему, там что-то есть,— сказал младший.— Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор поплотнее закрепил маску и знаком показал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от заплечного баллона, и, нажав на спуск, распылил облако зеленоватого газа.

— Ну вот,— произнес он,— на твоего жука хватит.— Став на колени, он заглянул под выступ: — Ничего нет.

— Видно, померещилось,— сказал помощник.

Они на пару обработали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

— Что дальше? — спросил помощник.

— Дальше корабль простоит закупоренным трое суток,— ответил старший дегазатор,— после чего мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в эдаких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отлепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются двуногие темные фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем — отдых; основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно недостает,— сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до проволочной ограды и ощутил, что по проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил в ячейку.

Этот участок оказался совсем другим. Квидак почувствовал близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед — и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И что-то еще, куда более грозное.

— Кто там? — окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделю назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями от ЭВМ, ожидавшими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился — старик с зорким взглядом и крепкой хваткой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул желтыми искрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель — Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

— Выходи, а то хуже будет,— крикнул охранник.

Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки Шанхай), партию электропил для Бирмы — и замер.

— Тьфу ты, черт,— пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах она держала какого-то необычно большого таракана.

— Приятного аппетита,— сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь сцапал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спинке. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в прострацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь.

Квидак собрал последние силы и, распрямив свой длинный, в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а зверь принялся кружить вокруг него, не желая упустить добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым — первым на всей планете,— приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак увернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине. Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче — пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под шкуру.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, старательно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельным.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости он при этом не испытывал — Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз смог протиснуться.

Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от смазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений сон Квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

Глава вторая

1

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносился грохот ржавого дизеля марки «Элисон-Чемберс». Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигавшийся риф.

— Что-нибудь видно? — спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого груза проделала путь от самого Огденсвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

— Ничего,— ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно белый коралловый барьер, высматривая синий просвет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того как им овладела страсть к путешествиям, он работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров; сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффектное смертоубийство, бросив судно на рифы.

— По-прежнему ничего! — крикнул он.— Банки по курсу!

— Пусти-ка меня,— сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

— Ничего,— повторил помощник.— Капитан, лучше развернуться.

— Нет, а то не проскочим,— ответил капитан. Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам на Нью-Джорджию и на Маланту и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Каледонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

— Вот он! — заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов, и старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет: верхний рей гротмачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и вспрыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

— Чистая работа,— произнес он.

— Ничего себе *чистая!* — взвыл помощник и отвернулся. По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч*. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к стволам пальм. Из начинавшихся сразу над пляжем

---

* Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100—200 тонн.

джунглей появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне под полуденным солнцем.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии наградило его не загаром, а ожогами — у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластыря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и невероятно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

— Рад вас видеть! — крикнул высокий.— А мы уж было решили, что вы совсем сгинули.

— Еще чего,— ответил капитан.— Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

— Очень рад, профессор,— сказал помощник.

— Я не профессор,— поправил Соренсен,— но все равно спасибо.

— Где остальные? — поинтересовался капитан.

— Там, в лесу,— ответил Соренсен.— Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

— Только разгружусь,— сказал капитан.— Нужно поспеть к отливу. Как сокровища?

— Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

— Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

— Ни единого, черт вас побери,— устало промолвил Соренсен.— Вы привезли газеты, капитан?

— А как же,— ответил тот.— Они у меня в каюте. Вы слышали о втором корабле на Марс?

— Слышал, передавали на коротких волнах,— сказал Соренсен.— Не очень-то много они там нашли, а?

— Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слыхал, собираются запустить еще один — на Венеру.

Все трое огляделись и ухмыльнулись.

— Да,— сказал капитан,— по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до *этого места* и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

«Этим местом» был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Это был остров вулканического происхождения, довольно большой — около двадцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с полдюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работорговцев в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы перебрались на Нью-Джорджию. Во время Второй мировой войны тут устроили наблюдатель-

ный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов, и прокатилось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляционную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети винторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похозяйничать на Вуану.

У Соренсена была страсть — охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне — Забытый Рудник Голландца. Ни того ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло несколько больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась много дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галион «Святая Тереза». По свидетельствам современников, судно отплыло из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф. Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровище. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом на Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Малаите. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что «Святая Тереза», по всей вероятности, умудрилась проплыть между Соломоновыми островами чуть ли не до архипелага Луизиада и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка — еще одного из

той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее,— владельца пятидесятипятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они подобрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, собрали снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании мог быть захоронен тайник. Наконец согласовали отпуска, и экспедиция отбыла по назначению.

Они вот уже три месяца работали на Вуану и пребывали в добром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнули где какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что если они чего недосчитаются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик — в нем был детектор металла — благополучно переправили через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дыру с двадцатицентовую монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

— Что стряслось? — спросил он.

— Дырка в ящике,— ответил Соренсен.— Может, попала морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

— Давай вскроем и поглядим,— кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загорелый брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена, которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

— Не спеши,— остановил его Соренсен.— Оттащим-ка сперва его в лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

— И то верно,— согласился Дрейк.— Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладоискатели сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры под кровом из оцинкованного железа — в нем они держали припасы. Сюда даже долетал

слабый ветерок с моря. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан — он сопровождал их и нес газеты — посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

— Не хотите промочить горло, капитан? — спросил Соренсен.— Вот только льда у нас нет.

— Не откажусь,— сказал капитан. Он не мог понять, что за сила гонит людей в такую забытую богом дыру в погоне за мифическими испанскими сокровищами.

Соренсен вынес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрыл ящик.

— Как на вид? — спросил Соренсен.

— Нормально,— ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор.— Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

— В чем дело? — спросил Соренсен.

— Похоже, скорпион,— сказал капитан.— Выполз прямо из вашего ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

— Повторить? — предложил он.

— И хочется, да нельзя,— вздохнул капитан.— Пора отчаливать. У вас все здоровы?

— Пока что все,— ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил: — Если не считать запущенных случаев золотой лихорадки.

— Здесь вам ни в жизнь золота не найти,— убежденно произнес капитан.— Через полгодика загляну вас проведать. Удачи!

Обменявшись рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

— Ну,— сказал Дрейк,— вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, и снова одни.

— Тебе не кажется, что он что-то почуял? — спросил Соренсен.

— Уверен, что нет. Мы для него — безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пятьдесят тысяч долларов. Их откопали в джунглях, пере-

несли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила часть сокровищ со «Святой Терезы», и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие золота бродяги от Перта до Папеэте все как один ринутся на Вуану.

— Скоро и ребята придут,— сказал Дрейк.— Поставим мясо тушиться.

— Самое время,— ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился: — Странно.

— Что странно?

— Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.

— Значит, капитан промазал,— сказал Дрейк.— А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за забота?

— Да в общем никакой,— согласился Соренсен.

2

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного — и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то зашуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами. Он не умел располагать к себе и понимал, как ему повезло, что его взяли в экспедицию. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Не меньшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радистом и вообще мастером на все руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, это теперь уже не считалось. Вот если б найти какой-нибудь способ...

В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на лагерной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встречи с людьми.

— Шла бы ты себе домой,— посоветовал Икинс мыши.

Мышь уставилась на Икинса. Икинс уставился на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

— Пока, мышенция,— сказал Икинс,— некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо и повернулся, чтобы идти. Поворачиваясь, он краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

— Ты что, спятила? — осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

— А ну, вали отсюда к чертовой матери,— сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготовилась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрепя сердце осторожно добил.

— Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле,— произнес он. Но мышь не походила на бешеную — она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью — такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил ему впредь ходить с ружьем — на случай, если мышиная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопали лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

— Видимо, детектор наврал,— сказал, устало вытирая лицо, Кейбл, дородный человек с младенчески-розоватой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил тропический лишай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного — поско-

рей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

— С детектором все в порядке,— возразил Соренсен.— Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

— Можно подумать, на все сто футов,— отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

— Что ты,— сказал Соренсен,— под нами базальтовая скала, а до нее самое большее двадцать футов.

— Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

— Пришлось бы выложить круглую сумму,— примирительно ответил Соренсен.— Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная, безобразного вида птица.

— Это что еще за диковина? — спросил Кейбл.

— Казуар.

— Ну так наподдадим ему, чтоб не торчал на дороге, и пойдем себе.

— Полегче,— предупредил Соренсен.— Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались внушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-зелено-фиолетовая бородка.

— Он опасный? — спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

— На Новой Гвинее эти птицы, случалось, насмерть забивали аборигенов.

— Почему мы до сих пор его не видали?

— Обычно они очень робкие,— объяснил Соренсен,— и держатся от людей подальше.

— Этого-то робким не назовешь,— сказала Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу.— Мы сможем удрать?

— Они бегают много быстрей,— ответил Соренсен.— Ружья ты с собой, конечно, не взял?

— Конечно, нет. Кого тут стрелять?

Пятясь, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах хрустнуло, и появился муравьед. Следом вылезла

дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

— Они нас гонят,— голос Кейбла сорвался на визг.

— Спокойнее,— сказал Соренсен.— Остерегаться нужно одного казуара.

— А муравьеды опасны?

— Только для муравьев.

— Черта с два,— сказал Кейбл.— Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

— Помню,— ответил Соренсен. Они отступили до конца вырубки. Спереди напирали звери во главе с казуаром, за спиной были джунгли и то неизвестное, к которому их оттесняли.

— Придется рискнуть и пойти на прорыв,— сказал Соренсен.

— Проклятая птица загородила дорогу.

— Придется ее сбить,— решил Соренсен.— Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, не в силах выбрать, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плашмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем снес казуару голову. Тут на него накинулись муравьед и свинья. От них он отбился лопатой. Затем — и откуда только силы взялись? — наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

— Где Дрейк? — спросил Соренсен.

— На той стороне, удит рыбу на северном берегу,— ответил Том Рисетич.— Сбегать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

— Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись. Затем раздадим оружие. А уж затем попробуем найти Дрейка.

— Послушай, что у нас тут происходит? — спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправился на ловлю с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и нахальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удил на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным существом неопределенной породы — отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

— Не лезь к крабам,— крикнул Дрейк,— доиграешься: снова клешни отведаешь.

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

— Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко взлаял. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрала в заросли.

— Тихо, старина,— сказал Дрейк.— Смотри, какая скверная ранка! В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскроем.

Он крепко обнял пса — тот часто и быстро дышал — и извлек кортик. Однажды ему уже приходилось оперировать Оро — в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикобраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

— Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно нажал и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Высвободив руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

— Стоять! — крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что «скорпион» снова вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем пес носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на «скорпиона».

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в «скорпиона», но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду.

Дрейк ринулся к океану. Оро попытался ему помешать, но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уповая, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

3

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы, извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Раздали патроны. Мигом разобрали все имевшиеся мачете и топоры. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собрались идти искать Дрейка, но тут он сам выплыл из-за мыса, неутомимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невредимый. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

— Уж не хочешь ли ты сказать,— вопросил Кейбл,— что все это вытворяет какая-то *букашка?*

— Похоже на то,— ответил Соренсен.— Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием — с помощью там гипноза или, может быть, телепатии.

— Сперва ему нужно ужалить,— добавил Дрейк.— С Оро так и случилось.

— У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион,— сказал Рисетич.

— Это не скорпион,— возразил Дрейк.— Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и тельце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такого не доводилось встречать.

— Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? — спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

— Вряд ли,— ответил Дрейк.— Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

— Верно,— сказал Соренсен.— Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то эт... Постойте!

— Что такое? — спросил Дрейк.

— Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

— Вполне возможно. Но, по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

— Она управляет зверьем,— сказал Бирнс.— Интересно, а человеком она сможет управлять?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или «скорпиона».

Соренсен произнес:

— Имеет смысл попросить по радио о помощи.

— Если попросим,— сказал Рисетич,— кто-нибудь мигом разнюхает про сокровища «Святой Терезы». Нас обставят — чихнуть не успеем.

— Возможно,— ответил Соренсен.— Но и на самый худой конец наши затраты окупились, набегает даже маленькая прибыль.

— А если нам не помогут,— добавил Дрейк,— мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

— Не так уж все страшно,— возразил Бирнс.— У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

— Ты еще этой твари не видел,— заметил Дрейк.

— Мы ее раздавим.

— Это не так-то легко,— сказал Дрейк.— Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых — они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

— М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

— Ладно, ребята,— сказал, поднимаясь, Бирнс,— я так понимаю, что это по моей части. Дай бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

— Туда идти опасно,— сказал Дрейк.— Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

— Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

— Я смогу,— заявил Дрейк.

— Ты не обижайся,— сказал Икинс,— но ты не сладишь даже с этой твоей дерьмовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь — как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

— Нет,— ответил Дрейк.— Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

— Как ни крути, а самое безопасное — если вы прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав бар-

кас, столкнул в воду маленькую надувную лодку. Кладоискатели разошлись по берегу с винтовками на изготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные воды лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту помедлил, оглядываясь по сторонам, затем взобрался на борт, дернул крышку люка и исчез внизу.

— Все в порядке? — осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

— Пока что да,— ответил Икинс; голос его звучал тонко и резко.— Включаю передатчик. Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

— Погляди-ка.

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

— Стреляйте! — скомандовал Соренсен.— Икинс, выбирайся оттуда!

— У меня заработал передатчик,— ответил Икинс.— Минута-другая — и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две уцелевшие успели доплыть до кеча и укрыться за ним. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья — за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

— Икинс, ты отправил сообщение? — спросил Соренсен.

— Нет, Билл,— отозвался Икинс.— И послушай, никаких сообщений *не надо!* Этому «скорпиону» нужно...

Звук оборвался.

— Что там у тебя? — крикнул Соренсен.— Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

— Раки-отшельники,— объяснил он,— взобрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

— Не стоит,— сказал Соренсен.

— Придется,— возразил Икинс.— По-моему, они припустят за мной. А вы все плывите сюда и *заберите передатчик.* Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников — серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьедом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

— Живей,— бросил Соренсен.— Не знаю, что там выяснил Икинс, но, пока есть возможность, надо захватить передатчик.

Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти что настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к себе аппарат.

— Икинс,— позвал Соренсен.

— У меня все в порядке,— ответил тот, с трудом переводя дыхание.— Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы!

Кладоискатели поднялись на кеч, поспешно отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Подумал — и спустился еще раз.

— Дрейк! — заорал Соренсен.— Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

— Порядок,— сказал он.— Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

— Меня окружили,— сообщил тот вполголоса.— Похоже, мне таки доведется узнать, что нужно мистеру «скорпиону». Правда, может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

— Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул — скорее от удивления, чем от боли. Соренсен спросил:

— Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

— Он и *вправду* верткий,— отозвался Икинс своим обычным голосом.— Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Соренсен.

— Хорошо. Было почти не больно.

— Где «скорпион»?

— Удрал в заросли.

— А звери?

— Ушли. Знаешь,— сказал Икинс,— может, людей эта тварь не берет. Может...

— Что? — спросил Соренсен.— Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий спокойный голос Икинса:

— Мы поговорим позднее. А сейчас нам нужно посовещаться и решить, что с вами делать.

— Икинс!

Ответа не последовало.

4

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а размышлять на эту тему никому не хотелось. С неба било злое послеполуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились; казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя сонную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им оборонять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны — хижин и сарая для копры. Далее — берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой ненадежной полоске берега.

Через плечо Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж насядет со своим проклятым зверинцем, они смогут удрать на кече. Если повезет.

Подошел Соренсен и присел рядом.

— Что поделываешь? — спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

— Разрабатываю генеральный стратегический план.

— Ну и как?

— Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с ост-

рова.— Дрейк на минуту задумался.— Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул:

— Хотел бы я узнать, что ей нужно.

— Может, узнаем от Икинса,— заметил Дрейк.

Пришлось подождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно резко:

— Соренсен? Дрейк?

— Слушаем,— отозвался Дрейк.— Что тебе сделала эта проклятая тварь?

— Ничего,— ответил Икинс.— Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

— Господи,— обратился Дрейк к Соренсену,— видно, «скорпион» его загипнотизировал.

— Нет. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом — его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

— Я что-то не пойму,— сказал Дрейк.

— Это очень просто,— ответил голос Икинса.— Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

— Погоди,— перебил Соренсен,— я хочу разобраться. Значит, я сейчас разговариваю *не* с Икинсом. Я разговариваю — как это — с Квидаком?

— Правильно.

— И вы — это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

— Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальности стираются. Совсем наоборот. Квидак — это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак — координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки — все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

— Сообщество? — переспросил Дрейк.— Но вы же добиваетесь этого принуждением!

— На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают *про* Великое Сообщество?

— А они в нем останутся, если вы отключите контроль? — спросил Дрейк.

— Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и неделимую совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

— Это не одно и то же.

— Одно и то же,— произнес голос Икинса.— Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

— К чертовой матери! — отрезал Дрейк.

— Но вы просто обязаны влиться,— настаивал Квидак.— Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый совокупный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

— Нет!

— Жаль,— произнес Квидак.— Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

— Ни за что! — ответил Дрейк.

— В таком случае мы сольемся с *вами,*— сказал Квидак.

Раздался щелчок — он выключил устройство.

Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их не могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

— Открывайте огонь,— скомандовал Дрейк,— но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс, да еще на фоне серовато-коричневой почвы, было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая недюжинную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

— Гнусный предатель,— сказал Кейбл, ловя его на мушку.

Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

— Не смей!

— Но ведь он помогает этой твари!

— От него это не зависит,— сказал Соренсен.— К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях. Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии прицеливаться стало легче, и рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

— А знаешь,— сказал Дрейк,— мне кажется, мы выкрутимся.

— Возможно,— ответил Соренсен.— Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

— Глядите! — крикнул кто-то из обороняющихся.— Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл к кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось — сперва легко, потом крепче и через минуту, резко накренившись, прочно засело в кораллах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли. Квидак сообщил:

— Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

— Черта с два,— огрызнулся Дрейк.— А если в нем, чего доброго, пробило сквозную дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

— В свое время я непременно отбуду,— сказал Квидак.— И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли все вместе.

5

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро обедали в сарае для копры. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

— На ночь придется всех загнать в сарай,— сказал Дрейк.— Рисковать слишком опасно — в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

— А утром разработаем какой-нибудь план,— продолжал Дрейк.— Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

— По-твоему, у нас есть какие-то шансы? — спросил Соренсен.

— А как же! Отличные шансы.

— Ты рассуждай практически,— сказал Соренсен.— Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

— Выследить его и убить.

— Проклятая тварь не крупней твоего большого пальца,— раздраженно возразил Соренсен.— Как прикажешь его выслеживать?

— Что-нибудь да придумаем,— сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

— Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу,— сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

— Мне она тоже на нервы действует,— признался Дрейк.— Может, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

— Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

— Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуану, нам нужна...

— Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! — оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

— Прошу по радио о помощи — вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но они мне еще не ответили.

Он повертел ручку настройки, и из приемника прозвучал скучающий голос с английским акцентом:

— Значит, пешка d2-d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

— Твой ход. Заткнись и ходи.

— Хожу, хожу,— произнес голос с английским акцентом.— Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители — плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир — поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

— Внимание,— произнес он,— вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

— Мы не можем просить о помощи,— сказал он.

— Что ты мелешь? — закричал Кейбл.— Мы должны просить!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

— Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

— А мы объясним им, что происходит,— возразил Кейбл.

— *Объясним? Что именно?* Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

— Дэн прав,— сказал Соренсен.— В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

— А к тому времени,— добавил Дрейк,— будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

— Тогда зачем он сказал, чтоб забрали передатчик?

— Затем, чтобы он не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомутает,— ответил Дрейк.— Чем больше народа кругом, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь у него передатчик, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

— Да, так оно вроде и выходит,— безнадежно признал Кейбл.— Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

— Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова — конец Земле-матушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьего сообщества.

— Так или иначе, а помощь нам нужна,— стоял на своем Кейбл.— Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

— Не выйдет,— отрезал Дрейк.— К тому же если б и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

— Почему?

— Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

— А принимает нормально,— возразил Кейбл.

Дрейк проверил, все ли включено.

— Приемник в порядке. Но, видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место.

Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем и плантатором с Бугенвиля.

— Пешка с4.

— Пешка е6.

— Конь с3.

Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова помехи тремя отчетливыми очередями.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Соренсен.

Дрейк пожал плечами:

— Может быть все, что угодно. Собирается шторм и...

Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.

— Любопытно,— сказал он.— Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.

— Видел,— ответил Соренсен.— Думаешь, это не случайно?

— Не знаю. Нужно проверить.

Дрейк вытащил бинокль, прибавил в динамике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, который происходил за три-четыре сотни миль от острова:

— Ну, давай ходи!

— Дай же подумать минуту.

— Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...

Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шажком вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно — как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне про-

тивника. Свиньи остановились — помехи кончились. Караульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и под треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять — райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.

Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.

— Точно,— сказал он.— Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.

— По-твоему, он управляет ими по радио? — спросил Соренсен.

— Похоже на то,— ответил Дрейк.— Либо впрямую по радио, либо посылает приказы на длине радиоволн.

— В таком случае,— сказал Соренсен,— и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?

— Конечно. Ну и что?

— А то,— пояснил Соренсен,— что его можно запеленговать.

Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернул рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернул мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

— Ну как? — поинтересовался Соренсен.— Это Квидак?

— Должен быть он,— ответил Дрейк.— Я засек твердый нуль почти точно на юге. Он прямо перед нами, в джунглях.

— А это не отраженный сигнал?

— Я взял контрольный пеленг.

— Может, это какая-нибудь радиостанция?

— Исключено. Следующая станция прямо на юге — Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многовато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

— Стало быть, у нас есть способ его обнаружить,— сказал Соренсен.— Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами.

— И расстанутся с жизнью,— закончил Дрейк.— Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрей. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

— Выходит, это нам ничего не дает,— сказал Соренсен с убитым видом.

— Дает, и много,— возразил Дрейк.— Теперь у нас появилась надежда.

— То есть?

— Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

— Ты уверен?

— Уверен? Конечно, нет. Но я знаю, что две радиостанции в одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

— Понимаю,— сказал Соренсен.— Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверьем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

— Хороший план,— сказал Дрейк,— но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи — глушения.

— Ты сумеешь его починить? — спросил Соренсен.

— Попробую,— ответил Дрейк.— Но особенно не надейся. Всеми радиоделами в экспедиции заведовал Икинс.

— У нас есть запчасти,— сказал Соренсен.— Лампы, инструкции...

— Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени намерен нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозовых туч и растворились в коротких тропических сумерках.

Кладоискатели принялись укреплять на ночь дверь и окна сарая.

6

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были, скорее всего, конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил рацию и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы — одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли рация достаточно питания?

Он выключил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцо-

вые колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошептал льстивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятием выключил его в очередной раз.

Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запчастей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае — заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха — в противном случае кладоискатели просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых.

Через плоскую крышу из оцинкованного железа ничто не могло проникнуть, но земляной пол, хоть и был хорошо утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно — не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на ночь, которая обещала быть долгой. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство.

Соренсен ответил на вызов:

— Что вам нужно?

— Мне нужно,— произнес Квидак голосом Икинса,— чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

— Мы не хотим с вами сливаться,— сказал Соренсен.

— Вы должны,— заявил Квидак.

— Вы собираетесь нас заставить?

— Это сопряжено с трудностями,— ответил Квидак.— Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс — замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергаться опасности — это поставит под угрозу высшую цель Квидака.

— Получается тупик,— заметил Соренсен.

— Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

— Мне бы *не хотелось* вас убивать,— продолжал Квидак.— Но все решает высшая цель Квидака, а она подвергнется рис-

ку, если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы или вольетесь, или будете ликвидированы.

— Мне это видится по-другому,— сказал Соренсен.— Если вы нас убьете — допустим, вы в состоянии нас убить,— вам ни за что не выбраться с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

— Отплывать на кече нет никакой необходимости,— возразил Квидак.— Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

— Вы нас запугиваете,— сказал Соренсен.— С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получилось.

Он поймал взгляд Дрейка и показал на рацию.

Дрейк развел руками и вернулся к работе.

— Днем я и не пытался,— сказал Квидак.— Я займусь этим ночью. Этой ночью — чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, или я убью одного из вас.

— Одного из нас?

— Да. Одного человека. Через час — другого. Возможно, это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, к утру все вы погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

— Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

— Нам бы хотелось побольше узнать о Сообществе Квидака.

— Лучший способ узнать — это слиться.

— Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

— Это нельзя описать,— произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво.— Попытайтесь вообразить, что вы — это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее — и для вас тоже — так же ясен, как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень замедленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот — она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень от-

личается от мировосприятия животных, некогда обитавших на Марсе.

— А что случилось на Марсе потом? — спросил Соренсен.

— Все формы жизни погибли,— скорбно ответил Квидак.— Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до этого на всей планете долгие века царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все время падала: последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

— Потрясающе,— заметил Соренсен с иронией.

— Это был дефект расы,— поспешил возразить Квидак.— У более стойкой расы, такой, как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

— Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоедает цепляться за жизнь.

— Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими Сообщества Квидака.

— А править этим сообществом будет, разумеется, Квидак,— заметил Соренсен.— Как пирог ни режь, а начинка все та же.

— Вы судите о том, чего не знаете,— сказал Квидак.— Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик.

Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

— Работает,— сказал он.

В это мгновение что-то ударилось в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо посматривая на людей крохотными красными глазками.

— Забейте окно! — крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крылана. Дрейк остервенело от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаза, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, он должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыланов, а уцелевшие удрали в окно. Окна забили досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

— Есть надежда наладить? — спросил Соренсен.

— Ни малейшей,— ответил Дрейк.— Они выдрали все провода.

— Что же нам теперь делать?

— Не знаю.

Раздался голос Квидака:

— Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

— В таком случае,— произнес Квидак,— я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить.

7

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя углы в глубокой тени. Кладоискатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что напомнило Дрейка на сравнение со стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чуют, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

— Послушайте, может, попробовать это Сообщество Квидака? Может, оно не такое уж страшное, как...

— Заткнись! — отрезал Дрейк.

— Сами подумайте,— увещевал Кейбл,— это все-таки лучше, чем помирать, скажете нет?

— Пока никто еще не умирает,— возразил Дрейк.— Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

— Меня сейчас, кажется, вырвет,— сказал Кейбл.— Выпусти меня, Дэн.

— Блюй где стоишь,— посоветовал Дрейк.— И не забывай смотреть в оба.

— Нет у тебя права мне приказывать! — заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич припечатал его каблуком, растоптал в кашу тяжелым ботинком и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

— Плевать на ос! — крикнул Дрейк.— Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами. Бирнс заметил, что из-под двери вылезает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше — на голой икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел ранку и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с бесстрашием тигра.

Кладоискатели в ужасе заметалась, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Они уползали, отступая к крысиной норе, через которую проникли. Одна быстро проскользнула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на полдороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки. Дрейк отвел ствол:

— Постой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к ним.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

— В чем дело? — спросил Соренсен.— Они испугались грозы?

— Нет, вся хитрость в молнии! — ответил Дрейк.— Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

— Что ты хочешь сказать?

— Молния,— объяснил Дрейк.— Электрическая буря! Она глушит его радиокоманды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычными зверями и ведут себя как им и положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

— Буря когда-нибудь кончится,— сказал Кейбл.

— На наш век, может, и хватит,— сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену.— Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

— Эй,— позвал Рисетич,— а мне что делать?

— Можешь пойти поплавать, если мы через час не вернемся,— ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром грохотал не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и не остановились.

— Здесь мы разойдемся,— сказал Дрейк.— Так больше шансов сойтись на Квидаке.

— Верно,— согласился Соренсен.— Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой — фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей собственной злой жизнью, как будто ими заправлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Пеленгатор отзывался на разряд при каждой вспышке, так что Дрейк с большим трудом держался курса. Но Квидаку, конечно, достается еще и не так, напоминал он себе. В перерывах между разрядами молний Дрейк выверял пеленг. Чем глубже он забирался в джунгли, тем сильнее становился сигнал Квидака.

Через некоторое время он отметил, что промежутки между вспышками увеличиваются. Буря уносилась к северу. Сколько еще молний будут ему защитой? Десять, пятнадцать минут?

Он услышал поскуливание и повел фонариком. К нему приближался его пес Оро. Его ли? А может, Квидака?

— Давай, старина,— подбодрил Дрейк. Он подумал, не бросить ли пеленгатор, чтобы вытащить из-за пояса револьвер, но не знал, будет ли тот стрелять после такого ливня.

Оро подошел и лизнул ему руку. Его пес. По крайней мере пока не кончилась буря.

Они двинулись вместе. Гром переместился на север. Сигнал в пеленгаторе звучал во всю силу. Где-то тут...

Он увидел свет от другого фонарика. Навстречу ему вышел запыхавшийся Соренсен. В зарослях он порядком ободрался и поцарапался, но не потерял ни винтовки, ни пеленгатора с фонариком.

Оро яростно заскреб лапами перед кустом. Все озарилось долгой вспышкой, и они увидели Квидака.

В эти последние секунды до Дрейка дошло, что дождь кончился. Перестали сверкать и молнии. Он бросил пеленгатор. Наставив фонарик, он попытался взять на прицел Квидака, который зашевелился и прыгнул...

На шею Соренсену, точно под правой ключицей.

Соренсон вскинул и опустил руки. Он повернулся к Дрейку и, не дрогнув ни единым мускулом, поднял винтовку. У него был такой вид, словно убить Дрейка — единственная цель его жизни.

Дрейк выстрелил почти в упор. Пуля развернула Соренсена, и он упал, выронив винтовку.

Дрейк склонился над ним с револьвером наготове. Он понял, что не промахнулся. Пуля вошла как раз над правой ключицей. Рана была скверная. Но Квидаку, который оказался непосредственно на пути пули, пришлось много хуже. От него только и осталось, что с пяток черных капель на рубашке Соренсена.

Дрейк торопливо забинтовал Соренсена и взвалил на спину. Он спрашивал себя, как бы он поступил, очутись Квидак над сердцем Соренсена, или на горле, или на лбу.

Лучше не думать об этом, решил Дрейк.

Он двинулся назад в лагерь, и его пес затрусил с ним рядом.

Заяц

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон вос-

принял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто я хотел взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы на сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я.— Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль,— сказал я.— Прокатиться без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником,— проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие.— Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку,— докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц,— сказал я.— Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку; он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин,— сказал он.— Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати g, и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими как звезды.

Разочаровывать их приходится не кому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню,— сказал Франклин.— На Земле приходится поступать как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в наши дни, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах,— сказал я.

— Да, сэр,— ответил Франклин.— Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — на мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр,— пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия,— размышлял я вслух.— У нас бы нашлось местечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр,— ответил подавленный Франклин.— Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр,— сказал Франклин,— я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х,— героический фронтир для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтир. Это тупик.

— Франклин,— сказал я,— знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем,— возразил Франклин.— А уж как пообвыкну, я...

— Кроме того,— прервал его я,— знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничьи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли,— сказал я, поднимаясь с места.— Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр.— Заяц с трудом поднялся.— Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди, выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр.— Он поспешил ко мне.— Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и

сказать: «Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры.

Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин,— сказал я,— пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю,— еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрячут за решетку.

— Ну ладно, рассказывай все с самого начала,— простонал я.— Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр,— начал Франклин,— на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину,— гордо повторил Франклин.— Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай,— сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все,— заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же,— со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку,— сказал Франклин.— Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высморкался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин.— Я могу объяснить...

— Ни слова больше,— рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего, у тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно,— сказал я и поспешно ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли,— сказал он,— тебе же известны правила.

— Конечно,— промямлил я.— Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно,— сказал директор.— Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю,— перебил я.— Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны,— заметил директор.

— Ну, ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли,— спокойно сказал директор,— вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском Строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято.

Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос.— Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званых и мало избранных,— задумчиво проговорил директор.— Людям нужен новый фронтир. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно,— сказал я.— Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеотик Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудины? — спросил я.

— Капитана нет,— ответил Кларксон.— Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет,— сказал Кларксон.— Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода,— догадался я.

— Разумеется, нет!

— И защиты от радиации?

— Безусловно!

— И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

— И наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти g?

— Конечно,— подтвердил Кларксон.— Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек не способен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин,— сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

— Нет, сэр,— ответил он.— Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае,— проговорил я очень медленно,— как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли,— сказал он,— но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр,— сказал Франклин.— Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, по-настоящему увидеть,— и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто,— ответил Франклин.— Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Неизвестно, долго ли еще я бы нес околесицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно,— обрадовался я.— Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр,— сказала она.— Я... я подслушивала.

Абсолютное оружие

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел — он мечтал о куче денег, которые они получат, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

— Ты знаешь, куда нам надо идти? — спросил он Парка зловеще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

— Куда мы идем, тебя спрашивают? — повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

— Пулю ему в голову,— решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Эдсель,— умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними,— не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! — От этой мысли глаза маленького человечка загорелись.— Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от леденящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

— Извините меня,— сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то,— это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов,— рассуждал про себя Эдсель,— убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

— Дайте-ка я ее высажу,— сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где грудами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письмена рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попалось под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

— Не стреляй! — испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился.— Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

— Неплохо,— заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

— Ну хватит, Эдсель,— умоляюще сказал Факсон,— нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

— Заткнись,— бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

— Не стреляй больше,— продолжал просить Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

— Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу,— продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

— Хороша штучка! — Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

— Пора собираться,— сказал Факсон, направляясь к двери.

— Собираться? Куда? — медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умещавшийся в ладони.

— Назад, в космопорт,— ответил Факсон,— домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство даст миллионы.

— А я передумал,— задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудами оружия, но ни к чему не прикасался.

— Послушай-ка, парень,— злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза,— в конце концов, я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать...— Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот.— Ты что задумал? — пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

— Ни черта я не собираюсь продавать,— заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих.— Я ведь и сам могу использовать эти штуки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

— Дома я раздам оружие своим ребятам. С ними мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся сколько захотим.

— Ну, хорошо,— упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета.— Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

— Пожалуйста,— ответил Эдсель.

— Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать,— быстро проговорил Факсон,— я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

— Конечно,— сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

— Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости,— сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться.— Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

— Может быть.

— Ну и отлично. Желаю тебе удачи,— Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звука не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эдсель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на земле остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Этот луч пройдет сквозь что угодно,— спокойно заметил Парк,— полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

— Давай-ка попробуем это,— сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное ружье, остановился.

— Я занят, не видишь, что ли?

— Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

— Попробуй-ка пробить ее из бластера,— сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен голубой стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

— Сдается мне,— тихо произнес Парк,— что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

— А знаешь что? — сказал вдруг Эдсель.— Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

— Спасибо,— ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

— Ты не сердишься, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительству.

— Наоборот, я одобряю.

— Уверен, что ты парень что надо. Ты бы мог меня убить, когда я стрелял в Факсона.— Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

— А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? — спросил Эдсель, расплывшись в улыбке.— Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

— Я за,— ответил Парк,— считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

— С этим все довольно ясно,— продолжал Парк,— варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианском языке.

— Что тут написано? — спросил Эдсель.

— Что-то насчет абсолютного оружия,— ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка,— предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем было три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом — блестящий шлем, а за ним — небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

— Это что — усыпальница? — прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно он повернул стрелку на одно деление.

— Как ты думаешь, что они должны делать? — спросил он Парка.— Ты думаешь...

Оба они вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

— Господин, ваши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

— Как вам удалось остаться живыми столько лет? — спросил Парк.— Вы марсиане?

— Мы слуги марсиан.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были телепатами.

— Мы Синтеты, господин.

— Кому вы подчиняетесь?

— Активатору, господин,— Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках.

— Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание — служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

— Веди нас в бой, господин...

— Можете не беспокоиться,— сказал Эдсель, придя наконец в себя.— Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

— А что обозначают остальные деления на циферблате? — спросил Эдсель. Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

— Может быть, они активируют других Синтетов,— сказал Парк.— Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

— И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

— Усыпи их и давай продумаем план действий,— сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул рычаг назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

— Пойдем назад.

— Ты, пожалуй, прав.

— И захвати с собой все это,— сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

— Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами...— он засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

— Я генерал! — крикнул Эдсель и надел шлем на голову.— Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

«...проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть — это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!»

— Кто это говорит? Ты, Парк? А? — Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

«Что за идиот! — подумал про себя Парк, надевая шлем.— Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве». Он обернулся и посмотрел на пещеру.

«С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир». Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

«Что бы это могло означать?» — подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

— Ну,— сказал он самому себе,— давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане,— и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар пошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

— Хо-хо? — сказал рот.— Протоплазма! — Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

— Спокойная протоплазма,— сказало чудовище, пожирая тело Эдселя,— мне нравится спокойная протоплазма,— и чудовище заглотило тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

— Долго же я ждал! — сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

— Сгинь, исчезни! — завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

— Мне нравится спокойная протоплазма,— сказало Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком,— но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

Земля, воздух, огонь и вода

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонквина» не составляла исключения. Джим Рэделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг

прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Я не нуждаюсь в крючьях! — гремело радио.— Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к черту с моей волны!

— А что же мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространстве поблизости от Земли.

Радио громыхало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонквин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог заняться чтением или вздремнуть.

Перед Рэделлом стояли две задачи. Первая была разыскать корабль-автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет пять назад. На нем была установлена записывающая аппаратура. Рэделл должен был ее снять и доставить на Землю.

«Элгонквин» шел по спирали к холодной, овеянной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля-автомата. Корма корабля раскалилась докрасна, когда «Элгонквин», теряя скорость, пробился через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзами, переворачивался для посадки. И наконец он мягко опустился на поверхность планеты.

— Совсем неплохо, малыш,— похвалил Рэделл корабль. Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму. Приборы показывали, что корабль-автомат находился в двух с половиной милях, так что отягощать себя провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

— Наверно, еще успею послушать спортивную передачу,— сказал Рэделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэделла.

Человек пробивался в космос. Конечно, в масштабах Вселенной это были первые шаги. И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю. Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим. Сегодня, зако-

ванный в сталь, на добела раскаленных ракетах, он достиг Луны, Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете. Первые образцы костюма, который был на Рэделле, прошли различные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно. Теперь оставалось последнее — испытание в естественной обстановке.

— Подожди здесь, малыш,— сказал Рэделл кораблю. Он выбрался, через последний люк и спустился по трепу «Элгонквина», облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, когда-либо изобретенный человеком.

Рэделл пошел путем, которым его вел радиокомпас, шагать было легко по неглубокому снегу. Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений. Больше он не заметил никакой жизни.

Рэделл включил радио — думал услышать, как сыграла главная бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег. Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье — в костюм холодный воздух проникнуть не мог. Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэделл не должен был дышать воздухом планеты. Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданном человеком собственном мире. Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

По мере продвижения вперед снег становился все глубже. Рэделл оглянулся. Корабля уже почти не было видно в серых сумерках, идти было очень трудно.

«Если здесь будет колония,— сказал он себе,— ни за что не поселюсь».

Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы. Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли это вообще. Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыча песенку, которую, как ему казалось, он слушал,— мысли у него были о чем угодно, только не о Венере,— и прошел так больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг разгулялась настоящая вьюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме. Причин для беспокойства не было. В чудодейственном костюме ему ничего не грозило. Вой ветра доходил до него слабыми отголосками. Ледяная крупа в бессильной злобе билась о пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэделл заметил, что скорость ветра необычно возросла. Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

«Черта с два,— успокаивал себя Рэделл,— костюм ничего не пропустит».

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он выбрался, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ничего опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь совершить прогулку в самом усовершенствованном и дорогом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Теперь ему казалось, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись, он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно — плотная снеговая завеса падала с тускло-серого неба. За полчаса он прошел ярдов десять.

Рэделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

— Говорит «Элгонквин»,— повторял он,— вызываю Объединенную Электрическую.

— Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

— Стану я врать? Он сломал руку...

— ...И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

— Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

— Говорит «Элгонквин»...

— Эй, контроль, пропустите меня — я с овощами.

— Срочно, вне очереди,— взывал Рэделл.— Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэделл опустился на снег и стал ждать инструкции. Еще и снегопад на голову! Он что им, эскимос, такое терпеть? Объеди-

ненная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

Костюм окутывало теплом, и Рэделл старался не вспоминать о пище и воде. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

Проснувшись через несколько часов, Рэделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства космического костюма.

Он поднялся, в горле у него пересохло; жаль, что не додумался взять с собой чего-нибудь поесть. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройти-то было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй, они подойдут.

Рэделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом корабле, они там так же бесполезны, как копье или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах — может, найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не было, кроме потрепанного экземпляра «Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 гросс-тонн». Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки-молнии как пилкой. На растении появился надрез, а внутрь костюма ворвался морозный воздух. Рэделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы «молнии» затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэделл. Он расстегнул «молнию» на рукаве и продолжал работать. В конце концов он напилил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Оставалось застегнуть костюм, но это оказалось совсем не простым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэделл с трудом застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь —

за лыжи. Стебли гнулись легко, но с такой же легкостью разгибались, а связать их было нечем.

— Дурацкое положение,— сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки — ничего такого.

«Что же делать?» — спросил он себя.

— Никогда еще нигде так не принимали,— сказал кто-то по радио.

— «Элгонквин» вызывает Землю,— яростно в тысячный раз прохрипел Рэделл.

— Алло, Марс?

— Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин»...

— Может быть, это солнечная корона.

— Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

— Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался...

— Говорит «Элгонквин»! — надрывался Рэделл.

— Рэделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

— Говорит Луна-2...

— Придержите язык хоть на минуту, Луна! — взмолился Рэделл.— Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио размеренно урчало. Рэделл снова взялся за лыжи. Стебли нужно связать. Оставался один выход — использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерывно, он мерз. Повредить обогреватель — значит остаться один на один с холодом Венеры.

«Да, придется пожертвовать радио»,— решил он.

— Вы ведь скажете ей, правда? — внезапно проговорило радио.— А в мой следующий отпуск...— И снова умолкло.

Рэделл понял, что не сможет без радио, без его голоса, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэделл не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающе гудело из приемника. К тому же, если с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он предполагал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно.

После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы рук и ног одеревенели от холода, руки и ступни занемели. Но больно не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэделл решил немного вздремнуть, а потом опять взяться за работу.

— Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин». Отвечайте, «Элгонквин». Что случилось?

— Лыжи. Не могу добраться до корабля,— бормотал Рэделл в полусне.

— Что стряслось, Рэделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

— Корабль в порядке.

— Костюм! Подвел костюм?

— Нет...— вяло бормотал Рэделл сквозь сон. Он и сам не понимал, что же произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще недавно Рэделл был облачен в сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

— Не могу объяснить. Только заберите меня отсюда,— сказал Рэделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и дано строить небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Так просто он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах и рубашке. Потом он протоптал снег до земли — и получилась защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листков из потрепанных «Правил». Поднес горящую спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэделл набрал снегу в шлем и поднес поближе к огню. Теперь у него будет и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь уже угасал.

Рэделл швырнул в костер все оставшиеся стебли.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжу, то и этого хватит не надолго.

— Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она мне сказала? Она сказала...

— Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

— Слышу. Когда он будет здесь? — спросил Рэделл.

— Вы нас слышите, Рэделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

— Я слышу вас. Когда придет корабль...

— Мы вас не слышим. Считаем, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме растаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоптал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затухающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только беда в том, что Венера заставила его вылезти из костюма.

Ветер продолжал реветь над головой, не касаясь Рэделла в его укрытии. От костра оставался лишь крошечный язычок пламени. Рэделл в тревоге озирался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

— Держись, старина. Мы близко. Всего семь с половиной часов! Сожгли все горючее. Да не беда. Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде «Элгонквина».

— Ты слышишь нас, парень? Ты жив? Мы уже почти сели.

Корабль сел совсем рядом с «Элгонквином». Трое выбрались из него и спрыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

— Да, он был прав насчет лыж, верно?

Они стояли все вместе и внимательно вглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

— Радио у него еще работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный — их вел радиокомпас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно, там он его и бросил.

Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.

Их внимание привлек разодранный космический костюм на снегу.

Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогого космического костюма из когда-либо созданных человеком.

Похмелье

Пирсен медленно и неохотно приходил в себя. Он лежал на спине, крепко зажмурившись, и старался оттянуть неизбежное пробуждение. Но сознание вернулось, и он тут же обрел способность чувствовать. Глаза пронзили тонкие иголочки боли, и в затылке что-то забухало, как огромное сердце. Все суставы горели огнем, а внутренности так и выворачивало наизнанку.

Пирсен уныло констатировал, что похмелье, которое его скрутило, несомненно, было королем и повелителем всех похмелий.

Он недурно разбирался в таких вещах. В свое время он изведал чуть ли не все разновидности: его мутило от спиртного, снедала тоска после минискаретте, терзала утроенная боль в суставах после склити. Но то, что он испытывал сейчас, включало в себя все эти прелести в усиленном виде и было сдобрено к тому же чувством отрешенности, знакомым любителям героина.

Что же такое он пил вчера? И где? Пирсен попытался вспомнить, но минувший вечер был неотличим от множества других подобных вечеров. Что ж, придется, как обычно, восстанавливать все по кусочкам.

Но прежде нужно взять себя в руки и сделать то, что полагается. Открыть глаза, встать с постели и мужественно добраться

до аптечки. Там на средней полке лежит гипосульфит дихлорала, который поможет ему очухаться.

Пирсен открыл глаза и начал слезать с кровати. Тут вдруг он понял, что лежит не на кровати.

Вокруг была высокая трава, над ним сверкало ослепительно светлое небо, и в воздухе пахло прелой листвой.

Пирсен со стоном закрыл глаза. Только этого ему не хватало. Здорово же, видно, нагрузился он вчера. Даже до дому не дошел. А возвращался, должно быть, через Центральный парк. Похоже, что придется взять такси и уж как-нибудь доскрипеть, пока его не доставят на квартиру.

Сделав мощное усилие, Пирсен открыл глаза и поднялся.

Он стоял в высокой траве. Вокруг, насколько глаз хватало, высились исполинские деревья с оранжевыми стволами, оплетенными зелеными и пурпурными лианами, иные из которых были не тоньше человеческого туловища. Под деревьями буйно разрослись, образуя непроходимую чащобу, папоротники, кустарник, ядовитые зеленые орхидеи, ползучие черные стебли и множество неведомых растений зловещего вида и цвета. В зарослях попискивала и стрекотала разная мелкая живность, а издали доносился рык какого-то большого зверя.

— Нет, это не Центральный парк,— смекнул Пирсен.

Он огляделся, прикрыв глаза от нестерпимого блеска солнечного неба.

— Пожалуй, я даже не на Земле,— добавил он.

Пирсен был удивлен и восхищен собственным хладнокровием. Неторопливо опустившись на траву, он попытался оценить обстановку.

Итак, его имя Уолтер Хилл Пирсен. Возраст — тридцать два года, место жительства — город Нью-Йорк. Он полномочный избиратель, нигде не работает, ибо в этом нет необходимости, и сравнительно недурно обеспечен. Накануне вечером в четверть восьмого он вышел из дому, собираясь повеселиться. Это намерение он, несомненно, осуществил.

Да, повеселился он как следует. А вот когда, в какой момент он впал в беспамятство, этого он, хоть убей, не помнил. Но очнулся он почему-то не дома в постели и даже не в Центральном парке, а в густых зловонных джунглях. Мало того, он был убежден, что находится не на Земле.

Пожалуй, все именно так. Пирсен обвел взглядом огромные оранжевые деревья, увитые зелеными и пурпурными лианами и залитые ослепительно белым потоком света. Истина постепенно вырисовывалась в его затуманенном мозгу.

Вскрикнув от ужаса, он закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда он очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, только во рту остался неприятный вкус, да голова соображала туго. Пирсен тут же окончательно решил прекратить все пьянки; хватит — ему и так уже мерещатся оранжевые деревья и пурпурные лианы.

Полностью протрезвившийся, он открыл глаза и снова увидел все те же странные джунгли.

— Ну! — крикнул он.— Что за чертовня?

Немедленного ответа не последовало. Потом за деревьями вовсю загомонили невидимые обитатели джунглей и постепенно стихли.

Пирсен неуверенно встал и прислонился к дереву. Он както сразу выдохся, даже удивляться не было сил. Значит, он в джунглях. Ладно. А зачем он здесь?

Совершенно непонятно. Должно быть, накануне вечером случилось нечто необыкновенное. Но что? Пирсен старательно стал вспоминать.

Из дома он вышел в четверть восьмого и направился...

Вдруг он резко обернулся. Кто-то тихонько двигался через подлесок, приближаясь к нему. Пирсен замер. Сердце гулко стучало у него в груди. Неведомое существо подкрадывалось все ближе, сопя и чуть слышно постанывая. Но вот кусты раздвинулись, и Пирсен увидел его.

Это было черное с синим отливом животное, очертаниями похожее на торпеду или акулу. Его обтекаемое туловище имело около десяти футов в длину и передвигалось на четырех рядах коротких толстых ножек. Ни глаз, ни ушей на голове у него не было, только длинные усики колыхались над покатым лбом. Существо разинуло широкую пасть, где рядами торчали желтые зубы.

Негромко подвывая, оно направлялось к Пирсену. И хотя тому никогда и не снилось, что на свете могут быть такие твари, он не стал раздумывать, не померещилась ли она ему. Повернувшись, Пирсен бросился в подлесок. Минут пятнадцать он мчался во весь дух и, только вконец запыхавшись, остановился.

Черно-синяя тварь стонала где-то далеко позади, пробираясь вслед за ним.

Пирсен двинулся дальше, теперь уже шагом. Судя по стонам, тварюга не отличалась проворством. Бежать было совсем не обязательно. Но что произойдет, когда он остановится? Что она там замышляет? Умеет ли она взбираться на деревья?

Пирсен решил пока не думать о таких вещах.

Прежде всего необходимо было вспомнить главное: как он попал сюда? Что с ним произошло накануне вечером?

Он стал припоминать.

Прошвырнуться он вышел в четверть восьмого. Было пасмурно, слегка моросил реденький дождик, разумеется нисколько не тревоживший нью-йоркцев, которые очень любили гулять в такую погоду и специально заказали ее на вечер городскому климатологу.

Пирсен продефилировал по Пятой авеню, разглядывая витрины и отмечая про себя дни бесплатных распродаж. Так-так, значит в универсальном магазине Бэмлера бесплатная распродажа состоится в ближайшую среду, с шести и до девяти пополудни. Обязательно надо взять у своего олдермена специальный пропуск. Вставать и с пропуском придется спозаранку, а потом торчать в очереди для пользующихся льготами. Но все же это лучше, чем выкладывать наличные.

За полчаса он нагулял приятный аппетит. Поблизости было несколько хороших коммерческих ресторанов, но, вспомнив, что он, кажется, не при деньгах, Пирсен свернул на Пятьдесят четвертую к бесплатному ресторану Котрея.

У входа он предъявил карточку избирателя и специальный пропуск, подписанный третьим секретарем-заместителем Котрея. Пирсена впустили. Он заказал себе на обед простое филеминьон, которое запивал слабым красным вином, ибо более крепких напитков тут не подавали. Официант принес ему вечернюю газету. Пирсен изучил перечень бесплатных развлечений, но не обнаружил ничего подходящего.

Когда он выходил из зала, к нему поспешно подошел управляющий рестораном.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он.— Вы остались довольны, сэр?

— Обслуживают у вас медленно,— ответил Пирсен.— Филе было съедобное, но не лучшего качества. Вино — так себе.

— Да, сэр... благодарю вас, сэр... примите наши извинения, сэр,— говорил управляющий, торопливо записывая в свой блокнотик замечания Пирсена.— Мы учтем ваши пожелания, сэр. Вас угощал обедом достопочтенный Блейк Котрей, старший советник по водоснабжению Нью-Йорка. Мистер Котрей вновь выдвигает свою кандидатуру на выборах двадцать второго ноября. Столбец джей-три в вашей кабине для голосования. Мы смиреннейше рассчитываем на ваш голос, сэр.

— Там видно будет,— ответил Пирсен и вышел из ресторана.

На улице он взял пачку сигарет из автомата, который услаждал прохожих музыкой и снабжал их сигаретами в качестве памятного подарка от Элмера Бейна, мелкого политического деятеля из Бруклина. Выйдя на Пятую авеню, он возобновил

свою неторопливую прогулку, по пути раздумывая, есть ли смысл голосовать за Котрея.

Как все полномочные граждане, Пирсен высоко ценил свой голос и одарял им какого-либо кандидата только по зрелом размышлении. Прежде чем проголосовать «за» или «против», он, подобно каждому избирателю, тщательнейшим образом взвешивал достоинства и недостатки того или иного кандидата.

К достоинствам Котрея относилось то, что он уже около года содержал весьма приличный ресторан. Но что он сделал кроме этого? Где обещанный им бесплатный развлекательный центр, где джазовые концерты?

Ограниченность общественных фондов — всего лишь пустая отговорка.

Не будет ли щедрее новый кандидат? Или переизбрать еще разок Котрея? В таких делах рубить сплеча не следует. Тут надо очень даже подумать, и, конечно, не сейчас, а в более подходящее время. Ночи созданы для наслаждений, кутежей, веселья.

Чем же заняться сегодня? Он пересмотрел почти все бесплатные представления. Спорт мало его интересует. Кое-где устраиваются вечеринки, но там едва ли будет весело. В общедоступном доме мэра можно выбрать какую-нибудь сговорчивую девицу, однако Пирсена в последнее время к ним не тянет.

Самый верный способ избавиться от вечерней скуки — вино или наркотик. Но какой? Минискаретте? Какой-нибудь контактный возбудитель? Склиги?

— Эй, Уолт!

Он обернулся. С широкой ухмылкой к нему направлялся Билли Бенц, уже довольно тепленький.

— Эй, погоди, Уолт, дружище! — сказал Бенц.— Ты куда сегодня?

— Да никуда вообще-то,— ответил Пирсен.— А что?

— Тут одно роскошное местечко появилось. Новенькое, шик-блеск. Зайдем?

Пирсен насупился. Он не любил Бенца. Этот высокий, шумный, краснолицый детина был законченным бездельником. Совершенно никчемная личность. То, что он не работает, как раз неважно. Теперь мало кто работает. К чему это, если можно голосовать? Но Бенц был так ленив, что даже не ходил на выборы. А это уже чересчур. Голосование — хлеб насущный и святая обязанность каждого гражданина.

Однако у Бенца был прямо-таки сверхъестественный нюх на новые злачные заведения, о которых еще никто не проведал.

Пирсен поколебался, потом спросил:

— А там бесплатно?

— Бесплатней супа,— ответил склонный к избитым сравнениям Бенц.

— А что там делают?

— Пойдем со мной, дружище, я тебе все расскажу...

Пирсен вытер потное лицо. Стояла мертвая тишина. Стоны черно-синего зверя уже не доносились из зарослей. Возможно, ему надоела погоня.

Вечерний костюм Пирсена был изорван в клочья. Он сбросил пиджак и до пояса расстегнул сорочку. Где-то за мертвенно-белым небом пылало невидимое солнце. У Пирсена пересохло во рту, пот ручьями струился по телу. Без воды он долго не продержится.

Да, он, кажется, серьезно влип. Но Пирсен упорно гнал от себя все мысли, кроме одной. Он должен выяснить, как он здесь очутился, и только после этого думать, как спастись.

Что же это был за шик-блеск, которым прельстил его Билли Бенц?

Пирсен прислонился к дереву и закрыл глаза. Воспоминания пробуждались смутно, не сразу. Билли повел его в восточную часть города, на Шестьдесят вторую улицу, и там...

Он вдруг услышал в кустах шорох и быстро поднял голову. Из зарослей тихо выползла черно-синяя тварь. Ее длинные усики затрепыхались и нацелились в его сторону. В тот же миг зверюга вся подобралась и прыгнула на него, растопырив когти.

Пирсен инстинктивно отскочил. Зверюга грохнулась на землю, но проворно повернулась и снова ринулась к нему. На этот раз Пирсен не успел уклониться. Он вытянул вперед руки, и акулообразная тварь обрушилась на него.

Пирсен ударился спиной о дерево. Он отчаянно вцепился в широченную глотку зверя и изо всех сил старался оттолкнуть его от себя. Зверюга щелкала зубами около самого его лица. Пирсен напрягся что есть мочи, стараясь задушить ее, но его пальцы были слишком слабы.

Зверюга ерзала и извивалась, скребла землю. Руки Пирсена мало-помалу слабели и начинали сгибаться в локтях. Челюсти щелкали всего лишь в дюйме от его лица. Вот выполз длинный, испещренный черными пятнами язык...

Охваченный омерзением, Пирсен отшвырнул от себя стонущую гадину. Не дав ей опомниться, он ухватился за лианы, влез на дерево и вне себя от ужаса стал карабкаться по скользкому стволу от ветки к ветке. Лишь в тридцати футах над землей он впервые взглянул вниз.

Черно-синяя лезла следом с такой легкостью, словно всю жизнь провела на деревьях.

Пирсен взбирался выше, дрожа всем телом от усталости. Ствол дерева постепенно сужался, все реже попадались ветки, достаточно крепкие, чтобы за них ухватиться. Возле самой вершины, в пятидесяти футах над землей, дерево закачалось под его тяжестью.

Пирсен снова взглянул вниз: упорная тварь была в десяти футах от него и продолжала лезть выше. Пирсен вскрикнул; ему показалось, что спасения нет. Но страх придал ему силы. Он взобрался на последнюю большую ветку, ухватился покрепче и поджал ноги. Когда зверюга добралась до него, он вдруг лягнул ее обеими ногами.

Удар был точен. Когти зверя с пронзительным скрежетом ободрали кору с дерева. Зверюга, визжа и ломая ветки, полетела вниз и звонко плюхнулась на землю.

Стало тихо.

«Наверное, она расшиблась»,— подумал Пирсен. Но проверять свою догадку у него и в мыслях не было. Никакая сила на Земле или любой другой планете Галактики не принудила бы его самостоятельно слезть с дерева. Нет уж, дудки, пока он не придет в себя да как следует не соберется с силами, он отсюда не двинется.

Пирсен сполз немного ниже, к толстой раздвоенной ветке. На таком насесте можно было чувствовать себя спокойно. Лишь окончательно устроившись, Пирсен понял, как мало у него осталось сил. Если вчерашний сабантуй иссушил его, то сегодняшние приключения выжали досуха. Напади на него сейчас зверек чуть-чуть побольше белки — и он погиб.

Он прислонился к стволу, вытянул отяжелевшие ноги и руки, закрыл глаза и снова принялся восстанавливать в памяти события минувшего вечера.

— Пойдем со мной, дружище,— сказал Билли Бенц.— Я тебе все расскажу. А вернее — сам увидишь.

Они направились в восточную часть города, вышли на Шестьдесят вторую улицу, а тем временем густо-синие сумерки сменились ночной темнотой. Манхэттен зажег огни, над горизонтом замерцали звезды, и серп месяца блеснул сквозь прозрачный туман.

— Куда мы идем? — спросил Пирсен.

— А мы уже пришли, голуба,— ответил Бенц.

Они стояли перед невысоким особняком, сложенным из коричневого песчаника. Скромная медная дощечка на дверях гласила: «НАРКОЛИК».

— Новый бесплатный наркотический салон,— пояснил Бенц.— Открыт сегодня вечером Томасом Мориарти, кандида-

том от реформистской партии на пост мэра. Об этом заведении еще никто не знает.

— Отлично,— сказал Пирсен.

В городе было немало бесплатных увеселительных заведений. Но каждый стремился разыскать что-нибудь неизвестное другим и опробовать новинку, прежде чем к ней ринутся толпы любителей свежих впечатлений.

Вот уже многие годы Верховный евгенический совет, созданный при Объединенном международном правительстве, удерживал численность населения мира в стабильных и разумных пределах. Людям снова стало так просторно на Земле, как не было в течение последнего тысячелетия, а внимания им уделяли куда больше, чем когда-либо в прошлом. Благодаря успехам подводной экологии и гидропоники, а также всестороннему использованию земной поверхности, еды и одежды хватало на всех, и даже с избытком. При автоматических методах строительства и изобилии стройматериалов жилищная проблема перестала существовать, тем более что человечество было сравнительно невелико и впредь не собиралось увеличиваться. Даже предметы роскоши ни для кого не были роскошью.

Сформировалась благополучная, устойчивая, неизменная цивилизация. Те немногие, кто проектировал, строил и обслуживал машины, получали щедрое вознаграждение. Большинство же вовсе не работало. Ни нужды, ни желания у них не было.

Находились, конечно, и честолюбцы, которые жаждали богатств, власти, высоких постов. Эти занимались политикой. Используя обильные общественные фонды, каждый из них кормил, одевал, развлекал население своего округа, чтобы обеспечить себе большинство голосов, и проклинал вероломных избирателей, всегда готовых переметнуться на сторону того, кто посулит больше.

Это была утопия своего рода. О нужде все позабыли, войны давно прекратились, каждого ждала безбедная долгая жизнь.

И чем же, кроме врожденной человеческой неблагодарности, можно было объяснить, что число самоубийств возросло до поистине страшных размеров?

...Дверь отворилась сразу же, и Бенц предъявил пропуска. Они прошли по коридору в большую уютную гостиную. Четверо посетителей, из них одна женщина, ранние пташки, прослышавшие о новом заведении прежде других, полулежали на кушетках, дымя бледно-зелеными сигаретами. В воздухе стоял резкий, непривычный, но в то же время приятный запах.

Подошел служитель и подвел их к свободному дивану.

— Располагайтесь как дома, джентльмены,— сказал он.— Закурив нарколик, вы отдохнете от всех забот.

Он протянул каждому по пачке бледно-зеленых сигареток.

— Что это за штуковина? — спросил Пирсен.

— Наркотические сигареты,— ответил служитель.— Приготовлены из отборной смеси турецкого и вирджинского табака, в которую добавлена тщательно отмеренная доза наркоты, хмельной травки, произрастающей в экваториальном поясе Венеры.

— Венеры? — удивился Бенц.— А мы разве добрались до Венеры?

— Четыре года назад, сэр,— ответил служитель.— Первой высадилась экспедиция Йельского университета и основала там базу.

— По-моему, я что-то такое уже читал,— заметил Пирсен.— Или видел в киножурнале. Венера... Там вроде бы сплошные неосвоенные джунгли, да?

— Совершенно неосвоенные, сэр,— подтвердил служитель.

— А, помню, значит,— сказал Пирсен.— Трудно за всем уследить. А что, эта наркота входит потом в привычку?

— Ни в коем случае, сэр,— успокоил его служитель.— Наркота действует как, согласно теории, должен бы влиять алкоголь. Вы испытываете небывалый подъем, чувство удовлетворенности, довольства. Похмелья не бывает. Это вам предлагает Томас Мориарти, кандидат от реформистской партии на пост мэра. Столбец эй-два в ваших кабинах, джентльмены. Мы смиреннейше рассчитываем на ваши голоса.

Посетители кивнули и закурили.

Нарколик начал действовать почти сразу. Уже после первой сигареты Пирсен ощутил раскованность, легкость, и его захлестнуло предвкушение чего-то приятного. Вторая сигарета усилила действие первой и кое-что добавила. Все чувства необыкновенно обострились. Пирсену казалось теперь, что мир восхитителен, полон неизведанных радостей и чудес. И сам он почувствовал себя важным и незаменимым.

Бенц толкнул его локтем в бок:

— Что, недурна штучка?

— Очень здорово,— ответил Пирсен.— Этот Мориарти, наверное, хороший человек. Миру нужны хорошие люди.

— Точно,— согласился Бенц.— Нужны толковые люди.

— Смелые, мужественные, дальновидные,— с жаром продолжал Пирсен,— такие орлы, как мы с тобой, которые перевернут весь мир, так что...

Он вдруг умолк.

— Чего ты? — спросил Бенц.

Пирсен не отвечал. В нем произошла неуловимая перемена, знакомая всем наркоманам, и нарколик теперь вызывал у него обратный эффект. Только что он казался себе богом. И вдруг с обостренной чувствительностью одурманенного увидел себя таким, каков он есть.

Он, Уолтер Хилл Пирсен, тридцати двух лет, неженатый, неработающий и никому не нужный. Когда ему было восемнадцать, он поступил на службу, чтобы доставить удовольствие родителям. Но уже через неделю бросил работу, потому что она нагоняла на него тоску и мешала высыпаться. Потом както ему вздумалось жениться, но его отпугнула ответственность, которую накладывает семейная жизнь. Ему скоро тридцать три, он тощий, хилый, у него дряблые мускулы и нездоровый цвет лица. Ни разу в жизни не сделал он ничего хоть мало-мальски важного ни для себя, ни для других и впредь не сделает.

— Ну давай, давай выкладывай все как есть, дружище,— сказал Бенц.

— Ж-желаю совершить подвиг,— промямлил Пирсен, делая новую затяжку.

— Да ну?

— Чтоб я пропал! Приключений хочу!

— Так чего же ты молчал? Я тебе мигом все устрою.— Бенц вскочил и потащил за собой Пирсена.— Айда!

— Ты к-куда меня ведешь?

Пирсен попробовал оттолкнуть Бенца. Ему хотелось, не вставая с дивана, упиваться своим горем. Но Бенц рывком заставил его встать.

— Я понял, что тебе нужно,— говорил Бенц.— Приключение... такое, чтоб дух захватывало. Пошли, голуба, я тебя отведу.

Покачиваясь, Пирсен задумчиво насупил брови.

— Пойди сюда,— обратился он к Бенцу.— Я тебе на ухо скажу.

Бенц наклонился к нему, и Пирсен прошептал:

— Хочу, чтобы было приключение, но чтобы я остался цел и невредим. Понял?

— Само собой! — ответил Бенц.— Я же знаю, что тебе нужно. Вали за мной. Сейчас будет приключение. Безопасное!

Сжимая в кулаках пачки нарколика, приятели взялись за руки и нетвердым шагом вышли из салона, основанного кандидатом реформистов.

Поднялся ветер, и дерево, на котором сидел Пирсен, закачалось. Порыв ветра так внезапно охладил его разгоряченное, потное тело, что Пирсена вдруг начала бить дрожь. Зубы громко

застучали, руки до боли вцепились в скользкую ветку. В горле нестерпимо жгло, как будто туда насыпали мелкого раскаленного песку.

Нет, он не мог больше терпеть такую жажду. За глоток воды он был готов сейчас сразиться с целым десятком черно-синих тварей.

Пирсен принялся медленно спускаться с дерева, решив не думать до поры до времени о том, что случилось вчера вечером. Сперва он должен найти воду.

Под деревом, не шевелясь, лежала черно-синяя зверюга с переломленным хребтом. Пирсен прошел мимо нее и нырнул в заросли.

Он брел по джунглям долгие часы, а может быть, и дни, ибо утратил представление о времени в мучительном зное, который источало сверкающее, неизменно белое небо. Колючие ветки рвали его одежду, какие-то птицы пронзительно вскрикивали каждый раз, когда он раздвигал кусты. Он ничего не замечал, но продолжал идти, с трудом передвигая одеревеневшие ноги и устремив вперед невидящий взгляд. Он упал, но снова встал и побрел, потом падал еще раз и еще. Так брел он, словно робот, покуда не наткнулся на скудный, грязный ручеек.

Пирсен растянулся и припал к воде губами, совсем не думая о том, что в ней могут оказаться болезнетворные бактерии.

Немного придя в себя, он огляделся. Вокруг сплошной стеной стояли непроходимые, ядовито-зеленые, чужие джунгли. Над ним сияло небо, точь-в-точь такое же белое, каким он увидел его в первый раз. А в кустах попискивала и чирикала невидимая мелкая живность.

«Какое глухое и жуткое место,— подумал Пирсен.— Поскорей бы отсюда выбраться».

Но как? Он не знал, есть ли здесь города или какие-нибудь поселения. И если даже есть, то как их разыскать в такой пустынной, дикой местности?

Каким же образом он все-таки попал сюда?

Он потер небритый подбородок и снова попытался вспомнить. Казалось, вчерашние события происходили миллион лет назад, в какой-то совершенно иной жизни. Нью-Йорк представлялся ему смутно, словно привиделся во сне. Реальностью были лишь джунгли, голод, который вгрызался ему в желудок, и недавно начавшееся странное гудение.

Он поглядел вокруг себя, пытаясь определить, откуда доносится звук. Гудело со всех сторон, ниоткуда и отовсюду. Сжав кулаки, Пирсен до боли в глазах всматривался в заросли, пытаясь разглядеть, где же притаилась новая опасность.

Внезапно недалеко от него шевельнулся куст, покрытый блестящими зелеными листьями. Пирсен отпрыгнул, дрожа как в лихорадке. Куст весь затрясся, и его тонкие изогнутые листья загудели.

И тут...

Куст посмотрел на него. Глаз у куста не было. Но Пирсен чувствовал, что куст знает о нем, сосредоточился на нем, что-то решил. Куст загудел громче. Его ветки потянулись к Пирсену, коснулись земли, пустили корни, тотчас же выбросили подвижные усики, те вытянулись, вновь пустили корни и снова выбросили усики.

Куст разрастался в его сторону со скоростью спокойно идущего пешехода.

Пирсен глядел как зачарованный на остренькие крючковатые листочки, которые, поблескивая, тянулись к нему. Он не верил собственным глазам.

И в этот миг он вспомнил, что случилось с ним в конце минувшего вечера.

— Ну, вот мы и пришли, дружище,— сказал Бенц возле входа в ярко освещенный особняк на Мэдисон-авеню.

Он подвел Пирсена к лифту. Приятели поднялись на двадцать четвертый этаж и вошли в просторную светлую комнату.

Небольшая табличка на стене лаконично извещала: «НЕЛИМИТИРОВАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ».

— Слышал я об этом заведении.— Пирсен сделал глубокую затяжку.— Здесь, говорят, дорого.

— Об этом не тревожься,— успокоил его Бенц.

Блондинка секретарша записала их фамилии и повела в кабинет доктора Шринагара Джонса, консультанта по активным действиям.

— Добрый вечер, джентльмены,— сказал Джонс.

При виде этого очкастого заморыша Пирсен не удержался и фыркнул. Нечего сказать, хорош консультант по активным действиям.

— Итак, джентльмены, вам желательно испытать приключение? — учтиво осведомился Джонс.

— Это ему хочется приключений,— сказал Бенц.— Я просто его приятель.

— Да, да, понимаю. Итак, сэр,— Джонс повернулся к Пирсену,— какого рода приключение вы себе мыслите?

— Приключение на свежем воздухе,— ответил Пирсен слегка осипшим, но твердым голосом.

— О, у нас есть нечто весьма подходящее! — воскликнул Джонс.— Обычно мы взимаем с клиентов плату. Однако сего-

дня все приключения — даровые. Счета оплачивает президент Мэйн, столбец си-один в вашей кабине. Пожалуйте за мной, сэр.

— Стойте. Я ведь не хочу, чтобы меня убили. Опасное это приключение?

— Совершенно безопасное. В наш век и в наши дни только такие и допустимы. А теперь послушайте. Сейчас вы пройдете в нашу Искательскую комнату, ляжете там на кровать, и вам будет сделана безболезненная инъекция. Вы тотчас потеряете сознание. Затем, должным образом применяя слуховые, осязательные и прочие возбудители, мы сформируем в вашем восприятии приключение.

— Как во сне? — спросил Пирсен.

— Это наиболее близкая из аналогий. Пригрезившееся вам приключение по своему существу будет абсолютно реалистично. Вы испытаете подлинные эмоции. Оно ничем не будет отличаться от реальной действительности. Кроме, конечно, одного: все это произойдет не наяву и, следовательно, будет вполне безопасно.

— А что случится, если во время приключения я погибну?

— В точности то же самое, что бывает в таких случаях во сне. Вы проснетесь. Однако во время вашего ультрареалистического ярко-цветного сна вы сможете совершенно сознательно управлять своими действиями, чего во сне не бывает.

— А я буду все это знать, пока длится приключение?

— Разумеется. Все время, пока вы спите, вы будете полностью осведомлены о том, что находитесь в состоянии сна.

— Тогда пошли! — гаркнул Пирсен.— Даешь приключение!

Ярко-зеленый куст продолжал медленно разрастаться в его сторону. Пирсен захохотал. Да ведь это же сон! Конечно, сон! Ему ничто не угрожает. Зловещий куст — всего лишь плод его воображения, точно такой же, как и черно-синяя тварь. Даже если бы она тогда перегрызла ему горло, он не умер бы. Он сразу бы проснулся в Искательской комнате на Мэдисон-авеню.

Сейчас ему было просто смешно. Как же он не догадался раньше? Ведь этакая черно-синяя только во сне и может привидеться. И разве бывают на свете ходячие кусты? Все это, конечно, явный бред, нагромождение нелепостей.

Пирсен громко сказал:

— Хватит. Можете меня разбудить.

Никаких перемен. Вдруг Пирсен вспомнил, что он не может проснуться по своему желанию. Приключение тогда утратило бы всякий смысл, и исчезло бы целительное воздействие волнения и страха на истощенную нервную систему спящего.

Да, теперь он вспомнил. Приключение окончится только тогда, когда он, Пирсен, преодолеет все преграды. Или погибнет.

Куст добрался почти до его ног; Пирсен во все глаза разглядывал его, дивясь его натуральному виду.

Крючковатый листочек зацепился за ботинок. Пирсен самодовольно усмехнулся: он был горд, что так здорово держит себя в руках. Чего уж там бояться, когда знаешь, что все равно останешься целехонек.

«Постой-ка,— вдруг подумал он,— а как же я могу переживать всерьез, если мне известно, что все это понарошку? Тут они чего-то недодумали».

И тогда ему вспомнилось окончание их разговора с Джонсом.

Пирсен лежал уже на белой кушетке, когда над ним склонился Джонс, держа в руке шприц.

— А скажи-ка, друг любезный,— сказал Пирсен,— что мне за прок от приключения, если я буду знать, что оно не настоящее?

— Мы и это предусмотрели,— ответил Джонс.— Видите ли, сэр, на долю некоторых наших клиентов выпадают вполне реальные приключения.

— Э?

— Реальные, самые настоящие, они не снятся, а происходят в действительности. В таких случаях (они чрезвычайно редки) мы не даем клиенту возбудителей, а ограничиваемся вливанием сильной дозы снотворного. Когда человек уснет, его переносят на космический корабль и отправляют на Венеру. Очнувшись там, он наяву переживает то, с чем другие сталкиваются лишь в воображении. Если сумеет выйти победителем, то останется в живых.

— А если нет?

Джонс, который терпеливо ждал, держа шприц наготове, молча пожал плечами.

— Но это бесчеловечно! — крикнул Пирсен.

— Мы другого мнения. Представляете ли вы себе, мистер Пирсен, как остро нуждается в приключениях современный мир? Облегченность нашего бытия ослабила натуру человека, и противодействовать этому может только одно: встреча с опасностью. Наши воображаемые приключения — самый безобидный и приятный из возможных вариантов. Но приключение утратит всякий смысл, если клиент не будет принимать его всерьез. Иное дело, когда остается вероятность, пусть даже самая малейшая, что над тобой действительно нависла смертельная угроза.

— Но те, кого увозят на Венеру...

— Их процент ничтожен,— успокоил его Джонс.— Меньше одной десятитысячной. Мы это делаем лишь для того, чтобы взбодрить остальных.

— Но это противозаконно,— не унимался Пирсен.

— Ничуть. Вы больше рискуете жизнью, когда пьете минискаретте или курите нарколик...

— Право, не знаю,— сказал Пирсен,— хочется ли мне.

Острие шприца вдруг вонзилось ему в руку.

— Все будет отлично,— ласково произнес Джонс.— Устройтесь поудобнее, мистер Пирсен.

И с этой минуты он уже не помнил ничего до самого пробуждения в джунглях.

Зеленая ветка доползла до его щиколотки. Изогнутый тонкий листик очень медленно и нежно ткнулся в мякоть ноги. На миг стало щекотно, но не больно. Почти тотчас листик сделался красноватым.

«Растение-кровопийца,— подумал Пирсен,— ишь ты!»

Ему вдруг надоело приключение. Глупая, пьяная затея! Хорошенького понемножку. Пора кончать, да поскорей.

Ветка поднялась выше, и еще два изогнутых листка вонзились ему в ногу. Теперь уже весь куст стал грязно-бурым.

Пирсена потянуло в Нью-Йорк, туда, где вечеринки, где тебя бесплатно кормят, даром развлекают и можно спать сколько угодно. Ну, допустим, он справится с этой напастью, так ведь подоспеет новая. Сколько дней — или недель — ему еще тут мыкаться?

Самый верный способ поскорей попасть домой — не сопротивляться. Куст убьет его, и он сразу проснется.

Пирсен почувствовал, что начинает слабеть. Он сел и увидел, что еще несколько кустов подбираются к нему, привлеченные запахом крови.

— Конечно, это бред,— произнес он громко.— Кто поверит, что есть растения, пьющие кровь? Пусть даже на Венере.

Высоко в небе парили огромные чернокрылые птицы, терпеливо ожидая, когда наступит их пора слетаться к трупу.

Сон или явь?

Десять тысяч против одного, что это сон. Только сон. Яркий и правдоподобный, но тем не менее всего лишь сон.

А если нет? У него начала кружиться голова, и он все больше слабел от потери крови.

«Я хочу домой,— думал Пирсен.— Чтобы попасть домой, я должен умереть. Правда, я могу умереть по-настоящему, но практически это исключено...»

И вдруг его осенило. Да кто же это осмелится в наши дни рисковать жизнью избирателя? Нет, эти Нелимитированные Приключения не могут подвергать человека настоящим опасностям.

Джонс сказал ему об этом одном из десяти тысяч, чтобы приключение выглядело более реальным.

Вот это больше похоже на правду. Пирсен лег, закрыл глаза и приготовился умереть.

Он умирал, а мысли роились у него в голове, давно забытые мечты, надежды, опасения. Пирсен вспомнил свою единственную службу и то смешанное чувство облегчения и сожаления, с которым он оставил ее. Вспомнились ему чудаковатые трудяги родители, которые упорно не желали пользоваться незаслуженными, как они говорили, благами цивилизации. Никогда в жизни Пирсену не приходилось столько думать, и вдруг оказалось, что существует еще один Пирсен, о котором он прежде не подозревал.

Новый Пирсен был на редкость примитивен. Он хотел жить, и больше ничего. Жить во что бы то ни стало. Этот Пирсен не желал умирать ни при каких обстоятельствах... пусть даже воображаемых.

Два Пирсена — один, движимый гордостью, а другой — стремлением выжить — вступили в единоборство. Померившись силами, которые у обоих были на исходе, они пошли на компромисс.

— Стервец Джонс небось думает, что я умру,— сказал Пирсен.— Умру, для того чтобы проснуться. Так пропади я пропадом, если он этого дождется.

Лишь в такой форме он был способен признать, что хочет жить.

Качаясь от слабости, он кое-как встал и попробовал освободиться от куста-кровопийцы. Тот присосался крепко.

С криком ярости Пирсен ухватился за куст и отодрал его от себя. Выдернутые листья полоснули его по ногам, а в это время другие вонзились в правую руку.

Но зато он освободил ноги. Отшвырнув пинками еще два куста, Пирсен бросился в джунгли с веткой, обвившейся вокруг руки.

Он долго брел, спотыкаясь; и только когда растения-кровососы остались далеко позади, начал освобождаться от последнего куста.

Тот завладел уже обеими руками. Плача от боли и злости, Пирсен поднял руки над головой и с размаху ударил ими о ствол дерева.

Крючочки слегка отпустили. Пирсен снова ударил руками о дерево и зажмурился от боли. Потом еще, еще раз, и наконец куст перестал цепляться за него.

Пирсен тут же побрел дальше.

Но он слишком долго мешкал, пока раздумывал, умирать ему или не умирать. Кровь ручьями струилась из сотни ранок, и запах крови оглашал джунгли, как набат. Что-то черное стремительно метнулось к нему сверху. Пирсен бросился ничком на землю и, едва успев увернуться, услышал совсем рядом хлопанье крыльев и злобный пронзительный крик.

Он проворно вскочил и хотел спрятаться в колючем кустарнике, но не успел. Большая чернокрылая птица с малиновой грудью вторично ринулась на него с высоты.

Острые когти ухватили его за плечо, и он упал. Неистово хлопая крыльями, птица уселась ему на грудь. Она клюнула его в глаз, промахнулась, опять нацелилась.

Пирсен наотмашь махнул рукой. Его кулак угодил птице прямо по зобу и свалил ее.

Тогда он на четвереньках уполз в кусты. С пронзительными криками птица кружила над ним, высматривая какую-нибудь лазейку. Но Пирсен уползал все глубже в спасительную колючую чащу.

Вдруг он услышал рядом тихий вой, похожий на стон.

Да, видно, напрасно он так долго колебался. Джунгли обрекли его на смерть, вцепились в него мертвой хваткой. Похожая на акулу, продолговатая черно-синяя тварь, чуть поменьше той, с которой он дрался, проворно ползла к нему сквозь колючую чащу.

Одна смерть вопила в воздухе, другая стонала на земле, и бежать от них было некуда. Пирсен встал. С громким криком, в котором перемешались страх, злость и вызов, он не колеблясь бросился на черно-синего зверя.

Лязгнули огромные челюсти. Пирсен рухнул на землю. Последнее, что уловило его угасающее сознание, была разинутая над ним смертоносная пасть.

«Неужели наяву?» — с внезапным ужасом подумал он, и все исчезло...

Он очнулся на белой койке, в белой, неярко освещенной комнате. Пирсен медленно собрался с мыслями и вспомнил... свою смерть.

«Ничего себе приключеньице,— подумал он.— Надо ребятам рассказать. Только сначала выпить. Сходить куда-нибудь поразвлечься и опрокинуть рюмочку... а то и все десять».

Он повернул голову. Сидевшая на стуле возле койки девушка в белом халате встала и наклонилась над ним.

— Как вы себя чувствуете, мистер Пирсен? — спросила девушка.

— Нормально,— ответил он.— А где Джонс?

— О ком вы?

— Шринагар Джонс. Здешнее начальство.

— Вы, очевидно, перепутали, сэр,— сказала девушка.— Нашей колонией руководит доктор Бейнтри.

— Чем?! — крикнул Пирсен.

В комнату вошел высокий бородатый человек.

— Вы свободны, сестра,— сказал он девушке и повернулся к Пирсену.— Добро пожаловать на Венеру, мистер Пирсен. Я доктор Бейнтри, директор пятой базы.

Пирсен недоверчиво на него уставился. Потом, кряхтя, сполз с кровати и наверняка упал бы, если бы Бейнтри его не подхватил.

Пирсен с изумлением обнаружил, что забинтован чуть ли не с головы до пят.

— Так это было наяву? — спросил он.

Бейнтри помог ему добраться до окна. Пирсен увидел расчищенный участок, изгороди и зеленеющую вдали опушку джунглей.

— Один на десять тысяч,— с горечью произнес он.— Вот уж действительно везет как утопленнику. Я ведь мог погибнуть.

— Вы чуть было не погибли,— подтвердил Бейнтри.— Однако в том, что вы попали на Венеру, не повинны ни статистика, ни случай.

— Как вас понять?

— Выслушайте меня, мистер Пирсен. На Земле жить легко. Людям больше не приходится бороться за свое существование; однако, боюсь, они добились этого слишком дорогой ценой. Человечество остановилось в своем развитии. Рождаемость непрерывно падает, а количество самоубийц растет. Границы наших владений в космосе продолжают расширяться, но туда никого не заманишь. А их ведь нужно заселить, если мы хотим выжить.

— Слышал я уже в точности такие слова,— сказал Пирсен.— И в киножурнале, и по солидо, и в газете читал...

— Они, я вижу, не произвели на вас впечатления.

— Я этому не верю.

— Верите или нет,— твердо ответил Бейнтри,— но все равно это правда.

— Вы фанатик,— сказал Пирсен.— Я не намерен с вами спорить. Пусть даже это правда — мне-то что?

— Нам катастрофически не хватает людей,— сказал Бейнтри.— Чего мы только ни придумывали, как ни старались найти желающих. Никто не хочет уезжать с Земли.

— Еще бы. Дальше что?

— Лишь один-единственный способ оправдал себя. Мы основали агентство Нелимитированных Приключений. Всех подходящих кандидатов отвозят сюда и оставляют в джунглях. Мы наблюдаем за их поведением. Это отличный тест, полезный и для испытуемого, и для нас.

— Ну а что бы со мной случилось, если бы я не удрал тогда от тех кустов?

Бейнтри пожал плечами.

— Так, значит, вы меня завербовали,— сказал Пирсен.— Сперва погоняли по кругу с препятствиями, потом увидели, какой я молодец, и в самую последнюю секунду спасли. Я, наверно, должен быть польщен таким вниманием. И тотчас же осознаю, что я не какой-нибудь неженка, а крепкий, неприхотливый парень. И конечно, я полон отваги, мечтаю о славе первооткрывателя.

Бейнтри молча глядел на него.

— И, разумеется, тут же запишусь в колонисты? Да что я, псих, по-вашему, или кто? Неужто вы всерьез считаете, что я брошу шикарную жизнь на Земле, чтобы вкалывать у вас тут в джунглях или на ферме? Да провалитесь вы хоть к черту в пекло вместе с вашими душеспасительными планами.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства,— заметил Бейнтри.— С вами обошлись довольно бесцеремонно, но этого требуют обстоятельства. Когда вы успокоитесь...

— Я и так спокоен! — взвизгнул Пирсен.— Хватит с меня проповедей о спасении мира! Я хочу домой, хочу во Дворец развлечений.

— Мы можем отправить вас с вечерним рейсом,— сказал Бейнтри.

— Что? Нет, вы это серьезно?

— Вполне.

— Ни черта не понимаю. Вы что, на сознательность решили бить? Так этот номер не пройдет — я еду, и конец. Удивляюсь, как это у вас хоть кто-то остается.

— Здесь никто не остается,— сказал Бейнтри.

— Что?!

— Почти никто, исключения очень редки. Большинство поступает так же, как вы. Это только в романах герой вдруг обнаруживает, что он обожает сельское хозяйство и жаждет покорять неведомые планеты. В реальной жизни все хотят домой. Многие, правда, соглашаются помогать нам на Земле.

— Каким образом?

— Они становятся вербовщиками,— ответил Бейнтри.— Это и в самом деле занятно. Ты ешь, пьешь и наслаждаешься жизнью, как обычно. Но когда встречается подходящий кандидат, ты уговариваешь его испытать воображаемое приключение и ведешь в агентство... Вот как Бенц привел вас.

— Бенц? — изумился Пирсен.— Этот подонок — вербовщик?

— Конечно. А вы думали, что вербовщиками у нас служат ясноглазые идеалисты? Все они такие же люди, как вы, Пирсен, так же любят повеселиться, ищут легкой жизни и, пожалуй, даже не прочь оказать помощь человечеству, если это не очень хлопотно. Я думаю, такая работа вам понравится.

— Что ж, попробовать можно,— согласился Пирсен.— Забавы ради.

— Мы большего не просим.

— Но откуда же вы тогда берете новых колонистов?

— О, это любопытная история. Представьте себе, мистер Пирсен, что многим из наших вербовщиков через несколько лет вдруг делается интересно — что же здесь происходит? И они возвращаются.

— Ну ладно,— сказал Пирсен.— Так и быть, я поработаю на вас. Но только временно, пока не надоест.

— Конечно,— сказал Бейнтри.— Вам пора собираться в дорогу.

— И назад меня не ждите. Ваш душеспасительный рэкет — на любителя. А я человек городской. Мне нужен комфорт.

— Да, конечно. Кстати, вы отлично вели себя в джунглях.

— Правда?

Бейнтри молча кивнул.

Пирсен не отрываясь глядел на поля, постройки, изгороди; глядел он и на дальнюю опушку джунглей, с которыми только что сразился и едва не вышел победителем.

— Вам пора,— сказал Бейнтри.

— А? Ладно, иду,— ответил Пирсен.

Он медленно отошел от окна, чувствуя легкую досаду, причину которой так и не смог определить.

«Особый старательский»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-

белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать»,— сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры, двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиною с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше,— напомнил себе Моррисон.— Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с соловой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над россказнями старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы; девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то

впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно вглядеться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил выдернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть,— сказал себе Моррисон.— Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины,

разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто оставалось невредимым.

«Могло быть и хуже»,— сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже»,— добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоэкран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню,— ответил Эл.— Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй,— перебил его Эдди,— что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой — она оказалась в крови.

— Ничего особенного,— сказал он.— Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить,— сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно,— ответил Эдди,— только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент,— сказал Моррисон,— у меня нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— *Если* вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон.— Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры,— упрямо сказал Эдди.— Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин,— сказал Моррисон.— Неужели вы меня бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди.— Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться,— ответил Моррисон.— Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели,— сказал Эдди.— Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение,— настаивал Моррисон.— Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу,— ответил Эдди.— Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку,— мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги,— ответил Моррисон.— Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину,— где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи,— решил Моррисон.— По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Волки венерианской породы — маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти справа от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты,— сказал Моррисон.

— Да, сэр,— сказал робот, окончательно высвободившись из вихря.— Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался? — спросил робот.

— Ну да,— ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно,— сказал Уильямс-4.— Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайтесь доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо,— сказал старый робот.— Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все,— продолжал Уильямс-4.— Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, осо-

бенно после того, как с ними разделаются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю,— ответил Моррисон.— Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно,— согласился робот.— Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я,— ответил Моррисон.— Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, прикидывая, много ли при нем личных вещей,— и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон.— Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги»,— сказала она.— Чем мы можем вам помочь?

— Привет,— весело отозвался Моррисон.— Как погода в Венусборге?

— Жарко,— ответила женщина.— А у вас?

— Я даже не заметил,— улыбнулся Моррисон.— Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно,— ответил Моррисон.— Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их,— беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно,— ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице.— Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее,

Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон,— сказал Рид,— ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду,— сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Вснусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом,— ответил Моррисон.— Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере,— сказал мистер Рид.— Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги»,— продолжал мистер Рид,— не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю,— сказал Моррисон.— Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы того не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно,— устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет,— ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно искать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше,— сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас,— повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми,— сказал он,— на кого ты похож?

— Все в порядке,— ответил Моррисон.— Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам,— сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны.— Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота,— неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон.— Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу,— грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь сделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон,— сказал Крэндолл.— Я должен за него за два месяца.

— Я тоже,— вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку,— сказал Крэндолл.— Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытую речку. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог,— сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог,— ответил Крэндолл.— Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере,— ответил Крэндолл.— Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей,— сказал Моррисон.— Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пассадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружили молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье,— отвечал Моррисон.— Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где в этой заброшенной пустыне золотоносная порода? Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми,— произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь,— сказал себе Моррисон.— Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага.— Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он.— Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс,— сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд,— сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд,— сказал Моррисон,— я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили,— сказал мистер Бойярд.— Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить,— ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно,— ответил мистер Бойярд.— Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон.— Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае,— решительно ответил мистер Бойярд.— После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон.— Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь,— ответил Моррисон.— Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показывает горсть камешков...

— Но это не самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир,— ответил мистер Бойярд.— Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми,— сказал Моррисон,— я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя,— сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек,— произнес Уильямс-4,— ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав,— сказал Моррисон.— Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения,— ответил Уильямс-4.— У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что,— сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке.— Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Антлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно,— сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо.— Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать,— это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон.— Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю,— ответил Уильямс-4.— Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэтти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу,— ответил робот.— Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — спросил робот.

— Нет,— ответил Моррисон.— Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно,— ответил робот.— Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит дороже, чем тысяча марок! — сказал Моррисон.— Это же золотоносная порода!

— Очень может быть,— ответил Уильямс-4,— но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен,— грустно сказал Уильямс-4.— Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, по сути дела такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты,— сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить,— прорычал Моррисон.— Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно,— ответил Уильямс-4.— Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно,— ответил Моррисон.— Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично,— ответил робот.— У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь,— сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того,— поспешно добавил робот,— вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал

вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь,— пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4.— Мой долг — охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давайте телефон,— сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно,— сказал Крэндолл.— Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон.— Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

— Смотри,— Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду,— заметил Крэндолл.— Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить,— сказал Крэндолл.— Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы,— произнес Уильямс-4,— впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю,— сказал Моррисон.— Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг,— сказал робот, подходя к вихрю.— Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет,— ответил Моррисон.— Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова вгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр,— сказал Маркшейдер.— Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да,— ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо,— сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Морриссона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка,— ответил робот.— Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться,— сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все,— сказал он наконец.— Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он,— сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его Маркшейдеру.— Все?

— Абсолютно все,— ответил робот.— Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о нем не слыхал,— сказал Моррисон.

— Его сделали обязательным условием на прошлой неделе,— объяснил съемщик.— У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку,— сказал робот.— Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон.— Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все,— ответил Маркшейдер.— Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По

нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков,— сказал Моррисон.— И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу»,— говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан»,— подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Мать ее предостерегала:

— В своем ли ты уме, Амелия? Как тебе взбрело в голову выходить замуж за пионера-первооткрывателя? Разве можно быть счастливой в пустыне?

— Кэп — не пустыня, мама,— отвечала Амелия.

— Там же нет никакой цивилизации. Это отсталый, необжитый край. И потом, надолго ли он там осядет? Я знаю этих людей, ему обязательно захочется освоить еще какое-нибудь новое место.

— В таком случае мы будем осваивать его вместе,— отвечала Амелия, не сомневаясь, что и она по натуре первооткрыватель.

Ее мать не была столь уверена:

— Жизнь в неисследованных краях трудна, дорогая. Труднее, чем ты представляешь. Ты в самом деле готова оставить друзей, лишиться тех удобств, в которых выросла?

— Да!

Ее мать хотела еще что-то сказать. Однако после смерти мужа она стала менее уверенной в своих принципах и менее склонной навязывать их другим.

— Твоя жизнь — тебе и решать,— помолчав, сказала она.

— Не беспокойся, мама, я знаю, что делаю,— сказала Амелия.

Она знала, что Дирк Богрен не терпит тесноты. Он был крупным мужчиной и нуждался в просторе, тишине и свежем воздухе. Он рассказывал ей о своем отце, который поселился в только что освоенной пустыне Гоби. Когда там стало настолько тесно, что власти округа постановили обнести участки заборами, он не выдержал. Он умер, обратившись лицом к звездам.

Дирк был такой же. Она вышла за него замуж и переехала жить на безлюдный Кэп Южного полюса.

Однако за ними следом двинулись переселенцы, и вскоре Кэп стал называться Кэп-сити. Выросли магазины и заводы, аккуратненькие дачные поселки растянулись по земле, согреваемой атомной энергией.

Все началось гораздо раньше, чем она предполагала.

Как-то вечером они сидели на веранде. Дирк рассматривал свой участок. Взгляд его задержался на верхушке радарной мачты, возвышающейся на далеком холме.

— Здесь становится тесновато,— сказал он наконец.

— Да... немного,— согласилась Амелия.

— Недалеко время, когда здесь начнут делать площадки для игры в гольф. Как думаешь, не пора ли нам отсюда двигаться?

— Хорошо,— сказала Амелия после секундного колебания. Так они и договорились.

Они продали ферму. Купили подержанную ракету и загрузили ее самым необходимым. Вечером накануне отлета друзья устроили Дирку проводы. Они были старожилами и помнили время, когда Кэп был наполовину скрыт снегом и льдом. Втайне завидуя, они подтрунивали над Дирком.

— Так, значит, держишь путь на астероиды.

— Вот именно,— сказал Дирк.

— Но ты же белоручка! — поддразнивал его один старик.— Легкая жизнь испортила тебя, Дирк.

— Не знаю.

— А ты уверен, что еще сможешь проработать полный пятичасовой рабочий день?

Дирк широко улыбался, слушая советы, и прислушивался к тому, что говорили женщины Амелии:

— Возьмите побольше теплых вещей. Я помню, на Марсе...

— Не забудьте медицинское оборудование...

— Вся беда с малой тяжестью в том...

— Дирк! — воскликнул один.— Неужели ты заберешь такую милую крошку на астероид?

— Конечно,— сказал Дирк.

— Ей там не понравится,— предостерег другой.— Ни вечеринок, ни новых платьев, ни безделушек.

— Люди там сходят с ума от перенапряжения.

— Не верьте им,— поспешила вставить женщина постарше.— Привыкнете, и вам там понравится.

— Я уверена, что понравится,— вежливо сказала Амелия, надеясь, что говорит правду.

Незадолго до вылета она позвонила матери и обо всем рассказала.

Мать не удивилась.

— Ну что же, доченька,— сказала она.— Легко тебе не будет. Но ведь ты знала об этом, когда выходила за него замуж. Астероиды... именно туда мечтал отправиться твой отец.

Амелия помнила отца — очень мягкого и доброго человека. Каждый вечер, вернувшись из банка, он перечитывал объявления о продаже подержанных ракет и составлял подробные списки снаряжения, которое потребуется пионеру. Мама была настроена решительно против всяких перемен, и поколебать ее было невозможно. Дело редко доходило до открытых ссор, однако чувство взаимной обиды росло, пока в машину, в которой отец возвращался из банка, не врезался вертолет.

— Постарайся быть ему хорошей женой,— напутствовала ее мать.

— Разумеется,— сказала Амелия с легким раздражением.

Граница освоенной территории пролегала в космосе. Земля была укрощена и обжита. Дирк изучил имевшиеся карты кольца астероидов, но это ему не много дало: никто еще не проникал в такие глубины, и весь обширный район был просто помечен как «неисследованная область».

Полет был длительный и опасный, но впереди была свободная земля, которую оставалось только взять, и простор, необходимый человеку. Дирк уверенно вел корабль сквозь меняющиеся очертания скоплений космической пыли. Хотя точный маршрут не был проложен, нос ракеты неизменно был нацелен в глубины космоса.

— Мы не вернемся,— сказал он Амелии,— поэтому нет смысла вычерчивать маршрут.

Она кивнула, но у нее захватило дыхание при виде смутных мертвых бликов, маячивших впереди. Она невольно испытывала страх при мысли о новой жизни — мрачном и одиноком существовании в необитаемых местах. Задрожав, она положила руку на руку Дирка.

Он улыбнулся, не отрывая взгляда от приборов.

Корабль опустился на обломок скалы в несколько миль длиной и милю шириной. Теперь это был их темный, лишенный воздуха мирок; они возвели Барокупол и включили гравитацию. Как только она достигла нормальной величины, Дирк занялся сборкой Контрольного робота. Это было долгим и трудным делом, но наконец он вставил ленту и включил контакты.

Робот принялся за работу, Дирк включил все наличные прожекторы. При помощи небольшого подъемного крана он извлек из трюма корабля Складной домик, установил его близ центра купола и подключил. Домик развернулся, как гигантский бутон, распустившись в аккуратное пятикомнатное жилище с необходимой обстановкой, кухней, водопроводом и санузлом.

Начало было положено. Но распаковать все сразу было невозможно. Температурный контроль был запрятан где-то глубоко в трюме ракеты, и Дирку пришлось нагреть дом вспомогательным утеплителем, подсоединенным к генератору.

Амелия так замерзла, что не могла приготовить обед: температура внутри жилища была где-то в районе 10 градусов. Бессильной оказалась даже меховая одежда фирмы «Эксплорер», а от жуткого света флюоресцентных ламп Амелии становилось еще холоднее.

— Дирк,— робко попросила она,— нельзя ли сделать потеплее?

— Пожалуй, можно, но это ослабит робота.

— Разве? — сказала Амелия.— Тогда уж я потерплю.

При свете флюоресцентных ламп работать было просто невозможно. Она ошиблась делением на шкале Походного рационного аппарата, и бифштекс вышел пережаренным, картошка недоваренной, а яблочный пирог так и остался неразмороженным.

— Боюсь, я не очень гожусь для походной жизни,— сказала Амелия, пытаясь улыбнуться.

— Ничего,— успокоил ее Дирк, расправляясь с обедом, словно это была обычная земная еда.

Они легли спать. Амелия не могла уснуть на походном матраце. Правда, она испытывала сомнительное удовлетворение оттого, что Дирку тоже неудобно. На Кэпе он привык к сравнительно легкой жизни.

Когда они проснулись, все вокруг показалось веселее. Контрольный робот, проработав всю ночь, установил Главный генератор. Теперь у них было свое маленькое солнце в небе и нечто похожее на смену дня и ночи. Контрольный робот собрал тяжелых Сельскохозяйственных роботов, а те, в свою очередь, Домашних роботов.

Дирк руководил подготовкой почвенного слоя и координировал работу Сельскохозяйственных роботов, которые производили посадку семян по способу принудительного вызревания. Он теперь работал по пять часов в день и, когда маленькое солнце опускалось за горизонт, возвращался домой вконец измученный.

Тем временем Амелия запрограммировала основной дневной рацион, и однажды вечером она смогла угостить мужа простым, но питательным обедом из восьми блюд.

— Конечно, это не заказной обед из двадцати блюд,— извинялась она, в то время как Дирк налегал на закуску.

— Все равно не мог никогда всего доесть,— отвечал Дирк.

— И вино не охлаждено как следует...

Дирк поднял голову и улыбнулся:

— Что ты выдумываешь, милая? Я могу пить теплую кока-колу и даже не замечу этого.

— Пока я здесь готовлю, этому не бывать,— сказала Амелия. Но она уже оценила одно преимущество жизни пионеров: голодный мужчина съест все, что бы перед ним ни поставили.

После того как Дирк помог Амелии сложить посуду в мойку, он установил в гостиной проектор. На экране замелькали кадры кинопрограммы, а они сидели в прочных креслах из

пенопласта, как поколения пионеров перед ними. Незыблемость этой традиции глубоко тронула Амелию.

Дирк распаковал постель и отрегулировал под ней гравитацию. В эту ночь они спали так же крепко, как в свое время на Кэпе.

Однако работа на астероиде не терпела простоя. Дирк работал по пять, а то и по шесть часов в сутки с Сельскохозяйственными роботами, менял ленты, выкрикивал команды, выбивался из сил, чтобы выжать из роботов все, что можно. Через несколько дней растения, посаженные методом принудительного вызревания, зазеленели на фоне черной синтетической почвы. Однако с самого начала было ясно, что урожай собирать не придется.

Дирк стиснул зубы и приказал роботам вносить в почву микроэлементы. Он повозился с солнцем, пока не возросло ультрафиолетовое излучение. Прошла неделя, но заметных изменений не произошло.

В тот день Амелия вышла в поле. Под глазами у Дирка лежали глубокие тени. Он стоял, сжав кулаки, и глядел на чахлую карликовую кукурузу, не доходившую ему до колена.

Амелия не знала, что сказать. Она ласково взяла его за руку.

— Мы еще не сдались,— пробормотал Дирк.

— Что ты собираешься делать? — спросила Амелия.

— Если потребуется, я буду сеять каждую неделю. Я буду гонять роботов, пока их суставы не заклинит. Земля родит. Она должна родить.

Амелия отступила на шаг, пораженная страстностью, с которой он произнес эти слова. Однако она понимала, каково ему. На Земле фермеру достаточно было приказать Контрольному роботу, и через несколько дней можно было собирать урожай. Не покладая рук Дирк выхаживал этот несчастный посев больше недели.

— Что ты будешь делать с кукурузой? — спросила она.

— Скормлю скотине,— презрительно сказал Дирк. Они вместе пошли к дому в наступивших сумерках.

На следующий день Дирк разморозил и одушевил домашних животных и возвел для них загоны и стойла. Животные с удовольствием поедали кукурузу. Семена снова посадили в синтетическую почву, и на этот раз всходы поднялись до нормальных размеров.

У Амелии не хватало времени любоваться этой победой. Хотя их пятикомнатное жилище по земным стандартам было маленьким, оно нуждалось в хозяйском глазе.

Ей было нелегко. Амелия выросла в обычном загородном доме, где вся работа по хозяйству автоматически программировалась. Здесь же каждый вид работ выполнялся отдельной машиной. Некогда было убирать их в стенные ниши, и они вечно путались под ногами, портили весь вид, делали дом похожим на механическую мастерскую.

Централизованного пульта не было. Приборы, кнопки и переключатели были развешаны на времянках, где попало. Поначалу ей приходилось тратить массу времени на то, чтобы обнаружить выключатели аппаратов химчистки, мытья полов, мытья окон и приборов, выполнявших другие необходимые операции, которые дома считались само собой разумеющимися. Дирк обещал соединить все цепи, но был вечно занят.

Домашние роботы просто выводили из себя. Эти походные модели обладали большим запасом прочности, но не вышколенностью, к которой она привыкла... Запоминающая способность у них была слабой, и они ничего не умели предугадывать. К концу дня у Амелии звенело в ушах от их грубых надтреснутых голосов. Большую часть времени дом ее выглядел так, будто роботы не убирали, а разрушали его.

Долгие пятичасовые рабочие дни тянулись, заполненные скучной повседневной работой, пока Амелия не почувствовала, что ей невмоготу. В отчаянии она связалась с мастерской по телесети.

На небольшом экране она увидела мать, которая сидела на своем любимом пневмокресле у стены из поляризованного стекла. Стена была включена на видимость, и вдалеке Амелия могла различить городские здания, взмывающие ввысь во всей своей сверкающей красе.

— Что случилось? — спросила мать.

Сзади к ее креслу плавно придвинулся робот и бесшумно поставил чашку чая. Амелия была уверена, что никакой команды не было. Чувствительный механизм предугадал желание старой женщины. К этому приучались роботы на Земле после долгого общения с семьей.

— Так вот...— почти истерически начала объяснять Амелия.

Ее собственный робот прошел, шатаясь, через комнату и чуть не выломал дверь, потому что фотореле среагировало недостаточно быстро. Это было уже слишком.

— Я хочу домой! — заплакала Амелия.

— Ты знаешь, что тебе всегда здесь будут рады, дорогая. Но что думает твой муж?

— Дирк приедет, я уверена. Мы найдем ему хорошую работу, не правда ли, мама?

— Наверняка найдем. Но разве он этого хочет?

— Что? — не поняла Амелия.

— Будет ли такой человек, как он, счастлив на Земле? Захочет ли он вернуться?

— Захочет, если он меня любит.

— А ты его любишь?

— Мама, это нечестно! — сказала Амелия, и у нее комок подступил к горлу.

— Никогда не надо заставлять мужчину делать то, чего он не хочет,— сказала мать.— Твой отец... Во всяком случае, неужели ты не сможешь все наладить?

— Не знаю,— сказала Амелия.— Я... я попробую.

После этого дела действительно пошли лучше. Амелия стала привыкать к дому, научилась не обращать внимания на мелкие неудобства. Она поняла, что когда-нибудь это место будет таким же уютным, каким они сделали в конце концов свою ферму на Кэпе.

Но они уехали с Кэпа. Как только астероид станет обжитым, Дирку снова захочется отправиться в дикие края.

Однажды Дирк увидел, что Амелия сидит у их крошечного плавательного бассейна и горько плачет.

— Эй! — крикнул он.— Что случилось?

— Ничего.

Он неумело погладил ее волосы.

— Скажи мне.

— Нет, ничего.

— Нет, скажи мне.

— В общем, это все из-за того, что я работаю, чтобы создать уют, развешиваю шторы, обучаю роботов и прочее и в то же время знаю...

— Что знаешь?

— Когда-нибудь ты захочешь сняться с этого места, и все это было ни к чему.— Она подняла голову и попыталась улыбнуться.— Прости, Дирк, мне не следовало об этом говорить.

Дирк некоторое время думал. Затем он внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Я хочу, чтобы ты была счастливой. Ты ведь веришь этому?

Она кивнула.

— Пожалуй, мы достаточно переезжали с места на место. Наш дом здесь. Здесь мы и останемся.

— Правда, Дирк?

— Обещаю тебе.

Она крепко его обняла. А потом вспомнила:

— Боже! Мой наполеон сгорит! — И побежала на кухню.

Для Амелии наступило счастливое время. Заранее настроенное солнце вспыхивало утром во всем своем великолепии и

звало их к исполнению ежедневных обязанностей. После питательного завтрака начиналась работа.

Скучно никогда не было. Амелия с Дирком возводили противометеоритную сетку для укрепления Барокупола. Или же возились с Ветромашиной, которая должна была помочь одушевленным пчелам в опылении растений.

По вечерам у них были настоящие закаты. Иногда Дирк заставлял Сельскохозяйственных роботов исполнять неуклюжий танец. Он был строгим, но чутким хозяином. Он считал, что небольшое разнообразие полезно для роботов так же, как и для людей.

Амелия взгрустнула по Земле лишь однажды. Дирк поймал по телевизору лунную ретрансляцию Пасхального шествия. От музыки и ярких красок у Амелии защемило сердце, но лишь на мгновение.

Первый гость прибыл через несколько месяцев в ярко раскрашенной ракете, которая опустилась на кое-как вырубленную посадочную площадку. На борту ракеты выступала надпись высотой в восемь футов: «Ракета-магазин Поттера». Из ракеты вылез энергичный молодой человек. Он понюхал воздух, сморщил нос и пошел к дому.

— Чем могу помочь, путник? — спросил Дирк, стоя в дверях.

— Добрый день, соотечественник. Моя фамилия Поттер,— сказал молодой человек и протянул руку, которую Дирк не пожал.— Я проделывал свой обычный рейс на Марс и тут услышал о вас, друзья. Подумал, что вам захочется купить кое-какие новинки для того, чтобы... оживить ваш дом, что ли.

— Я ни в чем не нуждаюсь,— сказал Дирк.

Поттер приветливо улыбался. Он уже обратил внимание на скромный фермерский домик и спартанский плавательный бассейн.

— А как насчет супруги? — спросил Поттер, подмигнув Амелии.— Я еще не скоро буду в этих краях.

— Рад это слышать,— сказал Дирк.

Однако у Амелии загорелись глаза. Она пожелала осмотреть все запасы Поттера и потащила с собой Дирка. Как ребенок, она перепробовала все бытовые приборы — современные хитроумные машины, сберегающие время; любовно перебирала платья — модные, изысканные, с регулируемым вырезом и подолом — и вспомнила свой скучный, сшитый по заказу гардероб.

Тут она увидела роботов-актеров. Их удивительно схожая с человеком внешность и цивилизованные манеры остро напомнили ей о доме.

— Может, приобретем труппу? — спросила она у Дирка.

— Но у нас ведь есть кино! Оно вполне удовлетворяло моего отца...

— Но, Дирк, эти роботы ставят настоящие пьесы!

— В репертуар именно этой труппы входят все популярные пьесы, начиная с самого Бернарда Шоу,— сообщил им Поттер.

Дирк с неприязнью посмотрел на красивые машины-гуманоиды.

— Что они еще умеют делать?

— Делать? Они играют! — сказал Поттер.— Боже мой, дорогой земляк, не думаете ли вы, что произведение искусства будет заниматься работой на ферме?

— А почему бы и нет? — спросил Дирк.— Я не люблю изнеженных роботов. Мой Контрольный робот не гнушается работой на ферме, и я могу поручиться, что он умнее этих штуковин.

— Ваш Контрольный робот не актер,— высокомерно заметил Поттер.

У Амелии был такой тоскующий вид, что Дирк купил труппу. Пока он втаскивал актеров-роботов в дом (они были слишком нежны, чтобы ходить по камням), Амелия купила платье.

— Как может такая девушка, как вы, жить в этой пустыне? — спросил Поттер.

— Мне здесь нравится.

— О, я согласен, жить здесь можно. Трудовая жизнь, отказ от комфорта, открытие новых рубежей и все такое прочее. Но разве вам не бывает тошно от всей этой романтики?

Амелия ничего не ответила. Поттер пожал плечами.

— Ну что же,— сказал он,— этот сектор созрел для колонизации. Скоро ждите гостей.

Амелия взяла платье и вернулась в дом. Поттер улетел.

Дирк нехотя согласился впоследствии, что актеры-роботы составляли приятную компанию долгими тихими вечерами. Ему даже по-настоящему понравилась пьеса «Человек и сверхчеловек». Через некоторое время он начал давать роботам режиссерские указания, которые они, естественно, игнорировали.

И все-таки он остался при своем мнении, что Контрольный робот способен сделать то же самое, стоит только немного улучшить его голосовой узел.

А пока длинные пятичасовые рабочие дни не оставляли времени для досуга. Дирк начал собирать другие маленькие астероиды и присоединять их к своей первой зарубке. Он посадил лес, построил водопад и занялся починкой старой климатической машины отца. Наконец она у него заработала, и он смог воспроизводить сезоны на их маленькой планете.

Однажды телевизионный экран ожил потоком строк — Дирк получил космограмму. Она была от «Эксплорерс Инкорпорейтед» — фирмы на Земле, которая занималась производством снаряжения для пионеров. Дирку предлагали возглавить главную экспериментальную лабораторию фирмы, оклад — почти фантастических размеров.

— О, Дирк! — воскликнула Амелия.— Какая возможность!

— Возможность? О чем ты говоришь?

— Ты сможешь разбогатеть. Ты сможешь иметь все, что пожелаешь.

— У меня уже есть все, что нужно,— сказал Дирк.— Поблагодари их и скажи, что я отказываюсь.

Амелия устало вздохнула. Она телеграфировала фирме отказ Дирка, но добавила, что через некоторое время к нему снова можно будет обратиться. В конце концов, нет смысла совсем закрывать дверь.

В течение этого долгого лета еще один корабль приземлился на их посадочной площадке. Он был еще старее и потрепаннее, чем корабль Дирка, и, повиснув на высоте пяти футов, он упал, качнув астероид. Из него вышли, шатаясь, молодые мужчина и женщина. Они были на грани обморока.

Джин и Перси Филипс поселились на астероиде, находившемся в нескольких тысячах миль. Их преследовали сплошные неудачи. Электричество у них испортилось, роботы сломались, продовольствие кончилось. Отчаявшись, они вылетели на ферму Дирка. Они чуть не умерли от голода, оставаясь без еды почти два дня.

Дирк и Амелия приняли их в лучших традициях пионеров, окружили заботой и быстро подлечили. Сразу было видно, что Филипсам неизвестен закон выживания. Перси Филипс даже не знал, как управляться с роботами. Дирку пришлось объяснить.

— Надо им дать почувствовать, кто в доме главный,— сказал Дирк.

— Но мне кажется, что если подать правильное приказание негромким и дружелюбным голосом...

— Только не здесь,— решительно замотал головой Дирк.— Эти Хозяйственные роботы тупы и нечувствительны. Они угрюмы и злопамятны. Команды нужно вдалбливать в них. Если понадобится, бейте их ногами.

Филипс удивленно приподнял брови:

— Плохо обходиться с роботами?

— Им надо показать, кто тут человек.

— Однако в Космической школе нас учили уважать роботов,— запротестовал Филипс.

— Здесь вы откажетесь от многих убеждений, приобретенных на Земле,— отрезал Дирк.— Послушайте меня. Я был воспитан роботами. У меня есть близкие друзья среди роботов. Я знаю, о чем говорю. Они будут уважать вас только в том случае, если вы будете им приказывать.

Филипс нехотя согласился, что, может быть, Дирк и прав.

— Конечно, я прав! — заявил Дирк.— Вы говорите, у вас кончилось электричество?

— Да, но ведь не роботы же...

— А кто же? Они ведь имеют доступ к аккумуляторам, не правда ли?

— Конечно. Когда у них кончается энергия, они заряжают себя сами.

— Вы думаете, они останавливаются после полной зарядки? Роботы — прирожденные пьяницы. Они будут высасывать энергию, пока она не кончится. Разве вы еще не знаете этот старый трюк роботов?

— Наверное, именно так и было,— сказал Филипс.— Но зачем они это сделали?

— Им это вносят в схему еще на заводе. Так они быстрее изнашиваются, и приходится покупать новых. Поверьте мне, если вы посадите их на голодный паек, то это будет для их же пользы.

— Видимо, мне еще многому предстоит научиться,— вздохнул Филипс.

А Джин — его жене — предстояло научиться еще большему. Амелии пришлось несколько раз объяснить ей, что кнопки не будут сами себя нажимать, переключатели не станут выключаться без реле, и стрелки не будут по своему желанию устанавливаться на нужных делениях. Роботам-уборщикам нельзя поручать стряпню, а Терка-мойка, хотя и универсальный аппарат, просто неспособна сама приготовить запасы консервов.

— Никогда не думала, что это так сложно,— сказала Джин.— Как у вас все получается?

— Привыкнете,— сказала Амелия, вспомнив свои первые дни походной жизни.

Филипсы вернулись на свою зарубку. Амелия думала, что без них будет скучать, но было так приятно снова остаться вдвоем с Дирком и вернуться к работе на ферме.

Однако их не собирались оставлять в покое. Следующим посетителем был представитель «Областной марсианской энергокомпании». Он рассказал, что переселенцы прибывают на кольцо астероидов и система энергоснабжения, соответственно, расширяется. Он предложил присоединить ферму Дирка к плотнолучевой сети «Марсианской энергокомпании».

— Нет,— твердо отказался Дирк.

— Но почему? Ведь это недорого...

— У меня свой источник энергии.

— А эти маленькие генераторы,— сказал человек, осуждающе посмотрев на солнце Дирка.— Для действительно высокой производительности...

— Я в ней не нуждаюсь. Темпы развития моей фермы меня удовлетворяют.

— Вы могли бы больше выжать из своих роботов.

— Тогда они скорее износятся.

— Можно приобрести более новые модели.

— Новые изнашиваются еще быстрее.

— А как насчет более совершенных генераторов? — поинтересовался представитель компании.— Ваше крошечное солнце дает мало энергии.

— Для меня достаточно.

Представитель удивленно покачал головой.

— Наверное, мне никогда не понять вас — пионеров,— сказал он и отбыл.

Они попытались возобновить прежнюю жизнь. Однако с соседних астероидов начали подмигивать огоньки, а лунное телевидение забивалось местными сигналами. Еженедельно стала приходить почтовая ракета, и какое-то бюро путешествий стало организовывать поездки на кольцо астероидов.

У Дирка в глазах снова появилось знакомое выражение неудовлетворенности. Он внимательно наблюдал за небесами — они сужались, чувство простора исчезало, а тишина разрывалась выхлопами пролетавших ракет.

Однако он дал обещание Амелии и собирался сдержать его, даже если б это стоило ему жизни. Вид у него был изможденный, и он теперь работал по шесть, семь, а иногда по восемь часов в сутки.

Их посетил продавец швейных машин, а одна деловая решительная дама попыталась продать Дирку «Солнечную энциклопедию». Регулярные маршруты были уже проложены, и длинный, опасный путь превратился в скоростное шоссе.

Однажды вечером Дирк и Амелия, сидевшие на крылечке, увидели, как огромная надпись осветила небо. Она простиралась в космосе на многие мили: «Торговый центр Розена. Магазины, ресторан, лучшая выпивка на астероидах».

— Магазины,— прошептала Амелия.— И ресторан! О, Дирк, давай посмотрим!

— А почему бы и нет,— сказал он, беспомощно пожав плечами.

На следующий день Амелия надела свое новое платье и заставила Дирка облачиться в его единственный, сшитый по заказу костюм. Они залезли в свой старый корабль и отправились в путь.

«Центр Розена» — новый шумный поселок, раскинувшийся на четырех соединенных астероидах,— храбро боролся за право называться городом. Везде были проложены движущиеся мостовые. Городок заполняла толпа суетящихся нетерпеливых людей, и по улицам тяжело ступали роботы, нагруженные снаряжением.

Амелия привела Дирка в ресторан, где им подали настоящий земной обед. Дирку он не понравился. Его немного тошнило от воздуха, выдыхаемого другими людьми, а слишком изысканная пища не насыщала. Дирк закончил обед тем, что заказал не то вино и попытался дать на чай роботу-официанту.

Вконец несчастный, он позволил Амелии таскать себя из одного магазина в другой. Он оживился лишь однажды, когда они зашли в магазин тяжелого оборудования. Он осмотрел новый антигравитационный генератор. Такой модели он еще не видел.

— Это именно то, что требуется для нейтрализации чрезмерной силы тяжести,— объяснил ему продавец-робот.— Мы считаем, что машина будет отлично работать на лунах Юпитера, например.

— На лунах Юпитера?

— Это только к примеру, сэр,— сказал робот.— Никто там еще не бывал. Это совершенно необследованная территория.

Дирк рассеянно кивнул, поглаживая полированную поверхность машины.

— Слушай, Амелия,— сказал он наконец.— Как ты думаешь, то место на Земле все еще вакантно?

— Может быть,— ответила она.— А что?

— Все равно, где жить — на Земле или здесь. Для этих людей освоение новых мест — игра.

— Ты думаешь, что будешь счастлив на Земле?

— Возможно.

— Я сомневаюсь,— сказала Амелия.

Она вспомнила, как им было хорошо на астероиде. Жизнь их была полной и счастливой; они были вдвоем и вместе, терпя лишения, отодвигали пустыню — с помощью своих грубых орудий, силой своего разума.

Так было до того, как пришли люди, до того, как шумная, толкотливая земная цивилизация оттеснила их к самым дверям дома.

Ее мать все поняла на собственном горьком опыте и пыталась ей это объяснить. Дирк никогда не будет счастлив на Земле. И она не может быть счастливой, если он попусту растратит свою жизнь, как ее отец, ненавидя свою работу и мечтая о другой, которая смогла бы удовлетворить его.

— Мы покупаем антигравитационный генератор,— сказала она роботу. Она повернулась к Дирку: — Он нам пригодится на Юпитере.

На берегу спокойных вод

Марк Роджерс, старатель, отправился в пояс астероидов на поиски радиоактивных руд и редких металлов. Он занимался этим несколько лет, перебираясь от одного каменного обломка к другому, но без особых удач. Наконец он обосновался на каменной глыбе толщиной около полумили.

Роджерс словно уже родился старым: после определенного возраста его внешность почти перестала меняться. Лицо его стало бледным от долгого пребывания в космосе, а руки слегка дрожали. Каменную глыбу он назвал Мартой — в честь девушки, с которой никогда не был знаком.

Ему немного повезло — он нашел небольшую жилу и заработал достаточно, чтобы привезти на Марту воздушный насос, скромный домик — скорее хижину,— несколько тонн земли, баки с водой и робота. А затем обустроился и предался созерцанию звездного неба.

Робота он купил стандартного — универсальную рабочую модель со встроенной памятью и словарем в тридцать слов, который Марк начал по словечку увеличивать. Он имел кое-какой опыт по части всяческих железок, к тому же Марку очень нравилось приспосабливать на свой вкус все, что его окружало.

Поначалу робот умел произносить лишь «Да, сэр» и «Нет, сэр». Он мог излагать простейшие проблемы: «Воздушный насос барахлит, сэр», «Пшеница прорастает, сэр». Был способен и на вполне удовлетворительное приветствие: «Доброе утро, сэр».

Марк все изменил. Для начала он выкинул всяческих «сэ-ров» из словаря робота; на его астероиде равенство стало законом. Затем назвал робота Чарльзом — в честь отца, которого никогда не видел.

Шли годы, и воздушный насос начал протекать, превращая содержащийся в скалах планетоида кислород в пригодную для дыхания атмосферу. Воздух понемногу просачивался в кос-

мос, и насосу приходилось работать несколько интенсивнее, вырабатывая больше кислорода.

На ухоженном клочке чернозема исправно вырастали урожаи. Подняв голову, Марк мог видеть пронзительную черноту космической реки и плывущие по ней точечки звезд. Вокруг него, под ним и над головой медленно дрейфовали обломки скал, и изредка на их темных боках поблескивало сияние звезд. Иногда Марк замечал Марс или Юпитер. Однажды ему показалось, что он увидел Землю.

Марк начал записывать на встроенную в Чарльза ленту новые ответы, которые тот произносил, услышав ключевую фразу. И теперь на вопрос: «Неплохо смотрится, верно?» — Чарльз отвечал: «По-моему, просто здорово».

Поначалу робот произносил те же самые ответы, которые Марк привык слышать, долгие годы разговаривая сам с собой. Но понемногу он начал создавать в Чарльзе новую личность.

Марк всегда относился к женщинам с подозрительностью и презрением, но по каким-то причинам не отразил это отношение на ленте Чарльза. И точка зрения робота стала совершенно другой.

— Что ты думаешь о девушках? — мог спросить Марк, когда, покончив с домашними делами, усаживался возле хижины на упаковочный ящик.

— Даже не знаю. Сперва надо отыскать подходящую.— Робот отвечал, старательно воспроизводя записанные на ленту ответы.

— А мне вот хорошая девушка пока не попадалась,— произносил Марк.

— Знаешь, это нечестно. Наверное, ты искал недостаточно долго. В мире для каждого мужчины имеется девушка.

— Да ты романтик! — презрительно говорил Марк.

Тут робот делал паузу — заранее предусмотренную — и посмеивался тщательно сконструированным довольным смехом.

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта,— продолжал Чарльз.— И кто знает, может, если поискать хорошенько, я еще смогу ее найти.

Затем наступало время ложиться спать. Но иногда Марку хотелось еще немного поболтать.

— Что ты думаешь о девушках? — снова спрашивал он, и прежний разговор повторялся.

Чарльз старел. Его сочленения утрачивали гибкость, а кое-какие провода начали ржаветь. Марк мог работать часами, ремонтируя робота.

— Ржавеешь помаленьку,— подшучивал он.

— Да и ты не юноша,— отвечал Чарльз. У него почти всегда был готовый ответ. Пусть незамысловатый, но все же ответ.

На Марте стояла вечная ночь, но Марк делил время на утро, день и вечер. Их жизнь шла по простому расписанию. Завтрак из овощей и консервов из запасов Марка. Затем робот отправлялся работать в поле, где растения тянулись из земли, привыкая к его прикосновениям. Марк чинил насос, проверял водопровод и наводил порядок в безупречно чистой хижине. Потом ленч, и на этом обязанности робота обычно заканчивались.

Они садились на упаковочный ящик и смотрели на звезды. Они могли разговаривать до самого ужина, а иногда прихватывали и кусок бесконечной ночи.

Со временем Марк обучил робота вести более сложную беседу. Конечно, ему не по силам было научить робота вести непринужденный разговор, но он смог добиться предела возможного. Пусть очень медленно, но в Чарльзе развивалась личность — поразительно не похожая на самого Марка.

Там, где Марк ворчал, Чарльз сохранял невозмутимость. Марк был язвительным, а Чарльз наивным. Марк был циник, а Чарльз — идеалист. Марк зачастую грустил, а Чарльз постоянно пребывал в добром расположении духа.

И через некоторое время Марк позабыл, что когда-то сам записал в Чарльза все его ответы. Он стал воспринимать робота как своего друга-ровесника. Друга, рядом с которым прожил долгие годы.

— Чего я никак не пойму,— говорил Марк,— так это почему мужик вроде тебя захотел здесь жить. Я вот что имею в виду — для меня тут самое подходящее место. Никому до меня дела нет, да и мне на прочих, вообще-то говоря, начхать. Но ты-то?

— Тут у меня есть целый мир,— отвечал Чарльз,— который на Земле мне пришлось бы делить с миллиардами других. Есть звезды, крупнее и ярче, чем на Земле. А вокруг меня — необъятное пространство, похожее на спокойные воды. И есть ты, Марк.

— Эй, не становись из-за меня сентиментальным...

— А я и не становлюсь. Дружба важнее всего. А любовь, Марк, я потерял много лет назад. Любовь девушки по имени Марта, с которой никто из нас двоих не был знаком. И жаль. Но остается дружба, и остается вечная ночь.

— Да ты поэт, черт возьми! — с легким восхищением произносил Марк.

— Бедный поэт.

Текло время, не замечаемое звездами, и воздушный насос шипел, клацал и протекал. Марк чинил его постоянно, но воздух на Марте становился все более разреженным. И хотя Чарльз не покладая рук трудился на полях, растения медленно умирали.

Марк так устал, что уже едва ковылял с места на место, несмотря на почти полное отсутствие гравитации. Большую часть времени он проводил в постели. Чарльз кормил его как мог, с трудом передвигаясь на скрипучих, тронутых ржавчиной конечностях.

— Что ты думаешь о девушках?

— Мне хорошая еще не попадалась.

— Знаешь, это нечестно.

Марк слишком устал, чтобы видеть приближающийся конец, а Чарльза это не интересовало. Но конец был близок. Воздушный насос грозил отказать в любой момент. Уже несколько дней не было никакой еды.

— Но ты-то?

— Здесь у меня есть целый мир...

— Не становись сентиментальным...

— И любовь девушки по имени Марта.

Лежа в постели, Марк в последний раз увидел звезды. Большие, как никогда раньше, бесконечно плывущие в спокойных водах космоса.

— Звезды...— сказал Марк.

— Да?

— Солнце?

— ...будет сиять, как сияет сейчас. И потом.

— Чертов поэт.

— Бедный поэт.

— А девушки?

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта. Быть может, если...

— Что ты думаешь о девушках? А о звездах? О Земле?

И наступило время заснуть, на этот раз навсегда.

Чарльз стоял возле тела своего друга. Он пощупал пульс и выпустил иссохшую руку. Прошел в угол хижины и выключил усталый воздушный насос.

Внутри Чарльза крутилась когда-то подготовленная Марком, потрескавшаяся лента. Оставалось еще несколько дюймов до конца.

— Надеюсь, он нашел свою Марту,— прохрипел робот.

Затем лента порвалась.

Его ржавые конечности не сгибались, и он неподвижно застыл, глядя на обнаженные звезды. Потом склонил голову.

— Господь — пастырь мой,— сказал Чарльз.— Зачем мне желания мои? На пажитях зеленых положил он меня; он указал мне путь...

Наконец-то один

Корабль, отправлявшийся раз в год на Ио, занял стартовую позицию, и полчища андроидов приступили к завершению наземной подготовки. Собравшаяся поглазеть на это событие толпа в предвкушении развлечения все более уплотнялась. Прозвучал горн, пронзительно завизжала предупредительная сирена. Из последних не задраенных иллюминаторов посыпались конфетти, продолговатые ленты серебристого и алого цвета.

— Всем провожающим покинуть борт корабля! — раздался из громкоговорителя зычный голос капитана — разумеется, человека.

В центре всего этого оживления стоял с лоснящимся от пота лицом Ричард Арвелл. Груда багажа вокруг него с каждой минутой все более увеличивалась. Дорогу к кораблю ему преградил невысокий, смешной на вид правительственный чиновник.

— Нет, сэр, я никак не могу позволить вам сделать это,— не без пафоса произнес чиновник.

Пропуск Арвелла был подписан и завизирован, билет оплачен, документы в полном порядке. Ему пришлось выстоять перед доброй сотней дверей, объясняться с сотней невежд и тем не менее удалось добиться своего. И теперь, в самом конце восхождения к успеху, удача отвернулась от него.

— Мои документы в полном порядке,— настаивал Арвелл с деланным спокойствием.

— На вид они действительно в порядке,— спокойно возразил чиновник.— Только вот цель вашего вылета настолько абсурдна...

В это мгновение робот-носильщик неуклюже подхватил ящик с андроидом Арвелла.

— Осторожнее! — крикнул Арвелл.

Робот с грохотом уронил ящик на землю.

— Идиот! Дурак неумелый! — Арвелл обратился к чиновнику: — Неужели нельзя было сделать хоть одного толкового робота, который бы следовал указаниям?

— Именно этот вопрос в один прекрасный день задала моя жена,— ответил чиновник, сочувственно улыбаясь.— Как раз тогда, когда наш андроид...

— Грузить все это в корабль, сэр? — спросил робот.

— Пока нет,— ответил чиновник.

— Всем посторонним покинуть корабль! Последнее предупреждение! — прогремели громкоговорители.

Чиновник снова уставился в бумаги Арвелла:

— Так вот. Все дело в месте назначения. Вы действительно желаете отправиться на один из астероидов, сэр?

— Именно так,— ответил Арвелл.— Я намерен обосноваться на одном из астероидов. Как раз об этом и говорится в моих документах. Соблаговолите подписать их и пропустить меня на корабль.

— Но ведь на астероидах никто не живет. Там нет поселений.

— Я знаю.

— На астероидах, по сути, нет ни единого человека.

— Верно.

— Вы будете совершенно один.

— Я хочу быть один,— с жаром произнес Арвелл.

Чиновник недоверчиво глянул на него:

— Примите во внимание связанный с этим риск. В наше время никто никогда не остается один.

— Я останусь. Как только вы подпишете мои бумаги,— взмолился Арвелл. Взглянув на корабль, он увидел, что все иллюминаторы уже закрыты и задраены.— Пожалуйста!

Чиновник колебался. Документы, несомненно, были в полном порядке. Но оставаться одному — совершенно одному — опасно. Это равносильно самоубийству.

Однако — и этого нельзя было отрицать — нарушения законов здесь не было никакого.

Не успел он нацарапать свою подпись, как Арвелл закричал:

— Носильщик! Носильщик! Грузите все это в корабль! Поторапливайтесь! И осторожнее с андроидом!

Робот-носильщик поднял ящик так резко, что Арвелл услышал, как стукнулась о стенку голова андроида. Он вздрогнул, но сейчас было не время выговаривать роботу — закрывалась последняя дверь.

— Подождите! — закричал Арвелл и бегом пустился по бетонной площадке. Робот-носильщик громыхал вслед за ним.— Подождите! — снова закричал он, поскольку корабельный андроид продолжал тщательно закрывать дверь, не обращая внимания на распоряжения Арвелла, не подкрепленные корабельным начальством.

Пришлось вмешаться одному из людей, членов экипажа корабля, и процесс закрытия двери приостановился. Арвелл с разбегу влетел внутрь корабля, за ним вдогонку через дверной проем пролетел багаж, и дверь закрылась.

— Ложитесь! — закричал кто-то из экипажа — человек.— Пристегнитесь. Выпейте вот это. Мы отправляемся.

Как только корабль задрожал и начал подниматься, Арвелл ощутил ни с чем не сравнимое хмельное чувство огромного удовлетворения. Он все-таки добился своего, победил и скоро, очень скоро, будет один.

Однако треволнения Арвелла не закончились даже в космосе. Ибо капитан корабля, высокий седеющий мужчина, наотрез отказался высадить его на астероиде.

— У меня это никак не укладывается в голове. Вы хотя бы ведаете, что творите? Я прошу вас пересмотреть свое решение.

Они сидели в мягких креслах в уютной кабине капитана. Арвелл чувствовал себя невыносимо уставшим. Его раздражало самодовольное, ничем не примечательное лицо шкипера. На какое-то мгновение он даже задумался: а не придушить ли этого человека. Однако в этом случае ему уже ни за что не видать столь желанного уединения. Каким-то образом он должен убедить и этого последнего угрюмого идиота, стоящего у него на пути.

За спиной капитана бесшумно возник робот-стюард.

— Не угодно ли выпить, сэр? — раздался резкий металлический голос робота.

От неожиданности капитан едва не подпрыгнул.

— Неужели обязательно нужно шнырять у меня за спиной? — возмутился капитан, обращаясь к роботу.

— Простите, сэр,— ответил робот.— Не угодно ли выпить, сэр?

Оба человека взяли бокалы.

— Почему,— задумчиво произнес капитан,— эти машины нельзя надлежащим образом вышколить?

— Я и сам не раз задумывался над этим,— сказал Арвелл.

— Вот этот робот,— продолжал капитан,— в высшей степени квалифицированный слуга. И тем не менее у него выработалась нелепая привычка шнырять у людей за спиной.

— А моему андроиду,— заметил Арвелл,— присуща очень неприятная дрожь левой руки, нарушение координации, отставание по фазе одних движений от других. Так, во всяком случае, объяснили мне эту особенность механики. Один даже обещал попытаться устранить.

Капитан пожал плечами:

— Может быть, новые модели лишены...— Он безнадежно махнул рукой и поднес бокал к губам.

Арвелл отпил немного из своего бокала и решил, что атмосфера взаимопонимания в конце концов установилась. Он докажет капитану, что вовсе не сумасшедший. Напротив, его воз-

зрения вполне обычны. Теперь самое время воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации.

— Надеюсь, сэр,— сказал он,— астероид не доставит вам особых хлопот.

Капитан досадливо поморщился:

— Мистер Арвелл, вы упрашиваете меня совершить по сути антиобщественный поступок. Для меня, как для человеческого существа, сам факт вашей высадки на астероиде будет чем-то вроде проявления собственной несостоятельности. В нашу эпоху никто не бывает одиноким. Мы держимся все вместе, жмемся друг к другу, многолюдье обеспечивает нам ощущение покоя и безопасности. Мы поддерживаем друг друга.

— Совершенно верно. Но необходимо также допускать и возможность индивидуальных различий. Я — один из тех немногих, которые искренне хотят уединения. Из-за этого я могу казаться чудаком. Но, разумеется, к моим желаниям следует относиться с уважением.

— Гм-м-м...— Капитан серьезно взглянул на Арвелла.— Вам просто кажется, что вы хотите уединения. А приходилось ли вам испытать его хоть раз по-настоящему?

— Нет,— признался Арвелл.

— О, тогда вы и понятия не имеете об опасностях, присущих этому состоянию. Разве не лучше было бы, мистер Арвелл, в полной мере пользоваться преимуществами нашей эпохи?

Капитан стал разглагольствовать о Великом Мире, который длится уже более двухсот лет, и о психологической стабильности, благодаря которой он существует. Слегка раскрасневшись, он горячо защищал взаимовыгодный симбиоз между человеком — этим организовавшим общество животным — и его творениями — безупречно действующими машинами. Он напомнил о величайшей задаче человечества — организации функционирования своих созданий с наибольшей эффективностью.

— Все это верно,— согласился Арвелл,— но не для меня.

— А вы пытались подступиться к этому? — хитро улыбаясь, спросил капитан.— Вы испытывали глубоко волнующее чувство взаимного сотрудничества? Чувство удовлетворения, которое приносит руководство сельскохозяйственными андроидами, когда они возделывают пшеничные поля, управление андроидами, орудующими под водой? Какая важная, полезная задача! Даже наиболее простая задача — быть надсмотрщиком, ну, скажем, над двумя или тремя десятками фабричных роботов — и то позволяет испытать при ее решении чувство глубокого удовлетворения. И этим чувством можно поделиться и в еще большей степени усилить его посредством контактов со своими собратьями-людьми.

— Все это не доставляет лично мне ни малейшего удовлетворения,— сказал Арвелл.— Все это не для меня. Я хочу провести остаток своих дней в одиночестве, читая книги и размышляя на своем крохотном астероиде.

Капитан устало потер веки:

— Мистер Арвелл, я не сомневаюсь, что вы в здравом уме и поэтому являетесь хозяином своей судьбы. Я не могу остановить вас. Но все-таки подумайте! Одиночество опасно для современного человека. Невероятно опасно, хотя это не сразу заметно. По этой причине люди научились избегать его.

— Для меня это не опасно,— произнес Арвелл.

— Остается только надеяться,— сказал капитан.— Я от души желаю вам успеха.

Наконец была пройдена орбита Марса, и начался пояс астероидов. С помощью капитана Арвелл выбрал подходящих размеров каменную глыбу. Корабль сравнял свою скорость со скоростью астероида.

— Вы продолжаете настаивать, что четко представляете себе, что именно хотите сделать? — спросил капитан на прощание.

— Безусловно! — воскликнул Арвелл, едва сдерживая волнение оттого, что столь желанное одиночество совсем уже рядом.

В течение нескольких следующих часов члены экипажа, облаченные в скафандры, переносили пожитки Арвелла с корабля на астероид и закрепляли их на поверхности. Они смонтировали генераторы воды и воздуха и выгрузили запасы основных компонентов для производства пищи. Наконец они надули прочный купол из пластика, внутри которого предстояло жить Арвеллу, и приступили к распаковке андроида.

— Поосторожнее с ним,— предупредил Арвелл.

Неожиданно ящик выскользнул из неловких рук робота и начал медленно уплывать прочь.

— Зацепите за него трос! — крикнул капитан.

— Быстрее,— взвизгнул Арвелл, наблюдая, как его бесценная машина уплывает в безвоздушное пространство.

Один из членов команды — человек — выпустил гарпун с тросом и начал притягивать к себе колотившийся по корпусу корабля ящик. Без дальнейших задержек он был прикреплен к астероиду. Теперь наконец Арвелл был полностью готов к вступлению во владение своей крохотной планетой.

— Я хочу, чтобы вы еще разок серьезно задумались над этим,— мрачно сказал капитан.— Над опасностью одиночества.

— Все это предрассудки,— резко огрызнулся Арвелл, сгорая от желания остаться одному.— Никакой такой опасности не существует.

— Я вернусь с дополнительным грузом провизии через шесть месяцев. Поверьте мне, опасность существует. Ведь совсем не случайно современный человек избегает...

— Мне можно идти? — оборвал капитана Арвелл.

— Пожалуйста. Желаю удачи.

Одетый в скафандр, с гермошлемом на голове, Арвелл оттолкнулся от корабля в направлении своего крохотного островка в космосе и уже с него наблюдал за отлетом. Когда корабль стал светящейся точкой не больше обычной звезды, он принялся за обустройство. Прежде всего, разумеется, андроид. Он надеялся, что, несмотря на грубое обращение, андроид не получил каких-либо повреждений. Арвелл быстро вскрыл ящик и активировал механизм. Стрелка прибора на лбу андроида показывала, что накопление энергии идет нормально. Вполне нормально.

Арвелл осмотрелся. Астероид представлял собой вытянутую черную скалу. На нем находились все припасы Арвелла, андроид, пища и книги. Со всех сторон беспредельный космос, холодный свет звезд и тусклого солнца и абсолютно черная ночь.

Он слегка вздрогнул и отвернулся.

Андроид был активирован полностью. Впереди немало работы. Но Арвелл как очарованный еще раз взглянул на окружавшее его космическое пространство.

Корабль, едва различимая звездочка, скрылся из виду. Впервые Арвелл ощутил то, о чем раньше имел только смутное представление. Он ощутил уединение. Уединение полное и абсолютное. Из глубины ночи, которой теперь никогда не будет конца, на него безжалостно глядели алмазные точки звезд. Вокруг не было ни единого человека — для него лично человеческая раса перестала существовать. Он был один.

От этого можно сойти с ума.

Арвелл был в восторге.

— Наконец-то я один! — крикнул он звездам.

— О да,— произнес андроид, резко вскакивая на ноги и бросаясь к нему.— Наконец-то мы одни!

Вымогатель

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за «преступные действия чрезвычайной непристойности». Он нахально цыркнул сквозь зубы во время Резвой Созерцательности и передернул задним голенопятом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет «безоговорочного остракизма». Но Детрингер усугубил вину, совершив «преднамеренное ослушание» на Встрече Поминовения, где во всеуслышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории Ферланга: Детрингер проявил «неприкрытое злобное насилие» по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив «явную публичную агрессивность», которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания — «бессрочное изгнание».

Ферланг — четвертая по счету планета в системе на краю Галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Ичор. Жены Детрингера — задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неугомонная лопоухая Уу — официально расторгли брак с ним Торжественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей прошли через Обряд Отречения, хотя поговаривали, что Дерани — младшая — потом прошептала: «Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю».

Детрингеру, разумеется, не дано было этим утешиться. Очень скоро запасы энергии на утлом суденышке, брошенном в безбрежный океан пространства, истощились, и Детрингер, когда пришлось перейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду и пульсирующую головную боль кислородного голодания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь безжалостным блеском звезд. Не видя смысла расходовать скудные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать резервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпланетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится. Время сковало его густым черным желе. Существо слабое, лишившись привычного окружения, наверняка предалось бы отчаянию и потеряло рассудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый «вечер» устраивал концерты преданному Ичору, который

отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в «Пособии по выживанию в одиночку», избегал губительных мыслей о неизбежности смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический штиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило новыми бедствиями. Мощный шторм налетел на кораблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гонимый штормовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров. Главное — они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманенные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

— Ну вот, межгалактические пучины и позади,— сообщил он Ичору.— Нас вынесло к границе планетной системы.

Ичор приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

— Тип солнца?

— Тип О,— ответил Детрингер.

— Слава Создателю! — вознес хвалу Ичор и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты — девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было сидеть тихо в надежде на случай — вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже шторм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то, ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальный курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловчился приблизиться к заветной цели на двести миллионов миль.

Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя — его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Ичор был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

— Ты, конечно, прав,— бодро ответил Детрингер.— Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Ичор скрепя сердце согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо: агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Ичор своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно, приземление оказалось весьма простым для пилота такого мастерства и везения. Словно пушинку, опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Ичор пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его:

— Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не обнаружила в этом радушном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Ичор подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше местечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным.

— В конце концов,— резонно заметил он,— даже раздобудь мы топливо, куда нам лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

— Лучше бороться и принять смерть, чем, прозябая, сохранить жизнь,— заявил он.

— Хозяин,— почтительно заметил Ичор,— сие ересь.

— Вероятно,— беззаботно согласился Детрингер.— Но так уж я полагаю. А интуиция подсказывает мне — что-нибудь подвернется.

Ичор содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкнис Макмиллан стоял посреди главной рубки исследовательского судна «Дженни Линд» и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмиллан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа «Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования» была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой публики под названием «Затерянные и найденные в глубоком космосе». Это да еще большая статья в журнале «Природа», озаглавленная «Использование теории отклонения в приемах и методах посадки», сделали единственной его кандидатуру на пост капитана первого американского звездолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной сединой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных — его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмиллан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайной застенчивостью. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философии, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, в комнату вошел полковник Кеттельман.

— На первый взгляд здесь недурно. Как по-вашему? — заметил он.

— Профиль планеты производит благоприятное впечатление,— сухо отозвался Макмиллан.

— Прекрасно,— заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером.— Что-нибудь интересное?

— И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

— Я не об этом,— отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам.— Я имею в виду кое-что поважнее: армию, космический флот...

— Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации,— пожал плечами Макмиллан.— Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

— Кто знает,— с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в суждениях человек, ветеран многих кампаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный нью-йорский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдатам и безупречным послужным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и техасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля «Дженни Линд». Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжидая, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

— Правда, кое-что там есть,— добавил Макмиллан.— Мы обнаружили космический корабль.

— Ага! — удовлетворенно крякнул Кеттельман.— Я так и думал. Вы засекли только один?

— Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

— Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется,— заявил Кеттельман.— Интересно, где остальные?

— Какие «остальные»?

— Остальные вражеские корабли, войска, ракеты «земля-космос» и все прочее.

— Присутствие одного корабля логически не обусловливает присутствия другого,— заметил капитан Макмиллан.

— Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса,— наставительно сказал Кеттельман.— По тамошним правилам: где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

— Здесь несколько иные условия,— не согласился Макмиллан.

— Ну и что?

Макмиллан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник был сварлив и упрям, легко впадал в ярость и отличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Ичор, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

— Что и говорить, пилот — истинный ас,— заметил Детрингер.— Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

— Думаю, вам представится такая возможность,— отозвался Ичор.— То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

— Они нас, конечно, обнаружили,— согласился Детрингер.— И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

— Ваши рассуждения не лишены здравого смысла,— сказал Ичор.— Но как будете действовать вы на своем месте?

— Прямо, разумеется!

— Исторический момент,— вздохнул Ичор.— Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ. Ирония судьбы — столь великая миссия ниспослана преступнику!

— Эта великая миссия, как ты выражаешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не домогался. Да, между прочим,

думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

— Вы хотите солгать?

— Зачем так резко! — поморщился Детрингер.— Считай, что это — желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

— Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу:

— Мне кажется, Ичор, ты не совсем одобряешь мои действия?

— Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти — и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

— Считай, что я предупрежден,— сказал Детрингер.— А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

— Выходят солдаты,— уточнил Ичор.

Вновь прибывшие оказались двуногими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лучеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы — прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палочку — вероятно, символ власти,— которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо шествовал во главе солдат.

Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.

— Хватит сидеть в кустах,— решил Детрингер.— Пора выйти и встретить их с достоинством, приличествующим эмиссару ферлангского народа.

Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.

На борту «Дженни Линд» каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя, который сейчас браво шел на гвардейцев Кеттельмана, не должно было вызвать потрясения.

Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехонького инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда — каковы должны быть самые первые слова? Как бы в этот исторический момент не ударить в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: «Доктор Ливингстон, полагаю?» Над вашими словами, банальными они кажутся или выспренними, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.

И капитан Макмиллан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в переводящем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил Бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову — не дай бог, инопланетянин в первую очередь поинтересуется, что они едят.

Но до Кеттельмана им всем было далеко. «Черта с два, уж я-то с ним первым не заговорю!» — однозначно решил он. Полковник замедлил шаг, рассчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмиллан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме *при всех регалиях. Он не сомневался*, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.

Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно собрались уносить ноги. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят его и его вооруженные силы.

Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.

— Взвод, стой! — скомандовал полковник.

Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.

— Капитан,— обратился Кеттельман к Макмиллану,— предлагаю для этого исторического момента спустить... я имею в виду — выпустить газетчиков.

— Прекрасная идея,— согласился Макмиллан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.

Затем все стали ждать.

Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: «Анабиоз — посторонним вход воспрещен». Ниже от руки было добавлено: «Поднимать только в случае сенсации».

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые событиями годы, которые потребуются «Дженни Линд», чтобы куда-нибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо, заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмиллану, который в студенческие годы сотрудничал в газете «Солнце Финикса».

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

— Мы совершили посадку на планете земного типа,— объявил Дельгадо,— но без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

— А разбудили нас для чего? — возмутился Квебрада из Северо-Восточного агентства новостей.

— Дело в том,— продолжал Дельгадо,— что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

— Тогда другое дело,— сказала Милисент Лопец, сотрудница издания «Женская одежда».— Вы не обратили внимания, как он одет?

— Установлено ли, насколько он разумен? — спросил Матеас Упман из «Нью-Йорк таймс».

— Каковы были его первые слова? — поинтересовался Анжел Потемкин из «Эн-Би-Си-Си-Би-Эс-Эй-Би-Си».

— Он ничего не говорил,— ответил инженер Дельгадо.— Его пока ни о чем не спрашивали.

— Вы хотите сказать,— изумился Е. К. Кветцатла из Западного агентства новостей,— что первый в истории человечества инопланетянин стоит столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов схватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон инопланетянину, который после некоторого колебания взял его.

— Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

— Вы сказали: «Проверка. Раз, два, три»,— произнес Детрингер.

Все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории будет выглядеть настоящим идиотом. Упмана, однако, нисколько не беспокоило, как он будет выглядеть,— лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживается, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, хобби, поговорить о склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться о внебрачных связях, описать любимый вид спорта, изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое, многое другое.

Капитан Макмиллан уже раскаивался, что пренебрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже двинулся за ним — ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг — узнать истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка — выяснение отношений. В результате было решено, что Макмиллан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были улажены, и Детрингер уединился с Макмилланом. Пехотинцы возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Ичор остался на месте. В него вцепился представитель Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и в таких изданиях, как «Общедоступная механика», «Плейбой», «Роллинг Стоун» и «Лучшие

труды по автоматизации». Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмилланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, они во многом сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмиллан не без удивления отметил, что иноплanетянин Детрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел совсем в ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

— Чем вы тут занимаетесь? — без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

— Мой корабль — часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

— Итак, вы беспомощны.

— В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будет подготовлено необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

— Гм-м-м...— Полковник Кеттельман нахмурился.

— Прошу прощения?

— «Гм-м-м»,— сказал переводящий компьютер С-31,— это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

— Чушь собачья! — рявкнул Кеттельман.— «Гм-м-м» вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

— Да, полковник,— подтвердил Детрингер.— Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

— Система двигателей на «Дженни Линд»...— начал С-31.

— Минутку, это секретные сведения! — возмущенно оборвал Кеттельман.

— Отнюдь нет,— возразил компьютер.— Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

— Гм-м-м...— протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

— Так я и думал,— кивнул Детрингер.— Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

— О, тут как раз нет никаких затруднений,— сказал Кеттельман.— У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

— Что именно? — поинтересовался Детрингер.

— Послужит ли это нашей безопасности.

— Не вижу связи.

— Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

— Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

— Ну и что? Мы, американцы, всегда старались воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детрингер не потерял самообладания.

— Мы — мирный народ и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

— Это слова,— вздохнул Кеттельман.— А где гарантии?

— Полковник,— возмутился Детрингер,— вы случайно слегка не...— Он запнулся в поисках подходящего слова.— ...тронулись?

— Он желает знать,— услужливо разъяснил С-31,— не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноценность. Ему начинало казаться, что его травят.

— Вы меня не дразните,— зловеще предупредил он.— Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, нас уже след простынет, и они ни шиша не узнают.

— Подобные действия не лишены были бы смысла,— сказал Детрингер,— не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

— Ишь, умник,— с досадой произнес Кеттельман.

— Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

— Я об этом не подумал,— признался Кеттельман.— Гм-м... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

— Вот видите! — многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

— Ну ладно,— решил он наконец.— Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился рассказывать о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он в немалой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы войти в крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

— Что ж, начало положено,— сказал Детрингер Ичору.— Надо еще шестьдесят таких канистр.

— Но почему они посылают по одной канистре? — поинтересовался Ичор.— Уж очень нерационально.

— Это смотря с чьей точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем — увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от репортеров, потребовал встречи с Кеттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо, призванные запечатлеть особо памятные моменты из жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофей осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

— Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

— Я пришел узнать, почему вы не присылаете мне топливо.

— Вот как? — Кеттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло.— Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без аппаратуры?

— Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? — возмутился Детрингер.

— Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что

на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо — специалист в этой области.

— Достижения миниатюризации...— начал Детрингер.

— Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

— Я все могу объяснить,— сказал Детрингер.

— Сделайте одолжение.

— Это достаточно просто. Я вас обманывал.

— Очевидно. Но это ничего не объясняет.

— Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферлангцы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньше информации сообщать и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

— Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

— Думаю, большой беды не будет...— наконец сказал он.— Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

— Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

— Совершенно верно,— кивнул Детрингер.

Кеттельман пристально посмотрел на него:

— Хорошо, тогда что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что я лжец,— сказал Детрингер.

— Так точно,— подтвердил Кеттельман.

— Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.

— Знаете что? — после короткого молчания произнес полковник.— Я по-прежнему думаю, что вы искусный обманщик.

— Разумеется,— согласился Детрингер.— Вопрос лишь в том, насколько вы в этом уверены.

— Чертовски уверен,— мрачно заявил Кеттельман.

— Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните — если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера оказать мне помощь, равно значимы и сегодня. Вы согласны?

Полковник неохотно кивнул.

— В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо,

сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.

— Положим,— проговорил Кеттельман.— Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.

— В ваших силах попытаться отсрочить контакт,— заметил Детрингер,— но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.

— Гм-м-м,— хмыкнул Кеттельман.

— У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.

Полковник раздраженно мерил шагами узкую каюту. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:

— Вы чересчур ловко спорите!

— Просто мне повезло,— произнес Детрингер.— Логика на моей стороне.

— Он прав насчет логики,— вставил переводящий компьютер С-31.

— Молчать!

— Я считал своим долгом указать на данный факт,— не унимался С-31.

Полковник остановился и потер лоб.

— Детрингер, уйдите,— устало проговорил он,— я пришлю топливо.

— И не пожалеете! — заверил Детрингер.

— Я уже жалею,— отозвался Кеттельман.— Пожалуйста, уйдите.

Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился:

— Я думал, он не согласится.

— Он тоже так думал,— сказал Детрингер.— Но я сумел его убедить.

И он передал Ичору свой разговор с полковником.

— Значит, вы солгали,— печально произнес Ичор.

— Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.

— Тогда почему же он помогает?

— Из опасения, что я все-таки говорю правду.

— Но ведь ложь — преступление.

— Не больше, чем бросить нас здесь. Однако мне надо поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер взялся за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь,— если, конечно, ему вообще удастся улететь.

...Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем — роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присылали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на «Дженни Линд».

Его приход, казалось, не явился неожиданностью — Детрингеру сразу же предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по обе стороны которого замерли вооруженные солдаты. Строгое лицо выражало злорадство. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмиллан.

— Ну, Детрингер,— начал полковник,— что сейчас вы хотите?

— Я пришел просить обещанное мне топливо,— сказал ферлангец.— Но вижу, вы не собираетесь сдержать свое слово.

— Напротив,— возразил полковник.— Я самым серьезным образом собирался помочь представителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

— А кто же? — спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

— Преступник, осужденный верховным судом собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением заслужило высшую меру наказания — бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

— В настоящий момент я ничего не отрицаю и не подтверждаю,— сказал Детрингер.— Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойщика.

— О хозяин! — воскликнул механический слуга.— Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмиллан подался вперед и спросил:

— Ичор, почему ты предал своего хозяина?

— У меня не было выбора, капитан! — вскричал несчастный.— Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопро-

вождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

— Каковы же эти приказы?

— Они отвели мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

— Вчера он мне обо всем рассказал, капитан,— не выдержал робот-посудомойщик.— Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это неприглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— И в самом деле, я сопротивлялся сколько мог,— продолжал Ичор.— Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы, требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

— Я предложил ему такую операцию,— вставил робот-посудомойщик,— хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

— Я бы с радостью согласился,— сказал Ичор.— Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным — на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Кеттельману.

— Вот и вся грязная история,— обратился Кеттельман к капитану.

— Не совсем,— тихо произнес капитан Макмиллан.— Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом — свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия. Ичор кивал с несчастным видом.

— По-моему, мы слышали достаточно,— резюмировал Кеттельман.— Сейчас я вынесу приговор.

— Одну минуту, полковник.— Капитан Макмиллан повернулся к Детрингеру.— Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

— Нет,— ответил Детрингер, и Ичор подтвердил его ответ.

— В таком случае находящееся здесь существо является гражданским лицом,— сказал Макмиллан,— и подлежит суду гражданских властей.

— Не уверен,— произнес полковник.

— Положение абсолютно ясное,— настаивал капитан Макмиллан.— Наши народы не находятся в состоянии войны. Он должен предстать перед гражданским судом.

— И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне,— сказал полковник.— Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр,— при всем к вам уважении.

— Судить буду я,— отчеканил капитан Макмиллан.— Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Кеттельман покачал головой:

— Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмиллан повернулся к Детрингеру.

— Сэр, вы должны понять, что я не вправе следовать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагоразумно, дерзко и аполитично отменять его.

— Чертовски верно,— сказал Кеттельман.

— Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем это было сделано ранее.

Полковник широко ухмыльнулся. Ичор в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: «Бедолага!» Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

— Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

— Так ему и надо,— сказал Кеттельман.— Знаете, капитан, я не думал, что вы окажетесь на это способны.

— Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

— С удовольствием.

— По моим расчетам,— продолжал Макмиллан,— если использовать всех ваших людей, баки корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

— Он у меня улетит еще до наступления ночи,— пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль.— Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

— Суд не интересует, чего хочет или не хочет подсудимый,— констатировал Макмиллан.— Его желания не влияют на решение суда.

— Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! — воскликнул Кеттельман.

— Мы его заставляем,— подчеркнул Макмиллан.— Это совершенно другое.

— Посмотрим, что скажут на Земле,— зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

...С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Ичор — теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

— Хозяин, куда мы направляемся? — спросил Ичор.

— К какому-нибудь новому чудесному миру,— ответил Детрингер.

— А может, навстречу гибели?

— Возможно,— сказал Детрингер.— Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Ичор заметил:

— Надеюсь, у капитана Макмиллана не будет из-за нас неприятностей.

— По-моему, он вполне может постоять за себя,— отозвался Детрингер.

...Там, на Земле, решение капитана Макмиллана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако, прежде чем официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано чересчур запутанным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы «за» и «против», хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

Зацепка

На звездолете главное — сплоченность экипажа. Личному составу полагается жить в ладу и согласии — иначе недостижимо то мгновенное взаимопонимание, без которого порой никак не обойтись. Ведь в космосе один-единственный промах может оказаться роковым.

Не требует доказательств та истина, что даже на самых лучших кораблях случаются аварии, а о заурядном нечего и говорить — он долго не продержится.

Отсюда ясно, как потрясен был капитан Свен, когда за четыре часа до старта ему доложили, что радист Форбс наотрез отказывается служить вместе с новеньким.

Новенького Форбс в глаза не видел и видеть не желает. Достаточно, что он о нем наслышан. По словам Форбса, здесь нет ничего личного. Отказ мотивирован чисто расовыми соображениями.

— Ты не путаешь? — переспросил капитан старшего механика, когда тот принес неслыханную весть.

— Никак нет, сэр,— заверил механик Хао, приземистый китаец из Кантона.— Мы пытались уладить конфликт своими силами. Но Форбс ни в какую.

Капитан Свен грузно опустился в мягкое кресло. Он был возмущен до глубины души. Ему-то казалось, что расовая ненависть отошла в прошлое. Столкнувшись с ее проявлением в натурс, он растерялся, как растерялся бы при встрече с моа или живым комаром.

— В наш век, в наши дни — и вдруг расизм? — кипятился Свен.— Безобразие, форменное безобразие. Чего доброго, следующим номером мне доложат, что на городской площади сжигают ведьм или где-нибудь затевают войну с применением кобальтовых бомб!

— Да ведь до сих пор никакого расизма не было в помине,— возразил Хао.— Для меня это полнейшая неожиданность.

— Ты же у нас не только по званию старший, но и по возрасту,— сказал Свен.— Неужто не пытался урезонить Форбса?

— Я с ним не один час беседовал,— ответил Хао.— Напоминал, что китайцы веками люто ненавидели японцев, а японцы — китайцев. Если уж нам удалось преодолеть взаимную неприязнь во имя Великого Сотрудничества, то отчего бы и ему не попытаться?

— И пошло на пользу?

— Как об стенку горох. Говорит, это совсем разные вещи.

Свен свирепо откусил кончик сигары, поднес к ней огонек и запыхтел, раскуривая.

— Да черт меня подери, если я у себя на корабле стерплю такое. Подыщу другого радиста.

— Не так уж это просто, сэр,— заметил Хао.— В здешней-то глуши.

Свен насупился в раздумье. Дело было на Дискайе-2, захолустной планетенке в созвездии Южного Креста. Сюда корабль доставил груз (запасные части для машин и станков), здесь

взял на борт новичка, назначенного Корпорацией,— невольного виновника переполоха. Специалистов на Дискайе пруд пруди, но все больше по гидравлике, горному делу и прочей механике. Единственный же на планете радист вполне доволен жизнью, женат, имеет двоих детей, обзавелся на Дискайе домом в озелененном пригороде и о перемене мест не помышляет.

— Курам на смех, просто курам на смех,— процедил Свен.— Без Форбса мы как без рук, но новичка я здесь не брошу. Иначе Корпорация наверняка меня уволит. И поделом, поделом. Капитан обязан справляться с любыми неожиданностями.

Хао угрюмо кивнул.

— Откуда родом этот самый Форбс?

— С фермы, из глухой деревушки в гористой части США. Штат Джорджия, сэр. Вы о таком случайно не слыхали?

— Слыхал вроде бы,— скромно ответил Свен, в свое время прослушавший в университете Упсалы спецкурс «Регионы и их отличительные особенности»: в ту пору он стремился возможно лучше подготовиться к капитанской должности.— Там выращивают свиней и земляные орехи.

— И мужчин,— дополнил Хао.— Дюжих, смекалистых. Населения в штате раз, два — и обчелся, а между тем уроженцев Джорджии встретишь на любом пограничном рубеже. За ними упрочилась слава непревзойденных молодцов.

— Знаю,— огрызнулся Свен.— Форбс у нас тоже парень не промах. Одна вот беда — расист.

— Случай с Форбсом нетипичен. Форбс вырос в малочисленном, уединенном сообществе, вдали от главного русла американской жизни. Развиваясь, такие сообщества — а они есть по всему миру — всячески цепляются за причудливые старинные обычаи. Вот как сейчас помню, в одной деревушке Хонаня...

— А все же с трудом верится,— перебил Свен механика, который собрался было пуститься в пространные рассуждения о быте китайской деревни.— Оправдания тут неуместны. Всюду, в любом обществе, сохранилось наследие прошлого — остатки расовой вражды. Однако каждый, вливаясь в главный поток земной жизни, обязан стряхнуть с себя пережитки прошлого. Другие-то стряхнули! Почему же Форбс не может? С какой стати он перекладывает на нас свои заботы? Неужто слыхом не слыхивал о Великом Сотрудничестве?

Хао пожал плечами:

— Может, вы сами с ним поговорите, капитан?

— Непременно. Только сначала с Ангкой.

Старший механик покинул мостик. Свен оставался погружен в глубокое раздумье, но вот раздался стук.

— Входи.

Вошел боцман Ангка. Это был высоченный, безукоризненного сложения африканец с кожей цвета спелой сливы. Чистокровный негр из Ганы, он великолепно играл на гитаре.

— Надо полагать, ты в курсе дела? — начал Свен.

— Загвоздка получается, сэр,— отозвался Ангка.

— Загвоздка? Катастрофа! Сам ведь понимаешь, как опасно поднимать звездолет с планеты, когда на борту кавардак. А до старта меньше трех часов. Немыслимо выходить в рейс без радиста, но и новенький нам позарез нужен.

Ангка стоял в бесстрастном ожидании. Свен стряхнул с сигары дюймовый столбик пепла.

— Послушай, Ангка, ты ведь понимаешь, зачем я тебя вызвал.

— Догадываюсь, сэр,— ухмыльнулся Ангка.

— Вы ведь с Форбсом не разлей вода. Не мог бы ты на него повлиять?

— Пытался, капитан, честное слово, пытался. Но вы же сами знаете, каковы уроженцы Джорджии.

— К сожалению, не знаю.

— Отличные ребята, сэр, но упрямы как ослы. Уж если им что втемяшится в башку, то хоть кол на ней теши. Я ведь с Форбсом двое суток только об этом и толкую. Вчера вечером упоил его в стельку... Исключительно для пользы дела, сэр,— спохватился Ангка.

— Неважно. И что же?

— Поговорил с ним как с родным сыном. Напомнил, до чего славно мы тут сработались, до чего весело развлекаемся в каждом астропорту. Какая это великая честь — участвовать в Сотрудничестве. «Берегись, Джимми,— говорю,— будешь стоять на своем, так все испортишь. Ты ведь не хотел бы все испортить, правда?» Он пустил слезу, точно маленький, капитан.

— Но не передумал?

— Твердил, что никак не может. Что уговаривать бесполезно. Мол, есть в Галактике одна, и только одна, раса, с которой он служить не станет, и дело с концом. Мол, иначе его бедный папочка в гробу перевернется.

— Может, еще одумается,— сказал Свен.

— Постараюсь переубедить его, но навряд ли удастся.

Ангка вышел. Свен подпер щеку могучим кулаком и вновь покосился на судовой хронометр. Меньше трех часов до старта!

Сняв трубку внутреннего телефона, Свен попросил через городскую сеть соединить его с диспетчером астропорта. Услышав голос диспетчера, капитан сказал:

— Прошу разрешения задержаться на денек-другой.

— К сожалению, это не в моей власти, капитан Свен,— вздохнул диспетчер.— Позарез нужна стартовая площадка. Мы ведь принимаем не более одного звездолета сразу. А через пять часов ожидается рудовоз с Калайо. У них наверняка горючее на исходе.

— Вечно оно у них на исходе,— буркнул Свен.

— А мы давайте вот как условимся. Если у вас серьезная механическая неисправность, мы подгоним два-три подъемных крана, переведем ваш корабль в горизонтальное положение и откатим с площадки. Однако до тех пор, пока мы его вновь поставим на ножки, много воды утечет.

— Спасибо, не стоит. Буду стартовать по расписанию.

Он дал отбой. Нельзя задерживать корабль без уважительной причины. За это Корпорация с капитана голову снимет, и ежу ясно.

Оставался единственный доступный путь. Удовольствие маленькое, но ничего не попишешь. Капитан встал, отбросил давно погасшую сигару и спустился с мостика.

Он заглянул в судовой лазарет. Там, закинув ноги на стол, сидел доктор в белоснежном халате и читал немецкий медицинский журнал трехмесячной давности.

— Добро пожаловать, кэп. Хотите глоточек коньяку в чисто медицинских целях?

— Не откажусь,— ответил Свен.

Молодой доктор щедрой рукой плеснул две порции из бутылки, на этикетке которой красовалось: «Возбудитель сенной лихорадки».

— Для чего такой мрачный ярлык? — удивился Свен.

— А чтоб команда не прикладывалась. Лучше уж пускай у кока воруют лимонный экстракт.

Доктора звали Абу-Факих. Был он родом из Палестины, недавно окончил медицинский институт в Вифлееме.

— О Форбсе слыхали? — приступил к делу Свен.

— А кто не слыхал?

— Хотел у вас спросить как у единственного медика на борту: вы прежде не замечали у Форбса признаков расовой вражды?

— Ни разу,— без колебаний ответил Абу-Факих.

— Не ошибаетесь?

— В таких вещах мы, палестинцы, разбираемся, нутром их чуем. Уверяю вас, для меня поведение Форбса — полнейшая неожиданность. Разумеется, с тех пор я неоднократно беседовал с ним.

— Какой же вы сделали вывод?

— Форбс честен, расторопен, прямодушен, простоват. Унаследовал отжившие предрассудки в виде старинных тра-

диций. Сами знаете, у выходцев из Горной Джорджии сохранился целый арсенал местных обычаев. Эти обычаи всесторонне изучены антропологами островов Самоа и Фиджи. Вам не доводилось читать «Достижение совершеннолетия в Джорджии» или «Народные обычаи Горной Джорджии»?

— Времени не остается на такое чтение,— проворчал Свен.— У меня с кораблем хлопот по горло, не хватало еще вникать в психологию каждого члена команды.

— Да, пожалуй, кэп,— сказал доктор.— Хотя эти книги есть в судовой библиотеке, вдруг вам вздумается полистать. Ума не приложу, чем тут помочь. Процесс переориентации долог. К тому же я терапевт, а не психиатр. Есть во Вселенной раса, с представителями которой Форбса никто не принудит служить, поскольку они вызывают в нем прилив первозданной расовой ненависти. По нелепой случайности ваш новенький принадлежит именно к этой расе.

— Оставлю Форбса в порту,— внезапно решил капитан.— С рацией справится офицер связи. А Форбс пускай садится на любой другой звездолет и отправляется к себе в Джорджию.

— Не советовал бы.

— Почему же?

— Форбс — любимец команды. Все осуждают его за дурацкое упрямство, но, если он не пойдет вместе со всеми в рейс, на борту воцарится уныние.

— Опять незадача.— Свен задумался.— Опасно, крайне опасно. Но, черт побери, не могу же я оставить в порту новичка! Да и не желаю! Кто здесь, в конце концов, главный — я или Форбс?

— Вопрос чрезвычайно интересен,— подхватил Абу-Факих и поспешно увернулся от бокала, которым запустил в него разъяренный капитан.

Свен отправился в судовую библиотеку, где перелистал «Достижение совершеннолетия в Джорджии» и «Народные обычаи в Горной Джорджии». От этого ему легче не стало. С секунду поразмыслив, он бросил взгляд на часы. Два часа до старта! Чуть ли не бегом капитан устремился в штурманскую рубку.

В рубке единовластно распоряжался венерианин Рт'крыс. Он стоял на табуретке, разглядывая какие-то вспомогательные приборы. Тремя руками он сжимал секстант, а ногой — самой ловкой конечностью — протирал зеркала. При виде Свена венерианин из уважения к начальству окрасился в коричнево-оранжевые тона, после чего вновь обрел повседневный зеленый цвет.

— Как дела? — спросил Свен.

— Нормально,— ответил Рт'крыс.— Если, конечно, не считать истории с Форбсом.

Он пользовался карманным звукоусилителем, поскольку голосовые связки у венериан отсутствуют. Первые модели таких усилителей резали слух и отдавали металлическим звоном; однако с тех пор их усовершенствовали, и ныне типичные «голоса» венериан звучат как мягкий вкрадчивый шепот.

— О Форбсе-то я и зашел посоветоваться,— признался капитан.— Ты ведь не землянин. Если на то пошло, даже не гуманоид. Я и подумал: вдруг тебя осенит свежая идея. Вдруг я что-нибудь упустил.

Помолчав, Рт'крыс посерел: это был цвет нерешительности.

— Боюсь, от меня вам маловато будет пользы, капитан Свен. У нас на Венере никогда не было расовых проблем. Разве что вы усматриваете некую аналогию с положением саларды...

— Не совсем,— перебил Свен.— Там религиозный уклон.

— К сожалению, больше ничего в голову не приходит. А вы не пробовали образумить Форбса?

— Нет, но ведь все остальные пробовали.

— У вас должно лучше получиться, капитан. Вы — носитель символа власти, вам удастся вытеснить из Форбсова сознания отцовский символ. А заполучив такое преимущество, внушите Форбсу, какова истинная подоплека его эмоциональной реакции.

— У расовой вражды не бывает никакой подоплеки.

— Это с точки зрения формальной логики. А вот если оперировать общечеловеческими понятиями, то удастся отыскать и саму подоплеку, и решение проблемы. Постарайтесь выяснить, чего именно боится Форбс. Быть может, поставленный лицом к лицу с собственными мотивами, он опомнится.

— Учту твои советы,— с сарказмом, который не дошел до венерианина, поблагодарил Свен.

Прозвучал условный звонок внутреннего коммутатора: старший помощник вызывал капитана.

— Капитан! Диспетчер запрашивает, стартуем ли мы по расписанию.

— Стартуем,— сказал Свен.— Готовить корабль.— И положил трубку.

Рт'крыс залился пунцовым окрасом. У венериан это все равно что у землян — приподнятые брови.

— И так и так скверно, черт бы побрал все на свете! — проговорил Свен.— Спасибо, что дал хоть какой-то совет. Теперь примусь за Форбса.

— А кстати,— остановил капитана Рт'крыс,— он-то к какой расе принадлежит?

— Кто именно?

— Новенький, тот, с кем не желает служить Форбс.

— Я почем знаю? — неожиданно взорвался Свен.— По-твоему, мне на мостике только и дел, что зазубривать расовую принадлежность новеньких?

— А ведь это может иметь решающее значение.

— С какой стати? Допустим, Форбсу не угодно служить с монголом или с пакистанцем, ньюйоркцем или марсианином. Велика ли разница, на какой именно расе зациклился больной, незрелый мозг?

— Всего наилучшего, капитан Свен,— пожелал Рт'крыс вдогонку.

Представ на мостике перед капитаном, Джеймс Форбс откозырял, хотя на корабле у Свена подобные формальности не соблюдались. Радист вытянулся по стойке «смирно». Это был высокий стройный юноша с взъерошенной шевелюрой и фарфорово-белой, усыпанной веснушками кожей. Все черты его лица свидетельствовали о податливости, уступчивости, обходительности. Решительно все... кроме глаз — темно-синих, глядяших в упор на собеседника.

Свен растерялся, не зная, с чего начать. Но первым заговорил Форбс.

— Сэр,— сказал он.— С вашего позволения, мне здорово неудобно перед вами. Вы хороший капитан, сэр, лучше не бывает, да и с командой я сдружился. Теперь я себя чувствую как последний негодяй.

— Так, может, одумаешься? — В голосе Свена послышались слабые нотки надежды.

— Хотел бы я одуматься, сэр, право же, хотел. Да мне для вас головы не жаль, капитан, вообще ничего на свете не жаль.

— Ни к чему мне твоя голова. Мне надо только, чтобы ты сработался с новичком.

— А вот это как раз не в моих силах,— грустно проговорил Форбс.

— Это еще почему, пропади все пропадом? — взревел капитан, напрочь позабыв о своем намерении проявить себя тонким психологом.

— Да вам просто не понять нашу душу, душу ребят вроде меня, выходцев из Горной Джорджии,— пояснил Форбс.— Так уж мне блаженной памяти папочка заповедал. Бедняга в гробу перевернется, если я нарушу его последнюю волю.

Свен проглотил рвущуюся на язык многоэтажную брань и сказал:

— Тебе ведь самому ясно, в какое положение ты меня ставишь. Что же ты теперь предлагаешь?

— Только одно, сэр. Мы с Ангкой вместе спишемся с корабля. Лучше уж нехватка рук, капитан, чем недружная команда, сэр.

— Как, и Ангка туда же? Постой! Он-то против кого настроен?

— Ни против кого, сэр. Просто мы с ним закадычные друзья, вот уж пять лет скоро, как повстречались на грузовике «Стелла». Теперь мы с ним неразлучны: куда один, туда и другой.

На пульте управления у Свена вспыхнул красный огонек — знак того, что корабль готов к старту. Свен не обратил на это никакого внимания.

— Не могу же я остаться без вас обоих,— сказал Свен.— Форбс, ты почему отказываешься служить с новичком?

— По расовым мотивам, сэр,— коротко ответил Форбс.

— Слушай меня внимательно. Ты служил под моим началом, а ведь я — швед. Разве тебя это не смущало?

— Нисколько, сэр.

— Судовой врач у нас — палестинец. Штурман и вовсе с Венеры. Механик — китаец. В команде собраны русские, меланезийцы, ньюйоркцы, африканцы — всякой твари по паре. Все расы, вероисповедания и цвета кожи. С ними-то ты уживался?

— Ясное дело, уживался. Нас, уроженцев Горной Джорджии, с раннего детства готовят к тому, чтоб мы уживались с любыми расами. Это у нас в крови. Так мой папаша уверял. Но служить с Блейком я, хоть убейте, не стану.

— Кто это — Блейк?

— Да новенький, сэр.

— Откуда же он родом? — насторожился Свен.

— Из Горной Джорджии.

На миг оторопевшему Свену почудилось, будто он ослышался. Он вытаращил глаза на Форбса — тот, оробев, ел капитана глазами.

— Из гористой части штата Джорджия?

— Так точно, сэр. Кажется, откуда-то неподалеку от моих краев.

— А он белый, этот Блейк?

— Само собой, сэр. Белый англо-шотландского происхождения, точь-в-точь как я.

У Свена возникло ощущение, будто он осваивает неведомый мир — мир, с каким не доводилось сталкиваться ни одному цивилизованному человеку. Капитан с изумлением обнаружил, что на Земле попадаются обычаи куда диковиннее, чем где-либо в Галактике. И попросил Форбса:

— Расскажи-ка мне о ваших обычаях.

— А я-то думал, про нас, выходцев из Горной Джорджии, все досконально известно, сэр. В наших краях принято по достижении двадцати лет уходить из отчего дома и больше домой не возвращаться. Обычай велит нам работать бок о бок с представителями любой расы... кроме нашей.

— Вот как,— обронил Свен.

— Новичок-то, Блейк, тоже из Горной Джорджии. Ему бы сперва проглядеть судовой реестр, а уж после наниматься на корабль. На самом-то деле он один кругом виноват, и если ему плевать на вековой обычай, то я тут ни при чем.

— Но почему же все-таки вам запрещено служить с земляками? — не отставал Свен.

— Неизвестно, сэр. Так уж повелось от отца к сыну, с незапамятных времен.

Свен пристально посмотрел на радиста: в капитанском мозгу забрезжила догадка.

— Форбс, ты можешь словами передать, как относишься к чернокожим?

— Могу, сэр.

— Так передай.

— В общем, сэр, по всей Горной Джорджии считается, что чернокожий для белого — лучший друг. Я ничего не говорю, белые совсем не против китайцев, марсиан и прочих, но вот у чернокожих с белыми как-то особенно лихо все выходит...

— Давай-давай,— подбодрил Свен.

— Да ведь это трудно толком объяснить, сэр. Просто-напросто... словом, чернокожий и белый как-то особенно удачно друг к другу притираются, входят в зацепление, словно хорошие шестерни. Между чернокожим и белым какая-то особая слаженность.

— А знаешь,— мягко проговорил Свен,— ведь когда-то, давным-давно, твои предки считали чернокожих неполноценным народом. Издавали всякие законы, по которым чернокожему категорически воспрещалось общаться с белым. И продолжали в таком же духе еще долго после того, как во всем остальном мире с этим предрассудком было покончено. Вплоть до Злосчастного Испытания.

— Это ложь, сэр! — вспыхнул Форбс.— Простите, я не обвиняю во лжи вас лично, сэр, но ведь это неправда. У нас в Джорджии всегда...

— Могу доказать: так утверждают книги по истории и антропологии. В библиотеке у нас тоже найдутся кое-какие, если только тебе не лень покопаться!

— Уж янки понапишут!

— Там есть и книги, написанные южанами. Все это правда, Форбс, но стыдиться здесь нечего. Просвещение приходит к людям долгими и мучительными путями. Твои предки обладали многими достоинствами, ты вправе ими гордиться!

— Но если все было так, как вы объясняете,— нерешительно произнес Форбс,— отчего же все переменилось?

— Вот об этом как раз можно прочитать в одном исследовании по антропологии. Ты ведь знаешь, что после Злосчастного Испытания ядерного оружия над Джорджией выпали обильные радиоактивные осадки?

— Так точно, сэр.

— Но ты едва ли знаешь, что в ту пору лучевая болезнь стала с особой беспощадностью косить население так называемого Черного Пояса. Да, жертвами болезни становились и многие белые. Но вот чернокожие в той части штата вымерли почти начисто.

— Этого я не знал,— покаянно прошептал Форбс.

— Уж поверь мне на слово, до Испытания случалось всякое — и расовые бунты, и линчевания, и взаимная неприязнь между белыми и чернокожими. Но вдруг чернокожих не стало: их истребила лучевая болезнь. В результате у белых, особенно в малых населенных пунктах, появилось нестерпимое чувство вины. А самые суеверные из белых терзались мучительными угрызениями совести из-за массового вымирания чернокожих. Для таких белых вся цепь событий явилась тяжелым ударом, ведь люди-то они были религиозные.

— Какая им разница, если они ненавидели чернокожих?

— В том-то и дело, что вовсе не ненавидели! Опасались смешанных браков, экономической конкуренции, изменений в общественной иерархии. Однако о ненависти и речи не было. Напротив. В ту пору твои земляки утверждали (и при этом нисколько не кривили душой), будто куда лучше иметь дело с негром, чем с «либералом»-северянином. Отсюда вытекло множество конфликтов.

Форбс кивнул в напряженной задумчивости.

— В изоляте — в сообществе вроде того, где ты родился,— тогда же возник обычай трудиться вдали от дома, с представи-

телями любой расы, кроме земляков. Здесь всему подоплекой комплекс вины.

По веснушчатым щекам Форбса градом катился пот.

— Прямо не верится,— пробормотал радист.

— Форбс, разве я тебе хоть раз в жизни солгал?

— Никак нет, сэр.

— Значит, поверишь, если я поклянусь, что все рассказанное мною — правда?

— Но... постараюсь, капитан Свен.

— Теперь ты знаешь, откуда пошел обычай. Будешь служить с Блейком?

— Навряд ли у меня получится.

— А ты попробуй.

Прикусив губу, Форбс беспокойно заерзал.

— Попробую, капитан. Не знаю, выйдет ли, но попробую. И сделаю это ради вас и ради своих товарищей, а не из-за того, что вы мне тут наговорили.

— Постарайся,— сказал Свен.— Больше от тебя ничего не требуется.

Форбс кивнул и поспешно спустился с мостика. Тотчас же Свен сообщил диспетчеру, что готов стартовать.

Внизу, в кубрике, Форбса познакомили с новичком по фамилии Блейк. Долговязому черноволосому новичку было там явно не по себе.

— Здорово,— сказал Блейк.

— Здорово,— откликнулся Форбс.

Каждый робко шевельнул ладонью, словно намереваясь обменяться рукопожатием, но ни тот, ни другой не довершили жеста.

— Я из-под Помпеи,— заявил Форбс.

— А я из Альмиры.

— Почти что соседи,— убито сказал Форбс.

— Это уж точно,— согласился Блейк.

Наступило молчание. После долгих раздумий Форбс простонал:

— Не могу я, ну никак не могу.— И двинулся было прочь из кубрика. Но вдруг остановился и, обернувшись, выпалил: — А ты чистокровный белый?

— Да нет, не так чтоб уж очень чистокровный,— степенно ответил Блейк.— По матери я на одну восьмую индеец племени чероки.

— Ты чероки, это точно?

— Он самый, не сомневайся.

— Так бы сразу и говорил! Знал я одного чероки из Альтахачи, его звали Там Сидящий Медвежонок. Ты ему случайно не родня?

— Едва ли,— признался Блейк.— У меня-то в жизни не бывало знакомых чероки.

— Да мне что, мне без разницы. Надо было сразу объяснить людям, что ты чероки. Идем, покажу тебе твою койку.

Когда часов через семь после старта о случившемся доложили капитану Свену, тот был совершенно ошеломлен.

«Как же так? — ломал он голову. Почему восьмушка крови индейцев-чероки превращает американца в чероки? Неужели остальные семь восьмых не пересиливают?»

И пришел к выводу, что американцы, особенно из южных штатов,— народ непостижимый.

Бремя человека

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик,— в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислороду. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного полезного тория. А главное,

значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диров, олджей, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала под его руками. Месяц проходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Их ответы раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм,— ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значения.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место,— ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал: — Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжелое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю! — И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы.— Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! — предложил Ганга-Сэм — и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летных дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондисона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние — деньги, а деньги — как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины! — говорил он роботам.— Человеческий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог весть, к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбек-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, по-

скольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбек-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) — на любой вкус. По получении вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет вам свежезамороженный экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди,— сказал старший робот.

— Ты думаешь? — Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате.— Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли мне она?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расползалась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм,— сказал он.— Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий на обряд, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело,— отвечал Ганга-Сэм.— Это дело Человека. Вам, роботам, лучше не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нему. Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, кроить, шить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амире IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр! — ликовали они, подкидывая на ладонях масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-э-то еще что?! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платьице, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?..

— Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре V растут пальмы.

— Так это же не Сирингар V,— ответил Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша де Шре? — ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа? — огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами.— Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сирингар V.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе,— угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сирингар V?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон,— сказал Флэзвелл.— Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиком.

— Путешествия расширяют кругозор,— заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях,— сказал он со своей самой располагающей улыбкой,— ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде.— И он слегка прикоснулся к ее плечику.— Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Что вам здесь нужно? — спросил Флэзвелл.

— Я — брачующий робот,— сказал робот.— Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали? — спросила Шейла.— Уж не свежезамороженного ли священника?

— Конечно, нет! Но согласитесь, робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может! — запротестовала она.— Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят,— ответила Шейла, скромно потупившись.— Да и согласитесь, нареченная невеста паши де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада,— загнусил робот нараспев,— мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас,— надменно оборвала его Шейла.— И не с этим...

— Я поручу роботам приготовить для вас комнату,— прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет Бремени Человека.

Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе» Флэзвелл стоически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбек-уордовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

— Чего изволите? — отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас как никогда необходима ваша роботовская интуиция,— продолжал Флэзвелл.— Она себя совсем неплохо показала — верно, Ганга-Сэм?

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят,— сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством.— Вы и не знаете, сэр, когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли? — воскликнул потрясенный Флэзвелл.— Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»...

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь...— сказал Флэзвелл с запинкой.— Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей — пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла,— сказал Флэзвелл,— мне надо с вами поговорить.

— Ладно,— отозвалась она рассеянно,— вот только закреплю болт.— Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом.— А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети! — сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить,— подхватила Шейла.— Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души,— напомнил Флэзвелл.

— Да,— отозвалась она, сразу посерьезнев.— Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать...

Тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда,— сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать,— начал Флэзвелл.— Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша

наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли? — вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилось, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада! — пролаял скрипучий металлический голос.— Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван! — разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то пробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья, и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу — а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— Не сочтите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет! — грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается! — сказал Флэзвелл.— Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да,— сказал Флэзвелл убежденно,— вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет! — сказала Шейла.

— Нет? — повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! — воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Волосы ее растрепались, глаза метали молнии.— И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажете начинать? — осведомился брачующий робот.— Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю! — плакался робот.— Когда же мы наконец сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидится,— оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины! — бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите? — откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал — она метит здесь остаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна,— сказал Ганга-Сэм.— Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя? — спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по робототехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание,— сказал Флэзвелл,— не мешало бы подумать об этом и в отношении людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сирингар?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард,— сказала она.— Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду,— сказала Шейла.— Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:

— Вот так-так! — Флэзвелл дважды кашлянул.— Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! — сказала она.— Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Гангa-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится! — восклицал брачующий.— Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

— Что случилось? — спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке,— пожаловался брачующий,— а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я

рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм? — спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле.

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет, нет, все обошлось,— выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр,— повинился Ганга-Сэм.— Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О Господи...

— Что случилось? — испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся,— рассмеялась Шейла.— В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело! — Она смущенно потупилась.— Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь,— обещал он.— Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот,— выпалила она залпом,— упросила его послать меня сюда.

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем? — развел руками Флэзвелл.— Ты так красива...

— ...Что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота,— подхватила она с горячностью.— А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше! — сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударилась в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал,— заключил он, утирая ей слезы.— Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность? — спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мэм-саиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

— Разрази меня гром! — наконец выдавил из себя Флэзвелл.— Я всегда говорил — никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? — обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, моя обувь, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цигера V всего в пятнадцати летных днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

— Пора! — приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора! — прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены? — хмуро вопросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачующий.— Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати—двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили друг с другом Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

Стандартный кошмар

Космический пилот Джонни Безик состоял на службе в компании «Эс-Би-Си Эксплорейшис». Он исследовал подступы к скоплению Сирогона, в то время совершенной terra incognita.

Первые четыре планеты не показали ничего интересного. Безик приблизился к пятой — и начался стандартный кошмар. Ожил корабельный громкоговоритель. Раздался низкий голос:

— Вы находитесь в окрестностях планеты Лорис. Очевидно, собираетесь произвести посадку?

— Верно,— подтвердил Джонни.— Как получилось, что вы говорите по-английски?

— Одна из наших вычислительных машин овладела языком на основе эмпирических данных, ставших доступными во время вашего приближения к планете.

— Ишь ты, недурно! — восхитился Джонни.

— Пустяки,— ответил голос.— Сейчас мы войдем в непосредственную связь с корабельным компьютером и выведем

параметры орбиты, скорость и другие сведения. Вы не возражаете?

— Конечно, валяйте,— сказал Джонни.

Он только что впервые в истории Земли вошел в контакт с иным разумом. Так всегда и начинался стандартный кошмар.

Рыжеволосый, низенький, кривоногий Джонни Чарлз Безик выполнял свою работу добросовестно, компетентно и механически. Он был тщеславен, чванлив, невежествен, сварлив и бесстрашен. Короче говоря, изумительно подходил для исследований глубокого космоса. Лишь определенный тип человека может вынести умопомрачительную безбрежность пространства и грозящие шизофренией стрессы, вызванные опасностью неведомого. Тут нужен человек с огромным и незыблемым самомнением и воинственной самоуверенностью. Нужен кретин. Поэтому исследовательские корабли ведут люди, подобные Джонни, чье вопиющее самодовольство прочно опирается на безграничную самовлюбленность и поддерживается непоколебимым невежеством. Таким психическим обликом обладали конкистадоры. Кортес и горстка головорезов покорили империю ацтеков только потому, что так и не осознали невозможности этого предприятия.

Джонни развалился в кресле и наблюдал, как приборы на пульте управления регистрировали изменение курса и скорости. На видеоэкране появилась планета Лорис — голубая, зеленая, коричневая. Джонни Безик вот-вот встретит парней со своей улицы.

Чудесно, если эти парни, эти, выражаясь межгалактически, соседи — смышленые ребята. Но вовсе не так здорово, если они соображают намного лучше вас и при этом, возможно, сильнее, проворнее и более агрессивны. Подобным соседям может взбрести на ум сделать что-нибудь с вами. Разумеется, вовсе не обязательно будет так, но ни к чему кривить душой, ведь мы живем в жестокой Вселенной, и извечный вопрос — кто наверху.

Земля посылала экспедиции исходя из того, что если где-то там кто-то есть, то лучше пусть мы найдем их, чем они свалятся нам на голову одним тихим воскресным утром. Сценарий стандартного земного кошмара всегда начинается контактом с чудовищной цивилизацией. Потом шли варианты. Иногда инопланетяне оказывались высокоразвитыми технически, иногда обладали невероятными психокинетическими способностями, иногда были глупы, но практически неуязвимы — ходячие растения, роящиеся насекомые и тому подобное. Обычно они были безжалостны и аморальны — не в пример хорошим земным парням.

Но это второстепенные детали. Лейтмотив кошмара постоянно одинаков: *Земля вступает в контакт с чужой могущественной цивилизацией, и они нас покоряют.*

Безик вот-вот узнает ответ на единственный вопрос, который серьезно волнует Землю: они нас или мы их?

Пока он не решался делать ставки...

Воздухом Лориса можно дышать, а вода годна для питья. Обитатели Лориса — гуманоиды. Несмотря на мнение нобелевского лауреата Сержа Бонблата, будто бы вероятность этого один к десяти в девяносто третьей степени.

Лорианцы при помощи гипнопедии преподали Безику свой язык и показали ему главный город Атисс. Чем больше Джонни наблюдал, тем становился мрачнее.

Лорианцы были приятными, уравновешенными и доброжелательными существами. За последние пять столетий их история не знала войн или восстаний. Рождаемость и смертность были надежно сбалансированы: население многочисленно, но всем хватало места и возможностей. Существовали расовые отличия — но никаких расовых проблем. Технически высокоразвитые, лорианцы с успехом соблюдали чистоту окружающей среды и экологическое равновесие. Каждый занимался любимой творческой работой, в то время как весь тяжелый труд выполняли саморегулирующиеся механизмы.

В столице Атисс — гигантском городе с фантастически красивыми зданиями, башнями, дворцами — было все: базары, рестораны, парки, величественные скульптуры, кладбища, аттракционы, пирожковые, песочницы, даже прозрачная река. Все, что ни назови. И все бесплатно, включая пищу, одежду, жильс и развлечения. Каждый брал что хотел и отдавал что хотел, и каким-то образом все уравновешивалось. Поэтому на Лорисе обходились без денег, а при отсутствии денег отпадала нужда в банках, казначействах и хранилищах. Даже замки не требовались: все двери на Лорисе открывались и закрывались по обыкновенному мысленному приказу.

В политическом отношении правительство отражало единый коллективный разум лорианцев. И коллективный этот разум был спокойным, мудрым, *благим.* Между желаниями общественности и действиями правительства не существовало расхождений, не возникало задержек.

Более того — чем внимательнее Джонни всматривался, тем больше ему казалось, что Лорис вовсе не имел никакого правительства. Пожалуй, ближе всех к образу правителя подходил некто Веерх, руководитель Бюро Проектирования Будущего. Но Веерх никогда не отдавал распоряжений — лишь время от

времени выпускал экономические, социальные и научные прогнозы.

Безик узнал все это за несколько дней. Ему помогал специально назначенный гид по имени Хелмис, ровесник Джонни. Поскольку он обладал умом, терпимостью, сметкой, добротой, неисчерпаемым юмором, самокритичностью и прозорливостью, то Джонни его на дух не выносил.

Размышляя на досуге в роскошном номере гостиницы, Джонни понял, что лорианцы настолько близки к воплощению человеческих идеалов безупречности, насколько можно ожидать. Казалось, что они олицетворяют абсолютно все достоинства. Но это никак не противоречило стандартному земному кошмару. Своенравные земляне попросту не желают плясать под дудку инопланетян, даже самых добродетельных, даже ради благополучия самой Земли.

Безик прекрасно видел, что лорианцы не любят лезть на рожон: они домоседы, не домогаются ничьих территорий, не хотят никого покорять, и само понятие «экспансия» им чуждо. Но, с другой стороны, они не могли не сообразить, что если не предпринять что-нибудь по отношению к Земле, то уж она точно предпримет что-нибудь по отношению к ним и из кожи вон вылезет, пытаясь это сделать.

Возможно, правда, что никаких трудностей не возникнет вовсе. Возможно, у народа столь мудрого, доверчивого и миролюбивого, как лорианцы, и в помине нет никакого оружия.

Но на следующий день, когда Хелмис предложил осмотреть Космический флот Древней Династии, Безик убедился в беспочвенности своих надежд.

Флоту было тысяча лет, и все семьдесят кораблей работали, как отлаженные часы.

— Тормиш, последний правитель Древней Династии, намеревался завоевать все обитаемые планеты,— пояснил Хелмис.— К счастью, наш народ созрел прежде, чем успел начать исполнение своего замысла.

— Но корабли вы сохранили,— заметил Джонни.

Хелмис пожал плечами:

— Это памятник нашей прошлой безрассудности. Ну и, по правде сказать, если на нас вдруг нападут... попробуем отбиться.

— Думаю, небезуспешно,— промолвил Джонни.

Он прикинул, что один такой корабль запросто справится со всем, что Земля сможет вывести в космос в ближайшие два столетия.

Такова была жизнь на Лорисе — точь-в-точь какой ей следовало быть по сценарию стандартного кошмара. Слишком хороша для правды. Идеальна. Ужасающе, отвратительно идеальна.

Но так ли уж она безупречна? Джонни в полной мере обладал свойственной землянам верой в то, что на каждое достоинство есть соответствующий порок. Сию мысль он обычно выражал следующим образом: «Где-то здесь должна быть лазейка». Даже в раю Господнем дела не могут идти гладко.

Безик наблюдал, критически взвешивал, сопоставлял. У лорианцев была полиция. Их называли «наставники», и вели они себя чрезвычайно вежливо. Но, по сути своей, были полицейскими. Это указывало на существование преступников.

Хелмис развеял выводы Джонни:

— У нас, разумеется, есть отдельные случаи генетических отклонений от нормы, но вовсе нет преступного мира. Наставники занимаются скорей просвещением, чем отправлением закона. Любой гражданин вправе поинтересоваться мнением наставника по каким-либо нюансам личного поведения. А уж если он ненароком нарушит закон, наставник на это укажет.

— А потом его арестует?

— Нет! Гражданин извинится, и инцидент будет исчерпан.

— Но что, если гражданин нарушает закон снова и снова? Как тогда поступают наставники?

— Такого никогда не бывает.

— И все-таки?

— Наставники способны действовать эффективно при любых обстоятельствах.

— Больно они хлипкие,— с сомнением пробормотал Джонни.

Что-то мешало ему убедиться в правоте слов Хелмиса до конца. Скорее всего, он просто не мог позволить себя убедить. И все же... Дела на Лорисе шли. Шли потрясающе здорово. Они не шли потрясающе здорово только у Джонни Безика. Это потому, что он был землянином — иными словами, неуравновешенным дикарем. А еще потому, что Джонни с каждым днем становился все более мрачным и свирепым.

Кругом царили радость и совершенство. Наставники вели себя как скромные деликатные девушки. На дорогах никогда не было пробок, никто не портил друг другу нервы. Миллионы автоматических систем доставляли в город жизненно важные продукты и вывозили отходы. Люди блаженствовали, наслаждались общением с окружающими и занимались искусством.

И все так благоразумны! Так дружелюбны! Так доброжелательны! Так красивы и умны!

Да, это был настоящий рай. Даже Джонни Безик не мог не признать этого. Его и без того дурное настроение портилось все больше и больше. Вам, вероятно, трудно это понять — если вы сами случайно не с Земли.

Оставьте такого, как Джонни, в месте, подобном Лорису, и потом не оберетесь неприятностей. Почти две недели Джонни держал себя в руках. Затем в один прекрасный день, сидя за рулем (автомобиль был на ручном управлении), он сделал левый поворот, не подав сигнала.

Машина сзади как раз увеличила скорость, собираясь обходить слева. Резкий поворот Джонни едва не привел к столкновению. Машины завертелись и остановились нос к носу. Джонни и другой водитель вылезли.

— Ну и ну, дружище!..— весело сказал водитель.— Мы едва не треснулись.

— Какое там треснулись, к чертовой матери! — рявкнул Джонни.— Ты меня подрезал.

Водитель доброжелательно рассмеялся:

— По-моему, нет. Хотя, разумеется, я признаю возможность...

— Послушай,— перебил Джонни.— Из-за твоей проклятой невнимательности мы оба могли отправиться на тот свет.

— Но вы, безусловно, находились впереди, а делать внезапный поворот...

Джонни резко подался вперед и угрожающе прорычал:

— Не городи чепухи, парень. Сколько раз повторять, что ты не прав?!

Водитель опять рассмеялся, пожалуй с некоторой нервозностью.

— Я предлагаю вопрос виновности вынести на суд свидетелей,— кротко произнес он.— Убежден, что все эти стоящие здесь люди...

Джонни покачал головой.

— Мне не нужны никакие свидетели,— заявил он.— Я знаю, что произошло. Я знаю, что виноват ты.

— Похоже, вы совершенно уверены...

— Еще бы я не был уверен! — возмутился Джонни.— Я уверен, потому, что знаю.

— Что ж, в таком случае...

— Ну?

— В таком случае,— молвил водитель,— мне остается лишь извиниться.

— Да уж, по меньшей мере,— сказал Джонни, величаво прошел к машине и умчался на недозволенной скорости.

После этого Безик почувствовал некоторое облегчение, но стал еще более непокорным и упрямым. Он был сыт по горло превосходством лорианцев, его тошнило от их рассудительности, от их добродетелей.

Он вернулся в номер с двумя бутылками бренди, выпускавшегося в медицинских целях, пил и предавался мрачным раздумьям. Пришел советник по этике и указал, что поведение Джонни было вызывающим, невежливым и диким. Он изложил все в очень тактичной форме.

Джонни посоветовал ему убираться восвояси. Нельзя сказать, что Безик был особенно безрассуден — для землянина. Оставь его в покое — дня через два он наверняка почувствовал бы раскаяние. Советник продолжал выговаривать. Он рекомендовал лечение: Джонни чересчур подвержен злости и агрессивному настроению, он являет угрозу для граждан.

Джонни велел советнику сгинуть. Советник отказался сгинуть и оставить проблему неразрешенной. Джонни разрешил проблему, вытолкав его за дверь.

Потрясенный советник поднялся на ноги и из-за двери поставил Джонни в известность, что до выяснения обстоятельств дела ему придется смириться с изоляцией.

— Только попробуйте,— многообещающе заявил Джонни.

— Вы не беспокойтесь,— обнадежил советник.— Это недолго и не будет связано с неприятными ощущениями. Мы осознаем культурные различия между нами. Но мы не можем допустить неконтролируемое и необоснованное насилие.

— Если вы не станете меня заводить, я не выйду из себя,— сказал Джонни.— Главное, не ерепеньтесь и не вздумайте меня запирать.

— Наши правила абсолютно ясны. Скоро сюда придет наставник. Я предлагаю вам с ним не спорить.

— Похоже, вы напрашиваетесь на неприятности,— заметил Джонни.— Ладно, малыш. Делайте то, что считаете нужным. И я буду делать то, что считаю нужным.

Советник удалился. Джонни пил и размышлял. Пришел наставник. Как официальный представитель закона, наставник ожидал от Джонни беспрекословного повиновения. Когда Джонни отказался, он был ошеломлен. Так не положено! Наставник ушел за новыми указаниями.

Джонни продолжал пить. Через час наставник вернулся и сообщил, что он наделен полномочиями увести Джонни силой, если потребуется.

— Это правда? — спросил Джонни.

— Да, так что не принуждайте меня...

Джонни вышвырнул его, тем самым избавив от необходимости применить силу.

Безик покинул номер на не совсем твердых ногах. Он знал, что нападение на наставника — тяжелый проступок. Так просто ему не выкрутиться. Он решил вернуться на корабль и убраться подобру-поздорову. Они, конечно, могут помешать взлету или уничтожить его в воздухе, но вряд ли станут утруждать себя. Они наверняка будут только рады избавиться от него.

Безик достиг корабля без приключений. Вокруг суетились два десятка рабочих. Он сказал мастеру, что хочет немедленно взлететь. Тот был чрезвычайно расстроен, что не может услужить. Двигатель разобран, его прочищают и модернизируют — скромный дружеский дар лорианского народа.

— Дайте нам еще пять дней, и у вас будет самый быстрый корабль к западу от Ориона,— пообещал мастер.

— Чертовски мне это пригодится,— прорычал Джонни.— Послушайте, я ужасно спешу. Не могли бы вы поставить двигатель поскорее?

— Работая круглосуточно и без перерывов на обед, мы постараемся управиться за три с половиной дня.

— Просто великолепно,— выдавил Джонни.— Кто велел вам трогать мой корабль?

Мастер принес извинения. Джонни взбесился еще больше.

Очередной акт бессмысленного насилия был предотвращен прибытием четырех наставников. Безик оторвался от преследования в лабиринте извивающихся улочек, заблудился сам. Над ним возвышалась аркада. Сзади появились два наставника. Безик побежал по узким каменным коридорам. Вскоре путь ему преградила закрытая дверь.

Он приказал ей открыться. Дверь оставалась закрытой — очевидно, по указанию наставников. В ярости Безик повторил приказ. Мысленная команда была настолько сильна, что дверь с грохотом распахнулась, как и все двери в непосредственном окружении. Джонни убежал от наставников и остановился перевести дыхание на замшелой мостовой.

Долго так продолжаться не может. Необходимо разработать план. Но какой план способен выручить одного землянина, преследуемого всей планетой лорианцев? Шансы слишком не равны, даже для конкистадора, каковым по духу был Джонни.

И вдруг, совершенно самостоятельно, Джонни родил идею, которую использовал Кортес и которая спасла шкуру Писарро. Он решил найти здешнего правителя и пригрозить ему смертью, если его люди не успокоятся и не прислушаются к голосу разума.

У плана был только один изъян — этот народ не имел правителя. Самая нечеловеческая черта лорианцев.

Тем не менее у них было несколько важных чиновников. Например, Веерх. Конечно, подобную шишку положено охранять. Однако обитатели сумасшедшего дома под названием Лорис, наверное, попросту не додумались до этого.

Дружелюбный прохожий сообщил ему адрес. До Бюро Проектирования Будущего оставалось четыре квартала, когда Безика остановил отряд из двадцати наставников.

Они неуверенно потребовали, чтобы он сдался. Джонни пришло в голову, что хотя в аресте людей заключается смысл их работы, производить им его приходилось наверняка впервые. В первую очередь, это были миролюбивые, рассудительные граждане, и лишь во вторую — полицейские.

— Кого вы хотите арестовать? — спросил он.

— Чужеземца по имени Джонни Безик,— ответил старший наставник.

— Я рад это слышать,— сказал Джонни.— Он причинил мне немало неприятностей.

— Но разве вы не...

Джонни рассмеялся:

— Не я ли тот опасный чужеземец? Мне жаль вас разочаровывать, но вынужден ответить отрицательно. Я знаю, однако, о нашем сходстве.

Наставники стали обсуждать создавшееся положение.

Джонни продолжал:

— Послушайте, друзья, я родился вот в этом доме. Меня могут опознать двадцать человек, включая жену и четырех детей. Какие вам нужны еще доказательства?

Наставники снова засовещались.

— Более того,— не унимался Джонни,— неужели вы искренне полагаете, что я опасный и неуловимый преступник? По-моему, здравый смысл должен подсказать вам...

Старший наставник извинился.

Джонни продолжал путь. От цели его отделял всего квартал, когда появилась новая группа наставников в сопровождении его бывшего гида, Хелмиса.

Они призвали Джонни сдаваться.

— У меня нет времени,— заявил Безик.— Ваши приказы отменены. Я уполномочен сейчас же открыть свою истинную личность.

— Мы знаем вашу истинную личность,— сказал Хелмис.

— Если б вы знали, мне не пришлось бы ее открывать, не так ли? Слушайте внимательно. Я лорианец, много лет назад обученный агрессивности для особого задания. Это задание

теперь выполнено. Я вернулся — как планировалось — и провел несколько простейших тестов с целью проверки психологической атмосферы на Лорисе. Вам известны результаты. Они удручающи, с точки зрения выживания расы. Я обязан немедленно обсудить эту проблему и другие высокие материи с Главным Проектировщиком Бюро Проектирования Будущего. Могу сообщить вам совершенно конфиденциально, что наше положение крайне серьезно и не оставляет времени на раздумья.

Сбитые с толку наставники попросили Джонни подтвердить свое заявление.

— Я же сказал, что дело не терпит промедления. С удовольствием все подтвердил бы — если бы было время.

— Сэр, без приказа мы не можем позволить вам уйти.

— В таком случае вероятная гибель нашей планеты лежит на вашей совести.

— Какое у вас звание, сэр? — спросил офицер наставник.

— Выше, чем у вас,— быстро ответил Джонни.

Офицер пришел к решению.

— Что прикажете, сэр?

Джонни улыбнулся.

— Сохраняйте спокойствие. Пресекайте панику. Ждите дальнейших указаний.

Безик уверенно продолжал свой путь. Он достиг двери Бюро и приказал ей открыться. Дверь открылась. Он собирался пройти...

— Поднимите руки и отойдите от двери! — раздался жесткий голос сзади.

Безик обернулся и увидел группу из десяти наставников.

Все десять были одеты в черное и держали оружие.

— Мы имеем право стрелять,— предупредил один из них.— Не пытайтесь нас обмануть. Нам приказано не обращать внимания на ваши слова и любой ценой произвести арест.

— Не имеет смысла убеждать вас, да?

— Никакого. Идите.

— Куда?

— Специально для вас мы открыли одну из древних тюрем. Вам будут созданы все условия. Судья займется вашим делом, учитывая инородство и низкий уровень вашей культуры. Вы, безусловно, получите предупреждение и покинете Лорис.

— Это вовсе неплохо. Я в самом деле отделаюсь так легко?

— Нас в этом заверили,— сказал наставник.— Мы разумный и сострадательный народ. Ваше доблестное сопротивление высоко оценено.

— Благодарю.

— Но теперь с этим покончено. Вы пойдете с нами по доброй воле?

— Нет.

— Простите, не понимаю.

— Вы много чего не понимаете обо мне и землянах. Я намерен войти в эту дверь.

— Если попытаетесь, мы будем стрелять.

Существует единственный безошибочный способ отличить тип истинного конкистадора, настоящего берсеркера, искреннего камикадзе или крестоносца от обычных людей. Обычные люди, столкнувшись с невероятной ситуацией, склонны к компромиссу, к выжиданию более благоприятных условий для схватки. Но только не Писарро, не Готфрид Бульонский, не Гарольд Гардрадас, не Джонни Безик. Они одарены великой глупостью. Или великой храбростью. Или тем и другим вместе.

— Ладно,— сказал Джонни.— Стреляйте, черт с вами.

И вошел в дверь. Наставники не стреляли. Идя по коридорам Бюро Проектирования Будущего, Джонни слышал, как они спорили за его спиной.

Вскоре он оказался лицом к лицу с Веерхом, Главным Проектировщиком. Веерх был спокойным маленьким человечком с лицом престарелого эльфа.

— Здравствуйте,— сказал Главный Проектировщик.— Садитесь. Я закончил прогноз взаимоотношений между Землей и Лорисом.

— Оставьте его при себе,— посоветовал Джонни.— У меня есть парочка незатейливых просьб, которые, я уверен, вы с радостью выполните. Иначе...

— Полагаю, вам было бы интересно,— перебил Веерх,— что мы экстраполировали черты вашего народа и сравнили с нашими. Похоже, между нами неминуемо произойдет столкновение в борьбе за господство. Инициаторами, естественно, явитесь вы. Вы, земляне, попросту не успокоитесь, пока не выясните, кто здесь главный. Конфликт неизбежен, учитывая уровень вашего развития.

— Чтобы прийти к такому же выводу, мне не потребовались ни высокий пост, ни причудливый титул,— сказал Джонни.— Теперь слушайте...

— Я не закончил. С точки зрения развития техники, у вас нет ни единого шанса. Мы можем в два счета уничтожить любой ваш флот.

— Выходит, вам не о чем беспокоиться.

— Но техника не имеет такого значения, как психология. Вы, земляне, достаточно развиты и не будете бросаться на нас в лоб. Пойдут переговоры, угрозы, нарушения, снова пе-

реговоры, нападения, объяснения, вторжения, битвы и тому подобное. Мы не в состоянии делать вид, будто вас не существует, и отказываться сотрудничать с вами, желая найти более разумное и справедливое решение. Мы — прямы, безмятежны и честны. Ваш же народ агрессивен, неуравновешен и способен на поразительное коварство. Учитывая все обстоятельства, мы психологически не можем вам противостоять.

— Гм-м, проклятье! — произнес Джонни.— Чертовски странно слышать такие слова. Наверное, глупо с моей стороны давать советы, но посудите сами — если вы все это сами понимаете, почему бы вам не приспособиться? Заставить себя стать такими, какими вам необходимо сейчас стать?

— Как вы? — спросил Веерх.

— Нет, я не смог приспособиться. Но я же в подметки не гожусь вам, лорианцам.

— Ум тут ни при чем,— сказал Главный Проектировщик.— Никто не может мгновенно изменить свою культуру по собственному желанию. Но, положим, нам удастся переделать себя. Мы станем такими же, как вы. По правде говоря, нам это не понравится.

— Не могу вас винить,— признался Джонни.

— Предположим даже, совершится чудо, и наш народ станет воинственным,— все равно мы не сможем за несколько лет достичь уровня, к которому вы шли тысячелетия по пути агрессивного развития. Несмотря на превосходство в вооружении, мы, по всей вероятности, потерпим поражение, играя в вашу игру по вашим же правилам.

Джонни моргнул. Он и сам об этом думал. Лорианцы просто чересчур наивны. Не составит труда, прикрываясь какими-нибудь мирными переговорами, внезапно захватить один из их кораблей. Может быть, два или три. Потом...

— Я вижу, вы пришли к такому же заключению,— заметил Веерх.

— Боюсь, вы правы,— сказал Джонни.— Мы действительно рвемся к первенству куда более рьяно, чем вы. Лорианцы слишком честные и милые и будут играть по правилам, даже если речь пойдет о жизни и смерти. А мы, земляне, ни с чем не церемонимся и ради победы не побрезгуем ничем.

— Таковы результаты нашей экстраполяции,— заключил Веерх.— Так что мы решили просто-напросто сэкономить время и сейчас же сделать вас нашим главой.

— Что?!

— Мы хотим, чтобы вы нами правили.

— Лично я?

— Да. Лично вы.

— Это, конечно, шутка,— пробормотал Джонни.

— Тут совершенно не до шуток,— твердо сказал Веерх.— И мы, лорианцы, никогда не лжем. Я сообщил вам наш прогноз. Самое разумное — избавить себя от болезненных усилий и лишений и немедленно принять неизбежное. Вы согласны править нами?

— Чертовски лестное предложение,— проговорил Джонни.— Я вряд ли подхожу... Но какого дьявола? Тут вообще никто не подойдет... Ладно, придется заняться вашей планетой. Я буду милостивым правителем, потому что вы мне по душе.

— Благодарим вас,— сказал Веерх.— Вы убедитесь, что управлять нами легко, пока вы не требуете психологически невыполнимого. Но вот ваши соотечественники могут оказаться не такими покладистыми. Им это не понравится.

— Мягко говоря...— иронично усмехнулся Джонни.— Правительства Земли не знали такого потрясения за всю историю. Они в лепешку расшибутся, чтобы сместить меня и поставить одного из своих парней. Но вы ведь, лорианцы, меня поддержите?

— Вам известна наша натура! Мы не станем драться за вас, как не станем драться за себя. Мы будем подчиняться наделенному властью лицу.

— Пожалуй, большего ожидать нельзя,— произнес Джонни.— Мне видятся определенные сложности... Надо, вероятно, посоветоваться, создать организацию, прощупать обстановку в конгрессе...— Джонни замолчал.— Нет, что-то не так... Я не до конца логичен. Дело сложнее, чем мне казалось. Я не все продумал.

— К сожалению, бессилен вам помочь,— сказал Главный Проектировщик.— Должен признаться, тут я ничего не понимаю.

Джонни нахмурился. Потер лоб. Почесал голову. Потом проговорил:

— Да... Что ж, мне ясно, что делать. А вам?

— Я полагаю, есть много разумных путей.

— Только один,— отчеканил Джонни.— Рано или поздно, но я должен завоевать Землю. Иначе они завоюют меня. То есть нас. Разве не очевидно?

— Весьма вероятное предположение.

— Это сущая правда! Или я — или они.— После некоторого молчания Джонни продолжил: — Мне такое и привидеться не могло. Меньше чем за две недели — от простого космонавта до императора могущественной планеты. А теперь мне предстоит покорить Землю, и к этой мысли я еще не привык. Впрочем, им будет только лучше. Мы принесем цивилизацию этим обезь-

янам, научим их, как надо жить. Пройдет время, и они нас возблагодарят.

— У вас есть приказания для меня? — спросил Веерх.

— Я желаю получить все сведения о флоте Древней Династии. Но раньше, пожалуй, надо провести коронацию. Нет, сперва референдум относительно провозглашения меня императором, а потом коронацию. Вы сможете все устроить?

— Я приступлю немедленно,— сказал Главный Проектировщик.

Так разразился наконец тот самый стандартный земной кошмар. Высокоразвитая инопланетная цивилизация вознамерилась насадить на Земле свою культуру. На Лорисе — иная ситуация. Лорианцы, прежде беззащитные, обрели воинственного командира и вскоре подыщут наемников для космического флота, что не сулит Земле ничего хорошего, но вовсе не вредит Лорису.

Это, разумеется, неизбежно. Ибо лорианцы развиты и разумны. А в чем же цель истинного разума, как не в том, чтобы овладеть истинно желаемым, а не принимать за него ошибочно обыкновенную тень...

Человекоминимум

У каждого своя песня, думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт — грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неутомимой дробью басового барабана.

Размышляя обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.

При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглушенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он окончил ее с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей — опрокинутые чернильницы, утерянные книги и перепутанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали его руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз «подвержен несчастным случаям». Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настойча эти джунгли на каждом шагу кишели капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настойч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаться о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, которые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настойч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды, некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настойч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям, и, несмотря ни на что, хотел остаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настойча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой

терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземок, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе — гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настойч по-прежнему противился искушению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смельчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлых игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя он отмахнулся от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипнотическому внушению, и к гипнотическому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека — свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетев с работы, которую искал два месяца, Настойч распрощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок — последней почестью тому, кому лучше было бы и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые камеры, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу еще копошились мысли о самоубийстве, уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детишек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на

ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу и его, исходящего криком от боли, поволокут в больницу — жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул ему под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений — великой организации, ведающей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

Мистеру Антону Настойчу
Временный жилищный массив 1993
Район 43825: Манхэттен 212, Нью-Йорк

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обратились к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшили в Ваше личное дело все анкетные данные, недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку условия таковы: годовой оклад 20 000 долларов, все предусмотренные законом пограничные льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.

С искренним уважением

Уильям Гаскелл,
заместитель директора по кадрам
ВН/евт Здс.

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось, уступив место дурным предчувствиям.

Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч да вдобавок еще и льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчем?

Навряд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осве-

домлены о злополучном прошлом Настойча,— так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица; он излучал радушие, которое Настойч счел подозрительным.

— Садитесь же, садитесь, мистер Настойч,— сказал Гаскелл.— Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

— Вы уверены, что обратились по адресу? — спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе.

— Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст — тридцать четыре года; родители — Грегори Джеймс Настойч и Анита Суоонс Настойч из Лейктауна, Нью-Джерси. Правильно?

— Да,— подтвердил Настойч.— И у вас есть для меня работа?

— Вот именно.

— Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

— Совершенно верно.

— Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

— Для этого мы здесь и сидим,— жизнерадостно ответил Гаскелл.— Освоители, знаете ли,— это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрейками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал:

— Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

— Что?

— Это я-то — внеземной освоитель? — проговорил Настойч с горьким смехом.— Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

— Кто же они такие?

— Цвет Земли,— выпалил Настойч.— Самый здоровый дух в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему, справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

— Видите ли,— разъяснил Гаскелл,— *было* так — в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипно-

му представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. Однако в настоящее время этот тип освоителя устарел. Для людей, которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

— Разве вашим сверхлюдям оно не под силу? — спросил Настойч с легкой насмешкой.

— Ну что вы, конечно, под силу,— ответил Гаскелл.— Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрились выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости homo sapiens.

— Почему же вы их больше не используете?

— Потому что изменились земные проблемы,— заявил Гаскелл.— Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофически росла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинеи и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население в связи с успехами гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

— Неприятное было положение. Однако этические проблемы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Марсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это значит, что нужно ускорить процесс начального освоения.

— Все это мне известно,— вставил Настойч.— Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

— Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. Наших оптимальных освоителей никак нельзя назвать обыкновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обык-

новенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планеты, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит, чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микробы, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он не способен мерить такие вещи обыкновенной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

— Начинаю понимать,— пробормотал Настойч.

— Итак, наилучшим выходом,— продолжал Гаскелл,— явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, и так далее. Однако на все это вечно не хватает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелл умолк и в упор взглянул на Настойча.

— Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям другие требования.

Настойч кивнул:

— Обыкновенные освоители — для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

— Весьма хорошо,— заверил его Гаскелл.

— В таком случае, вы, может быть, заметили, что мне свойственна склонность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удается выжить.

— Знаю,— с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

— Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл, очевидно, почувствовал некоторую неловкость.

— Видите ли, ваша формулировка «обыкновенные освоители — для обыкновенных людей» неверна. Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, а зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить

их — и закон, и самих себя,— что даже самые слабые получат шанс выжить.

— Продолжайте,— попросил Настойч.

— Поэтому,— скороговоркой докончил Гаскелл,— несколько лет назад мы отказались от открывателей типа «человекооптимум» и перешли на тип «человекоминимум».

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

— Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет каждый.

— Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения,— ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

— А какие шансы будут у меня?

— Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

— А другие?

— Конечно, есть риск,— признался Гаскелл.— Не говоря уже о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются,— иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

— Не очень-то веселая перспектива,— сказал Настойч.

— Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять свои тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул:

— Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

— Да, это специально,— подхватил Гаскелл.— Мы установили, что нужные нам люди наиболее сговорчивы, когда находятся в известном психологическом состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

— Часом позже получилось бы не совсем удобно,— заметил Настойч.

— А днем раньше бесполезно.— Гаскелл встал из-за стола.— Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

— Ладно,— ответил Настойч.— Но учтите, пока я ничего не обещаю.

— Само собой,— согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов, она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платить здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царят хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий.

Освоение планет перенесет Настойча в новую среду. Он будет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными роковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с ней, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддийскую молитву, видел ее во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не зажужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настойчу отправиться в годичную командировку на перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настойча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль «Королева Глазго», и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непрерывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее; но постепенно контроль

вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян терниями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучали бесчисленные головные боли, боли в спине, боли от исцарапанных пальцев рук и сбитых пальцев ног.

Тем не менее он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его, соответственно, крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее назвали буквой греческого алфавита — Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обозревали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые — все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетчики пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения — стандартное оборудование для освоителей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или покачивать головой — скучный партнер для того, чтобы коротать с ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой «черной» работы и должен был проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Животный мир Тэты оставался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился молчаливый робот. К вечеру был разбит временный лагерь; Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно налетела саранча.

— Достань два лучемета,— сказал он роботу,— и быстренько возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настойч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настойч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настойч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули.

Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настойч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бреющим полетом напоминали летучих мышей. Настойч заметил мощные когти и длинные клювы, усеянные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над пришельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине они вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настойч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных волков и даже обращали их в бегство. Но тут отказал лучемет Настойча.

По идее, лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настойч продолжал тупо щелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настойч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настойч врезался в птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настойч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с гомоном и криком полетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в выщипанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались совершенно негодными, и в гневе направился к палатке связи.

Он вызвал Гаскелла и рассказал о нападении птиц и о том, как отказали три лучемета из четырех. Побагровев от ярости, он обличал тех, кто ведает снаряжением освоителей. Потом, переводя дыхание, стал ждать объяснений и извинений Гаскелла.

— Да это один из контрольных элементов,— отозвался Гаскелл.

— Чего?

— Я вам объяснял давным-давно,— сказал Гаскелл.— Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. Минимальную, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

— Все это мне известно. Но вот лучеметы...

— Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменить отказавшее или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые приходят к концу или портятся...

— И все это вы мне дали с собой?

— Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

— Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

— Нет,— возразил Гаскелл.— В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

— Предупреждали,— согласился Настойч,— но... Ладно, у вас есть в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— В общем, нет,— ответил Гаскелл после секундной паузы.— Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать подробное разъяснение. Они прервали

связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос...

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая хозяйство заново, Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте проступила плесень. Он старательно привел все в порядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме, и никакие меры не помогали. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и наконец устранил неисправность.

Птицы обнаружили, что в лесу можно отвесно, камнем падать между деревьями и лагерем Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучемет. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерем.

Теперь птицы ничего не могли поделать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными грибками местного происхождения. То и другое означало недоброкачественность. Если сейчас же не принять меры, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжать опыты на самом себе, после чего один вид ягод и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходные, а местные злаки давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без устали трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, тучи и горы. «Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа.— подумал Настойч.— Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты». Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот посеял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С этим урожаем пришлось распроститься, и следующий сев Настойч провел собственноручно.

Большая черная универсальная машина справлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскалывались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытаптывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, располагавшие специальными инструментами, запасными частями и знаниями. Настойчу же было доступно лишь одно — отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал все больше и больше хлопот. И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уже было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом произнес он команду — спать.

Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заметался по хижине, не повинуясь одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную; Однако на черной глянцевой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

— Не двигайся! — крикнул Настойч.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла ослушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменно закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребра.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленницу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок. Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к рации.

— Не стоило и пытаться отключить его,— сказал Гаскелл, услыхав о происшествии.— Конструкция не предусматривает отключения вручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не вздумайте затеять вторую попытку.

— А в чем дело?

— Дело в том, что... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

— Не понимаю,— пробормотал Настойч.— А зачем вам контролер качества?

— Неужели я должен повторять все с самого начала? — устало спросил Гаскелл.— Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной: С *минимальной*.

— Да, но...

— Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настойч.

— Во всяком случае, я *старался* измениться.

— Конечно,— согласился Гаскелл.— Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, какое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря уже о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. Наши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

— Вроде бы,— ответил Настойч.

— Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не рассчитываем.

— Для этого при мне робот? — уныло вставил Настойч.

— Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настойч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей безопасности, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев,— поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагалось бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые приняли бы вы...

— Это нечестно!

— Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые — да будет мне дозволительно прибавить — вы предпочли самоубийству.

— Ладно! — прокричал Настойч.— Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

— Вовсе нет,— более ровным тоном ответил Гаскелл,— если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

— Это уж мне решать, а не ему,— буркнул Настойч и прервал связь.

На Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал расстаться с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дела. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, которое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны его души, воплощением незадачливого растяпы Настойча. Когда он видел разрушительные набеги робота, ему чудилось, будто он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более воплощал разрушительные стороны натуры Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился не покладая рук, а за ним, крадучись, шел его невроз — разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности и справлялся с ними все лучше и лучше. Он как мог наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкавшегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поля. Позади него громыхал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча разверзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настойч,

обвалился. Настойч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок поля, Настойч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завален, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся за лучеметом и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел мохнатое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настойч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннели и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар — плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот, который медленно и с явным беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщенные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и абстрактно мыслить. Он нацарапал рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаясь взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и

просвещению. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

— А что это за металлический предмет? — поинтересовались кроты.

— Слуга Человека,— ответил Настойч.

— Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

— Конечно, нет,— сказал Настойч.— Это особый случай.

— Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

— Некоторые, но не все.

— Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

— Иногда они некстати вмешиваются,— признал Настойч.— Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар — самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собрались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло — они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными грудами плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных освоителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертельными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу — слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз и навсегда отделаться от пагубного невроза, не отстающего от него ни на шаг. Если придется заплатить жизнью,— ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с нею по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смирных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагрузил робота корзинами с плодами и повел его в туннель, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещая себе фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высился за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот, почуяв опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, а он все напрягался, чтобы разор-

вать узы, и из его суставов сочилось масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся — исполинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Роботу связали ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стукается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати, твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и все ломал, он был неуклюж на его, Настойча, лад — на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время спустя он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень — пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал планету для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

— Хорошо потрудились,— сказал он Настойчу.— Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

— Значит, испытание закончено? — спросил Настойч.

— Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

— Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл.

— Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

— Уничтожил,— ответил Настойч и рассказал о гибели робота и позднейших событиях.

— Гм,— промычал Гаскелл.

— Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

— Так оно и есть. Робот входит в ваше снаряжение, так же как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот является одной из проблем вашего выживания. Вы вправе были распоряжаться им как угодно.

— В чем же дело?

— Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Укокошить такого робота дьявольски трудно.

— По-моему, мне это удалось,— заметил Настойч.

— Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

— Почему? Он будет мстить?

— Ну что вы! Робот лишен эмоций.

— Так в чем же дело?

— Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

— Конечно. Значит, если он вернется, все начнется сызнова?

— Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились невостребованные бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

— И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму.

— Естественно. Так вот, корабль прибудет месяца через три. Быстрее невозможно. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

— Да, нежелательно,— согласился Настойч.— Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине. Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом, Настойч стал медленно спускаться по крутому склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кокон из порванных, разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было.

Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошли мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи — тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детальки расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбухли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук — ожил приемопередатчик.

— Антон,— спрашивал Гаскелл,— что слышно о роботе?

— Вот-вот явится,— ответил Настойч.

— Этого я боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

— Спасибо,— сказал Настойч.— Говорите скорее, как это делается.

— Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

— Даст. Продолжайте.

— ...Медный стержень, серебряная проволока и щуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

— Мне ни за что не успеть,— заметил Настойч,— но говорите.

В рации что-то громко зажужжало.

— Гаскелл! — вскричал Настойч.

Рация молчала. Из хижины с радиоаппаратурой донесся шум — там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступали полоски ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемет и стал прилаживать последние детали.

Робот направился к человеку.

— Ступай наруби дров,— распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил работу и стал завинчивать крышку.

Робот отбросил топор и снова повернулся, раздираемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемет и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полпути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна.

Тут лучемет опять вышел из строя.

Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемет отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека ощупью. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться не отдыхая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. При-

шлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспаться. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хоть одна да сработает. В этом он не сомневался.

Но, даже твердя слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, укусах, инфекционных и хронических болезнях. Все это робот вывалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки *обязательно* должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч пробежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул в более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав робота тоннами земли и камней. Сделай робот еще шаг вперед — и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по голове и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка, робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почище. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но как только туда, громыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все тщательно рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него заструилась земля, и он соскользнул в капкан, который смастерил Настойч,— конусообразную яму, стенки

которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклиниться на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямым углом к туловищу. Суставы его затрещали — с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда; потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбирался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него кололо. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать!

На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом упал в воду, нырнул на небольшой глубине, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительным всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услыхав это бульканье, Настойч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько секунд он дрожал на скалах, облепленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках дальше по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настойч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметрового лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное. А скорее всего, из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настойч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настойч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысцой, Настойч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку, мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрыв глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушка не помогла. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот — часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек перемудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

«Не с того конца я взялся за дело,— думал Настойч, когда лез вверх по склону.— Обман к свободе не приведет. Надо...»

Робот чуть не ухватил его за ногу, грубо напомнив о разнице между теоретическими и практическими познаниями. Настойч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настойч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно подведет. Выход — в перемене! Выход — в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полубреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя: если побороть ощущения сходства с роботом, то робот явно перестанет быть его, Настойча, неврозом! Он превратится в обыкновенный невроз и потеряет власть над Настойчем.

Нужен сущий пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) — и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настойча переполнила необычная опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней — подходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако переродившийся Настойч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчем, он заметно хромал.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ — едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и спрыгнул по другую сторону стены.

За ним, громко скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец — раньше нечто подобное случилось бы с Настойчем.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и оступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову, что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа,— он приобрел *иммунитет* к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опьяненный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнул вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой грохот. Настойч укрылся за валуном, избежав простертой ручищи робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженного несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал — он покатил быстро уменьшаю-

щееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает.

Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колонистского судна «Кучулэйн» и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колонисты. Среди них были самые разные люди.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности. Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведал для этих людей минимальные возможности существования на Тэте и в какой-то степени вселил надежду в самых неспособных — в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце концов он вошел в каюту Гаскелла.

— Ну что, Антон,— спросил Гаскелл,— как они вам показались?

— По-моему, хорошие ребята,— ответил Настойч.

— Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь?

Настойч сказал:

— Я считаю Тэту своим домом.

— Значит, решено. Я только...

— Погодите,— прервал его Настойч.— Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

— Что такое?

— Мне здорово пришлось по душе освоение планет,— пояснил Настойч.— Хотелось бы еще поосваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

— Этого я не ожидал,— с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

— А что тут такого?

— Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

— Почему?

— Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни напрягай фантазию, вас уже никак не назовешь минимально жизнеспособным.

— Но ведь я такой же, как всегда! — возразил Настойч.— Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне робота, который все компенсировал. А кончилось тем...

— Да, чем же кончилось?

— Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

— Но ведь натворили же!

— Да. Но постойте! Пусть так, но ведь я еле в живых остался после опыта — всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

— Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Весь забрызганный чернилами, он помеллил, зацепился за стул, упал.

— Антон,— нахмурился Гаскелл,— что за представление?

— Да нет же,— сказал Антон,— это не представление, черт возьми!

— Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но возможно — учтите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на разрумянившееся лицо Настойча и разразился смехом:

— Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигнут статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

Верный вопрос

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо,— что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим — крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он знал.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже знали.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некоей планете, вращающейся вокруг некоей звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри его находились ответы. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и зачем они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

Что же еще делать Ответчику?

И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

— Лучше,— со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло.

Но пришла невесомость — и сердце заработало.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну,— пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос.— Протяну, сколько понадобится, чтобы узнать.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем.— Морран помог старику освободиться от привязных ремней.— Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, которая знала ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла восвояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос! — Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые... звезды».

— Да,— согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особенно долгого периода багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал,— так что вполне можно было поболтать.

— А знаете,— сказал Лек,— поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.

— Зачем? — спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания.— Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да,— отозвался Лек, все еще на языке твердого решения.— Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам, выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? — предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно,— сказал Лек.— Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью.— Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь? — поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах,— пожал плечами Лек.— В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду! — крикнул Лек на диалекте решения-на-грани-поступка.

— Удачи тебе! — дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Один на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он знал.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Я взываю к Закону восемнадцати! — воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику! — вскричал один.— Нашими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить,— заявил другой,— почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния.

Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные,— пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был народ — вылитые мы! — который знал. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть? — закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут,— прошептал Морран.— Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр,— сказал Морран.— Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик? — проговорил он.

— Да,— отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне,— попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами.— Скажи мне, что я есть?

— Частность,— сказал Ответчик.— Проявление.

— Брось,— обиженно проворчал Лек.— Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное значение этого?

— Вопрос бессмысленный,— сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большем объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен. Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик знал. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание,— думал Ответчик.— Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния,— спросил один,— то как можно оказаться в других местах?

Ответчик знал, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос,— с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие,— спросил один,— а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.

— Почему,— поинтересовался другой,— есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы и сам на них отвечал.

— Ну вот,— вздохнул Морран.— Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем,— сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Надев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро,— попросил Лингман.

— Хорошо,— согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

— Сюда,— указал Морран.— Легенды были верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни,— сказал он Моррану,— мы и представить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов! — восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик,— обратился Лингман высоким слабым голосом,— что такое жизнь?

Голос раздался в их головах:

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь? — спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответь же в собственных терминах,— сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы,— грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная? — спросил Морран.

— Термин «расширение» неприложим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду,— печально проговорил Лингман.— Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно! — возразил Морран.— Наука...

— Частные истины,— бесконечно усталым голосом заметил Лингман.— По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так,— задумчиво проговорил Лингман.— Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при проходе через Сатурн?» Я не сумею ответить на твой вопрос в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно,— медленно выговорил Морран.— Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Значит, мы даже не можем задать верный вопрос? — возмутился Морран.— Не верю. Хоть что-то мы должны знать.— Он повернулся к Ответчику.— Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся.— Ну наконец-то сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально как А — ложные истины или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума,— не выдержал Морран.— Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто,— продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком.— Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет,— едва слышно проговорил Лингман.— Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив научной точностью?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр! — затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать бóльшую часть ответа.

Где не ступала нога человека

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил ее на рабочий столик рядом с бритвой.

— Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин,— сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

— Если ты отказываешься от своей доли...— начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой, Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

— Не устраивай спектакля,— посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы.— С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

— Разве ты не прочтешь застольной молитвы? — съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

— Не очень-то питательно,— заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

— Две планеты,— сказал Каскер.— Одна сгорела дотла.

— Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в астропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

— Входим в атмосферу,— сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съедобное.

— Да посмотри же,— проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

— Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы,— сказал Хеллмэн.

— Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы-острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

— Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная,— сказал Каскер.

По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

— Нашли где строить,— пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездоле-

том во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подошли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

— Должно быть, эту планету покинули,— сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

— Ни один нормальный человек в таком месте не останется,— ответил Каскер.— И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

— Ты знаешь,— сказал он,— когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

— Кончай трепаться,— нелюбезно прервал Каскер.— Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук — урчание в животах. Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других — разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тут же кинулся листать их.

— Где-то тут должна быть еда,— сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать ближайшую коробку.

— Вот это интересно,— сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

— Давай сперва поедим,— предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневатая пыль. Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

— Право же, очень интересно,— бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там была пыль темно-оранжевого цвета.

— Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

— Еду? — переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера.— А почему ты думаешь, что здесь стоит искать еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

— Это склад! — заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала почтовый ящик) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

— Не исключено, что это стрихнин,— мимоходом обронил Хеллмэн.

Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

— В конце концов,— заметил Хеллмэн,— даже если это действительно склад — даже если он продовольственный,— мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

— Ладно,— буркнул Каскер,— но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?..— Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

— Прежде всего,— оживился Хеллмэн,— надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

— Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я — пилот, окончил заочно летные курсы. Мы понятия не имеем о титровании и возгонке.

— Знаю,— согласился Хеллмэн,— но так надо. Иного пути нет.

— Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянет химик?

— Вот что нам поможет,— объявил Хеллмэн и помахал книгой.— Ты знаешь, что это такое?

— Нет,— признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

— Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

— Хелгского?

— Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

— Никогда не слыхал о хелгском языке.

— Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей,— пояснил Хеллмэн.— Словарь-то не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия — родина маленьких храбрых рептилий — находится где-то в центре Галактики.

— А откуда ты знаешь алумбриджианский? — спросил он.

— Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия,— скромно заметил Хеллмэн.— В свободное время...

— Понял. Так как насчет...

— Знаешь,— продолжал Хеллмэн,— скорее всего, алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.

— Может, ты все-таки начнешь переводить,— устало посоветовал Каскер.— Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.

Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надпись.

— Готово,— сказал он.— Тут написано: «Покупайте фырчатель — лучший шлифовальный материал».

— Похоже, несъедобное,— сказал Каскер.

— Боюсь, что так.

Нашли другую коробку, с надписью: «Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!».

— Как ты думаешь, что за звери были эти хелги? — спросил Каскер.

Хеллмэн пожал плечами.

Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: «Аргозель сшестерит вашу Фудру. Содержит тридцать арпов рамстатова пульца. Только для смазки раковин».

— Должно же здесь быть хоть что-то съедобное,— проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе..

— Надеюсь,— ответил Хеллмэн.

Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько всевозможных веществ, что обоняние отказалось им служить.

— Давай обсудим,— предложил Хеллмэн, усаживаясь на коробку с надписью «Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название».

— Не возражаю,— сказал Каскер и растянулся на полу.— Говори.

— Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли их пища для нас.

— Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.

Хеллмэн пропустил эту реплику мимо ушей.

— Как те же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?

— Только дураки! — ответил Каскер.

От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут о том, что ели ныне усопшие хелги — силикаты, белки, йодистые соединения или вообще обходились без еды.

— Так вот,— продолжал Хеллмэн,— придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?

— Ясное дело,— ответил Каскер.

— Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: «Что одному мясо, то другому яд».

— Факт,— поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.

— Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для них мясо, то и для нас мясо.

Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущее перед носом.

— А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?

— Тогда,— ответил Хеллмэн,— сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас — мясо.

— А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд,— для нас яд?

— Тогда все равно помирать с голоду.

— Ладно,— сказал Каскер, поднимаясь с пола.— С какого допущения начнем?

— Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.

— Если доживем до того времени,— вставил Каскер.

Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например «Восторг и благозвон андрогинитов — для удлиненных, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью», но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось «Универсальное лакомство "Вэлкорин", для любых пищеварительных мощностей».

— На вид не хуже всякого другого,— сказал Хеллмэн и открыл коробочку.

Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.

— Откуси,— предложил Каскер.

— Я? — удивился Хеллмэн.— А почему не ты?

— Ты же выбирал.

— Предпочитаю ограничиться осмотром,— с достоинством возразил Хеллмэн.— Я не слишком голоден.

— Я тоже,— сказал Каскер.

Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.

— Ладно, трусишка,— горько сказал Каскер.— Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.

— В таком случае откуси маленький кусочек,— посоветовал Хеллмэн.

Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.

Тягучий красный брусок хихикнул.

— Ты слышал? — взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.

— Ничего я не слышал,— ответил Хеллмэн; у него тряслись руки.— Давай же действуй.

Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул громче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.

— Все ясно,— сказал Каскер.— Что еще будем пробовать?

— Еще? А чем тебе это не угодило?

— Я хихикающего не ем,— твердо заявил Каскер.

— Слушай, что я тебе скажу,— уламывал его Хеллмэн.— Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.

— В таком случае ешь сам,— огрызнулся Каскер.

Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:

— Давай-ка уберем его с дороги.

Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько хихикал про себя.

— А теперь что? — спросил Каскер.

Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.

— Посмотрим, что там, в других секциях,— предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.

Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.

Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.

Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.

— Всюду одно и то же,— грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание,— сказал Хеллмэн.— По-моему, стоило бы их все осмотреть.

Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.

— Стоит ли труда? — спросил он.

Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?

Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.

— Как по-твоему, что это такое? — спросил Хеллмэн.

— Не все ли равно?

Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.

— Очаровательно,— пробормотал он чуть погодя.

— Что-нибудь съедобное? — спросил Каскер со слабым проблеском надежды.

— Нет. То, на чем ты сидишь, называется «Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения»! Экипаж!

— М-да!..— тупо отозвался Каскер.

— Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?

Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.

— Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...

Хеллмэн продолжал читать:

— Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиляющего горючего «Интегор», потом один ван смазочного масла «Тондер» и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.

— Давай найдем что-нибудь поесть,— сказал Каскер.

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? — удивился Хеллмэн.— Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ — логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа,— то вникнем в строй мыслей хелгов. Это в свою очередь даст нам представление об их нервной системе, а следовательно, и о биохимической сущности.

Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.

— Например,— продолжал Хеллмэн,— какого рода экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...

Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:

— Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.

— Ладно,— угрюмо согласился Хеллмэн.

Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.

— Вот тут что-то есть! — крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.— Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: «Моришилле-Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лактыэкты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!»

— Неплохо звучит,— признал Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.

— Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо,— сказал Хеллмэн.— Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.

— А вдруг это чистая вода! — с надеждой сказал Каскер.

— Посмотрим.

Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В баке была прозрачная как кристалл влага.

— Не пахнет,— констатировал Каскер, склонившись над баком.

Прозрачная влага поднялась ему навстречу.

Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, и они вдвоем снова

приблизились к баку. Когда они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.

— Ну что ты наделал! — вскричал Каскер, осторожно пятясь. Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.

— Хеллмэн! — завопил Каскер.

Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.

— По-моему, я что-то напорол при переводе,— сказал он.

— Да сделай же что-нибудь! — вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.

— Что же я могу сделать? — проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги.— Ага, вот где ошибка. Тут написано не «Клейпучку пьют все», а «Клейпучка пьет всех». Спутал подлежащие. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.

Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он схватил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк и выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.

Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.

Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.

— Плохо дело,— сказал Хеллмэн.— Мы считали аксиомой, что процесс питания хелгов сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...

— Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...

— Брось,— строго одернул его Хеллмэн.— На истерику у нас нет времени.

— Извини.— Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.

— Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд,— задумчиво сказал Хеллмэн.— Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.

Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.

В углу все еще хихикал тягучий брусок.

— Вот это, по всей вероятности, яд,— объявил Хеллмэн полчаса спустя.

Каскер совсем пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.

— Что там написано? — спросил он.

Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.

— Называется «Шпаклевка Пвацкина». На ярлыке надпись: «Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не более двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество — рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством,— делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь».

— Звучит заманчиво,— отозвался Каскер.— Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.

— У тебя есть другие предложения?

На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?

После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.

— Валяй,— сказал он.

Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Запечатано,— подсказал Каскер.

Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.

Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.

— Дрожжи, не иначе,— сказал он и крепко сжал в руках лучемет.

— Давай, давай. Смелость города берет.

— Я тебя не удерживаю,— парировал Хеллмэн.

Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

— И долго это будет расти? — спросил Каскер.

— Видишь ли,— ответил Хеллмэн,— в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть — это вещество, расширяясь, заполняет дыры.

— Точно. Но какой величины?

— К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...

Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собирается останавливаться.

— Надо было верить рекламе! — взвыл Каскер.— Эта штука в самом деле опасна!

Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.

— Берегись!

Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.

— Спасайся кто может! — заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.

Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь, вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.

С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.

Но беда еще не миновала.

Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженный замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.

И признаков усталости она не выказывала.

Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.

Долго ли может шар разбухать? Сколько это — два кубических вима? Хорошо, если только две кубические мили. Судя по всему, Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.

В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...

У Каскера нет лучемета!

От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивается в комнату через замок... и Каскеру не уйти! Слева у него — Шпаклевка, справа — запертая дверь!

Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дыру и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.

Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!

Или может?

Клиновидным комнатам — секторам круга,— казалось, не будет конца, так же как путанице закрытых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о плетеную корзину, упал, поднялся на ноги и опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер — его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты — ноги у него подгибались — и рухнул у порога третьей.

— Это ты, Хеллмэн? — услышал он голос Каскера из-за двери.

— Ты цел? — прохрипел Хеллмэн.

— Мне тут не очень-то просторно,— ответил Каскер,— но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша.

— Минуточку,— сказал он.

— Еще чего, минуточку! — прокричал Каскер.— Выведи меня. Я нашел воду.

— Что? Как?

— Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

— Что случилось? — спросил он.

— Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим «Интегор».

— И что же? — поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

— Супертранспорт — это животное, Хеллмэн! А горючее «Интегор» — вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со вздохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам,— это животное, вероятно, наделенное втяжными присосками. В промежутках между рейсами оно впадает в спячку; а уж если оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

— Прожги дверь! — крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

— Как ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

— Да поторопись же!

— А что там такое? — спросил Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

— Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой ящиков. Хеллмэн, по-моему, ему кажется, что я съедобен!

Поджаренное с помощью скорчера — отличное мясо, с точки зрения Хеллмэна, но несколько сыроватое, с точки зрения Каскера,— «традиционное транспортное суперсредство морогов» оказалось весьма съедобным. И главное, что на запасах этого жареного «суперсредства» они вполне смогут дотянуть до Калао.

Пушка, которая не бабахает

Диксону показалось, что хрустнула ветка. Он обернулся и успел краешком глаза заметить скользнувшую под кустом черную тень. Он замер на месте, вглядываясь в заросли. Стояла полная тишина. Высоко над головой какая-то птица вроде стервятника парила в восходящих потоках воздуха, что-то высматривая внизу, что-то ожидая.

И тут Диксон услышал в кустах тихое нетерпеливое рычание. Теперь он точно знал — звери крадутся за ним. До сих пор это было только предположением. Но смутные, едва заметные тени рассеяли его сомнения. По дороге на радиостанцию они его не тронули — только в нерешительности следовали за ним. А теперь готовы действовать.

Он вынул из кобуры дезинтегратор, проверил предохранитель, снова засунул оружие в кобуру и зашагал дальше.

В кустах опять послышалось рычание. Кто-то терпеливо преследовал его, вероятно, ожидая, когда он минует заросли кустарника и войдет в лес. Диксон ухмыльнулся про себя.

Никакой зверь ему не страшен. У него есть дезинтегратор.

Если бы не это, Диксон ни за что не решился бы отойти так далеко от корабля. Никто не может позволить себе просто так разгуливать по чужой планете. Но Диксон мог. У него на поясе болталось оружие, с которым не могло сравниться никакое другое,— абсолютная защита от всего, что только может ходить, ползать, летать или плавать.

Это был самый совершенный пистолет, последнее слово техники в области личного оружия.

Это был дезинтегратор.

Диксон снова оглянулся. Меньше чем в полусотне метров позади показались три хищника. Издали они напоминали собак или гиен. Они зарычали и медленно двинулись вперед.

Он взялся за дезинтегратор, но решил пока не пускать его в ход. Успеется — пусть подойдут поближе.

Альфред Диксон был небольшого роста, с широченными плечами и грудью. У него были светлые волосы и светлые с закрученными кончиками усы — они придавали его загорелому лицу свирепое выражение.

Его любимое местонахождение — земные бары и таверны. Там он, одетый в видавший виды походный костюм, мог громким, воинственным голосом заказывать себе выпивку и пронзать собутыльников взглядом прищуренных глаз цвета вороненой оружейной стали. Ему доставляло удовольствие снисходительно растолковывать пьяницам разницу между лучевым ружьем Сайкса и тройным кольтом или между адлепером с Марса и венерианским скомом и наставлять их, что следует делать, когда на тебя в густом лесу кидается рогатый танк с Раннара, или как отбиться от крылатых блестянок.

Некоторые считали Диксона трепачом, но избегали высказывать это вслух. Другие относились к нему хорошо, несмотря на его непомерное самомнение. «Он просто слишком самоуверен,— объясняли они.— Это дело поправимое — стоит ему только погибнуть или покалечиться».

Диксон свято верил в силу личного оружия. По его твердому убеждению, покорение Дикого Запада в Америке представляло собой не что иное, как состязание между луком и кольтом 44-го калибра. Африка? Копье против винтовки. Марс? Тройной кольт против метательного ножа. Водородная бомба может испепелить города, но занимать вражескую территорию приходится людям, вооруженным винтовками и пистолетами. Зачем измышлять какие-то непонятные экономические, философские или политические объяснения, когда все так просто?

И на дезинтегратор он, конечно, полагался целиком и полностью.

Оглянувшись, Диксон заметил, что к трем хищникам прибавилось еще с полдюжины. Они уже перестали прятаться и понемногу приближались, высунув языки.

Он решил еще немного подождать, прежде чем открывать стрельбу. Чем ближе они подойдут, тем сильнее будет впечатление.

В свое время Диксон сменил немало профессий: был геодезистом, охотником, геологом, работал на астероидах. И всегда ему не везло. Другие вечно натыкались на заброшенные древние города, подстреливали редких зверей, находили рудные залежи. Но он не унывал. Не везет, что поделаешь? Теперь он работал радистом — обслуживал десяток радиомаяков на незаселенных планетах.

А главное — ему было поручено провести первое полевое испытание самого совершенного личного оружия. Изобретатели надеялись, что оно завоюет всеобщее признание. На всеобщее признание надеялся и Диксон.

Он приблизился к опушке тропического леса. Корабль, на котором он прилетел, стоял в лесу, милях в двух от опушки, на небольшой поляне. Войдя в лес, Диксон услышал возбужденный писк древолазов. Эти небольшие оранжевые и голубые существа внимательно следили за ним сверху.

«Похоже на Африку,— подумал Диксон.— Хорошо бы повстречать какую-нибудь крупную дичь. Привезти с собой в виде трофея две-три страшные головы с рогами...»

Дикие собаки уже приблизились метров до двадцати. Это были животные величиной с терьера, серо-бурого цвета, с челюстями как у гиены. Часть их побежала через кусты, чтобы отрезать ему путь.

Пора было продемонстрировать дезинтегратор.

Диксон вынул его из кобуры. Оружие имело форму пистолета и было довольно тяжелым да к тому же еще и плохо сбалансированным. Изобретатели обещали в следующих моделях уменьшить вес и сделать дезинтегратор более прикладистым. Но Диксону он нравился именно таким. Он сдвинул предохранитель и поставил кнопку на одиночную стрельбу.

Стая с лаем и рычанием кинулась на него. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Дезинтегратор издал едва слышное гудение. Впереди, в радиусе сотни метров, часть леса тут же исчезла.

Это был первый выстрел из первого дезинтегратора.

Луч из его дула веером расходился до четырехметровой ширины. В гуще леса на высоте пояса появилось конической формы пустое пространство длиной в сотню метров. В нем не осталось ничего — исчезли деревья, насекомые, трава, кус-

тарник, дикие собаки, бабочки. Свисавшие сверху ветки, которые задел луч, были срезаны, будто гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что истребил по меньшей мере семь собак. Семь животных за полсекунды? И не надо думать об упреждении, как при стрельбе из обычного пистолета: не надо беспокоиться о боеприпасах — запаса энергии в дезинтеграторе хватит на восемнадцать часов работы. Идеальное оружие!

Он отвернулся и пошел дальше, сунув дезинтегратор в кобуру.

Наступила тишина: лесные обитатели осваивались с новым явлением. Но уже через несколько мгновений их удивление бесследно прошло. Голубые и оранжевые древолазы вновь закачались на ветках у него над головой. Стервятник в небе опустился пониже, и откуда-то издали появилось еще несколько чернокрылых птиц. А в кустах снова послышалось рычание диких собак.

Они все еще не отказались от преследования. Диксон слышал, как они перебегали в зарослях по обе стороны от него, скрытые листвой.

Он снова вытащил дезинтегратор. Неужели они осмелятся попробовать еще раз?

Они осмелились.

За самой его спиной из-за кустов выскочила пятнистая серая собака. Дезинтегратор загудел. Собака исчезла на лету во время прыжка — вокруг только ветром шевельнуло листья, когда воздух ворвался в возникший вакуум.

Еще одна собака бросилась на Диксона, и он, слегка нахмурившись, уничтожил ее. Нельзя сказать, чтобы эти звери были такие уж глупые. Почему же они никак не поймут, что против него, против его оружия они бессильны? По всей Галактике живые существа быстро научились остерегаться вооруженного человека. А эти?

Еще три собаки прыгнули на него с разных сторон. Диксон переключил дезинтегратор на автоматическую стрельбу и скосил их одним движением руки. Взлетела пыль — воздух заполнил вакуум.

Он прислушался. Рычание раздавалось по всему лесу. Новые и новые стаи сбегались, чтобы урвать кусок добычи.

Почему они не боятся?

И вдруг его осенило. Они не видят, чего нужно бояться!

Дезинтегратор уничтожает их быстро, аккуратно, тихо. Попавшие под луч собаки чаще всего просто исчезают — они не визжат в агонии, не воют, не рычат.

А главное — не слышно громкого выстрела, которого они могли бы испугаться, не пахнет порохом, не щелкает затвор, досылая новый патрон...

«Наверное, у них просто не хватает ума сообразить, что эта штука смертельна,— подумал Диксон.— Они просто не понимают, что происходит. Они думают, что я беззащитен».

Он зашагал быстрее.

«Никакой опасности нет,— напомнил он сам себе.— Пусть они не понимают, что это смертельное оружие,— от этого оно не становится менее смертельным. Но все равно нужно будет сказать, чтобы в новые модели добавили какое-нибудь шумовое устройство. Наверное, это будет нетрудно».

Теперь осмелели и древолазы — они, оскалив зубы, раскачивались почти на уровне его головы. «Наверное, тоже хищники»,— решил Диксон и, переставив кнопку на автоматический огонь, прорезал огромные бреши в кронах деревьев.

Древолазы с воплями скрылись. На землю посыпались листья и ветки. Даже собаки на мгновение отступили.

Диксон ухмыльнулся — и в тот же момент распластался на земле, придавленный огромным суком, который луч дезинтегратора перерезал у основания. Удар пришелся по левому плечу.

Дезинтегратор вылетел из руки Диксона и упал метрах в трех, продолжая уничтожать ближайшие кусты. Диксон выполз из-под сука и бросился к оружию, но его уже схватил один из древолазов.

Диксон ничком бросился на землю. Животное с торжествующими воплями размахивало дезинтегратором. На землю валились огромные деревья, в воздухе потемнело от падающих листьев и ветвей, землю избороздили рытвины. Луч дезинтегратора прорезал ствол дерева, у которого только что стоял Диксон, и взрыл землю у самых его ног. Диксон отскочил в сторону, и луч едва миновал его голову. Диксон пришел в отчаяние. Но тут древолаза одолело любопытство. Весело тараторя, животное повернуло дезинтегратор дулом к себе и попыталось заглянуть в отверстие.

Голова животного беззвучно исчезла.

Диксон тут же перескочил рытвину, схватил дезинтегратор, прежде чем им смогли завладеть другие древолазы, и тут же выключил автомат.

Несколько собак вернулись. Они стояли поблизости и внимательно следили за ним. Стрелять Диксон не стал. У него так тряслись руки, что это было бы опасно не столько для собак, сколько для него самого. Он повернулся и заковылял к кораблю.

Собаки последовали за ним.

Через некоторое время Диксон пришел в себя. Он посмотрел на сверкающий дезинтегратор, который держал в руке. Теперь он испытывал к этому оружию куда большее уважение. И изрядно его опасался. Во всяком случае больше, чем собаки. Те, очевидно, никак не связывали с дезинтегратором разрушения, произведенные в лесу. Все это показалось им внезапно налетевшей бурей.

А теперь буря прошла, и можно возобновить охоту.

Диксон шел через густой кустарник, прожигая себе дорогу. Собаки по обе стороны не отставали от него. Время от времени то одна, то другая попадали под луч. Но их было несколько десятков, и они приближались.

«Черт возьми,— подумал Диксон,— почему они не подсчитывают свои потери?» Но тут же сообразил, что вряд ли они вообще умеют считать.

Он пробивался вперед. До корабля было уже совсем недалеко. Диксон занес ногу, чтобы переступить через лежащее на пути бревно,— и тут бревно ожило и злобно распахнуло огромную пасть под самыми его ногами.

Он нажал на спуск и не отпускал его целых три секунды, чуть не задев собственные ноги. Существо исчезло. Диксон всхлипнул, покачнулся и съехал в яму, которую только что разверз сам.

Он тяжело упал на дно, подвернув левую ступню. Собаки окружили яму, щелкая зубами и не отрывая от него глаз.

«Спокойно»,— сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от хищников и попытался выбраться наружу. Но у ямы были слишком крутые стены, и к тому же они оплавились, превратившись в стекло.

В панике он снова и снова, не жалея сил, бросался на гладкую поверхность. Потом остановился и заставил себя подумать. В эту яму он попал из-за дезинтегратора; пусть дезинтегратор его отсюда и извлекает. Нажав на спуск, он прорезал пологий откос и, преодолевая боль в ноге, выполз наружу. На левую ногу он с трудом мог ступить. Еще сильнее болело левое плечо. «Этот сук, наверное, сломал мне ключицу»,— подумал Диксон и заковылял дальше, опираясь на ветку, как на костыль.

Собаки несколько раз бросались на него. Он расстреливал их, но дезинтегратор в руке становился все тяжелее. Стервятники опустились на землю и уселись на аккуратно разрезанные лучом трупы собак. Глаза Диксона время от времени застилало тьмой. Он старался взять себя в руки — нельзя терять сознание, когда вокруг собаки.

Корабль был уже виден. Диксон неуклюже побежал и тут же упал. Несколько собак вцепились в него.

Он выстрелом рассек их на части, срезав полдюйма собственного сапога в непосредственной близости от большого пальца. Шатаясь, он поднялся на ноги и двинулся дальше.

«Вот это оружие,— подумал он.— Смертельно опасное для всех, включая стрелка. Изобретателя бы сюда! Надо же быть таким идиотом — построить пушку, которая не бабахает!»

Наконец он добрался до корабля. Пока возился с люком воздушного шлюза, собаки окружили его плотным кольцом. Двух, которые подскочили ближе всех, Диксон уничтожил и ввалился внутрь. В глазах у него снова потемнело, к горлу подступил комок. Из последних сил он захлопнул люк и сел на пол. Спасен!

И тут он услышал тихое рычание.

Одна из собак проникла внутрь вместе с ним.

У него уже, казалось, не было сил удержать тяжелый дезинтегратор, но он все же медленно поднял руку с оружием. Собака, еле различимая в полумраке корабля, кинулась на него.

Диксон похолодел от ужаса: он почувствовал, что у него недостает сил нажать на спуск. Его спасло непроизвольное движение сжавшихся пальцев.

Собака взвизгнула и умолкла. Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал, наслаждаясь одним радостным сознанием того, что жив. Он решил немного отдохнуть. Потом он смоется отсюда, пошлет к черту все чужие планеты и приземлится в первом же попавшемся баре. Вот когда он как следует напьется! А потом разыщет этого изобретателя и вобьет ему в глотку дезинтегратор. Поперек. Изобрести пушку, которая не бабахает, мог только маньяк-убийца!

Но это потом. А пока — какое наслаждение быть живым, лежать на солнышке, всем телом чувствуя...

Солнышко? Внутри корабля?

Он сел. У его ног валялась одна собачья лапа и хвост. А перед ним в корпусе корабля зияло зигзагообразное отверстие шириной сантиметров в восемь, тянувшееся больше чем на метр. Сквозь отверстие светило солнце. А снаружи в щель внимательно смотрели четыре собаки.

Убивая последнюю собаку, он прорезал корпус своего собственного корабля.

Теперь он увидел еще несколько брешей. А откуда взялись они? Ах да, это, наверное, когда он пробивался к кораблю. Последняя стометровка. Несколько выстрелов, вероятно, задели корабль.

Диксон поднялся и начал внимательно разглядывать повреждения. «Чистая работа,— подумал он с равнодушием отчаяния.— Это точно, уж такая чистая работа, что чище некуда».

Вот перерезанные кабели управления. Вот тут было радио. А здесь он ухитрился одним выстрелом угодить сразу в кислородные баллоны и в цистерну с водой — вот это меткость! А вот... да, конечно, только этого еще и не хватало. Самый удачный выстрел — он перебил топливную магистраль. Все горючее, согласно закону тяготения, вытекло наружу — под кораблем стояла лужа, которая понемногу впитывалась в землю...

«Неплохо для первого раза,— пришла ему в голову безумная мысль.— Даже газовым резаком лучше не сработать».

Впрочем, газовым резаком он тут ничего бы не сделал. Корпус космического корабля резаком не взять. А вот старым, добрым, верным, надежным дезинтегратором...

Год спустя, так и не дождавшись от Диксона никакого сообщения, Земля послала за ним корабль. Экипажу было приказано устроить подобающие случаю похороны, если удастся разыскать останки, и привезти обратно опытный образец дезинтегратора.

Спасательный корабль приземлился рядом с кораблем Диксона, и его экипаж принялся с большим интересом разглядывать изрезанный и выпотрошенный корпус.

— Есть же люди, которым нельзя давать в руки оружие,— сказал механик.

— Вот это да! — удивился пилот.

Из леса донесся какой-то стук. Они поспешили туда и обнаружили, что Диксон жив. Он работал, горланя песню.

За год Диксон построил деревянную хижину и посадил вокруг овощи. Огород был окружен частоколом. Когда спасатели подошли, Диксон заколачивал в землю новый кол взамен сгнившего.

— Ты жив? — вскричал кто-то.

— Точно,— отозвался Диксон.— Правда, дело было плохо, пока я не построил этот частокол. Сволочи эти собаки. Но я их проучил.

Он ухмыльнулся и показал на прислоненный к частоколу лук. Он был вырезан из упругого, крепкого дерева, а рядом колчан, полный стрел.

— Научились остерегаться,— сказал Диксон,— когда увидели, как их приятели кувыркаются со стрелой в боку.

— А дезинтегратор?..— начал пилот.

— А, дезинтегратор! — воскликнул Диксон с веселым огоньком в глазах.— Не знаю, что бы я делал без него.

Он продолжал свою работу. Кол быстро уходил в землю под ударами увесистой плоской рукоятки дезинтегратора.

Проблема туземцев

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится, сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно.

В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей, теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чувствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Но и самые легкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали «Станьте в круг», он выдыхался буквально через несколько часов — к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных одиннадцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в «Подземке».

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки, дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

— Вперед, ребята! — орал капитан.— Захватим-ка вагон для Рокэвея!

А капитан противника вопил:

— Нет, дудки! Навалитесь, мальчики! Бронкс-парк, и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

— В чем дело, Эдвард? — любопытствовала очередная подружка.— Разве тебе не весело?

— Весело, конечно,— задыхаясь, отвечал Дантон.

— Но я же вижу, что нет! — в изумлении вскрикивала девушка.— Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

— Я знаю,— отвечал Эдвард Дантон.— Мне, право, очень весело. Я... о Господи!

В вагон вламывалась, взявшись за руки, третья команда и выкрикивала нараспев: «Канарси, Канарси, Канарси!»

Уверившись, что Дантон человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от Рокпорта (штат Мэн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он пытался побороть себя, но тщетно. Стали проявляться и другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а от звуковой — постоянно звенело в ушах. Доктор предупредил его, что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих психосоматических недомоганий. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона — его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

Ему оставалось лишь одно — бежать. В космосе хватало места для тех, кто не прижился на Земле.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков различных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсена, у путешественников уходило лет по двадцать—тридцать на то, чтобы протащиться от одной звездной системы до другой. Более современные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшиеся на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и стать пионером. Невесело было на душе у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

— Ах, Эдвард, Эдвард,— говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку,— ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Миртл всегда хотели иметь двух ребятишек. И вот благодаря тебе...

— Оставим это,— ответил Дантон.— Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь детей. Да и вообще,— добавил он, вдруг пораженный новой мыслью,— я вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

— Но ведь это ужасно,— сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

— Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация*.

— Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

— Огородничество. Дело-то полезное.

— Полезное,— подтвердил Эл.— Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало *ему* бесплатный проезд в любую часть Вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно населенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его также и Гейл V, все триста сорок жителей которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сугубый культ здоровья.

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, су-

---

* Сублимация — психическое явление, заключающееся в вытеснении инстинктов (сексуальных комплексов).

дя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, что свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений. Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

Планета была тиха и укромна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнейшим образом. Дантон думал о женщинах и днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропическую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник — забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две исполинские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валила в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещатся женщины — высокие и маленькие, белые, черные и коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приязнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял что необходимо принимать решительные меры.

Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити — тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучший набедренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами Южных морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Миккельсена. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, исцарапанный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись: «Народ Хаттера».

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как «Народ Хаттера» тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним:

— Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

— Назад! — гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

— Что случилось? — удивился Дантон.

— Как тебя зовут?

— Эдвард Дантон.

— Я Симеон Смит,— сообщил тощий.— Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

— Я всегда говорю по-английски,— ответил Дантон.— Я же...

— Где остальные? Куда они спрятались?

— Да здесь никого нет. Только я.— Дантон бросил взгляд на звездолет и увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе.— Посмотрите-ка, это все вам,— Дантон указал на фрукты.— Я думал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными, волнистыми волосами.

— Нам уже можно выходить, отец?

— Нет! — ответил Симеон.— Здесь небезопасно. Полезай назад, Анита.

— Я буду наблюдать отсюда,— ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему дотоле трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

— Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

— Отчего же? — резонно полюбопытствовал Дантон.

— А оттого,— ответил ему Джедекия,— что мы не знаем, каким ядом вздумаете вы нас отравить.

— Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

— Что вы о нем думаете? — обратился к Симеону Джедекия.

— Все идет именно так, как я и ожидал,— ответствовал военачальник.— Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

— Добро,— с ухмылкой согласился Джедекия.— Да убоятся цивилизации,— и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

— Эй! — вскрикнул Дантон и попятился.

— Папа,— заговорила Анита,— но он же ничего еще не сделал.

— В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь ничего не сделает. Хорошие туземцы — это мертвые туземцы.

— А остальные,— вставил Джедекия,— поймут, что мы не собираемся шутить.

— Но вы не имеете права! — возмущенно воскликнула Анита.— Совет старейшин...

— ...не распоряжается сейчас...— перебил ее отец.— Высадившись на чужой планете, мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

— Да погодите вы,— заговорил Дантон.— Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незачем...

Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой его головой в тот миг, когда он скрылся наконец в подлеске.

— Вот так-то! — прогремел ему вслед голос Симеона.— Пусть зарубят себе на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отдалился от корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева, Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что он землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена, и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

— Но в таком случае,— продолжал размышлять Дантон,— как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затянули белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь сломя голову навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон

пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры наконец вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и несколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не притронулся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

— Друзья мои,— провозгласил военачальник.— Вот наконец и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина столь долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

— Достойна, брат наш,— откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

— На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

— Из которых самое большое не крупней бурундука,— прошептал Дантон.— Спросили бы уж меня. Я бы вам рассказал.

— А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан,— продолжал Симеон.— Одно известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и, как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, мы всегда должны быть начеку и, заподозрив что-либо неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан II!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и на берегу стало светло как днем. Часовые расхаживали взад и вперед, держа винтовки на изготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед

внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую луну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жались все ближе и ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, заслышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобнее будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

— Стой! — разом рявкнули все часовые.

— Дикарь вернулся! — крикнул один из поселенцев.

— Ой, мамочка,— заплакал какой-то малыш.— Злой, гадкий дядька меня съест. Не отдавай меня.

— Не бойся, милый,— успокаивала его мать.— У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и уставился на Дантона:

— А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

— Я предводитель этих людей.— Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к ребенку.— Моя — большая вождь эти люди. А твоя — большая вождь твои люди?

— Зачем вы так разговариваете? — спросил Дантон.— Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лицо Симеона побелело от гнева.

— Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твое племя?

— Да я же землянин,— завопил Дантон.— Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подошел Джедекия, а с ним седой сутуловатый человечек в больших очках в роговой оправе.

— Симеон,— сказал седой человечек,— мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

— Профессор Бейкер,— обратился к нему Симеон,— этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя — Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

— Так вы землянин? — спросил он.

— Конечно.

— А кто высек эти каменные статуи на берегу?

— Я,— ответил Дантон.— Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

— Типичные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

— Ну, значит, у меня это вышло случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле...

— Чем он был оборудован? — перебил профессор Бейкер.

— Гиперпространственными вихревыми конвертерами.

Бейкер кивнул, и Дантон продолжал:

— Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недостаточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных и Фермерских Миров и высадился наконец на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя. Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

— Что вы на это скажете, профессор? — спросил Симеон.

— Поразительно,— пробормотал профессор Бейкер.— Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно лишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно — чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем он исковеркал свое имя на английский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов, песен, плясок и исполнит нам...

— Но я землянин!

— Нет, мой бедный друг,— ласково возразил профессор.— Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты *встречал* землянина. Скорее всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

— На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля,— сказал Джедекия.

— О, вот видите,— прояснил профессор Бейкер.— Моя гипотеза подтверждается.

— Да нет же, это был государственный корабль,— объяснял Дантон.— Я на нем и прилетел.

— Интересно также отметить,— лекторским тоном продолжал профессор Бейкер,— те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот он заявляет, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсена. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждает, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

— Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбытия,— заметил Дантон.— Когда вы вылетели в космос?

— Космический корабль хаттеригов покинул Землю сто двадцать лет тому назад,— снисходительно ответил Бейкер.— Здесь присутствуют преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также,— обратился Бейкер к Симеону и Джедекии,— как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедония. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во Вселенной.

— Да есть они! — негодующе крикнул Дантон.

— Где? — с вызовом обратился к нему Джедекия.— Укажи координаты.

— Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, по-моему, где-то в районе Волопаса или, может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

— Мне жаль огорчать тебя, друг мой,— сказал Джедекия.— Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет таких планет.

— Ваши карты устарели на столетие!

— Звезды, стало быть, тоже,— отрезал Симеон.— Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся от нас? Что вы замышляете?

— Какая нелепость,— возмутился Дантон.— Как мне вас убедить? Я землянин, слышите! Родился и вырос...

— Будет! — оборвал его Симеон.— Уж что-что, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

— Здесь никого нет, кроме меня,— не сдавался Дантон.

— А, так ты запираться! — процедил Джедекия.— Уж не хочешь ли отведать плетки из змеиной кожи?

— Потом, успеется,— остановил его Симеон.— Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают попрошайничать. А ты,

Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

— Нет, спасибо,— ответил Дантон,— я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на ногах.

— Вождь сказал тебе: без дерзостей! — гаркнул Джедекия.— И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороченный, почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в сторонке, поодаль от остальных, и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

— Вы тоже принимаете меня за туземца? — спросил он.

Анита села рядом и ответила:

— Я просто не представляю, кем вы еще можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

— С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое переменилось. Но скажите, неужели «Народ Хаттера» провел все эти годы в космосе?

— Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйчгастро I, но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколение перебралось на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спасаться на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

— Какая же?

— Туземцы,— грустно ответила Анита.— Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно и поначалу все шло хорошо. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не было огнестрельного оружия, но они собрали такое огромное войско, что нашим пришлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

— Гм,— промычал Дантон.— Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

— Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

— Что же это за правительство?

— Совет старейшин,— ответила Анита.— В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

— У меня нет народа,— устало сказал Дантон.

— ...наше правительство создаст вам все условия для процветания,— закончила она.

Они замолчали, любуясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящейся линией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что посвежело. А девушка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

— Что здесь творится, черт возьми? — раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

— Бога ради, Джедекия,— сказала Анита.— Не разыгрывай сцен.

— Встань,— зловещим тихим голосом сказал Джедекия Дантону.— Встань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Ты опозорила свою расу,— сказал Джедекия Аните,— и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе,— повернулся он к Дантону,— я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. *Туземцам не позволено волочиться за нашими женщинами!* И сейчас я вколочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле.

— На помощь! — завопил он.— Туземцы взбунтовались!

На звездолете загремел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

— Да мы с ним просто подрались один на один! — крикнул Дантон.— Никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

— Отойди, Анита! — крикнул хаттерит, идущий впереди.

— Но я не видела ни одного туземца,— твердо ответила девушка.— А Данта и в самом деле не виноват.

— Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели,— это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

— Вон высунулся один!

— Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

— Ага! Попался!

— Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

— Стреляй, стреляй же!

Чуть ли не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, вытоптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом*.

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услыхал, что кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и, подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковал о ней.

Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям. Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

— Данта! Данта! Погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешимости. Что, если девушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

— Данта! Где же ты?

---

* Кордит — бездымный нитроглицериновый порох.

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

— Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

— Не волнуйся,— успокоила его Анита.— Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

— Вот как? — принужденно рассмеялся Дантон.— От кого же?

— Они ведь не знают тебя так хорошо, как я,— пояснила Анита.— Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

— В самом деле?

— Ну конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал: на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

— Вот молодчина! — пылко воскликнул Дантон.— И они поверили тебе?

— По-моему, да. Я ведь объяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал:

— Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

— То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

— Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить всех остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

— Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? — произнес он.

— Ну еще бы.

— И много нас было?

— Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

— Мы были вооружены?

— Разумеется.

— Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт,— торжествуя, спросил Дантон,— что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась:

— Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, как в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась у него из-под ног. Охваченный паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя, и сотни бронзовых, как он сам, дикарей прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

— Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный,— продолжала Анита.— Межпланетный закон запрещает продавать туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

— Огнестрельное?

— В том-то и дело! Вы, конечно, еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

— Я полагаю, раны были только пулевые?

— Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

— Понятно,— сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунглям воинство хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

— Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват,— успокоила его Анита.— Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

— Как любезно с их стороны,— заметил Дантон.

— Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как мы.

— Да неужели! — попытался съязвить бедняга.

— Да, а как же? И старейшины тут же созвали совещание по вопросам туземной политики и на нем порешили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не поскупились? Наши уже вкалачивают

межевые столбы. И вы будете теперь мирно жить в своей резервации, а мы — на нашей части острова.

— Что-о?!

— И чтобы скрепить договор,— продолжала Анита,— наши старейшины просят тебя принять вот это.— И она вручила ему пергаментный свиток.

— Что здесь такое?

— Это мирный договор, который провозглашает окончание хаттеро-нью-таитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже вкапывают в землю межевые столбы, расписанные в красную и черную полоску. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

— А не кажется ли тебе,— начал Дантон,— что, может быть... э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

— Я это предлагала,— покраснев, сказала Анита.

— Правда? Значит, ты согласилась бы...

— Конечно, да,— не глядя на него, проговорила девушка.— Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

— Я научил бы их охотиться и ловить рыбу,— подхватил Дантон,— показал бы им, как распознавать съедобные коренья и многое другое.

— А ваши колоритные племенные песни, пляски,— вздохнула Анита.— Как все было бы чудесно! Я очень огорчена.

— Но должен же быть выход! Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

— Никакой,— ответила Анита.— Я бы убежала с тобой, Данта, но ведь нас поймают, не сейчас, так позже.

— Они никогда нас не найдут,— уверил ее Дантон.

— Возможно. Я бы с радостью рискнула.

— Милая!

— Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

— Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

— Я тронута, что ты так говоришь,— нежно произнесла Анита.— Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты предупреди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу

же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекали их на бессмысленную разлуку, и в то же время еще сильней любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папоротника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекать статуи, напишет новые сонаты, опять станет вести дневник...

— К черту! — крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать?

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово-синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не погрязли так в своих дурацких предрассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

«Попробовать стоит,— подумал Дантон.— А убьют, так и ладно».

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

— Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

— Убирайся в резервацию! — крикнул ему часовой.— Не то буду стрелять.

— Но мне нужно видеть Симеона,— настаивал Дантон.

— Приказ есть приказ,— и с этими словами часовой прицелился.

— Стой, погоди-ка.— Из космического корабля вылез хмурый как туча Симеон.— Что тут стряслось?

— Опять пришел этот туземец,— пояснил часовой.— Прихлопнуть его, сэр?

— Чего тебе нужно? — спросил Симеон Дантона.

— Я пришел, дабы возвестить вам,— громовым голосом начал Дантон,— *объявление войны!*

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины — группа седобородых старцев — держались с краю.

— Ты ведь принял мирный договор,— заметил Симеон.

— Мы, вожди племен, живущих здесь, на острове,— выступая вперед, заявил Дантон,— обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Таити — наша. Она искони принадлежала нашим отцам и отцам наших отцов. Здесь растили мы детей, сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

— Ах, Данта! — воскликнула, выходя из корабля, Анита.— Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

— Они не послушались бы меня,— ответил Дантон.— Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретелльсмбройхи, вителли. Я уж не говорю о зависимых и малых племенах.

— И много у вас народу? — спросил Симеон.

— Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

— Многих из нас убьют,— бесстрастно продолжал Дантон.— Пусть: мы готовы к этому. Каждый ньютаитянин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

— Ну а теперь-то можно прихлопнуть его? — взмолился часовой.

— Опусти винтовку, дурень! — рявкнул Симеон.— Погоди, Данта! Я думаю, мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

— Я согласен,— степенно ответил Дантон.

— Что вы требуете от нас?

— Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

— Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

— Нет, больше ничего,— ответил Дантон.— Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и нью-таитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на

шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, прошествовал к Дантону.

— Старейшины уполномочили меня,— сказал он,— предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыплем его солью...

— Э, нет,— ответил Дантон.— У нас на Нью-Таити такое не принято. Я настаиваю на браке.

— Но, черт возьми, любезный...

— Таково мое последнее слово.

— Мы никогда не согласимся! Никогда!

— Значит, будем воевать,— объявил Дантон и удалился в джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явились Симеон и Анита.

— Твоя взяла,— сердито буркнул Симеон.— Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев не в первый раз, и, куда бы мы ни перебрались, нам от нее, наверное, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочитаем,— Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил: — согласиться на ассимиляцию. По крайней мере, так решили старейшины. Я лично выбрал бы войну.

— И потерпели бы поражение,— заверил его Дантон, вдруг почувствовав себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

— Возможно,— согласился Симеон.— Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

— Почему?

— А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласна выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, «Станьте в круг». Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше от угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записали все истории, какие он рассказывал своим детям: древние и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденные на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой преньютаитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив по себе следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих ньютаитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и их рассказы не внушали особого доверия.

— Мой народ? — говорил Данта любопытным.— О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валгуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

Человек по Платону

Благополучно посадив корабль на Регул-V, члены экспедиции разбили лагерь и включили ГР-22-0134, своего граничного робота, которого они называли Максом. Робот этот приво-

дился в действие голосом и представлял собой двуногий механизм, предназначенный для охраны лагеря от вторжения неземлян в случае, если экспедиции где-нибудь придется столкнуться с таковыми.

Первоначально в строгом согласии с инструкцией Макс был серо-стального цвета, но во время бесконечного полета его покрасили нежно-голубой краской. Высота Макса составляла один метр двадцать сантиметров, и члены экспедиции постепенно уверовали, что он — добрый, разумный металлический человек, железный гномик, нечто вроде миниатюрного Железного дровосека из «Волшебника Изумрудного города».

Разумеется, они заблуждались. Их робот не обладал ни одним из тех качеств, которые ему приписывали. ГР-22-0134 был не разумнее жнейки и не добрее автоматической расточной линии. В нравственном отношении его можно было сравнивать с турбиной или радиоприемником, но никак не с человеком.

Маленький, нежно-голубой Макс с красными глазами безостановочно двигался по невидимой границе лагеря, включив свои электронные органы чувств на максимальную мощность. Капитан Битти и лейтенант Джеймс отправились на реактивном вертолете обследовать планету и должны были отсутствовать около недели. Лейтенант Холлорен остался в лагере охранять оборудование.

Холлорен, коренастый крепыш с бочкообразной грудью и кривыми ногами, был веселым, веснушчатым, закаленным, находчивым человеком и большим любителем соленых выражений. Позавтракав, он провел сеанс связи с вертолетом, потом раскрыл шезлонг и уселся полюбоваться пейзажем.

Регул-V прелестное место, если вы питаете страсть к унылым пустыням. Вокруг лагеря во все стороны простиралась раскаленная равнина, состоявшая из песка, застывшей лавы и скал. Кое-где кружили птицы, похожие на воробьев, а иногда пробегали животные, напоминавшие койотов. Между скалами там и сям торчали тощие кактусы.

Холлорен встал с шезлонга:

— Макс, я пойду прогуляюсь. В мое отсутствие ты остаешься в лагере за главного.

Робот прервал обход.

— Слушаюсь, сэр. Я остаюсь за главного.

— Не допускай сюда никаких инопланетян, особенно двухголовых с коленями навыворот.

— Я учту ваше указание, сэр.— Когда речь шла об инопланетянах, Макс утрачивал чувство юмора.— Вы знаете пароль, мистер Холлорен?

— Знаю, Макс. А ты?
— Мне он известен, сэр.
— Отлично. Ну, бывай.
И Холлорен покинул пределы лагеря.

Побродив часок по очаровательным окрестностям и не обнаружив ничего интересного, Холлорен направился обратно к лагерю. Он с удовольствием отметил про себя, что ГР-22-0134 совершает свой бесконечный обход границы лагеря. Это означало, что *там* все в порядке.

— Эгей, Макс! — крикнул он.— Сообщений для меня не поступало?

— Стой!!! — скомандовал робот.— Пароль!!

— Не валяй дурака, Макс. Мне сейчас не...

— СТОЙ!!! — загремел робот, когда Холлорен собрался было переступить границу.

Холлорен остановился как вкопанный. Фотоэлектрические глаза Макса вспыхнули, и негромкий двойной щелчок возвестил, что он привел в боевую готовность оружие малого калибра. Холлорен решил действовать осторожнее.

— Я стою. Моя фамилия Холлорен. Ну как, все в порядке, Макс?

— Пожалуйста, назовите пароль.

— «Колокольчики»,— ответил Холлорен.— Ну, а теперь, с твоего разрешения...

— Не пересекайте границы,— предупредил робот.— Пароль неверен.

— Как бы не так! Я же сам тебе его давал.

— Это прежний пароль.

— Прежний? Да ты лишился своего электронного рассудка! — воскликнул Холлорен.— «Колокольчики» — единственный верный пароль, и никакого нового пароля у тебя быть не может, так как... Разве что...— Робот терпеливо ждал, пока Холлорен взвешивал эту неприятную мысль и наконец высказал ее вслух: — Разве что капитан Битти дал тебе новый пароль перед отлетом. Так оно и было?

— Да,— ответил робот.

— Мне следовало бы сообразить,— сказал Холлорен.

Он был раздосадован. Такие промашки случались и прежде, но в лагере всегда был кто-нибудь, кто помогал исправить положение.

Впрочем, оснований для тревоги не было. Если подумать хорошенько, ситуация складывалась довольно занятная. И най-

ти выход ничего не стоило. Достаточно было немного поразмыслить.

Холлорен, разумеется, исходил из того, что ГР-22-0134 способны хотя бы немного поразмыслить.

— Макс,— начал Холлорен.— Я понимаю, как это произошло. Капитан Битти дал тебе новый пароль, но не сказал мне об этом. А я затем усугубил допущенный им промах, не проверив, как обстоит дело с паролем, прежде чем вышел за границу лагеря.— Робот ничего не сказал, и Холлорен продолжал: — В любом случае эту ошибку легко поправить.

— Искренне надеюсь, что это так,— ответил робот.

— Ну конечно же,— заявил Холлорен без прежней уверенности.— И капитан, и я, давая тебе новый пароль, всегда следуем определенным правилам. Сообщив пароль тебе, он тут же сообщает его мне устно, но на всякий непредвиденный случай — вроде того, что произошел сейчас,— он его записывает.

— Разве? — спросил робот.

— Да-да,— ответил Холлорен.— Всегда. Неукоснительно. И значит, в этот раз тоже. Ты видишь палатку позади себя?

Робот навел один глаз на палатку, не спуская второго с Холлорена.

— Да, я ее вижу.

— Отлично. В палатке стоит стол. На столе лежит серый металлический зажим.

— Правильно,— сказал Макс.

— Превосходно. В зажиме лист бумаги. На нем записаны наиболее важные данные: частота, на которой подается сигнал бедствия, и тому подобное. В верхнем углу листка, обведенный красным кружком, написан текущий пароль.

Робот выдвинул свой глаз, сфокусировал его, затем вернул в обычное положение и сказал Холлорену:

— Все, что вы сказали, совершенно верно, но никакого отношения к делу не имеет. Мне нужно, чтобы вы знали пароль, а не то, где он находится. Если вы можете назвать пароль, я должен впустить вас в лагерь. Если вы его не знаете, я не должен вас туда пускать.

— Это же идиотизм! — закричал Холлорен.— Макс, педантичный ты болван! Это же я, Холлорен! И ты прекрасно это знаешь! Ведь мы все время были вместе с того самого дня, когда тебя включили! Так будь добр, перестань изображать Горация на мосту и впусти меня в лагерь.

— Ваше сходство с мистером Холлореном действительно фантастично,— признал робот.— Но у меня нет ни приборов,

ни права, чтобы идентифицировать вашу личность, и мне не разрешается действовать на основании только моих восприятий. Единственное приемлемое для меня доказательство — это пароль.

Холлорен подавил ярость и сказал нормальным тоном:

— Макс, старина, похоже, ты намекаешь, что я — инопланетянин.

— Поскольку вы не называете пароля,— ответил Макс,— я обязан исходить именно из этой предпосылки.

— Макс,— закричал Холлорен, делая шаг вперед,— во имя всего святого!

— Не подходите к границе,— сказал робот. Его глаза пылали.— Кем бы и чем бы вы ни были — назад!

— Ладно-ладно, я отойду,— быстро сказал Холлорен.— Не нервничай.

Он отошел от границы и подождал, пока глаза робота не погасли. Потом сел на камень. Ему нужно было серьезно подумать.

Была уже почти середина тысячечасового регулийского дня, двойное солнце стояло в самом зените — два белых пятна в тускло-белом небе. Они медленно плыли над темным гранитным ландшафтом, сжигая все, на что падали их лучи.

Изредка в сухом раскаленном воздухе устало пролетала птица. Небольшие зверьки быстро шмыгали из одной тени в другую. Животное, похожее на росомаху, грызло колышек палатки, но маленький голубой робот не обращал на него ни малейшего внимания. Человек сидел на камне и смотрел на робота.

Холлорен, которого уже начала мучить жажда, попытался проанализировать свое положение и найти выход.

Ему хотелось пить. Скоро вода станет для него насущной необходимостью. А затем он умрет от жажды.

Кроме лагеря, нигде вокруг не было пригодной для питья воды.

Воды в лагере было много, но пройти к ней, минуя робота, он не мог.

По расписанию Битти и Джеймс выйдут на связь с ним через три дня, но если он не ответит, это их вряд ли встревожит — короткие волны капризничают даже на Земле. Еще одну попытку они сделают вечером, а потом на следующее утро. Не получив ответа и тогда, они вернутся в лагерь.

Итак, на это потребуется четыре земных дня. А сколько он сможет протянуть без воды?

Ответ зависит от скорости, с которой его организм терял воду. Когда общая потеря жидкости достигнет десяти-пятнадцати процентов его веса, он впадет в шоковое состояние. Это может произойти с катастрофической внезапностью. Известны случаи, когда кочевники бедуины, оставшись без воды, погибали через сутки. Потерпевшие аварию автомобилисты на американском Юго-Западе, пытаясь выйти пешком из пустыни Бейкер или Мохаве, иногда не выдерживали и двенадцати часов.

Регул-V был знойным, как Калахари, а влажность на нем была меньше, чем в Долине Смерти. День на Регуле-V составлял почти тысячу земных часов. Сейчас был полдень, и впереди его ждало пятьсот часов непрекращающегося зноя без возможности укрыться в тени.

Сколько он сможет продержаться? Один земной день. По самому оптимистическому подсчету — не больше двух. Следовательно, про Битти и Джеймса надо забыть. Ему необходимо добыть воду из лагеря, и как можно скорее. Значит, он должен придумать, как войти туда, минуя робота.

Он решил пустить в ход логику.

— Макс, ты должен знать, что я, Холлорен, ушел из лагеря, и что я, Холлорен, вернулся через час, и что я, Холлорен, стою сейчас перед тобой и не знаю пароля.

— Вероятность того, что ваше утверждение верно, весьма высока,— признал робот.

— Но в таком случае...

— Но я не могу действовать, исходя из вероятности или даже почти в полной уверенности. В конце концов, я был создан специально для того, чтобы иметь дело с инопланетянами, несмотря на весьма малую вероятность того, что я встречусь с ними.

— Не можешь ли ты хотя бы принести мне канистру с водой?

— Нет, это значило бы нарушить приказ.

— Когда это тебе отдавали приказы насчет воды?

— Прямо мне их не отдавали. Но такой вывод проистекает из основных заложенных в меня инструкций. Мне не полагается оказывать помощь или содействие инопланетянам.

После этого Холлорен произнес очень много слов очень быстро и очень громким голосом. Это были сугубо земные идиомы, однако Макс игнорировал эти определения, поскольку они были тенденциозными и бессодержательными. Некоторое время спустя инопланетянин, который называл себя Холлореном, скрылся из виду за кучей камней. Спустя несколько минут из-за кучи камней вышло, насвистывая, некое существо.

— Привет, Макс,— сказало существо.

— Привет, мистер Холлорен,— ответил робот.

Холлорен остановился в десяти шагах от границы.

— Ну, я побродил немножко,— сказал он,— но ничего интересного тут нет. В мое отсутствие что-нибудь произошло?

— Да, сэр,— ответил Макс.— В лагерь пытался проникнуть инопланетянин.

Холлорен поднял брови:

— Неужели?

— Да, сэр.

— И как же выглядел этот инопланетянин?

— Он выглядел очень похожим на вас, мистер Холлорен.

— Боже великий! — воскликнул Холлорен.— Так как же ты сообразил, что он — не я?

— А он пытался войти в лагерь, не сказав пароля. Этого подлинный мистер Холлорен, разумеется, не стал бы делать.

— Разумеется,— сказал Холлорен.— Отлично, Макси. Нам надо будет следить, не появится ли этот тип еще раз.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр.

Холлорен небрежно кивнул. Он был доволен собой. Он сообразил, что Макс в соответствии со своей конструкцией должен будет рассматривать каждую встречу совершенно обособленно и действовать исходя только из данных обстоятельств. Иначе и быть не могло, поскольку Максу не разрешалось рассуждать, опираясь на предыдущий опыт.

В сознании Макса были запрограммированы определенные предпосылки. Он исходил из того, что земляне всегда знают пароль. Он исходил из того, что инопланетяне никогда не знают пароля, но всегда пытаются проникнуть в лагерь. Поэтому существо, которое не пытается проникнуть в лагерь, тем самым должно быть свободно от инопланетянского навязчивого желания входить в лагерь, а потому его можно рассматривать как землянина до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Холлорен решил, что это очень недурное логическое построение для человека, организм которого уже потерял несколько процентов жидкости, а потому можно было надеяться, что и остальная часть его плана окажется не менее удачной.

— Макс,— сказал он,— во время моих обследований местности я сделал одно довольно неприятное открытие.

— А именно, сэр?

— Я обнаружил, что мы разбили лагерь на краю разлома в коре этой планеты. Ошибки здесь быть не может.

— Нехорошо, сэр. А велик ли риск?

— Еще бы! А чем больше риск, тем больше работы. Нам с тобой, Макси, придется перенести весь лагерь на две мили к

западу. И немедленно. А потому бери канистры с водой и следуй за мной.

— Есть, сэр,— ответил Макс.— Как только вы смените меня с поста.

— Ладно, сменяю,— ответил Холлорен.— Пошевеливайся.

— Не могу,— сказал робот.— Вы должны снять меня с поста, назвав пароль и указав, что он отменяется. Тогда я перестану охранять данные границы.

— У нас нет времени на формальности,— сказал Холлорен сквозь зубы.— Новый пароль — «треска». Пошевеливайся, Макс. Я чувствую содрогания почвы.

— Я ничего не чувствую.

— Еще бы ты чувствовал! — огрызнулся Холлорен.— Ты же всего только ГР-робот, а не землянин со специальной тренировкой и точно настроенным сенсорным аппаратом. Ах, черт, снова! Уж на этот-то раз ты его почувствовал?

— Да, кажется, почувствовал.

— Ну, так берись за дело.

— Мистер Холлорен, я не могу. Я физически не способен покинуть свой пост, пока вы не распорядитесь. Прошу вас, сэр, распорядитесь.

— Не волнуйся так,— сказал Холлорен.— Пожалуй, мы не будем переносить лагерь.

— Но землетрясение...

— Я только что произвел новые расчеты. У нас гораздо больше времени, чем я предполагал сначала. Я схожу погляжу еще раз.

Холлорен скрылся за скалами, где робот не мог его видеть. Сердце его часто билось, а кровь, казалось, еле текла по жилам. Перед глазами плясали радужные пятна. Он поставил диагноз — легкий тепловой удар — и заставил себя посидеть неподвижно в небольшом кружке тени под скалой.

Медленно тянулись часы бесконечного дня. Бесформенное белое пятно двойного солнца сползло на дюйм ближе к горизонту. ГР-22-0134 бдительно охранял границы лагеря.

Поднялся ветер. Он достиг почти ураганной силы и начал швырять песок в немигающие глаза Макса. Робот неутомимо двигался по окружности. Ветер сник, и среди скал ярдах в двадцати от Макса появилась какая-то фигура. Кто-то следил за ним — Холлорен или инопланетянин? Макс не желал размышлять. Он охранял свою границу.

Маленький зверь, похожий на койота, опрометью выбежал из-за скал и зигзагом проскочил почти у самых ног Макса. Большая птица спикировала прямо на него. Раздался пронзи-

тельный визг, и брызги крови упали на одну из палаток. Птица тяжело взмыла в воздух, сжимая в когтях бьющееся тело.

Макс не обратил на это происшествие ни малейшего внимания. Он наблюдал за человекообразным существом, которое, пошатываясь, брело к нему со стороны скал. Существо остановилось.

— Добрый день, мистер Холлорен,— сразу же сказал Макс.— Боюсь, мне следует сообщить, сэр, что у вас заметны явные признаки обезвоживания. Это состояние ведет к шоку, потере сознания и смерти, если не будут немедленно приняты необходимые меры.

— Заткнись,— сказал Холлорен хриплым голосом.

— Слушаюсь, мистер Холлорен.

— И перестань называть меня мистером Холлореном.

— Но почему, сэр?

— Потому что я не Холлорен. Я — инопланетянин.

— Неужели? — сказал робот.

— Или ты сомневаешься в моей правдивости?

— Ну, ваше ничем не подтверждаемое заявление...

— Неважно. Я дам тебе доказательство. Я не знаю пароля. Слышишь? Каких еще доказательств тебе надо? — Робот продолжал колебаться, и Холлорен добавил: — Мистер Холлорен велел мне напомнить тебе твои собственные основополагающие определения, в соответствии с которыми ты исполняешь свою работу, а именно: землянин — это разумное существо, которое знает пароль. Инопланетянин — это разумное существо, которое не знает пароля.

— Да,— с неохотой согласился робот.— Для меня все определяется знанием пароля. И все же я чувствую, что тут что-то не так. Предположим, вы мне лжете.

— Если я лгу, то отсюда следует, что я — землянин, который знает пароль,— объяснил Холлорен,— и опасности для лагеря нет. Но ты знаешь, что я не лгу, потому что тебе известно, что никакой землянин не станет лгать, когда речь идет о пароле.

— Но могу ли я исходить из такой предпосылки?

— А как же иначе? Ни один землянин не захочет выдать себя за инопланетянина, верно?

— Конечно, нет.

— А пароль — единственное четкое различие между человеком и инопланетянином?

— Да.

— Следовательно, тезис можно считать доказанным.

— Но все-таки я не уверен,— сказал Макс, и Холлорен сообразил, что робот считает себя обязанным не доверять ино-

планетянину, даже если инопланетянин всего лишь пытается доказать, что он — инопланетянин.

Холлорен выждал, и через минуту Макс сказал:

— Хорошо, я согласен, что вы — инопланетянин. А потому я отказываюсь допустить вас в лагерь.

— Я и не прошу, чтобы ты меня туда допускал. Вопрос заключается в том, что я пленник Холлорена, а ты знаешь, что это означает.

Фотоэлектрические глаза робота быстро замигали.

— Я не знаю, что это означает.

— Это означает,— объявил Холлорен,— что ты должен выполнять все приказы Холлорена, касающиеся меня. А он приказывает, чтобы ты задержал меня в пределах лагеря и не выпускал оттуда, пока он не отдаст другого распоряжения.

— Но мистер Холлорен знает, что я не могу впустить вас в лагерь! — вскричал Макс.

— Конечно. Но Холлорен приказывает, чтобы ты взял меня под стражу в лагере, а это совсем другое дело.

— Разве?

— Конечно. Ты должен знать, что земляне всегда берут под стражу инопланетян, которые пытаются ворваться в их лагерь.

— Кажется, я что-то такое слышал.— сказал Макс.— Но все-таки впустить вас в лагерь я не могу. Зато я могу сторожить вас здесь, прямо перед лагерем.

— От этого мало толку,— угрюмо сказал Холлорен.

— Мне очень жаль, но ничего другого я предложить не в состоянии.

— Ну ладно,— ответил Холлорен, садясь на песок.— Следовательно, я твой пленник.

— Да.

— Тогда дай мне воды напиться.

— Мне не разрешается...

— Черт побери, ты, несомненно, знаешь, что с пленными инопланетянами предписывается обращаться со всей вежливостью, положенной их рангу, а также снабжать их всем, что необходимо для жизни, в соответствии с Женевской конвенцией и прочими международными соглашениями.

— Да, я об этом слышал,— сказал Макс.— А какой у вас ранг?

— Джемисдар старшего разряда. Мой серийный номер — двенадцать миллионов двести семьдесят восемь тысяч ноль тридцать один, и мне требуется вода немедленно, потому что я без нее умру.

Макс задумался на секунду, а потом сказал:

— Я дам вам воды, но только после того, как напьется мистер Холлорен.

— Но ведь ее, наверное, хватит на нас обоих? — спросил Холлорен, пытаясь обаятельно улыбнуться.

— Это должен решить мистер Холлорен,— твердо объявил Макс.

— Ну ладно,— сказал Холлорен, поднимаясь на ноги.

— Погодите! Остановитесь! Куда вы идете?

— Вон за те скалы,— ответил Холлорен.— Настал час моей полуденной молитвы, которую я должен творить в полном одиночестве.

— Но что, если вы сбежите?

— Чего ради? — спросил Холлорен, удаляясь.— Холлорен просто поймает меня еще раз.

— Верно, верно, этот человек — гений,— пробормотал робот.

Прошло всего несколько минут. Внезапно из-за скал появился Холлорен.

— Мистер Холлорен? — спросил Макс.

— Да, это я,— весело ответил Холлорен.— Мой пленник прибыл сюда благополучно?

— Да, сэр. Он вон за теми скалами. Молится.

— Это ничего,— сказал Холлорен.— Вот что, Макс. Когда он оттуда выйдет, непременно напои его.

— С радостью. После того, как вы напьетесь, сэр.

— Черт, да я совершенно не хочу пить. Проследи только, чтобы этот бедняга инопланетянин получил свою воду.

— Я не могу, пока не увижу, что вы напились вдосталь. Состояние обезвоживания, о котором я упомянул, сэр, заметно усилилось. В любой момент у вас может наступить коллапс. Я требую, я умоляю вас, напейтесь.

— Ну ладно, хватит ворчать. Принеси мне канистру.

— Ах, сэр!

— А? Ну что еще?

— Вы знаете, что я не могу покинуть границу.

— Да почему же?

— Это противоречит инструкции. А кроме того, за скалами — инопланетянин.

— Я посторожу за тебя, Макс, старина. А ты будь умницей и принеси воды.

— Вы очень добры, сэр, но я не могу этого допустить. Ведь я — робот ГР, сконструированный специально для охра-

ны лагеря. Я не имею права возлагать эту ответственную функцию ни на кого — даже на землянина или другого робота ГР — до тех пор, пока они не назовут пароль и я не смогу покинуть пост.

— Знаю, знаю,— пробормотал Холлорен.— С какой стороны ни возьмись, результат один.

Он с трудом поплелся к скалам.

— Что случилось? — спросил робот.— Что такого я сказал?

Ответа не было.

— Мистер Холлорен? Джемисдар — инопланетянин?

Ответа по-прежнему не последовало. Макс продолжал охранять границы лагеря.

Холлорен был измучен. Горло саднило от пустых разговоров с глупым роботом, а все тело болело от бесчисленных ударов двойного солнца. Это был уже не солнечный ожог — Холлорен почернел, обгорел, превратился в жареного индюка. Боль, жажда и утомление вытеснили все остальные чувства, кроме злости. Он злился на себя за то, что попал в нелепое положение и не сумел предотвратить своей гибели («Холлорен? Ах да, бедняга не знал пароля и умер от жажды всего в сотне шагов от воды и палаток. Печальный, нелепый конец...»).

И теперь его поддерживала только злость. Только она заставляла его вновь анализировать положение и искать возможности проникнуть в лагерь.

Он уже убедил робота, что он — землянин. Затем он убедил робота, что он — инопланетянин. Ни то ни другое не помогло ему проникнуть в лагерь.

Что еще он может сделать?

Холлорен перекатился на спину и уставился в пылающее белое небо. В нем плавали черные точки. Галлюцинация? Нет, это кружили птицы. Они забыли про свою обычную добычу и ждали, чтобы он совсем обессилел,— вот тогда они устроят настоящий пир...

Он заставил себя сесть. «Теперь,— сказал он себе,— ты взвесишь все и найдешь зацепку».

С точки зрения Макса, все разумные существа, знающие пароль,— земляне. А все разумные существа, не знающие пароля,— инопланетяне.

Это означает...

На мгновение Холлорену показалось, что он нашел ключ к разгадке. Но ему было трудно сосредоточиться. Птицы спускались все ниже и ниже. Из-за скалы выскользнул койот и понюхал его ботинок.

В конце концов, Макс глуп. Его сконструировали не для того, чтобы он разоблачал обманщиков, если не считать одной

очень узкой области. Его критерии... архаичны, как в анекдоте о Платоне, который назвал человека двуногим существом без перьев, а Диоген ощипал петуха и заявил, что он точно соответствует этому определению, после чего Платон внес уточнение, добавив, что человек — это двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями.

Но какое отношение все это имеет к Максу?

Холлорен яростно тряхнул головой, пытаясь сосредоточиться. Но перед ним по-прежнему вставал человек по Платону — шестифутовый петух без единого перышка на теле и с очень плоскими ногтями.

Макс уязвим. У него должно найтись слабое место. В отличие от Платона он не может вносить уточнения в свои определения. Он не в состоянии отойти от них, как и от всего того, что из них логически вытекает.

— Черт побери! — сказал Холлорен вслух.— По-моему, я все-таки нашел способ.

Он попытался обдумать его подробнее, но обнаружил, что на это у него уже нет сил. Оставалось только одно: попробовать, а там будь что будет.

— Макс,— сказал он шепотом,— вот идет ощипанный петух, а вернее, неощипанный петух. Сунь-ка это в свою космологию и прожуй хорошенько.

Он сам хорошенько не понимал, что, собственно, хочет сказать, но твердо знал, что сейчас сделает.

Капитан Битти и лейтенант Джеймс вернулись в лагерь в конце третьего земного дня. Холлорена они нашли без сознания. Это было следствием большого обезвоживания и солнечного удара. В бреду он кричал, что Платон пытался не пустить его в лагерь, и тогда Холлорен превратился в шестифутового петуха без плоских ногтей и тем посрамил ученого философа и его дружка робота.

Макс напоил его, завернул в мокрое одеяло и соорудил над ним светонепроницаемый тент из двух слоев пластика. Дня через два Холлорен должен был совсем оправиться.

Но перед тем, как потерять сознание, он успел написать на листке:

«Без пароля не мог вернуться. Сообщите, чтобы завод ввел в роботов ГР аварийный контур».

Битти не мог добиться от Холлорена никакого толку, а потому стал расспрашивать Макса. Он узнал все подробности о том, как Холлорен ушел на разведку, и про многочисленных инопланетян, которые выглядели точно так же, как Холлорен, и о том, что говорили они и что говорил Холлорен. Это-то

было понятно: Холлорен отчаянно искал способ проникнуть в лагерь.

— Но что произошло после того? — спросил Битти.— Как он все-таки проник в лагерь?

— Он не «проник»,— ответил Макс.— Он просто вдруг уже был там.

— Но как он прошел мимо тебя?

— Он не проходил. Это было бы невозможно. Просто мистер Холлорен был уже внутри лагеря.

— Я не понимаю,— сказал Битти.

— Говоря откровенно, сэр, я тоже не понимаю. Боюсь, что на ваш вопрос может ответить только сам мистер Холлорен.

— Ну, когда еще Холлорен начнет разговаривать! — сказал Битти.— Но если он нашел способ, наверное, и я сумею его найти.

Битти и Джеймс долго ломали голову над этой задачей, но так и не нашли ответа. Для этого они недостаточно отчаялись и недостаточно озлились, и мысли их шли совсем не по нужному пути. Чтобы понять, каким образом Холлорен проник в лагерь, необходимо было посмотреть на заключительные события глазами Макса.

Жара, ветер, птицы, скалы, солнца, песок. Я игнорирую все постороннее. Я охраняю границы лагеря от инопланетян.

Что-то приближается ко мне со стороны скал, из пустыни. Это большое существо, волосы свисают с его головы, оно бежит на четырех конечностях.

Я приказываю ему остановиться. Оно рычит на меня. Я снова приказываю остановиться, более резко, я включаю мое оружие, я угрожаю. Существо рычит и продолжает ползти к лагерю.

Я вспоминаю инструкции, чтобы спланировать дальнейшее поведение.

Я знаю, что люди и инопланетяне — это две категории разумных существ, характеризующиеся способностью мыслить, что подразумевает способность выражать мысли с помощью речи. Эта способность неизменно пускается в ход, когда я приказываю остановиться.

Люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают правильно.

Инопланетяне, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают неправильно.

И инопланетяне, и люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают — правильно или неправильно.

Поскольку это всегда так, я должен сделать вывод, что любое существо, которое мне не отвечает, вообще не способно отвечать и его можно игнорировать.

Птиц и пресмыкающихся можно игнорировать. Это большое животное, которое ползет мимо меня, тоже можно игнорировать. Я не обращаю внимания на это существо, но я включил все мои органы чувств на полную мощность, потому что мистер Холлорен где-то ходит по пустыне, а кроме того, там молится инопланетянин — джемисдар.

Но что это? Мистер Холлорен чудесным образом вернулся в лагерь, он стонет, страдая от обезвоживания и солнечного удара. Животное, которое проползло мимо меня, исчезло бесследно, а джемисдар, по-видимому, все еще молится среди скал...

Опытный образец

Посадка едва не окончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет коснулся почвы, покачнулся и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

— Все в порядке,— сообщил он по радио профессору Слиггерту.— Планета земного типа, как и сообщалось в отчете разведчиков. Корабль целехонек. Счастлив доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

— Ну, естественно,— отозвался профессор Слиггерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным.

— А «Протект»? Как вы себя в нем чувствуете? Привыкли?

Бентли ответил:

— Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

— Ничего, приспособитесь,— заверил его профессор Слиггерт.— Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, по-моему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача — побрататься с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

— Знаю.

— Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

— Ладно,— пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут он оценил размеры пошлины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и пожалел, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок — выше шести футов росту,— беспечен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

«Приятное зрелище»,— сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне тем временем приближались. Бентли решил, что пора и ему приготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил фляту с водой, на другом — пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструментов. К одной ноге пристегнул ремешками радиопередатчик, к другой — санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса было две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры. При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно, оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фунта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут. Так утверждает профессор Слиггерт — глава института, изобретатель «Протекта».

Бентли открыл смотровое окно. Телиане испустили крик изумления. После минутного колебания лингвасцен перевел эти крики так: «Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно!»

Осторожно неся 148 фунтов поклажи, Бентли спустился по трапу с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал: «Я пришел к вам как друг». Лингвасцен воспроизвел резкие гортанные гласные телианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из телиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор на изготовку.

Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем «Протект», с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слиггерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слиггерт собственноручно застегнул «Протект» на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

— Превосходно,— провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбенными под ношей.

— Тяжеловато, вы не находите?

— Что поделаешь? — ответил Слиггерт.— Это же *прототип*, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные силовые узлы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

— Во всяком случае, можно было придать ему более обтекаемую форму,— возразил Бентли, заглядывая через плечо.

— Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было, и так будет. Возьмите пишущую машинку. Сейчас это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Однако бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями, а поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих — ведь раз от раза он сбрасывал целые фунты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

— О'кей,— перебил Бентли.— Если лучше не умеете, сойдет и так. А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наплечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из «Протекта» тоже не удавалось. Бентли оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

— Ну же, профессор, как от него избавиться?

— Этого я вам не скажу.

— То есть как?

— «Протект» неудобен, не правда ли? — лукаво спросил Слиггерт.— Вы бы гораздо охотнее летели без него?

— Вы правы, черт побери.

— Ну, ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неведомым опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

— Я знаю,— ответил Бентли,— но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

— Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Однако...

— Благодарю!

— Однако все эти качества отнюдь не предрасполагают вас к осторожности. Что, если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите снять тяжелый, неудобный «Протект»? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

— Я сам могу о себе позаботиться,— упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

— То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет; зато у «Протекта» есть!

— Послушайте,— сказал Бентли,— хотите верьте, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить «Протект» непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

— Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, а все это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как испытание «Протекта» в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах — заставить вас носить «Протект» не снимая. А добиться этого можно только таким путем: не сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.

Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:

— Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и снял «Протект».

— Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?

— Еще бы! — сказал Бентли.— А «Протект» действительно проделает все, что вы наобещали?

— Лабораторные испытания он прошел идеально.

— Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется...

— Вот одна из причин его громоздкости,— терпеливо разъяснил Слиггерт.— Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.

— А источник энергии?

— При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. «Протект» совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь,

что после этого полевого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников.— Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.

— Ладно,— сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках.— Уж как-нибудь привыкну к нему.

Однако он так и не привык. Человек не способен привыкнуть к тому, что ему на спину взвалили жернов весом в семьдесят три фунта.

Телиане никак не могли постигнуть пришельца. Они спорили между собой несколько минут, и все это время Бентли сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из телиан выступил вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.

— Братья,— сказал телианин,— здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чую.

Вперед выступил другой телианин в таком же головном уборе:

— Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.

— Ты прав,— согласился Ринек.— Не подобает громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклинатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг — невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.

Тогда от толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах — тоже, очевидно, заклинатели духов. Бентли понял, что это телианские жрецы или шаманы. Скорее всего, помимо духовной в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.

— Не думаю, чтобы это была нечистая сила,— заявил молодой и веселый с виду заклинатель, которого звали Гуаскль.

— А кто же еще? С одного взгляда видно.

— Наружность ничего не доказывает, это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М'Канди явился в облике...

— Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.

Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:

— Ты злой дух?

— Нет,— ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным телианами к его духовной сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если

бы в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы: «Чье ты порождение — Господа или дьявола?»

— Он утверждает, что он не злой дух,— сказал Гуаскль.

— Откуда он знает?

— Если не знает он, то кто же знает?

— Однажды великий дух Г-таль даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались молодые заклинатели духов, в другом — старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

— Пришелец,— провозгласил он,— мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ — даровать жизнь неуязвимому существу!

— По крайней мере, на первых порах,— торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше.— Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы пойдем в селение, свершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие зла не может стать заклинателем духов — это строжайше запрещено. Таким образом мы сразу познаем твою истинную сущность.

— Премного благодарен,— напыщенно ответил Бентли.

— Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что должно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас же отправились в селение, до которого было не

больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожаях, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало плелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчистит путь для будущего прогресса Тельса IV.

От него требуется немногое: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и, конечно, не дать себя убить, вспомнил он, усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огородик, а при некоторых — загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Между хижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; телиане обращались с ними ласково, как со щенятами. Поросший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись различным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Сгибаясь под тяжестью незаменимого «Протекта», Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустился на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли приблизился сельский старейшина Окшип, держа в руках полную до краев чашу.

— Пришелец,— сказал Окшип,— ты явился с дальней Земли, твои обычаи — не наши обычаи. И все же давай побратаемся! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священно.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли.

То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

— Но ведь оно очищено! — воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимает, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что даже если бы он и захотел испытать судьбу, «Протект» никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя. Заклинатели духов поспешно посовещались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

— Скажи,— осведомился Ринек, помолчав,— что ты думаешь о нечистой силе?

— Нечистая сила — это нехорошо,— торжественно ответил Бентли.

— Ага! — Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиграть этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил:

— Значит, ты не любишь нечистую силу?

— Нет.

— И не позволишь ей действовать вблизи себя?

— Ни в коем случае,— ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

— В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-Ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им замахнется, снисходит благодать.

— С удовольствием приму это копье,— сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь лицо его было разрисовано тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из черного дерева, с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копье на весу, Гуаскль произнес:

— О пришелец с небес, прими от нас священное копье! Кран К-Ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копье магической силой и повелел, чтобы оно явилось сосудом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копье и...

Со щелканьем сработал «Протект». Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намека на опасность, «Протект» создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств.

Если бы у Бентли было слабое сердце, «Протект» мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокрушительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копью. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировался в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех сторон. Он проклял сверхэффективность устройства. Копье не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако «Протект», воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ощупью искать кнопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушилась координация движений — с каждым новым применением «Протекта» неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться кнопка, но та соскользнула с места и отыскалась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напружинив хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с земли. Заклинатели уныло затянули очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле «Протекта» вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, оно отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

— Извините,— произнес Бентли со слабой улыбкой. Навряд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

— Ты не можешь принять священное копье,— констатировал он.

— Ну, не совсем так,— возразил Бентли.— Просто... словом, у меня есть охранное устройство, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

— Не будь смешон,— ответил Гуаскль.— Слыханное ли дело — священная тыква?

— Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово — я не злой дух. Право же, нет. Просто копья для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвасцен не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова — «злой дух», «уничтожить», «очищение». Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

— Некоторые полагают, что тебя следует убить немедля, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во множестве твоих табу. Мы будем молиться за тебя всю ночь. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью. В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас. Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

— Не повезло,— заметил профессор.— Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно, что копье предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копье в самом буквальном смысле слова.

— Я абсолютно уверен, что такого намерения не было,— настаивал Бентли.— В конце концов, надо же когда-нибудь верить людям.

— Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиарды долларов.

— Но ведь я же ничего не могу предпринять! — закричал Бентли.— Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье. Это означает, что я, скорее всего, злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряда посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом и «Протект» меня «спасет». Пропадает все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

— Добрую волю можно восстановить,— сентенциозно изрек профессор Слиггерт.— А вот оборудование на миллиарды долларов...

— Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

— Совершенно никакой,— ответил Слиггерт.— Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь полагаться на собственные рефлексы, а не на электронные импульсы.

— Тогда объясните, как оно снимается.

— Остается в силе тот же довод — вы можете оказаться незащищенным.

— Но послушайте,— запротестовал Бентли,— меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять «Протект».

— Нет! «Протект» должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

— Это другое дело,— сказал Бентли.— Кстати, эти люди вроде бы не сомневаются, что могут убить меня.

— Примитивные племена всегда переоценивают могущество своей силы, своего оружия и своей магии.

— Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

— Ничто не может проникнуть сквозь поле,— терпеливо ответил Слиггерт,— даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

— В первых моделях многое сплошь и рядом требует доводки,— проворчал Бентли.— Но пусть будет по-вашему. А может, все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

— Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом, мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки, и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и щемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поесть каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадежно подергал «Протект» и улегся спать.

Едва он задремал, как «Протект» пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли «Протект» чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь телианин пытался пронзить его копьем через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но, разумеется, это чужеродное тело. Недремлющий «Протект» не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул опять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, дальше, дальше,— но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки,— стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертого воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, «Протект» этого не стерпел.

— А ну тебя! — простонал Бентли вслух.— Хоть разок прояви благоразумие!

Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.

Утром в хижину Бентли зашел Гуаскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.

— Ночью в твоей хижине раздавался великий шум,— сказал заклинатель духов.— Отчаянные вопли, словно ты сражался с дьяволом.

— Просто я всегда спплю беспокойно,— объяснил Бентли.

Гуаскль улыбнулся в знак того, что оценил шутку.

— Мой друг, молился ли ты ночью об очищении и об избавлении от злого духа?

— Это уж точно, молился.

— А была ли твоя молитва услышана?

— Была,— с надеждой ответил Бентли.— Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.

Сомнения Гуаскля не рассеялись.

— Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром? Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...

— Об этом не беспокойся,— заявил Бентли.— Давай начнем.

— Очень хорошо,— сказал Гуаскль, и они вместе вышли из хижины.

Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской площади. Еще ночью во все стороны были разосланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хранилища. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервозность и напряженность толпы.

Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него — все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.

Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.

Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрительный рев селян.

Слово взял Гуаскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.

— О братья,— сказал Гуаскль,— чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многое в нем странно, и его окружает нечто похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.

Среди гробовой тишины Гуаскль подошел к Бентли.

— Отныне,— сказал Гуаскль,— ты заклинатель духов и воистину один из нас.— Он протянул руку.

Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гуаскля.

Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный «Протект» спас его от соприкосновения, возможно таящего угрозу.

— Проклятый идиот! — взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.

Он сразу же понял, что быть беде.

— Нечистая сила! — пронзительно закричали телиане, неистово замахав оружием.

— Нечистая сила! — возопили заклинатели духов.

Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.

— Да,— печально промолвил молодой заклинатель,— все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!

На Бентли обрушился град копий. Однако «Протект» мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По нескольку минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Телиане, видя, что он невредим, возобновляли «огонь», защита мгновенно срабатывала снова.

Бентли хотел отойти к звездолету. Однако «Протект» то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти милю, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.

Он старался расслабить мускулы внутри поля, но затея эта оказалась немыслимой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля постепенно становился все более спертым.

Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.

Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.

Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли телиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.

А если нет?

Он терпел сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Телиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых они готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копье, и поле в который раз включилось.

— Ага,— подумал Бентли,— сообразили. Собираются уморить меня голодом.

Он попытался сосредоточиться в темноте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спертым.

Немного подумав, он отключил поле. Телиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копье.

— Погодите! — закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.

— Чего тебе надобно? — спросил Ринек.

— Выслушайте меня! Это же несправедливо — заманить меня в «Протект», как в капкан!

— А? Что происходит? — раздался голос профессора Слиггерта у него в ухе.

— Вы, телиане, знаете,— хрипло продолжал Бентли,— вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя «Протект» в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!

— А-а! — сказал профессор Слиггерт.— Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.

— Нам очень неприятно,— извинился Гуаскль,— но злого духа надлежит уничтожить.

— Конечно,— безнадежно сказал Бентли,— но не меня же. Помогите мне, профессор!

— Это действительно упущение,— бормотал профессор Слиггерт в задумчивости,— и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний. В последующих моделях этот недостаток будет устранен.

— Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

— Простите меня,— сказал Слиггерт.— Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость. По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

— Ах вы, паршивый...

— Прошу вас! — строго сказал Слиггерт.— Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

— Не продержусь! Воздуха! Воды!

— Огня! — вскричал Ринек с искаженным лицом.— Скуем дьявола огнем!

И «Протект» со щелканьем включился. В кромешной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из «Протекта» придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все равно до корабля остается миля. Его, лишенного защиты, убьет первое же копье. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копья, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Телиане окружали его кострами, отрезая путь стеной пламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг уже был замкнут. Телиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого круга.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, «Протект» включится и останется включенным. Ему уже не удастся отключить поле нажатием кнопки — предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности. Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет.

Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее наполовину. Затем снова погрузился в защитное поле. У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав неимоверное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из «Протекта» в тот миг, когда поле опять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени, не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пищевые концентраты и флягу. Разок он оглянулся и увидел, что телиане бегут за ним по пятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце, казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был совсем уже близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нарушать ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся телиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил прямехонько в лоб.

— *Ар гуай дрил?* — издалека спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскль. Он был опять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

— Ар дрил? — повторил свой вопрос Гуаскль.

Бентли повернулся на бок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно приник к фляге, потом включил лингвасцен.

— Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь,— сказал Гуаскль.

— Конечно, превосходно,— буркнул Бентли, ощупывая голову.— Давай закругляться.

— Закругляться?

— Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

— Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя,— сказал Гуаскль.— Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

— Как? — переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

— Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огня, мерцал большой черный шар «Протекта».

— Ты этого, понятно, не знал,— сказал Гуаскль,— но на твоей спине сидел дьявол.

— Ух ты! — выдохнул Бентли.

— Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, стать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал.

— Понятно,— сказал Бентли.— Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться «Протект». Тяжелый бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать Бентли из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзинки с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля.

— Мы хотим его умилостивить,— разъяснил Гуаскль,— ибо это необычайно могущественный дьявол, несомненно, умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

— Есть ли у тебя на родине еще дьяволы? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед и другие заклинатели. Бентли кивнул головой.

— Пожалуй, это можно устроить,— сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

Безымянная гора

Когда Моррисон вышел из штабной палатки, Денг-наблюдатель посапывал в шезлонге, приоткрыв во сне рот. Моррисон осторожно обошел его, чтобы ненароком не разбудить. Неприятностей и так хватало.

Ему предстояло принять делегацию аборигенов, тех самых, что барабанили в скалах. А потом проконтролировать уничтожение безымянной горы. Его помощник, Эд Лернер, находился на месте. Но прежде необходимо разобраться с последним происшествием.

Когда он пришел на строительную площадку, был полдень и рабочие отдыхали, привалившись к своим гигантским машинам, жуя бутерброды и потягивая кофе. Все выглядело обыденно, однако Моррисон достаточно долго руководил перестройкой планет, чтобы не заметить дурных признаков. Никто его не поддевал, никто не заводил разговоров.

На сей раз пострадал бульдозер «Оуэн». В кабине осевшей на мосты машины дожидались два водителя.

— Как это произошло? — спросил Моррисон.

— Не знаю,— ответил водитель, вытирая заливающий глаза пот.— Дорога словно вспучилась.

Моррисон хмыкнул и пнул громадное колесо «Оуэна». Бульдозер мог свалиться с двадцатифутовой скалы — и даже бампер у него не погнулся бы. Это была одна из самых прочных машин. И вот уже пятая выходит из строя.

— Здесь все идет кувырком,— сплюнул второй водитель.

— Вы теряете осторожность,— сказал Моррисон,— Тут не Земля. С какой скоростью вы ехали?

— От силы пятнадцать миль в час,— ответил первый водитель.

— Ага,— иронично поддакнул Моррисон.

— Святая правда! Дорога будто вспучилась, а потом провалилась...

— Ясно,— сказал Моррисон.— Когда до вас дойдет, что тут не скоростное шоссе? Я штрафую обоих на половину дневного заработка.

Он повернулся и зашагал прочь. Пусть лучше злятся на него, но забудут свой суеверный страх перед этой планетой.

Моррисон направился к безымянной горе. Из лачуги радиста высунулась голова.

— Тебя, Морри. Земля.

Даже при полном усилении голос мистера Шотуэлла, председателя правления «Транстерран Стил», был едва слышен.

— Что вас задерживает?

— Происшествия,— коротко доложил Моррисон.

— Новые происшествия?

— Увы, сэр, да.

Наступило молчание.

— Но почему, Моррисон? Спецификация указывает мягкий грунт и терпимые условия. Разве не так?

— Так,— нехотя признал Моррисон.— Полоса неудач. Но мы ее осилим.

— Надеюсь,— сказал Шотуэлл.— Искренне надеюсь. Вы торчите почти месяц и не то что города — дороги не построили! У нас уже пошла реклама, публика интересуется. Туда собираются ехать люди, Моррисон! Промышленность и предприятия сферы обслуживания!

— Я понимаю, сэр.

— Безусловно, понимаете. Но они требуют готовую планету и конкретные сроки переезда. Если их не дадим мы, то даст «Дженерал Констракш», или «Земля-Марс», или «Джонсон и Герн». Планеты — не такая редкость. Это тоже понятно?

С тех пор как начались происшествия, Моррисон с трудом держал себя в руках. Теперь его внезапно прорвало.

— Какого черта вы от меня требуете?! — заорал он.— Думаете, я затягиваю специально? Можете засунуть свой паршивый контракт...

— Ну-ну,— поспешно заюлил Шотуэлл.— Лично к вам, Моррисон, у нас нет никаких претензий. Мы верим — мы знаем! — что вы лучший специалист по перестройке планет. Но акционеры...

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал Моррисон и дал отбой.

— Да...— протянул радист.— Может, господа акционеры сами изволят пожаловать сюда со своими лопатами?..

Лернер ждал на Контрольном Пункте, мрачно взирая на гору. Она была выше земного Эвереста. Снег на склонах в лучах полуденного солнца отливал розовым.

— Заряды установлены? — спросил Моррисон.

— Еще несколько часов.— Лернер замялся. Помощник Моррисона был осторожным, низеньким, седеющим человеком и — в душе — противником радикальных перемен.— Высочайшая вершина на планете... Нельзя ее сохранить?

— Исключено. Именно тут нам нужен океанский порт.

Лернер кивнул и с сожалением посмотрел на гору:

— Печально. На ней никто не побывал.

Моррисон молниеносно обернулся и кинул на помощника испепеляющий взгляд.

— Послушай, Лернер, я отлично сознаю, что на горе никто не побывал, я вижу символику, заключающуюся в ее уничтожении. Но ты знаешь не хуже меня, что от этого никуда не деться. Зачем растравлять рану?

— Я не...

— Мне платят не за пейзажи. Я терпеть не могу пейзажи! Мне платят за то, чтобы я приспосабливал планеты к конкретным нуждам людей.

— Ты сегодня нервный,— произнес Лернер.

— Просто воздержись от своих намеков.

— Ну хорошо.

Моррисон вытер вспотевшие ладони о штаны и виновато улыбнулся:

— Давай вернемся в лагерь и посмотрим, что затевает этот проклятый Денг.

Выходя, Лернер оглянулся на безымянную гору, красным контуром вырисовывавшуюся на горизонте.

Даже планета была безымянной. Немногочисленное местное население называло ее Умка или Онья, но это не имело ровно никакого значения. Официальное название появится не раньше, чем рекламщики «Транстерран Стил» подыщут что-нибудь приятное на слух для миллионов потенциальных поселенцев. Тем временем она значилась просто как Рабочий объект 35. На планете находилось несколько тысяч людей и механизмов; по команде Моррисона они станут разравнивать горы, сводить леса, изменять русла рек, растапливать ледяные шапки, лепить континенты, рыть новые моря — словом, делать все, чтобы превратить Рабочий объект 35 в еще один подходящий дом для уникальной и требовательной цивилизации homo sapiens.

Десятки планет были перестроены на земной манер. Рабочий Объект 35 ничем из них не выделялся, тихий мир спокойных лесов и равнин, теплых морей и покатых холмов. Но что-то неладное творилось на кроткой земле. Происшествия, выходящие за пределы любых статистических вероятностей, порождали нервозность у рабочих, а та, в свою очередь, вызывала новые и новые происшествия. Бульдозеристы дрались со взрывниками. У повара над чаном картофельного пюре случилась истерика. Спаниель счетовода укусил за лодыжку бухгалтера. Пустяки вели к беде.

А работа — незамысловатая работа на незамысловатой планете — едва началась.

Денг уже проснулся. Он сидел в штабной палатке и прищурившись глядел на стакан виски с содовой.

— Как идут дела? — бодро поинтересовался он.

— Прекрасно,— отозвался Моррисон.

— Рад слышать,— с чувством сказал Денг.— Мне нравится наблюдать, как вы, ребята, трудитесь. Эффективно. Безошибочно. Все спорится. Любо-дорого смотреть.

Моррисон не имел власти над этим человеком и его языком. Кодекс строителей разрешал присутствие представителей других компаний — в целях «обмена опытом». На практике представитель выискивал не передовую методику, а скрытые слабости, которыми могла воспользоваться его фирма... А если ему удавалось довести руководителя стройки до белого каления — тем лучше. Денг был непревзойденным мастером в этом деле.

— Что теперь? — живо поинтересовался он.

— Мы сносим гору,— сообщил Лернер.

— Блестяще! — воскликнул Денг.— Ту здоровую? Потрясающе! — Он откинулся на спинку и мечтательно уставился в потолок.— Эта гора стояла, когда Человек рылся в грязи в поисках насекомых и жадно поедал то, чем побрезговал саблезубый тигр. Господи, да она гораздо старше! — Денг залился счастливым смехом и сделал глоток из стакана.— Эта гора высилась над морем, когда Человек — я имею в виду весь благородный вид «homo sapiens» — еще ползал в океане, не решаясь выйти на сушу.

— Достаточно,— процедил Моррисон.

Денг посмотрел на него с укоризной:

— Но я горжусь вами, Моррисон, я горжусь всеми вами. Мы далеко ушли с тех пор. То, на что природе потребовались миллионы лет, Человек может стереть в порошок в один день! Мы растащим эту милую горку по частям и возведем на ее месте город-поэму из стекла и бетона, который простоит сто лет!

— Заткнитесь! — с перекошенным лицом зарычал Моррисон и шагнул вперед. Лернер предостерегающе опустил ему на плечо руку. Ударить наблюдателя — верный способ остаться без работы.

Денг допил виски и высокопарно провозгласил:

— Посторонись, Мать Природа! Трепещите вы, древние скалы и крутые холмы, рощи от страха, о могучий океан, чьи бездонные глубины в вечной тишине бороздят жуткие чудовища! Ибо Великий Моррисон пришел, чтобы осушить море и сделать из него мирный пруд, сровнять горы и построить из них двенадцатиполосное скоростное шоссе с комнатами отдыха вместо деревьев, столовыми вместо утесов, бензозаправочными станциями вместо пещер, рекламными щитами вместо горных ручьев, а также другими хитроумными сооружениями, необходимыми божественному Человеку.

Моррисон резко повернулся и вышел. Он почувствовал искушение разукрасить Денгу физиономию и развязаться со всей чертовой работой. Но он не поступит так, потому что именно этого Денг и добивался.

«И разве стоило бы так расстраиваться, если бы в словах Денга не было доли правды?» — спросил себя Моррисон.

— Нас ждут аборигены,— напомнил Лернер, догнав шефа.

— Сейчас мне не до них,— сказал Моррисон. Но с далеких холмов донеслись свистки и бой барабанов. Еще один источник раздражения для его несчастных работников. У Северных Ворот стояли три аборигена и переводчик. Местные жители походили на людей — костлявые, голые первобытные дикари.

— Чего они хотят? — устало спросил Моррисон.

— Попросту говоря, мистер Моррисон, они передумали,— сказал переводчик.— Они хотят получить назад свою планету и готовы вернуть все наши подарки.

Моррисон вздохнул. Он затруднялся втолковать им, что Рабочий Объект 35 не был «их» планетой. Планетой нельзя владеть — ее можно лишь занимать. Суд вершила необходимость. Эта планета скорее принадлежала нескольким миллионам земных переселенцев, которым она требовалась отчаянно, чем сотне тысяч дикарей, разбросанных по ее поверхности. Так, по крайней мере, считали на Земле.

— Расскажите им снова о великолепной резервации, которую мы подготовили. Их будут кормить, одевать, учить...

Беззвучно подошел Денг.

— Мы ошеломим их добротой,— добавил он.— Каждому мужчине — наручные часы, пара ботинок и государственный семейный каталог. Каждой женщине — губную помаду, целый кусок мыла и комплект настоящих бумажных штор. Каждой деревне — железнодорожную станцию, магазин и...

— Вы препятствуете работе,— заметил Моррисон.— Причем при свидетелях.

Денг знал правила.

— Простите, дружище,— произнес он и отступил назад.

— Они говорят, что передумали,— повторил переводчик.— Буквально выражаясь, они велят нам убираться к себе на дьявольскую землю в небеса. Не то они уничтожат нас ужасными чарами. Священные барабаны уже призывают духов и готовят заклятия.

Моррисон с жалостью посмотрел на аборигенов. Что-то наподобие этого происходило на каждой планете с коренным населением. Те же самые бессмысленные угрозы дикарей. Дикарей, которые отличались гипертрофированным чувством собственного величия и не имели ни малейшего представления о силе техники. Великие хвастуны. Великие охотники на местные разновидности кроликов и мышей. Изредка человек пятьдесят соберутся вместе и набросятся на несчастного усталого буйвола, загнав его до изнеможения, прежде чем посмеют при-

близиться, чтобы замучить до смерти булавочными уколами тупых копий. А потом какие закатывают празднования!.. Какими героями себя мнят!

— Передайте, чтобы убирались к черту,— сказал Моррисон.— Передайте, что если они подойдут к лагерю, то на собственной шкуре испытают кое-какие настоящие чары.

— Они пророчат страшную кару в пяти категориях сверхъестественного! — крикнул вслед переводчик.

— Используйте это в своей докторской диссертации,— посоветовал Моррисон, и переводчик лучезарно улыбнулся.

Наступило время уничтожения безымянной горы. Лернер отправился с последним обходом; Денг носился со схемой расположения зарядов. Потом все отошли назад. Взрывники скрючились в своих окопчиках. Моррисон пошел на Контрольный Пункт.

Один за другим рапортовали о готовности руководители групп. Фотограф сделал заключительный снимок.

— Внимание! — скомандовал по радио Моррисон и снял с предохранителя взрывное устройство.

— Взгляни на небо,— проговорил Лернер.

Моррисон поднял взгляд. Сгущались сумерки. С запада появились черные облака и быстро затянули коричневое небо. На лагерь опустилась тишина, замолчали даже барабаны на холмах.

— Десять секунд... пять, четыре, две, одна — пошла! — закричал Моррисон и вдавил кнопку. В этот миг он почувствовал на щеке слабый ветерок. И тут же схватился за кнопку, инстинктивно пытаясь возвратить содеянное.

Потому что еще до того, как раздались крики, он понял, что в расположении зарядов допущена кошмарная ошибка.

Позже, оставшись в одиночестве в палатке, после того как похоронили мертвых, а раненых отнесли в лазарет, Моррисон попробовал восстановить события. Это была, разумеется, случайность: внезапная перемена направления ветра, неожиданная хрупкость породы под поверхностным слоем и преступная глупость в установлении бустерных зарядов именно там, где они могли причинить наибольший вред.

Еще один случай в цепочке невероятностей, сказал он себе... и резко выпрямился.

Ему в голову впервые пришло, что все происшествия могли быть организованы.

Чушь!.. Но перестройка планет — тонкая работа, с виртуозной балансировкой могучих сил. Происшествия неизбежны.

Если им еще помочь, они приобретут катастрофический характер.

Моррисон поднялся и стал мерить шагами узенький проход палатки. Подозрение с очевидностью падало на Денга. Конкурентные страсти могли завести далеко. Докажи он, что «Трансгерран Стил» некомпетентна, работы проводятся небрежно, в аварийных условиях,— и заказ достанется компании Денга.

Но это чересчур очевидно. Доверять нельзя никому. Даже у неприметного Лернера могли быть свои причины. Возможно, стоит обратить внимание на аборигенов и их чары — почем знать, вдруг это проявление психокинетических способностей.

Он подошел к выходу и посмотрел на разбросанные вокруг палатки, где жили рабочие. Кто виноват?

С холмов доносился слабый бой неуклюжих барабанов бывших владельцев планеты. И прямо впереди высилась иссеченная шрамами лавин безымянная гора.

Ночью Моррисон долго не мог уснуть.

На следующий день работа продолжалась как обычно. Денг, подтянутый и собранный, в брюках цвета хаки и розовой офицерской рубашке, подошел к колонне грузовиков с химикатами для сведения болот.

— Привет, шеф! — бодро начал он.— Я бы с удовольствием поехал с ними, если не возражаете.

— Извольте,— вежливо согласился Моррисон.

— Премного благодарен. Обожаю подобные операции,— сообщил Денг, забираясь в кабину головной машины рядом с картографом.— Такого сорта операции наполняют меня чувством гордости за человеческий род. Мы поднимаем эту бесполезную болотную целину, сотни квадратных миль, и в один прекрасный день поля пшеницы заколосятся там, где торчал камыш.

— Ты взял карту? — спросил Моррисон у десятника Ривьеры.

— Вот она,— сказал Лернер, передавая карту.

— Да...— громогласно восхищался Денг.— Болота — в пшеничное поле. Дух захватывает! Чудо науки. И что за сюрприз для обитателей болот! Вообразите испуг сотен видов рыб, земноводных, птиц, когда они обнаружат, что их водяной рай внезапно отвердел. Буквально отвердел вокруг них; фатальное невезение. Зато, разумеется, превосходное удобрение для пшеницы.

— Что ж, двинулись,— приказал Моррисон. Денг игриво замахал провожающим. Ривьера влез в грузовик. Флинн, десятник-химик, ехал в своем джипе.

— Подождите,— сказал Моррисон и подошел к джипу.— Я хочу, чтобы вы последили за Денгом.

— Последить? — непонимающе уставился Флинн.— Ну да.— Моррисон нервно потер руки.— Поймите, я никого не обвиняю. Но происходит слишком много случайностей. Если кому-то выгодно представить нас с дурной стороны...

Флинн по-волчьи улыбнулся:

— Я послежу за ним, босс. Не волнуйтесь за эту операцию. Может быть, он составит компанию своим рыбкам под пшеничными полями.

— Без грубостей,— предупредил Моррисон.

— Боже упаси. Я прекрасно вас понимаю.— Десятник нырнул в джип и с ревом умчался к голове колонны. Полчаса процессия грузовиков взметала пыль, а потом последний исчез вдали. Моррисон вернулся в палатку, чтобы составить отчет о ходе работ.

И обнаружил, что не может оторваться от рации, ожидая сообщения Флинна. Хоть бы Денг что-нибудь натворил! Какую-нибудь мелкую пакость, доказывая свою вину. Тогда у Моррисона было бы полное право разорвать его на части.

Прошло два часа, прежде чем ожила рация, и Моррисон расшиб колено, кинувшись к ней при звуке зуммера.

— Это Ривьера. У нас неприятности, мистер Моррисон. Головная машина сбилась с курса. Не спрашивайте, как это произошло. Я полагал, что картограф знает свое дело. Платят ему достаточно.

— Что случилось?! — закричал Моррисон.

— Должно быть, въехали на тонкую корку. Она треснула. Внизу грязь, перенасыщенная водой. Потеряли все, кроме шести грузовиков.

— Флинн?

— Мы настелили понтоны и многих вытащили, но Флинна не спасли.

— Хорошо,— тяжело произнес Моррисон.— Высылаю за вами вездеходы. Да, и вот что. Не спускайте глаз с Денга.

— Это будет трудновато,— сказал Ривьера.

— Почему?

— Видите ли, он сидел в головной машине. У него не было ни малейшего шанса.

Атмосфера в лагере была накалена до предела. Новые потери ожесточили и озлобили людей. Избили пекаря, потому что хлеб имел странный привкус, и едва не линчевали гидробиолога за то, что он слонялся без дела у чужого оборудования.

Но этим не удовлетворились и стали подглядывать за деревушкой аборигенов.

Дикари устроили поселение в скалах рядом с рабочим лагерем — гнездо пророков и колдунов, собравшихся проклинать демонов с неба. Их барабаны гремели день и ночь. У людей чесались руки стереть всю эту братию в порошок, просто чтобы прекратить шум.

Моррисон активизировал работы. Дороги строились и через неделю рассыпáлись. Привезенная пища портилась с катастрофической скоростью, а есть местные продукты никто не хотел. Во время грозы молния ударила в генератор, нагло обойдя громоотводы, установленные самим Лернером. Возникший пожар охватил пол-лагеря, а близлежащие ручьи пересохли самым загадочным образом.

Предприняли вторую попытку взорвать безымянную гору. В результате возник обвал, причем в неожиданном месте. Пятеро рабочих, тайком выпивавших на склоне, были засыпаны камнями. После этого взрывники отказались устанавливать на горе заряды.

И снова вызвала Земля.

— Но что именно вам мешает? — спросил Шотуэлл.

— Говорю вам, не знаю,— ответил Моррисон.

— Вы не допускаете возможность саботажа? — немного помолчав, предположил Шотуэлл.

— Вероятно,— сказал Моррисон.— Все это никак не объяснить естественными причинами. При желании нам можно сильно нагадить: сбить с курса колонну, переставить заряды, повредить громоотводы...

— Кого вы подозреваете?

— У меня здесь пять тысяч человек,— медленно произнес Моррисон.

— Я знаю. Теперь слушайте внимательно. Правление решило предоставить вам неограниченные полномочия. Для выполнения работы вы имеете право делать все что угодно. Если надо, заприте пол-лагеря. Если считаете необходимым, уничтожьте аборигенов. Примите все и всяческие меры. Любые ваши действия не будут поставлены вам в вину и не повлекут ответственности. Мы готовы даже уплатить более чем солидное вознаграждение. Но работа должна быть выполнена.

— Я знаю,— сказал Моррисон.

— Но вы не знаете, какое значение приобрел Рабочий Объект 35. По секрету могу сообщить, что компания потерпела ряд неудач в других местах. Мы чересчур завязли, чтобы бросить эту планету. Вы просто обязаны довести дело до конца. Любой ценой.

— Сделаю все, что в моих силах,— сказал Моррисон и дал отбой.

В тот день взорвался склад горючего. Десять тысяч галлонов Д-12 были уничтожены, охрана погибла...

— Тебе дьявольски повезло,— мрачно проговорил Моррисон.

— Еще бы.— Под слоем грязи и пота лицо Лернера было серым. Он плеснул себе в стакан.— Окажись я там на десять минут позже, и мне крышка.

— Чертовски удачно,— задумчиво пробормотал Моррисон.

— Ты знаешь,— продолжал Лернер,— мне показалось, что почва раскалена. Не может это быть проявлением вулканической деятельности?

— Нет,— сказал Моррисон.— Наши геологи обнюхали здесь каждый сантиметр. Под нами гранитная плита.

— Гмм... Морри, возможно, тебе следует убрать аборигенов.

— Зачем?

— Единственный неконтролируемый фактор. В лагере все следят друг за другом. Остаются только местные! В конце концов, если допустить, что паранормальные способности...

Моррисон кивнул:

— Иными словами, ты допускаешь, что взрыв устроили колдуны?

Лернер нахмурился, глядя на лицо Моррисона:

— Психокинез. На это стоит обратить внимание.

— А если так,— размышлял Моррисон,— то аборигены могут все что угодно. Сбить с курса колонну...

— Полагаю.

— Так что же они тянут? — спросил Моррисон.— Взорвали бы нас к чертовой матери без церемоний, и все!

— Возможно, у них есть ограничения...

— Ерунда. Слишком замысловатая теория. Гораздо проще предположить, что нам кто-то вредит. Может быть, посулили миллион конкуренты. Может быть, чокнутый. Но он должен быть кем-то из руководства. Из тех, кто проверяет схемы расположения зарядов, устанавливает маршруты, отправляет рабочие группы...

— Ты что же, подразумеваешь...

— Я ничего не подразумеваю,— отрезал Моррисон.— А если ошибаюсь, прости.— Он вышел из палатки и подозвал двух рабочих.— Заприте его где-нибудь, да проследите, чтобы он оставался под замком.

— Ты превышаешь свою власть.

— Безусловно.

— И ты не прав. Ты не прав, Морри.

— В таком случае, извини.

Он махнул рабочим, и Лернера увели.

Через два дня пошли лавины. Геологи ничего не могли понять. Выдвигались предположения, что повторные взрывы вызвали трещины в коренной подстилающей породе, трещины расширялись...

Моррисон упорно пытался ускорить работы, но люди начали отбиваться от рук. Пошла молва о летающих тарелках, огненных дланях в небе, говорящих животных и разумных машинах. Подобные речи собирали множество слушателей. Ходить по лагерю стало опасно. Добровольные стражи стреляли по любой тени.

Моррисон был не особенно удивлен, когда однажды ночью обнаружил, что лагерь опустел.

Через некоторое время в его палатку вошел Ривьера.

— Ожидаются неприятности.— Он сел и закурил сигарету.

— У кого?

— У аборигенов. Ребята отправились в их деревню.

Моррисон кивнул:

— С чего началось?

Ривьера откинулся на спинку стула и глубоко затянулся.

— Знаете этого сумасшедшего Чарли? Того, что вечно молится? Он побожился, что видел у своей палатки одного местного. По его словам, тот заявил: «Вы сдохнете. Все вы, земляне, сдохнете». А потом исчез.

— В столбе дыма?

— Ага.— Ривьера оскалился.— Вот именно, в столбе дыма.

Моррисон знал, о ком идет речь. Типичный истерик. Классический случай.

— Кого они собрались уничтожать? Ведьм? Или пси-суперменов?

— Знаете, мистер Моррисон, по-моему, это их не особенно волнует.

Издалека донесся громкий раскатистый звук.

— Они брали взрывчатку? — спросил Моррисон.

— Понятия не имею. Наверное.

Это дикость, подумал Моррисон, паническое поведение толпы. Денг ухмыльнулся бы и сказал: «Когда сомневаешься, всегда стреляй. Лучше перестраховаться».

Моррисон поймал себя на том, что испытывает облегчение. Хорошо, что его люди решились. Скрытый пси-талант... кто знает.

Через полчаса до лагеря добрели первые рабочие, молчаливые, понурые.

— Ну? — произнес Моррисон.— Всех прикончили?

— Нет, сэр,— выдавил один из рабочих.— Мы до них даже не добрались.

— Что случилось? — спросил Моррисон, с трудом сдерживая панику.

Люди все подходили. Они стояли тихо, опустив глаза.

— Что случилось?! — заорал Моррисон.

— Мы были на полдороге,— ответил рабочий.— Потом сошла лавина.

— Многих покалечило?

— Из наших никого. Но она засыпала их деревню.

— Это плохо,— мягко проговорил Моррисон.

— Да, сэр.— Люди молчали, неотрывно глядя на него.— Что нам делать, сэр?

Моррисон на миг плотно сжал веки.

— Возвращайтесь к палаткам и будьте наготове.

Фигуры растаяли во тьме.

— Приведите Лернера,— сказал Моррисон на вопросительный взгляд Ривьеры.

Как только Ривьера вышел, он повернулся к рации и стал вызывать в лагерь все группы. Им завладело недоброе предчувствие, так что когда через полчаса налетел торнадо, это не застало его врасплох. Он сумел увести людей в корабли, прежде чем сдуло палатки.

Лернер ввалился во временную штаб-квартиру в радиорубке флагманского корабля:

— Что происходит?

— Я скажу тебе, что происходит,— ответил Моррисон.— В десяти милях отсюда проснулась гряда потухших вулканов. Идет мощнейшее извержение. Метеорологи сообщают о приближении приливной волны, которая затопит половину континента. Зарегистрированы первые толчки землетрясения. И это только начало.

— Но что это?! — воскликнул Лернер.— Чем это вызвано?

— Земля на связи? — спросил Моррисон у радиста.

— Вызываю.

В комнату ворвался Ривьера.

— Подходят последние две группы,— доложил он.

— Когда все будут на борту, дайте мне знать.

— Что здесь творится? — закричал Лернер.— Это тоже моя вина?

— Прости меня,— произнес Моррисон.

— Что-то поймал,— сказал радист.— Сейчас...

— Моррисон! — не выдержал Лернер.— Говори!!

— Я не знаю, как объяснить. Это слишком чудовищно для меня. Денг — вот кто мог бы сказать тебе.

Моррисон прикрыл глаза и представил перед собой Денга. Тот насмешливо улыбался. «Вы являетесь свидетелями завершения саги об амебе, которая возомнила себя Богом. Выйдя из океанских глубин, сверхамеба, величающая себя Человеком, решила, что раз у нее есть серое вещество под названием мозг, то она превыше всего. И, придя к такому выводу, амеба убивает морскую рыбу и лесного зверя, убивает без счета, ни капли не задумываясь о целях Природы. А потом сверлит дыры в горах, и попирает стонущую землю тяжелыми городами, и прячет зеленую траву под бетонной коркой. А потом, размножившись несметно, сверх всякой меры, космическая амеба устремляется в другие миры и там сносит горы, утюжит равнины, сводит леса, изменяет русла рек, растапливает полярные шапки, лепит материки и оскверняет планеты. Природа стара и нетороплива, но она и неумолима. И вот неизбежно наступает пора, когда Природе надоедает самонадеянная амеба с ее претензиями на Богоподобие. И следовательно, приходит время, когда планета, чью поверхность терзает амеба, отвергает ее, выплевывает. В тот день, к полному своему удивлению, амеба обнаруживает, что жила лишь по терпеливой снисходительности сил, лежащих вне ее воображения, наравне с тварями лесов и болот, не хуже цветов, не лучше семян, и что Вселенной нет дела до того, жива она или мертва, что все ее хвастливые достижения не больше чем след паука на песке».

— Что это?..— взмолился Лернер.

— Я думаю, что планета нас больше терпеть не будет,— сказал Моррисон.— Я думаю, ей надоело.

— Земля на связи! — воскликнул радист.— Давай, Морри.

— Шотуэлл? Послушайте, мы сматываем удочки,— закричал Моррисон в трубку.— Я спасаю людей, пока еще есть время. Не могу вам объяснить сейчас и не уверен, что смогу когда-нибудь...

— Планету вообще нельзя использовать? — перебил Шотуэлл.

— Нет. Абсолютно никакой возможности. Я надеюсь, что это не отразится на репутации фирмы...

— О, к черту репутацию фирмы! — сказал Шотуэлл.— Дело в том... Вы не имеете понятия, что здесь творится, Моррисон. Помните наш гобийский проект? Полный крах. И не только у нас. Я не знаю. Я просто не знаю. Прошу меня извинить, я говорю бессвязно, но с тех пор, как затонула Австралия...

— Что?! — взревел Лернер.

— Пожалуй, мы должны были заподозрить что-то, когда начались ураганы, однако землетрясения...

— А Марс? Венера? Альфа Центавра?

— Везде то же самое. Но ведь это не конец, правда, Моррисон? Человечество...

— Алле! Алле! — закричал Моррисон.— Что случилось? — спросил он у радиста.

— Связь прервалась. Я попробую снова.

— А черт с ними,— выговорил Моррисон. В эту секунду влетел Ривьера.

— Все на борту,— выпалил он.— Шлюзы закрыты. Мы готовы, мистер Моррисон.

Все смотрели на него. Моррисон обмяк в кресле и растерянно улыбнулся.

— Мы готовы,— повторил он.— Но куда нам податься?

Что в нас заложено

Существуют предписания, регламентирующие поведение экипажа космического корабля при установлении Первого Контакта, инструкции, порожденные безысходностью и выполняемые слепо, без надежды на успех,— в самом деле, какие наставления способны предвосхитить последствия каких бы то ни было действий на сознание инопланетян?

Именно об этом мрачно размышлял Ян Маартен, когда корабль вошел в атмосферу Дюрелла IV. Ян Маартен был крупный среднего возраста мужчина с редеющими светло-пепельными волосами и вечно озабоченным выражением на упитанном лице. Уже давно он пришел к заключению, что любое, пусть самое нелепое предписание — все же лучше, чем ничего. Именно поэтому он придерживался установленных правил, педантично, но с непреходящим чувством сомнения и сознанием человеческого несовершенства.

Это были идеальные качества для посланца, устанавливающего Первый Контакт.

Он облетел планету на высоте, достаточной для обзора, но не настолько близко к поверхности, чтобы напугать ее обитателей. Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации, и Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе «Рекомендуемой методики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми

первобытно-пасторальными мирами», выпущенном Департаментом психологии инопланетян. Он посадил корабль на скалистую, поросшую травой равнину на рекомендуемом расстоянии от типичной небольшой деревушки. При посадке он применил новаторский метод «Тихий Сэм».

— Славно сработано! — восхитился его помощник Кросвелл, который был еще слишком молод, чтобы терзаться мучившими капитана сомнениями.

Чедка, эборийский лингвист, безмолвствовал. Он, как обычно, спал.

Пробурчав в ответ что-то невразумительное, Маартен отправился в хвостовой отсек проводить анализ проб. Кросвелл занял позицию перед смотровым экраном.

— Идут! — закричал Кросвелл спустя полчаса.— Их около дюжины, и они явные гуманоиды.

Присмотревшись, он отметил, что дюрелляне довольно тщедушны, а их мертвенно-бледные лица застыли, словно маски. Чуть поколебавшись, Кросвелл добавил:

— Красавцами я бы их, пожалуй, не назвал.

— Что они делают? — спросил Маартен.

— Просто разглядывают нас,— отозвался Кросвелл. Это был худощавый молодой человек с необычайно длинными роскошными усами, которые он отпускал на всем долгом пути от Земли. Кросвелл то и дело любовно поглаживал их в полной уверенности, что столь великолепных усов Галактике видеть не доводилось.— Они уже в двадцати ярдах от корабля! — Увлеченный необычным зрелищем, он даже не заметил, что нелепо расплющил нос об односторонний смотровой экран.

Экран позволял прекрасно видеть, что происходит вне корабля, но в то же время не давал посмотреть в него снаружи. По указу Департамента психологии инопланетян такие экраны были установлены на всех кораблях после того, как год назад закончилась провалом попытка установить Первый Контакт на планете Карелла II. Карелляне, глазевшие на корабль, разглядели внутри что-то такое, что заставило их в панике бежать, отчего вступить с ними в контакт не удалось.

Подобные ошибки нельзя было повторять.

— А что теперь? — осведомился Маартен.

— Один из них приближается к кораблю. Вероятно, вождь. А может быть, это жертвоприношение?

— Как он одет?

— На нем... Как бы это сказать... Лучше бы вы посмотрели сами.

Маартен уже успел с помощью приборов составить представление о Дюрелле. Планета обладала пригодной для дыхания

атмосферой, сносным климатом, даже гравитация оказалась близкой к земной. На Дюрелле имелись богатейшие залежи радиоактивных элементов и редких металлов. Но самое главное — приборы указывали на полное отсутствие вирулентных микроорганизмов и ядовитых испарений, из-за которых пребывание землян на планете могло оборваться трагически.

Словом, Дюрелл мог стать бесценным партнером Земли при условии, что дюрелляне будут настроены дружественно, а посланцы с Земли сумеют тонко и тактично провести переговоры.

Подойдя к экрану, Маартен начал рассматривать дюрелльян.

— На них одежда пастельных тонов. Нам следует одеться так же.

— Есть!

— Они не вооружены. Мы тоже выйдем безоружными.

— Так точно!

— Они обуты в сандалии. Придется и нам идти в сандалиях.

— Слушаюсь!

— Но вот на лицах у них отсутствует всякая растительность,— продолжал Маартен.— Прости меня, Эд, но твои усы...

— Нет-нет, только не это! Умоляю! — Кросвелл в непритворном ужасе прикрыл ладонью предмет своей гордости.

— Боюсь, с этим ничего не поделаешь,— с напускным состраданием вздохнул Маартен.

— Я их полгода отращивал! — запротестовал юноша.

— Придется с ними расстаться. Они будут бросаться в глаза.

— Не вижу для этого причин,— негодующе возразил Кросвелл.

— Самое главное — первое впечатление. Если оно окажется неблагоприятным, это сильно затруднит, если вовсе не сделает невозможными дальнейшие контакты. Поскольку мы пока ничего не знаем об обитателях этой планеты, наше лучшее оружие — конформизм. Мы должны стараться походить на них своим внешним обликом; если даже это им не очень понравится, то, по крайней мере, не будет раздражать. Нам следует перенять и их манеры, словом, надо вести себя в рамках принятых здесь обычаев и традиций...

— Хорошо, я согласен,— прервал его Кросвелл.— Надеюсь, хотя бы на обратном пути мне будет позволено обзавестись новыми усами?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Кросвелл уже трижды терял усы в аналогичных ситуациях.

Пока юноша брился, Маартен растолкал спавшего лингвиста. Чедка был лемурообразным гуманоидом с Эборин IV, с которой Земля поддерживала дружественные отношения. Эборийцы были прирожденными лингвистами и к тому же обладали

необыкновенной словоохотливостью, отличающей иных земных зануд, которые не позволяют собеседнику вставить и слово. Правда, к чести эборийцев, следует сказать, что во всяком споре они неизменно оказывались правыми. В свое время они облетели почти всю Галактику и могли бы воцариться в ней, если бы не необходимость спать двадцать часов из двадцати четырех.

Сбрив усы, Кросвелл облачился в бледно-зеленый комбинезон и сандалии. Все трое прошли в дезинфекционную камеру. Маартен глубоко вздохнул и открыл люк.

По толпе дюреллян пронесся еле слышный шелест. Вождь — или жертва — молчал. Если бы не мертвенная бледность и окаменелость лиц, дюрелляне могли сойти за людей.

— Никакой мимики! — предупредил Кросвелла Маартен.

Они медленно приближались, пока не оказались в десяти футах от дюреллянина.

— Мы пришли с миром,— тихо сказал Маартен.

Ответ дюреллянина был настолько тихим, что почти нельзя было разобрать слов.

— Вождь сказал: «Добро пожаловать»,— перевел Чедка.

— Вот и отлично.— Маартен приблизился еще на несколько шагов и начал говорить, делая время от времени паузы для перевода. Искренне и убежденно он произнес Первичную речь ББ-32 (для первобытно-пасторальных, предположительно не агрессивно настроенных инопланетян-гуманоидов).

Даже Кросвелл, которого трудно было удивить, вынужден был признать, что это была замечательная речь. Маартен сообщил, что они проделали долгий путь, прилетев из Великой Пустоты, чтобы наладить дружественные отношения с благородными дюреллянами. Он рассказал о далекой зеленой Земле, о прекрасных добрых землянах, которые протягивают руки в дружелюбном приветствии. Он поведал далее о великом духе мира и понимания, исходящем от Земли, о всеобщей дружбе и о многом-многом другом.

Наконец он закончил. Воцарилось продолжительное молчание.

— Он все понял? — шепотом осведомился Маартен у Чедки.

Эбориец кивнул, ожидая ответа вождя. Маартен от напряжения покрылся испариной, а Кросвелл в волнении ощупывал непривычно гладкую кожу над верхней губой.

Вождь раскрыл рот, судорожно глотнул, чуть отступил назад и мешком рухнул на траву.

Это неприятное происшествие не было предусмотрено предписаниями.

Вождь не поднялся на ноги — по-видимому, это не относилось к церемониальным падениям. К тому же и дыхание его казалось затрудненным, как при обмороке.

При таких обстоятельствах незадачливым астронавтам оставалось только вернуться на корабль и ждать дальнейшего развития событий.

Через полчаса один из дюреллян осторожно приблизился к кораблю, сообщил что-то Чедке и тут же стал пятиться назад, не спуская глаз с землян.

— Что он сказал? — взволнованно спросил Кросвелл.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок,— сказал Чедка.— С его стороны это было непростительно неучтиво.

— Вот как! — воскликнул Маартен.— Тогда его обморок даже сыграет нам на руку — заставит его приложить все усилия, чтобы искупить свою неучтивость. Столь благоприятное стечение обстоятельств, независимое от нас...

— Нет,— прервал Чедка.

— Что «нет»?

— Не независимое,— лаконично пояснил эбориец, свернулся калачиком и мгновенно уснул.

Маартен энергично затряс маленького лингвиста за плечо.

— Что еще сказал вождь? Какое отношение к нам может иметь этот нелепый обморок?

Чедка сладко зевнул.

— Вождь был очень смущен. Сколько мог, он терпел порывы ветра из вашего рта, но в конце концов чуждый запах...

— Какой ветер? — не веря своим ушам, переспросил Маартен.— Мое дыхание? Неужели он грохнулся в обморок из-за...— Страшная догадка осенила его.

Чедка кивнул, неуместно хихикнул и снова уснул. Наступил вечер, тусклые длинные сумерки Дюрелла незаметно сменились ночью. Один за другим исчезали пробивавшиеся сквозь окружавший деревушку лес огоньки костров, на которых готовили пищу дюрелляне. На корабле свет горел до самого рассвета. Когда взошло солнце, Чедку отправили в деревню. Кросвелл задумчиво потягивал кофе, а Маартен лихорадочно рылся в аптечке.

— Я уверен, что это преодолимое препятствие,— глубокомысленно произнес Кросвелл.— Подобные пустяки неизбежны. Помните, когда мы высадились на Дингофоребе VI...

— Из-за таких, как ты говоришь, «пустяков» контакты срываются навсегда,— возразил Маартен.

— Но кто мог предположить...

— Я *должен* был предвидеть! — вспыхнул Маартен.— Мало ли, что прежде ничего подобного не случалось... А, вот они!

Он торжествующе поднял в руке склянку с розовыми таблетками.

— С абсолютной гарантией нейтрализуют любое дыхание — даже гиены. Проглоти парочку.

Кросвелл с готовностью проглотил таблетки.

— Что теперь, шеф?

— Подождем возвращения этого сонливого лемура... Ага, вот и он! Что сказал вождь?

Чедка проскользнул сквозь люк, протирая уже слипающиеся глаза.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок.

— Это мы уже знаем. Что еще?

— Он приглашает вас посетить деревню Ланнит в любое удобное для вас время. Вождь надеется, что этот глупый инцидент не повлияет на развитие дружественных отношений между двумя миролюбивыми благородными народами.

Маартен облегченно вздохнул.

— Вы поставили его в известность о том, что... эээ... наше дыхание исправится?

— Я заверил вождя Морери, что оно будет должным образом скорректировано,— сдержанно подтвердил Чедка.— Меня лично оно никогда не беспокоило.

— Прекрасно. Мы немедленно отправляемся в деревню. Может быть, вы тоже примете одну таблетку?

— С моим дыханием все в порядке,— зевая, гордо проговорил Чедка.

При общении с представителями первобытно-пасторальной цивилизации принято прибегать к простым, но многозначительным жестам, они легче всего воспринимаются туземным населением. Наглядность! Четкие и понятные всем ассоциации! Меньше слов — больше жестов! Таковы были наставления.

Приблизившись к деревне, Маартен с удовлетворением отметил, что судьба предоставила ему случай провести естественную, но весьма эффективную и прямо-таки символическую церемонию. Дюреллане встречали астронавтов в деревне, раскинувшейся на большой живописной лесной поляне; от леса деревню отделяло пересохшее речное русло, через которое был перекинут небольшой, но изящный каменный мост.

Дойдя до середины моста, Маартен остановился и лучезарно улыбнулся дюреллянам. Заметив, что те в ужасе отвернулись, он проклял собственную рассеянность и поспешно стер улыбку с лица. После долгой паузы он громко выкрикнул:

— Пусть этот мост явится символом той связи, которая навечно установилась между этой прекрасной гостеприимной планетой и планетой...

Кросвелл что-то предупреждающе крикнул, но Маартен не разобрал. Он внимательно следил за дюреллянами — они стояли не двигаясь.

— Прочь с моста! — завопил Кросвелл.

Но не успел Маартен и шевельнуться, как каменная махина под ним рухнула и он с криком полетел вниз.

— В жизни не видел ничего подобного,— возбужденно тараторил Кросвелл, помогая Маартену выкарабкаться из-под обломков.— Стоило вам только повысить голос, как камень так и заходил. Наверное, какая-то вибрация.

Теперь Маартен понял, почему дюрелляне всегда говорили шепотом. Он осторожно поднялся на ноги, но тут же со стоном снова сел.

— Что случилось? — испугался юноша.

— По-моему, я вывихнул ногу.

Сопровождаемый двумя десятками соплеменников, вождь Морери приблизился к незадачливым землянам, произнес короткую речь и вручил пострадавшему увесистый резной посох из черного дерева.

— Спасибо,— еле слышно пробормотал растроганный Маартен, поднимаясь на ноги и осторожно опираясь на посох.

— Что он сказал? — обратился он к дремлющему Чедке.

— Вождь сообщил, что мосту было всего сто лет и он находился в хорошем состоянии. Вождь извинился за своих предков, которые не смогли построить более прочный мост.

— Гм-м,— смущенно выдавил Маартен.

— Вождь говорит, что вы, по-видимому, очень невезучий человек,— добавил Чедка.

Возможно, он прав, подумал Маартен.

Впрочем, еще не все было потеряно. Следовало только быть предельно собранным и внимательным, чтобы не допустить промахов в дальнейшем.

Маартен выдавил жалкую улыбку, но вовремя спохватился и, сжав губы, заковылял рядом с Морери, направляясь в деревню.

В техническом отношении дюрелляне находились на низком уровне развития. Правда, колесо и рычаг они уже изобрели, но, по-видимому, этим вполне удовлетворили свою потребность в механизации. Впрочем, они обладали зачаточными познаниями в геометрии и кое-как разбирались в астрономии.

Однако дюрелляне отличались удивительными художественными способностями. Особое развитие у них получила искусная

резьба по дереву. Даже самые бедные хижины украшали редкой красоты резные барельефы.

— Как вы думаете, я могу это сфотографировать? — спросил пораженный Кросвелл.

— А почему бы и нет,— великодушно решил Маартен, восхищенно проводя рукой по громадному барельефу, вырезанному из той же черной древесины, что и его посох. Отполированная до блеска поверхность ласкала кожу.

С разрешения вождя Морери Кросвелл сфотографировал и зарисовал детали дюреллянских жилищ, хозяйственных и общественных построек, украшений храма.

Маартен бродил по деревне, с восторгом ощупывая причудливые барельефы и переговариваясь при помощи Чедки с местными жителями. Постепенно у капитана складывалось мнение об обитателях планеты.

Потенциально дюреллане, думал Маартен, по своему интеллекту не уступают homo sapiens. Низкий уровень технического развития определяется скорее особенностями их взаимоотношений с природой, нежели отсталостью и неумением. Дюреллянам, по-видимому, свойственно миролюбие, у них отсутствует агрессивность — в этом земляне им могут только позавидовать: лишь после многовековой неразберихи на Земле наконец пришли к подобным идеалам.

Этот вывод он решил положить в основу своего доклада Комиссии по Второму Контакту. Маартен надеялся, что сможет ко всему добавить, что «относительно землян у них сложилось самое благоприятное впечатление; никаких трудностей и неожиданностей не предвидится».

Закончив переговоры с вождем Морери, Чедка, казавшийся почему-то менее сонным, чем обычно, подошел к Маартену и стал что-то нашептывать ему. Маартен согласно кивнул и тихо обратился к Кросвеллу, который делал последние снимки:

— Все готово для большого представления.

— Какого представления?

— Вождь Морери устраивает грандиозный праздник в нашу честь,— потирая руки, прошептал Маартен и не без гордости добавил: — Это — событие чрезвычайной важности, знак признания и доброй воли.

Кросвелл был не столь сдержан в выражении своих чувств:

— Так это победа! Ура, контакт установлен!

Двое дюреллян, стоявшие у него за спиной, в ужасе подпрыгнули на месте и, пошатываясь, побрели прочь.

— Да, это победа,— прошептал Маартен,— если только мы будем следить за собой и не станем орать, как только что сделал

это ты. Они прекрасные душевные существа, и мы будем последними ослами, если не завоюем их доверия. Мы все-таки иногда чем-то их раздражаем — чем?..

К вечеру Маартен и Кросвелл закончили химический анализ состава дюреллянской пищи и не обнаружили в ней ничего вредного для человеческого организма. Проглотив по нескольку нейтрализующих дыхание таблеток, они облачились в комбинезоны и сандалии, прошли дезинфекцию и отправились на праздник.

На первое подали какое-то угощение из зеленовато-оранжевых овощей, напоминающих на вкус тыкву. Затем вождь Морери произнес короткую речь о важности развития культурных связей. По окончании речи было подано блюдо из мяса, похожего на кроличье, после чего слово предоставили Кросвеллу.

— Только шепотом, не забудь! — приглушенно напомнил Маартен.

Кросвелл встал и начал говорить. С неменяющимся выражением лица, прибегая главным образом к жестикуляции, он тихим голосом перечислил сходные черты у народов Земли и Дюрелла.

Чедка переводил. Маартен довольно кивал. То же самое делали вождь и все собравшиеся.

Закончив вдохновенную речь, Кросвелл сел за стол. Маартен похлопал его по плечу:

— Молодец, Эд! У тебя прирожденный дар... Что случилось?

Лицо Кросвелла перекосилось от изумления.

— Посмотрите только!

Маартен обернулся. Вождь и все дюрелляне продолжали непрерывно кивать.

— Чедка! — растерянно проговорил Маартен.— Поговорите с ними!

Эбориец задал вождю какой-то вопрос. Ответа не последовало. Морери все так же продолжал кивать.

— Эти идиотские жесты! Ты их загипнотизировал! — догадался Маартен. Он почесал в затылке и вдруг громко кашлянул. Стол задрожал. Дюрелляне мигом прекратили кивать, замигали и стали быстро и нервозно переговариваться.

— Они говорят, что вы обладаете магической силой,— переводил Чедка.— Еще они говорят, что инопланетяне очень странные существа, и сомневаются, можно ли вам доверять.

— А что считает вождь? — упавшим голосом спросил Маартен.

— Вождь говорит, что вы не такие уж плохие. Он уверяет остальных, что вы не хотели причинить им зло.

— И на том спасибо. Надо уходить, пока мы еще что-нибудь не натворили.

Он встал из-за стола. За ним поднялись Кросвелл и Чедка.

— Мы прощаемся с вами,— шепотом обратился к вождю Маартен,— и просим вашего разрешения на то, чтобы другие люди с нашей планеты могли посетить вас. Простите за ошибки, которые мы совершили,— они были вызваны только незнанием ваших обычаев.

Чедка переводил, а Маартен продолжал шептать, не проявляя никаких эмоций и держа руки по швам. Он говорил о единстве Галактики, о благах мира и сотрудничества, о налаживании обмена товарами и предметами искусства, о солидарности всех форм гуманоидной жизни во Вселенной.

Морери, все еще потрясенный пережитым, в свою очередь заверил, что землянам будут всегда рады.

В порыве чувств Кросвелл протянул ему руку. Вождь озадаченно посмотрел на нее, потом взял в свою, недоумевая, что надо делать, но в тот же миг, прошипев от боли, судорожно вырвал руку. Кожа на ладони сплошь вздулась, как при сильнейшем ожоге.

— Что случилось? — перепугался Кросвелл.

— Пот! — убитым голосом ответил Маартен и сокрушенно опустил руки.— Должно быть, он, как кислота, оказывает мгновенное действие на их организм. Надо убираться отсюда!

Дюрелляне угрожающе смыкались вокруг — в руках у некоторых появились камни и палки. Вождь, все еще корчась от боли, спорил о чем-то с соплеменниками, но земляне, не дожидаясь завершения дискуссии, с максимальной скоростью, на которую был способен Маартен, передвигавшийся вприпрыжку с помощью посоха, принялись отступать к кораблю.

Темная чаща леса была полна подозрительных звуков. Запыхавшись, астронавты достигли корабля. Возглавлявший отступление Кросвелл споткнулся и упал, больно ударившись головой о крышку люка.

— Проклятье! — выругался он.

В то же мгновение земля вокруг корабля вздыбилась, задрожала и стала уходить из-под ног.

— Скорей в корабль! — закричал Маартен.

Едва они успели взлететь, как на месте, где только что стоял корабль, разверзлась зияющая пропасть.

— Опять эта чертова вибрация! — в сердцах выругался Кросвелл.— Надо же — такое невезение!

Маартен вздохнул и покачал головой:

— Не знаю, право, что и делать. Хотелось бы вернуться, объяснить...

— Мы и так слишком много натворили,— веско заметил Кросвелл.

— Это верно. Ошибки, сплошные трагические ошибки. Мы и начали неважно, а все, что происходило потом, только усугубляло положение.

— Дело не в том, что вы *делаете*,— они никогда не слышали, чтобы Чедка говорил таким сочувственным тоном, да еще к тому же не зевая.— Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть.

Маартен призадумался.

— Да, вы правы. Наши голоса разрушают их планету, наша мимика повергает их в ужас, наши жесты их гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. Вот несчастье!

— Чего же вы хотите? — мрачно вмешался Кросвелл.— Для них мы — ходячие химические фабрики по производству ядовитых газов и едких веществ.

— Это еще не все,— ехидно добавил Чедка.— Смотрите!

Он протянул им посох, подаренный Маартену. В верхней части посоха, там, где его касалась рука капитана, пробудившиеся после векового сна почки распустились в нежные розовые и белые цветы, изумительный аромат которых наполнил каюту запахом весенней свежести.

— Вот видите? — добавил Чедка.— В вас еще и *это!*

— А ведь дерево было мертвое! — размышлял Кросвелл.— Должно быть, сальные выделения...

Маартена передернуло.

— Значит, все резные украшения, барельефы, к которым мы прикасались... хижины... храм... Какой ужас!

— Да,— кивнул Кросвелл.

Маартен зажмурил глаза и попытался представить, как мертвая, иссохшая древесина превращается в буйно цветущий куст.

— Надеюсь, они правильно поймут,— убеждая сам себя, заговорил он.— Это прекрасный мирный символ. Может быть, хоть это им понравится... Хотя бы одно из того, что в нас заложено.

Потолкуем малость?

Посадка прошла как по маслу, несмотря на капризы гравитации, причиной которых были два солнца и шесть лун. Низкая облачность могла бы вызвать осложнения, если бы посадка

была визуальной. Но Джексон считал это ребячеством. Гораздо проще и безопасней было включить компьютер, откинуться в кресле и наслаждаться полетом.

Облака расступились на высоте двух тысяч футов. Джексон смог убедиться в правильности данных предварительной разведки: внизу, вне всяких сомнений, был город.

Его работа была одной из немногих в мире работ для одиночек, но, как это ни парадоксально, для нее требовались крайне общительные люди. Этим внутренним противоречием объяснялась привычка Джексона разговаривать с самим собой. Так делало большинство людей его профессии. Джексон готов был говорить со всеми, с людьми и инопланетянами, независимо от их размеров, формы и цвета.

За это ему платили, и это так или иначе было его естественной потребностью. Он разговаривал в одиночестве во время долгих межзвездных полетов, и он разговаривал еще больше, когда рядом с ним был кто-нибудь или что-нибудь, что могло бы отвечать. Он считал большой удачей, что за его любовь к общению ему еще и платят.

— И не просто платят,— напомнил он себе.— Хорошо платят, а ко всему прочему еще и премиальные. И еще я чувствую, что это моя счастливая планета. Сдается мне, есть шанс разбогатеть на ней — если, конечно, меня там не убьют.

Единственными недостатками его работы были одиночество межпланетных перелетов и угроза смерти, но за это он и получал такие деньги.

Убьют ли они его? Никогда не предскажешь. Поведение инопланетян так же трудно предугадать, как и поступки людей, только еще труднее.

— Я все же думаю, что они меня не убьют,— сказал Джексон.— Я прямо-таки чувствую, что мне сегодня повезет.

Эта простая философия была ему поддержкой многие годы, в одиночестве бесконечного пространства, на десяти, двенадцати, двадцати планетах. Он и на этот раз не видел причин отказываться от нее.

Корабль приземлился. Джексон переключил управление на режим готовности. Он проверил показания анализатора на содержание в атмосфере кислорода и других жизненно важных химических элементов и быстро просмотрел данные о местных микроорганизмах. Планета была пригодна для жизни. Он откинулся в кресле и стал ждать. Конечно же, долго ждать не пришлось. Они — местные жители, туземцы, аборигены (называйте их как хотите) — вышли из своего города посмотреть на корабль. А Джексон сквозь иллюминатор смотрел на них.

— Ну что ж,— сказал он,— похоже, что на этой захолустной планете живут самые настоящие гуманоиды. А это означает, что старый дядюшка Джексон получит премию в пять тысяч долларов.

1

Жители города были двуногими моноцефалами. У них было столько же пальцев, носов, глаз, ушей и ртов, сколько и у людей. Их кожа была телесно-бежевой, губы — бледно-красными, а волосы — черными, каштановыми или рыжими.

— Черт возьми! Да они прямо как у нас на Земле! — воскликнул Джексон.— Видит Бог, за это мне полагается дополнительная премия. Самые что ни на есть гуманоиды!

Инопланетяне носили одежду. У некоторых было что-то вроде тросточек — палки с тонкой резьбой. На женщинах — украшения с резьбой и эмалью. Джексон сразу же определил, что они стоят приблизительно на том же уровне, что и люди позднего бронзового века на Земле.

Они разговаривали друг с другом и жестикулировали. Конечно, Джексон их не понимал, но это не имело значения. Важно было то, что у них вообще был язык и что его голосовые органы могли воспроизводить звуки их речи.

— Не то что в прошлом году на той тяжелой планете,— сказал Джексон.— Эти сукины дети со своими ультразвуками! Пришлось носить специальные наушники и микрофон, а в тени было за сорок.

Инопланетяне ждали его, и Джексон это знал. Первые мгновения непосредственного контакта всегда были самыми беспокойными.

Именно тогда они, вероятнее всего, могли вас прикончить.

Он неохотно прошел к люку, отдраил его, протер глаза и откашлялся. Ему удалось изобразить на лице улыбку. Он сказал себе: «Не дрейфь, помни, что ты просто маленький старый межпланетный странник, что-то вроде галактического бродяги, который собрался протянуть им руку дружбы, и все такое прочее. Ты просто заглянул сюда, чтобы немножко потолковать, и больше ничего. Продолжай верить этому, милок, и внеземные лопухи будут верить этому вместе с тобой. Помни закон Джексона: все формы разумной жизни обладают святым даром доверчивости; это означает, что трехъязыкого Танга с Орангуса V надуть так же просто, как Джо Доукса из Сен-Поля».

И так, с деланной храброй улыбочкой на лице, Джексон распахнул люк и вышел, чтобы немного потолковать.

— Ну, как вы тут все поживаете? — сразу же спросил Джексон, просто чтобы услышать звук своего собственного голоса.

Ближайшие инопланетяне отпрянули от него. Почти все хмурились. У некоторых, что помоложе, на предплечье висели ножны с бронзовыми клинками, и они схватились за рукояти. Это оружие было примитивным, но убивало не хуже современного.

— Ну, ну, не надо волноваться,— сказал Джексон, стараясь говорить весело и непринужденно.

Они выхватили ножи и начали медленно надвигаться. Джексон не отступал, выжидая. Он готов был сигануть назад в люк не хуже реактивного зайца, надеясь на то, что это ему удастся.

Затем двум самым воинственным дорогу преградил какой-то человек (Джексон решил, что их вполне можно называть людьми). Этот третий был постарше. Он что-то быстро говорил, жестами указывая на ракету. Те двое, с ножами, глядели в ее сторону.

— Правильно,— одобрительно сказал Джексон.— Посмотрите хорошенько. Большой-большой космический корабль. Полно крепкой выпивки. Очень мощная ракета, построенная по последнему слову техники. Вроде как заставляет остановиться и подумать, не так ли?

И заставило.

Инопланетяне остановились. Если они и не думали, то, по крайней мере, очень много говорили. Они показывали то на корабль, то на свой город.

— Кажется, начинаете соображать,— сказал им Джексон.— Язык силы понятен всем, не так ли, родственнички?

Подобные сцены он уже не раз наблюдал на множестве других планет и мог наверняка сказать, что происходит.

Обычно действие разворачивалось так.

Незваный гость приземляется на диковинном космическом корабле, тем самым вызывая 1) любопытство, 2) страх и 3) враждебность. После нескольких минут трепетного созерцания один из местных жителей обычно говорит своему дружку:

— М-да! Эта проклятая железяка — чертовски мощная штука.

— Ты прав, Герби,— отвечает его друг Фред, второй туземец.

— Еще бы не прав,— говорит Герби.— Черт побери, с такой уймой мощной техники и всего прочего этому сукиному сыну ничего не стоит нас поработить. Я думаю, что он и в самом деле может это сделать.

— Ты попал в точку, Герби, точно так и может случиться.

— Поэтому вот что я думаю,— продолжает Герби.— Давайте не будем испытывать судьбу. Конечно же, вид-то у него вполне

дружелюбный, но просто он слишком силен, а это мне не нравится. И именно сейчас нам представляется самая подходящая возможность схватить его, потому что он просто стоит там и ждет, что ему будут аплодировать или еще что-нибудь в этом роде. Так что давайте выпрыгнем душу из этого ублюдка, а потом все обсудим и посмотрим, какая складывается ситуация.

— Ей-богу, я — за! — восклицает Фред. Другие высказывают свое одобрение.

— Молодцы ребята! — кричит Герби.— Давайте прямо сейчас накинемся на этого чужака и схватим его.

Итак, они трогаются с места, но неожиданно, в последний момент, вмешивается Старый Док. Он говорит:

— Погодите, ребята, так делать нельзя. Прежде всего, у нас же есть законы...

— Плевать я на них хотел,— говорит Фред (прирожденный смутьян, к тому же с некоторой придурью).

— ...и, не говоря уж о законах, это может просто представлять слишком большую опасность для вас.

— Мы с Фредом не из пугливых,— говорит доблестный Герби.— Может, вам, Док, лучше сходить в кино или еще куда. А этим займутся настоящие парни.

— Я не имел в виду непосредственную опасность для нашей жизни,— презрительно говорит Старый Док.— Я страшусь разрушения нашего города, гибели наших близких, уничтожения нашей культуры.

Герби и Фред останавливаются.

— Да о чем вы говорите, Док! Всего-то один вонючий инопланетянин. Пырнуть его ножом — так небось загнется не хуже нашего.

— Дураки! Schlemiels!* — громогласно негодует мудрый Старый Док.— Конечно, вы можете его убить! Но что будет потом?

— А что? — спрашивает Фред, прищуривая свои выпученные серо-голубые глаза.

— Идиоты! Cochons!** Думаете, у этих инопланетян только один корабль? Думаете, они не знают, куда направился этот парень? Вы же должны соображать, что там, откуда он прилетел, полно таких кораблей и что там будут не на шутку обеспокоены, если его корабль не объявится в срок; и наконец, вы должны соображать, что когда они выяснят причину задержки, они разъярятся, кинутся сюда и разнесут здесь все в пух и прах.

---

* Обормоты! *(евр.)*

** Свинья! *(фр.)*

— С чего это я должен так предполагать? — спрашивает слабоумный Фред.

— Потому что сам ты на их месте поступил бы точно так же, верно?

— Может, в таких условиях я бы так и поступил,— говорит Фред с глуповатой ухмылкой.— Да, как раз такую штуку я и смог бы сделать. Но послушайте, авось они-то этого не сделают?

— Авось, авось,— передразнивает Старый Док.— Знаешь, малыш, мы не можем ставить все на карту, рассчитывая на твое дурацкое «авось». Мы не можем позволить себе убить этого инопланетного парня, надеясь на то, что авось его соплеменники не сделают того, что сделал бы на их месте любой нормальный человек, а именно — не сотрут нас в порошок...

— Что ж, возможно, этого делать нельзя,— говорит Герби.— Но, Док, что же нам можно сделать?

— Просто подождать и выяснить, что ему нужно.

2

Согласно достоверным данным, сцены, очень похожие на эту, разыгрывались, по крайней мере, раз тридцать или сорок. Обычно результатом их была политика выжидания. Иногда посланца Земли убивали до того, как будет услышан голос здравого смысла, но за подобный риск Джексону и платили.

Всякий раз, когда убивали посланца, следовало возмездие, быстрое и ужасное в своей неотвратимости. Конечно, делалось это не без сожаления, потому что Земля была крайне цивилизованным местом, где привыкли уважать законы. А ни одна цивилизованная нация, придерживающаяся законов, не любит пачкать руки в крови. Люди на Земле и в самом деле считают геноцид делом весьма неприятным, и они не любят читать о нем или о чем-либо подобном в утренних газетах. Конечно же, посланников нужно защищать, а убийство должно караться — это все знают. Но все равно неприятно читать о геноциде, попивая свой утренний кофе. Такие новости могут испортить настроение на весь день. Три-четыре геноцида, и человек может так рассердиться, что отдаст свой голос другому кандидату.

К счастью, основания для подобных неприятностей возникали не часто.

Инопланетяне обычно соображали довольно быстро. Несмотря на языковой барьер, они понимали, что убивать землянина просто *нельзя*.

А затем, позже, они понемногу усваивали все остальное.

Горячие головы спрятали свои ножи. Все улыбались, только Джексон скалился, как гиена. Инопланетяне грациозно жестикулировали руками и ногами. Возможно, это означало приветствие.

— Что ж, очень приятно,— сказал Джексон и, в свою очередь, сделал несколько изящных телодвижений.— Ну вот я и чувствую себя как дома. Почему бы вам теперь не отвести меня к своему вождю, не показать мне город и все такое прочее? Потом я засяду за этот ваш язык, разберусь с ним и мы немножко потолкуем. А после этого все будет идти как нельзя лучше. En avant!*

С этими словами Джексон быстро зашагал в направлении города. Немного поколебавшись, его новоявленные друзья последовали за ним.

Все шло по плану.

Джексон, как и все другие специалисты по установлению контактов, был на редкость одаренным полиглотом. Основным оборудованием ему служила его собственная эйдетическая память и обостренный слух, позволяющий различать тончайшие оттенки звучания. Что еще более важно, у него были поразительные способности к языкам и сверхъестественная интуиция на значение слов. Когда Джексон сталкивался с непонятным языком, он быстро и безошибочно вычленял значащие единицы — основные «кирпичики» языка. В предложении он с легкостью выделял информационную часть, случаи модального употребления и эмоциональную окраску. Его опытное ухо сразу же различало грамматические явления. Приставки и суффиксы не затрудняли его; порядок слов, высота тона и удвоение были детской игрой. О такой науке, как лингвистика, он знал не слишком много, но ему и не нужно было слишком много знать. Джексон был самородком. Наука о языке была разработана для того, чтобы описывать и объяснять то, что он и без нее интуитивно понимал.

До сих пор он еще не сталкивался с языком, которого не смог бы выучить. Он не допускал даже мысли о его существовании. Своим друзьям из Клуба Раздвоенного Языка в Нью-Йорке он часто говорил так:

— Знаете, братва, ничего такого трудного в этих инопланетных языках нет. По крайней мере в тех, с которыми я сталкивался. Говорю вам это совершенно откровенно. Хочу сказать

---

* Вперед! (*фр.*)

вам, ребята, что человек, который может изъясняться на кхмерском языке или сиукском наречии, не встретит слишком много затруднений там, среди звезд.

Так оно и было до сих пор...

Когда они прибыли в город, Джексону пришлось вынести множество утомительных церемоний. Они растянулись на три дня — явление вполне закономерное, ведь не каждый день приходилось принимать гостей из космоса. Поэтому, совершенно естественно, каждый мэр, губернатор, президент и ольдермен, а вдобавок еще и их жены хотели пожать ему руку. Их вполне можно было понять, но Джексон терпеть не мог пустой траты времени. Его ждала работа, временами не очень приятная, и чем раньше он за нее возьмется, тем скорее кончит. На четвертый день ему удалось свести на нет официальную дребедень. Именно в этот день Джексон серьезно взялся за местный язык.

Язык, как скажет вам любой лингвист,— несомненно, самое прекрасное из всех существующих творений человека. Но прекрасное нередко таит в себе опасность.

Язык можно удачно сравнить со сверкающей, вечно меняющейся поверхностью моря. Никогда не знаешь, какие скалы могут прятаться в его ясных глубинах. Самые прозрачные воды скрывают самые предательские мели.

Джексон был готов к любым трудностям, но поначалу он их не встретил. На основном языке (хон) этой планеты (На) говорило подавляющее большинство ее обитателей («Эн-а-То-На» — буквально: людей с планеты На, или наянцев, как для себя окрестил их Джексон). Язык хон показался ему несложным. Каждому понятию соответствовало лишь одно слово или словосочетание, и в этом языке не было слияния, соположения или агглютинации. Сложные понятия выражались через сочетания простых слов («космический корабль» у наянцев звучал как «хо-па-айе-ан» — корабль, летающий во внешнем небе). Таким образом, у хона было очень много общего с такими земными языками, как китайский и аннамитский. Высота тона служила не только для различения омонимов, но также могла иметь и позиционное употребление, где она выражала оттенки «воспринимаемого реализма», физического недомогания и три категории предвкушения чего-то приятного. Все это было умеренно интересным, но не представляло особой сложности для знающего лингвиста.

Конечно же, заниматься языком вроде хона было довольно нудным делом, потому что приходилось учить на память длин-

ные списки слов. Но высота тона и порядок слов были вещами довольно любопытными, не говоря уже о том, что без них невозможно было понять ни единого предложения. Так что в целом Джексон был вполне доволен и впитывал язык, как губка воду.

Прошло около недели, и для Джексона наступил день законной гордости. Он смог сказать своему наставнику:

— С прекрасным и приятным добрым утром вас, самый достойный уважения и почитаемый наставник; и как ваше благословенное здоровье в этот чудесный день?

— Примите мои самые *ирд вунковые* поздравления! — ответил наставник с улыбкой, полной глубокого тепла.— Дорогой ученик, ваше произношение великолепно! В самом деле, решительно *горд нак!* И вы понимаете мой родной язык почти совсем *ур нак тай.*

Джексон весь просиял от похвал доброго старого наставника. Он был вполне доволен собой. Конечно, он не понял нескольких слов: *ирд вунковые* и *ур нак тай* звучали несколько незнакомо, но *горд нак* было совершенно неизвестным. Однако ошибки для любого новичка были делом естественным. Того, что он знал, было достаточно, чтобы понимать наянцев и чтобы они понимали его. Именно это и требовалось для его работы.

В этот день он вернулся на свой корабль. Люк оставался открытым со дня его прилета, но Джексон не обнаружил ни единой пропажи. Увидев это, он с сожалением покачал головой, но не позволил себе из-за этого расстраиваться. Наполнив карманы различными предметами, он неторопливо зашагал назад, в город. Он был готов приступить к заключительной, наиболее важной части своей работы.

3

В центре делового района, на пересечении улиц Ум и Альретто, он нашел то, что искал: контору по продаже недвижимости. Он вошел, и его провели в кабинет мистера Эрума, младшего компаньона фирмы.

— Замечательно, просто замечательно! — сказал Эрум, сердечно пожимая ему руку.— Для нас это большая честь, сэр, громадное, истинное удовольствие. Вы собираетесь что-нибудь приобрести?

— Да, именно это я и хочу сделать,— сказал Джексон.— Конечно, если у вас нет дискриминационных законов, которые запрещают вам торговать с иностранцами.

— Здесь у нас не будет никаких затруднений,— заверил его Эрум.— Напротив, нам доставит подлинное *ораи* удовольствие

видеть в наших деловых кругах человека вашей далекой славной цивилизации.

Джексон подавил усмешку.

— Тогда единственная трудность, которую я могу себе представить,— это вопрос законного платежного средства. Конечно же, у меня нет ваших денег; но у меня много золота, платины, бриллиантов и других предметов, которые на Земле считаются ценными.

— Здесь они тоже ценятся,— сказал Эрум.— Вы сказали «много»? Мой дорогой сэр, у нас не будет никаких затруднений. «И никакая *благл* не омрачит наш *мит* и *агл*», как сказал поэт.

— Именно так,— ответил ему Джексон. Эрум употреблял незнакомые ему слова, но это не имело значения. Основной смысл был достаточно ясен.— Итак, не подобрать ли нам для начала какой-нибудь заводик? В конце концов, должен же я чем-то занимать свое время? А потом мы сможем подыскать дом.

— Это просто *замечатник,*— весело сказал Эрум.— Позвольте мне только *прорэйстать* свои списки... Да, что вы скажете о фабрике *бромикана?* Она в прекрасном состоянии, и ее легко можно перестроить на производство *вора* или использовать как она есть.

— А велик ли спрос на *бромикан?* — спросил Джексон.

— Ну конечно же, велик, даю свой *мургентан* на отсечение! *Бромикан* совершенно необходим, хотя его сбыт зависит от сезона. Видите ли, очищенный *бромикан,* или *ариизи,* используется в производстве *про тигаша,* а там, конечно же, урожай собирают к периоду солнцестояния. Исключением являются те отрасли этой промышленности, которые переключились на *переватуру тиконтена.* Они постоянно...

— Очень хорошо, достаточно,— прервал его Джексон. Ему было все равно, что такое *бромикан,* и он не собирался иметь с ним никакого дела. Его устраивало любое предприятие, лишь бы оно приносило доход.

— Я куплю ее,— сказал он.

— Вы не пожалеете об этом,— заметил Эрум.— Хорошая фабрика *бромикана* — это *гарвелдис хагатис,* ну прямо *многофой.*

— Да, конечно,— согласился Джексон, сетуя в душе на скудость своего словарного запаса.— Сколько она стоит?

— Что вы, сэр, цена пусть вас не беспокоит. Только сначала вам придется заполнить *олланбритную* анкету. Всего несколько *скенных* вопросов, которые никого не *нагут.*

Эрум вручил Джексону бланк. Первый вопрос гласил:

«*Эликировали* ли вы когда-либо *машек силически?* Укажите даты всех случаев. Если таковые отсутствуют, укажите причину установленного *трансгрешального состоя*».

Джексон не стал читать дальше.

— Что значит,— спросил он Эрума,— *эликировать машек силически?*

— Что это значит? — неуверенно улыбнулся Эрум.— Ну, только то, что написано. По крайней мере, так мне кажется.

— Я хотел сказать,— поправился Джексон,— что не понимаю этих слов. Не могли бы вы мне их объяснить?

— Нет ничего проще,— ответил Эрум.— *Эликировать машек* — это почти то же самое, что *бифурить пробишкаи.*

— Что, что? — спросил Джексон.

— Это означает — как бы вам сказать... *эликировать* — это очень просто, хотя, быть может, закон на это смотрит иначе. *Скорбадизирование* — один из видов *эликации,* и то же самое — *гарирование мунрава.* Некоторые говорят, что когда мы *дрорсически* дышим вечерним *субисом,* мы фактически *эликируем.* Я лично считаю, что у них слишком богатое воображение.

— Давайте попробуем *«машек»,*— предложил Джексон.

— Непременно,— ответил Эрум с непристойным смехом.— Если б только было можно, а? — И он игриво ткнул Джексона в бок.

— Хм, да,— холодно произнес Джексон.— Быть может, вы мне объясните, что такое, собственно, *«машка»?*

— Конечно. В действительности такой вещи не существует,— ответил Эрум.— По крайней мере, в единственном числе. Говорить об одной мошке было бы логической ошибкой, понимаете?

— Поверю вам на слово. Тогда что такое машки?

— Ну, во-первых, это объект эликации, а во-вторых, это полуразмерные деревянные сандалии, которые служат для возбуждения эротических фантазий у религиозных фанатиков Кьютора.

— Это уже кое-что! — воскликнул Джексон.

— Только если это в вашем вкусе,— ответил Эрум с заметной холодностью.

— Я имел в виду — для понимания вопроса анкеты...

— Конечно, извините меня,— сказал Эрум,— но, видите ли, здесь спрашивается, *эликировали* ли вы когда-либо *машек силически.* А это уже совершенно другое дело.

— В самом деле?

— Конечно же! Это определение полностью меняет значение.

— Этого-то я и боялся,— сказал Джексон.— Я думаю, вы можете объяснить мне, что означает слово *силически?*

— Несомненно! — воскликнул Эрум.— Наш с вами разговор — с известной долей *боленного* воображения — можно назвать *силически* построенным разговором.

— А,— произнес Джексон.

— Именно так,— сказал Эрум.— *Силически* — это образ действия, способ. Это слово означает: «духовно ведущий вперед путем случайной дружбы».

— В этом уже больше смысла,— сказал Джексон.— В таком случае когда *силически эликируют машек?*

— Я очень боюсь, что вы на ложном пути,— сказал Эрум.— Определение, которое я вам дал, верно только для описания разговора. А когда говорят о *машках* — это нечто совершенно другое.

— А что оно значит в этом случае?

— Ну, оно означает — или, вернее, оно выражает случай продвинутой и усиленной *эликации машек*, но с определенным *нмогнетическим* уклоном. Лично я считаю это выражение несколько неудачным.

— А как бы вы это сформулировали?

— Я бы так прямо и сказал, и к черту ложную стыдливость,— твердо заявил Эрум.— Я просто взял и сказал бы: *«Данфиглирили* ли вы когда-либо *вок* незаконным, аморальным или *инсиртисным* образом, с согласия *брахниана* или без такового? Если да, укажите время и причину. Если нет, сообщите мотивы и *неугрис крис»*.

— Вот так бы вы это и сказали, да? — проговорил Джексон.

— Конечно,— с вызовом ответил Эрум.— Эти анкеты предназначены для взрослых, не так ли? Так почему же не взять и не назвать *спиглер спиглер** своими *спеями?* Все когда-нибудь *дансфигляряк вок*, ну и что из этого? Ради бога, это ведь ничьих чувств не оскорбляет. Я хочу сказать, что, в конце концов, это касается только самого человека и старой кривой деревяшки, поэтому кому какое до этого дело?!

— Деревяшки? — повторил Джексон.

— Да, деревяшки. Обыкновенной старой, грязной деревяшки. По крайней мере, так бы к ней и относились, если бы люди не вкладывали в это до нелепости много чувств.

— Что они делают с деревом? — быстро спросил Джексон.

— Делают? Да ничего особенного, если присмотреться. Но для наших так называемых интеллигентов религиозная атмосфера слишком много значит. По-моему, они не способны

---

* Простейший случай удвоения (множественное число, выражается путем повтора слова в единственном числе).

отделить простую исконную сущность — *дерево* — от того культурного *вольтурнейсса,* который окружает его на *праздерхиссе,* а также, в некоторой степени, и на *ууисе.*

— Интеллигенты — они все такие,— сказал Джексон.— Но вы-то можете отделить ее, и вы находите...

— Я не нахожу в этом ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться. Я в самом деле так думаю. Я хочу сказать, что если смотреть на вещи правильно, то собор — это всего лишь куча камней, а лес — скопление атомов. Почему же данный случай мы должны рассматривать по-другому? Я думаю, что на самом деле *машек* можно *силически эликировать* безо всякого дерева. Что вы на это скажете?

— Я поражен,— сказал Джексон.

— Поймите меня правильно! Я не утверждаю, что это легко, естественно или хотя бы верно! Ведь можно заменить его на *кормную грейти,* и все равно все получится! — Эрум замолчал и фыркнул от смеха.— Выглядеть вы будете глупо, но все равно у вас все получится.

— Очень интересно,— сказал Джексон.

— Боюсь, я несколько погорячился,— сказал Эрум, отирая пот со лба.— Я не очень громко говорил? Как вы думаете, мог меня кто-нибудь услышать?

— Конечно, нет. Все это было очень интересно. Сейчас я должен уйти, мистер Эрум, но завтра я вернусь, заполню анкету и куплю фабрику.

— Я придержу ее для вас.— Эрум поднялся и горячо пожал Джексону руку.— И еще я хочу вас поблагодарить. Нечасто удается поговорить так свободно и откровенно.

— Наша беседа была для меня очень поучительной,— сказал Джексон. Он вышел из кабинета Эрума и медленно зашагал к своему кораблю. Он был обеспокоен, огорчен и раздосадован. В здешнем языке все было почти совсем понятно, но это «почти» раздражало его. Как же это ему не удалось разобраться с этой *силической эликацией машек!*

— Ничего,— сказал он себе.— Джексон, малыш, сегодня вечером ты все выяснишь, а потом вернешься туда и мигом покончишь с их анкетами. Так что, парень, не лезь из-за этого в бутылку.

Он это выяснит. Он просто-таки должен это выяснить, потому что он должен стать владельцем какой-нибудь собственности.

В этом заключалась вторая половина его работы.

На Земле многое изменилось с тех скверных старых времен, когда можно было открыто вести захватнические войны. Как гласили учебники истории, в те далекие времена правитель мог

просто послать свои войска и захватить то, что хотел. И если кто-нибудь из его соотечественников набирался смелости спросить его, почему ему этого хочется, правитель мог приказать отрубить ему голову, бросить в темницу или завязать в мешок и кинуть в море. И при всем этом он даже вины за собой не чувствовал, потому что неизменно верил, что он прав, а они — нет.

Эта политика, суть которой определялась термином «d'toit de seigneur»*, была одной из самых ярких черт «laissez-faire capitalism»»**, в атмосфере которого жили древние.

Но с медленной сменой веков неумолимо происходили и культурные перемены. В мир пришла новая этика, медленно, но верно впитало в себя человечество понятия честности и справедливости. Правителей стали выбирать голосованием, и они должны были руководствоваться желаниями своих избирателей. Справедливость, милосердие и сострадание завоевали человеческие умы. Эти принципы сделали людей лучше, и все дальше в прошлое уходил звериный закон джунглей и звериная дикость, которые царили на Земле в те древние времена до реконструкции.

Те дни ушли навсегда. Теперь ни один правитель не мог ничего захватить *просто так:* избиратели ни за что не потерпели бы этого.

Теперь для захвата нужно было иметь предлог.

К примеру, гражданин Земли, который совершенно законным и честным образом владеет собственностью на другой планете, срочно нуждается в военной помощи. Он запрашивает ее с Земли, чтобы защитить себя, свой дом, свои законные средства существования.

Но сначала надо эту собственность иметь. Он должен по-настоящему владеть ею, чтобы защитить себя от жалостливых конгрессменов и газетчиков, которые носятся с инопланетянами и всегда, стоит Земле прибрать к рукам другую планету, затевают расследование.

Обеспечить законное основание для захвата — вот для чего существовали специалисты по установлению контактов.

— Джексон,— сказал себе Джексон,— завтра ты получишь эту *бромикановую* фабричонку, и она станет твоей безо всяких закавык. Слышишь, парень? Я это серьезно тебе говорю.

Назавтра незадолго до полудня Джексон вернулся в город. Нескольких часов напряженных занятий и долгой консультации

---

* Право повелителя *(фр.)*.

** Капиталистическое свободное предпринимательство *(фр.)*.

со своим наставником хватило для того, чтобы он понял, в чем его ошибка.

Все было довольно просто. Он всего лишь немного поторопился, предположив, что в языке хон употребление корней имеет неизменный, крайне изолирующий характер. Исходя из уже известного, он думал, что для понимания языка важны только значение и порядок слов. Но это было не так. При дальнейшем исследовании Джексон обнаружил в языке хон некоторые неожиданные возможности: к примеру, аффиксацию и элементарную форму удвоения. Такая морфологическая непоследовательность была для него неожиданностью, поэтому вчера, когда он столкнулся с ее проявлениями, смысл речи стал ускользать от него.

Новые формы выучить было довольно легко. Но его беспокоило то, что они были совершенно нелогичны и их существование противоречило самому духу хона.

Ранее он вывел правило: одно слово имеет одну звуковую форму и одно значение. Но теперь он обнаружил восемнадцать важных исключений — сложных слов, построенных различными способами, и к каждому из них — ряд определяющих суффиксов. Для Джексона это было так же неожиданно, как если бы он натолкнулся в Антарктике на пальмовую рощу.

Он выучил эти восемнадцать исключений и подумал, что когда он в конце концов вернется домой, то напишет об этом статью.

И на следующий день Джексон, ставший мудрее и осмотрительнее, твердым, размашистым шагом двинулся назад в город.

4

В кабинете Эрума он с легкостью заполнил правительственные анкеты. На тот первый вопрос, «*эликировали* ли вы когда-нибудь *машек силически»,* он мог честно ответить «нет». Слово *машка* во множественном числе в своем основном значении соответствовало слову *женщина* в единственном числе. Это же слово, употребленное подобным образом, но в единственном числе, означало бы бесплотное состояние женственности.

Слово *эликация*, конечно же, означало завершение половых отношений, если не употреблялось определяющее слово *силически*. Тогда это безобидное слово приобретало в данном контексте взрывоопасный смысл.

Джексон мог честно написать, что, не будучи наянцем, он никогда подобных побуждений не имел.

Это было так просто. Джексон был недоволен собой — ведь он мог разобраться в этом сам.

На остальные вопросы он ответил легко и вернул Эруму заполненную анкету.

— Право же, это совершенно *скоу,*— сказал Эрум.— Теперь нам осталось решить всего лишь несколько простых вопросов, первым из них можно заняться прямо сейчас. Потом я организую короткую официальную церемонию подписания акта передачи собственности, вслед за чем мы рассмотрим несколько других небольших дел. Все это займет не более дня или около того, и тогда вы станете полновластным владельцем фабрики.

— Да, да, малыш, это замечательно,— сказал Джексон. Проволочки не волновали его. Напротив, он ожидал, что их будет намного больше. На большинстве планет жители быстро понимали, что к чему. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что Земля хочет получить то, что ей нужно, но желает, чтобы это выглядело законно.

Почему именно законно — догадаться было тоже не слишком сложно. Подавляющее большинство землян было идеалистами, и они горячо верили в принципы правды, справедливости, милосердия и тому подобное. И не только верили, но и позволяли себе руководствоваться этими благородными принципами в жизни. Кроме тех случаев, когда это было неудобно или невыгодно. Тогда они действовали сообразно своим интересам, но продолжали вести высоконравственные речи. Это означало, что они были *лицемерами*, а такое понятие существовало у народа любой планеты.

Земляне желали получить то, что им было нужно, но они еще и хотели, чтобы все это хорошо выглядело. Этого иногда было трудно ожидать, особенно когда им было нужно не что-нибудь, а чужая планета. Но, так или иначе, они обычно добивались своего.

Люди многих планет понимали, что открытое сопротивление невозможно, и поэтому прибегали к тактике проволочек.

Иногда они отказывались продавать, или им без конца требовались всякие бумажки, или им нужна была санкция какого-нибудь местного чиновника, которого никогда не было на месте. Но посланец парировал каждый их удар.

Они отказываются продавать собственность по расовым мотивам? Земные законы особо воспрещают подобную практику, а Декларация Прав Разумных Существ гласит, что каждое разумное существо вольно жить и трудиться там, где ему нравится. За эту свободу Земля стала бы бороться, если бы ее кто-нибудь вынудил.

Они ставят палки в колеса? Земная Доктрина о временном характере частной собственности не допустит этого.

Нет на месте нужного чиновника? Единый Земной Закон против наложения на имущество косвенного ареста в случае отсутствия недвусмысленно запрещал такие порядки. И так далее, и тому подобное. В этой борьбе умов неизменно побеждала Земля, потому что того, кто сильнее, обычно признают и самым умным.

Но наянцы *даже не пытались* сопротивляться, а это в глазах Джексона заслуживало самого глубокого презрения.

В обмен на земную платину Джексон получил местную валюту — хрустящие бумажки по 50 врсо. Эрум просиял от удовольствия и сказал:

— Теперь, мистер Джексон, мы можем покончить с делами на сегодняшний день, если вы соблаговолите *тромбрамктуланчирить,* как это принято.

Джексон повернулся, его глаза сузились, уголки рта опустились, а губы сжались в бескровную полоску.

— Что вы сказали?

— Я всего лишь попросил вас...

— Знаю, что попросили! Но что это значит?

— Ну, это значит... значит...— Эрум слабо засмеялся.— Это означает только то, что я сказал. Другими словами, выражаясь *этиболически...*

Джексон тихо и угрожающе произнес:

— Дайте мне синоним.

— Синонима нет,— ответил Эрум.

— И все-таки, детка, советую тебе его вспомнить,— сказал Джексон, и его пальцы сомкнулись на горле наянца.

— Стойте! Подождите! На по-о-мощь! — вскричал Эрум.— Мистер Джексон, умоляю вас! Какой может быть синоним, когда понятию соответствует одно, и только одно слово — если мне дозволено будет так выразиться.

— За нос меня водить! — взревел Джексон.— Лучше кончай с этим, потому что у нас есть законы против умышленного сбивания с толку, преднамеренного обструкционизма, скрытого сверхжульничества и прочих ваших штучек. Слышишь, ты?

— Слышу,— пролепетал Эрум.

— Тогда слушай дальше: *кончай агглютинировать,* ты, лживая скотина. У вас совершенно простой, заурядный язык аналитического типа, который отличает лишь его крайняя изолирующая тенденция. А в таком языке, приятель, просто не бывает столько длинных путаных сложных слов. Ясно?

— Да, да! — закричал Эрум.— Но поверьте мне, я ни в коей мере не собираюсь *нумнискатерить!* И не *нонискаккекаки,* и вы действительно должны этому *дебрушили.*

Джексон замахнулся на Эрума, но вовремя взял себя в руки. Неразумно бить инопланетян, если существует хоть какая-нибудь вероятность того, что они говорят правду. На Земле этого не любят. Ему могут срезать зарплату; если же по несчастливой случайности он убьет Эрума, его можно поздравить с шестью месяцами тюрьмы.

Но все же...

— Я выясню, лжете вы или нет! — завопил Джексон и стремглав выскочил из кабинета.

Он бродил почти час, смешавшись с толпой в трущобах Грас-Эс, тянущихся вдоль мрачного, зловонного Унгпердиса. Никто не обращал на него внимания. По внешности его можно было принять за наянца, так же как и любой наянец мог сойти за землянина.

На углу улиц Ниис и Да Джексон обнаружил веселый кабачок и зашел туда.

Внутри было тихо, одни мужчины. Джексон заказал местное пиво. Когда его подали, он сказал бармену:

— На днях со мной приключилась странная история.

— Да ну? — сказал бармен.

— В самом деле,— ответил Джексон.— Понимаете, собрался заключить очень крупную сделку, и потом в последнюю минуту меня попросили *тромбрамктуланчирить,* как это принято.

Он внимательно следил за реакцией бармена. На флегматичном лице наянца появилось легкое недоумение.

— Так почему вы этого не сделали? — спросил бармен.

— Вы хотите сказать, что вы бы на моем месте...

— Конечно, согласился бы. Черт побери, это же обычная *катанприптиая,* ведь так?

— Ну да,— сказал один из бездельников у стойки.— Конечно, если вы не заподозрили, что они пытались *нумнискатерить.*

— Нет, не думаю, что они пытались сделать что-нибудь подобное,— упавшим, безжизненным голосом проговорил Джексон. Он заплатил за выпивку и направился к выходу.

— Послушайте! — крикнул ему вдогонку бармен.— Вы уверены, что они не *нонискаккекаки?*

— Как знать,— сказал Джексон и, устало ссутулясь, вышел на улицу.

Джексон доверял своему природному чутью как в отношении языков, так и в отношении людей. А его интуиция говорила ему, что наянцы вели себя честно и не изощрялись перед ним во лжи. Эрум не изобретал новых слов специально, чтобы запутать его. Он и правда говорил на языке хон как умел.

Но если это было так, тогда хон был очень странным языком. В самом деле, это был совершенно эксцентричный язык. И то, что происходило с этим языком, не было просто курьезом, это было катастрофой.

5

Вечером Джексон снова взялся за работу. Он обнаружил дополнительный ряд исключений, о существовании которых не знал и даже не подозревал. Это была группа из двадцати девяти многозначных потенциаторов, которые сами по себе не несли никакой смысловой нагрузки. Однако другие слова в их присутствии приобретали множество сложных и противоречивых оттенков значений. Свойственный им вид потенциации зависел от их места в предложении.

Таким образом, когда Эрум попросил его *«тромбрамктуланчирить,* как это принято», он просто хотел, чтобы Джексон почтительно поклонился, что было частью обязательного ритуала. Надо было соединить руки за головой и покачиваться на каблуках. Это действие следовало производить с выражением определенного, однако сдержанного удовольствия, в соответствии со всей обстановкой, сообразуясь с состоянием своего желудка и нервов, а также согласно своим религиозным и этическим принципам, памятуя о небольших колебаниях настроения, связанных с изменениями температуры и влажности, и не забывая о таких достоинствах, как терпение и снисходительность.

Все это было вполне понятно. И все полностью противоречило тому, что Джексон уже знал о языке хон.

Это было даже более чем противоречиво: это было немыслимо, невозможно и не укладывалось ни в какие рамки. Все равно что увидеть в холодной Антарктике пальмы, на которых вдобавок растут не кокосы, а мускатный виноград.

Этого не могло быть — однако так оно и было.

Джексон проделал то, что от него требовалось. Когда он кончил *тромбрамктуланчирить,* как это принято, ему осталась только официальная церемония и после этого — несколько мелких формальностей.

Эрум уверил его, что все это очень просто, но Джексон подозревал, что так или иначе, а трудности у него будут.

Поэтому-то он и уделил подготовке целых три дня. Он усердно работал, чтобы в совершенстве овладеть двадцатью девятью потенциаторами-исключениями в их наиболее употребимых положениях и безошибочно определять, какой инициирующий эффект они оказывают в каждом из этих случаев.

К концу работы он устал как собака, а его показатель раздражимости поднялся до 97,3620 по Графхаймеру. Беспристрастный наблюдатель мог бы заметить зловещий блеск в его серо-голубых глазах.

Он *был сыт по горло. Его мутило от языка хон и от всего* наянского. Джексон испытывал головокружительное ощущение: чем больше он учил, тем меньше знал. В этом было что-то совершенно ненормальное.

— Хорошо,— сказал Джексон сам себе и всей Вселенной.— Я выучил наянский язык, я выучил множество совершенно необъяснимых исключений, и вдобавок к этому я выучил ряд дополнительных, еще более противоречивых исключений из исключений.

Джексон помолчал и очень тихо добавил:

— Я выучил *исключительное* количество исключений. В самом деле, если посмотреть со стороны, то можно подумать, будто в этом языке нет ничего, кроме исключений.

— Но это,— продолжал он,— совершенно невозможно, немыслимо и неприемлемо. Язык по воле Божьей и по самой сути своей систематичен, а это означает, что в нем должны быть какие-то правила. *Только тогда люди смогут понимать друг* друга. В том-то и смысл языка, таким он и должен быть. И если кто-то думает, что можно дурачиться с языком при Фреде К. Джексоне...

Тут Джексон замолчал и вытащил из кобуры бластер. Он проверил заряд, снял оружие с предохранителя и снова спрятал его.

— Не советую больше пороть галиматью при старине Джексоне,— пробормотал старина Джексон,— потому что у первого же мерзкого и лживого инопланетянина, который попробует это сделать, будет трехдюймовая дырка во лбу.

С этими словами Джексон зашагал назад в город. Голова у него шла кругом, но он был полон решимости. Его делом было отобрать планету у ее обитателей — причем законно, а для этого он должен понимать их язык. Вот почему так или иначе он добьется ясности. Или кого-нибудь прикончит.

Одно из двух. Что именно, сейчас ему было все равно.

Эрум ждал его в своем кабинете. С ним были мэр, председатель совета города, глава округа, два ольдермена и член правления бюджетной палаты. Все они улыбались — вежливо, хотя и несколько нервно. На буфете были выставлены крепкие напитки. В комнате царила атмосфера товарищества поневоле.

В целом все это выглядело так, будто в лице Джексона они приветствовали нового высокоуважаемого владельца собственности, украшение Факки. С инопланетянами такое иногда бы-

вало: они делали хорошую мину при плохой игре, стараясь снискать милость землян, раз уж их победа была неизбежной.

— *Ман,*— сказал Эрум, радостно пожимая ему руку.

— И тебе того же, крошка,— ответил Джексон. Он понятия не имел, что означает это слово. Это его и не волновало. У него был большой выбор других наянских слов, и он был полон решимости довести дело до конца.

— *Ман!* — сказал мэр.

— Спасибо, папаша,— ответил Джексон.

— *Ман!* — заявили другие чиновники.

— Очень рад, ребята, что вы к этому так относитесь,— сказал Джексон. Он повернулся к Эруму.— Вот что, давай-ка закончим с этим делом, ладно?

— *Ман-ман-ман,*— ответил Эрум.— *Ман, ман-ман.*

Несколько секунд Джексон с изумлением смотрел на него. Потом он спросил, сдержанно и тихо:

— Эрум, малыш, что именно ты пытаешься мне сказать?

— *Ман, ман, ман,*— твердо заявил Эрум.— *Ман, ман ман ман. Ман ман.*— Он помолчал и несколько нервно спросил мэра: — *Ман, ман?*

— *Ман... ман ман,*— решительно ответил мэр, и другие чиновники закивали. Все они повернулись к Джексону.

— *Ман, ман-ман?* — с дрожью в голосе, но с достоинством спросил его Эрум.

Джексон потерял дар речи. Его лицо побагровело от гнева, а на шее начала биться большая голубая жилка. Он заставил себя говорить медленно и спокойно, но в его голосе слышалась бесконечная угроза.

— Грязная захудалая деревенщина,— сказал он,— что это, паршивцы, вы себе позволяете?

— *Ман-ман?* — спросил у Эрума мэр.

— *Ман-ман, ман-ман-ман,*— быстро ответил Эрум, делая жест непонимания.

— Лучше говорите внятно,— сказал Джексон. Голос его все еще был тихим, но вена на шее вздулась, как пожарный шланг под давлением.

— *Ман!* — быстро сказал один из ольдерменов главе округа.

— *Ман ман-ман ман?* — жалобно ответил глава округа, и на последнем слове его голос сорвался.

— Так не хотите нормально разговаривать, да?

— *Ман! Ман-ман!* — закричал мэр, и его лицо от страха стало мертвенно-бледным.

Остальные обернулись и тоже увидели, что Джексон вытащил бластер и прицелился в грудь Эрума.

— Кончайте ваши фокусы! — скомандовал Джексон. Вена на шее, казалось, душила его, как удав.

— *Ман-ман-ман!* — взмолился Эрум, падая на колени.

— *Ман-ман-ман!* — пронзительно вскричал мэр и, закатив глаза, упал в обморок.

— Вот сейчас ты у меня получишь,— сказал Эруму Джексон. Его палец на спусковом крючке побелел.

У Эрума стучали зубы, но ему удалось сдавленно прохрипеть: «*Ман-ман-ман?*» Потом его нервы сдали, и он стал ждать смерти с отвисшей челюстью и остекленевшим взором.

Курок сдвинулся с места, но внезапно Джексон, отпустил палец и засунул бластер назад в кобуру.

— *Ман, ман!* — сумел выговорить Эрум.

— Заткнись! — оборвал его Джексон. Он отступил назад и свирепо посмотрел на съежившихся наянских чиновников.

Ах, как бы ему хотелось всех их уничтожить! Но этого он сделать не мог. Джексону пришлось в конце концов признать неприемлемую для него действительность.

Его мозг полиглота проанализировал то, что услышало его непогрешимое ухо лингвиста. В смятении он понял, что наянцы не разыгрывают его. Это был настоящий язык, а не бессмыслица.

Сейчас этот язык состоял из единственного слова «ман». Оно могло иметь самые разные значения, в зависимости от высоты тона и порядка слов, от их количества, от ударения, ритма и вида повтора, а также от сопровождающих жестов и выражения лица.

Язык, состоящий из бесконечных вариаций одного-единственного слова! Джексон не хотел верить этому, но он был слишком хорошим лингвистом, чтобы сомневаться в том, о чем ему говорили собственные чувства и опыт.

Конечно, он мог выучить этот язык.

Но во что он превратится к тому времени?

Джексон устало вздохнул и потер лицо. То, что случилось, было в некотором смысле неизбежным: ведь изменяются все языки. Но на Земле и на нескольких десятках миров, с которыми она установила контакты, этот процесс был относительно медленным.

На планете На это происходило быстро. Намного быстрее.

Язык хон менялся, как на Земле меняются моды, только еще быстрее. Он был так же изменчив, как цены, как погода. Он менялся бесконечно и беспрестанно, в соответствии с неведомыми правилами и незримыми принципами. Он менял

свою форму, как меняет свои очертания снежная лавина. Рядом с ним английский язык казался неподвижным ледником.

Язык планеты На был точным, невероятным подобием реки Гераклита. «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку,— сказал Гераклит,— ведь в ней вечно текут другие воды».

Эти простые слова Гераклита как нельзя более точно определяли сущность языка планеты На.

Это было плохо. Но еще хуже было то, что наблюдатель вроде Джексона не мог даже надеяться зафиксировать или выделить хотя бы одно звено из динамично движущейся цепи терминов, составляющих этот язык. Ведь подобная попытка наблюдателя сама по себе была довольно грубым вмешательством в систему языка: она могла изменить эту систему и разрушить ее связи, тем самым вызывая в языке непредвиденные перемены. Вот почему, если из системы терминов выделить один, нарушатся их связи, и тогда само значение термина, согласно определению, будет ложным.

Сам факт подобных изменений делал недоступным как наблюдение за языком, так и выявление его закономерностей. Все попытки овладеть языком планеты На разбивались о его неопределимость. И Джексон понял, что воды реки Гераклита прямиком несут его в омут «индетерминизма» Гейзенберга*. Он был поражен, потрясен и смотрел на чиновников с чувством, похожим на благоговение.

— Вам это удалось, ребята,— сказал он им.— Вы побили систему. Старушка Земля и не заметила бы, как проглотила вас, и тут уж вы ничего бы не смогли поделать. Но у нас люди большие законники, а наш закон гласит, что любую сделку можно заключить только при одном условии: при уже налаженном общении.

— *Ман?* — вежливо спросил Эрум.

— Так что я думаю, друзья, это значит, что я оставлю вас в покое,— сказал Джексон.— По крайней мере, до тех пор, пока не отменят этот закон. Но, черт возьми, ведь передышка — это лучшее, чего только можно желать, не так ли?

— *Ман ман,*— нерешительно проговорил мэр.

— Ну, я пошел,— сказал Джексон.— Я за честную игру... Но если я когда-нибудь узнаю, что вы, наянцы, разыгрывали комедию...— Он не договорил. Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел к своей ракете.

Через полчаса он стартовал, а еще через пятнадцать минут лег на курс.

---

* Гейзенберг, Вернер — немецкий физик-теоретик. В 1927 году сформулировал соотношение неопределенностей.

6

В кабинете Эрума чиновники наблюдали за кораблем Джексона, который сверкал, как комета, в темном вечернем небе. Он превратился в крошечную точку и пропал в необъятном космосе.

Некоторое время чиновники молчали; потом они повернулись и посмотрели друг на друга. Внезапно ни с того ни с сего они разразились смехом. Они хохотали все сильнее и сильнее, схватившись за бока, а по их щекам текли слезы.

Первым с истерией справился мэр. Взяв себя в руки, он сказал:

— *Ман, ман, ман-ман.*

Эта мысль мгновенно отрезвила остальных. Веселье стихло. С тревогой созерцали они далекое враждебное небо, и перед их глазами проходили события последних дней.

Наконец молодой Эрум спросил:

— *Ман-ман? Ман-ман?*

Несколько чиновников улыбнулись его наивности. И все же никто из них не смог ответить на этот простой, но жизненно важный вопрос. В самом деле, почему? Отважился ли кто-нибудь хотя бы предположить ответ?

Эта неопределенность не только не проливала света на прошлое, но и ставила под сомнение будущее. И если нельзя было дать правильного ответа на этот вопрос, то не иметь вообще никакого ответа было невыносимо.

Молчание затянулось, и губы молодого Эрума скривились в не по возрасту циничной усмешке. Он довольно грубо заявил:

— *Ман! Ман-ман! Ман?*

Его оскорбительные слова были продиктованы всего лишь поспешной жестокостью молодости; но такое заявление нельзя было оставить без внимания. И почтенный первый ольдермен выступил вперед, чтобы попробовать дать ответ.

— *Ман ман, ман-ман,*— сказал старик с обезоруживающей простотой.— *Ман ман ман-ман? Ман ман-ман-ман. Ман ман ман: ман ман. Ман, ман ман ман-ман ман ман. Ман-ман? Ман ман ман ман!*

Вера, прозвучавшая в этих словах, тронула Эрума до глубины души. Его глаза неожиданно наполнились слезами. Позабыв об условностях, он поднял лицо к небу, сжал руку в кулак и прокричал:

— *Ман! Ман! Ман-ман!*

Невозмутимо улыбаясь, старик ольдермен тихо прошептал:

— *Ман-ман-ман, ман, ман-ман.*

Как ни странно, эти слова и были правильным ответом на вопрос Эрума. Но эта удивительная правда была такой страшной, что, пожалуй, даже к лучшему, что, кроме них, никто ничего не слышал.

Мусорщик на Лорее

— Совершенно невозможно,— категорически заявил профессор Карвер.

— Но ведь я видел своими глазами! — уверял Фред, его помощник и телохранитель.— Сам видел вчера ночью! Принесли охотника — ему наполовину снесло голову,— и они...

— Погоди,— прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопутствующие восходу солнца, если наблюдать их с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождьдеревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой — нечто похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое человеку. Лицо Мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У Мусорщика была причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лореян Мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

— Итак,— заговорил профессор Карвер, когда солнце взошло без всяких происшествий,— явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планетке.

— Сам видел, никуда не денешься,— настаивал Фред.— Вероятно или невероятно — это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор — дело ваше.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, с прической «бобрик», которая невыгодно подчеркивала его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике как таковой. Ему хотелось лишь одного: вернуться домой, в Байонну (штат Нью-Джерси), богатым и знаменитым или хотя бы богатым и безвестным.

— Здесь можно разбогатеть,— произнес Фред тоном обвинителя.— А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд — книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой своей статье — «Дальтонизм среди народов Танга». Этот тезис он позднее развернул в книге «Недостаточность координации движений у рас Дранга».

Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании «Дефекты разума в Галактике», где убедительно доказал, что разумность существ внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Теперь тезис расцвел пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас».

— Если ты прав...— начал Карвер.

— Смотрите! — воскликнул Фред.— Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер — точь-в-точь как у Фреда.

— Если ты не ошибся,— медленно проговорил Карвер,— это для них, так сказать, немалое достижение.

— Пойдемте! — сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, а Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил: должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождь-лесов.

— Похож на покойника, а? — прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг — это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако раненый недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то, что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

— Ему ни за что не выжить,— изрек Карвер.— Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

— Вот увидите,— пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине, Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял перед родительской хижиной и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. Навстречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-целители — они торопливо накладывали на лица грим.

— Ты думаешь, удастся его залатать, док? — спросил Фред.

— Будем надеяться,— благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину. Раненого лореянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны начали перед ним обрядовое действо. Дег затянул торжественную песнь.

— Ничего не получится,— сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора.— Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

— Совершенно верно,— ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лореянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

— Пора! — вскричал лекарь. Он достал из мешочка маленькую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На глазах у землян страшная рваная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, лучше чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посовещаться. Профессор шагал словно лунатик, выпятив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

— Ну так как? — спросил Фред.

— По всем законам природы этого не должно быть,— ошеломленно пробормотал Карвер.— Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

— Конечно, черт возьми,— подтвердил Фред.— Принесли охотника — голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и исцелился прямо у меня на глазах.

— Вековая мечта человечества,— размышлял вслух профессор Карвер.— Панацея от всех болезней.

— За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену,— сказал Фред.

— Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой,— строго одернул его профессор Карвер.— Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение.

Там в полном разгаре были пляски, исполняемые представителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали сатгоханн — последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганьи, названные по именам других лесных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистического толкования туземным

обычаям. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

— Мир вам! — произнес он слова приветствия.

— И тебе тоже,— ответил Фред.— Недурную работку ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся:

— Боги снизошли к нашим молитвам.

— Боги? — переспросил Карвер.— А мне показалось, что большая часть работы пришлась на долю сыворотки.

— Сыворотки? Ах, сок серси! — Выговаривая эти слова, Дег сопроводил их ритуальным жестом, исполненным благоговения.— Да, сок серси — это мать всех лореян.

— Нам бы хотелось купить его,— без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер.— Сколько ты возьмешь за галлон?

— Приношу свои извинения,— ответил Дег.

— Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

— Этого нельзя делать,— решительно отказался лекарь.— Сок серси священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

— Не заговаривай мне зубы,— процедил Фред, и сквозь нездоровую желтизну его щек пробился румянец,— ты, ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

— Мы вполне понимаем,— вкрадчиво сказал Карвер.— Нам известно, что такое священные предметы. Что священно, то священно. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

— Вы сошли с ума,— шепнул Фред по-английски.

— Ты мудрый человек,— с достоинством ответил Дег.— Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

— Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

— Вот как? Я этого не знал!

— Это так. Откровенно говоря, в своей области я слыву самым искусным лекарем.

— В таком случае ты, должно быть, очень святой человек,— сказал Дег, склонив голову.

— Он и вправду святой,— многозначительно вставил Фред.— Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

— Пожалуйста, не надо, Фред,— попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю: — Это верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот

почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серси. Напротив, твой жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

— Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

— Почему же?

— Потому что сока серси очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неизменная. Мусорщик медленно обходил улицы, подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрэгов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и плясуны каждый вечер молились, чтобы поутру взошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь выведали всю подноготную о соке серси и связанных с ним трудностях.

Растение серси — это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусственному разведению и совершенно не переносит пересадки. Остается только тщательно выпалывать сорняки вокруг серси и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты серси борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серси выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

— При этом надо помнить,— указал Дег,— что кусты серси встречаются редко и на большом расстоянии друг от друга. Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину, от силы двум.

— Печально,— посочувствовал Карвер.— Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

— Все уже пробовали.

— Я понимаю,— серьезно сказал Карвер,— какое огромное значение придаете вы соку серси. Но если бы вы уделили нам малую толику — пинту-другую, мы отвезли бы его на Землю,

исследовали и постарались синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

— Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

— Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас — непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лореянину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серси. И вечно их не хватает,— лекарь вздохнул.— Вечно не хватает.

— Неужели этот сок излечивает все? — спросил Фред.

— Да, и даже больше того. У того, кто отведал серси, прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серси — не просто лекарство, заживляющее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил:

— А что, если по истечении этих пятидесяти лет лореянин опять примет серси?

— Неизвестно,— ответил Дег.— Ни один лореянин не станет принимать серси вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

— А теперь выслушай меня внимательно, Дег,— сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превыше расы, превыше веры, превыше религии. Развитие науки превыше самой жизни. В конце концов, если и умрут еще несколько лореян, что с того? Так или иначе, рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серси.

— Может быть, твои слова и справедливы,— отозвался Дег,— но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигериат, я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас». Любовно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорея. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

— Почти готова, Фред,— сообщил он помощнику.— Работы осталось на недельку — ну, самое большее, на две!

— Угу,— промычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

— Вопрос будет исчерпан,— провозгласил Карвер.— Книга раз и навсегда докажет прирожденное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

— Ничто не должно стоять на пути великого дела,— сказал Карвер.— Ты согласен с этим, не правда ли?

— Ясно,— рассеянно подтвердил Фред.— Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

— Я, собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серси из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

— Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой книги?

— А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем неплохо. На эту спрос будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов! — Он позволил себе чуть заметно улыбнуться.— Мне, видишь ли, повезло с выбором темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом... что весьма приятно для ученого.

— Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серси?

— Сто тысяч? — неуверенно предположил Карвер.

— Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

— Полагаю, ты прав,— согласился Карвер.— И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарь ни за что не продаст нам ни капли.

— Покупка — далеко не единственный способ поставить на своем.— Фред вынул револьвер из кобуры и пересчитал патроны.

— Понятно, понятно,— проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели.— Но вправе ли мы...

— А вы-то как думаете?

— Что ж, они безусловно неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасать жизнь землянам!

— Мы могли бы спасти собственную жизнь,— заметил Фред.— Кому охота загнуться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

— Помни,— сказал он Фреду,— мы идем на это во имя науки и ради Земли.

— Вот именно, профессор,— ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

— Нам необходимо получить сок серси.

— Я вам уже объяснял,— удивился лекарь.— Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

— Нам нужно во что бы то ни стало,— поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

— Нет.

— Ты думаешь, я шутки шучу? — нахмурился Фред.— Ты знаешь, что это за оружие?

— Я видел, как вы стреляете.

— Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

— Я не боюсь. Но серси ты не получишь.

— Буду стрелять,— исступленно заорал Фред.— Клянусь, буду стрелять.

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Сероокожие, с шишковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

— Вы не получите серси,— сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

— Полно, Фред,— обеспокоился Карвер,— тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообразил, что произошло. Наконец он заметил Мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще сжимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над Мусорщиком, но тут же выпрямился.

— Скончался,— сказал лекарь.

— Это только цветочки,— пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

— Нет! — вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

— Отдам тебе сок,— пояснил Дег.— Отдам тебе весь наш сок серси. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладони.

— Порядочек, профессор,— сказал Фред.— Надо сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце. Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешно подобрал его.

— Какой-то недоносок зацепил меня,— сказал Фред.— Дайте револьвер!

Описав крутую дугу, у их ног зарылось в землю копье.

— Их слишком много,— рассудительно заметил Карвер.— Прибавим шагу!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копья и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

— Дешево отделались,— сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку.— Ты не потерял сыворотку?

— Вот она,— ответил Фред, потирая руку.— Черт!

— Что случилось?

— Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

— Онемела,— повторил Фред.— Уж не отравлены ли у них копья?

— Вполне возможно,— допустил профессор Карвер.

— Отравлены! — завопил Фред.— Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

— Сульфидин,— порекомендовал Карвер.— И пенициллин. Не о чем беспокоиться, Фред. Современная фармакология Земли...

— ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

— Но, Фред,— возразил Карвер,— наши запасы сока крайне ограниченны. Кроме того...

— К чертовой матери! — разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

— Погоди, Фред!

— Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

— Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

— Как же, желали,— насмешливо ответил Фред.— Поглядите лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте виднелась упругая розовая кожа.

— Хорошая штука, а? — шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки.— Действует, профессор, действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена — миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лорей! Можно наведываться каждые полсотни годков или около того для заправки. Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точь как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

— В чем дело? — с усмешкой спросил Фред.— Швы, что ли, перекосились? На что вы тут глазеете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

— Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало.

Что со мной стряслось?

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь, следил он, как черты Фреда медленно изменяются,

сглаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступили причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

— Я же советовал тебе выждать,— вздохнул Карвер.

— Что происходит? — испуганно прошептал Фред.

— Видишь ли,— ответил Карвер,— должно быть, тут налицо остаточный эффект серси. Рождаемость на Лорее, сам знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серси эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серси и иными свойствами — способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую — в разумных лореян.

— Бредовая идея!

— Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серси — мать всех лореян. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина всех наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лореян, а может быть, и всех лореян. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

— Можно предполагать,— продолжал он,— что соку серси принадлежит немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

— К черту теории,— буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лореян.— Профессор, сделайте что-нибудь!

— Не в моих силах что-либо сделать.

— Может, наука Земли...

— Нет, Фред,— тихо сказал Карвер.

— Что?

— Фред, прошу тебя, постарайся понять. Я не могу взять тебя на Землю.

— Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили?

— Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история — не что иное, как грандиозная мистификация.

— Но...

— Не перебивай. Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смышленый лореянин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты опровергнешь отправной тезис моей книги!

— Не может того быть, чтоб вы меня бросили,— пролепетал Фред.— Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера. Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

— Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

— Нет!

— Я не шучу. Пошел вон, Фред.

— Не уйду! Вам придется стрелять!

— Надо будет — выстрелю,— заверил его Карвер.— Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попятился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

— Что они со мной сделают?

— Мне право жаль, Фред,— сказал Карвер.

— Не пойду! — взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер столкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему бросил две оставшиеся трубочки с соком серси.

После этого Карвер поспешно задраил люк, не желая видеть дальнейшее.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу «Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас» провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт по фамилии Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорей туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлореянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он — Мусорщик, о чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал спорить, что так оно и есть.

Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и даже, по существу, вдребезги разбил их школу. И теперь во всей Галактике мыслящие земляне разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноценности внеземных существ.

Жертва из космоса

Замерев от восхищения, Хэдвелл разглядывал планету — чудесный мир зеленых равнин, красных гор и не знающих покоя серо-голубых морей. Аппаратура его корабля быстро собрала информацию и пришла к выводу, что на этой планете человек будет чувствовать себя замечательно. Хэдвелл набрал программу посадки и раскрыл записную книжку.

Он был писателем, автором «Белых теней в поясе астероидов», «Саги о космических далях», «Приключений межпланетного бродяги» и «Териры — планеты тайн».

«Новая планета простирается подо мной,— записал Хэдвелл,— манящая и таинственная, вызов моему воображению. Что найду на ней я, межзвездный скиталец? Какие странные тайны скрывает ее пышный зеленый покров? Что ждет меня? Опасность? Любовь? Исполнение желаний? Найдет ли на ней покой усталый искатель приключений?»

Ричард Хэдвелл — высокий, худощавый, рыжеволосый молодой человек — унаследовал от отца солидное состояние и вложил его в космическую шхуну класса СС. Путешествуя в этом потрепанном кораблике вот уже шесть лет, он писал восторженные книги о местах, где ему довелось побывать. Но восторг этот был фальшивым, потому что чужие планеты щедро одарили его лишь разочарованием.

Как оказалось, аборигены повсюду на удивление тупы и поразительно уродливы. Питаются они какой-то дрянью, а в общении просто невыносимы. Тем не менее Хэдвелл писал о романтических приключениях и не терял надежды когда-нибудь пережить написанное наяву.

На этой прекрасной тропической планете городов не оказалось. Корабль уже садился неподалеку от деревушки, где стояли крытые соломой хижины.

«Может, здесь я найду то, что искал?» — подумал Хэдвелл, когда корабль начал резкое торможение.

В тот день на рассвете Катага вместе с дочерью Меле перешел реку по сплетенному из лиан мостику, направляясь к Зубчатой Горе собирать цветки фрага. Нигде на Игати фраг не цветет столь обильно, как у подножия Зубчатой Горы. Да и может ли быть иначе, ведь это священная гора Фангукари, улыбающегося бога.

Ближе к полудню к ним присоединился Брог, юноша с туповатой физиономией, которого редко интересовало что-либо, кроме собственной персоны.

Высокую и стройную Меле не оставляло предчувствие, что должно случиться нечто очень важное. Она работала словно во сне, двигаясь медленно и мечтательно, а ее длинные черные волосы развевал ветер. Знакомые предметы виделись с удивительной ясностью и казались наполненными новым смыслом. Она бросила взгляд на деревню — кучку крошечных хижин по ту сторону реки — и с любопытством посмотрела дальше, на Вершину, где совершались все игатийские свадьбы, и виднеющееся за ней нежно расцвеченное море.

Меле слыла прелестнейшей девушкой на Игати, что признавал даже старый жрец. Она мечтала о жизни, наполненной захватывающими приключениями, но дни в деревне сменялись с удручающей монотонностью, и ей оставалось лишь собирать цветки фрага под горячими лучами двух солнц. Меле вовсе не считала такое положение дел справедливым.

Ее отец работал энергично, что-то напевая себе под нос. Он знал, что цветки эти скоро перебродят в большом чане, жрец Лаг пробормочет над напитком необходимые молитвы и прольет малую толику перед изображением Фангукари. И когда с формальностями будет покончено, вся деревня, включая собак, приступит к грандиозной попойке.

От таких мыслей работа шла веселее. Между делом Катага принялся обдумывать тонкий и опасный план, который в случае успеха сильно поднял бы его престиж. Подобные размышления тоже были приятны.

Брог выпрямился, вытер лицо концом набедренной повязки и взглянул на небо — не собирается ли дождь.

— Эй! — крикнул он.

Катага и Меле тоже посмотрели на небо.

— Туда! — взвизгнул Брог.— Туда смотрите!

Прямо над их головами медленно снижалось серебристое пятнышко, окруженное сполохами красного и зеленого пламени. Оно росло на глазах, превращаясь в сверкающий шар.

— Пророчество! — благоговейно прошептал Катага.— Наконец-то... после стольких столетий ожидания!

— Скорее в деревню! — воскликнула Меле.

— Подождите,— остановил их Брог. Его лицо стало пунцовым от смущения, он нервно ковырял землю пальцем ноги.— Я первый его увидел, верно ведь?

— Ты — кто же еще? — нетерпеливо подтвердила Меле.

— А раз я его первым увидел,— продолжил Брог,— и тем самым сослужил деревне важную службу, как по-вашему... достаточно ли этого...

Брог хотел того, о чем мечтал каждый игатиец, ради чего работал и о чем молился, и ради чего люди поумнее, вроде Катаги, задумывали хитроумные планы. Но произносить желаемое вслух считалось неприличным. Впрочем, Меле и Катага все поняли.

— Как ты считаешь? — спросил Катага дочь.

— Полагаю, он *заслуживает* кое-чего.

Брог возбужденно потер руки:

— Послушай, Меле... ты не сделаешь это сама?

— Но окончательное решение должен принять жрец,— напомнила Меле.

— Пожалуйста! — взмолился Брог.— А вдруг Лаг решит, будто я не готов? Прошу тебя, Катага! Сделай это сам!

Катага посмотрел на застывшее лицо Меле и вздохнул:

— Прости, Брог. Будь мы с тобой одни... Но Меле всегда очень строго соблюдала обычаи. Пусть решает жрец.

Брог огорченно кивнул. Тем временем сверкающий шар опустился еще ниже, направляясь к ровной долине возле деревни. Трое игатийцев подхватили мешки с цветками фрага и заторопились домой.

Когда они дошли до переброшенного через бурную реку подвесного мостика, Катага пропустил вперед Брога, затем Меле. Потом двинулся следом, вынув небольшой кинжал, спрятанный до поры до времени в набедренной повязке.

Как он и ожидал, Меле и Брог не стали оборачиваться — все их внимание уходило на то, чтобы удержать равновесие на этой шаткой, раскачивающейся конструкции. Дойдя до середины мостика, Катага провел пальцами по главному канату и нащупал небольшой разрыв, обнаруженный несколько дней назад. Он быстро полоснул по нему ножом и ощутил, как разошлись волокна. Еще надрез-другой, и канат не выдержит веса человека.

Пока достаточно. Весьма довольный собой, Катага сунул кинжал обратно в набедренную повязку и стал догонять Меле и Брога.

Новость всполошила деревню. Весть о великом событии передавалась из уст в уста, и перед святилищем Инструмента

начались импровизированные танцы. Но тут же прекратились, едва из храма Фангукари, прихрамывая, вышел старый жрец.

За долгие годы службы лицо высокого тощего Лага приобрело сходство с благосклонно улыбающимся изображением божества, которому он поклонялся. Его лысую голову венчала украшенная перьями корона жреческой касты. Он тяжело опирался на священный черный жезл.

Его тут же окружила толпа. Рядом со жрецом, с надеждой потирая руки, но не решаясь настаивать на награде, стоял Брог.

— Народ мой,— сказал Лаг,— древнее пророчество Игати свершилось. Как и предсказывала легенда, с небес спустился огромный сверкающий шар. Внутри его, как повествует легенда, окажется существо, похожее на нас, и то будет посланец Фангукари.

Все закивали, не сводя с Лага восхищенных глаз.

— Посланник совершит множество добрых дел — таких, которых еще не видывал никто. И когда он закончит и потребует отдыха, его будет ждать заслуженная награда.

Голос Лага упал до вдохновенного шепота.

— Этой наградой станет то, к чему стремится каждый игатиец, о чем мечтает, о чем молится. Им станет последний дар, который Фангукари шлет тем, кто хорошо служит ему и деревне.

Жрец повернулся к Брогу.

— Ты, Брог,— сказал он,— был первым, кто увидел посланца. Ты хорошо послужил деревне.

Жрец воздел руки:

— Друзья! Считаете ли вы, что Брог должен получить награду, которой жаждет?

Большинство согласилось с тем, что должен. Но тут с недовольным видом вперед выступил богатый купец Васси.

— Это несправедливо,— сказал он.— Мы все работаем для этого долгие годы и делаем богатые пожертвования храму. Брог сделал недостаточно даже для того, чтобы заслужить саму награду. К тому же он низкого происхождения.

— Твои доводы сильны,— согласился жрец. Брог громко простонал.— Но,— продолжил он,— щедрость Фангукари простирается не только на благородных. Даже самый ничтожный может на нее надеяться. И если Брог не будет достойно вознагражден, то не потеряют ли надежду остальные?

Люди одобрительно зашумели, а глаза Брога увлажнились от благодарности.

— На колени, Брог,— велел жрец, и лицо его словно осветилось любовью и добротой.

Брог опустился на колени. Толпа затаила дыхание.

Лаг замахнулся массивным жезлом и изо всех сил обрушил его на череп Брога. То был хороший удар, нанесенный опытной рукой. Брог рухнул, дернулся и замер. Выражение счастья на его лице не поддавалось описанию.

— Как это было прекрасно,— завистливо пробормотал Катага.

Меле сжала руку отца:

— Не волнуйся, папа. Настанет день, и ты тоже получишь свою награду.

— Надеюсь,— ответил Катага.— Но как я могу быть в этом уверен? Вспомни Рии. Не жил еще другой столь же добрый и набожный человек. Бедный старик всю жизнь работал и молил Бога о насильственной смерти. О *любой* насильственной смерти! И что же? Он скончался во сне! Разве такой смерти он был достоин?

— Всегда можно найти одно-другое исключение.

— Могу назвать хоть дюжину других.

— Постарайся не беспокоиться об этом, отец. Я знаю, что твоя смерть будет прекрасна, как у Брога.

— Да, да... Но если подумать, то Брог умер так *просто*.— Глаза Катаги вспыхнули.— Мне хотелось бы чего-нибудь по-настоящему великого, мучительного, сложного и восхитительного. Вроде того, что ожидает посланца.

Меле отвернулась.

— Ты слишком многого хочешь, папа.

— Верно, верно,— пробормотал Катага.— Ладно, когда-нибудь...

И он еле заметно улыбнулся. То будет великий день! Умный и смелый человек берет судьбу в свои руки и устраивает себе насильственную смерть, а не влачит дни в покорном ожидании, пока про него вспомнит слабоумный жрец. Называйте это ересью, обзывайте как угодно, но внутренний голос подсказывал Катаге, что человек имеет право умереть столь мучительно и такой смертью, какой пожелает сам... если сумеет завершить задуманное.

Он вспомнил о надрезанном канате, и на душе у него потеплело. Какая удача, что он так и не научился плавать!

— Пойдем,— позвала Меле.— Пора приветствовать посланника.

И они зашагали вслед за остальными к долине, где сел сверкающий шар.

Ричард Хэдвелл откинулся на потертую спинку пилотского кресла и вытер со лба пот. Из корабля только что вышли последние туземцы, и он все еще слышал, как они смеялись и пели,

возвращаясь в деревню в вечерних сумерках. Кабина пропахла цветами, медом и вином, и ему все еще чудился отражающийся от серых металлических стен гул барабанов.

Он улыбнулся, о чем-то вспомнив, достал записную книжку и, выбрав ручку, записал:

«Прекрасна Игати, с ее могучими горами и бурными горными потоками, пляжами из черного песка, пышными джунглями и могучими цветущими деревьями в лесах».

Неплохо, подумал Хэдвелл. Сосредоточенно сжав губы, он продолжил:

«Местные жители — симпатичные гуманоиды с коричневатой кожей, гибкие и ловкие. Они приветствовали меня цветами и танцами, выказав много знаков радости и дружбы. Я легко выучил под гипнозом их язык и скоро буду чувствовать себя здесь как дома. Они добродушный и веселый народ, вежливый и учтивый, и беззаботно живут, почти не отрываясь от матери-природы. Какой урок они преподают тебе, Цивилизованный Человек!

Быстро проникаешься симпатией и к ним, и к Фангукари, их благосклонному божеству. Остается лишь надеяться на то, что Цивилизованный Человек, злой гений буйства и разрушений, не доберется сюда и не совратит этот народ с пути радостной уверенности».

Хэдвелл выбрал ручку с более тонким пером и записал:

«Есть здесь девушка по имени Меле, которая...» — Он вычеркнул строчку и написал: «Черноволосая девушка по имени Меле, несравненная красавица, подошла близко ко мне и заглянула в самую глубину моих глаз...»

Он вычеркнул и это.

Нахмурившись, он испробовал еще несколько вариантов:

«Ее ясные карие глаза обещали такую радость...»

«Ее алый ротик слегка трепетал, когда я...»

«Хотя ее нежная ручка задержалась в моей руке лишь на мгновение...»

Он смял страницу. Это эффект пяти месяцев вынужденного воздержания, решил он. Лучше вернуться к основной теме, а Меле оставить на потом.

Он написал:

«Есть немало способов, при помощи которых благожелательный наблюдатель может помочь этому народу. Но меня охватывает сильное искушение не делать *абсолютно ничего* из опасения разрушить их культуру».

Закрыв книжку, Хэдвелл посмотрел в иллюминатор на отдаленную деревню, где сейчас горели факелы. Потом снова раскрыл книжку.

«Однако их культура производит впечатление сильной и гибкой. Кое-какая помощь пойдет им только на пользу. И я им охотно помогу».

Он захлопнул книжку и убрал ручки.

На следующий день Хэдвелл принялся за добрые дела. Он обнаружил, что многие игатийцы страдают от болезней, переносимых москитами. Тщательно подобрав антибиотики, он сумел излечить почти всех — кроме самых запущенных случаев. Затем посоветовал осушить стоячие пруды, где размножались москиты.

Когда он пользовал больных, его сопровождала Меле. Прекрасная игатийка быстро освоила простейшие навыки ухода за больными, и Хэдвелл нашел, что ее помощь просто неоценима.

Вскоре в деревне позабыли обо всех серьезных болезнях. Хэдвелл завел привычку проводить дни на солнечном склоне холма неподалеку от Игати, где он отдыхал и работал над книгой.

Настал день, когда Лаг собрал жителей деревни для обсуждения важного вопроса.

— Друзья,— начал старый жрец,— друг наш Хэдвелл свершил для деревни великие благодеяния. Он вылечил наших больных, и теперь они могут жить дальше, дожидаясь дара Фангукари. Но Хэдвелл устал и отдыхает, лежа на солнце. Он ждет награды, ради которой явился к нам.

— Будет справедливо,— сказал купец Васси,— если посланец получит заслуженную награду. Пусть жрец возьмет жезл и...

— Зачем же так скупиться? — возразил Джаили, ученик жреца.— Разве посланец Фангукари не заслужил смерти получше? Он достоин большего, чем жалкий удар жезла! Гораздо большего!

— Ты прав,— подумав, признал Васси.— А раз так, то не загнать ли ему под ногти отравленные шипы?

— Может, такая смерть достаточно хороша для купца,— заметил каменотес Тгара,— но не для Хэдвелла. Он заслуживает смерти, достойной вождя! Я вот что придумал. Надо его связать, развести под пятками медленный огонь и постепенно...

— Погодите,— вмешался Лаг.— Посланник заслужил смерть Адепта. И поэтому его следует осторожно и крепко взять, отнести к ближайшему большому муравейнику и закопать в нем по самую шею.

Раздались крики одобрения.

— И все время, пока он будет кричать,— добавил Тгара,— мы будем бить в старинные ритуальные барабаны.

— И танцевать в его честь,— сказал Васси.

— И пить за него сколько влезет,— добавил Катага.

Все согласились, что это будет великолепная смерть.

Итак, детали были обговорены и время назначено. Деревню охватил религиозный экстаз. Хижины украсили цветами — все, кроме Храма Инструмента, который обычай запрещал украшать. Женщины смеялись и пели, подготавливая поминки. И лишь Меле непонятно почему охватила печаль. Опустив голову, она прошла через всю деревню и начала медленно подниматься на холм к Хэдвеллу.

Раздевшись до пояса, Хэдвелл нежился под лучами двух солнц.

— Привет, Меле,— сказал он.— Я слышал барабаны. Что-то намечается?

— Будет праздник,— ответила Меле, присаживаясь рядом.

— Чудесно. Если я загляну, возражений не будет?

Меле посмотрела на него и медленно кивнула. Посланец вел себя строго в соответствии со старинным ритуалом, согласно которому человек делал вид, будто собственные поминки не имеют к нему никакого отношения. У ее соплеменников на такое обычно не хватало духу. Но посланец Фангукари, конечно же, способен соблюдать обычаи строже всех остальных.

— Скоро начнется?

— Через час.

Еще совсем недавно она разговаривала с ним свободно и откровенно, но теперь у нее было тяжело на сердце, а она не понимала причины. Меле робко взглянула на его непривычно яркую одежду и рыжие волосы.

— Приятная новость,— пробормотал Хэдвелл.— Да, очень приятная...— сказал он еще тише.

Полуприкрыв глаза, он любовался прекрасной игатийкой, строгими линиями ее шеи и плеч, черными прямыми волосами и почти физически ощущал исходящий от нее аромат трав. Хэдвелл нервно сорвал травинку.

— Меле,— выдавил он,— я...

Слова замерли у него на губах. Охваченная внезапным порывом, Меле бросилась в его объятия.

— О Меле!

— Хэдвелл!— воскликнула она, прильнув к нему, но тут же резко отстранилась и посмотрела на него с тревогой.

— Что с тобой, милочка? — спросил Хэдвелл.

— Хэдвелл, можешь ли ты еще хоть что-нибудь сделать для деревни? Что угодно. Мой народ будет тебе очень благодарен.

— Конечно, могу. Но куда торопиться? Сперва неплохо и отдохнуть.

— Нет! Прошу тебя! — взмолилась Меле.— Помнишь, ты говорил об оросительных канавах? Ты можешь приняться за них прямо сейчас?

— Ну, если ты просишь... Но...

— О мой дорогой!

Меле вскочила. Хэдвелл протянул к ней руки, но она увернулась.

— Некогда! Я должна как можно скорее передать эту новость всей деревне!

Она убежала, а Хэдвеллу осталось лишь удивляться странным нравам туземцев и особенно туземок.

Примчавшись в деревню, Меле нашла жреца в храме, где тот молился о ниспослании ему мудрости. Она быстро рассказала ему о новых планах Божьего посланца.

Старый жрец медленно кивнул:

— Церемонию придется отложить. Но скажи мне, дочь моя, почему именно ты сообщила мне новость?

Покраснев, Меле промолчала.

Жрец улыбнулся, но его лицо тут же снова стало суровым.

— Понимаю. Но прислушайся к моим словам, девочка,— не позволяй любви отвратить тебя от великой мудрости Фангукари и от соблюдения наших древних обычаев.

— У меня и в мыслях такого не было! Я просто почувствовала, что смерть Адепта для Хэдвелла недостаточно хороша. Он заслуживает большего! Он заслуживает... Ультимата!

— Вот уже шестьсот лет ни один человек не оказался достоин Ультимата,— сказал Лаг.— Никто — с тех самых пор, как герой и полубог В'Ктат спас игатийцев от жутких хуэльв.

— Но у Хэдвелла душа героя! — воскликнула Меле.— Дай ему время, пусть старается! Он докажет!

— Может, и так,— задумчиво отозвался жрец.— Это стало бы величайшим событием для нашей деревни... Но подумай, Меле, ведь на это может уйти вся его жизнь!

— А разве не стоит подождать *такого?* — спросила она.

Старый жрец стиснул жезл и задумчиво нахмурил лоб.

— Может, ты и права,— медленно произнес он.— Да, наверное, права.— Он неожиданно выпрямился и пристально посмотрел на Меле.— Но скажи мне правду, Меле. Ты действительно желаешь сохранить его для Ультимата? Или всего лишь для себя?

— Он должен умереть такой смертью, какой достоин,— произнесла она безмятежно — и отвела взгляд в сторону.

— Хотел бы я знать,— сказал старик,— что таится в твоем сердце. Мне кажется, ты в опасной близости к ереси, Меле. Ты, которая всегда была в вопросах веры одной из самых достойных.

Меле уже собралась ответить, но тут в храм ворвался купец Васси.

— Скорее! — закричал он.— Иглаи нарушил *табу!*

Толстый веселый фермер умер ужасной смертью. Он шел, как обычно, от своей хижины к центру деревни мимо старого дерева-колючки, и оно неожиданно рухнуло прямо на него. Колючки пронзили его насквозь. Очевидцы рассказывали, что прежде, чем испустить дух, он стонал и корчился целый час.

Но умер он с улыбкой на лице.

Жрец всмотрелся в толпу, окружившую тело Иглаи. Некоторые украдкой улыбались, прикрывая рты руками. Лаг подошел к дереву и присмотрелся. По окружности ствола были заметны слабые следы пилы, замазанные глиной. Жрец обернулся к толпе.

— Иглаи часто видели возле этого дерева? — спросил он.

— Чаще и не бывает,— ответил другой фермер.— Почитай, каждый день под ним обедал.

Теперь многие заулыбались открыто, гордясь проделкой Иглаи и обмениваясь шуточками.

— А я-то все гадал, чем ему это дерево приглянулось?

— А он не любил есть в компании. Говорил, что в одиночку в него больше влазит.

— Ха!

— А сам потихонечку подпиливал.

— Считай, несколько месяцев ухлопал. Дерево-то твердое.

— Да, котелок у него варил.

— Дайте мне сказать! Он был всего лишь фермер, и никто не назвал бы его набожным. Но помер он славной смертью.

— Послушайте, добрые люди! — крикнул Лаг.— Иглаи совершил кощунство! Только священник имеет право даровать кому-либо насильственную смерть!

— А какое жрецу дело до того, чего он не видел? — пробормотал кто-то.

— Подумаешь, кощунство,— добавил другой.— Иглаи устроил себе великолепную смерть. *Вот* что важно.

Старый жрец опечаленно отвернулся. Сделанного не вернешь. Если бы он вовремя поймал Иглаи, то фермеру бы не поздоровилось. Иглаи никогда бы не осмелился повторить попытку и умер бы, скорее всего, тихо и мирно у себя в постели в преклонном возрасте. Но сейчас уже слишком поздно.

Иглаи ухватил свою смерть за хвост и на ее крыльях уже, наверное, добрался до Рукечанги. А просить Бога наказать Иглаи после смерти бесполезно, потому что этот хитрец и на том свете выкрутится.

— Неужели никто из вас не видел, как Иглаи подпиливал дерево? — спросил Лаг.

Если кто и видел, все равно не признается. Лаг знал, что все они друг друга покрывают. Несмотря на все проповеди, которыми он пичкал жителей деревни с самого раннего детства, они упорно пытались перехитрить жрецов.

И когда только до них дойдет, что незаконная смерть никогда не принесет такого удовлетворения, как смерть заслуженная, заработанная и обставленная священными церемониями?

Он вздохнул. Временами жизнь становится так тяжела.

Через неделю Хэдвелл записал в дневнике:

«Такого народа, как эти игатийцы, я еще не встречал. Сейчас я живу с ними, вместе с ними ем и пью, наблюдаю их обряды. Я знаю и понимаю их. И правда об этом народе просто поразительна, если не сказать больше.

Невероятно, но *игатийцы не знают, что такое война!* Только представь это, Цивилизованный Человек! Никогда за всю свою историю они не воевали. Они даже не понимают, что это такое. Приведу пример.

Как-то я попытался объяснить суть войны Катаге, отцу несравненной Меле. Он почесал голову и спросил:

— Говоришь, это когда много одних людей убивают еще больше других людей? Это и есть война?

— Часть ее,— ответил я.— Когда тысячи одних убивают тысячи других.

— В таком случае,— заметил Катага,— многие умрут одновременно и одной смертью?

— Верно,— согласился я.

Он долго раздумывал, потом повернулся ко мне и сказал:

— Плохо, когда много людей умирает в одно время и одинаково. Никакого удовольствия. Каждый должен умереть своей собственной смертью.

Оцени, Цивилизованный Человек, невероятную наивность такого ответа. Но все же подумай и о несомненной правде, которая кроется под этой наивностью. Правде, которую неплохо бы осознать всем.

Более того, эти люди не ссорятся между собой, у них нет ни кровной вражды, ни преступлений из ревности, ни убийств.

И вот к какому выводу я пришел: этот народ *не знает* насильственной смерти — за исключением, разумеется, несчастных случаев.

Как жаль, что они происходят здесь столь часто и почти всегда со смертельным исходом. Но я приписываю это дикости окружающей природы и беспечному характеру этих людей. Ни одно из таких происшествий не остается без внимания. Жрец, с которым у меня установились неплохие отношения, удручен их частотой и постоянно предупреждает народ, призывая его к осторожности.

Он хороший человек.

А теперь запишу самую свежую, самую чудесную новость. (Хэдвелл глуповато ухмыльнулся, немного помедлил и снова склонился над дневником.)

Меле согласилась стать моей женой! Церемония начнется, как только я закончу эти записи. Празднества уже начались, и к пирушке все готово. Я самый счастливый человек на свете, потому что Меле — красивейшая из девушек. А также и самая необычная.

Она очень заботится о других. Возможно, даже *слишком*. Она все время настаивала, чтобы я продолжал что-нибудь делать для деревни. И я многое сделал. Я закончил для них оросительную систему, научил выращивать несколько быстрорастущих съедобных растений, показал основы обработки металлов и многое другое — слишком долго перечислять. А она хотела, чтобы я делал еще и еще.

Но с меня хватит. У меня есть право на отдых. Хочу провести долгий томный медовый месяц, а потом годик поваляться на солнышке, заканчивая книгу.

Меле никак не может этого понять и упорно твердит, что я *должен* продолжать работать. И еще она говорит о какой-то церемонии, связанной с "Ультиматом" (если я правильно перевел это слово).

Но я сделал достаточно. Я отказываюсь работать — как минимум ближайший год или два.

Церемония "Ультимат" начнется сразу после нашей свадьбы. Полагаю, это какая-то высокая почесть, которой этот простой народ желает меня одарить. И я на нее согласился.

Наверное, будет очень интересно».

Все жители деревни, возглавляемые старым жрецом, направились к Вершине, где совершались все игатийские свадьбы. Мужчины украсили себя церемониальными перьями, а женщины надели ожерелья из ракушек и разноцветных камешков. Четверо дюжих мужчин в середине процессии тащили ка-

кую-то странную конструкцию. Хэдвеллу удалось бросить на нее лишь мимолетный взгляд, но он знал, что ее после торжественной церемонии вынесли из ничем не украшенной хижины с крышей, крытой черной соломой,— какого-то храма.

На шатком плетеном мостике процессия вытянулась цепочкой. Замыкавший шествие Катага еле заметно улыбнулся и снова украдкой провел ножом по надрезанному канату.

Вершина оказалась узким выступом черной скалы, нависающим над морем. Хэдвелл и Меле стали на краю, лицом к жрецу. Едва Лаг воздел руки, все затаили дыхание.

— О великий Фангукари! — воскликнул жрец.— Возлюби этого человека Хэдвелла, посланца своего, явившегося к нам с небес в сверкающем шаре и свершившего для Игати столько, сколько не делал еще никто. И возлюби дочь свою, Меле. Научи ее любить память о своем муже — *и оставаться преданной вере своего племени.*

При этих словах жрец многозначительно посмотрел на Меле. И Меле, высоко подняв голову, ответила ему тем же.

— И объявляю я вас,— произнес жрец,— мужем и женой.

Хэдвелл заключил жену в объятия и поцеловал. Люди радостно закричали. Катага лукаво ухмыльнулся.

— А теперь,— сказал жрец, постаравшись придать голосу как можно больше радушия,— я хочу сообщить тебе приятное известие, Хэдвелл. Великое известие!

— Вот как? — отозвался Хэдвелл, неохотно отпуская законную супругу.

— Мы оценили твои дела,— сказал Лаг,— и нашли, что ты достоин... Ультимата!

— Что ж, спасибо,— сказал Хэдвелл.

Жрец взмахнул рукой. Четверо вынесли тот самый странный предмет. Только теперь Хэдвелл смог разглядеть, что это платформа размером с большую кровать, изготовленная из какого-то древнего на вид дерева. К ней были приделаны всевозможные клинья, крюки, заостренные раковины и острые шипы. Имелись и пока пустые чаши, и многочисленные приспособления странной формы, о назначении которых Хэдвелл так и не смог догадаться.

— Вот уже шесть веков,— сказал Лаг,— Инструмент не выносили из Храма. Шесть веков со времен героя-бога В'Ктата, в одиночку спасшего народ Игати от уничтожения. И вынесли его ради тебя, Хэдвелл.

— Нет, я не достоин подобной чести,— сказал Хэдвелл.

Толпа одобрительно загудела, оценив его скромность.

— Поверь мне,— искренне произнес Лаг,— ты *достоин.* Принимаешь ли ты Ультимат, Хэдвелл?

Хэдвелл взглянул на Меле, но не смог понять выражение ее прекрасного лица. Потом перевел взгляд на жреца. Лицо Лага было бесстрастным. Толпа хранила гробовое молчание. Хэдвелл посмотрел на Инструмент. Чем-то он ему не понравился. В его голове начало зарождаться сомнение.

Может, он неправильно оценил этих людей? В некие древние времена Инструмент явно использовали для пыток. Эти клинья и крючки... Но для чего предназначены остальные детали? Напряженно размышляя, Хэдвелл постарался представить — и содрогнулся. Толпа перед ним сбилась в плотную массу. За спиной узкий выступ скалы и трехсотметровый обрыв. Хэдвелл снова посмотрел на Меле.

Выражение любви и преданности на ее лице было несомненным.

Взглянув на жителей деревни, он увидел, как они за него переживают. Да что он, собственно, разволновался? Разве могут они причинить ему зло после всего, что он для них сделал?

Наверняка Инструмент имел чисто символическое применение.

— Я принимаю Ультимат,— сказал Хэдвелл жрецу.

Толпа завопила, и ее восторженный рев эхом разнесся по горам. Его тут же обступили, улыбались, пожимали руки.

— Церемония свершится сразу же,— объявил жрец.— В деревне, перед статуей Фангукари.

Все тут же направились обратно. Впереди шел жрец, а Хэдвелл с женой в середине. Меле с самого начала так и не произнесла ни слова.

Все молча прошли по качающемуся мостику. На другом берегу туземцы еще плотнее обступили Хэдвелла, что вызвало у него легкий приступ клаустрофобии. «Не будь я убежден в их природной доброте,— подумал Хэдвелл,— обязательно бы встревожился».

Впереди показались деревня и алтарь Фангукари. Жрец торопливо направился к алтарю.

Неожиданно раздался вопль. Все обернулись и помчались к мостику.

На берегу Хэдвелл увидел, что произошло. Катага шел последним, и когда он добрался до середины, центральный канат неожиданно оборвался. Катага успел ухватиться за обрывок более тонкого каната, но продержался недолго. Все увидели, как его руки ослабели, разжались и он упал в реку.

Хэдвелл застыл, потрясенный увиденным. Ясно, словно в кошмарном сне, он видел, как летит вниз Катага с храброй улыбкой на губах, как бурлит вода, покрывая белой пеной острые камни.

Беднягу ждала верная и жуткая смерть.

— Он умеет плавать? — спросил Хэдвелл жену.

— Нет,— ответила Меле.— Он отказался учиться. Ах, отец! Как ты мог!

Бешеный поток пугал Хэдвелла даже больше, чем пустота космоса. Но отец его жены в опасности. Надо действовать.

И он бросился вниз головой в ледяную воду.

Катага почти потерял сознание, когда до него добрался Хэдвелл, так что ему повезло и игатиец не стал сопротивляться, когда Хэдвелл схватил его за волосы и отчаянно устремился к ближайшему берегу. Близкому, но недостижимому. Поток уносил их вдаль, то окуная с головой, то вышвыривая на поверхность. Отчаянным усилием Хэдвелл ухитрился избежать торчавших из-под воды скал. Но впереди виднелись новые.

Туземцы с криками бежали вдоль берега. Быстро теряя силы, Хэдвелл снова устремился к берегу. Его ударило о подводный камень, и пальцы, вцепившиеся в волосы Катаги, начали слабеть. Игатиец немного пришел в себя и стал сопротивляться.

— Не сдавайся, старина,— выдохнул Хэдвелл.

Мимо проносился берег. Их протащило всего метрах в трех, потом отнесло снова.

Вложив остаток сил в последнее отчаянное усилие, он ухватился за нависшую над водой ветку и сумел продержаться, борясь с бешеным потоком, пока туземцы со жрецом во главе не вытащили их на берег.

Их отнесли в деревню. Отдышавшись, Хэдвелл повернулся к Катаге и слабо улыбнулся.

— Еле вывернулись, старина,— сказал он.

— Подлец! — процедил Катага, плюнул на Хэдвелла и зашагал прочь.

Спаситель уставился ему вслед, недоуменно почесывая затылок.

— Должно быть, головой обо что-то стукнулся,— заметил он.— Ну, так что там с Ультиматом?

Туземцы угрожающе надвинулись на него.

— Ишь, Ультимата ему захотелось!

— Какова скотина!

— Вытащил бедного Катагу из воды, и еще наглости хватает...

— Своему же тестю полез жизнь спасать!

— Такая свинья,— подвел итог купец Васси,— даже и мечтать о смерти права не имеет, будь он проклят!

Хэдвеллу показалось, что все они внезапно сошли с ума. Он немного неуверенно поднялся и обратился к жрецу:

— Что это с ними?

Лаг пристально вгляделся в него преисполненным скорби взором, сжал губы так, что они побелели, и промолчал.

— Разве церемонии не будет? — уныло спросил Хэдвелл.

— Ты действительно *заслужил* ее,— ответил жрец.— Если кто и заслуживал Ультимата, так это ты, Хэдвелл. На мой взгляд, ты должен был получить свое, хотя бы просто из справедливости. Но сейчас речь идет о чем-то большем, чем абстрактная справедливость. Это принципы милосердия и сострадания, которые дороги Фангукари. Если исходить из них, то ты, Хэдвелл, совершил ужасный и бесчеловечный поступок, вытащив из реки несчастного Катагу. Боюсь, простить тебя невозможно.

Хэдвелл потерял дар речи. Очевидно, существовал запрет спасать упавших в воду. Да откуда же ему было о нем знать? И неужели такая мелочь способна перевесить все, что он для них сделал?

— Но хоть *какой-то* церемонии я достоин? — взмолился он.— Я люблю ваш народ, я хочу жить с вами. Наверняка можно что-то сделать.

Глаза старого жреца затуманились от сострадания. Он покрепче ухватил жезл и начал его поднимать.

Но его остановил рев возмущенной толпы.

— Тут я бессилен,— признался жрец.— Покинь нас, фальшивый посланец. Покинь нас, о Хэдвелл,— ты не заслуживаешь даже смерти!

— Ну и ладно! — рявкнул Хэдвелл, внезапно разозлившись.— Черт с вами, грязные дикари. Ноги моей здесь больше не будет, хоть на коленях просите. Ты со мной, Меле?

Девушка нерешительно заморгала, посмотрела на Хэдвелла, потом на жреца. Наступила мертвая тишина.

— Помни о своем отце, Меле,— негромко произнес Лаг.— Помни о вере своего народа.

Меле гордо задрала маленький подбородок.

— Я знаю, каков мой долг,— заявила она.— Пойдем, дорогой Ричард.

— Вот и хорошо,— отозвался Хэдвелл и зашагал вместе с Меле к кораблю.

Старый жрец с отчаянием смотрел им вслед.

— Меле! — крикнул он дрогнувшим голосом.

Но Меле не обернулась. Лаг увидел, как она вошла в корабль. Захлопнулся люк.

Через несколько минут серебристую сферу окутало красное и голубое пламя. Шар поднялся, набрал скорость, превратился в пятнышко и исчез.

По щекам смотревшего в небо жреца катились слезы.

Несколько часов спустя Хэдвелл сказал:

— Дорогая, я отвезу тебя на Землю, свою родную планету. Тебе там понравится.

— Знаю, что понравится,— прошептала Меле, глядя в иллюминатор на сверкающие точки звезд.

Где-то среди них был и ее дом, потерянный для нее навсегда. Она уже затосковала по нему, но другого выбора не было. По крайней мере, для нее. Женщина всегда идет вслед за мужчиной, которого любит. И женщина, любящая горячо и искренне, никогда не потеряет веры в своего мужа.

А Меле верила в Хэдвелла.

Она нащупала укрытый в ее одежде крошечный кинжал в ножнах. Кончик его был смазан ядом, вызывающим особо мучительную и медленную смерть. Это была ее семейная реликвия, которой можно было воспользоваться лишь тогда, когда поблизости нет жреца, и только ради того, кого любишь больше всего.

— Нечего терять время даром,— сказал Хэдвелл.— С твоей помощью я совершу великие дела. Ты будешь гордиться мною, милая.

Меле знала, что он говорит искренне. Когда-нибудь, подумала она, Хэдвелл искупит грех, который он совершил по отношению к ее отцу. Он обязательно совершит нечто великое. Быть может, сегодня, а может, завтра или в следующем году. И тогда она подарит ему самое большое сокровище, которым женщина может одарить мужчину.

Мучительную смерть.

Заповедная зона

— Славное местечко, правда, капитан? — с нарочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в иллюминатор.— С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано,— ответил капитан Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

— Но, капитан...

— Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же свежей, как два дня назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветьями коричневый лес. Левее вставали холмы, в их окрасе перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибавили ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказаться от этого недоверия.

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Моринея — нетерпение. Килпеппер услыхал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Килпеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявляли. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно,— с огорчением сказал Килпеппер. Отчеты вызывали у него неясную тревогу. По опыту он знал — с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

— Может, нам выйти, сэр? — стоя навытяжку, спросил коротышка Мориней.

Килпеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю.— Килпеппер почесал в затылке, пытаясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно.— Хорошо,— сказал он наконец.— Покуда выставьте полную охрану. Выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — и помощник капитана выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти,— сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно,— устало ответил Килпеппер.— Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко, с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука,— сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная? — спросил, подходя, Килпеппер.

— А вот посмотрите.— Худощавый биолог поднял травинку повыше.— Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, поглядим...— он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — астронавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из леса и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в вышину, но на коротких и толстых бегемотьих ногах. У него была веселая, приветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — крикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился, крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музицировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эрейми достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно,— сказал Килпеппер.— Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть,— сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться,— сказал Килпеппер ученым.

— Разумеется,— ответил Симмонс.— Никогда не видел ничего подобного.

Килпеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влетел в рубку.— Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

— Слушаю, сэр,— Мориней широко улыбнулся.— Приветливый тут народ, правда, сэр?

— Да,— сказал Килпеппер.

— Славная планетка,— продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Килпеппер сел и принялся гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан? — спросил Симмонс.— Хочу показать вам кое-что в лесу.

Килпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та — все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

— Ну вот,— сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением,— поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж,— сказал Килпеппер,— тут не заблудишься.

— Не в том дело,— сказал Симмонс.— Смотрите еще.

Килпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него — куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

— Тут нет подлеска,— сказал Килпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многочисленных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно? — нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски,— сказал Килпеппер.— А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие — на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов,— наугад сказал Килпеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве — необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает,— сказал Симмонс.— Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете? — спросил Килпеппер.

— Я-то объяснять не обязан,— усмехнулся биолог.— А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес? — спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы, я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпеппера не удивило, что биолог на досуге занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих астронавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножия невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору? — со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит,— Мориней ткнул пальцем в циферблат.— Прибор показывает, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины,— сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикировали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недальнего леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк! — сказал он.

— Ага,— подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился:

— Смотри-ка!

У подножия холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешно спустились с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой вышине?

— Как по-твоему далеко до этих облаков? — спросил он.

Флинни задрал голову:

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука,— сказал Мориней.— Любопытно, какая сила сжатия в этой махине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж,— сказал Флинн,— буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Моринея. Следующие три снимка он сделал, направив объектив кверху.

— По-твоему, что это такое? — спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают,— сказал Флинн.— У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит.— И опять взвалил камеру на плечи.— А теперь надо топать обратно.— Он взглянул на зеленых с белым лошадей.— Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валяй, сломишь себе шею,— сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда,— позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и ухмыляясь потрепал Моринея.

— Смотри не расшиби аппарат,— предостерег Мориней,— это государственное имущество.

— Ты славный малый,— сказал Флинн лошади.— Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

— Увидимся в лагере,— сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку,— сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь.— Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь,— сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистой шее.— Давай к лагерю. Мориней, кто доскачет первым.

— Давай,— согласится Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Килпеппер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братнину терпению. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз,— сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета,— сказал Эреймик и показал пальцем.— Планета.

Подошел Симмонс:

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Килпеппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета,— повторил Эреймик.

— Элам весел холам крам,— приветливо пробормотал бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно, что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

— Животное,— сказал он и посмотрел выжидательно.

— Придержи его, чтоб не шевелился,— попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат — Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное,— с надеждой повторил Эреймик.

— Ифул бифул бокс,— сказало животное.— Хофул тофул локс, рамадан, самдуран, ифул бифул бокс.

Терпение, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один,— сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

— Два,— сказал он. И, выставив третий палец: — Три.

— Углекс,— неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один,— еще раз сказал Эреймик и опять показал указательным пальцем.

— Вересеревеф,— благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один,— снова сказал Эреймик.

— Севеф хевеф улуд крам, араган, билаган, хомус драм,— запел бурундук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Килпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? — переспросил Килпеппер.

— Да, сэр,— сказал Мориней.— Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда,— распорядился капитан.— Возьмите с собой радар. Возьмите что надо для инфракрасной съемки.

Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не просохшие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожно. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Килпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего,— сказал он.— Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов,— сказал Моррисон,— и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверное, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну,— сказал Килпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны.— А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили,— сказал Моррисон.— Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует,— Килпеппер мягко повел рукой вокруг.— Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видал ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно? — Моррисон улыбнулся.— Прошу извинить, мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца были проявлены рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки,— сказал он Килпеппу.— Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит,— сказал Симмонс.— Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют,— весело сказал Симмонс.

В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришлась ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии? — спросил Симмонс.

— Нет! — выкрикнул Эреймик, но тут же смутился и покраснел.— Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может быть, у них совсем отсутствует мозг? — предположил Килпеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. У них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им ни говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам надо поужинать,— сказал капитан.— И пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков ученые несколько пришли в себя и смогли наконец рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов — явление из ряда вон выходящее — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полумили, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится? — спросил Килпеппер.

— У меня есть теория,— сказал Моррисон.— Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем? — спросил Килпеппер.

— Вот в этом-то и красота,— мечтательно сказал Морриссон.— Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, игривые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и резвиться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво,— сказал Килпеппер, сдерживая усмешку.— Но...

— Здешний народ — напоминание,— продолжал Морриссон.— Весть всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место,— возразил Симмонс.— Эти животные не могли развиться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно,— мечтатель в Мориссоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение.— Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение,— сказал Симмонс.— Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева? — спросил Моррисон.

— Почем я знаю, черт возьми? — сказал Симмонс.

— И где эти хозяева живут? — спросил Килпеппер.— Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги? — безжалостно спросил Моррисон.— И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт,— сказал Симмонс.

— Что они могут наблюдать на такой высоте? — спросил Моррисон.— Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака,— заметил Симмонс.

— Я иду спать,— с отвращением сказал капитан.

Наутро Килпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну а сам-то он что думает? Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка,— заметил Килпеппер.

— Я сдаюсь,— сказал Эреймик.— Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Килпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

— Что случилось с нашими приятелями? — спросил Килпеппер.

— Не знаю,— сказал Симмонс.— Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

— Странно,— сказал Симмонс.— Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни,— сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О Господи,— кинулся к ним Симмонс.— Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина,— сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел.— Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А сколько мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро.— Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька.— Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр,— задыхаясь, начал он.— Там у водопада... животные...

— Знаю,— сказал Килпеппер — Верните людей сюда.

— И еще, сэр,— продолжал тот.— Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер оглядеался по сторонам, он сам не знал, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овевал их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит? — беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее? — прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили? — спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне,— неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще? — спросил Килпеппер.

— Чертова колонна, сэр,— выговорил Мориней.— Она поворачивается! Этакая махина в милю вышиной, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать? — спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль,— пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль! — закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал, что к чему, и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт побери! Готовьте двигатели к пуску! — кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение,— возразил Симмонс.— Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям! — рявкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы же еще не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы,— сказал капитан, когда все вошли в корабль.— Вы что, не сообразили? Закрыть люк! Все закупорить наглухо!

— Вы имеете в виду вертящуюся колонну? — спросил Симмонс, он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал.— Что же, надо думать, какой-то высокоразвитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты,— сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке.— Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь,— сказал он.— И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единый камешек. Где полным-полно удивительных, забавных ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, незваные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче,— сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу.— В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

Запах мысли

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать,— иронически ответил Кливи.— Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор,— сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием.— Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся.— Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приемника,— сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось,— сообщил он.— По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать на карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому неведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую 3-М-22,— проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой,— протяжно прокричал в ответ Почтмейстер.— Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к тому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на 3-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но

на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежав сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза и уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли...

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волка большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль — ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

«Что же я сделал?» — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву.— Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться...»

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг... Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере, перестал думать на той длине волн, которую улавливал волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к... но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать — все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п... панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов),

обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что солнце село, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он думал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился на небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов, денек может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостом, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул ему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на ковром расстилающуюся землю.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимо-

му, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычание волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

...Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, решил Кливи. Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому намереваясь удовольствоваться остатками трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

«Ну право же,— подумал Кливи,— кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то

другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть *куст*. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода».

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

«Ну не мило ли,— подумал Кливи.— Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти».

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он пытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убежден — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, *не* стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь. Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и

вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

— ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя,— ответил Почтмейстер.— Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

— Ты был на волосок от гибели,— сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз.— Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Руками не трогать!

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

— Приближаемся к планете! — крикнул он, стараясь перекричать пронзительный свист воздуха, вырывавшегося сквозь пробитую осколком дыру в корпусе корабля.

Капитан Барнетт кивнул и приварил очередную заплату к изношенной обшивке «Индевера». Свист заметно утих, но не прекратился. Он не прекращался никогда.

Планета показалась из-за небольшого багрового солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного пространства вызвал у обоих астронавтов одну и ту же мысль.

— Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? — задумчиво проговорил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Им вряд ли удалось бы разыскать новую планету, если бы «Индевер» летел по Южногалактической трассе. Но там патрулировало слишком много кораблей федеральной полиции, а у Барнетта были серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя «Индевер» считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты, предназначавшейся для вскрытия сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти относились к подобным товарам неодобрительно и упорно пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие старые грехи — убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Самии.

В довершение всех бед новые полицейские корабли обладали большой скоростью и лучшей маневренностью, и «Индеверу» пришлось перейти на обходные маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие урановые залежи.

— Да, не густо,— прокомментировал Эйджи, с отвращением глядя на приборы.

— Можно даже не садиться,— кивнул Барнетт.

Показания датчиков разочаровывали. Незарегистрированная планета оказалась меньше Земли и, за исключением кислородной атмосферы, не имела коммерческой ценности.

Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.

— Там что-то есть,— взволнованно проговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов.— Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!

Барнетт кивнул, и корабль пошел на посадку.

Из заднего отсека вышел Виктор в шерстяной шапочке на бритой голове и глянул в иллюминатор через плечо Барнетта. Когда «Индевер» завис в полумиле над поверхностью планеты, они увидели то, что приняли за месторождение тяжелого металла.

На лесной прогалине стоял космический корабль.

— Вот это уже интересно,— протянул Барнетт и кивнул Эйджи.

Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти на пенсию, но годы никак не отразились на

профессиональных навыках пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил контракт. Капитан охотно становился альтруистом, когда это сулило выгоду.

Инопланетный корабль был крупнее «Индевера» и выглядел как новенький, но его конструкция и опознавательные знаки озадачили капитана.

— Вы видали что-нибудь подобное? — осведомился Барнетт.

Эйджи порылся в своей обширной памяти.

— Напоминает цефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей федерации.

Виктор не мог оторвать изумленного взгляда от корабля.

— Красавчик! Вот бы нам такой! — шумно вздохнул он.

Внезапная улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина на граните.

— Простак, а ведь в самую точку попал. Я об этом и думаю,— сказал он.— Пойдем потолкуем с тамошним шкипером.

Прежде чем выйти наружу, Виктор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.

Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания.

Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту.

Астронавты послали в направлении корабля приветственный сигнал, но ответа не дождались и с дежурными улыбками зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.

Вблизи корабль производил внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул — видимо, перезаряжались генераторы.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Виктор.

Его голос эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало — только глухо гудели генераторы да шелестела трава.

— Куда они могли запропаститься? — удивился Эйджи.

— Наверное, вышли подышать свежим воздухом,— предположил Барнетт.— Вряд ли они ждали гостей.

Виктор уселся на траву, а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной конструкцией.

— Справишься с ним? — спросил Барнетт.

— Думаю, да,— ответил Эйджи.— Он построен по классическим образцам. Автоматика меня не тревожит — все существа, дышащие кислородом, используют однотипные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не слишком много времени, чтобы разобраться.

— Кто-то идет! — крикнул Виктор.

Из леса, отстоящего ярдов на триста, вышла какая-то фигура и двинулась к кораблю.

Эйджи и Виктор разом выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов, шириной в фут и толщиной примерно в два дюйма. Головы у пришельца не было. Капитан нахмурился — такого он еще не видывал.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями: две, скрытые травой, служили для передвижения, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольного корпуса помещались два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

— Странный же тип, доложу я вам.— Эйджи установил на бластере прицел.— Полагаю, он прилетел в одиночку?

— Надеюсь, что да,— пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

— Дистанция двести ярдов.— Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана.— Или вы хотите сперва вручить ему визитную карточку?

— Много чести,— нехорошо усмехнулся Барнетт.— Подождем, пусть подойдет поближе.

Эйджи кивнул, не выпуская чужака из поля зрения.

Кален прилетел на эту заброшенную планету в надежде добыть хотя бы тонну-другую эрола — минерала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не довелось воспользоваться, лежала нетронутая в кармане с керловым орехом. Вместо добычи привезет на Мабог *балласт*.

«Может быть, на следующей планете посчастливится»,— думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он замер как вкопанный — неподалеку от его корабля высился чужой космический аппарат необычной конструкции.

Кален не ожидал встретить в такой глуши разумных существ вроде тех, что стояли сейчас у открытого люка его корабля. Незнакомцы имели с мабогийцами лишь весьма отдаленное сходство. Правда, одну из планет Мабогийского союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе. Наверно, он столкнулся с представителями великой цивилизации, которая, по слухам, существовала на окраине Галактики.

Радостно взволнованный такой удачей, Кален поспешил им навстречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг в надежде, что быстро найдет с этими странными, непонятными существами общий язык и что церемония знакомства не затянется слишком надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, вконец измотал его. Он очень проголодался и срочно должен был принять душ.

Внезапно что-то обжигающе-холодное отбросило его назад.

Кален тревожно огляделся по сторонам: что за сюрприз преподносит ему планета? А едва он двинулся с места дальше, в него тотчас вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых выносливых жизненных форм, у них тоже были уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него стреляли!

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он знал, что такое убийство, и не только понаслышке, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среди иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать труды по психопатологии, в которых детально описывались все случаи преднамеренного убийства в истории Мабога.

Но чтобы это произошло с ним! Кален отказывался верить себе.

Очередной заряд обжег тело. Кален не двигался, все еще пытаясь убедить себя, что ему это мерещится. Разве существа, чей разум позволяет им строить космические корабли, могут быть способны на убийство?

К тому же они даже не знают его!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и бросился к опушке. Теперь стреляли все трое незнакомцев, и замерзшая трава громко хрустела и ломалась у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как леденящий холод мало-помалу сковывает его нутро.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее.

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два снаряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на промерзлую, заиндевевшую землю и потерял сознание.

— Идиот,— пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

— Но поразительно выносливый,— сказал Барнетт.— Ни одно дышащее кислородом существо не способно выдержать

такое.— Он с гордостью посмотрел на бластер и похлопал по серебристой броне корабля.— Мы назовем его «Индевер-2».

— Да здравствует капитан! — весело гаркнул Виктор.

— Побереги глотку на будущее.— Барнетт взглянул на небо.— Через четыре часа начнет смеркаться. Виктор, перенеси провизию, кислород и инструменты на «Индевер-2» и разряди аккумуляторы на нашей развалине. Когда-нибудь мы ее отсюда вызволим. А сейчас главное — улететь до наступления темноты.

Виктор направился выполнять приказание, а Барнетт с Эйджи вошли в корабль инопланетянина.

В хвостовом отсеке «Индевера-2» размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следующий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными разноцветными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, видимо, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев — только гладкий металлический пол. В потолке и стенах виднелись небольшие прорези и отверстия непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, где с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под экраном обзора был заполнен множеством приборов.

— Все это — ваше хозяйство,— сказал Барнетт.— Приступайте к изучению.

Эйджи кивнул, опустился перед пультом на корточки и начал рассматривать приборы.

Через несколько часов Виктор перенес все вещи на борт «Индевера-2». Эйджи пока ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Нелегкая задача, даже при сходстве способов мышления. Если кнопки вспомогательной системы взлета включаются не слева направо, а наоборот, Эйджи придется заново переучиваться. Означает ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включает аварийное тормозное устройство. Но красный цвет может означать и что-то другое, например температуру...

Барнетт просунул голову в пилотский отсек. За его спиной маячил Виктор.

— Готово?

— Кажется, да.— Эйджи слегка прикоснулся к одной из кнопок.— Эта штука должна задраить люки.

Он нажал на кнопку. Виктор и Барнетт ждали, затаив дыхание.

Люки беззвучно закрылись.

Эйджи довольно ухмыльнулся.

— А это система подачи воздуха,— провозгласил он и передвинул маленький рычажок.

Из прорезей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.

«Неполадки в системе»,— забеспокоился Эйджи.

Виктор закашлялся.

— Отключай! — крикнул Барнетт.

Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока заполнил оба носовых отсека.

— Отключай же, черт возьми!

— Я не вижу пульта! — Эйджи наугад переключил какой-то тумблер. Тут же взревели генераторы, и с пульта на пол брызнул сноп голубых искр.

Эйджи отбросило в сторону, Виктор подскочил к двери грузового отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт ощупью ринулся к пульту, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.

Виктор осел на пол, царапая дверь в тщетных попытках выбраться наружу.

Барнетт вслепую двигал какие-то рычажки.

Рев генераторов неожиданно смолк, и лицо капитана освежила струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул наверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро выветрились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты. Дышать стало легче.

Виктор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и, ругаясь вполголоса, принялся делать ему искусственное дыхание. Наконец веки Эйджи дрогнули, а вскоре он совсем очнулся.

— Откуда взялся дым? — простонал Виктор.

— Боюсь, наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью,— высказал догадку Барнетт.

Эйджи покачал головой:

— Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...

— Вспомните, как он выглядел,— перебил Барнетт.— К тому же потребность в воздухе у всех различная.

— Тогда дело плохо,— уныло пробурчал Эйджи.

Астронавты переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

— Что там? — испугался Виктор и выхватил бластер.

— Помолчи! — скомандовал Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударяли железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт явственно ощутил, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к обзорному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали открытый люк «Индевера-1». Лязг доносился оттуда.

— Не может быть! — воскликнул Эйджи.— Наши бластеры...

— Не убили его,— мрачно докончил Барнетт.

— Скверно,— пробормотал Эйджи.— Очень скверно.

Виктор все еще держал бластер в руках.

— Капитан,— начал он,— может, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

— Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Виктор, что осталось на корабле? Аккумуляторы?

— Разряжены, а переходное звено у меня.

— Отлично. Значит, только кислота...

— Это мощная штука,— вмешался Эйджи.— Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

— Пожалуй,— согласился Барнетт.— И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Злого умысла здесь не было. В космическом корабле не только путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни инопланетянина и удовлетворяли его потребности. Но для землян это могло закончиться трагически.

— Знать бы, с какой он планеты,— вздохнул Эйджи.— Тогда можно было бы прикинуть, какие еще сюрпризы готовит корабль.

Они же знали только, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

— Все будет в порядке! — не слишком уверенно пообещал Барнетт.— Найди систему взлета и больше ни к чему не прикасайся.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь разгадать мысли инопланетянина, смотрел на матовый корпус своего старого корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в себя и поразился, что еще жив. Впрочем, пословица не зря гласит: «Мабогиец гибнет сразу или не гибнет вообще». Вот он и не погиб — пока. Он с трудом сел и прислонился к дереву. Красное солнце опускалось за горизонт, и воз-

дух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и до сих пор полны живительного желтого воздуха.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль, сгибаясь под тяжестью груза, вошел один из незнакомцев. Через некоторое время люки закрылись.

Значит, этот кошмар произошел в действительности! Надо смотреть в глаза жестокой правде. Кален чувствовал острую потребность в пище и воздухе. Его наружная оболочка высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. А у него был с собой один-единственный красный керловый орех и тетнитовая бомбочка.

«Если удастся вскрыть орех,— подумал Кален,— можно продержаться довольно долго. Но как это сделать?»

Кален поразился собственной беспомощности. Впервые ему пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Он заметил, что инопланетяне бросили свой корабль. Почему — не имеет значения, но нужно идти туда, ведь на открытом воздухе он погибнет еще до наступления утра.

Он медленно, борясь с приступами дурноты, пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось. Кален благополучно пробрался через открытый люк внутрь чужого корабля.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, он разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь в заплатах. Теперь понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Опять накатила дурнота. Прежде всего необходимо подкрепиться, и Кален вынул из кармана круглый керловый орех — основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая, как панцирь, кожура толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с размаху ударил им по ореху. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на скорлупе ни следа.

Кален испугался, не выдаст ли его этот грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся исступленно молотить по ореху. Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил тщетные попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех остался цел и невредим. Только щел-

кун, стандартный прибор, имевшийся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех — иного способа, увы, никто придумать не догадался.

Что делать? Кален опять схватился за прут и обнаружил, что его конечности теряют подвижность. Он бросил прут и задумался.

Движения сковывала наружная оболочка, кожа постепенно отвердевала и превращалась в роговую броню. Когда этот процесс завершится, Кален полностью утратит подвижность и погибнет от удушья...

Поборов нахлынувшее отчаяние, Кален приказал себе шевелить мозгами. Еда подождет — в первую очередь необходимо спасать кожу. На борту собственного корабля он бы принял душ из особой, смягчающей кожу жидкости, но едва ли подобная жидкость была здесь, у инопланетян. Выход один — содрать наружную оболочку. Правда, потом придется выждать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожица, но зато он обретет подвижность!

На негнущихся ногах Кален отправился на поиски переодевателя, но с грустью убедился, что даже такого простейшего приспособления на чужом корабле нет.

Он поднял стальной прут, согнул его крючком и, подцепив кожную складку, с силой рванул прут кверху.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

После нескольких тщетных попыток он отшвырнул бесполезный прут и тут внезапно вспомнил про тетнитовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного чужаками корабля, то легкий взрыв не причинит кораблю никаких повреждений, только подбросит его футов на тридцать в воздух.

А вот инопланетяне безусловно погибнут.

Кален ужаснулся. Как мог он придумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

«Но разве это не будет оправдано? — коварно нашептывал Калену внутренний голос.— Пришельцы — скверные создания. Избавив от них Вселенную, ты окажешь ей бесценную услугу, а заодно невзначай поможешь и себе. Считай, что это не убийство, а очищение от скверны».

Нет! Огромным усилием воли Кален заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные каменеющие ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную спасительную находку.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Легкие саднило, и всю ночь он не смыкал глаз. Уже брезжил рассвет. Внутри

«Индевера-2» было довольно холодно — Эйджи не решался трогать терморегуляторы.

Вошел Виктор, сгибаясь под тяжестью ящика.

— А капитан где? — спросил Эйджи.

— Сейчас придет.

Барнетт решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя места для ящика, Виктор огляделся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь скользнула вверх, открыв крошечную пустую клетушку, которая показалась Виктору идеальным хранилищем. И он опустил свою тяжелую ношу на пол, усеянный красными скорлупками.

В тот же миг потолок начал опускаться.

Виктор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о потолок, упал без чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с Барнеттом, который тоже прибежал на крик. Капитан попробовал вытянуть Виктора за ноги, но, увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Эйджи, обнаружив редкостное присутствие духа, поднял ящик и поставил его на попа, задержав тем самым предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытянуть Виктора из клетушки, и в тот же миг ящик треснул и развалился на части. А потолок, будто сделав свое дело, бесшумно скользнул вверх.

Виктор очнулся и потер ушибленную голову.

— Капитан,— жалобно взмолился он,— может, вернемся на «Индевер»?

— Виктор прав.— Эйджи развел руками.— Прямо какой-то заколдованный корабль!

— И вы так легко от него отказываетесь? — осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился и кивнул.

— Откуда мы знаем,— заговорил он, пряча глаза от Барнетта,— что он еще выкинет? Слишком рискованно, капитан.

— Рискованно...— передразнил Барнетт.— Вы хоть соображаете, от чего отказываетесь? Один его корпус принесет целое состояние! А двигатель? Вам приходилось видеть подобные? Этот корабль пробуравит насквозь любую планету и выйдет с другой стороны непоцарапанным!

— Боюсь, мы не сумеем оценить все это, поскольку трупы не умеют восхищаться,— не унимался Эйджи, а Виктор усиленно закивал.

— Все, хватит болтать! — отрезал Барнетт.— Корабль мы не оставим! Только не будем ни к чему прикасаться, пока не достигнем безопасного места. Ясно? За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, самопроизвольно превращающиеся в гидравлические прессы, но, перехватив грозный взгляд Барнетта, счел за благо не спорить.

— Ты разметил приборную панель? — уже спокойно спросил Барнетт.

— Осталось совсем немного,— отозвался старый пилот.

— Хорошо. Ни к чему другому не прикасайся. Пока мы ничего не трогаем, нам ничто не грозит.

Капитан вытер потный лоб, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскочили два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его талии. Барнетт рванулся что было сил, но кольцо не поддалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество ткани, удовлетворенно хмыкнуло, как показалось капитану, и исчезло в стене.

Эйджи и Виктор оцепенели, раскрыв рты.

— Выключите эту штуку,— прохрипел Барнетт.

Эйджи бросился к пульту. В ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

— Уберите его! — истошно завопил Барнетт.

Виктор, сбросив оцепенение, хотел было схватить зловещую руку, но та резко вывернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем с хирургической виртуозностью рука искусно раскроила лезвием куртку Барнетта сверху донизу и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, пленившее капитана, не разжималось.

Снова появилось тонкое шупальце. Дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло, словно в нерешительности. Внутренний механизм тревожно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и вновь неуверенно зависло.

— Я ничего не могу сделать! — завопил Эйджи.— Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тотчас же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Виктор с размаху треснул по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть перепуганного Барнетта по пояс голым. Когда же под немой крик капитана вновь вынырнуло щупальце, Виктору стало дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце коснулось нежной теплой кожи на груди пленника и одобрительно фыркнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт мешком повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все и без слов было ясно.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин таким образом раздевался? Нет, это абсурд. Но ведь комната-пресс тоже абсурд...

В глубине души старый пилот радовался случившемуся. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, кроме как покинуть дьявольский корабль и придумать способ вернуть свой собственный.

— Чего стоите? Помогите одеться! — прорычал капитан.

Виктор послушно притащил ему запасную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стен.

— Через сколько времени мы сможем взлететь? — спросил он у Эйджи.

— Что?

— Надеюсь, вы не оглохли?

— Но разве то, что произошло...

— Когда мы можем взлететь? — повысил голос капитан.

— Примерно через час,— выдавил Эйджи и устало поплелся в опостылевший пилотский отсек.

Барнетт напялил на себя свитер, а поверх него пальто. В корабле было прохладно, и он здорово замерз.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую оболочку. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове его мелькали видения далекого детства. Величавые, зубчатые, как замки, скалы Мабога, огромный космопорт Кантанопе и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно — голубое, второе — желтое, но почему они вместе не садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения. Скоро утро. Мабогийский астронавт не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся в хвостовом отсеке корабля на запечатанный металлический ящик. Сбив крышку, Кален увидел большие бутыли, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутыль. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену знакомым. Он напряг память и вспомнил — это череп гуманоида. В Мабогийский союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее муляжи черепов. Но зачем рисовать эту штуку на бутыли?

Он открыл бутыль и принюхался. Запах был приятный и смутно напомнил Калену... запах питательной жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутылки и принялся ждать, затаив дыхание. Если только ему удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем.

Он опорожнил еще одну бутыль, чувствуя, как живительный раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален ощутил необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После целебной ванны Кален осмотрел пилотирующее устройство. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не сумели превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Впрочем, и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

Ничего, подумал Кален, как-нибудь он преодолеет эти трудности. Но, исследуя двигатель, он заметил, что у аккумулятора батарей отсутствует совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход — вернуться назад на свой корабль.

Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство. Ни при каких обстоятельствах — даже ради спасения собственной жизни — мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабогийцы уже три тысячи лет жили без войн, и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета...

Но что делать? Умирать самому?

Взглянув себе под ноги, Кален с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль — даже слабый очиститель способен так

повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одной тетнитовой бомбы будет вполне достаточно.

И никто на Мабоге об этом не узнает!..

— Готово наконец? — нетерпеливо спросил Барнетт.

— Кажется, да,— ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

— Отлично. Мы с Виктором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Эйджи объявил десятисекундную готовность, нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась. Он нажал еще одну кнопку, и заработали аккумуляторы. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы работали прекрасно. Он задал автопилоту нужный курс, включил двигатели и вдруг ощутил прикосновение к ноге, а глянув вниз, с удивлением обнаружил, что густая, дурно пахнущая жидкость уже заливала весь пол, слоем в несколько дюймов толщиной. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки. Вскоре он отыскал четыре отверстия, которые равномерными толчками выбрасывали жидкость. Эйджи нажал кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться!

Но не открылась...

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда он обнаружил сток, зловонная жидкость была ему уже по пояс. Эйджи потянул рычаги на себя, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

— В чем дело? — спросил Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

— Тогда все ясно,— спокойно произнес Барнетт.— А я-то не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает стартовое ускорение. Мы не нашли на борту ничего, к чему бы он мог пристегнуться. Значит, он просто плавает в масле, которое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

— А почему не открывалась дверь?

— Разве не ясно? — ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт.— Зачем ему заливать маслом весь корабль? Вдобавок лишняя гарантия от случайной утечки.

— Но мы не можем взлететь.

— Это еще почему?

— Я не умею дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекать, как только я включу двигатели.

— А ты открой сток и привяжи к нему рычаг регулятора, чтобы он оставался открытым. Масло будет стекать с такой же скоростью, как и набираться.

— Ладно, попробую,— безрадостно согласился Эйджи.

Совет капитана оказался дельным: жидкость не поднималась выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал стартовую кнопку.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль. Подложить бомбу он так и не решился. Законы многовековой давности трудно переступить за несколько часов.

Однако Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вздоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этого ему хватит на несколько дней. А если еще вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, успел вдвое уменьшить ускорение. Это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное по шкале почти нулю, было тем не менее невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживающие Барнетта и Виктора, лопнули при взлете. Виктор только-только приходил в себя, а Барнетт с трудом выбирался из-под груды покореженных ящиков.

— Что за шутки? — тяжело выдохнул он.— Я же ясно сказал: «С минимальным ускорением»!

— Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! — ответил Эйджи.— Посмотри сам.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

— Плохо дело,— сказал он.— Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их дурацкой планете слишком большая гравитация и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

— По-моему, становится теплее,— робко произнес очнувшийся Виктор.

— И давление тоже растет,— сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Виктор проводили старого пилота тревожными взглядами.

— Ничего не могу поделать! — крикнул Эйджи, утирая пот с раскрасневшегося лица.— Температура и давление регулируются автоматически. Видимо, они подстраиваются до «нормального» уровня во время полета.

— Отключи их как-нибудь, черт возьми! — крикнул Барнетт.— Или хочешь, чтобы мы изжарились?

— Терморегулятор и так стоит на нуле,— ответил Эйджи.— Больше ничего сделать невозможно.

— Какова же нормальная температура для этого проклятого инопланетянина?

— Страшно подумать,— ответил Эйджи.— Корабль построен из необыкновенно теплостойкого материала и способен выдержать давление в десять раз большее, чем земные корабли. Сопоставь эти данные и...

— Но должно же это как-то выключаться! — не выдержал Барнетт.

Металлический пол раскалился уже чуть ли не докрасна.

— Отключи его! — заорал Виктор.

— Не я сделал этот корабль,— начал оправдываться Эйджи.— Откуда мне знать...

— Отпусти меня! — Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.

Щелканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.

— Что случилось? — Виктор сразу успокоился.

— Температура и давление падают, когда двигатели не работают,— пояснил Эйджи.— Пока не включены двигатели, мы в безопасности.

Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:

— Итак, мы влипли?

— Да,— подтвердил Эйджи.— Двигаясь по инерции, мы достигнем большой планеты не раньше чем через три года.

— Ничего не попишешь, вернемся на свой корабль.

Подавив вздох облегчения, Эйджи задал автопилоту новый курс.

— Думаете, этот тип вернет нам корабль? — спросил Виктор.

— Конечно,— убежденно ответил Барнетт.— Ему ведь до смерти охота заполучить назад свой, стало быть, придется покинуть наш.

— Да, но если он...

— Мы выведем из строя автоматику,— сказал Барнетт.— Это его задержит.

— Ненадолго,— вмешался Эйджи.— Потом он все равно нас догонит.

— Не думаю,— ухмыльнулся Барнетт.— Для нас главное — взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.

— Об этом я не думал,— побледнел Эйджи.

— А когда-нибудь мы вернемся,— бодро заключил Барнетт.— Металл, из которого сделан его корабль, наверняка кое-что стоит.

Эйджи включил двигатели и развернул «Индевер-2» к планете. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.

Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и когда «Индевер-2» совершил посадку, у астронавтов едва хватило сил выбраться наружу. Тела их покрылись волдырями, а подошвы обуви прогорели насквозь.

Затаившись в лесу, они ждали.

Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Мгновение спустя люки закрылись.

— Ну вот.— Барнетт встал.— Теперь надо срочно взлетать. Эйджи, ступайте прямо к пульту. Я подсоединю аккумуляторы, а Виктор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль заполнился свежим благоухающим желтоватым дымом. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.

Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока щелкун их раздавит.

Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил переодевателю снять задубевшую наружную оболочку. Лезвие аккуратно разрезало два верхних слоя, остановившись перед нежной живой кожицей.

Кален решил, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснить, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно сообщить их властям координаты этой планеты, чтоб их забрали отсюда и вылечили.

Кален был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. А ведь мог бы оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего такого не сделал.

Он только сконструировал несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы — все было в идеальном состоянии. Тогда он включил аккумуляторы и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Виктор первым достиг люка, бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

— Что случилось? — спросил подоспевший Барнетт.

— Меня что-то ударило.

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от аккумуляторов к стенам. Дотронься Виктор до корпуса корабля, он был бы тотчас убит мощным электрическим разрядом.

Они замкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил хаос. Пол был загромождён беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершение разгрома пролитая в нескольких местах кислота насквозь проела обветшавший корпус «Индевера».

В хвостовом отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством подсоединена к небольшому стартеру. Одно неосторожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были и другие устройства, назначение которых никто из астронавтов разгадать не мог.

— Мы в силах все это исправить? — спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

— Почти все наши инструменты остались на «Индевере-2». За год мы, вероятно, сумеем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу. «Индевер-2» взмыл в небо.

— Вот мерзавец! — в сердцах выругался Барнетт, глядя на изъеденный кислотой корпус своего корабля.

— Трудно предугадать, на что способен инопланетянин,— философски рассудил Эйджи.

— Хороший инопланетянин — мертвый инопланетянин,— произнес Виктор.

«Индевер-1» был теперь столь же загадочным и опасным, как «Индевер-2».

А «Индевер-2» улетел.

Второй рай

В ожидании своего часа космическая станция вращалась вокруг планеты. Строго говоря, разум у нее отсутствовал ввиду его полной ненадобности, однако она все же обладала некоторым сознанием и определенными свойствами и реакциями.

Предназначение этой хитроумной машины было запечатлено в металле конструкций и электронных схемах, а может, в машине даже сохранялись какие-то эмоции, заложенные ее создателем,— дикие надежды, страхи и безумная гонка, ограниченная временем.

Но надежды оказались напрасными, поскольку гонка была проиграна, и теперь огромная конструкция облетала поверхность планеты, оставшись незавершенной, а ныне и вовсе бесполезная.

И все-таки она обладала некоторым сознанием и определенными свойствами и реакциями. Она была хитроумна и знала, что ей необходимо. А потому машина обследовала окружающее пространство в поисках отсутствующих компонентов.

В созвездии Волопаса пилот вывел корабль к небольшому вишнево-красному солнцу и, совершив разворот, увидел, что одна из планет этой системы имеет редко встречающийся прекрасный зелено-голубой цвет, как у Земли.

— Погляди на нее! — дрожащим от волнения голосом воскликнул Флеминг, отворачиваясь от пульта управления.— Планета земного типа! Земного, правда, Говард? Мы на ней разбогатеем!

Низкорослый и лысый Говард, с брюшком, формой и размерами напоминавшим арбуз, неторопливо выбрался из корабельного камбуза, жуя на ходу авокадо. Он был сердит. Ведь его оторвали от важнейшего дела — приготовления обеда. Говард считал приготовление пищи искусством, и если бы он не был бизнесменом, то стал бы шеф-поваром. Они с Флемингом прекрасно питались во всех полетах, поскольку Говард имел особый подход к жареным цыплятам, готовил жаркое Говарда под соусом Говарда и особенно отличался в умении подавать салат Говарда.

— Она *может быть* земного типа,— заметил он, спокойно посмотрев на зелено-голубую планету.

— Не может, а именно земного,— уверенно заявил юный Флеминг, обладающий энтузиазмом намного большим, чем позволительно иметь человеку в космосе.

Несмотря на его худобу, ничуть не исчезавшую вопреки стараниям Говарда, и в беспорядке спадающие на лоб рыжие волосы, Говард терпимо относился к нему, и не только потому, что Флеминг имел особый подход к кораблям и двигателям, главное — он имел деловую хватку. А деловая хватка в космосе являлась наиважнейшей необходимостью, где оценивалась в кругленькую сумму порой только за то, чтобы корабль взлетел.

— Лишь бы она не была обитаема,— молил Флеминг, проявляя тем самым свой энтузиазм и деловой подход.— Тогда она будет целиком наша. *Наша,* Говард! Планета земного типа! О Господи! Да только одну недвижимость и ту уже можно продать за целое состояние, не говоря уж о правах на разработку полезных ископаемых, на дозаправку звездолетов и всех прочих.

Говард проглотил последний кусок авокадо. Молодому Флемингу предстоит еще многому научиться. Поиск и продажа планет — абсолютно такое же дело, как выращивание и продажа апельсинов. Ну не совсем, конечно, такое же: апельсины неопасны, а планеты порой — да. И апельсины не приносят огромных доходов, тогда как с хорошей планеты можно сорвать большой куш.

— Сядем на нашу планету прямо сейчас? — нетерпеливо спросил Флеминг.

— Обязательно,— согласился Говард.— Только... вон та космическая станция прямо по курсу почему-то наводит меня на мысль, что местные обитатели могут считать ее *своей* планетой.

Флеминг присмотрелся. И верно — прежде скрытая диском планеты в поле видимости выплыла космическая станция.

— О черт,— выругался Флеминг, и его вытянутое веснушчатое лицо скривилось в недовольной гримасе.— Значит, она населена. Слушай, а может, мы...

Он не закончил фразу и выразительно посмотрел на пульт управления боезарядами.

— Хм...— По внешнему виду станции Говард приблизительно оценил уровень технологии ее создания, потом глянул на планету и с сожалением покачал головой.— Нет, не выйдет.

— Ладно,— произнес Флеминг,— по крайней мере, у нас первые права на торговлю.

Он снова выглянул в иллюминатор и схватил Говарда за руку:

— Посмотри-ка на станцию!

На серой металлической сфере одна за другой замигали яркие вспышки.

— Что, по-твоему, это означает? — спросил Флеминг.

— Понятия не имею,— отозвался Говард.— И вряд ли мы с тобой это узнаем. С таким же успехом ты можешь прямо садиться на планету — если никто, конечно, не попытается тебя остановить.

Флеминг кивнул и переключил пульт управления в ручной режим. В течение нескольких секунд Говард с интересом наблюдал за ним.

На панели управления располагалось множество шкал, переключателей и измерителей, сделанных из металла, пластика и кварца, а по другую сторону пульта находился Флеминг — из плоти, крови и костей. Казалось невозможным, что между ними может существовать какое-то родство, за исключением, может, самого поверхностного и незначительного. Однако Флеминг как бы слился с пультом управления в единое целое: его глаза сканировали шкалы с механической точностью, пальцы стали продолжением переключателей, и казалось, что металл под его руками делается податливым и подчиняется любому его желанию. Кварцевые шкалы мерцали красным светом, и глаза Флеминга тоже приобрели красноватый оттенок, причем явно не совсем за счет отражения света шкал.

Как только корабль вышел на спираль тормозной орбиты, Говард уютно расположился на камбузе. Он прикинул расходы на питание и топливо плюс амортизационный износ корабля, затем для надежности увеличил полученный результат на треть и занес итоговую сумму в приходно-расходную книгу. Мало ли что, а вдруг в дальнейшем пригодится для расчета подоходного налога.

Они совершили посадку на окраине города и стали поджидать местных представителей таможенной службы. Никто не приходил. Они провели стандартный набор анализов проб воздуха на химический состав и содержание микроорганизмов и продолжали ждать. Но и тогда никто не появился. Прождав полдня, Флеминг раздраил люк, и они с Говардом отправились в город.

Первые скелеты, валявшиеся на разбитой бетонной дороге, привели их в замешательство. Это выглядело так неопрятно. Какой же цивилизованный народ оставляет скелеты на дорогах? Почему их никто не убрал?

Однако население города состояло из одних скелетов — тысяч, миллионов скелетов, заполнивших разрушенные театры, валявшихся в переходах пыльных магазинов, разбросанных вдоль изрешеченных пулями улиц.

— Должно быть, шла война,— заметил Флеминг весело.

В центре города напарники обнаружили смотровой плац, где прямо на траве лежали скелеты в форме. Трибуны были завалены скелетами чиновников, офицеров, жен и родителей. А за трибунами лежали скелеты детей, пробравшихся поглазеть на зрелище.

— Точно, война,— кивнув, заявил Флеминг.— Эти проиграли.

— Очевидно,— согласился Говард.— А кто выиграл?

— Что?

— Где же победители?

В этот момент над их головами пролетела космическая станция, отбросив тень на безмолвные шеренги скелетов. Оба человека с тревогой проводили ее взглядом.

— Полагаешь, погибли все? — с надеждой спросил Флеминг.

— Думаю, нам и следует это выяснить.

Они направились к своему кораблю. Явно в приподнятом настроении, Флеминг начал насвистывать и ногами отпихивать с дороги кучки костей.

— Мы нашли клад,— улыбаясь Говарду, проговорил он.

— Пока еще нет,— поосторожничал тот.— Еще могут остаться уцелевшие...— Но, перехватив взгляд Флеминга, тоже улыбнулся.— Вот уж *воистину удачная* поездка.

Облет планеты не занял много времени. Зелено-голубой шар оказался разрушенной могилой. На каждом континенте небольшие города населяли десятки тысяч костей их прежних обитателей, каждый крупный город — миллионы. Горы и равнины были усеяны скелетами. Скелеты везде — и в озерах, и в лесах, и в джунглях.

— Какой беспорядок! — завершая облет планеты, заметил Флеминг.— Как считаешь, сколько же их здесь жило?

— Примерно девять миллиардов плюс-минус миллиард,— ответил Говард.

— И что же, по-твоему, произошло?

Говард невесело улыбнулся:

— Существует три классических способа массового самоуничтожения. Первый — заражение атмосферы ядовитыми газами; второй, близкий к первому,— радиоактивное заражение, вдобавок уничтожающее и растительную жизнь; и наконец, лабораторные штаммы бактерий, созданные исключительно с целью массового поражения. Если они выйдут из-под контроля, то могут уничтожить всех на планете.

— Считаешь, здесь произошло именно последнее? — с живым интересом спросил Флеминг.

— Да,— подтвердил Говард и, потерев рукой яблоко, откусил от него здоровый кусок.— Я, конечно, не патолог, но отметины на костях...

— Бактерии? — Флеминг невольно закашлялся.— А ты не думаешь...

— Ты бы уже умер, если бы они до сих пор проявляли активность. Судя по эрозии костей, это случилось несколько столетий назад. Бактерии тоже погибли, на счастье человеку, выступающему для них в качестве носителя.

Флеминг выразительно тряхнул головой.

— Прямо как по заказу! Жаль, конечно, людей — военные там судьбы и все такое прочее... но планета действительно *наша!* — Он окинул взглядом простирающиеся под ними зеленые поля.— Как мы ее назовем, Говард?

Говард посмотрел на поля и дикие заросшие пастбища, окаймлявшие бетонные дороги.

— Мы можем назвать ее «Второй Рай»,— предложил он.— Для фермеров она станет настоящей небесной благодатью.

— Второй Рай! Здорово! — согласился Флеминг.— Считаю, нам следует нанять бригаду для уборки скелетов. А то уж больно странно все это выглядит.

— Мы наймем ее после...

Над ними снова пролетела космическая станция.

— Огни! — воскликнул вдруг Говард.

— Огни? — Флеминг уставился на удаляющуюся сферу.

— Когда мы подлетели. Помнишь? Вспышки света?

— Верно,— припомнил Флеминг.— Ты полагаешь, на станции кто-то есть?

— Мы должны это выяснить немедленно,— мрачно произнес Говард и откусил от яблока еще раз, когда Флеминг развернул корабль.

Подлетев к космической станции, первое, что они увидели, был другой космический корабль, прицепившийся к полированной металлической поверхности сферы как паук к паутине. В небольшом — раза в три меньше их собственного — корабле один из люков оказался приоткрытым.

Одетые в скафандры и шлемы напарники остановились у приоткрытого люка. Промерив рукой вход, Флеминг распахнул люк настежь. Оба с любопытством направили лучи своих фонариков внутрь, пригляделись — и резко отпрянули. Однако Говард почти сразу подошел снова, а Флеминг полез внутрь чужого корабля.

Там находилось человеческое тело, наполовину выпавшее из кресла пилота и навечно застывшее в таком неустойчивом положении. На лице пилота оставалось достаточно плоти, запе-

чатлевшей выражение предсмертной агонии, однако все лицо было испещрено следами какой-то болезни, проевшей кожу до костей.

На корме корабля громоздились штабеля деревянных ящиков. Флеминг оторвал крышку одного из них и направил внутрь луч фонарика.

— Продукты,— заключил Говард.

— Должно быть, пытался спрятаться на станции,— предположил Флеминг.

— Похоже на то. Однако ему не удалось.

Они покидали корабль с чувством отвращения. Скелеты не производили такого впечатления, они существовали самостоятельно, замкнутыми друг на друга. Но этот труп представлял собой слишком выразительную смерть.

— Так кто же зажег огни? — поинтересовался Флеминг, снова оказавшись на поверхности станции.

— А может, они работают в автоматическом режиме? — с сомнением предположил Говард.— Тогда необязательно, что там кто-то уцелел.

Они прошлись по поверхности станции и обнаружили вход.

— Зайдем? — предложил Флеминг.

— К чему лишние хлопоты? — быстро возразил Говард.— Раса мертва. И мы вполне можем вернуться на Землю и подать заявку на планету.

— Если выжил хотя бы один,— напомнил Флеминг,— то по закону планета принадлежит ему.

Говард исхотя кивнул. Было бы слишком неприятно проделать дорогостоящее путешествие до Земли, вернуться с подготовительной бригадой и обнаружить, что некто устроил себе на космической станции уютное жилище. Вот если бы уцелевшие притаились на планете, тогда по закону заявка оставалась бы действительной. Но человек на космической станции, которую они поленились осмотреть...

— Полагаю, мы просто обязаны войти,— заявил Говард и распахнул люк.

Внутри царила кромешная темнота. Говард навел свой фонарик на Флеминга. В желтом свете луча лицо напарника было полностью лишено теней и напоминало слепок примитивной маски. Говард зажмурился, немного напуганный увиденным, ибо в тот момент в лице Флеминга отсутствовали признаки индивидуальности.

— Воздух годен для дыхания,— сообщил Флеминг, мгновенно обретая пропавшую было индивидуальность.

Говард откинул шлем на спину и посветил фонариком вверх. Ему показалось, что массивные стальные стены давят на него.

Он пошарил в кармане, отыскал редиску и для поддержания духа отправил ее в рот.

Напарники двинулись дальше.

В течение получаса они продвигались вдоль узкого извилистого коридора, рассекая лучами фонариков тьму впереди. Металлический пол, поначалу казавшийся таким прочным, начал скрипеть и стонать от скрытых напряжений, что довело Говарда до белого каления и нисколько не трогало Флеминга, судя по его виду.

— Скорее всего, это бомбометательная станция,— предположил спустя какое-то время Флеминг.

— Я тоже так считаю.

— Тонны металла,— пнув одну из стен, заявил Флеминг.— Наверное, придется продать его на металлолом, если, конечно, не удастся сохранить что-либо из оборудования.

— Цена металлолома...— начал Говард, но в это мгновение под Флемингом открылся люк.

Флеминг провалился так быстро, что даже не успел вскрикнуть. Крышка люка встала на место.

Говард отшатнулся словно от удара. Луч фонарика на миг вспыхнул и погас. Взмахнув руками, Говард замер, не успевая привести в порядок бешеную скачку мыслей. Волна шока медленно отступила, оставив Говарду тупую тяжесть в голове.

— ...сейчас не особенно высока,— закончил он лишенную смысла фразу, все еще не веря тому, что случилось.

Приблизившись к люку, он позвал: «Флеминг!»

Никакого ответа. По телу Говарда пробежали мурашки. Изо всей мочи он заорал: «Флеминг!» Потом выпрямился. Голова болезненно гудела. Говард глубоко вздохнул, развернулся и направился к выходу, стараясь ни о чем не думать.

Однако выхода не оказалось — оплавленные края захлопнувшегося люка еще хранили тепло. Говард с большим интересом исследовал его, щупая, толкая и пиная. Однако после безрезультатных попыток вскоре ощутил давившую на него тьму. Говарда охватило смятение, на лице выступили капельки пота.

— Кто здесь? — крикнул он в глубину темного коридора.— Флеминг! Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

И тогда Говард завопил:

— Кто это сделал? Зачем на станции загорались огни? Что вы сделали с Флемингом? — Помолчал несколько секунд, прислушиваясь, и всхлипнул: — Откройте! Я уйду и никому не скажу!

Еще немного подождал, направив луч фонарика в коридор, стараясь угадать, что скрывается во тьме, и наконец крикнул:

— Почему вы не открыли пол подо мной?

И, тяжело дыша, улегся у стены. Однако люк не открылся. Может, подумал он, люк открывается не автоматически? Эта мысль прибавила ему храбрости. Он сурово сказал себе, что здесь должен быть другой выход. И снова пошел по коридору.

Спустя час он все еще шел, освещая себе путь фонариком и оставляя за спиной давящую тьму. Он полностью взял себя в руки, и даже головная боль утихла. Говард опять обрел способность рассуждать.

Огни могли зажигаться автоматически, люк тоже, возможно, автоматизирован, а самозадраивающийся вход мог быть простой мерой предосторожности в военное время, чтобы на станцию не проник ни один вражеский агент.

Говард сознавал, что подобные рассуждения не слишком удачны, но лучшего придумать просто не сумел. Ситуация была просто необъяснима. Труп в корабле, мертвая планета... между ними есть какая-то связь. Но какая?

— Говард! — окликнул его чей-то голос.

Он импульсивно отпрыгнул назад, словно случайно коснулся головой провода под высоким напряжением. Головная боль мгновенно возобновилась с новой силой.

— Это я,— сказал голос.— Флеминг.

Говард суматошно светил во все стороны.

— Где? Где ты?

— Примерно футах в двухстах ниже, чем ты, насколько могу это определить,— сказал Флеминг. Его голос хрипло разносился по коридору.— Система передачи звука не очень хороша, но это самое лучшее, чего мне удалось добиться.

Ноги отказывались держать Говарда, и он опустился на пол, испытывая огромное облегчение. Было что-то нормальное в том, что Флеминг находился двумястами футами ниже, и что-то очень человеческое и понятное в несовершенстве звукопередачи.

— Я могу тебя вытащить? Как тебе помочь?

— Никак,— отозвался Флеминг. Его слова сопровождались треском разрядов статического электричества, которое Говард принял за довольное хихиканье.— Похоже, у меня осталось не так уж много тела.

— И где же твое тело? — серьезно поинтересовался Говард.

— Пропало. Разбилось при падении. Но от меня осталось достаточно, чтобы включить в электронную схему.

— Понимаю,— произнес Говард, ощутив необыкновенное просветление в мыслях.— Теперь ты просто мозг, чистый разум.

— Ну, не совсем, чуть побольше,— возразил Флеминг.— Меня как раз столько, сколько требуется машине.

Говард нервно хихикнул, представив себе серый мозг Флеминга, плавающий в емкости с прозрачной жидкостью. Выкинув из головы этот бред, он спросил:

— Машине? Какой машине?

— Космической станции. Думаю, это самая сложная машина из когда-либо созданных.

— Но для чего?

— Надеюсь вскоре выяснить,— сказал Флеминг.— Теперь я ее часть. Или, возможно, она часть меня. Так или иначе, но я ей необходим, потому что она недостаточно разумна. А я ее подпитываю.

— Ты? Но ведь машина не могла знать, что ты вдруг здесь объявишься.

— Я не имею в виду конкретно себя. Человек извне, ну тот, что на корабле, был, вероятно, истинным оператором. А теперь им стал я. Мы завершили план конструкторов.

Говард с усилием заставил себя успокоиться. Мысли путались, и теперь его интересовало лишь одно: как постараться убраться со станции и вернуться на корабль. А уж после он посотрудничает и с Флемингом. Но новый, непредсказуемый Флеминг... Говорил-то он вполне по-человечески... но вот остался ли человеком?

— Флеминг,— решил попробовать Говард.

— Да, старик?

Это обнадеживало.

— А ты сможешь вывести меня отсюда?

— Думаю, да,— сказал голос Флеминга.— Постараюсь.

— Я вернусь сюда с нейрохирургами,— заверил его Говард.— Тебя приведут в порядок.

— Не беспокойся за меня,— ответил Флеминг.— Я и сейчас в порядке.

Говард потерял счет времени. Один узкий коридор переходил в другой и растворялся в следующем коридоре. У Говарда от усталости подгибались ноги. Правда, пока он шел, он ел. В рюкзаке он запас себе бутербродов и теперь машинально жевал их для поддержания сил.

— Флеминг,— наконец останавливаясь передохнуть, позвал он.

После долгой паузы он услышал едва узнаваемый звук, напоминающий скрежет металла о металл.

— Сколько еще ждать?

— Недолго,— произнес искаженный металлический голос.— Устал?

— Да.

— Сделаю что смогу.

Голос Флеминга пугал, но тишина пугала еще сильнее. Сколько Говард ни прислушивался, он слышал лишь гул двигателей, доносящийся из глубины станции.

— Флеминг?

— Да.

— Что все это значит? Это бомбометательная станция?

— Пока еще не понял истинного назначения машины. Я еще не до конца слился с ней в единое целое.

— Но у нее есть назначение?

— Да! — Металлический голос проскрипел так громко, что Говард вздрогнул.— Я владею прекраснейшим функциональным аппаратом соединений. В температурном режиме лишь я способен колебаться в пределах сотен градусов в микросекунду, не говоря уж о запасах химически смешивающихся веществ, источниках энергии и всем прочем. Я овладеваю своим назначением.

Ответ Говарду не понравился. Он прозвучал так, будто Флеминг идентифицировал себя с машиной, соединив свою личность с космической станцией. Говард с усилием спросил:

— Тебе разве не известна ее цель?

— Отсутствует жизненно важный компонент,— после паузы ответил Флеминг.— Необходима матрица. И кроме того, я еще не полностью овладел контролем.

К жизни начали пробуждаться дополнительные силовые установки, и стены с гудением завибрировали. Говард почувствовал, как под ним дребезжит пол. Казалось, станция пробуждается, напрягается, собирает воедино весь свой разум.

Говард чувствовал себя человеком, попавшим в брюхо морского чудища.

Говард ходил еще несколько часов, оставляя за собой яблочные огрызки, апельсиновую кожуру, кусочки жира, пустые упаковочные коробки и обрывки оберточного пергамента. Теперь он жевал не переставая, ощущая постоянный назойливый голод. Пока он ел, чувствовал себя в безопасности, ибо еда являлась принадлежностью родного космического корабля, Земли, в конце концов.

Внезапно стенная переборка отъехала в сторону. Говард отодвинулся.

— Входи,— сказал голос, который он попытался идентифицировать с голосом Флеминга.

— Зачем? Что это? — Говард посветил фонариком в открывшийся проем и увидел непрерывно движущуюся ленту пола, исчезающую во тьме.

— Ты устал,— произнес флемингоподобный голос.— Этот путь быстрее.

Говард хотел бежать, но было некуда. Придется довериться Флемингу и храбро встретить темноту по ту сторону луча от фонарика.

— Входи.

Говард покорно вошел и уселся на движущуюся ленту пола. Впереди была видна лишь тьма. Тогда он лег.

— Ты не знаешь, для чего нужна станция? — поинтересовался он у темноты.

— Уже скоро,— ответил голос.— Как бы не хотелось обмануть их ожиданий!

Говард не посмел спросить, чьих ожиданий не хотел обмануть Флеминг. Он закрыл глаза и позволил темноте поглотить себя.

Поездка длилась долго. Сжав в руке фонарик, Говард направил его вверх, и луч света отразился от полированного металлического потолка. Говард машинально жевал бисквит, не чувствуя вкуса и едва сознавая, что во рту. Ему казалось, что машина говорит, но на языке, который он не способен понять. Он слышал протестующий скрежет движущихся частей, трущихся друг о друга. Затем откуда-то прыснула струйка жидкой смазки, и умиротворенные детали притихли, движение стало мягче. Двигатели запищали и запротестовали, поколебались немного, чихнули и ровно загудели, с удовольствием возвращаясь к жизни. То и дело сквозь другие звуки прорывалось клацанье электронных цепей, перенастраивающихся и приводящих себя в порядок.

Но что все это означает? Лежащий на спине с закрытыми глазами Говард не имел ни малейшего представления об этом. Единственным соприкосновением с реальностью был для него бисквит. Но как только тот будет прожеван и проглочен, останется лишь один кошмар.

Говард видел марширующие по планете скелеты, миллиарды безмолвных шеренг строем проходили через опустевшие города, почерневшие поля и уходили в космос. Они прошагали мимо мертвого пилота в маленьком корабле, и труп проводил их завистливым взглядом. Позвольте мне присоединиться к вам, умолял он, но скелеты с сожалением качали черепами — пилот не освободился от бремени плоти. А когда плоть отстанет,

когда он освободится от этого бремени, упрашивал труп, но скелеты лишь качали черепами. Когда же? Когда машина будет готова, когда определит свое назначение. Тогда миллиарды скелетов получат освобождение, а труп избавится от своей плоти. Обезображенными губами труп умолял их взять его сейчас, но скелеты осознавали лишь его плоть, а плоть не могла оставить груды ящиков с продуктами на корабле. Печальные скелеты промаршировали мимо, а пилот остался ждать, пока не исчезнет его плоть.

— Да!

Говард мгновенно очнулся и осмотрелся. Ни скелетов, ни трупа. Вокруг лишь одни стальные стены машины. Он засунул руку в карман, но все съестное было уже съедено. Пальцы нащупали какие-то крошки, и Говард положил их на язык.

— Да!

Он слышит голос.

— Что это? — спросил он.

— Я знаю! — торжественно объявил голос.

— Знаешь? Что?

— Свое предназначение!

Говард вскочил, размахивая во все стороны фонариком. Отзвук металлического голоса эхом отдавался вокруг него, и Говарда переполнил необъяснимый страх. Вдруг оказалось ужасным, что машина узнала свое назначение.

— Так каково же оно? — очень тихо спросил он.

В ответ вспыхнули ослепительные огни, мгновенно поглотив слабый свет фонарика. Говард зажмурился, отступил на шаг, едва при этом не упав.

Движущаяся лента остановилась. Говард открыл глаза и обнаружил, что находится в большом, ярко освещенном помещении. Осмотревшись, он заметил, что оно полностью облицовано зеркалами. На него смотрели сотни Говардов. Он оглянулся назад. И посмотрел кругом.

Выхода не было. Однако отражения Говарда не вертелись во все стороны. Они стояли неподвижно.

Говард поднял правую руку. Остальные никак не отреагировали. Это были не зеркала.

Сотни Говардов двинулись к центру зала. Они неустойчиво держались на ногах, а в их пустых глазах не светилось ни единой капли разума. Оригинал Говарда изумленно открыл рот и направил на двойников фонарик, фонарик грохнулся на пол.

Одновременно с этим в мозгу Говарда сформировалась мысль. Так вот в чем предназначение машины! Ее создатели

предвидели гибель своей расы. Поэтому они сконструировали космическую станцию. Ее цель — воспроизводство людей для восстановления населения планеты. Разумеется, она нуждалась в операторе, но истинный оператор так и не добрался до нее. И естественная нужда в матрице...

Однако прототипы Говарда явно лишены разума. Они бессмысленно кружили по залу, едва способные контролировать движение конечностей. И оригинал Говарда вдруг обнаружил, что он сам ужасно неправилен.

Но тут раздвинулся потолок, и сверху опустились огромные крючья. Сверкающие ножи, от которых шел пар, заскользили вниз. Раздвинулись и стены, открыв взору гигантские колеса и шестерни, пышущие жаром печи и заиндевевшие белые поверхности. Все больше и больше Говардов шагало в зал, а огромные ножи и крючья впивались в их тела, подтаскивая братьев Говарда к раскрывшимся стенам.

Ни один из них не закричал, за исключением оригинала.

— Флеминг! — завопил оригинал.— Не меня! *Не меня,* Флеминг!

Теперь все стало на свои места и сложилось в единое целое: и космическая станция, построенная во время, когда на планете шла война, и оператор, который добрался до машины только затем, чтобы умереть, и который так и не сумел в нее войти, и тот запас пищи, которую он как оператор никогда бы не смог съесть...

Конечно! Население планеты насчитывало девять или десять миллиардов! До этой последней войны их довел всеобщий голод. И все время создатели машины боролись со временем и болезнью, пытаясь сохранить свою расу...

Но разве Флеминг не видел, что он, Говард, не та матрица?

Флеминг-машина не видел, и для Говарда были созданы все необходимые и требуемые условия. Последним, что увидел Говард, было лезвие ножа, сверкнувшего над ним.

А Флеминг-машина продолжал обрабатывать Говардов, резать их на ломтики, подвергать глубокой заморозке и аккуратно паковать в огромные штабеля жареных Говардов, печеных Говардов, Говардов под соусом, Говардов трехминутного приготовления, Говардов с корочкой, плова из Говарда и — особенно — салатов с Говардом.

Пищевоспроизводящий процесс увенчался успехом! Войну можно кончать, пищи теперь хватит на всех. Пища! Пища! Еда для умирающих от голода обитателей Второго Рая!

Поднимается ветер

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее,— посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну ясно,— с горечью сказал Клейтон.— Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин,— ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу,— сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно, так,— согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану.— Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон, краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей, работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ — Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется одно: стоически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет.

В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон клятвенно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно осядет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свои умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает,— заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра.

Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восемьдесят две мили в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать,— сказал Клейтон.— Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя,— заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немного поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны

щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

«Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами»,— подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова, и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер со скоростью тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день,— поздоровался Сманик.

— Здравствуй,— ответил Клейтон.— Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода,— сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика.

Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков. Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное прибежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впивались в почву, а остальные тянулись вперед в поисках новой опоры. Или же они катились по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами,— ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

«Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо»,— подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немного усилится,— сказал он наконец.— Но ничего страшного не будет.

Теперь призадумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли на станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай,— сказал Неришев,— если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорее отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта неподвижная махина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке,— сказал он.— Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо,— сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция стояла на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они

стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя ему никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше,— ответил Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев,— футов сорок в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже звук мотора. Скорость его по индикатору составляла уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно,— сказал Клейтон.— Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей,— задумчиво проговорил Клейтон.— Как по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожней!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатилась дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах

и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш,— выдохнул Клейтон.— Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять, и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это грохотала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто повернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске:

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло,— сказал себе Клейтон.

Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон.— Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус,— отвечал Клейтон.— Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра нужно пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благословлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра и вскоре обогнал Зверя.

«Вот счастливчики,— подумал Клейтон.— Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!»

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон.— Открывай ром, Неришев, дружище! Ох, и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно того и ждал — тут-то он и заглох.

Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дул прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут,— ответил Клейтон.— Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитонная махина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон.— Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт!

Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната,

потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря,— сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора.

«Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп,— подумал Клейтон,— и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся».

В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно,— устало ответил Клейтон.— А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию,— сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь, во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю,— отвечал Неришев.— Только не нравится мне это.

— Ты бы лучше не вылезал в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь.— Он запнулся.— Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься,— пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямиком на его неподвижный беспомощный танк. Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал на кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил как по льду и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину.

«Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку,— подумал он.— Бьюсь об заклад, никому это до меня не удавалось!»

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек,— задыхаясь выговорил Клейтон.— Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал — чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон посмотрел вдаль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорок четыре мили в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит,— прервал Клейтон.— Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

«Ну что ж,— сказал себе Клейтон.— Вот и все».

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся более чем на двести футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. Однако он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов.

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держался нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камушки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать; Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту полоскались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса.

От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверное, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час. С оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. «Долго не продержаться»,— думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти ветер переменил направление — верный признак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более проч-

ные, чем стальные канаты,— и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает,— сообщил ему Неришев.— Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли,— сказал Клейтон.

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем!

— Куда!

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон.— Что тут такое происходит?

— Летний праздник,— сказал Сманик.— Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный,— сказал Сманик.— Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно,— возразил Сманик.— Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это,— продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг,— весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни,— это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется,— равнодушно ответил Сманик.

«Что-то из этого выйдет,— сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана.— Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...»

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев.— Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

Чудовища

Кордовир и Хам стояли на скалистом гребне и с неподдельным интересом наблюдали за происходящим. С подобным явлением они столкнулись впервые в жизни и были чрезвычайно довольны, что им довелось увидеть нечто совершенно новое.

— Между прочим, от этой штуки отражается солнце,— заметил Хам.— Скорее всего, она из металла.

— Допустим,— отозвался Кордовир.— Но что, по-твоему, удерживает ее в воздухе?

Оба не отрывали взгляда от долины, где происходило что-то непонятное: над самой землей завис остроконечный предмет. Из нижнего его конца извергалось нечто напоминающее пламя.

— Он балансирует на пламени,— сказал Хам.— Даже твои старые глаза должны заметить это.

Чтобы разглядеть получше, Кордовир приподнялся, опираясь на мощный хвост. Объект тем временем опустился на землю, и пламя исчезло.

— Не пойти ли нам взглянуть на него поближе? — спросил Хам.

— Давай! Думаю, у нас еще есть время... Хотя, постой! Какой сегодня день?

Хам прикинул в уме.

— Пятый день луггата.

— Проклятие! — воскликнул Кордовир.— Мне пора домой — убивать жену.

— До заката еще несколько часов,— произнес Хам.— Думаю, ты вполне успеешь и посмотреть, и вернуться вовремя домой.

Но Кордовира терзали сомнения.

— Терпеть не могу опаздывать.

— Что ж, тогда сделаем так,— предложил Хам.— Ты ведь знаешь, какой я проворный. Если мы задержимся, я поспешу назад и сам убью твою жену. Как ты смотришь на это?

— Очень любезно с твоей стороны,— поблагодарил Кордовир юношу, и они заскользили вниз по крутому склону горы.

У металлического предмета оба остановились и приподнялись на хвостах.

— Он немного больше, чем я ожидал,— сказал Кордовир, прикинув на глаз размеры предмета: чуть подлиннее их деревни, а шириной почти с ее половину. Они поползли вокруг предмета и заметили на металле следы обработки. Возможно даже, человеческими щупальцами.

За горизонт закатилось малое солнце.

— Думаю, нам лучше вернуться,— произнес Кордовир, заметив, что стемнело.

— Ерунда, у меня еще масса времени,— откликнулся Хам и самодовольно поиграл мускулами.

— Да, но убивать своих жен лучше все-таки самому.

— Как хочешь.

И они поспешили в деревню.

Дома жена Кордовира заканчивала стряпать. Она стояла спиной к двери, как требовал этикет. Резким ударом хвоста Кордовир убил ее, оттащил тело за дверь и сел ужинать.

После еды и медитации он отправился на Собрание. Хам — нетерпеливый, как и все молодые люди,— был уже там и рассказывал о металлическом предмете. Он, наверное, проглотил свой ужин не разжевывая, недовольно подумал Кордовир.

Когда юноша закончил, Кордовир высказал свои собственные соображения. К сказанному Хамом он добавил одно очень важное предположение: в металлическом предмете могут находиться разумные существа.

— Почему ты так думаешь? — спросил Мишилл, который, как и Кордовир, был старейшиной.

— Да хотя бы потому, что при посадке из него выходило пламя,— ответил Кордовир,— а когда он приземлился, пламя исчезло. Следовательно, внутри предмета есть некто, кто выключил это пламя.

— Не обязательно,— возразил Мишилл.

Между жителями деревни разгорелся жаркий спор, который продолжался до поздней ночи. Затем они похоронили убитых жен и разошлись по домам.

Ночью Кордовир долго не мог уснуть, все размышляя о странном предмете. Если в нем действительно разумные существа, то нравственны ли они? Существуют ли у них понятия добра и зла? Так ничего и не решив, он заснул.

Наутро вся мужская часть населения потянулась к металлическому предмету. Это было в порядке вещей, поскольку в обязанности мужчин входило не только ограничение женской популяции, но и изучение новых явлений.

Они окружили предмет, строя всевозможные догадки относительно его содержимого.

— Уверен, что там разумные существа,— заявил старший брат Хама Эсктел.

Кордовир затрясся всем телом, выражая несогласие.

— Скорее всего, чудовища,— возразил он.— Если принять во внимание...

— Не обязательно,— перебил его Эсктел.— Следует учесть общие закономерности развития нашего организма. Один фокусирующий глаз...

— Но великий Внешний Мир многолик,— сказал Кордовир.— В нем могут встретиться миры, населенные непохожими на нас существами, большая часть которых не принадлежит роду человеческому. В бесконечности...

— Однако,— вмешался Эсктел,— общие закономерности...

— Как я уже сказал,— продолжал Кордовир,— вероятность того, что прилетевшие к нам существа похожи на нас, бесконечно мала. Взять хотя бы их летательный аппарат! Разве мы соорудили бы...

— Но логика нам подсказывает,— снова прервал его Эсктел,— что...

Терпение Кордовира лопнуло: наглый юнец осмелился уже в третий раз перебить его. Одним движением хвоста он на-

смерть расшиб Эсктела об металлический предмет. Мертвое тело рухнуло на землю.

— Я всегда считал своего брата грубияном,— сказал Хам.— Так о чем ты говорил?

Но Кордовиру снова помешали. Металлическая крышка на странном предмете вдруг скрипнула и повернулась. Затем она распахнулась, и наружу с трудом выбралось странное существо.

Кордовиру было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в том, что он оказался прав. Тварь, что вылезла из проема, имела раздвоенный хвост. С головы до пят она была покрыта чем-то вроде кожи. А ее цвет!.. Кордовир содрогнулся.

Существо было цвета только что ободранной туши.

Все невольно отпрянули. Кто знает, чего от него можно ожидать в следующий момент!.. Сначала существо ничего не предпринимало. Оно стояло на металлической плите, а венчавший его туловище шаровидный нарост поворачивался то в одну, то в другую сторону. Само туловище, как ни странно, не двигалось, чтобы придать хоть какой-то смысл движению шаровидного нароста. Наконец существо подняло два шупальца и издало непонятный звук.

— Как ты думаешь, он, наверное, пытается нам что-то сказать? — тихо спросил Мишилл.

Из проема вылезли еще три подобных существа, держа в щупальцах металлические палки. Все четверо обменялись между собой странными звуками.

— Это явно не люди,— твердо заявил Кордовир.— Остается выяснить, нравственны ли они.

Одно существо сползло по металлическому боку предмета и ступило на землю. Остальные опустили свои палки. Это походило на некую религиозную церемонию.

— Да могут ли подобные уроды быть нравственными? — воскликнул Кордовир, и шкуру его передернуло от отвращения.

При ближайшем рассмотрении существа оказались еще безобразнее; такое не приснилось бы и в самом страшном сне. Шарообразный нарост на их туловищах вполне мог сойти за голову, решил Кордовир, хотя подобных голов он не встречал за всю свою долгую жизнь. Но до чего ж уродлива эта голова! Привычно гладкую поверхность лица нарушал нелепо торчащий, как горный кряж посреди долины, бугор с двумя округлыми впадинами. Вдобавок по обе стороны головы — если она была таковой — виднелись еще две выпуклости, а ее нижнюю половину пересекал блеклый красноватый разрез. После небольших раздумий Кордовир решил, что это, должно быть, рот — особенно, если поднапрячь воображение.

Перечень их уродств был бы неполным, если не упомянуть еще одно. В строении организма существ угадывалось наличие костей! Движения их конечностей не были похожи на плавные человеческие жесты; чужаки двигались так, словно были деревянными.

— Боже мой! — изумленно раскрыл рот Джилриг, мужчина средних лет.— Нам следует убить их, избавив от мучений.

Остальные, похоже, испытывали те же чувства и двинулись было вперед, но кто-то из молодых крикнул:

— Подождите! Давайте попробуем поговорить с ними, если это возможно. А вдруг они все-таки нравственные существа. Вспомните, Внешний Мир огромен и многолик. Всякое возможно.

Кордовир тоже был за немедленное истребление чужаков, но жители деревни его не послушались. Они остановились и принялись обсуждать этот нелегкий вопрос.

Между тем Хам, со своей обычной беспечностью, приблизился к существу, стоявшему на земле.

— Привет,— сказал он.

Существо что-то ответило.

— Не разберу, что ты там сказал.— Хам хотел отползти назад, но тут существо взмахнуло суставчатыми шупальцами — если это были щупальца — и указало на одно из солнц, медленно ползущих по небосклону. При этом существо издало звук.

— Да, сегодня тепло, не правда ли? — весело воскликнул Хам.

Существо указало на землю и издало другой звук, не похожий на первый.

— В этом году у нас не особенно хороший урожай,— продолжал разговор словоохотливый Хам.

Существо указало на себя и снова издало какой-то звук.

— Согласен,— подтвердил Хам.— Ты безобразен, как смертный грех.

Вскоре мужчины проголодались и поползли в деревню. А Хам все стоял и вслушивался в звуки, издаваемые существами специально для него, а Кордовир дожидался его невдалеке, нервничая от нетерпения.

— Знаешь,— сказал Хам, присоединившись к Кордовиру,— я думаю, что они хотят изучить наш язык. Или научить меня своему.

— Не делай этого,— предостерег его Кордовир, на секунду словно ощутив зловещее дыхание великого зла, надвигающегося на них из-за туманного края неизвестности.

— Я все-таки попробую,— пробормотал Хам.

Они проворно вскарабкались вверх по скале, на вершине которой находилась их деревня.

Под вечер Кордовир отправился к загону, где содержались лишние женщины деревни, и, в полном соответствии с законом нравственности и обычаем, предложил приглянувшейся ему молодой женщине стать хозяйкой в его доме на все двадцать пять дней. Женщина, естественно, с благодарностью приняла его предложение.

По дороге домой Кордовир повстречал Хама, шедшего в загон.

— Только что убил жену,— сообщил Хам, что было ясно и без слов — иначе зачем бы он шел к стаду лишних самочек?

— Ты собираешься завтра пойти к пришельцам? — спросил Кордовир.

— Возможно,— неопределенно ответил Хам.— Если не подвернется что-нибудь новенькое.

— Главное, выясни — нравственны они или нет.

— Ладно! — бросил Хам и заскользил дальше.

Вечером, после ужина, состоялось Собрание. Все жители деревни согласились с тем, что пришлые существа — не люди. Кордовир горячо убеждал, что даже сам внешний вид пришельцев не допускает наличия у них каких-либо признаков человеческой природы. У подобных уродов вряд ли могут быть нравственные устои, понятия добра и зла, а главное, знания истины.

Молодые возражали ему — возможно, потому, что в последнее время испытывали несомненный дефицит свежей информации. Они обратили внимание присутствующих на то, что металлический предмет был явно продуктом разумной деятельности. Разум же предполагает наличие способности подмечать закономерности явлений, различать их, деля на черное и белое,— и это очевидно.

На бурные дебаты спорящих стоило полюбоваться. Олголел начал возражать Арасту и пал от его хвоста. Всегда спокойный Маврт внезапно пришел в ярость и убил трех братьев Холианов, но тут же был убит Хамом, жаждавшим схватки. Даже в стаде лишних самочек разгорелась бурная дискуссия по волнующему всех вопросу. Они спорили так громко в своем загоне на краю деревни, что их крики разносились по всей округе.

Усталые, но довольные, жители деревни расползлись по домам и мирно заснули.

Последующие недели споры не утихали. Однако жизнь шла своим чередом. По утрам женщины выходили собирать пищу, готовили ее, откладывали яйца, которые затем относили лиш-

ним женщинам для выживания. Как обычно, на восемь самочек вылуплялось по одному самцу. На двадцать пятый день после женитьбы или даже чуть раньше каждый мужчина убивал свою жену и брал новую.

Поначалу мужчины еще спускались к летательному аппарату — послушать, как Хам учится языку пришельцев; затем, когда им это порядком надоело, вернулись к своим обычным занятиям: бродили по окрестным холмам и лесам в поисках нового.

Чужаки не выходили из корабля; они спускались на землю только с приходом Хама.

Через двадцать четыре дня после появления чудовищ Хам объявил, что, хоть и с большим трудом, но может объясняться с ними.

— Они говорят, что прилетели издалека,— рассказывал он вечером на Собрании.— А еще они говорят, что так же двуполы, как мы, и что они такие же разумные существа, как мы. Они мне объясняли что-то насчет причин их внешнего отличия от нас, но я не очень разобрался.

— Если мы будем считать их людьми,— сказал Мишилл,— то должны верить им во всем.

Все затряслись, соглашаясь с ним.

— Они говорят,— продолжал Хам,— что не хотят вмешиваться в нашу жизнь, но им было бы интересно понаблюдать за ней. Они хотят прийти в деревню и посмотреть, как мы живем.

— Почему бы и нет! — воскликнул один из молодых.

— Нет! — вскричал Кордовир.— Вы впускаете зло. Эти чудовища коварны. Я уверен, что они способны... даже лгать!

Старики согласились с ним, но когда от Кордовира потребовали доказательств его ужасного обвинения, он не смог предъявить их.

— В конце концов,— заметил Сил,— мы не можем считать их нравственными уродами только потому, что они похожи на чудовищ.

— А я могу! — заявил Кордовир, но его не поддержали.

— Они,— вновь продолжил Хам,— предложили мне — или нам (я не совсем понял кому) — различные предметы из металла, которые, по их словам, могут производить различные операции. Я оставил без внимания это нарушение этикета, поскольку решил, что они не знакомы с ним.

Кордовир одобрительно кивнул. Юноша взрослел на глазах. Наконец-то он начинает проявлять себя по части хороших манер.

— Завтра они хотят прийти в деревню.

— Нет! — воскликнул Кордовир, но большинство высказалось за приход чужаков.

— Да, кстати,— произнес Хам, когда Собрание уже начало расходиться.— Среди них есть несколько женских особей. Это те, у которых ярко-красные рты. Интересно будет посмотреть, как мужчины их убивают. Ведь завтра двадцать пять дней, как они появились.

На следующий день жители с интересом следили за мучительными усилиями пришельцев вскарабкаться по отвесной скале в деревню. Они поражались хрупкости их конечностей и чудовищной неуклюжести движений.

— До чего же уродливы,— пробормотал Кордовир.— И выглядят все одинаково.

В деревне существа вели себя крайне непристойно. Они заползали в хижины, болтали у загона с лишними самочками, брали и разглядывали яйца, рассматривали жителей сквозь различные устройства — черные и блестящие.

В полдень старейшина Рантан решил, что настала пора убивать свою жену. Он отстранил пришельца, который в это время разглядывал его хижину, и резким ударом хвоста убил свою женщину.

Два существа тотчас затараторили между собой и поспешно покинули хижину.

У одного из них был красный рот женщины.

— Должно быть, ее муж вспомнил, что пора убивать свою жену,— заметил Хам.

Жители застыли в ожидании, но ничего не происходило.

— Наверное, он хочет, чтобы кто-нибудь убил ее за него. Вполне возможно, в их стране такой обычай,— предположил Рантан и, не долго думая, хлестнул женщину хвостом.

Существо мужского пола страшно закричало и направило на Рантана металлическую палку. Тот рухнул замертво.

— Странно,— сказал Мишилл.— Не является ли это выражением неодобрения?

Пришельцы — а их было восемь — образовали плотный круг, повернувшись друг к другу спиной. Один держал на руках мертвую женщину, а другие целились во все стороны металлическими палками. Хам подошел к ним и спросил, чем их обидели.

— Я не понял,— сказал Хам после разговора с ними.— Они использовали слова, которых я не знаю, но в их тоне я уловил упрек.

Чудовища отступали. Тем временем еще один житель деревни, посчитавший, что сейчас самая пора, убил свою жену,

которая стояла в дверях хижины. Чудовища остановились и стали тараторить между собой. Потом жестами подозвали Хама.

По окончании беседы все телодвижения Хама выражали лишь недоумение и сомнения по поводу услышанного.

— Если я правильно понял,— сказал он,— они требуют, чтобы мы больше не убивали своих женщин!

— Что?! — в один голос вскричали Кордовир и еще с дюжину других мужчин.

— Спрошу их еще раз.— И Хам возобновил переговоры с чудовищами, которые размахивали металлическими палками.

— Все верно,— подтвердил он и без всяких церемоний щелкнул хвостом, отшвырнув одно из чудовищ через площадь. Чудовища стали немедленно отступать, направляя на толпу свои палки.

Когда они ушли, жители деревни обнаружили, что семнадцать мужчин погибли, а Хама, по счастливой случайности, даже не задело.

— Теперь-то вы поверите мне! — закричал Кордовир.— Эти существа нам *заведомо лгали*! Они сказали, что не будут вмешиваться в нашу жизнь, а кончили тем, что убили семнадцать из нас. Это не просто аморальный поступок, а *заранее спланированное убийство*.

Поистине это было выше человеческого понимания.

— Преднамеренная ложь! — Кордовир выкрикнул эти святотатственные слова, кипя от ненависти к пришельцам.

Мужчины редко рассуждали о возможных последствиях для тех, кто прибегал ко лжи,— уж слишком кощунственна была тема для обсуждения.

Жители деревни были вне себя от гнева и отвращения, ведь они только что воочию увидели лживое существо и получили о нем полное представление. Вдобавок ко всему — страшно даже подумать! — чудовища замышляли убийство.

Это был кошмар наяву, самый страшный, который только мог привидеться. Оказалось, что существа не убивают женщин, а, несомненно, позволяют им беспрепятственно размножаться. Мысль об этом вызывала тошноту у самых мужественных.

Лишние самочки вырвались из загона и, присоединившись к женам, потребовали рассказать им о случившемся. Когда им объяснили, они рассвирепели куда сильнее мужчин — такова уж природа женщин.

— Убейте их! — рычали лишние самочки.— Не позволяйте им вмешиваться в нашу жизнь. Не позволяйте им распространять безнравственность!

— Они правы,— печально вымолвил Хам.— Мне следовало догадаться об этом раньше.

— Их надо убить немедленно! — закричала какая-то самочка. Поскольку она была лишней и жила в загоне, у нее пока не было имени, но она компенсировала этот недостаток яркостью темперамента.— Мы, женщины, всего лишь хотим вести добродетельную жизнь, высиживая в загоне яйца, пока не придет время замужества. А потом — двадцать пять упоительных дней! Это ли не счастье! Чудовища разрушат нашу жизнь. Мы станем такими же страшными, как они!

— Теперь-то вы поняли? — вскричал Кордовир, обращаясь к мужчинам.— А я ведь предупреждал, я раскрыл перед вами их подлинное лицо, но вы не вняли мне! В трудные времена молодежь обязана слушаться старших!

В ярости он убил двух юношей ударом хвоста. Жители зааплодировали.

— Истребите их, пока они не успели развратить нас! — кричал Кордовир.

Самочки бросились за чудовищами в погоню.

— У них есть убивающие палки,— заметил Хам.— Знают ли об этом самочки?

— Думаю, что нет,— ответил Кордовир. Он уже совершенно успокоился.— Ступай предупреди их.

— Я устал,— угрюмо отозвался Хам.— Я все время переводил. Почему бы тебе не сходить самому?

— Ну, тогда пойдем вместе,— сказал Кордовир, которому надоели эти юношеские капризы.

Сопровождаемые чуть ли не половиной мужского населения деревни, они поспешили вслед за женщинами.

Они догнали их на гребне скалы, с которого хорошо просматривался летательный аппарат пришельцев. Пока Хам рассказывал об убивающих палках, Кордовир прикидывал, как лучше расправиться с чужаками.

— Спихните на них камни,— приказал он женщинам.— Может, вам удастся повредить их аппарат.

Женщины энергично взялись за дело. Некоторые камни, падающие с огромной высоты, попадали в металлический предмет и с глухим звуком отскакивали от него. Внезапно из предмета вырвались лучи, красными строчками прошив пространство между ним и женщинами. Те упали замертво. Земля содрогнулась.

— Давайте отойдем,— предложил Кордовир.— Женщины прекрасно управятся и без нас, а то у меня от этой тряски кружится голова.

Мужчины отошли на безопасное расстояние и оттуда продолжали следить за ходом боевых действий.

Женщины гибли одна за другой, но к ним уже подоспели женщины из других деревень, прослышавшие об угрозе их благополучию. Они сражались за свои дома и права с женским неистовством, превосходившим самую сильную ярость мужчин. Металлический предмет метал огонь по всей скале, но этим только выбивал камни, которые градом сыпались вниз. Вдруг из его нижнего конца вырвался столб пламени — летательный аппарат стал плавно подниматься в воздух. И вовремя — начался оползень. Аппарат медленно, затем все быстрее и быстрее набирал высоту и вскоре превратился в крохотное черное пятнышко на фоне большого солнца. Потом исчезло и это пятнышко.

Вечером того же дня жители деревни подсчитали, что в общей сложности погибли пятьдесят три самочки. Их гибель пришлась как нельзя кстати. Ведь в связи с потерей семнадцати мужчин проблема женского излишка в деревне еще более обострилась, а гибель самочек ощутимо уменьшила возросшую таким образом популяцию женских особей.

Кордовир чрезвычайно гордился собой. Его жена доблестно пала в сражении, но он тотчас взял себе другую.

— Пока наша жизнь не войдет в норму, нам следует чаще убивать своих жен,— внес предложение Кордовир на вечернем Собрании.

Уцелевшие самочки, которые к тому времени уже вернулись в загон, бешено зааплодировали, услышав слова старейшины.

— Интересно, куда направились эти существа? — спросил Хам, предлагая Собранию новую тему для дискуссии.

— Вероятно, порабощать какой-нибудь беззащитный народ,— предположил Кордовир.

— Не обязательно,— возразил Мишилл.

Начались вечерние прения.

Ритуал

Акиенобоб вприпрыжку подбежал к хижине Старейшего Песнопевца и принялся отплясывать Танец Важного Сообщения, ритмично постукивая хвостом по земле. В дверях тут же появился Старейший Песнопевец и принял позу напряженного внимания: руки сложены на груди, хвост обвит вокруг плеч.

— Прибыл корабль богов,— нараспев проговорил Акиенобоб, выплясывая приличествующий случаю танец.

— В самом деле? — откликнулся Старейший Песнопевец, одобрительно косясь на сложные па.

Вот она, пристойная манера! Не то что расхлябанные, упрощенные движения, которые предписывает Альгонова ересь.

— Из божественного и неподдельного металла! — захлебнулся восторгом Акиенобоб.

— Хвала богам,— церемонно ответил Старейший Песнопевец, скрывая охватившее его возбуждение. «Наконец-то! Боги возвратились!» — Созови общину.

Акиенобоб отправился на сельскую площадь и исполнил там Танец Сборища. Тем временем Старейший Песнопевец воскурил щепотку священного благовония, обтер хвост песком и, очистившись таким образом от скверны, поспешил возглавить приветственные пляски.

Корабль богов — огромный цилиндр из почерневшего изъязвленного металла — лежал в небольшой долине. Селяне, собравшись на почтительном расстоянии, выстроились в символическую фигуру «Общий Привет Всем Богам».

Корабль богов разверзся, и оттуда, шатаясь, с трудом выбрались два бога.

Старейший Песнопевец тотчас же признал их по облику. В Великую Книгу о Богах, написанную почти пять тысячелетий назад, были занесены сведения о всевозможных разновидностях божеств. Там описывались боги большие и малые, боги крылатые и боги о копытах, боги однорукие, двурукие и трехрукие, боги с щупальцами, чешуйчатые боги и множество иных обличий, какие благоугодно принимать богам.

Каждую разновидность полагалось приветствовать по особому, специально ей предназначенному приветственному обряду, ибо,так было начертано в Великой Книге о Богах.

Старейший Песнопевец тотчас же приметил, что перед ним двуногие, двурукие, бесхвостые боги. Он поспешно перестроил своих соплеменников в подобающую фигуру.

К нему подошел Глат, прозванный Младшим Песнопевцем.

— С чего начнем? — учтиво прокашлял он.

Старейший Песнопевец пронзил его укоризненным взглядом.

— С Танца Разрешения на Посадку,— ответил он, с достоинством произнося древние, утратившие смысл слова.

— Разве? — Глат почесал хвостом шею. Это был жест явного пренебрежения.— По заветам Альгоны — прежде всего пиршество.

Старейший Песнопевец отвернулся, жестом выразив несогласие. Покуда бразды правления у него в руках, он не пойдет

ни на какие компромиссы с ересью Альгоны — учением, созданным всего какие-нибудь три тысячи лет назад.

Младший Песнопевец Глат вернулся на свое место в строю танцоров.

«Смехотворно,— думал он,— что вот такая консервативная развалина, как Старейший Песнопевец, устанавливает порядки танцев. Совершеннейшая нелепица — ведь было же доказано...»

А два бога пытались двигаться! Покачиваясь, балансировали они на тонких ногах. Один зашатался и упал ничком, другой помог ему встать, после чего упал сам. Медленно, с усилием он вновь поднялся. Боги удивительно напоминали простых смертных.

— Они выразили в танце свое расположение! — воскликнул Старейший Песнопевец.— Приступайте же к Танцу Разрешения на Посадку.

Туземцы плясали, колотя хвостами о землю, кашлем и лаем выражая свое ликование. Затем в строгом соответствии с церемониалом богов водрузили на носилки из ветвей священного дерева и понесли на священный курган.

— Давайте обсудим все как следует,— предложил Глат, поравнявшись со Старейшим Песнопевцем.— Поскольку за тысячи лет это первый случай пришествия каких бы то ни было богов, то, несомненно, разумно было бы прибегнуть к обрядам Альгоны. Просто на всякий случай.

— Нет,— решительно отказался Старейший Песнопевец, энергично перебирая шестью ногами.— Все подобающие обряды приведены в древних книгах ритуалов.

— Я знаю,— настаивал Глат,— но ведь ничего страшного не случится...

— Никогда,— твердо заявил Старейший Песнопевец.— Для каждого бога есть свой Танец Разрешения на Посадку. Затем идет Танец Подтверждения Астродрома, Танец Таможенного Досмотра, Танец Разгрузки и Танец Медицинского Освидетельствования.— Старейший Песнопевец выговаривал таинственные древние названия отчетливо и внушительно, с благоговением.— Тогда и только тогда можно начинать пиршество.

На носилках из ветвей два бога стенали и вяло шевелили руками. Глат знал: боги исполняют Танец Подражания боли и мукам смертных, подтверждая свое родство с теми, кто им поклоняется.

Все было так, как и должно быть,— так, как начертано в Книге последнего пришествия. Тем не менее Глата поразило совершенство, с каким боги копируют чувства простых смертных. Глядя на них, можно было подумать, будто они и вправду умирают от голода и жажды.

Глат улыбнулся своим мыслям. Всем известно, что боги не ощущают ни голода, ни жажды.

— Поймите же,— обратился Глат к Старейшему Песнопевцу.— Для нас важно избежать той роковой ошибки, какую допустили наши пращуры в Дни космических полетов. Так ли я говорю?

— Разумеется,— ответил Старейший Песнопевец, почтительно склоняя голову перед ритуальным названием Золотого века.

Пять тысячелетий назад их племя находилось на вершине богатства и благоденствия, и боги часто посещали его. Однако, как гласит легенда, в один прекрасный день кто-то допустил ошибку в ритуале, и племя было предано Забвению. С тех пор посещения богов прекратились раз и навсегда.

— Если боги одобрят наши обряды,— сказал Старейший Песнопевец,— то снимут с нас Забвение. Тогда явятся и другие боги, как бывало в старину.

— Вот именно. А ведь Альгона был последним, кто видел бога. Уж он-то, наверное, знает, что говорит, предписывая начинать с пиршества, а церемонии оставлять напоследок.

— Учение Альгоны — пагубная ересь,— возразил Старейший Песнопевец.

И Младший Песнопевец в сотый раз задумался, не пора ли сбросить маску лицемерия, не приказать ли общине без промедления приступить к Обряду Воды и к Пиршеству. Ведь многие были тайными приверженцами Альгоны.

Но нет, пока не время, ибо власть Старейшего Песнопевца все еще слишком сильна. Да и момент неподходящий. «Надо подождать,— думал Глат,— нужно знамение самих богов».

А боги по-прежнему возлежали на носилках, радуя глаз верующих дивным Танцем-конвульсией — Подражанием жажде и мукам простых смертных.

Богов усадили на вершине священного кургана, и Старейший Песнопевец самолично возглавил Танец Подтверждения Астродрома. В окрестные селения выслали гонцов с наказом созвать всех взрослых жителей на ритуальные пляски.

В самом селении женщины начали готовиться к Пиршеству. Некоторые из них пустились от радости в пляс — ибо разве не сказано в Писаниях, что вновь появятся боги, и тогда наступит конец Забвению, и к каждому придет богатство и благоденствие, как в Дни космических полетов?

На кургане один из богов упал ничком. Другой с трудом принял сидячее положение и искусно подрагивающим пальцем указывал на свой рот.

— Это знак благоволения! — вскричал Старейший Песнопевец.

Глат кивнул, не прекращая пляски; по складкам его кожи градом струился пот. Старейший Песнопевец был одаренным толкователем. С этим нельзя не согласиться.

Но вот сидящий бог стиснул одной рукой горло, отчаянно жестикулируя другой.

— Быстрее! — прохрипел Старейший Песнопевец; он чутко ловил малейшее движение богов.

Теперь бог что-то кричал ужасающим, надтреснутым голосом. Он кричал, указывал себе на горло и снова кричал, уподобляясь страждущему смертному.

Все шло в строгом соответствии с Танцем Богов, описанным в Книге последнего пришествия.

Как раз в этот миг на площадь перед курганом ворвалась ватага молодежи из соседнего селения и сменила хозяев в танце. На время Младший Песнопевец мог выйти из круга. Тяжело дыша, он подошел к Старейшему Песнопевцу.

— Вы будете исполнять все танцы? — спросил он.

— Конечно.— Старейший Песнопевец не спускал глаз с плясунов, ибо на этот раз ошибки нельзя было допустить. Это последний случай оправдать себя перед богами и вернуть себе их расположение.— Пляски будут продолжаться ровно восемь дней,— непреклонно сказал Старейший Песнопевец.— Если произойдет хоть малейшая ошибка, начнем все снова.

— По словам Альгоны, прежде всего надо торопиться с Обрядом Воды,— возразил Глат,— а затем...

— Вернись в круг! — отрезал Старейший Песнопевец, жестом выразив крайнее возмущение.— Ты слышал, как боги кашляли в знак одобрения. Так и только так удастся нам снять древнее заклятие.

Младший Песнопевец отвернулся. Ах, если бы его воля! В древние времена, когда боги то и дело уходили и возвращались, обычай Старейшего Песнопевца был правильным обычаем. Глат вспомнил, как описывается приход корабля богов в Книге последнего пришествия:

Начался Обряд Разрешения на Посадку (в те дни это еще не называлось ни плясками, ни танцами).

Боги протанцевали Танец Страдания и Боли.

Затем был проделан Обряд Подтверждения Астродрома.

В ответ боги исполнили Танец Голода и Жажды (точь-в-точь как сейчас).

Затем последовали Обряды Таможенного Досмотра, Разгрузки и Медицинского Освидетельствования. Все время, пока

длились обряды, богам не давали ни еды, ни питья — таково было одно из предписаний ритуала.

Когда со всеми обрядами было покончено, один из богов по неведомой причине притворился мертвым. Другой отнес его обратно на небесный корабль, и боги покинули планету, чтобы больше никогда не возвратиться.

Вскоре после этого началось Забвение.

Однако не существует и двух древних писаний, толкующих причины Забвения одинаково. Некоторые утверждают, что богов оскорбило несовершенное исполнение какого-то танца. Другие, как Альгона, пишут, что надо начинать с пиршества и возлияний, а потом уж переходить к обрядам.

Альгону почитали далеко не все. В конце концов, ведь богам неведомы ни голод, ни жажда. С какой же стати пиршество должно предшествовать обрядам?

Глат свято верил в учение Альгоны и надеялся, что в один прекрасный день выяснит истинную причину Забвения.

Внезапно танец прервался. Глат поспешил взглянуть, что же произошло.

Какой-то глупец оставил подле священного кургана простой кувшин с водой. Один из богов подполз к кувшину и попытался схватить недостойный предмет.

Старейший Песнопевец чуть ли не вырвал из рук бога кувшин и поспешно унес его прочь, а все племя испустило вздох облегчения. Какое кощунство — оставить поблизости от бога обыкновенную, неочищенную, неосвященную воду, да еще в ничтожном сосуде без росписи. Да прикоснись к ней бог — и его праведный гнев испепелит все селение.

Бог разгневался. Он прокричал что-то, перстом указывая на оскорбительный сосуд. Затем указал на второго бога, который все еще был погружен в небесный экстаз и лежал лицом вниз. Он указал на свое горло, на пересохшие, растрескавшиеся губы и опять на кувшин с водой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Бог заплакал.

— Живо! — крикнул Младший Песнопевец.— Начинайте Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения!

Только его находчивость и спасла положение. Танцующие подожгли священные ветки и принялись размахивать ими перед ликами богов. Боги раскашлялись и тяжело задышали в знак одобрения.

— Ну и хитер же ты на выдумку,— проворчал Старейший Песнопевец.— И как только тебе пришел на ум этот танец?

— У него самое таинственное название,— объяснил Глат.— Я знал, что сейчас нужно действовать решительно.

— Что ж, молодец,— похвалил Старейший Песнопевец и вернулся к своим обязанностям в танце.

С довольной улыбкой Глат обвил хвостом талию. Вовремя поданная команда оказалась удачным ходом.

Теперь надо поразмыслить, как бы получше выполнить обряды Альгоны.

Боги возлежали на земле, кашляя и ловя ртом воздух, словно умирающие. Младший Песнопевец решил подождать более удобного случая.

Весь день плясали Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения, и боги тоже принимали в нем участие. Поклониться им приходили жители отдаленных селений, и боги, задыхаясь, выражали свое милостивое расположение.

К концу танца один из богов чрезвычайно медленно поднялся на ноги. Он упал на колени, с преувеличенным пафосом подражая движениям смертного, который ослаб до предела.

— Он вещает,— прошептал Старейший Песнопевец, и все смолкли.

Бог простер руки. Старейший Песнопевец кивнул.

— Он сулит нам хороший урожай,— пояснил Старейший Песнопевец.

Бог стиснул кулаки, но тут же разжал их, охваченный приступом кашля.

— Он сочувствует нашей жажде и бедности,— наставительно произнес Старейший Песнопевец.

Бог снова указал себе на горло — таким горестным жестом, что кто-то из поселян разрыдался.

— Он желает, чтобы мы повторили танцы сначала,— разъяснил Старейший Песнопевец.— Давайте же, становитесь в первую позицию.

— Его жест означает вовсе не то,— дерзко заявил Глат, решив, что час настал.

Все воззрились на него, потрясенные, в гробовом молчании.

— Богу угоден Обряд Воды,— сказал Глат.

По рядам танцующих пробежал вздох. Обряд Воды составлял часть еретического учения Альгоны, которое Старейший Песнопевец неустанно предавал анафеме. Впрочем, с другой стороны, Старейший Песнопевец уже в преклонных летах. Быть может, Глат, Младший Песнопевец...

— Не допущу! — взвизгнул Старейший Песнопевец.— Обряд Воды следует за пиршеством, которое начинается после всех плясок. Только таким путем избавимся мы от Забвения!

— Необходимо предложить богам воды! — прогремел Младший Песнопевец.

Оба взглянули на богов — не подадут ли знамение, но боги молча следили за ними усталыми, налитыми кровью глазами.

Но вот один из богов кашлянул.

— Знамение! — вскричал Глат, прежде чем Старейший Песнопевец успел истолковать этот кашель в свою пользу.

Старейший Песнопевец пытался спорить, но тщетно. Ведь поселяне слышали бога собственными ушами.

В очищенных от скверны, красиво расписанных кувшинах принесли воду, и плясуны встали в позы, подобающие обряду. Боги взирали на них, тихо переговариваясь на языке божием.

— Ну! — скомандовал Младший Песнопевец.

На курган внесли кувшин с водой. Один из богов потянулся к кувшину. Другой оттолкнул его и сам схватился за кувшин.

По толпе прокатился взволнованный гул.

Первый бог слабо ударил второго и завладел водой. Второй отнял кувшин и поднес ко рту. Тогда первый сделал выпад, и кувшин покатился по склону кургана.

— Я предостерегал тебя! — возопил Старейший Песнопевец.— Они отвергли воду, как и следовало ожидать. Убери ее скорее, пока мы не погибли!

Двое схватили кувшины и умчались с ними прочь. Боги взвыли, но тут же умолкли.

По приказу Старейшего Песнопевца тотчас начался Танец Таможенного Досмотра. Снова зажгли священные ветви и овевали ими богов, как веерами. Боги слабо прокашляли одобрение. Один попытался сползти с кургана, но не смог. Другой лежал неподвижно.

Так лежали боги долгое время, не подавая знамений.

Младший Песнопевец стоял в конце цепочки танцующих. «Почему,— вопрошал он себя снова и снова,— почему отступились от меня боги?»

Неужели Альгона заблуждается?

Но ведь боги *отвергли* воду.

У Альгоны черным по белому написано, что единственный способ снять таинственное проклятие Забвения — это без промедления принести в дар богам еду и питье. Быть может, богам пришлось дожидаться слишком долго?

«Пути богов неисповедимы,— печально думал Глат.— Теперь случай упущен навеки. С тем же успехом можно разделять веру Старейшего Песнопевца».

И он уныло поплелся в круг танцующих.

Старейший Песнопевец повелел начать пляски сначала и продолжать их четыре дня и четыре ночи. Потом, если богам будет угодно, в их славу будет устроено пиршество.

Боги не подавали знамений. Они лежали на священном кургане, распростершись во весь рост, и время от времени подергивали конечностями, изображая смертных, которых одолевает усталость, отчаянная жажда.

Это были очень могущественные боги. Иначе разве могли бы они столь искусно подражать смертным?

А к утру случилось следующее: невзирая на то что Старейший Песнопевец отменил Танец Хорошей Погоды, тучи на небе стали сгущаться. Громадные и черные, они заслонили утреннее солнце.

— Пройдет стороной,— предрек Старейший Песнопевец, отплясывая Танец Отречения от Дождя.

Однако тучи разверзлись и полился дождь. Боги медленно зашевелились и обратили лица к небу.

— Тащите доски! — кричал Старший Песнопевец.— Принесите навес! Боги предадут дождь проклятию: ведь до окончания обрядов ни одна капля не смеет коснуться тел божиих!

Глат же, сообразив, что представился еще один благоприятный случай, возразил:

— Нет! Этот дождь ниспослали сами боги!

— Уведите юного еретика! — пронзительно взвизгнул Старейший Песнопевец.— Давайте сюда навес!

Плясуны оттащили Глата в сторонку и принялись сооружать над богами шатер, чтобы укрыть их от дождя. Старейший Песнопевец собственноручно покрывал шатер крышей, работая споро и благоговейно.

Под внезапно хлынувшим ливнем боги не шевелились — они лежали, широко раскрыв рты. Когда же они увидели, что Старейший Песнопевец возводит над ними крышу, то попытались встать.

Старейший Песнопевец торопился: он знал, что своим недостойным присутствием оскверняет заповедный курган.

Боги переглянулись. Один из них медленно встал на колени. Другой протянул ему обе руки и помог подняться на ноги.

Бог стоял, раскачиваясь как пьяный, сжимая руку возлежащего бога. И вдруг обеими руками с яростью толкнул Старейшего Песнопевца в грудь.

Старейший Песнопевец потерял равновесие и закувыркался по священному кургану, нелепо дрыгая ногами в воздухе. Бог сорвал с навеса крышу и помог встать другому богу.

— Знамение! — вскричал Младший Песнопевец, вырываясь из удерживающих его рук.— Знамение!

Никто не мог этого отрицать. Теперь оба бога стояли, запрокинув головы, подставив рты под струи дождя.

— Начинайте пиршество! — рявкнул Глат.— Такова воля богов!

Плясуны колебались. Впасть в ересь Альгоны — это серьезный шаг, который стоило бы хорошенько обдумать.

Однако теперь, когда всем стал распоряжаться Младший Песнопевец, пришлось рискнуть.

Оказалось, Альгона был прав. Боги выражали свое одобрение воистину по-божески: запихивали яства в рот огромными кусками — какое изумительное подражание смертным! — и поглощали напитки с таким усердием, будто и впрямь умирали от жажды.

Глат сожалел лишь о том, что не знает божьего языка, ибо больше всего на свете ему хотелось узнать, каковы же были истинные причины Забвения.

Охота

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 — «Парящему соколу» было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца востро. Патруль 31 — «Отважный бизон» совершал маневры возле маленького ручья. «Бизоны» отрабатывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 — «Атакующий мираж» ожидал разведчика «Дрог», который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

— Привет,— сказал он.— Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд:

— Опять не по уставу, Дрог?!

— Виноват, сэр,— сказал Дрог, поспешно выпрастывая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

— Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков,— начал командир и откашлялся.— Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки, уме-

ния и достоинства наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбоная. Таким образом, мы полны решимости...

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сохраняя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

— ...прямо и честно,— продолжал командир.— И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине. Командир патруля подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед слетом,— сказал он.

— Я знаю,— ответил Дрог.

— В патрульном отряде «Атакующий мираш» ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или, по меньшей мере, звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

— Это не только моя вина,— сказал он.— Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

— А что же ты умеешь делать? — перебил командир.

— Я владею лесным и горным ремеслом,— горячо выпалил Дрог,— выслеживанием и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

— Слушай, Дрог, а что, если тебе предоставят еще один последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

— Я готов на все! — вскричал Дрог.

— Хорошо,— сказал командир.— Как называется наш патруль?

— «Атакующий мираш», сэр.

— А кто такой мираш?

— Огромный свирепый зверь,— быстро ответил Дрог.— Когда-то они водились на Элбонас почти всюду, и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мираши вымерли.

— Не совсем,— возразил командир.— Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и З-482 стаю из трех мирашей. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог, выследил их и подкрался поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добыть и принести шкуру одного мираша. Ну как, справишься?

— Уверен, сэр!

— Приступай немедленно,— велел командир.— Мы прикрепим шкуру к нашему флагштоку и, безусловно, заслужим похвалу на слете.

— Есть, сэр!

Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 — З-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность — изрезанные скалы и низкорослые деревья, покрытые густыми зарослями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истины.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен — разве что любил часами мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что, если ему не удастся обнаружить мираша? Что, если мираш обнаружит его первым?

«Нет, этого не может быть,— успокоил себя Дрог.— На худой конец, всегда успею жеслибюлировать. Никто и не узнает».

Через мгновение он уловил слабый запах мираша. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву «Т».

Неужели все так и сойдет — просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на теплозащитный комбинезон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

— Когда наконец мы отсюда улетим? — не выдержал он.

Геррера добродушно похлопал его по плечу:

— Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Мы уже богаты,— возразил Пакстон.

— Не так чтобы уж очень,— сказал Геррера, и на его продолговато смуглом изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подошел Стелмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

— Как насчет передышки, джентльмены?

— Отчего же нет? — отозвался Геррера.— Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился к Т-образной скале.

Стелмэн раскурил трубку, а Геррера расстегнул «молнию» и извлек из кармана комбинезона сигару.

Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

— Так когда же мы улетим с этой планеты? — наконец спросил он.— Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Геррера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

— Мне ответит кто-нибудь?! — закричал Пакстон.

— Успокойся. Ты в меньшинстве,— произнес Стелмэн.— В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

— Но деньги-то — мои! — заявил Пакстон.

— Разумеется. Потому тебя и взяли. Геррера имеет большой практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота — только у меня. А ты дал деньги.

— Но корабль уже ломится от добычи! — воскликнул Пакстон.— Все трюмы заполнены до отказа! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить!

— У нас с Герреро нет твоих аристократических замашек,— с преувеличенным терпением объяснил Стелмэн.— Зато у нас с Герреро есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота — в топливные баки, изумруды — в жестянки из-под муки, а на палубу — алмазы по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг бешеное богатство, которое так и просится, чтобы его подобрали. Мы хотим быть бездонно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

— Это дерево только что шевельнулось,— низким голосом проговорил он.

Геррера разразился смехом.

— Чудовище, надо полагать,— презрительно бросил он.

— Спокойно,— мрачно произнес Стелмэн.— Мой мальчик, я немолод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, существуй хоть малейшая опасность?

— Вот! Снова шевельнулось!

— Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету,— напомнил Стелмэн,— и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли,— это леса, и горы, и золото, и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да буде здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

— Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! — настаивал Пакстон.

Геррера поднялся.

— Это дерево? — спросил он Пакстона.

— Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Геррера выхватил из кобуры бластер «Марк-2» и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

— Вот уже никого и нет,— подытожил Геррера.

Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

— Ага. Но теперь-то оно мертво,— успокаивающе произнес Геррера.— Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немного изумрудиков, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Герреро по тропе.

— Непосредственный малый, правда? — с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был совершенно незащищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предварительного фырканья, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мираш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбираясь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать натуру противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт миращей затих вдали, а затем, превозмогая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула вол-

на отчаянной паники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он снова сосредоточился. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он смог восстать из пепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок от смерти. Только инстинктивная квондикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, непредсказуемой атаки начисто отшибло ему память о всех охотничьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со столь опасными мирашами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской шкуры... Командиру можно сказать, что все мираши оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет подвергать его сомнению, а тем более перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое?!

Что ж, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием — лагерные костры, пение, игры, товарищество...

«Никогда!» — твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. А ведь мираши — даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупалец, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хитростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след мирашей и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, это может погубить шкуру.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с мирашом, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы выслеживать мирашей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине,

лежал их красный, отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами — небольшими, но идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Геррера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займется скотоводством. А Стелмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной внеземным залежам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось — предпочтительно зеленое — и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

— Вот мы и дома,— сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере.— Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

— С луком! — потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

— Занятно,— сказал Стелмэн.— Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Геррера оттащил его:

— Это может быть мина-ловушка.

— Проводов не видно,— возразил Пакстон.

Геррера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

— Этой штуке я не верю ни на грош,— заявил он.

— Может быть, здесь все-таки есть туземцы? — предположил Стелмэн.— Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар — знак доброй воли.

— Ага,— саркастически подхватил Геррера.— Специально ради нас они сгоняли на Землю за бутылочкой «Старого космодесантного».

— Что же нам делать? — спросил Пакстон.

— Не соваться куда не надо,— отрубил Геррера.— Ну-ка, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

— Видишь, ничего страшного,— заметил Пакстон.

Длинный травяной стебель, на котором стоял Геррера, туго обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух.

Геррера попытался спрыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

— Держись! — завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Геррера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног. Стелмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Геррера вырвал из пут одну ногу и переметнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались и Геррера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи и умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стелмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наготове.

— Ночью по очереди будем нести вахту,— отчеканил Геррера.

Пакстон и Стелмэн согласно кивнули.

— Пожалуй, ты прав, Пакстон,— сказал Геррера.— Что-то мы здесь засиделись.

— Чересчур засиделись,— уточнил Пакстон.

Геррера пожал плечами:

— Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стартуем.

— Если только сможем добраться до корабля,— не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся мираш за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный мираш! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. От излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, мираши обладают повышенным тропизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно, что мираши ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они взбешены, насторожены и предельно опасны.

А разъяренный мираш — это одно из самых ужасающих зрелищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который мираши развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих мирашей, скорчившихся внутри,— органы чувств на пределе, оружие наготове.

Неужели ради одной-единственной шкуры мираша стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию, а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками. Какой прок от всех этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истинное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблемы и верны, они не дают забыть, что миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприветливой Вселенной.

Остается либо добыть шкуру мираша, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас — выманить их из пещеры. Наконец-то к Дрогу вернулись охотничьи навыки. Быстро и умело он сотворил манок для мираша.

— Вы слышали? — спросил Пакстон.

— Вроде бы какие-то звуки,— сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. «О-о, на помощь! Помогите!» — кричал голос.

— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.

— Это *похоже* на голос девушки,— поправил Стелмэн.

— Умоляю, помогите! — взывал девичий голос.— Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо

жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство — пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища — зеленые, осклизлые, а за ними появляется Он — главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

— Я выхожу,— хладнокровно заявил он.

— Сядь, кретин! — приказал Геррера.

— Но вы же слышали ее, разве нет?

— Никакой девушки тут быть не может,— отрезал Геррера.— Что ей делать на такой планете?

— Вот это я и собираюсь выяснить,— заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами.— Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

— Сесть! — заорал Геррера.

— Он прав,— Стелмэн попытался урезонить Пакстона.— Даже если девушка и впрямь где-то там объявилась, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

— О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! — визжал девичий голос.

— Прочь с дороги,— угрожающим басом заявил Пакстон.

— Ты действительно выходишь? — с недоверием поинтересовался Геррера.

— Хочешь мне помешать?

— Да нет, валяй,— Геррера махнул в сторону выхода.

— Мы не можем позволить ему уйти! — Стелмэн ловил ртом воздух.

— Почему же? Дело хозяйское,— безмятежно промолвил Геррера.

— Не беспокойтесь обо мне,— сказал Пакстон.— Я вернусь через пятнадцать минут — вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Геррера подался вперед и рассчитанным движением опустил на голову Пакстона полено, заготовленное для костра. Стелмэн подхватил обмякшее тело. Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение. Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это потом вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мираши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мираша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая мирашей двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мираши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалась безграмоция. Это был старейший трюк, описанный в книге, но чтобы он удался, следовало подобраться к мирашам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И к счастью, погодные условия были самые благоприятные.

Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того, как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Геррера в сердцах выругался.

— Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!

Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала бластер. Туман вокруг был непроницаемым.

— Геррера?

— Да.

— Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

— Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

— А если компас вышел из строя?

— Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

— По-моему, я вижу корабль,— сказал Пакстон.

— Нет, еще рано,— возразил Геррера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил бластер, на ощупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Герреры. Наконец он нащупал его и двинулся дальше.

— Кажется, мы почти дошли,— сказал Геррера.

— От души надеюсь,— выдохнул Пакстон.— С меня хватит.

— Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

— Не береди душу!

— Ладно,— смирился Геррера.— Эй, Стелмэн, лучше по-прежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделяться.

— А я и так держусь,— отозвался Стелмэн.

— Нет, не держишься.

— Да держусь, тебе говорят!

— Слушай, кажется, мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

— Это твое плечо, Пакстон?

— Нет,— ответил Пакстон.

— Плохо,— сказал Стелмэн очень медленно.— Это совсем плохо.

— Почему?

— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

— Ложись! — заорал Геррера.— Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Геррера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим миражом...

Космический корабль несся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель, того и гляди, мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Геррера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стелмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

— Как там Пакстон? — спросил Геррера.

— Я накачал его дроном-3,— ответил Стелмэн.— С ним все будет в порядке.

— Хороший малый,— заметил Геррера.

— Думаю, это просто шок,— сказал Стелмэн.— Когда он придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, будет для него лучше всякой другой терапии.

Геррера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

— Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит подзаняться алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлиненное лицо посерьезнело.

— Но все-таки, Стелмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 — «Парящий сокол» — разыграл короткую пантомиму, символизирующую освобождение Элбоная. Патруль 31 — «Отважные бизоны» — облачился в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 — «Атакующий мираш» — двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его. Ведь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого мираша — ее молнии, пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

Вторжение на рассвете

Эта система насчитывала одиннадцать планет, но Дилон уже выяснил, что на планетах внешнего кольца вообще не было жизни, на четвертой от солнца она только зарождалась, на третьей, вероятно, вскоре появится. И лишь на второй — голубом шарике с единственной луной — он наконец обнаружил разумных существ. Туда-то Дилон и направил свой корабль.

Он подобрался к планете, под покровом темноты проскользнул сквозь атмосферу, прошил плотный слой дождевых туч, сам больше похожий на облачко, и совершил посадку с той лихорадочной суетой, которая с головой выдает землянина.

Когда корабль наконец приземлился, до рассвета оставался еще целый час, тот самый час, когда жизнь — неважно, какая планета ее породила,— замирает, и создания теряют бдительность. Примерно так говорил ему отец перед тем, как Дилон покинул Землю. Вторжение на рассвете являлось главной тактической уловкой землян, досконально разработанной для того, чтобы с наибольшим успехом захватывать иные миры.

— Однако все знания не гарантируют от ошибок,— напомнил ему отец,— когда имеешь дело с таким непредсказуемым явлением, как разум.

Сделав это заявление, старик назидательно кивнул и продолжил:

— Помни, ты можешь перехитрить метеорит, предугадать ледниковый период, предсказать рождение новой звезды. Но что, собственно, ты знаешь об этих непостижимых и переменчивых существах, которые обладают разумом?

Не очень многое, сознался Дилон. Но он верил в свою молодость, напор и ловкость и доверял уникальной технике нападения, разработанной на Земле. С помощью искусства вторжения землянин мог пробить себе путь к самой вершине — в любой обстановке, чуждой и враждебной.

Дилона с пеленок учили, что жизнь — это непрерывная борьба. Он уяснил, что Галактика огромна и опасна и состоит в основном из пустоты и раскаленных звезд. Но временами встречаются и планеты, а на планетах — разумные существа, весьма различные по облику и размерам, но равно ненавидящие все, что не похоже на них. Всякое сотрудничество между расами исключено. И жизнь среди них требовала от землянина предельного мастерства, выдержки и находчивости. Но даже имея все это, невозможно выжить без разрушительной техники, созданной земными учеными.

Дилон был способным учеником, готовым на все. Он был ярым сторонником Исхода и наконец, подобно миллионам молодых людей до него, получил собственный космический корабль и отправился в поиск, навсегда покинув маленькую перенаселенную Землю. И вот он встретил свою судьбу.

Корабль сел в джунглях, неподалеку от деревни с хижинами, крытыми тростником, и скрылся в густых зарослях. Дилон нетерпеливо ждал, пока рассвет не выкрасил небо в белый цвет с едва заметным розовым оттенком. Никто не объявил на него охоту, не посыпались бомбы, не понеслись ракеты. Надо полагать, его прибытия не заметили.

До того как солнце планеты появилось над горизонтом, Дилон провел необходимые анализы. Он определил состав атмосферы, силу тяжести, оценил энергию и спектр солнечного излучения и тоскливо покачал головой. Планета, подобно большинству планет в Галактике, была вряд ли пригодна для земной формы жизни. У него в запасе примерно час, за который он и должен завершить вторжение.

Дилон нажал на кнопку самоликвидации и быстро покинул кабину. Через минуту корабль за его спиной превратился в пепел, подхваченный утренним ветерком и развеянный по всем джунглям. Отрезав путь назад, Дилон направился к деревне чужаков.

Подойдя ближе, он увидел, что хижины местных жителей сложены из дерева, тростника и обтесанных вручную камней. Строения казались довольно прочными и явно подходили для здешнего климата. Дорог не было и в помине, только тропинки, петляющие сквозь джунгли. Ни силовых установок, ни фабрик. Цивилизация раннего периода, решил Дилон, завоевать такую — ничего не стоит.

Дилон уверенно двинулся вперед и тут же наткнулся на туземца.

Оба уставились друг на друга. Житель планеты оказался двуногим, но ростом значительно превосходил землянина и имел хорошо развитый череп. Носил он лишь простую набедренную повязку. Из-под серой шерсти виднелась светло-коричневая кожа. Чужак не выказал ни малейшего испуга.

— Ир-тай! — произнесло существо, что Дилон определил как возглас удивления.

Торопливо оглянувшись по сторонам, Дилон никого больше не заметил и решил, что этот абориген обнаружил его случайно. Он слегка напрягся и согнул ноги в коленях.

— К'тал тай а...

Дилон прыгнул. Чужак попытался увернуться, но Дилон, как кошка, изогнулся в полете и крепко вцепился в руку туземца.

Большего не требовалось. Физический контакт установлен, а остальное уже пустяк.

Несколько столетий назад взлет рождаемости резко увеличил население Земли. Но ни одна из тысячи планет не годилась для человека. Предлагались возможные варианты: например, изменение чуждой среды и создание земных условий. Или биологические изменения самого человека, его «подгонка» под новые условия. Возобладал третий путь. Он заключался в огромной пластичности психики, свойственной всем разумным расам.

Землян с детства обучали искусству вторжения в чужое сознание. С такой способностью землянин мог жить на любой планете, просто занимая мозг одного из ее обитателей, содержащий вдобавок еще и нужную информацию. Врожденная привычка к соперничеству, отшлифованная учебой агрессивность были надежным гарантом того, что в схватке за тело с чужим разумом землянин окажется победителем.

В первый момент Дилон испытал глубокое сожаление по поводу гибели собственного тела, которое следовало уничтожить немедленно, чтобы не оставалось никаких следов. Только он и его «носитель» должны знать, что место занято захватчиком.

А в конечном итоге знать об этом будет лишь кто-то один.

И теперь, внедрившись в разум чужака, Дилон всецело сосредоточился на предстоящей схватке. Барьеры рушились один за другим по мере продвижения к центру, в котором обитало «Я-есть-Я». Когда он возьмет и эту цитадель, вытеснив обитающую там личность, тело будет полностью принадлежать ему.

Поспешно воздвигаемые заграждения рушились под стремительным натиском Дилона. Какое-то время он думал, что уже первый штурм приведет к победе. И вдруг потерял направление, заблудившись в неясной, бесформенной мгле, окутавшей нечеловеческое сознание чужака. Туземец оправился после шока. Дилон ощутил медленно растущую силу сопротивления.

Кажется, ему предстоит настоящая битва.

На территории сознания чужака начались переговоры.

— Кто ты?

— Эдвард Дилон с планеты Земля. А ты?

— Арек. Мы зовем наш мир К'егра. Что тебе нужно здесь, Дилон?

— Немножко жизненного пространства, Арек,— усмехаясь, сказал Дилон.— И ты можешь мне его дать.

— Будь я проклят... Проваливай из моего мозга!

— Не могу,— возразил Дилон.— Теперь уже некуда.

— Понимаю,— задумался Арек.— Плохо дело, но тебя сюда не приглашали. И что-то подсказывает мне, что ты хочешь куда больше, чем немного жизненного пространства. Тебе нужно все, не так ли?

— Да,— согласился Дилон.— Я должен иметь контроль над всем, иного выхода нет. Но если ты не станешь сопротивляться, я, возможно, оставлю местечко и для тебя, хотя это и не принято.

— Не принято?

— Конечно,— подтвердил Дилон.— Разные расы не могут сосуществовать. Таков закон природы. Сильнейший выживает слабейшего. Но я могу попробовать, хотя бы какое-то время.

— Не делай мне поблажек,— сказал Арек и разорвал контакт.

Серая мгла обернулась густой чернотой. И Дилон в ожидании предстоящей схватки ощутил первые признаки сомнений по поводу собственного безусловного успеха.

Арек казался существом на низком уровне развития, но овладел ситуацией с ходу, приспособился к ней и теперь был готов к борьбе. Возможно, он не так уж и опасен, но все может быть...

Что же это за существо?

Дилон стоял на каменистом холме в окружения зазубренных скал. Вдали в дымке виднелась цепь высоких голубых гор. В глаза било солнце, ослепительное и горячее. По склону холма в направлении Дилона ползло черное пятно.

Дилон отпихнул ногой камень с дороги и стал ждать, пока пятно не примет какие-то более-менее конкретные очертания.

Так создавался образ ментальной битвы, где мысли обретают материальные формы, а идеи воплощаются в осязаемые предметы.

Пятно превратилось в кеграниna. Он внезапно навис над Дилоном, огромный, с напружиненными мускулами, вооруженный мечом и кинжалом.

Дилон отступил, избежав первого удара. Схватка происходила в узнаваемом, а следовательно, в подконтрольном образе. Чужаки обычно вызывали образ идеального представителя своей расы с преувеличенными атрибутами мощи. Образ создавался неизменно грозным, пугающим, непобедимым, но обычно именно здесь и крылся внутренний изъян. Дилон решил рискнуть, сыграв на нем.

Кеграниn сделал выпад. Дилон увернулся, упав на землю, и неожиданно ударил кеграниna обеими ногами. Кеграниn попытался отпрыгнуть, но оказался слишком медлительным: ботинки Дилона с силой врезались ему в живот.

Торжествующий Дилон бросился вперед. Он понял, что сделал правильный ход.

Увернувшись от меча, Дилон сделал ложный выпад, кеграниn попался на удочку, на мгновение раскрывшись, и Дилон двумя точными ударами ребром ладони сломал противнику шею.

Кеграниn рухнул, сотрясая землю. Дилон наблюдал за его агонией с некоторой долей сочувствия. Идеальный образ бойца у всех рас был внушительнее реального прототипа — сильнее, отважнее, искуснее, и в этом была его слабость: он оказывался слишком громоздким и неповоротливым в своем грандиозном величии. Для «картинки» это, конечно, великолепно, однако для «боевой машины» — ахиллесова пята.

Мертвый гигант исчез. Дилон уже решил, что победа осталась за ним, как вдруг услышал за спиной рычание. Обернувшись, он увидел длинное, похожее на пантеру, черное приземистое животное с прижатыми ушами и оскаленными клыками.

Значит, у Арека еще остались резервы. Однако Дилон знал, сколько энергии отнимает психологическая битва. Через некоторое время силы чужака окончательно иссякнут, и тогда...

Дилон, подняв с земли меч гиганта, начал отступать, пока не уперся спиной в высокий валун. Пантера шла прямо на Дилона, однако его позиция предлагала зверю сначала перемахнуть ограду, образованную валунами в половину человеческого роста. Солнце светило Дилону прямо в глаза, легкий ветерок швырял горсти песка в лицо. Когда пантера прыгнула, Дилон наотмашь рубанул ее мечом, и зверь рухнул на камни.

Несколько долгих часов подряд Дилон раз за разом уничтожал пеструю компанию кегранских тварей, расправляясь с ними так, как сражался бы с земными животными.

С носорогом — или, по крайней мере, очень похожим зверем — он справился легко, несмотря на внушительные размеры и быстроту животного. Дилон заманил зверя к краю скалы, и тот рухнул в пропасть. «Кобра» оказалась куда опасней и едва не плюнула ему ядом в глаза, прежде чем Дилон разрубил ее надвое. «Горилла» была сильна и чрезвычайно подвижна. Но ей так и не удалось наложить свои мохнатые лапы на человека — Дилон, ловко увертываясь и делая выпады, как фехтовальщик, буквально истыкал ее мечом. Бронированный тиранозавр вел себя весьма настойчиво, и Дилону пришлось устроить целый камнепад, похоронивший ящера.

Дилон давно потерял счет схваткам. Однако в конце концов с кружившейся от усталости головой и зазубренным осколком меча он остался один.

— Довольно, Дилон? — послышался голос Арека.

— Ну уж нет,— сквозь пересохшие до черноты губы просипел Дилон.— Ты не сможешь продолжать бесконечно, Арек. Есть предел даже твоей жизнеспособности.

— Ты думаешь? — переспросил Арек.

— Тебе недолго осталось,— заявил Дилон, пытаясь продемонстрировать уверенность в себе, которую, однако, уже не испытывал.— Почему бы не проявить благоразумие? Я оставлю тебе немного места, обещаю. Я... знаешь, я даже испытываю к тебе некоторое уважение.

— Благодарю, Дилон,— ответил Арек.— Это взаимно. Так что если ты признаешь поражение...

— Нет,— заявил Дилон.— Условия ставлю я!

— Ну ладно,— произнес Арек.— Ты сам напросился на неприятности!

— Так давай их сюда,— пробормотал Дилон.

Каменистый холм мгновенно исчез.

Дилон стоял по колено в сером болоте. Из мха и стоячей воды поднимались ряды гигантских сучковатых деревьев; белесые, как рыбье брюхо, лилии раскачивались и трепетали, несмотря на полное безветрие. Над водой, цепляясь за грубую кору деревьев, висел плотный белый туман. Вокруг не раздавалось ни звука, хотя Дилон и ощущал кипевшую в болоте жизнь.

Медленно осматриваясь, он выжидал, вдыхая затхлый воздух, вонь разложившихся растений и переставляя ноги в клейкой жиже. И тут до него дошло...

Ведь на К'егре нет болот!

Он чувствовал это с той внутренней уверенностью, которую каждый землянин ощущал в чужих мирах. К тому же сейчас и сила тяжести иная, и состав атмосферы другой. Даже грязь под ногами не такая, как на К'егре.

Мысли мелькали так быстро, что он не успевал их как следует проанализировать. Неужели кегране освоили космические перелеты? Невозможно! Тогда как же Арек мог так хорошо знать чужую планету? Слышал о ней? Или это плод его фантазии? Такой реальный?

Ему в затылок уперся чей-то тяжелый взгляд. Атака застала задумавшегося Дилона врасплох.

Он попытался сдвинуться с места, но ноги увязли в жиже. С одного из нависших над водой деревьев свалилась тяжелая ветка. Дилон вдруг заметил, что деревья раскачиваются и трещат. Ветви гнулись книзу, скрипели и, отламываясь, дождем сыпались на него.

А ведь было полное безветрие.

Обескураженный, Дилон продирался сквозь топь, стремясь отыскать твердую почву и место, где не было деревьев. Но огромные стволы поднимались из воды повсюду, да и островка земли в болоте тоже не находилось. Ураган из ветвей усилился, и Дилон брел, закрыв голову руками. Он жаждал сразится хоть с кем-то живым, но вокруг было лишь одно стоячее болото.

— Выходи! — закричал Дилон.

Что-то ударило его под колени, и он шлепнулся в тину. С трудом поднялся и свалился опять. И тут едва не потерявший сознание Дилон увидел укрытие. Он дотащился до огромного дерева и вцепился в мшистые корни. Ветви злобно раскачивались и трещали, но дерево не могло дотянуться до него. Наконец он в безопасности!

Он еще не успел обрадоваться, как с ужасом заметил, что растущие у основания дерева лилии длинными стеблями обвили его лодыжки. Он попытался вырваться из гибких сетей, однако стебли, обвившие ноги, словно белые змеи, затягивались все туже. Резким движением Дилон оборвал их и побрел прочь от обманчивого укрытия.

— Сразись со мной! — требовал Дилон. Никакого ответа. Длинные стебли лилий, подрагивая словно от вожделения, вновь потянулись к нему, над головой захлопали крылья болотной нечисти, почуявшей близкую развязку. Дилон покачнулся и вдруг ощутил, как что-то теплое и скользкое коснулось его лодыжки.

А вот теперь он знал, что делать.

Понадобилось лишь мгновение, чтобы к нему вернулась былая уверенность. Головой вперед Дилон нырнул в мутную зеленую воду...

И тут же болото успокоилось. Огромные стволы замерли на фоне грифельного неба, лилии поблекли, белый туман неподвижно завис над болотом, окутав шероховатые стволы деревьев, а птицы беззвучно ушли ввысь.

Какое-то время на поверхности воды лопались пузыри, но затем исчезли и они.

С глубокими царапинами на шее и спине Дилон вынырнул на поверхность, сжимая в руках бесформенное полупрозрачное существо — хозяина болота.

С трудом добравшись до дерева, Дилон с размаху шмякнул ослабевшее существо о ствол, добивая его. И устало сел на корни.

Никогда раньше он не был столь измотан схваткой и не чувствовал себя так скверно. И никогда раньше он не сомневался в необходимости бесконечной борьбы. Зачем все это, если жизнь занимает лишь ничтожную клетку на огромной карте бытия. Разве можно сопоставить краткий миг его существования с ходом планет или величественным сиянием солнца? Дилон был поражен собственным бесстыдством — ну можно ли с таким упрямством цепляться за жизнь?

Теплая уютная вода достигла груди. Жизнь, сонно сказал себе Дилон, есть не что иное, как просто зуд на шкуре нежизни, паразит материи. Оценивая количественно, говорил он себе, когда вода достигла шеи, что значит ничтожество жизни по сравнению с неизмеримостью не-жизни? Если нежизнь естественна, думал он, погружаясь в воду по подбородок, то жизнь — своего рода болезнь, самое здравое в ней — это ожидание смерти.

Мысль о смерти казалась приятной в тот момент, когда вода ласкала его губы. Борьба сменяется отдыхом, болезнь — исцелением. Так легко погрузиться вниз, где ждет забвение...

— Вот и славно,— прошептал Дилон, подтягивая голову к коленям.— Ты хорошо потрудился, Арек. Может, и ты устал? Может, от тебя не осталось ничего, кроме слабой эмоции?

Стало темно, и в темноте нечто, напоминавшее Дилона в миниатюре, обняло его за плечи и принялось нашептывать прямо в ухо.

— Есть вещи и похуже смерти,— сказало его подобие.— Есть вещи, с которыми ни одно живое существо не может жить. Это знание вины, утаенное в самых глубинах сознания, отвра-

тительное и ненавистное, но *знание*, от которого никуда не деться.

Смерть предпочтительнее этого знания, Дилон. Она становится даром, последней надеждой, к ней взывают, а иные пройдохи специально укладываются на смертное ложе, чтобы привлечь ее... когда возникает нужда заглянуть поглубже в самого себя.

Дилон не желал слушать советчика, так похожего на него самого, однако миниатюра вцепилась ему в плечи и указующе ткнула пальцем. И Дилон увидел, как в темноте, сгущаясь, рождается что-то странно знакомое...

— Только не это, Дилон,— умолял двойник.— Пожалуйста, только не это! Выбери смерть! Будь отважен! Главное — умереть в нужное время!

Дилон, все более узнавая приближающийся образ, содрогался от дикого, невообразимого ужаса. В кошмарном образе крылось знание, выплывающее из темных глубин, тайное знание своей вины за все, о чем он когда-либо думал и что делал.

— Скорее, Дилон! — кричал двойник.— Будь тверд, будь смел, будь правдив! Умри, пока еще не знаешь, кто ты на самом деле!

И Дилону действительно захотелось умереть. Со вздохом огромного облегчения он начал высвобождаться из объятий двойника, чтобы позволить своей сущности ускользнуть в небытие...

И не смог.

— Помоги мне! — закричал он.

— Не могу! — ответила копия.— Ты должен сделать это сам.

Дилон попытался снова. Знание было уже рядом. Дилон просил смерти, умолял о ней, но не мог позволить себе умереть.

Оставалось одно. Собрав остаток сил, Дилон отчаянно бросился навстречу надвигающемуся образу.

И тот исчез.

А спустя мгновение Дилон осознал, что битва окончена. Он в одиночестве стоял на завоеванной территории. Несмотря ни на что, он победил! У его ног лежала покинутая цитадель, ждущая нового властителя. Дилон ощутил прилив уважения к Ареку. Славный был соперник, стоящий противник. Возможно, он и уступит Ареку немного жизненного пространства, если тот не попытается...

— Очень любезно с твоей стороны, Дилон,— загремел голос.

Дилон не успел отреагировать. Он попал в такой могучий захват, что всякая мысль о сопротивлении казалась бессмыс-

ленной. Только теперь Дилон осознал истинную мощь разума кегранина.

— Ты все делал просто здорово, Дилон,— сказал Арек.— Тебе не следует стыдится борьбы, которую ты проиграл.

— Так у меня не было ни единого шанса? — спросил Дилон.

— Не было,— мягко ответил Арек.— Ты, как и большинство представителей юных рас, считаешь свой земной метод вторжения уникальным. Однако К'егра — древний мир, и за время своего существования мы подвергались вторжению множество раз — как физическому, так и ментальному. Поэтому нам это не в новинку.

— Ты играл со мной! — воскликнул Дилон.

— Я хотел выяснить, что вы из себя представляете,— пояснил Арек.

— Ты, должно быть, сейчас лопнешь от самодовольства! Для тебя это была всего-навсего игра. Ладно, теперь давай ее завершим.

— Что ты имеешь в виду?

— Убей меня!

— Зачем? — поинтересовался Арек.

— Затем... а что, собственно, тебе остается? Почему у меня должна быть иная участь, чем у остальных?

— Ты встретился кое с кем из остальных, Дилон. Ты сражался с Эйтаном, обитавшим на своей болотистой планете до того, как отправиться в путешествие. А твой вкрадчивый двойник — это Оолемрик, прибывший сюда совсем недавно. И все они поначалу очень походили на тебя — так же рвались в бой.

— И?..

— Мы приняли их, освободив место, и стали гораздо богаче. Вместе мы нечто гораздо большее, чем те слабые создания, что существовали поодиночке.

— Вы живете все вместе? — прошептал Дилон.— В твоем теле?

— Конечно. Хорошие тела в Галактике редкость, да и подходящих мест для житья не так уж много. Дилон, познакомься с моими партнерами.

И Дилон снова увидел аморфное существо, и покрытого чешуей Оолемрика, и еще дюжину других.

— Но такого просто не может быть! — воскликнул Дилон.— Чуждые друг другу расы не могут жить вместе! Жизнь — это вечная борьба. В этом основной закон природы!

— Добавь: свойственный юным расам,— пояснил Арек.— Мы давно открыли, что сотрудничество означает выживание для всех, причем гораздо более успешно. Скоро ты сам в этом убедишься. Добро пожаловать в нашу конфедерацию, Дилон.

И Дилон, все еще ошеломленный, вступил в цитадель.

Хранитель

Он приходил в сознание медленно, понемногу начиная ощущать боль во всем теле. В животе что-то болезненно пульсировало. Он попробовал вытянуть ноги.

Ноги ничего не коснулись, и он вдруг понял, что его тело не имеет никакой опоры.

«Я мертвец,— подумал он,— свободно парящий в пространстве».

Парящий? Он открыл глаза. Да, он именно парил. Прямо над ним находился потолок... а может быть, пол? Он едва удержался от крика, моргнул — словно прозрел, увидев наконец, что его окружает.

Было ясно, что он находится в космическом корабле. Кабина напоминала поле боя: вокруг дрейфовали ящики и приборы, явно вырванные со своих мест каким-то внезапным резким толчком. По полу тянулись обгоревшие провода. Выдвижные ящики стеллажа у стены сплавились в единый монолит.

Он озирался по сторонам и ничего не узнавал. Похоже, все это он видит впервые. Вытянув руку, он оттолкнулся от потолка и поплыл вниз. Затем, оттолкнувшись от пола, попробовал ухватиться за настенный поручень. А ухватившись, попытался собраться с мыслями.

— Всему этому, несомненно, есть логическое объяснение,— произнес он вслух, чтобы услышать собственный голос.— Осталось только вспомнить — какое.

Вспомнить...

Как его имя?

Он не знал.

— Эй! — крикнул он.— Есть здесь кто-нибудь?

В узком проходе гулко прозвучало эхо. Ответа не было.

Уворачиваясь от дрейфующих ящиков, он пролетел через кабину — и спустя уже полчаса убедился, что на корабле, кроме него, никого нет.

Он снова вернулся в нос корабля, где находился длинный пульт с установленным перед ним мягким креслом. Он пристегнулся ремнями к креслу и принялся изучать пульт.

Над пультом помещались два экрана, большой и малый. Под большим располагались две кнопки: «передний обзор» и «задний обзор». Под кнопками имелась откалиброванная шкала. Малый экран не имел никакой маркировки.

Не найдя других элементов управления, он нажал кнопку переднего обзора. Экран прояснился, показав черное простран-

ство со светящимися точками звезд. Он долго изумленно разглядывал их, наконец повернулся к экрану спиной.

«Во-первых,— подумал он,— необходимо собрать воедино все, что я знаю, и посмотреть, какие из этого можно сделать выводы. Итак...»

— Я — человек,— сказал он.— Нахожусь в космическом корабле, в космосе. Мне известно, что существуют звезды и планеты. Теперь посмотрим дальше...

Его познания в астрономии оказались ничтожными, в физике и химии — и того меньше. Из английских писателей ему удалось припомнить лишь Тройдзела, популярного романиста. Он знал имена авторов некоторых исторических книг, однако начисто забыл их содержание.

А еще он знал, что название этому — амнезия.

Внезапно он испытал огромное желание увидеть себя, взглянуть на свое лицо. Тогда наверняка вернутся и память и самосознание. Он снова поплыл по кабине, разыскивая зеркало.

Обнаружив еще один стеллаж с выдвижными ящиками, он стал поспешно открывать их один за другим, выбрасывая содержимое в невесомость. В третьем ящике он нашел бритвенный футляр с маленьким стальным зеркальцем и принялся озабоченно изучать свое отражение.

Бледное вытянутое лицо неправильной формы. Черная щетина на подбородке. Бескровные губы.

Лицо незнакомца.

Стараясь не поддаваться панике, он бросился обыскивать кабину в надежде отыскать какой-нибудь ключ к разгадке тайны собственного «я». Он торопливо хватал пролетающие мимо ящики и рылся в них, однако не находил ничего, кроме запасов съестного.

Тогда он остановился и внимательно оглядел всю кабину.

В углу плавал листок бумаги с обгоревшими краями. Он поймал его.

«Дорогой Рэн,— начиналась записка,— химики очень торопились и делали проверку пентина наспех, в последнюю минуту. Похоже, существует большая вероятность потери памяти. Она может быть вызвана сильнодействием препарата и околошоковым состоянием после того, что ты перенес,— неважно, сознаешь ты это или нет. Они поставили нас в известность только *сейчас*! Я наскоро пишу тебе весточку за четырнадцать минут до времени "ноль" как напоминание в том случае, если они окажутся правы.

Во-первых, не ищи никакого управления кораблем. Все автоматизировано или, по крайней мере, должно быть автоматизирова-

но — если эта груда склеенного картона выдержит. (Не вини техников, у них практически не было времени закончить работу и отправить корабль до вспышки.)

Твой курс выбирается с помощью автоматической системы планетарной селекции тютелька в тютельку. Не думаю, что ты способен забыть теорию Маргелли, но если ты все же ее забыл, не бойся, что приземлишься у каких-нибудь восемнадцатиголовых разумных сороконожек. Ты достигнешь планеты с гуманоидной жизнью, потому что она *обязательно должна быть гуманоидной.*

Ты, возможно, окажешься немного побитым после старта, но пентин поможет тебе выкарабкаться. Если кабина будет в беспорядке, то лишь потому, что мы не имели времени проверить все допуски на прочность.

Теперь насчет твоей миссии. Сразу же обратись к помощи проектора номер один, что в пятнадцатом ящике. Предохранительная защита установлена на самоуничтожение после одного просмотра — убедись, что ты понял это. Миссия чрезвычайной важности, док, и каждый мужчина и женщина Земли с тобой. Не дай нам потерпеть крах».

Под текстом стояла подпись какого-то Фреда Андерсона.

Рэн — если записка предназначалась ему, то он и есть Рэн,— осмотрелся в поисках пятнадцатого ящика. И сразу увидел, где тот находился. Ящики с одиннадцатого по двадцать пятый оказались искорежены и оплавлены, а их содержимое погибло.

Теперь лишь обгорелый листок бумаги связывал его с прошлым, друзьями и всей Землей. И хотя потеря памяти все же имела место, ему стало заметно легче оттого, что этому нашлось объяснение.

Но в чем же дело? Почему корабль отправляли в такой спешке? Отчего в корабль поместили именно его? И почему его одного?

Да и эта миссия чрезвычайной важности... Если она жизненно необходима — почему ее не обезопасили лучшим образом?

В записке оказалось больше вопросов, чем ответов. Нахмурившись, Рэн снова подплыл к пульту. И опять посмотрел на экран с видом звездного неба, пытаясь понять причину.

Может, все дело в страшной болезни, а он единственный, кто не заразился? И тогда построили корабль и отправили его в космос. А миссия? Контакт с другой планетой, поиск противоядия и доставка его на Землю...

Бред.

Он снова оглядел пульт и нажал кнопку заднего обзора.

И едва не потерял сознание. Слепящий, обжигающий глаза свет заполнил все поле экрана. Он поспешно уменьшал изобра-

жение, пока наконец не уяснил, что это. И в письме упоминалась вспышка.

Теперь Рэн знал точно, что Солнце превратилось в Новую звезду, а Земля уничтожена.

Часов на корабле не оказалось, и доктор Рэн понятия не имел, сколько времени длился его полет. Потрясенный случившимся, он летал и летал по кораблю, то и дело возвращаясь к экрану.

Корабль набирал скорость, а Новая становилась все меньше и меньше.

Рэн ел и спал. Он облазил весь корабль, забирался в самые укромные уголки. На пути все время попадались плавающие в невесомости ящики, он подтягивал их к себе и осматривал содержимое.

Прошли дни — или недели?

Спустя некоторое время Рэн постарался соединить известные ему факты в единое целое. Имелись, конечно, пробелы и вопросы, к тому же, возможно, он что-то неверно понял — но начало было положено.

Итак, его выбрали, чтобы отправить в корабле в космос. Не как пилота, поскольку корабль был полностью автоматизирован, а по какой-то иной причине. В письме его назвали «док». Возможно, это означало, что он доктор.

Вопрос: доктор чего?

Он не знал.

Создатели корабля понимали, что Солнце превращается в Новую, и, очевидно, не имели возможности спасти значительную часть населения Земли. И тогда они пожертвовали собой и всеми остальными, чтобы спасти его.

Опять вопрос: почему именно его?

На него возложена миссия чрезвычайной важности. Такой важности, что буквально все, без исключения, было подчинено ей, и даже гибель самой Земли отходила на второй план по сравнению с ее завершением.

И снова вопрос: в чем заключается эта миссия?

Доктор Рэн просто представить себе не мог что-либо столь важное. И даже не догадывался, что бы это могло быть.

Тогда он попытался подойти к проблеме с другой стороны.

Что бы он сделал в первую очередь, спрашивал он себя, если бы знал, что в ближайшее время Солнце превратится в Новую, а он имеет возможность спасти лишь ограниченное число людей?

Он послал бы несколько пар мужчин и женщин — ну хотя бы одну пару,— надеясь возобновить род человеческий.

Но, очевидно, лидеры Земли не видели подобного решения проблемы.

Прошло время, сколько — неизвестно, и малый экран ожил. На нем загорелась надпись: *«Планета. Контакт через 100 часов».*

Рэн сел перед пультом и стал наблюдать. Он ждал долго, до тех пор, пока не изменились цифры: *«Контакт через 99 часов».*

Оставалась еще уйма времени. Он поел и решил навести порядок на корабле.

Устанавливая ящики в сохранившиеся ячейки стеллажей, он обнаружил тщательно упакованный и накрепко перевязанный аппарат, в котором сразу узнал проектор. На боку аппарата была выгравирована большая цифра «2».

Запасной,— сообразил Рэн, и его сердце учащенно забилось. Почему же он раньше не подумал об этом? Он приставил к глазам окуляр и нажал кнопку.

Просмотр пленки занял больше часа. Фильм начался с поэтического обзора Земли; города, поля, леса, реки, океаны, люди, животные и многое другое было показано в коротких сюжетах. Фильм шел без звукового сопровождения.

Потом камера переключилась на обсерваторию, визуально объясняя ее назначение. Было показано, как обнаружили солнечную нестабильность; на экране появились лица астрофизиков, открывших ее.

Затем показали, как в невероятной спешке строили корабль. Рэн увидел себя: как он поднялся на борт, улыбнулся в камеру, пожал чью-то руку и исчез внутри корабля. Здесь фильм заканчивался. После этого ему сделали инъекцию, задраили дверь и отправили корабль в полет.

Начался другой ролик.

«Привет, Рэн,— раздался голос. Появилось изображение крупного спокойного мужчины в костюме. Он прямо с экрана смотрел на Рэна.— Не могу упустить возможности снова поговорить с тобой, доктор Эллис. Сейчас ты в глубоком космосе и несомненно уже видел Новую, уничтожившую Землю. Должен сказать, что ты остался один.

Но долго ты не будешь одиноким, Рэн. Как полномочный представитель народа Земли, я воспользовался последней возможностью пожелать тебе удачи в твоей великой миссии. Я не должен повторять, что все мы с тобой. Не чувствуй себя одиноким.

Ты, конечно, видел фильм в проекторе номер один и имеешь полное представление о своей миссии. Эта часть пленки —

с моим изображением — будет автоматически уничтожена в нужный момент. Естественно, пока мы не можем посвятить неземлян в нашу маленькую тайну.

Они и сами вскоре узнают. Ты можешь объяснить им всем, что останется на пленке. Таким образом ты расположишь их к себе. Только не упоминай о нашем величайшем открытии и технологии его применения. Если они захотят иметь сверхсветовой двигатель, скажи, что не знаешь принципа его действия, поскольку он был изобретен лишь за год до превращения Солнца в Новую. Объясни им, что любое вмешательство в конструкцию корабля приведет к разрушению двигателей.

Счастливо, доктор. И удачной охоты».

Лицо исчезло, и аппарат загудел сильнее, уничтожая запись последнего ролика.

Рэн аккуратно упаковал проектор, уложил его в ящик, ящик установил на стеллаж и вернулся к пульту.

Надпись на экране сообщала: *«Контакт через 97 часов»*.

Он уселся в кресло и попытался систематизировать факты с учетом новых данных. Ему пришлось поднапрячься, прежде чем он вспомнил — правда, весьма смутно — великую и миролюбивую цивилизацию Земли, которая была почти готова отправиться к звездам, когда обнаружили нестабильность Солнца.

Сверхсветовую скорость открыли слишком поздно. Несмотря на все это, Рэна решили послать в космос на спасательном корабле. Только его — по какой-то необъяснимой причине. Видимо, порученное ему дело считалось куда более важным, чем любые попытки спасти человеческую расу в целом.

Он должен войти в контакт с разумной жизнью и поведать им о Земле. В то же время ему следует воздерживаться от любого упоминания о величайшем открытии и полученной в результате технологии.

Кем бы они ни были.

А затем он должен исполнить свою миссию.

Он чувствовал, что вот-вот сорвется. Он не мог вспомнить... Ну *почему* эти дураки не выгравировали инструкцию на бронзе?

В чем же может состоять его миссия?

И снова надпись на экране: *«Контакт через 96 часов»*.

Доктор Рэн Эллис вжался в кресло пилота и заплакал: планам Земли не суждено сбыться.

Приборы огромного корабля сделали необходимые измерения, определили пробы и доложили обстановку. Малый экран ожил: *«Хлорсодержащая атмосфера. Жизнь отсутствует»*.

Информация была передана в корабельные селекторы. Одни цепи замкнулись, другие разомкнулись — и вот избран новый курс, и корабль снова начал разгон.

Доктор Эллис ел, спал и размышлял.

Подлетели еще к одной планете. Она точно так же изучена и отвергнута.

Продолжая размышлять, доктор Эллис сделал одно не слишком значительное открытие.

Оказывается, он обладал фотографической памятью. Он обнаружил это, вспоминая фильм. Он мог восстановить в памяти любой эпизод длившейся больше часа ленты, каждое лицо, каждое движение.

Он поэкспериментировал над собой и понял, что данная способность постоянна. Поначалу это немного беспокоило его, пока он не догадался, что, видимо, сей фактор и сыграл роль при отборе. Фотографическая память давала полное преимущество в изучении нового языка.

Вот уж ирония судьбы,— подумал он.— Великолепная память при полном ее отсутствии.

И третья планета была отвергнута.

В попытках разгадать суть своей миссии Эллис рассматривал самые разнообразные варианты, которые только приходили в голову.

Сооружение гробницы Земле? Возможно. Но к чему же тогда крайняя необходимость, подчеркнутая важность?

А возможно, он послан в качестве учителя. Последний благородный жест Земли, дабы наставить некоторые обитаемые планеты на путь мира и согласия.

Но при чем здесь доктор, для такой-то работы? Да это и нелогично. На подобную науку у людей уходят тысячелетия, а не несколько лет. И кроме того, данное предположение вовсе не соответствует характеру двух посланий. Оба: и тот, что в фильме, и написавший записку — казались весьма практичными людьми и не вписывались в образ альтруистов.

Вот и четвертая планета, попавшаяся на пути, была проверена и отвергнута.

И что, размышлял доктор Эллис, считалось «великим открытием»? Если не сверхсветовая скорость — то что? Скорее всего, какое-нибудь философское знание. Путь, которым человечество может прийти к миру и жить в нем, или нечто вроде этого?

Но тогда почему ему не полагалось о нем упоминать?

На экране появились данные о содержании кислорода на пятой планете. Поначалу Эллис проигнорировал данное сообщение, но вдруг заметил, что в глубине корпуса корабля загудели генераторы.

На экране высветилась надпись: *«Приготовиться к посадке»*.

Сердце Эллиса сжалось, и ему на миг стало трудно дышать.

Вот оно. Страх рос по мере увеличения гравитации. Он старался перебороть этот ужас, но безуспешно. И когда корабль пошел на снижение и ремни ощутимо врезались в тело, он закричал.

На большом экране появилось изображение зелено-голубой кислородсодержащей планеты.

И тут Эллис вспомнил:

«Резкий выход из глубокого космоса в планетарную систему подобен родовому шоку».

Обычная реакция, сказал он себе, любой психиатр легко установит над ней контроль.

Психиатр!

Доктор Рэндольф Эллис. Психиатр. Теперь он знал, что он за доктор. Он напрягал всю свою память в поисках дополнительной информации. Безрезультатно.

Зачем Земля отправила в космос психиатра?

Доктор Эллис потерял сознание, когда корабль с пронзительным воем вошел в атмосферу.

Его обнаружили сразу же после приземления. Расстегнув ремни, Эллис включил обзорные экраны. К кораблю неслись какие-то машины, битком набитые существами.

На первый взгляд, человекоподобными.

Пришло время принимать решение, от которого будет зависеть вся его жизнь на этой планете. Что он должен делать?

Немного подумав, Эллис решил импровизировать. Тем более что, пока он не выучит язык, никакое общение невозможно.

А уж после он может сказать, что послан с Земли, чтобы... чтобы...

Что?

Придет время, и он придумает — что. Взглянув на выведенную на экран информацию, Эллис обнаружил, что воздух планеты пригоден для дыхания.

Открылся шлюз, и доктор Рэндольф Эллис вышел наружу.

Корабль произвел посадку на континент, называемый Крелд; тамошние жители звались крелданами. В политическом отношении планета достигла стадии единого мирового правительства, но так недавно, что ее обитателей пока еще разделяли по прежним политическим системам.

Благодаря фотографической памяти у Эллиса не возникло трудностей при изучении крелданского языка, основу которого составляли ключевые слова. Крелдане, по-видимому происходившие от схожего с человеком корня, казались не более необычными, чем иные представители его собственной расы.

Эллис не сомневался, что это было предусмотрено создателями корабля, системы которого не воспринимали других разумных существ. Чем больше он размышлял об этом, тем быстрее росла эта уверенность.

Эллис учился, изучал и думал. Как только он достаточно овладеет языком, ему предстоит встреча с правящим Советом. Именно этой встречи он боялся и оттягивал ее как мог. Но время аудиенции все-таки настало.

Его провели через залы здания Совета, и он оказался у двери главного зала заседаний. Эллис вошел, держа под мышкой проектор.

— Добро пожаловать,— сказал ему председатель Совета.

Эллис поздоровался и представил свои фильмы. После того как их посмотрели все, обсуждение началось.

— Значит, вы — последний представитель своей расы? — спросил председатель.

Эллис кивнул, глядя прямо в дружелюбное, изборожденное морщинами, старческое лицо.

— Почему ваш народ послал именно вас? — поинтересовался один из членов Совета.— Почему не послали двоих: мужчину и женщину?

«Именно этот вопрос,— подумал Эллис,— я постоянно задаю себе сам».

— Я не могу объяснить психологию моей расы в нескольких словах,— ответил им он.— Ответ — в самом смысле нашего существования.

Ложь, подумал он про себя. Однако как еще он должен был ответить?

— И все же вам придется объяснить нам психологию своей расы,— заявил член Совета.

Эллис кивнул, глядя поверх голов членов Совета. Он понимал, какой эффект произвел на них прекрасно подготовленный фильм. Они должны быть счастливы, что имеют дело с последним представителем такой великой расы.

— Мы очень заинтересованы вашими достижениями в области сверхсветовых скоростей,— сказал еще один член Совета.— Вы сможете нам помочь овладеть этим знанием?

— Боюсь, что нет,— ответил Эллис. Он уже выяснил, что их уровень технологии предшествовал атомной и отставал от земной на несколько столетий.— Я не ученый и не знаю ни конструкции, ни принципа действия подобного двигателя. Это была наша последняя разработка.

— Мы и сами сможем разобраться с ним,— заявил член Совета.

— Не уверен в мудрости подобного решения,— ответил Эллис.— Мой народ не считал благоразумным предоставлять

вашей планете технологическую продукцию, превосходящую имеющийся уровень технических достижений. При постороннем вмешательстве двигатели переключатся на режим самоуничтожения.

— Вы сказали, что вы не ученый,— вежливо сменил тему разговора пожилой председатель.— Тогда позвольте узнать, кто вы?

— Психиатр,— ответил Эллис.

Беседа продолжалась несколько часов. Эллис увиливал, хитрил и выдумывал, пытаясь скрыть пробелы своей памяти. Совет хотел знать обо всех периодах жизни Земли, об уровне развития психологии и общества. Их поразила земная методика исследования преднового состояния звезды. Они хотели знать, с какой целью послали именно его. И наконец, будучи обречена, не имела ли его раса склонности к самоубийству.

— Мы еще о многом побеседуем с вами,— сказал председатель Совета, заканчивая заседание.

— Буду счастлив рассказать все, что знаю,— ответил Эллис.

— Похоже, этого будет не так уж много,— заметил один из членов Совета.

— Элгг, не забывайте, что этот человек испытал огромное потрясение,— проговорил председатель.— Вся его раса уничтожена. И я не уверен, что мы способны помочь ему оправиться.— Он повернулся к Эллису: — Вы, уважаемый, оказали нам неизмеримую помощь. Например, теперь мы знаем о возможности управлять энергией атома и можем вести целенаправленные исследования в данной области. Конечно, правительство должным образом оценит вашу помощь. Чем бы вы хотели заняться?

Эллис задумался.

— Не хотели бы вы возглавить проект музея — мемориала Земли? Монумента вашему великому народу?

«В том ли моя миссия?» — подумал Эллис и отрицательно покачал головой.

— Я врач, уважаемый. Психиатр. Не мог бы я оказаться полезным в этом качестве?

— Но ведь вы не знаете нашего народа,— заботливо проговорил председатель.— У вас уйдет вся жизнь на изучение природы наших трудностей и проблем до уровня, дающего право на практику.

— Верно,— согласился Эллис.— Но наши расы очень похожи. И развитие наших цивилизаций шло сходными путями. Поскольку я представляю более развитые психологические традиции, мои методики могут оказаться полезными для ваших врачей.

— Конечно-конечно, доктор Эллис. Я не смею ошибиться, недооценив представителя вида, совершившего межпланетный перелет.— Пожилой председатель печально улыбнулся.— Я лично представлю вас руководителю одной из наших клиник.— Председатель поднялся с места.— Пойдемте со мной.

С бьющимся сердцем Эллис последовал за ним. Его миссия должна быть каким-то образом связана с психиатрией. Иначе зачем же послали именно психиатра? Но он до сих пор не имел понятия, что ему следовало делать. И что самое скверное — он практически ничего не мог вспомнить из того, что называлось профессиональным знанием.

— Думаю, это забота тестирующей аппаратуры,— заявил врач, глядя на Эллиса поверх очков. Врач был молод, круглолиц и горел желанием учиться у старшей земной цивилизации.— Вы можете предложить какие-то усовершенствования?

— Мне нужно более подробно ознакомиться с установкой,— ответил Эллис, следуя за врачом по длинному бледно-голубому коридору.

Тестирующая аппаратура поражала абсолютной бессмысленностью.

— Мне даже не стоит говорить, как я рад этой возможности,— сказал врач.— Я нисколько не сомневаюсь, что вы, земляне, раскрыли многие тайны мозга.

— О да,— согласился Эллис.

— А там, внизу, у нас палаты,— сообщил врач.— Хотите посмотреть?

— Отличная мысль.

Сердито теребя губу, Эллис шел за врачом. Память не возвращалась. В настоящий момент его познания в психиатрии были не больше, чем у рядового обывателя. Если вскоре ничего не произойдет, он будет вынужден признаться, что у него амнезия.

— В этой палате,— сказал врач,— мы содержим несколько тихих больных.

Эллис зашел за ним в палату и взглянул в пустые бессмысленные лица троих пациентов.

— Кататоник,— пояснил врач, указывая на первого.— Не думаю, что вы лечите таких.— И непринужденно улыбнулся.

Эллис не ответил. Ему вдруг вспомнилось...

«Разве это этично?» — спросил доктор Эллис, но не здесь, а в похожей палате на Земле.

«Конечно,— ответил кто-то.— Мы же не трогаем нормальных. Но идиоты, абсолютно безнадежные психи, которые никогда не смогут воспользоваться своим разумом,— совсем другое

дело. Не следует считать, что мы их обворовываем. Это скорее милосердие...»

Вот и все, больше ничего Эллис не помнил, даже с кем он разговаривал. С другим врачом, наверное. Они обсуждали какой-то новый метод работы с душевнобольными. Новый метод лечения? Возможно. Причем сильнодействующий, судя по удовлетворению говорившего.

— Вы нашли способ лечения подобных случаев? — спросил луноликий врач.

— Да, конечно,— ответил Эллис, унимая нервную дрожь в руках.

Врач отступил на шаг и уставился на Эллиса.

— Но это невозможно! Вы не можете исправить мозг, имеющий органические нарушения, износ или явный недостаток развития...

Эллис едва сдержался.

— Слушайте *меня, я* вам правду говорю, доктор.

Эллис посмотрел на больного, лежащего на первой кровати.

— Пришлите ко мне ассистентов, доктор.

Врач поколебался немного — и быстро вышел из палаты.

Склонившись над кататоником, Эллис взглянул ему прямо в глаза. Он был уверен в том, что делает, но все же протянул руку и коснулся лба больного.

В мозгу Эллиса что-то щелкнуло, и кататоник мгновенно потерял сознание. Эллис подождал, однако больше ничего не происходило. Тогда он подошел к другому больному и повторил процедуру.

Этот тоже потерял сознание. То же самое случилось и с третьим.

Врач вернулся с двумя помощниками и вытаращил от удивления глаза.

— Что произошло? — спросил он.— Что вы с ними сделали?

— Не знаю, воздействуют ли наши методы на ваших людей,— резко ответил Эллис.— Пожалуйста, оставьте меня ненадолго одного, совсем одного. Мне необходимо сосредоточиться...

И отвернулся от больных.

Врач хотел что-то сказать, но передумал и тихо вышел из палаты вместе с ассистентами.

От волнения Эллиса прошиб пот. Он прощупал пульс у первого больного. Есть. Эллис принялся расхаживать по палате.

Он явно обладал какой-то силой. Он способен наносить удар по всей психической поверхности. Отлично. Итак, нервы — соединения. Сколько же нервных связей в мозгу человека?

Какая-то невероятная цифра, десять в двадцать пятой степени. Нет, кажется, неверно. Но все равно цифра фантастическая.

Что это значит? А это значит, что он уверен в себе.

Первый больной застонал и сел. Эллис подошел к нему. Человек поднял голову и снова застонал. Возможно, Земля нашла ответ — безумие. И в качестве последнего дара Вселенной его послали, чтобы исцелять...

— Как вы себя чувствуете? — спросил он у пациента.

— Неплохо,— ответил тот... по-английски!

— Что вы сказали?

От удивления у Эллиса перехватило дыхание. Он решил, что произошла мыслепередача. Передал ли он больному знание английского? Посмотрим, не переключение ли это нагрузки от поврежденных нервных связей к незадействованным...

— Я чувствую себя отлично, док. Классная работа. Мы были не совсем уверены, что эта обмотанная проволокой картонка, именуемая кораблем, выдержит и не распадется на части, но, как я тебе уже говорил, это было лучшее, что мы могли сделать при данных...

— *Кто вы?*

Больной встал с кровати и посмотрел по сторонам.

— Все аборигены ушли?

— Да.

— Я — Хайнс. Землянин. Что с тобой, Эллис?

— А эти двое...

— Доктор Клайтель.

— Фред Андерсон.

Назвавшийся Хайнсом внимательно осмотрел свое тело.

— Мог бы подыскать мне носителя получше, Эллис. По старой дружбе. Впрочем, неважно. Что случилось, дружище?

Эллис рассказал про потерю памяти.

— Память мы тебе вернем, не волнуйся,— заявил Хайнс.— Великолепное ощущение — снова иметь тело. Владеть им.

Тут открылась дверь, и в комнату заглянул молодой врач. Увидев пациентов, он не смог сдержать удивления.

— Вы сделали это! Вы способны...

— Доктор, пожалуйста,— оборвал его Эллис.— Не надо шуметь. Должен попросить не тревожить нас хотя бы час.

— Конечно-конечно,— с уважением произнес врач и закрыл за собой дверь.

— Как это оказалось возможным? — спросил Эллис, глядя на троих пациентов.— Я не понимаю...

— Великое открытие,— пояснил Хайнс.— Неужели не помнишь? Ты работал над ним. Нет? Андерсон, объясни.

К Эллису очень медленно подошел третий пациент. Тут Эллис заметил, что прежде ничего не выражавшие лица больных начали приобретать осмысленные выражения.

— Разве не помнишь, Эллис, исследования личностных факторов?

Эллис отрицательно помотал головой.

— Ты искал наименьший общий знаменатель человеческой жизни и личности. Источник оных, если желаешь. А исследования начались почти век назад, когда Оргель обнаружил, что личность не зависит от тела, хотя тело и оказывает определенное воздействие на нее. Теперь вспомнил?

— Нет. Продолжай.

— Проще говоря, ты и еще тридцать человек из вашей группы выяснили, что минимальная, бесконечно малая частица личности является независимой и нематериальной субстанцией. Ты назвал ее М-молекулой. И она представляет собой ментальную модель.

— Ментальную?

— То есть нематериальную,— пояснил Андерсон.— И может быть передана от одного носителя к другому.

— Как вещь,— пробормотал Эллис.

Заметив в дальнем углу палаты зеркало, Андерсон решил изучить свое новое лицо. Увидев отражение, он вздрогнул и вытер с губ слюну.

— Древние мифы об обиталище духа не так уж далеки от истины,— заметил доктор Клайтель. Из всех троих он оказался единственным, кто носил новое тело с непринужденностью.— Всегда находились люди, обладающие способностью отделять свои души от тел. Астральная проекция и тому подобное. Однако до недавнего времени не представлялось возможным локализовать личность, пока не была использована процедура инвариантного разделения и ресинтезирования.

— То есть это означает, что вы бессмертны? — спросил Эллис.

— Ну нет,— заявил Андерсон, снова подходя к Эллису. Он корчил гримасы, пытаясь удержать непроизвольное слюновыделение своего носителя.— Личность тоже имеет ограниченное время жизни. Оно, конечно, больше срока службы тела, но пока еще ограничено.

Ему наконец удалось унять слюну.

— Однако личность может сохраняться в бездействии неопределенно долгое время.

— А существует ли лучшее место для хранения нематериальной молекулы, чем твой собственный мозг? — вставил Хайнс.— Твои нервные соединения дали приют всем нам, Эл-

лис. Словно множество комнат. Ведь количество связей в человеческом мозгу измеряется десятью в...

— Я помню,— сказал Эллис.— И начинаю понимать.

Теперь он знал, почему выбрали его. Для такой работы необходим именно психиатр, имеющий доступ к носителям. И готовили его особым способом. Ну и, конечно, крелданам не полагалось знать о миссии и о М-молекуле. Они могли бы весьма недружелюбно отнестись к своим собратьям, хоть и душевнобольным, узнай они о том, что их телами обладают земляне.

— Смотрите-ка! — воскликнул Хайнс.

Он как зачарованный глядел на загнутые назад пальцы. Хайнс обнаружил, что его носитель обладает вдвойне большим по сравнению с человеческой рукой количеством суставов. Остальные двое изучали свои тела примерно так, как человек — лошадь. Они загибали руки, напрягали мышцы, пробовали ходить.

— Но,— произнес Эллис,— как раса будет... я имею в виду женщин.

— Надо заполучить побольше носителей обоих полов,— пояснил Хайнс, все еще пробуя согнуть пальцы.— Ты станешь величайшим врачом этой планеты, и всех душевнобольных начнут направлять только к тебе. Естественно, мы все будем хранить в тайне. Никто не проболтается раньше времени.— Он замолчал и усмехнулся.— Эллис, ты понимаешь, что это означает? Земля не погибла! Она будет жить снова!

Доктор Эллис кивнул. И все же ему было трудно отождествить крупного вежливого Хайнса из фильма со стоявшим перед ним визгливым пугалом. Нужно время, чтобы привыкнуть.

— Пора приниматься за дело,— заявил Андерсон.— После того как ты обслужишь всех дефективных на этой планете, мы перезаправим корабль и снова отправим тебя.

— Куда? — спросил Эллис.— На другую планету?

— Конечно. Здесь едва наберется около нескольких миллионов носителей, поскольку нормальных людей мы не трогаем.

— Только? Так сколько же людей во мне хранится?

Из холла послышались голоса.

— Ты действительно сундук,— ухмыляясь, проговорил Хайнс.— Быстро по койкам, парни,— я, кажется, слышу голос врача. Сколько, спрашиваешь? Население Земли насчитывало порядка четырех миллиардов. И все в тебе.

Часть III

Человековедение не для слабонервных

Премия за риск

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шуму за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, покрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

— ...ужасная дыра,— сетовал Терри.— Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

— Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удаться, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел...— Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!..

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной маленькой ванной и слушая настойчивые удары в дверь.

— Минуточку! — вскричал вдруг Майк Терри.— Держись, Джим Рэдер! Продержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри.— Как ваше имя?

— Э-э... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо. Так вот, мистер Рэдер,— начал дрожащий старческий голос.— Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню: как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку,— сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

И в этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

— А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!

Уже спокойнее Терри продолжал:

— Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли нашим слушателям, как...

Дальше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съежившись, чтобы казаться меньше ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда,— сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был

их представителем, как бы их копией — обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям,— сказал ему Майк Терри.— Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальни и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

— Он здесь, друзья,— говорил Терри.— Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!

— Вы лучше поторопитесь,— сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня на квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

— Да, Джим,— причитал Майк Терри,— поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую,— сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино,— сказала она.

— Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри.— О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!

— А теперь убирайтесь,— сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм,— сказал Рэдер.— Спасибо.

— По-моему, вы дурак,— сказала она.— Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел в другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттеном. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто одушевленный, думающий труп и двигается только потому, что смерть нерасторопна? О Господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздрогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот по-

чему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно,— сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал, может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтобы тебе законным путем вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно,— повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-Би-Си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете,— выпалил он.— Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная получасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-Би-Си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов: «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр,— сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-Би-Си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «ягуар» врезался в «альфа-ромео» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горю-

чим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей, затаив дыхание, следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а баки с горючим, как ни странно, не взорвались.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом участия в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать,— это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не сломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицелься шпагой и коли позади рогов»,— говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колол, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И Бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся

о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а сломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красотки». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязаний постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище.

Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленного фирмой «Мыло красотки».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

— Высадите меня здесь,— сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вот он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

— Это случилось снова! — заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения.— Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну быстро на грузовик! Теперь он попался.

— Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри.— Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петере, проживающую в доме двенадцать по Элмстрит, в Саут Оранджe, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоящего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

— Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе.— Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Дженис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь — может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности,— прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи. Не

отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться.

— О'кей,— сказала девушка,— теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс,— сказал он.— Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту,— сказала Дженис Морроу.— Я вообще не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-Би-Си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны,— сказала девушка с раздражением,— вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил.

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они, не торопились. Ведь это все равно что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она.— Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю,— сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не это хотели сказать,— заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да,— сказал Рэдер.— Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него:

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Как мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена,— она остановила машину.— О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите,— она наклонилась и поцеловала его.— Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие себя граждане не хотят, чтобы я спасся,— с грустью подумал Рэдер.— Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него телекамеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он мо-

лился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер,— сказал Терри серьезно,— вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю,— сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть,— сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены,— сказал он.— У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки.— Он повернулся к Рэдеру.— Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри.— Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья,— произнес Майк Терри с нескрываемым презрением.— Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Это был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю,— сказал он хрипло.— Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем,— сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны,— сказал Терри.— Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он — сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем,— сказал Томпсон.

— И еще,— продолжал Терри спокойно и проникновенно.— Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и беззащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага! — послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью.— Вот он!

«Сумасшедший,— подумал Рэдер.— Проклятый дурак, наверное, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он! — завизжали дети.— Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз в здание церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил:

— *Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!*

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных могильных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

— Стоп, Томпсон! — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

— Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

— Он победил, друзья, он победил! — надрывался Майк Терри.— Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Добрая самаритянка Дженис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..

Последовала короткая пауза.

— Странно,— сказал Майк Терри.— Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

— Это переутомление, друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья, Джим Рэдер сейчас немного нездоров. Но это пройдет! На службе Джи-Би-Си лучшие психиатры и психоаналитики страны. Мы сделаем для этого храброго парня все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет.— Майк Терри бросил взгляд на студийные часы.— А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас.

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

— Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!

Бесконечный Вестерн

Меня зовут Уошберн: просто Уошберн — для друзей, мистер Уошберн — для врагов и тех, кто со мной не знаком. В сущности, я уже сказал все, что хотел, даже представляться нечего: вы видели тысячу раз (и на большом экране ближайшего телетеатра, и на маленьком экране платного телевизора в вашей квартире), как я еду верхом среди кактусов, мой знаменитый котелок надвинут на самые глаза, мой не менее знаменитый кольт 44-го калибра со стволом семь с половиной дюймов поблескивает за ремешком у правой ноги.

Но в настоящий момент я еду в большом кадиллаке с кондиционером, сидя между своим менеджером Гордоном Симмсом и женой Консуэлой. Мы свернули с государственного шоссе 101 и теперь трясемся по разбитой грязной дороге, которая скоро упрется в пост Уэллс-Фарго — один из входов на Съемочную Площадку. Симмс, захлебываясь, говорит что-то и массирует мне основание шеи, словно я боксер, готовящийся выйти на ринг. В каком-то смысле так оно и есть. Консуэла молчит. Она еще плохо знает английский. Мы женаты меньше двух месяцев. Моя жена — прелестнейшее из существ, какое только можно вообразить, она же в прошлом Мисс Чили и в прошлом же героиня боевиков с гаучо, снятых в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Сцена нашей поездки идет вне кадра. Этот кусок вам никогда не покажут: возвращение знаменитого стрелка, весь его путь из Бель-Эйра образца легкомысленно-нервозного 2031 года на добрый Старый Запад середины тысяча восьмисотых годов.

Симмс тараторит о каких-то капиталовложениях, которые я — он на этом настаивает — будто бы должен сделать, о каких-то новых бурениях морского дна. (Это очередной Симмсов прожект скорейшего обогащения — прожект, потому что Симмс и так уже достаточно богат, а кто, скажите, не сколотил бы состояния, получая тридцать процентов со всех моих доходов? Да еще в течение всех десяти моих звездных лет?) Конечно, Симмс мне друг, но сейчас я не могу думать ни о каких инвестициях, потому что мы приближаемся к Площадке.

Консуэлу — она сидит справа от меня — бьет дрожь при виде знаменитого старого поста, иссеченного дождями и ветрами. Она так по-настоящему и не поняла еще, что такое Бесконечный Вестерн. У себя в Южной Америке они до сих пор снимают фильмы на старомодный манер: все отрежиссировано и все — фальшь, и «пушки» палят только холостыми патронами. Консуэ-

ла не может понять, почему в самом популярном фильме Америки все должно быть взаправду, когда можно обойтись трюками и никто никого не убьет. Я пробовал объяснить ей суть, но на испанском это звучит как-то смешно.

Мой нынешний выход, к сожалению, не чета прежним: я прервал заслуженный отдых, чтобы сыграть всего лишь эпизодическую роль. Я заключил контракт «без убийств»: знаменитый стрелок появится в комедийном эпизоде со стариной Джеффом Мэнглзом и Натчезом Паркером. Никакого сценария, конечно, нет; в Вестерне его и не бывает. В любой ситуации мы сумеем сымпровизировать,— мы, актеры комедии дель арте Старого Запада. Консуэла совершенно этого не понимает. Она слышала о «контрактах на убийство», а контракт «без убийств» — это для нее нечто совсем уж новенькое.

Вот мы и приехали. Машина останавливается перед низким некрашеным строением из сосновых досок. Все, что по сию сторону от поста,— это Америка двадцать первого века во всем блеске ее безотходного производства и утилизации вторсырья. По ту сторону строения раскинулся миллион акров прерий, гор, пустынь с тысячами скрытых камер и микрофонов — то, что и составляет Съемочную Площадку Бесконечного Вестерна.

Я уже одет, как полагается по роли: синие джинсы, рубашка в бело-синюю клетку, ботинки, котелок дерби, куртка из сыромятной кожи. Сбоку — револьвер весом три с четвертью фунта. По ту сторону строения, у коновязи меня ожидает лошадь, все мое снаряжение уже упаковано в аккуратный вьюк из походного одеяла, притороченный к седлу. Помощник режиссера осматривает меня и находит, что все в порядке: на мне нет ни наручных часов, ни прочих анахронизмов, которые бросились бы в глаза скрытым камерам.

— Отлично, мистер Уошберн,— говорит он.— Можете отправляться в любой момент, как только будете готовы.

Симмс в последний раз массирует мне спину — мне, его надежде, его герою дня. Он возбужденно приплясывает на цыпочках, он завидует мне, мечтает, чтобы это не я, а он сам ехал по пустыне — высокий неспешный человек с ленивыми манерами и молниеносной смертью, таящейся у правой руки. Впрочем, куда Симмсу: он низенького роста, толстый, уже почти совсем лысый. На роль он, конечно, не годится — вот ему и приходится жить чужой жизнью. Я олицетворяю зрелость Симмса, мы вместе бессчетное число раз пробирались опасной тропой, наш верный «сорок четвертый» очистил округу от всех врагов, и мы взяли в свои руки высшую власть. Мы — это самый лучший, никем не превзойденный стрелок на всем Ди-

ком Западе, абсолютный чемпион по молниеносному выхватыванию револьвера, человек, который наконец отошел от дел, когда все враги либо были мертвы, либо не смели поднять головы... Бедный Симмс, он всегда хотел, чтобы мы сыграли эту последнюю сцену — финальный грозный проход по какой-нибудь пыльной Главной улице. Он хотел, чтобы мы, неотразимые, шли, высоко подняв голову, расправив плечи,— не за деньги, ибо заработали уже больше чем достаточно, а только ради славы, чтобы сошли со Сцены в сверкании револьверных вспышек, в наилучшей нашей форме, на вершине успеха. Я и сам мечтал об этом, но враги стали осторожнее, и последний год в Вестерне был для Уошберна совсем уж посмешищем: он разъезжал на лошади, зорко посматривая, что бы такое предпринять (шестизарядка всегда наготове!), однако не находилось никого, кто захотел бы испытать на нем свою реакцию...— для Симмса это издевательство над самими нашими устоями. Полагаю, для меня это не меньшее оскорбление. (Трудно представить, где начинаюсь я и где кончается Симмс; и уж вовсе невозможно без страха смотреть в лицо фактам: нашим звездным годам в Вестерне приходит конец.)

Симмс правой рукой трясет мою кисть, левой крепко сдавливает плечо и не произносит ни слова — все в том мужественном стиле Вестерна, который он усвоил, годами ассоциируя себя со мной, *будучи* мной.

Консуэла страстно сжимает меня в объятиях, в ее глазах слезы, она целует меня, она говорит, чтобы я побыстрее возвращался. Ах, эти потрясающие первые месяцы с новой женой! Они великолепны...— до той поры, пока не снизойдет вновь на душу скука давно знакомой обыденности! Консуэла у меня четвертая по счету. В своей жизни я исходил множество троп, в большинстве одних и тех же, и вот теперь режиссер снова осматривает меня, отыскивая следы губной помады, кивает: «все в порядке!» — и я отворачиваюсь от Консуэлы и Симмса, салютую им двумя пальцами — мой знаменитый жест! — и еду по скрипучему настилу поста Уэллс-Фарго на ту сторону — в сияющий солнечный мир Бесконечного Вестерна.

Издалека камера берет одинокого всадника, который, словно муравей, ползет между искусно испещренными полосами стен каньона. Мы видим его в серии последовательных кадров на фоне разворачивающейся перед нами панорамы пустынного пейзажа. Вот он вечером готовит себе еду на маленьком костре, его силуэт четко вырисовывается на заднике пылающего неба, котелок дерби с небрежным изяществом сдвинут на затылок. Вот он спит, завернувшись в одеяло; угольки костра, угасая,

превращаются в золу. Еще не рассвело, а всадник снова на ногах — варит кофе, готовясь к дневному переходу. Восход солнца застигает его уже верхом: он едет, прикрыв рукой глаза от слепящего света, сильно откинувшись назад, насколько позволяют свободные стремена, и предоставив лошади самой отыскивать дорогу на скалистых склонах.

Я одновременно и зритель, наблюдающий за собой как за актером со стороны, и актер, наблюдающий за собой — зрителем. Сбылась мечта детства: играть роль и в то же время созерцать, как мы играем ее. Я знаю, что мы никогда не перестаем играть и равным образом никогда не перестаем наблюдать за собой в процессе игры. Это просто ирония судьбы, что героические картины, которые вижу я, совпадают с теми, которые видите и вы, сидя перед своими маленькими экранчиками.

Вот всадник забрался на высокую седловину между двумя горами. Здесь холодно, дует горный ветер, воротник куртки наездника поднят, а котелок дерби привязан к голове ярким шерстяным шарфом. Глядя поверх плеча мужчины, мы видим далеко внизу поселок — совсем крохотный, затерянный в безмерности ландшафта. Мы провожаем глазами всадника: обругав уставшую лошадь последними словами, он начинает спуск к поселку.

Всадник в котелке дерби ведет в поводу лошадь по поселку Команч. Здесь только одна улица — Главная — с салуном, постоялым двором, платной конюшней, кузницей, лавкой; все старомодное и застывшее, как на дагерротипе времен Гражданской войны. Ветер пустыни постоянно дует над городком, и повсюду оседает тонкая пыль.

Всадника здесь знают. В толпе бездельников, собравшихся у лавки, слышны восклицания:

— Ого, это сам Уошберн!

Я одеревенелыми руками расседлываю лошадь у входа в конюшню — высокий, запыленный в дороге мужчина: пояс с кобурой опущен низко и висит свободно; потрескавшаяся, с роговыми накладками, рукоятка «пушки» вызывающе торчит прямо под рукой. Я оборачиваюсь и потираю лицо — знаменитое, вытянутое, скорбное лицо: глубокая складка шрама, перерезавшего скулу, прищуренные немигающие серые глаза. Это лицо жесткого, опасного, непредсказуемого в действиях человека, и тем не менее он вызывает глубокую симпатию. Это я наблюдаю за вами, в то время как вы наблюдаете за мной.

Я выхожу из конюшни, и тут меня приветствует шериф Бен Уотсон — мой старый друг. Дочерна загоревшее лицо; длинные черные усы, подкрученные кверху; на жилете из гребенной шерсти тускло поблескивает жестяная звезда.

— Слышал, слышал, что ты в наших краях и можешь заскочить,— говорит он.— Слышал также, будто ты ненадолго уезжал в Калифорнию?

«Калифорния» — это наше специальное кодовое слово, обозначающее отпуск, отдых, отставку.

— Так оно и есть,— говорю я.— Как здесь дела?

— Так себе,— отвечает Уотсон.— Не думаю, чтобы ты уже прослышал про старину Джеффа Мэнгльза.

Я жду. Шериф продолжает:

— Это стряслось только вчера. Старину Джеффа сбросила лошадь — там, в пустыне. Мы решили, что его коняга испугалась гремучки... Господь свидетель, я тысячу раз говорил ему, чтобы он продал эту здоровенную, брыкливую, бельмастую скотину. Но ты же знаешь старину Джеффа...

— Что с ним? — спрашиваю я.

— Ну, это... Я же сказал. Лошадь сбросила его и потащила. Когда Джимми Коннерс нашел его, он был уже мертв.

Долгое молчание. Я сдвигаю котелок на затылок. Наконец говорю:

— Ладно, Бен, что ты еще хочешь мне сказать?

Шерифу не по себе. Он дергается, переминаясь с ноги на ногу. Я жду. Джефф Мэнгльз мертв; эпизод, который я нанялся играть, провален. Как теперь будут развиваться события?

— Ты, должно быть, хочешь пить,— говорит Уотсон.— Что, если мы опрокинем по кружечке пивка?..

— Сначала — новости.

— Ну что ж... Ты когда-нибудь слыхал о ковбое по имени Малыш Джо Поттер из Кастрюльной Ручки*?

Я отрицательно качаю головой.

— Не так давно его занесло каким-то ветром в наши края. Вместе с репутацией быстрого стрелка. Ты ничего не слышал о перестрелке в Туин-Пикс?

Как только шериф называет это место, я тут же вспоминаю, что кто-то говорил о чем-то подобном. Но в «Калифорнии» меня занимали дела совершенно иного рода, и мне было не до перестрелок — вплоть до сегодняшнего дня.

— Этот самый Малыш Джо Поттер,— продолжает Уотсон,— вышел один против четверых. Какой-то у них там возник диспут по поводу одной дамы. Говорят, что это была та еще драка. В конечном счете Малыш Джо отправил всех четверых на тот свет, и слава его, естественно, только возросла.

— И что? — спрашиваю я.

---

* Кастрюльная Ручка — шутливое название штата Западная Виргиния.

— Ну, значит, прошло время, и вот Малыш Джо играет в покер с какими-то ребятами в заведении Ядозуба Бенда...— Уотсон замолкает, чувствуя себя очень неловко.— Знаешь что, Уошберн, может, тебе лучше побеседовать с Чарли Гиббсом? Ведь он разговаривал с человеком, который сам присутствовал при той игре. Да, лучше всего — поговори прямо с Чарли. Пока, Уошберн. Увидимся...

Шериф уходит восвояси, следуя неписаному закону Вестерна: сокращай диалоги до предела и давай другим актерам тоже принять участие в действии.

Я направляюсь к салуну. За мной следует какая-то личность — парнишка лет восемнадцати, от силы девятнадцати, долговязый, веснушчатый, в коротких, давно не по росту рабочих штанах и потрескавшихся ботинках. На боку у него «пушка». Чего он хочет от меня? Наверное, того же, что и все остальные.

Я вхожу в салун, мои шпоры гремят по дощатому полу. У стойки расположился Чарли Гиббс — толстый неопрятный морщинистый мужичонка, вечно скалящий зубы. Он не вооружен, потому что Чарли Гиббс — комический персонаж, следовательно, он не убивает и его не убивают тоже. Чарли, помимо прочего,— местный представитель Гильдии киноактеров.

Я покупаю ему спиртное и спрашиваю о знаменитой партии в покер с участием Малыша Джо Поттера.

— Я слышал об этом от Техасца Джима Клэра. Ты ведь помнишь Техасца Джима? Хороший малый, он работает ковбоем на ферме Дональдсона. Так вот, Уошберн, Техасец Джим затесался в эту покерную компанию вместо отлучившегося Ядозуба Бенда. Страсти начали накаляться. Вот наконец на столе — крупный банк, и Док Дэйли набавляет тысячу мексиканских долларов. Видать, Малышу Джо тоже очень нравились карты, что были у него в руках, но деньжат-то уже не осталось. Док высказывается в том смысле, что согласен взять и натурой, если только Малыш Джо выдумает кой-чего подходящее. Малыш Джо поразмыслил немного, а затем и говорит: «Сколько ты даешь за котелок мистера Уошберна?» Тут, конечно, все замолчали, потому что ведь к мистеру Уошберну никто так просто не подойдет и не стянет дерби, разве что прежде убьет человека, который под этим самым котелком. Но, с другой стороны, известно, что Малыш Джо не из хвастливых, к тому же он грамотно распорядился собой в той самой перестрелке с четырьмя ребятами. И вот Док обдумал все и говорит: «Идет, Джо. Я прощу тебе тысячу за котелок Уошберна и с радостью заплачу еще тысячу за место в первом ряду, когда ты будешь этот котелок снимать». «Место в первом ряду получишь да-

ром,— отвечает Малыш Джо,— но только в том случае, если я сейчас проиграю, а я вовсе не собираюсь этого делать». Ставки сделаны, и оба открывают карты. Четыре валета Дока бьют четверку восьмерок Малыша Джо. Малыш Джо встает со стула, потягивается и говорит: «Что ж, Док, похоже на то, что ты получишь-таки свое место в первом ряду».

Чарли опрокидывает стаканчик и впивается в меня светлыми злыми глазками. Я киваю, высасываю свое питье и выхожу на задний двор, направляясь к уборной.

Уборная служит нам закадровой площадкой. Мы заходим сюда, когда нужно поговорить о чем-то, что не связано с контекстом Вестерна. Спустя несколько минут сюда является Чарли Гиббс. Он включает замаскированный кондиционер, вытаскивает из-за балки пачку сигарет, закуривает, садится и устраивается поудобнее. В качестве представителя Гильдии киноактеров Чарли проводит здесь довольно много времени, выслушивая наши жалобы и горести. Это его контора, и он постарался обставить ее с максимально возможным комфортом.

— Я полагаю, ты хочешь знать, что происходит? — спрашивает Чарли.

— Черт побери, конечно! — завожусь я.— Что это за чушь, будто Джо Поттер собирается стянуть с меня котелок?

— Не горячись,— говорит Чарли,— все в порядке. Поттер — восходящая звезда. Раз уж Джефф Мэнглз убился, то совершенно естественно было схлестнуть Джо с тобой. Поттер согласился. Вчера запросили твоего агента, и он возобновил контракт. Ты получишь чертову прорву денег за этот эпизод со стрельбой.

— Симмс возобновил мой контракт? Не переговорив со мной?

— Тебя никак не могли найти. Симмс сказал, что с твоей стороны все будет в полном ажуре. Он сделал заявление газетам, что не раз обговаривал с тобой это дело и что ты всегда мечтал покинуть Вестерн с большим шумом, в наилучшей своей форме, затеяв последнюю грандиозную стрельбу. Он сказал, что ему не нужно даже обсуждать это с тобой, что вы с ним роднее братьев. Симмс сказал, мол, он очень рад, коль скоро выпадет такой шанс, и знает наверняка, что ты будешь рад тоже.

— Бог ты мой! Этот Симмс придурок!

— Он что, подложил тебе свинью? — перебивает Чарли.

— Да нет, не совсем так. Мы действительно много говорили о финальном шоу. И я на самом деле сказал как-то, что хочу сойти со сцены с большим...

— Но это были только разговоры? — перебивает Чарли.

— Не совсем...

Одно дело — рассуждать о перестрелке, когда ты уже в отставке и сидишь в полной безопасности у себя дома в Бель-Эйре; и совершенно другое, когда обнаруживаешь, что вовлечен в драку, будучи абсолютно к этому не готов.

— Симмс никакой свиньи не подкладывал. Но он втянул меня в историю, где я бы хотел решать сам за себя.

— Значит, ситуация такова,— говорит Чарли.— Ты свалял дурака, когда трепал языком, будто мечтаешь о финальном поединке, а твой агент свалял дурака, приняв этот треп за чистую монету.

— Похоже, так.

— И что ты собираешься делать?

— Скажу тебе,— говорю я,— но только если у меня пойдет разговор со старым приятелем Чарли, а не с представителем Гильдии киноактеров Гиббсом.

— Заметано,— говорит Чарли.

— Я собираюсь расплеваться,— говорю я.— Мне тридцать семь, и я уже год как не баловался «пушкой». К тому же у меня новая жена...

— Можешь не вдаваться в подробности.— перебивает Гиббс.— Жизнь прекрасна — короче не скажешь. Как друг, я тебя одобряю. Как представитель ГК, могу сказать, что Гильдия тебя не поддержит, если ты вдруг разорвешь дорогостоящий контракт, заключенный твоим представителем по всем правилам. Если компания возбудит против тебя дело, ты останешься один-одинешенек.

— Лучше один-одинешенек, но живой, чем за компанию, но в могиле,— говорю я.— Этот Малыш Джо,— он что, силен?

— Силен. Но не так, как ты, Уошберн. Лучше тебя я никого не видел. Хочешь все-таки повстречаться с ним?

— Не-а. Просто спрашиваю.

— Вот и стой на своем,— говорит Чарли.— Как друг, я советую тебе сматывать удочки и уйти в кусты. Ты уже вытянул из Вестерна все, что только можно: ты кумир, ты богат, у тебя прелестная новая жена. Куда ни глянь, все-то у тебя есть. Так что нечего здесь ошиваться и ждать, пока придет кто-нибудь и все это у тебя отнимет.

— А я и не собираюсь ошиваться,— говорю.

И вдруг обнаруживаю, что рука уже сама собой тянется к «пушке».

Я возвращаюсь в салун. Сажусь в одиночестве за столик, передо мной — стаканчик виски, в зубах — тонкая черная мексиканская сигара. Надо обдумать ситуацию. Малыш Джо едет сюда с юга. Вероятно, он рассчитывает застать меня в Команче. Но я-то не рассчитывал здесь оставаться. Самое безопасное для меня — отправиться назад той же дорогой, по которой я приехал, вернуться в Уэллс-Фарго и снова выйти в большой мир. Но так я тоже не хочу поступать. Я намерен покинуть Площадку через Бримстоун, что совсем в другом конце, в северо-восточном углу, и таким образом совершить прощальное турне по всей Территории. Пускай-ка они попробуют вычислить этот путь...

Внезапно длинная тень падает наискось через стол, чья-то фигура заслоняет свет. Еще не осознав, в чем дело, я скатываюсь со стула, «пушка» уже в руке, курок взведен, указательный палец напрягся на спусковом крючке. Тонкий испуганный мальчишеский голос:

— О! Простите меня, мистер Уошберн!

Это тот самый курносый веснушчатый парнишка, что раньше, как я заметил, следил за мной. Он завороженно уставился на дуло моей «пушки». Он безумно напуган. Впрочем, черт возьми, он и должен быть напуган, раз уж разбудил мою реакцию после целого года бездействия.

Большим пальцем я снимаю с боевого взвода курок моего «сорок четвертого». Я встаю в полный рост, отряхиваюсь, поднимаю стул и сажусь на него. Бармен по кличке Кудрявый приносит мне новую порцию виски.

Я говорю парнишке:

— Послушай, парень, ты не нашел ничего более подходящего, чем вот так вырастать позади человека? Ведь самой малости не хватило, чтобы я отправил тебя к чертовой бабушке за здорово живешь.

— Извините, мистер Уошберн,— говорит он.— Я здесь новенький... Я не подумал... Я просто хотел сказать вам, как восхищаюсь вами...

Все правильно: это новичок. Видно, совсем еще свеженький выпускник Школы Мастерства Вестерна, которую все мы заканчиваем, прежде чем выходим на Площадку. Первые недели в Вестерне я и сам был таким же зеленым юнцом.

— Когда-нибудь,— говорит он,— я буду точно таким, как вы. Я подумал, может, вы дадите мне несколько советов? У меня с собой старая «пушка»...

Парнишка выхватывает револьвер, и я опять реагирую прежде, чем успеваю осознать происходящее: выбиваю из его руки «пушку» и срубаю мальца с ног ударом кулака в ухо.

— Черт тебя подери! — кричу я.— У тебя что, совсем мозгов нет? Не смей вскакивать и выхватывать «пушку» так быстро, если не собираешься пустить ее в дело.

— Я только хотел показать...— говорит он, не поднимаясь с пола.

— Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь взглянул на твою «пушку»,— говорю я ему,— вынимай ее из кобуры медленно и легко, а пальцы держи снаружи от предохранительной скобы. И сначала объявляй, что собираешься делать.

— Мистер Уошберн,— говорит он,— не знаю, что и сказать.

— А ничего не говори,— отрезаю я.— Убирайся отсюда, и дело с концом. Сдается мне, от тебя только и жди несчастья. Валяй, показывай свою чертову «пушку» кому-нибудь другому.

— Может, мне показать ее Джо Поттеру? — спрашивает парнишка, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Он смотрит на меня. О Поттере я не сказал еще ни слова. Он судорожно сглатывает, понимая, что снова сел в лужу.

Я медленно встаю.

— Изволь объяснить, что ты хочешь сказать.

— Я ничего не хочу сказать.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно уверен, мистер Уощберн. Простите меня!

— Пошел вон,— говорю я, и парнишка живо сматывается.

Я подхожу к стойке. Кудрявый вытаскивает бутылку виски, но я отмахиваюсь, и он ставит передо мной пиво.

— Кудрявый,— говорю я,— молодость есть молодость, и здесь винить некого. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы они хоть чуть-чуть поумнели?

— Думаю, что нет, мистер Уошберн,— отвечает Кудрявый.

Какое-то время мы помалкиваем. Затем Кудрявый говорит:

— Натчез Паркер прислал известие, что хочет видеть тебя.

— Понятно,— говорю я.

Наплыв: ранчо на краю пустыни. В отдельно стоящей кухоньке повар-китаец точит ножи. Один из работников, старина Фаррел, сидит на ящике и чистит картошку. Он поет за работой, склонившись над кучей очисток. У него длинное лошадиное лицо. Повар, о котором он и думать забыл, высовывается из окна и говорит:

— Кто-то едет.

Старина Фаррел поднимается с места, приглядывается, яростно чешет в копне волос, снова прищуривает глаза.

— Эх, нехристь ты, нехристь, китаеза. Это не просто кто-то, это как пить дать мистер Уошберн, или я — не я и зеленые яблочки — не творение господне.

Старина Фаррел поднимается, подходит к фасаду главной усадьбы и кричит:

— Эй, мистер Паркер! К вам едет мистер Уошберн!

Уошберн и Паркер сидят вдвоем за маленьким деревянным столиком в гостиной Натчеза Паркера. Перед ними чашки с дымящимся кофе. Паркер — крупный усатый мужчина — сидит на деревянном стуле с прямой спинкой, его высохшие ноги укутаны индейским одеялом. Ниже пояса он парализован: в давние времена пуля раздробила позвоночник.

— Ну что же, Уошберн,— говорит Паркер,— я, как и все мы на Территории, наслышан об этой твоей истории с Малышом Джо Поттером. Жутко представить, что за встреча у вас выйдет. Хотелось бы на нее посмотреть со стороны.

— Я и сам не прочь посмотреть на нее со стороны,— говорю я.

— И где же вы намерены повстречаться?

— Полагаю, в аду.

Паркер подается вперед:

— Что это значит?

— Это значит, что я не собираюсь встречаться с Малышом Джо. Я направляюсь в Бримстоун, а оттуда — все прямо и прямо, подальше от Малыша Джо и всего вашего чертова Дикого Запада.

Паркер подается вперед и зверски дерет пальцами свои седые лохмы. Его большое лицо собирается в складки, словно он впился зубами в гнилое яблоко.

— Удираешь? — спрашивает он.

— Удираю,— говорю я.

Старик морщится, отхаркивается и сплевывает на пол.

— Из всех людей, способных на такое, меньше всего я ожидал услышать это от тебя. Никогда не думал, что увижу, как ты попираешь ценности, во имя которых всегда жил.

— Натчез, они никогда не были моими ценностями. Они достались мне готовенькими, вместе с ролью. Теперь я завязал с ролью и готов вернуть ценности.

Старик какое-то время переваривал все это. Затем заговорил:

— Что с тобой творится, дьявол тебя забери?! Ты что, в одночасье уразумел, что нахапал уже достаточно? Или просто струсил?

— Называй как хочешь,— говорю.— Я заехал, чтобы известить тебя. У меня перед тобой должок.

— Ну не прелесть ли он?! — скалится Паркер.— Он мне кое-что должен, и это не дает ему покоя, поэтому он считает, что

обязан, как меньшее из зол, заехать ко мне и сообщить, что удирает от какого-то наглого юнца с «пушкой», у которого за плечами всего одна удачная драка.

— Не перегибай!

— Послушай, Том...— говорит он.

Я поднимаю глаза. Паркер — единственный человек на всей Территории, который порой называет меня по имени. Но делает это очень нечасто.

— Смотри сюда,— говорит он.— Я не любитель цветистых речей. Но ты не можешь просто взять и удрать, Том. Какие бы причины ни были, подумай прежде о самом себе. Неважно где, неважно как, но ты должен жить в ладу с собой.

— Уж с этим-то у меня будет порядок,— говорю я.

Паркер трясет головой.

— Да провались все к чертям! Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта штука? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, словно нам принадлежит весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги — только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны *оставаться* мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на кон наши жизни, мы *сами и есть* эти роли, Том. Боже, да ведь любой может одеться ковбоем и прошвырнуться с важным видом по Главной улице. Но не каждый способен нацепить «пушку» и пустить ее в дело.

— Побереги свое красноречие, Паркер,— говорю я.— Ты профессионален через край и поэтому данную сцену провалил. Входи снова в роль, и продолжим эпизод.

— Черт! — говорит Паркер.— Я гроша ломаного не дам ни за эпизод, ни за Вестерн, и вообще! Я сейчас говорю только с тобой, Том Уошберн. С тех самых пор как ты пришел на Территорию, мы были с тобой как родные братья. А ведь тогда, вначале, ты был всего лишь напуганным до дрожи в коленках мальчишкой, и завоевал ты себе место под солнцем только потому, что показал характер. И сейчас я не позволю тебе удирать.

— Я допиваю кофе,— говорю я,— и еду дальше.

Внезапно Натчез изворачивается на стуле, захватывает в горсть мою рубашку и притягивает меня к себе, так что наши лица почти соприкасаются. В его другой руке я вижу нож.

— Вытаскивай свой нож, Том. Скорее я убью тебя собственной рукой, чем позволю уехать трусом.

Лицо Паркера совсем близко от меня, его взгляд свирепеет, он обдает меня кислым перегаром. Я упираюсь левой ногой в пол, ставлю правую на край паркеровского стула и с силой толкаю. Стул Паркера опрокидывается, старик грохается на пол, и по выражению его лица я вижу, что он растерян. Я выхватываю «пушку» и целюсь ему между глаз.

— Боже, Том! — бормочет он.

Я взвожу курок.

— Старый безмозглый ублюдок! — кричу я.— Ты что думаешь, мы в игрушки играем? С тех пор как пуля перебила тебе спину, ты стал малость неуклюж, зато многоречив. Ты думаешь, что есть какие-то особые правила и что только ты о них все знаешь? Но правил-то никаких нет! Не учи меня жить, и я не буду учить тебя. Ты старый калека, но если ты полезешь на меня, я буду драться по своим законам, а не по твоим и постараюсь уложить тебя на месте любым доступным мне способом.

Я ослабляю нажим на спусковой крючок. Глаза старого Паркера вылезают из орбит, рот начинает мелко подрагивать, он пытается сдержать себя, но не может. Он визжит — не громко, но высоко-высоко, как перепуганная девчонка.

Большим пальцем я снимаю курок со взвода и убираю «пушку».

— Ладно,— говорю я,— может, теперь ты очнешься и вспомнишь, как оно бывает в жизни на самом деле.

Я приподнимаю Паркера и подсовываю под него стул.

— Прости, что пришлось так поступить, Натчез.

У двери я оборачиваюсь. Паркер ухмыляется мне вслед.

— Рад видеть, что тебе помогло, Том. Мне следовало бы помнить, что у тебя тоже есть нервы. У всех хороших ребят, бывает, шалят нервишки. Но в драке ты будешь прекрасен.

— Старый идиот! Не будет никакой драки! Я ведь сказал тебе: я уезжаю насовсем.

— Удачи, Том. Задай им жару!

— Идиот!

Я уехал...

Всадник переваливает через высокий гребень горы и предоставляет лошади самой отыскивать спуск к распростершейся у подножия пустыне. Слышится мягкий посвист ветра, сверкают на солнце блестки слюды, песок змеится длинными колеблющимися полосами.

Полуденное солнце обрывает свой путь вверх и начинает спускаться. Всадник проезжает между гигантскими скальными формациями, которым резчик-ветер придал причудливые очер-

тания. Когда темнеет, всадник расседлывает лошадь и внимательно осматривает ее копыта. Он фальшиво что-то насвистывает, наливает воду из походной фляги в свой котелок, поит лошадь, затем глубже нахлобучивает шляпу и не торопясь пьет сам. Он стреноживает лошадь и разбивает в пустыне привал. Потом садится у костерка и наблюдает, как опускается за горизонт распухшее пустынное солнце. Это высокий худой человек в потрепанном котелке дерби, к его правой ноге прихвачен ремешком «сорок четвертый» с роговой рукояткой.

Бримстоун: заброшенный рудничный поселок на северо-восточной окраине Территории. За городком вздымается созданное природой причудливое скальное образование. Его именуют здесь Дьявольским Большаком. Это широкий, полого спускающийся скальный мост. Дальний конец его, невидимый из поселка, прочно упирается в землю уже за пределами Площадки — в двухстах ярдах и полутора сотнях лет отсюда.

Я въезжаю в городок. Моя лошадь прихрамывает. Вокруг не так много людей, и я сразу замечаю знакомое лицо: черт, это тот самый веснушчатый парнишка. Он, должно быть, очень спешил, раз попал сюда раньше меня. Я проезжаю мимо, не произнося ни слова.

Какое-то время я сижу в седле и любуюсь Дьявольским Большаком. Еще пять минут езды — и я навсегда покину Дикий Запад, покончу со всем этим — с радостями и неудачами, со страхом и весельем, с долгими тягучими днями и унылыми ночами, исполненными риска. Через несколько часов я буду с Консуэлой, я буду читать газеты и смотреть телевизор...

Все, сейчас я пропущу стаканчик местной сивухи, а затем — улепетываю...

Я осаживаю лошадь возле салуна. Народу на улице немного прибавилось, все наблюдают за мной. Я вхожу в салун.

У стойки всего один человек. Это невысокий коренастый мужчина в черном кожаном жилете и черной шляпе из бизоньей кожи. Он оборачивается. За высокий пояс заткнута «пушка» без кобуры. Я никогда его прежде не видел, но знаю, кто это.

— Привет, мистер Уошберн,— говорит он.

— Привет, Малыш Джо,— отвечаю я.

Он вопросительно поднимает бутылку. Я киваю. Он перегибается через стойку, отыскивает еще один стакан и наполняет его для меня. Мы мирно потягиваем виски.

Спустя время я говорю:

— Надеюсь, вы не очень затруднили себя поисками моей персоны?

– Не очень,— говорит Малыш Джо.

Он старше, чем я предполагал. Ему около тридцати. У него грубые рельефные черты лица, сильно выдающиеся скулы, длинные черные подкрученные кверху усы. Он потягивает спиртное, затем обращается ко мне очень кротким тоном:

— Мистер Уошберн, до меня дошел слух, которому я не смею верить. Слух, что вы покидаете эту Территорию вроде как в большой спешке.

— Верно,— говорю я.

— Согласно тому же слуху, вы не предполагали задерживаться здесь даже на такую малость, чтобы обменяться со мной приветствиями.

— И это верно, Малыш Джо. Я не рассчитывал уделять вам свое время. Но как бы то ни было, вы уже здесь.

— Да, я уже здесь,— говорит Малыш Джо. Он оттягивает книзу кончики усов и сильно дергает себя за нос.— Откровенно говоря, мистер Уошберн, я просто не могу поверить, что в ваши намерения не входит сплясать со мной веселый танец. Я слишком много о вас знаю, мистер Уошберн, и я просто не могу поверить этому.

— Лучше все-таки поверьте, Джо,— говорю я ему.— Я допиваю этот стакан, затем выхожу вот через эту дверь, сажусь на свою лошадь и еду на ту сторону Дьявольского Большака.

Малыш Джо дергает себя за нос, хмурит брови и сдвигает шляпу на затылок.

— Никогда не думал, что услышу такое.

— А я никогда не думал, что скажу такое.

— Вы на самом деле не хотите выйти против меня?

Я допиваю и ставлю стакан на стойку.

— Берегите себя, Малыш Джо.

И направляюсь к двери.

— Тогда — последнее,— говорит Малыш Джо.

Я поворачиваюсь. Малыш Джо стоит поодаль от стойки, обе руки его хорошо видны.

— Я не могу принудить вас к перестрелке, мистер Уошберн. Но я тут заключил маленькое пари касательно вашего котелка.

— Слышал о таком.

— Так что... хотя это огорчает меня намного сильнее, чем вы можете себе представить... я вынужден буду забрать его.

Я стою лицом к Джо и ничего не отвечаю.

— Послушайте, Уошберн,— говорит Малыш Джо,— нет никакого смысла вот так стоять и сверлить меня взглядом. Отдавайте шляпу или начнем наши игры.

Я снимаю котелок, расплющиваю его о локоть и пускаю блином в сторону Джо. Он поднимает дерби, не отрывая от меня глаз.

— Вот те на! — говорит он.

— Берегите себя, Малыш Джо.

Я выхожу из салуна.

Напротив салуна собралась толпа. Она ждет. Люди посматривают на двери, вполголоса разговаривая. Двери салуна распахиваются, и на улицу выходит высокий худой человек с непокрытой головой. У него намечается лысина. К его правой ноге ремешком прихвачен «сорок четвертый», и похоже, что человек знает, как пускать его в дело. Но суть в том, что в дело он его не пустил.

Под внимательным взглядом толпы Уошберн отвязывает лошадь, вскакивает в седло и шагом пускает ее в сторону моста.

Двери салуна снова распахиваются. Выходит невысокий, коренастый, с суровым лицом человек, в руках он держит измятый котелок. Он наблюдает, как всадник уезжает прочь.

Уошберн пришпоривает лошадь, та медлит в нерешительности, но наконец начинает взбираться на мост. Ее приходится постоянно понукать, чтобы она поднималась все выше и выше, отыскивая дорогу на усыпанном голышами склоне. На середине моста Уошберн останавливает лошадь, точнее, дает ей возможность остановиться. Он сейчас на высшей точке каменного моста, на вершине дуги, он замер, оседлав стык между двумя мирами, но не смотрит ни на один из них. Он поднимает руку, чтобы одернуть поля шляпы, и с легким удивлением обнаруживает, что голова его обнажена. Он лениво почесывает лоб — человек, в распоряжении которого все время мира. Затем он поворачивает лошадь и начинает спускаться туда, откуда поднялся,— к Бримстоуну.

Толпа наблюдает, как приближается Уошберн. Она неподвижна, молчалива. Затем, сообразив, что сейчас должно произойти, все бросаются врассыпную, ищут убежища за фургонами, ныряют за корыто с водой, съеживаются за мешками с зерном.

Только Малыш Джо Поттер остается на пыльной улице. Он наблюдает, как Уошберн спешивается, отгоняет лошадь с линии огня и медленно направляется к нему навстречу.

— Эй, Уошберн! — выкрикивает Малыш Джо.— Вернулся за шляпой?

Уошберн ухмыляется и качает головой.

— Нет, Малыш Джо. Я вернулся, чтобы сплясать с тобой веселый танец.

Оба смеются, это очень смешная шутка. Внезапно мужчины выхватывают револьверы. Гулкий лай «сорок четвертых» разносится по городу. Дым и пыль застилают стрелков.

Дым рассеивается. Мужчины по-прежнему стоят. Револьвер Малыша Джо направлен дулом вниз. Малыш Джо пытается крутануть его на пальце и видит, как он выпадает из руки. Затем валится в пыль.

Уошберн засовывает свою «пушку» за ремешок, подходит к Малышу Джо, опускается на колени и приподнимает его голову.

— Черт! — говорит Малыш Джо.— Это был вроде короткий танец, а, Уошберн?

— Слишком короткий,— отвечает Уошберн.— Прости, Джо...

Но Малыш Джо не слышит этих слов. Его взгляд потерял осмысленность, глаза остекленели, тело обмякло. Кровь сочится из двух дырочек в груди, кровь смачивает пыль, струясь из двух больших выходных отверстий в спине.

Уошберн поднимается на ноги, отыскивает в пыли свой котелок, отряхивает его, надевает на голову. Он подходит к лошади. Люди снова выбираются на улицу, слышатся голоса. Уошберн всовывает ногу в стремя и собирается вскочить в седло.

В этот момент дрожащий тонкий голос выкрикивает.

— Отлично, Уошберн, огонь!

С искаженным лицом Уошберн пытается извернуться, пытается освободить стрелковую руку, пытается волчком отскочить с линии огня. Даже в этой судорожной, невероятной позе он умудряется выхватить свой «сорок четвертый» и, крутанувшись на месте, видит в десяти ярдах от себя веснушчатого парнишку: его «пушка» уже выхвачена, он уже прицелился, уже стреляет...

Солнце взрывается в голове Уошберна, он слышит пронзительное ржание лошади, он проламывается сквозь все пыльные этажи мира, валится, а пули с глухим звуком входят в него,— с таким звуком, как если бы большим мясницким ножом плашмя шлепали по говяжьей туше. Мир разваливается на куски, киномашинка разбита, глаза — две расколотые линзы, в которых отражается внезапное крушение вселенной. Финальным сигналом вспыхивает красный свет, и мир проваливается в черноту.

Телезритель — он и публика, он же и актер — какое-то время еще тупо смотрит на потемневший экран, потом начинает ерзать в мягком кресле и потирать подбородок. Ему, похоже, немного не по себе. Наконец он справляется с собой, громко рыгает, протягивает руку и выключает телевизор.

Спецраздел выставки

В это утро в музее как-то непривычно пусто, отметил про себя мистер Грант, ведя миссис Грант через облицованный мрамором вестибюль. В данных обстоятельствах это было совсем не плохо.

— Доброе утро, сэр,— произнес пожилой розовощекий служитель музея.

— Доброе утро, Саймонс,— ответил мистер Грант.— Это — миссис Грант.

Миссис Грант угрюмо кивнула и прислонилась к боевой пироге из Центральной Америки. Ее плечи были вровень с плечами гребца из папье-маше и куда шире. Глядя на них, мистер Грант на мгновение задумался: а поможет ли ему специальный раздел выставки? Можно ли рассчитывать на успех, имея дело с женщиной столь крупной, столь сильной, столь уверенной в себе?

Он очень надеялся на него. В случае неудачи он станет посмешищем.

— Добро пожаловать в наш музей,— сказал служитель.— Я уверен, что посещение нашего музея доставит вам немалое удовольствие.

— Последний раз я была здесь еще ребенком.— Миссис Грант зевнула, прикрыв огромной ладонью рот.

— Миссис Грант не очень-то интересуют следы минувшего,— пояснил мистер Грант, опираясь на трость.— Мои занятия орнитологией тоже не производят на нее особого впечатления. И тем не менее она согласилась сопровождать меня при посещении спецраздела выставки.

— Спецраздела, сэр? — удивился служитель и заглянул в записную книжку.— Я не уверен, что...

— Вот мой пригласительный билет,— сказал мистер Грант.

— Да, сэр.— Служитель внимательно проверил протянутый ему билет, затем вернул его.— Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр. По-моему, последними, кто осматривал спецраздел, были мистер Карвер и его жена.

— Верно,— кивнул мистер Грант.

Он был весьма неплохо знаком с этим кротким лысоватым Карвером. А его тощая, вечно ворчливая жена, отличавшаяся ярко-рыжими волосами, была старой подругой миссис Грант. Спецраздел выставки, безусловно, куда более эффективен в деле улаживания конфликтов, чем консультации по вопросам семейной жизни, психоанализ, психотерапия или даже простая взаимотерпимость.

Это было совершенно уникальным начинанием музея. Администрация музея была очень довольна, когда его завсегдатаи оказывались веселыми и энергичными, ибо только в этом случае они могли всецело отдаваться пропагандируемым музеем наукам. К тому же спецраздел выставки имел большое общеобразовательное значение и восполнял существенный пробел в экспозиции музея.

Широкая публика ничего не знала о существовании спецраздела, поскольку общественность чрезвычайно консервативно относилась к инновациям музея, продиктованным научной необходимостью. Да иначе и не могло быть, отметил про себя мистер Грант.

Служитель извлек из кармана ключ.

— Непременно верните его мне, сэр,— предупредил он.

Мистер Грант кивнул и повел миссис Грант дальше, мимо стеклянных ящиков с уссурийскими тиграми и огромными гималайскими медведями, мимо буйволов с остекленевшими глазами и семьи оленей, навечно застывших в тот момент, когда они щипали траву.

— Сколько это будет продолжаться? — спросила миссис Грант.

— Совсем недолго,— ответил мистер Грант, помня о том, что спецраздел выставки был знаменит непродолжительностью пребывания в нем.

— Мне должны доставить кое-какие покупки,— сказала миссис Грант.— И к тому же у меня важные дела.

Проходя с нею мимо зубра и пятнистого оленя, мистер Грант на мгновение задумался над тем, какие же именно важные дела были у его жены. Ведь интересы миссис Грант, казалось, сводились днем к телевидению, а вечерами — к кинофильмам.

И, конечно же, к этим ее заказам!

Мистер Грант вздохнул. Было абсолютно ясно, что они совершенно не подходили друг другу. Подумать только: он, невысокий, даже хрупкий мужчина с высокоразвитым интеллектом, женился по собственной воле на женщине такого атлетического сложения и с куриными мозгами. Но такое случалось и с другими. С доктором Карвером, например.

Мистер Грант ухмыльнулся украдкой, припомнив закон притяжения противоположностей. Закон, не столько практичный, сколько романтичный. Неужели все его занятия орнитологией ничему его не научили? Разве малиновка — пара могучему кондору? Да ведь это просто абсурд! Насколько было бы лучше, если бы он решился вступить во французский Иностранный легион, промотал бы свое наследство в необузданных оргиях или подался бы в какое-нибудь совсем дикое племя в качестве шамана! Такое можно было бы вполне пережить, со временем свыкнуться. Но такая женитьба? Никогда. Во всяком случае, не с миссис Грант, несмотря на все ее достоинства.

Естественно, надеяться оставалось только на спецраздел выставки.

— Сюда,— пробормотал мистер Грант, направляя жену в неожиданно возникший проход между двумя стеклянными кубами.

— Где же эта экспозиция? — недовольно повысила голос миссис Грант.— Мне нужно быть дома, чтобы получить заказы.

— Здесь, совсем рядом,— сказал мистер Грант, подводя ее к двери с ярко-красной надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Он снова задумался над тем, какие именно заказы должны быть доставлены ей сегодня. Казалось, она делает грандиозное количество заказов. И посыльные зачастую оставляют в пепельнице окурки дорогих сигарет.

— Вот мы и пришли,— сказал мистер Грант.

Он отпер обитую железом дверь, и они вошли в просторный зал. Обстановка в нем изображала поляну в джунглях. Прямо перед ними располагалась хижина с крышей из тростника. Чуть поодаль — другая хижина, поменьше, наполовину спрятанная в кустах.

На покрытой густой травой земле праздно валялись несколько дикарей, лениво переговариваясь друг с другом.

— Да ведь они живые! — воскликнула миссис Грант.

— Конечно. Это, понимаешь, новый эксперимент в области описательной антропологии.

Здесь же сидела древняя сморщенная старуха, которая подбрасывала щепки в потрескивавший под огромным глиняным котлом огонь. В котле что-то булькало.

Заметив чету Грант, дикари встали. Один из них сладко зевнул и потянулся. Раздался легкий треск в суставах.

— Потрясающие парни,— прошептала миссис Грант.

Мистер Грант согласно кивнул. Это не могло ускользнуть от ее внимания.

Рядом с дикарями на земле валялись разукрашенные деревянные мечи, длинные копья, острые ножи из бамбука. Зал был наполнен беспрерывным щебетанием, изредка прерываемым возбужденным кудахтаньем. Время от времени какая-то птица издавала сердитое гоготанье, другая что-то трубила в ответ.

Миссис Грант сказала:

— Мы можем теперь уйти? О-о-о!

Рядом с ней оказался один из туземцев. Спутанные волосы и раскрашенное лицо придавали ему дикий и необычный вид. Позади стояли еще двое. Глядя на эту компанию, мистер Грант подумал: сколько по сути дикарского и в самой миссис Грант с ее чрезмерной косметикой, дешевыми мехами и побрякивающими драгоценностями.

— Что они хотят? — спросила миссис Грант, глядя на полуобнаженных мужчин с чувством, весьма далеким от страха.

— Им хочется, чтобы ты осмотрела их поселение,— ответил мистер Грант.— Это является составной частью экспозиции.

Миссис Грант заметила, что первый туземец смотрит на нее с нескрываемым вожделением, и не стала сопротивляться, когда ее повели дальше.

Ей показали котел для приготовления пищи, различное оружие, украшения, которыми была увешана первая хижина. Затем туземцы повели ее ко второй хижине. Один из них подмигнул ей и поманил взглядом внутрь хижины.

— Действительно интересно,— сказала она, в свою очередь подмигнула дикарю и последовала за ним.

Двое других также прошли внутрь, причем один из них, прежде чем войти, подобрал с земли нож.

— Почему ты не сказал мне, что они охотники за головами? — послышался голос миссис Грант.— Ты видел эти сморщенные головы?

Мистер Грант про себя улыбнулся. Подумать только, каких трудов стоило заполучить эти головы. Власти в государствах Южной Америки категорически запретили их вывоз. Специальный раздел выставки был, по всей вероятности, единственным сохранившимся центром этого уникального народного искусства.

— У одной из них рыжие волосы. Точь-в-точь миссис...

Раздался крик, а затем звуки яростной схватки. Мистер Грант затаил дыхание. Их было, на всякий случай, трое, но миссис Грант очень сильная женщина... Хотя, конечно, ей не под силу...

Один из дикарей, пританцовывая, выскочил из хижины, и ведьма, колдовавшая у огня, взяла несколько зловеще выгля-

дящих орудий и прошла внутрь хижины. Содержимое котла продолжало весело булькать.

Мистер Грант облегченно вздохнул и решил, что смотреть дальше нет смысла. К тому же антропология не входила в сферу его интересов. Он запер за собой железную дверь и направился в отдел орнитологии, решив, что ему вовсе не обязательно получать заказы миссис Грант.

Страх в ночи

Просыпаясь, она услышала свой крик и поняла, что кричала, наверное, уже долгие секунды. В комнате было холодно, но все ее тело покрывал пот; он скатывался по лицу и плечам на ночную рубашку. Простыня под ней промокла от пота.

Она сразу задрожала.

— У тебя все в порядке? — спросил муж.

Несколько секунд она молчала, не в силах ответить. Крепко обхватив поджатые колени, она пыталась унять дрожь. Муж темной глыбой лежал рядом, эдакий длинный черный цилиндр на фоне слабо белевшей во тьме простыни. Посмотрев на него, она снова задрожала.

— Тебе поможет, если я включу свет? — спросил он.

— Нет! — резко произнесла она.— Не шевелись... пожалуйста!

В темноте раздавалось лишь тиканье часов, равномерное, но какое-то зловещее.

— Опять?

— Да,— сказала она.— То же самое. Ради Бога, не прикасайся ко мне!

Он приблизился, изогнувшись под простыней, и она вновь сильно задрожала.

— Сон,— осторожно начал он,— сон был про... я прав?..

Он деликатно не договорил и пошевелился, осторожно, чтобы ее не напугать.

Но она снова овладела собой. Руки ее разжались, ладони плотно прижались к простыне.

— Да,— сказала она.— Снова змеи. Они по мне ползали. Большие и маленькие, сотни змей. Они заполнили всю комнату, а через дверь и окна позли все новые, вываливались из переполненного шкафа...

— Успокойся,— сказал он.— Ты уверена, что хочешь об этом говорить?

Она промолчала.

— Теперь хочешь, чтобы я включил свет? — мягко спросил он.

— Не сейчас,— сказала она, помедлив.— Я еще не набралась храбрости.

— Да-да,— понимающе произнес он.— А другая часть сна...

— Да.

— Послушай, может, тебе не стоит об этом говорить?

— Нет, давай поговорим.— Она попыталась засмеяться, но закашлялась.— А то ты подумаешь, что я начинаю к этому привыкать. Сколько ночей оно уже тянется?

Сон всегда начинался с маленькой змейки, медленно ползущей по ее руке и поглядывающей на нее злобными красными глазками. Она стряхивала ее и садилась на постели. Тут по одеялу начинала скользить вторая, все быстрее и быстрее. Она стряхивала и эту, быстро вылезала из постели и становилась на пол. Тут другая змея оказывалась у нее под ногами, еще одна сворачивалась в волосах, а потом через открывшуюся дверь ползли все новые и новые, тогда она бросалась на постель и с воплями тянулась к мужу.

Но во сне мужа рядом с ней не оказывалось. Вместо него на постели лежала огромная змея, этакий длинный черный цилиндр на фоне слабо белевшей во тьме простыни. И она понимала это, лишь когда обвивала ее руками.

— А теперь включи свет,— велела она.

Когда комнату залил свет, она вся напряглась, готовая выскочить из постели, если...

Но все-таки это оказался ее муж.

— Господи Боже,— выдохнула она и полностью расслабилась, распластавшись по матрасу.

— Удивлена? — спросил муж, криво улыбнувшись.

— Каждый раз,— сказала она,— каждый раз я уверена, что тебя не окажется рядом. А вместо тебя — змея.

Она коснулась его руки, чтобы убедиться.

— Видишь, насколько все это глупо? — мягко и успокаивающе произнес он.— Если бы ты только смогла забыть... Тебе нужна лишь уверенность во мне — и кошмары пройдут.

— Знаю,— ответила она, вглядываясь в детали обстановки. Маленький телефонный столик с беспорядочной кучей записок и исчерканных бумажек выглядел необыкновенно ободряюще.

Старыми друзьями были и поцарапанное бюро из красного дерева, и маленький радиоприемник, и газета на полу. А каким обычным казалось изумрудно-зеленое платье, небрежно переброшенное через спинку стула!

— Доктор сказал тебе то же самое. Когда мы поссорились, ты ассоциировала меня со всем, что идет не так, со всем, что причиняет тебе боль. И теперь, когда все наладилось, ты ведешь себя по-прежнему.

— Не сознательно,— сказала она.— Клянусь, не сознательно.

— Нет, все по-прежнему,— настаивал он.— Помнишь, как я хотел развода? Как говорил, что никогда тебя не любил? Помнишь, как ты меня ненавидела, но в то же время не давала уйти? — Он перевел дыхание.— Ты ненавидела Элен и меня. И это не прошло даром. Внутри нашего примирения так и осталась ненависть.

— Не думаю, что когда-либо ненавидела тебя,— сказала она.— Только Элен... эту тощую мелкую обезьяну!

— Нельзя дурно говорить о тех, кого уже не волнует мирская суета,— пробормотал он.

— Да,— задумчиво сказала она.— Наверное, это я довела ее до того срыва. Но не могу сказать, что жалею. Думаешь, меня посещает ее призрак?

— Не надо себя винить,— сказал он.— Она была чувственной, нервной, артистической женщиной. Невротический тип.

— Но теперь, когда Элен больше нет, у меня все прошло, я все преодолела.— Она улыбнулась ему, и морщинки тревоги у нее на лбу разгладились.— Я просто без ума от тебя,— прошептала она, перебирая пальцами его светло-русые волосы.— И никогда тебя не отпущу.

— Только попробуй,— улыбнулся он в ответ.— Я никуда не хочу уходить.

— Просто помоги мне.

— Всем, чем смогу.— Он подался вперед и легонько поцеловал ее в щеку.— Но, дорогая, если ты не избавишься от этих кошмаров — в которых я главный злодей,— мне придется...

— Молчи, молчи,— быстро произнесла она.— Я и думать об этом не хочу. Ведь наши плохие времена *прошли*.

Он кивнул.

— Однако ты прав,— сказала она.— Наверное, нужно попробовать обратиться к другому психиатру. Долго я так не выдержу. Все эти сны, ночь за ночью.

— И они становятся все хуже и хуже,— напомнил он, нахмурившись.— Сперва они были время от времени, теперь уже каждую ночь. А скоро, если ты ничего не предпримешь, будет уже...

— Хорошо,— сказала она.— Не надо об этом.

— Приходится. Я очень беспокоюсь. Если эта змеиная мания будет продолжаться, в одну из ночей ты вонзишь в меня спящего нож.

— Никогда. Но не будем об этом. Я хочу обо всем позабыть. Не думаю, что это случится снова. А ты?

— Надеюсь, что нет.

Она выключила свет, потом поцеловала мужа и закрыла глаза.

Через несколько минут она повернулась на бок. Через полчаса снова перекатилась на спину, пробормотала что-то неразборчивое и расслабилась. Еще через двадцать минут пожала плечом, и больше уже не шевелилась.

Ее муж лежал рядом темной глыбой, опираясь на локоть. Он размышлял в темноте, прислушиваясь к ее дыханию и тиканью часов. Потом улегся на спину.

Он медленно развязал завязки своей пижамы потянул за шнур и вытащил его на целый фут. Потом откинул одеяло и неторопливо придвинулся к ней прислушиваясь к ее дыханию. Положил шнур ей на руку. Медленно, по сантиметру за несколько секунд, провел шнуром по ее руке.

Наконец она застонала.

Служба ликвидации

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа, и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр,— сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь.— Я Эсмонд из Службы ликвидации.— И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно,— отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл.— Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать.— Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

— В таком случае, надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

— Вы меня разыгрываете,— сказал Фергюсон.

— Вовсе нет,— ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать,— проговорил, смеясь, Фергюсон,— что ликвидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако, смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете? — спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота,— сказал мистер Эсмонд.— Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал,— ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон,— заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянули о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему,— заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку,— Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину.— Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно,— ответил мистер Эсмонд.

— Оплата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично,— поспешно сказал Фергюсон.— Я просто интересуюсь,— он помедлил.— Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все расхаживал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся,— сказал он.— Женаты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы,— говорил Фергюсон.— И я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас,— проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать,— продолжал Фергюсон.— Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет,— сказал мистер Эсмонд...

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было,— веско произнес Фергюсон,— я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим, я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того,— сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно,— повторил мистер Эсмонд.

— Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться? — неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно,— поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся.— А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером,— каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? — осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока,— ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было бессмысленно. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл,— сказал он, накидывая пальто на плечи,— меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечерок-другой?

— Конечно, мистер Фергюсон,— согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям? — спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано,— сказала она.

— А что, это запрещается? — спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно, нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? — огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания,— отчеканил Фергюсон.— Не пили меня.

— Я тебя не пилила! — закричала жена.

— Пойду прилягу,— сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

— Я решил...— Фергюсон крепко сжал трубку.— У меня есть полное право так поступить,— сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба! — воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены, мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку — блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это, наверное, из прачечной,— сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп.— Тебе не трудно?

— Нисколько.— Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная? — спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации,— ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права! — пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке? — услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада,— донеслись до него слова.— Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места. Фергюсон пытался закричать, но холст плотно обхватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

Доктор Вампир и его мохнатые друзья

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо-восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы — лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико — это лабиринт наизнанку, они ведут изнутри к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неуловимыми. Мехико словно ничего не скрывает, но все в нем непостижимо. Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне; самозащита их — в кажущейся открытости, так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане или Тласкале; я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо, что прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан; их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилю де Ресу понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез. Мои потребности скромнее; впрочем, ненамного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта — домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать — вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция — как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу бы вышла наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартире ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ. Так гласит молва.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением — скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверно, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно — в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, которую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? «Доктор запретил мне все острое,— говорю я соседям,— мне нельзя никаких пряностей и приправ — ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...»

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомнить все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешь свою роль — и она становится твоим мученьем и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знатоками истины, а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобии.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуардо, мясник, однажды сказал:

— А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя есть соленого. Может, вы тоже вампир, а?

Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, как старухи делают магические знаки, когда я прохожу мимо,— спешат оберечь себя от дурного глаза. Я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: «Доктор Вампир, доктор Вампир...»

Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.

Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.

Итак, я по-прежнему питаюсь у себя в кухне — покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ принести в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.

В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.

Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слывет неподкупным — своего рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами — а она, кажется, в меня влюблена,— Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.

Поразительный домысел, по существу это неверно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка — чистильщик обуви и особенно торговка овощами — все за меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:

— Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудак, никакого вреда от него нет.

Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.

Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний

облик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. «Сеньор доктор» — это тоже маска, которой можно прикрыться.

А почему бы им и не принимать меня за ученого! У меня непомерно высокий из-за залысин лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу ясно, что я из Европы, поскольку старательно строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, как не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках — собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.

— Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенса, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Драйера о взаимопроникновении культур — он пытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны,— оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за свой собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяснилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана. А малыш Хорхе Сильверио, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я — жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии,

убиваю целые дни, осматривая Теотиуакан, Тулу, Шочикалько. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался,— ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои находки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

— Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

— Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я всегда их соблюдаю.

— Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас...

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хаки, подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

— Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой.

— Совсем не такой звук.

— Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

— Я прекрасно знаю, как скребутся крысы,— с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира.— А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое — никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва, и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учуял не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

— Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока в Чолулском музее. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить «свирепого испанца».

— Собаки?! — заорал я.— Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого породистого пса — по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может, еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

— Зря вы кипятитесь,— равнодушно сказал Гарсия.

— Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! — горланил я.— Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примерещилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

— Что ж, пойдем поглядим,— сказал он сеньоре Эльвире.

И тут, к моему изумлению,— не ослышался ли я? — она заявила:

— Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии — может, он еще сомневается, так пускай сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличий. Он бы не побоялся остаться в дураках.

— Устал,— сказал я.— Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на волоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От трупа я избавился обычным способом — скормил остальным. И после этого удвоил меры предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни

мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком — ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка — заподозрить, что я держу собак! Собаки — мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я — предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедля бросились бы в полицию и разоблачили бы меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ — выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо — и растут гладкие, сильные, смышленые. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне — как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс. Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира — своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предощущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадью от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росомахи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росомаха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку. И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех самых пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, где я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возьмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти — крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбой припишут волкам или одичавшим псам, хотя незваные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами — но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды — Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части — но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты — но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда... Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые, предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильярмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы — еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спросясь переходят Игл Пасс, без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача — не дать зверью уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества.

Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину — человечество, которое, обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование — права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они небесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего,— он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония — великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной — бичом рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор как Землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальное, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найти в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа — достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание. Но еще горше, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен — всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек его уничтожал. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных — я сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они — нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование — право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица Земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого преемника.

Что до меня, то недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для «обычного» санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но — согласен — по сути своей они безусловно справедливы.

Тело

Открыв глаза, профессор Мейер увидел беспокойно склонившихся над собой трех молодых хирургов. Внезапно ему пришло в голову, что они действительно должны быть очень молоды, если решились на это; молоды и дерзки, не обременены закостенелыми представлениями и мыслями, с железной выдержкой, с железным самообладанием.

Его так поразило это откровение, что лишь через несколько секунд он понял, что операция прошла успешно.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Все хорошо?

— Вы в состоянии говорить, сэр? Если нет, качните головой. Или моргните.

Они жадно смотрели.

Профессор Мейер сглотнул, привыкая к новому нёбу, языку и горлу. Наконец произнес очень сипло:

— Мне кажется... Мне кажется...

— Ура! — закричал Кассиди.— Фельдман, вставай!

Фельдман соскочил с кушетки и бросился за очками.

— Он уже пришел в себя? Разговаривает?

— Да, он разговаривает! Фредди, мы победили.

Фельдман нашел очки и кинулся к операционному столу.

— Можете сказать еще что-нибудь, сэр? Все что угодно.

— Я... Я...

— О боже,— выдохнул Фельдман.— Кажется, я сойду с ума.

Трое разразились нервным смехом. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман тоже засмеялся, но затем зашелся кашлем.

— Где Кент? — крикнул Кассиди.— Он удерживал осциллограф на одной линии в течение десяти часов.

— Отличная работа, черт побери! Где же он?

— Ушел за сандвичами,— ответил Люпович.— Да вот он.

— Кент, все в порядке!

На пороге появился Кент с двумя бумажными пакетами и половиной бутерброда во рту. Он судорожно сглотнул.

— Заговорил?! Что он сказал?

Раздался шум, и в операционную ввалилась толпа людей.

— Уберите их! — закричал Фельдман.— Где этот полицейский? Сейчас никаких интервью.

Полицейский выбрался из толпы и загородил вход.

— Вы слышали, что говорят врачи, ребята?

— Нечестно, это же сенсация!

— Его первые слова?

— Что он сказал?

— Он действительно превратился в собаку?

— Какой породы?

— Он может вилять хвостом?

— Он сказал, что чувствует себя отлично,— объявил полицейский, загораживая дверь.— Идем, идем, ребята.

Под его растопыренными руками прошмыгнул фотограф. Он взглянул на операционный стол и пробормотал:

— Боже мой!

Кент закрыл рукой объектив, и в этот миг сработала вспышка.

— Какого черта?! — взревел репортер.

— Вы счастливейший обладатель снимка моей ладони,— саркастически произнес Кент.— Увеличьте его и повесьте в музее современных искусств. А теперь убирайтесь, пока я не сломал вам шею.

— Идем, ребята,— строго повторил полицейский, выталкивая газетчиков. На пороге он обернулся и посмотрел на профессора Мейера.— Просто не могу поверить! — прошептал он и закрыл за собой дверь.

— Мы кое-что заслужили! — воскликнул Кассиди.

— Да, это надо отметить!

Профессор Мейер улыбнулся — мысленно, конечно, так как лицевая экспрессия была ограничена.

Подошел Фельдман.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

— Превосходно,— осторожно произнес Мейер.— Немного не по себе, пожалуй...

— Но вы не сожалеете? — перебил Фельдман.

— Еще не знаю,— сказал Мейер.— Я был против из принципа. Незаменимых людей нет.

— Есть. Вы.— Фельдман говорил с горячей убежденностью.— Я слушал ваши лекции. О, я не претендую на понимание и десятой части, математическая символика для меня только хобби. Но ваши знаменитые...

— Пожалуйста,— выдавил Мейер.

— Нет, позвольте мне сказать. Вы продолжаете труд Эйнштейна. Никто больше не в состоянии закончить его. Никто! Вам нужно было еще пару лет существовать в любой форме. Человеческое тело пока не хочет принимать гостя, пришлось искать среди млекопитающих...

— Не имеет значения,— оборвал профессор.— В конце концов, главное — интеллект. У меня слегка кружится голова.

— Помню вашу последнюю лекцию в Гарварде,— сжав кулаки, продолжал Фельдман.— Вы выглядели таким старым! Я чуть не заплакал — усталое изможденное тело...

— Не желаете выпить, сэр? — Кассиди протянул стакан.

Мейер засмеялся.

— Боюсь, мои формы не приспособлены для стаканов. Лучше блюдечко.

— Ух,— вырвалось у Кассиди.— Правильно! Эй, несите сюда блюдечко!

— Вы должны нас простить, сэр,— извинился Фельдман.— Такое ужасное напряжение. Мы сидели в этой комнате почти неделю, и сомневаюсь, что кто-нибудь из нас поспал восемь часов за это время. Мы чуть не потеряли вас...

— Вот! Вот блюдечко! — вмешался Люпович.— Что предпочитаете, сэр? Виски? Джин?

— Просто воду,— сказал Мейер.— Мне можно подняться?

— Позвольте...

Люпович легко снял его со стола и опустил на пол. Мейер неуверенно закачался на четырех ногах.

— Браво! — восторженно закричали врачи.

— Мне кажется, завтра я смогу немного поработать,— сказал Мейер.— Нужно придумать какой-нибудь аппарат, чтобы я смог писать. По-моему, это несложно. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока мои мысли еще не совсем ясны...

— Не торопитесь.

— О, только не это! Нам нельзя потерять вас.

— Какая сенсация!

— Мы напишем замечательный отчет!

— Совместный или каждый по своей специальности?

— И то и другое. Они никогда не насытятся. Это же новая веха в...

— Где здесь ванная? — спросил Мейер.

Врачи переглянулись.

— Зачем?

— Заткнись, идиот. Сюда, сэр. Позвольте, я открою вам дверь.

Мейер следовал за ними по пятам, всем существом ощущая легкость передвижения на четырех лапах. Когда он вернулся, горячо обсуждались технические аспекты операции.

— ...никогда не повторится.

— Не могу с тобой согласиться. То, что удалось однажды...

— Не дави философией, детка. Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Нам дьявольски повезло.

— Вот именно. Биоэлектрические изменения необратимы...

— Он вернулся.

— Ему не следует много ходить. Как ты себя чувствуешь, миляга?

— Я не миляга,— прорычал профессор Мейер.— И между прочим, гожусь вам в дедушки.

— Простите, сэр. Мне кажется, вам лучше лечь.

— Да,— произнес Мейер.— Мне что-то нехорошо. В голове звенит, мысли путаются...

Они опустили его на кушетку, обступили тесным кольцом, положив руки друг другу на плечи. Они улыбались и были очень горды собой.

— Вам что-нибудь надо?

— Все, что в наших силах...

— Вот, я налил в блюдце воды.

— Мы оставили пару бутербродов.

— Отдыхайте,— сказал Кассиди.

И он непроизвольно погладил профессора Мейера по вытянутой, с атласной шерстью, голове.

Фельдман выкрикнул что-то неразборчивое.

— Я забыл,— смущенно произнес Кассиди.

— Нам надо следить за собой. Он ведь человек.

— Конечно, я знаю. Просто я устал... Понимаете, он так похож на собаку, что невольно...

— Убирайтесь отсюда! — приказал Фельдман.— Убирайтесь! Все!

Он вытолкнул всех из комнаты и вернулся к профессору Мейеру.

— Могу я что-нибудь для вас сделать, сэр?

Мейер попытался заговорить, утвердить свою человеческую натуру, но слова давались ему с большим трудом.

— Это никогда не повторится, сэр. Я уверен. Все же... вы же профессор Мейер!

Фельдман быстро натянул одеяло на дрожащее тело Мейера.

— Все в порядке, сэр,— проговорил он, стараясь не смотреть на трясущееся животное.— Главное — это интеллект! Мозг!

— Разумеется,— согласился профессор Мейер, выдающийся математик.— Но я думаю... не могли бы вы меня еще раз погладить?

Пиявка

Слишком долго она летела в пустоте. Слишком долго была без пищи. Безжизненная спора, она не замечала, как проходили тысячелетия. Не почувствовала она ничего и тогда, когда достигла, наконец, Солнечной системы и живительные лучи Солнца коснулись ее сухой твердой оболочки.

Планета потянула ее к себе, и, все еще мертвая, она вместе с другими межзвездными пылинками стала падать.

Пылинка, похожая на миллионы других; ветер подхватил ее, помчал вокруг Земли и отпустил...

На поверхности она стала оживать. Сквозь поры в ее оболочке стала поступать пища. Она принялась есть и расти.

Фрэнк Коннерс поднялся на веранду и два раза негромко кашлянул.

— Прошу прощения, профессор,— сказал он.

Длинноногий профессор, лежавший на раскладушке, даже не пошевелился и продолжал похрапывать.

— Мне не хотелось бы вас беспокоить.— От волнения Коннерс сдвинул свою старенькую шляпу на затылок.— Я знаю, у вас неделя отдыха, но там, в канаве, лежит такая чертовщина...

Одна бровь у спящего слегка приподнялась.

Фрэнк Коннерс снова вежливо кашлянул. На его руке, сжимавшей черенок лопаты, набухли старческие вены.

— Вы слышите, профессор?

— Конечно, я все слышал,— пробормотал Майккхилл, не открывая глаз.— Вам попался эльф?

— Чего? — спросил Коннерс, сосредоточенно наморщив лоб.

— Маленький человечек в зеленом сюртучке. Дайте ему молочка, Коннерс.

— Нет, сэр. Это какой-то камень.

Профессор открыл один глаз.

— Прошу прощения, я не хотел вас беспокоить,— снова извинился Коннерс.

У профессора Майккхилла вот уже десять лет была единственная причуда — неделя полного отдыха. Это стало традицией. Всю зиму профессор читал студентам антропологию, заседал в полудюжине комитетов, занимался для себя физикой и химией и ко всему этому умудрялся писать еще по книге в год. Но к лету он выдыхался совершенно.

И тогда он отправлялся к себе на старую ферму, в штат Нью-Йорк, и целую неделю просто-напросто отсыпался. Это и называлось неделей полного покоя. Фрэнка Коннерса он нанимал на это время готовить еду и помогать по хозяйству.

Вторую неделю профессор; как правило, бродил по окрестностям, рассматривал деревья, птичек и удил рыбу. Третью неделю он читал, загорал на солнце, чинил крышу сарая и лазил по горам. Конца четвертой недели профессор дожидался с трудом, а дождавшись, торопился уехать.

Но первая неделя была священна.

— Я не стал бы вас тревожить по пустякам, но этот чертов камень расплавил мне лопату.

Профессор разом открыл глаза и приподнялся. Коннерс протянул ему лопату. Ее закругленная часть была ровно срезана. Майккхилл резко спустил ноги с раскладушки и сунул в потрепанные мокасины.

— Идемте,— сказал он, поднимаясь.— Посмотрим, что это за чудо.

«Чудо» лежало в придорожной канаве, отделявшей лужайку перед домом от большой автострады. Обыкновенная плита из камня величиной с автомобильную шину, дюйма три толщиной. На темно-серой поверхности виднелось множество замысловатых черных прожилок.

— Не трогайте руками,— предупредил Коннерс.

— Я и не собираюсь. Дайте мне вашу лопату.

Майкхилл взял лопату и ткнул ею в загадочный предмет. Какое-то время профессор прижимал лопату к поверхности. Когда он ее отнял — еще дюйм металла исчез.

Майкхилл нахмурился и поправил очки. Затем одной рукой он снова прижал лопату к камню, а другую поднес поближе к его поверхности. Лезвие таяло на глазах...

— Вроде бы не греет,— сказал он, обращаясь к Коннерсу.— А в первый раз? Вы не заметили, шло от камня тепло?

Коннерс отрицательно покачал головой.

Майкхилл набрал в руку грязи и бросил на камень. Комок быстро растаял, не оставив и следа на черно-серой поверхности. За комком грязи последовал большой булыжник, который исчез тем же способом.

— Вы когда-нибудь видели такую чертовщину, профессор? — спросил Коннерс.

— Нет.— Майкхилл разогнулся.— Никогда не видел.

Он снова взял лопату и изо всех сил ударил ею о камень... И чуть не выронил ее. Ожидая отдачи, он слишком сильно сжал черенок. Но отдачи не последовало. Лопата ударилась и сразу остановилась, как будто прилипла. Когда профессор приподнял ее, он увидел, что на черно-серой поверхности не осталось никакого следа от удара.

— Вот тебе и на. Что же это такое? — выдохнул Коннерс.

— Это не камень,— сказал Майкхилл, отступая назад.— Пиявки сосут кровь. А эта штука, кажется, сосет грязь и лопаты.

Мужчины переглянулись. На шоссе показалось несколько военных грузовиков. С ревом они промчались мимо.

— Пойду попробую дозвониться в колледж. Попрошу приехать кого-нибудь из физиков,— сказал Майкхилл,— или биологов. Хорошо бы убрать отсюда эту штуку, пока она не испортила мне газон.

Они направились к дому.

Все вокруг для нее было пищей. Ветер отдавал ей свою энергию. Шел дождь, и удар каждой капли прибавлял ей сил. И вода тут же всасывалась всепоглощающей поверхностью.

Солнечные лучи, почва, грязь, камни, веточки — все усваивалось клетками.

Медленно зашевелились в ней смутные тени ощущений. И первое, что она почувствовала,— неправдоподобную ничтожность своего тела.

Она росла.

На следующий день «пиявка» достигла уже восьми футов. Одним краем она высунулась на шоссе, а другой дополз до газона. Еще через день ее диаметр увеличился до восемнадцати футов. Теперь она перекрыла всю проезжую часть дороги.

Майкхилл ходил вокруг «пиявки» и задавал себе один и тот же вопрос. Какое вещество может вести себя таким образом? Ответ прост — ни одно из *известных* веществ.

Вдали послышался гул колонны армейских грузовиков.

Водитель ехавшего впереди джипа поднял руку, и вся колонна остановилась. Из джипа вылез офицер. По количеству звезд на его плечах Майкхилл понял, что перед ним бригадный генерал.

— Уберите эту штуку и очистите проезд.

Он был высок и худощав. На загорелом, обожженном солнцем лице холодно поблескивали глаза.

— Мы не можем ее убрать.— И Майкхилл рассказал генералу о событиях последних дней.

— Но ее необходимо убрать,— сказал генерал. Он подошел поближе и пристально посмотрел на «пиявку».— Вы говорите, ломом ее не сковырнуть? И огонь ее не берет?

— Совершенно верно.— Майкхилл слабо улыбнулся.

— Шофер,— бросил генерал через плечо,— поезжайте-ка через эту штуку!

Майкхилл хотел было вмешаться, но удержался. Генеральские мозги — вещь особая. Нужно дать им возможность посображать самостоятельно.

Джип рванулся вперед, подпрыгнув на десятисантиметровом ребре «камня». В центре автомобиль остановился.

— Я не приказывал останавливаться! — рявкнул генерал.

— Я и не останавливался, сэр,— запротестовал шофер.

Джип дернулся на месте и замер.

— Простите,— сказал Майкхилл,— но у него плавятся шины.

Генерал присмотрелся, и его рука автоматически дернулась к пистолету на поясе. Затем он закричал:

— Водитель! Прыгайте! Не коснитесь только этой серой штуки!

Лицо шофера побелело. Он быстро вскарабкался на крышу джипа, огляделся и благополучно спрыгнул на землю.

В полной тишине все наблюдали за джипом. Сначала растаяли шины, потом четыре обода, рама автомобиля...

Последней медленно исчезла антенна.

Генерал тихо выругался и приказал шоферу:

— Отправляйтесь к колонне и возвращайтесь с гранатами и динамитом.

Она почти очнулась. Все тело требовало пищи, еще и еще. Почва под ней стремительно растворялась. Она росла. Какой-то большой предмет оказался на ее поверхности и стал добычей.

Взрыв энергии возле самой поверхности, потом другой, и еще, еще. Она жадно, с благодарностью поглотила эти новые силы и перевела их в массу. Маленькие металлические кусочки ударили о поверхность, и она всосала их кинетическую энергию, превратив ее в массу. Еще взрывы и еще...

Ее ощущения становились все богаче, она начала чувствовать среду вокруг...

Еще один взрыв сильнее предыдущих. Это уже настоящая пища! Ее клетки кричали от голода. С тревогой и надеждой она ждала еще взрывов.

Но их больше не было. Тогда она снова принялась за почву и солнечный свет.

Она ела, росла и расползалась в стороны.

С вершины небольшого холма Майкхилл смотрел, как рушится его собственный дом, «Пиявка», диаметром теперь в несколько сот метров, поглощала крыльцо.

«Прощай, мой домик»,— подумал он, вспоминая десять летних сезонов, проведенных здесь.

Крыльцо исчезло, за ним дверь...

Теперь «пиявка» напоминала огромное поле застывшей лавы. Серое, мрачное пятно на зеленой земле.

— Простите, сэр.— Позади него стоял солдат.— Генерал О'Доннел хочет вас видеть.

— Пожалуйста.

Майкхилл бросил последний взгляд в сторону дома и последовал за солдатом через проход в колючей проволоке, протянутой теперь вокруг «пиявки» диаметром в полмили. По всей ее длине стояли солдаты, удерживая репортеров и любопытствующих. Майкхилл удивлялся, как это ему еще разрешили проходить за ограждение. Может быть, потому, что все это как-никак произошло на его земле.

В палатке за маленьким столиком сидел генерал О'Доннел. Жестом он предложил Майкхиллу сесть.

— Мне поручили избавиться от этой «пиявки»,— сказал он.

Майкхилл молча кивнул. Когда научная работа поручается вояке, комментарии излишни.

— Вы ведь профессор, не так ли?

— Антропологии.

— Прекрасно. Прикуривайте.— Генерал протянул зажигалку.— Мне бы хотелось оставить вас тут в качестве консультанта. Я очень ценю ваши наблюдения над...— он улыбнулся,— над врагом.

— Я с удовольствием останусь,— сказал профессор Майкхилл,— но вам, скорее, нужен физик или биохимик.

— Не хочу устраивать здесь ученую суматоху.— Генерал нахмурился, глядя на кончик своей сигареты.— Не поймите меня превратно. Я с большим уважением отношусь к науке. Я сам, если можно так выразиться, ученый солдат. Сейчас выиграть войну без науки невозможно.— Тут загорелое лицо О'Доннела стало каменным.— Но я не хочу, чтобы команда длинноволосых крутилась целый месяц вокруг этой штуки и задерживала меня. Мое дело уничтожить ее — любым способом и немедленно.

— Думаю, это не так просто,— произнес Майкхилл.

— Вот потому-то вы мне и нужны. Объясните мне, почему не просто, а я уж соображу, как с ней разделаться.

— Пожалуйста. Насколько я понимаю, «пиявка» является органическим преобразователем энергии в массу. Этот преобразователь чрезвычайно эффективен. Скорее всего, у него два цикла работы. Сначала она массу превращает в энергию, а затем — энергию в массу уже собственного тела. Но может и сразу энергию переводить в массу тела. Как это происходит, я не знаю.

— Короче, против нее нужно что-нибудь солидное,— перебил О'Доннел.— Отлично, кое-что у меня здесь найдется.

— Наверно, вы неправильно меня поняли,— сказал Майкхилл.— «Пиявка» питается энергией. Она усвоит и использует силу любого оружия.

— Что же произойдет, если она будет продолжать есть? — спросил генерал.

— Я не знаю, до каких размеров она может вырасти,— сказал Майкхилл.— Ее рост можно ограничить, лишь не давая ей есть.

— Вы хотите сказать, что она может вот так расти до бесконечности?

— Она вполне может расти до тех пор, пока ей есть чем питаться.

— Ну что ж, это настоящая дуэль,— сказал О'Доннел.— Но неужели с ней не справиться силой?

— Выходит, нет. Лучше всего вызвать сюда физиков и биологов. Они, наверное, смогли бы сообразить, как с ней обойтись.

Генерал вынул изо рта сигарету.

— Профессор, я не могу тратить время попусту, пока ученые спорят. Я следую своей аксиоме. Могу вам ее сообщить.— Он сделал многозначительную паузу.— Ничто не может устоять перед силой! Приложите достаточную силу, и что угодно уступит. *Что угодно!* Вы думаете, «пиявка» устоит перед атомной бомбой?

— Не исключено, что ее можно перегрузить энергией,— с сомнением произнес Майкхилл.

Он только теперь понял, зачем понадобился генералу. Наука без полномочий — это вполне устраивало О'Доннела.

После долгого перерыва пищи опять стало много. Радиация, вибрация, взрывы, какое восхитительное разнообразие. Она поглощала все. Но пища поступала слишком медленно. Голодные, только что рожденные клетки требовали еще и еще... Скорее! Вечно голодное тело кричало.

Теперь, когда она стала больше, ее чувства обострились. И она ощутила, что неподалеку собрано в одном месте огромное количество пищи. «Пиявка» легко взмыла в воздух, пролетела немного и рухнула на лакомый кусок.

— Идиоты! — Генерал О'Доннел был взбешен.— Какого дьявола они поддались панике?! Можно подумать, что их ничему не учили!

Большими шагами он мерил землю возле новой палатки, в трех милях от того места, где стояла старая.

«Пиявка» выросла до двух миль в диаметре. Пришлось эвакуировать три фермерских хозяйства.

Профессор Майкхилл все еще не мог отделаться от кошмарного воспоминания. Эта тварь приняла массированный удар всех видов оружия, а затем ее тело неожиданно поднялось в воздух. На мгновение она заслонила солнце, повисла над Норт-Хиллом — и рухнула вниз.

Солдаты в Норт-Хилле могли разбежаться, но, перепуганные насмерть, так и не сдвинулись с места.

Потеряв в операции «Пиявка» шестьдесят семь человек, генерал О'Доннел попросил разрешения пустить в ход атомную бомбу. Вашингтон прислал группу ученых для исследования ситуации.

— Эти эксперты все еще не приняли решения? — О'Доннел в раздражении остановился перед входом в палатку.— Они слишком долго разговаривают.

— Принять решение очень трудно,— сказал Майкхилл. Он не был включен в комиссию, поэтому, высказав свои соображе-

ния, вышел из палатки.— Физики считают, что это живое существо, а биологи, кажется, думают, что на все вопросы должны ответить химики. Никто не может считать себя специалистом по этим штукам.

— Это военная проблема,— хрипло сказал О'Доннел.— Меня не интересует, что это такое. Я хочу знать, как ее уничтожить. Они бы лучше дали мне возможность использовать атомную бомбу.

Профессор Майкхилл проделал кое-какие расчеты. Прикинув скорость, с какой «пиявка» поглощала энергию-массу, ее размеры и очевидную способность расти, он пришел к выводу, что атомная бомба могла бы перегрузить ее энергией. Но — только в самое ближайшее время.

Взорвать бомбу нужно было в течение максимум трех дней. «Пиявка» росла в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев она должна была покрыть всю территорию Соединенных Штатов.

— Я целую неделю добивался разрешения,— громыхнул О'Доннел.— И я получу его, но для этого мне приходится ждать, пока эти ослы наговорятся.— Он остановился и повернулся к Майкхиллу.— Я уничтожу эту «пиявку». Я разнесу ее вдребезги. Это касается уже не только интересов безопасности. Это задевает лично меня.

Из палатки вышла группа усталых людей. Впереди шел Аленсон — биолог.

— Итак,— сказал генерал,— вы выяснили, что это такое?

— Подождите еще минутку. Я отрежу от нее кусочек,— зло ответил Аленсон.

— Ну а придумали вы какой-нибудь научный способ ее уничтожения?

— О, это было нетрудно,— сухо произнес Мориарти, физик-атомщик.— Заверните ее в абсолютный вакуум. И все будет в порядке. Или сдуньте с Земли — антигравитацией.

— Если же вы не можете этого сделать,— сказал Аленсон,— мы можем предложить вам попробовать ваши бомбы, только побыстрее.

— Таково мнение всей вашей группы? — спросил О'Доннел.

— Да.

Майкхилл подошел к ученым.

— Ему следовало сразу нас вызвать,— пожаловался Аленсон.— А теперь уже нет времени раздумывать.

— Вы пришли к какому-нибудь мнению о ее природе? — спросил Майкхилл.

— К самому общему,— сказал Мориарти,— и оно практически совпадает с вашим. «Пиявка», скорее всего, космиче-

ского происхождения. Во всяком случае мы должны радоваться, что она не упала в океан. Земля под нами была бы съедена раньше, чем мы поняли бы, в чем дело.

Заключение комиссии, состоявшей из одних ученых, было проверено комиссией, состоявшей из других ученых. На это ушло несколько дней. Затем Вашингтон захотел узнать, нет ли другого выхода и обязательно ли рвать атомные бомбы в центре штата Нью-Йорк. Потом надо было эвакуировать людей. На это тоже ушло время.

Наконец тупорылая ракета-разведчик взмыла над Нью-Йорком. Серовато-черное пятно, напоминающее гноящуюся рану, протянулось от Тихого озера до Элизабеттауна, покрыв долины Куин и Куин-Вэлли, краями выплескиваясь на гребни ближайших гор.

Первая бомба полетела вниз.

Ошеломляющий взрыв!

Все вокруг наполнилось пищей, но теперь появилась опасность пресытиться. Энергия лилась непрерывным потоком, пронизывала «пиявку» насквозь, сплющивала ее, и «пиявка» бешено росла. Она была еще слишком мала и быстро достигала предела насыщения. Но в перенапряженные клетки, наполненные до отказа, вливали еще и еще энергию.

Она устояла.

Следующие порции были восхитительны на вкус, и с ними она легко справилась. «Пиявка» росла, ела и снова росла.

О'Доннел отступил вместе со своей полностью деморализованной командой. Новый лагерь разбили в десяти милях от южного края «пиявки», в опустевшем городке. Теперь диаметр «пиявки» равнялся шестидесяти милям, а она все росла.

Двухсотмильная зона в округе была эвакуирована.

Генералу О'Доннелу разрешили использовать и водородные бомбы — при условии одобрения со стороны ученых.

— Почему они медлят? — кипел генерал.— «Пиявку» надо немедленно разнести вдребезги. Чего они крутят?

— Они боятся цепной реакции,— ответил Майкхилл.— Такая концентрация водородных бомб в состоянии вызвать ее в земной коре или атмосфере. Могут быть и другие неприятные последствия.

— Что же, они хотят, чтобы я организовал штыковую атаку? — презрительно проговорил О'Доннел.

Майкхилл вздохнул и уселся в кресло. Он был убежден, что вся затея в принципе порочна. Государственные эксперты шли по одному-единственному пути. Давление на них было

столь велико, что нечего было и думать о поиске других путей, кроме применения силы. «Пиявке» же именно это и надо.

Майкхилл был уверен, что порой бороться огнем против огня — не лучший способ.

Огонь. Локи — скандинавский бог огня. И мошенников... Нет, ответ здесь вряд ли сыщешь. Но Майкхилл уже бродил мысленно по мифам разных народов, отвлекаясь от невыносимой действительности.

Вошел Аленсон, за ним еще шестеро.

— Итак,— сказал Аленсон,— есть отличная возможность расколоть нашу планету пополам.

— Война есть война,— коротко отрубил О'Доннел.— Итак, вперед?

И вдруг Майкхилл понял, что О'Доннела действительно не беспокоит, что будет с Землей. Багроволицего генерала волновало лишь то, что он устроит поистине небывалый взрыв, какого еще не устраивала рука человека.

— Не так быстро,— сказал Аленсон.— Пусть каждый выскажет свое собственное мнение.

— Помните,— прошипел генерал,— по вашим же собственным выкладкам «пиявка» прибавляет каждый час по двадцать футов.

— И скорость эта все время растет,— сказал Аленсон,— но решение, которое мы должны принять, слишком серьезно.

Майкхилл подумал о громах и молниях Зевса. Это сейчас как раз и необходимо. Или сила Геркулеса. Или...

От неожиданной мысли он выпрямился в кресле.

— Джентльмены, мне кажется, я могу предложить вам другое решение. Вы когда-нибудь слышали об Антее?

Чем больше она ела, тем быстрее росла, тем голоднее становилась. Многое теперь ожило в ее памяти. Когда-то она съела планету. Потом направилась к ближайшей звезде и сожрала ее, насытив клетки энергией для дальнего путешествия. Но больше пищи поблизости не было, а следующая звезда горела безумно далеко.

Масса была превращена в энергию полета и растрачена на долгом пути.

Она стала безжизненной спорой, бесцельно летящей среди звезд.

Так было. Но только ли это было? Ей казалось, что она припоминает гораздо более ранние времена. Ей чудились вселенные той поры, когда они еще были равномерно наполнены звездами. Она прогрызала целые звездные коридоры, росла,

разбухала. И звезды в ужасе шарахались в стороны, сбиваясь в испуганные галактики и созвездия.

Или ей все это приснилось?

Методично она пожирала Землю, удивляясь, куда же делась богатая, сытная пища. И вот пища снова была здесь, возле нее, но на этот раз сверху.

Она ждала, но мучительно притягивающая еда оставалась недосягаемой. О, как ясно она ощущала, насколько эта еда чиста и питательна.

Почему она не падает?

Наконец «пиявка» поднялась всей своей громадой и устремилась к ней сама.

Еда улетала от поверхности планеты. «Пиявка» последовала за ней.

Мучительно сладостный, дразнящий кусок улетал в космос, и она следовала за ним. Но в космосе она ощутила близость еще более богатого источника еды.

О'Доннел разносил ученым шампанское. Официальный обед должен состояться попозже, а пока необходимо отметить победу.

— Предлагаю выпить,— торжественно произнес генерал. Все подняли бокалы. Этого не сделал только лейтенант за пультом управления полетом ракеты.— За профессора Майкхилла, за то, что он придумал... как его, скажите-ка еще раз, Майкхилл.

— Антей,— Майкхилл медленно тянул шампанское, но чувства восторга не испытывал.— Антей, рожденный Геей, богиней Земли, от Посейдона, бога моря. Непобедимый богатырь. Каждый раз, когда Геркулес бросал его на Землю, он снова поднимался, полный новых сил. Пока Геркулес не оторвал его от матери.

Мориарти что-то бормотал себе под нос, быстро перебрасывая движок логарифмической линейки и что-то записывая. Аленсон молча пил, но и он выглядел не очень веселым.

— Поехали, что же вы нахохлились.— О'Доннел наливал еще и еще.— Потом досчитаете, бросьте. Сейчас надо выпить! — Он повернулся к оператору.— Как там дела?

Мысли Майкхилла вернулись к ракете. Снаряд с дистанционным управлением, до отказа набитый радиоактивными веществами. Он висел над «пиявкой», пока она не последовала за ним, поддавшись на приманку. Антей оторвался от матери-Земли и начал терять силы. Оператор так вел космический корабль, чтобы тот был все время поблизости от «пиявки», но в то же время она не могла им завладеть.

Корабль и «пиявка» летели навстречу Солнцу.

— Отлично, сэр,— отрапортовал оператор,— сейчас они уже внутри орбиты Меркурия.

— Господа,— сказал генерал,— я поклялся разнести эту штуку. Другим, более прямым способом, но это неважно. Главное — уничтожить. Разрушение иногда — священное дело. Сейчас это именно так, господа, и я счастлив.

— Поворачивайте корабль! — закричал вдруг Мориарти. Он был бледен как снег.— Поверните эту проклятую ракету!

Он потрясал перед их глазами листками с цифрами.

Цифры легко было разобрать. Скорость роста «пиявки». Скорость потребления ею энергии. Рост энергии, поступающей от Солнца, по мере приближения к нему.

— Она сожрет Солнце,— спокойно произнес Мориарти.

Комната превратилась в ад. Все шестеро одновременно пытались объяснить О'Доннелу, в чем дело. Потом Мориарти пытался один. И наконец Аленсон.

— Она так быстро растет, а скорость у нее такая маленькая и она поглощает так много энергии, что, когда она доберется до Солнца, размеры позволят ей с ним справиться. Или, по крайней мере, расправиться, побыв некоторое время с ним рядом.

О'Доннел повернулся к оператору и скомандовал:

— Заверните их!

Все в напряженном ожидании застыли перед экраном радара.

Пища неожиданно свернула с ее пути и скользнула в сторону. Впереди был огромный источник еды, но до него еще далеко. Другая пища повисла совсем рядом, мучительно близко.

Ближайший или далекий?

Все тело требовало: сейчас, немедленно.

Она двинулась к ближайшей порции, прочь от Солнца. Солнце никуда не денется.

Раздался вздох облегчения. Опасность была слишком реальна.

— В какой части неба они сейчас находятся? — спросил О'Доннел.

— Думаю, я смогу вам показать,— ответил астроном.— Где-то вон в той части,— показал он рукой, подойдя к открытой двери.

— Превосходно. Лейтенант! — О'Доннел обернулся к оператору.— Давайте!

Ученые остолбенели от неожиданности. Оператор поколдовал над пультом, и капля начала догонять точку. Майкхилл двинулся было через комнату к пульту.

— Стоп! — рявкнул генерал, его командирский голос остановил антрополога.— Я знаю, что делаю. Корабль специально для этого выстроен.

Капля на экране догнала точку.

— Я поклялся уничтожить «пиявку»,— сказал О'Доннел.— Мы никогда не будем в безопасности, пока она жива.— Он улыбнулся.— Не посмотреть ли нам на небо?

Генерал направился к дверям. Молча все последовали за ним.

— Нажмите кнопку, лейтенант!

Оператор выполнил приказ. Все молча ждали.

В небе повисла яркая звезда. Ее блеск рассеял ночь, она росла, потом стала медленно гаснуть.

— Что вы сделали? — выдохнул Майкхилл.

— В ракете были водородные бомбы,— торжествующе пояснил О'Доннел.— Ну как, есть там что-нибудь на экране, лейтенант?

— Ни пылинки, сэр.

— Господа,— сказал генерал,— я встретил врага и победил. Выпьем шампанского, господа, у нас есть повод!

Майкхилл неожиданно почувствовал приступ тошноты.

Она содрогнулась от страшного потока энергии. Нечего было и думать удержать такую дозу. Долю секунды ее клетки еще сопротивлялись, затем перенасытились и были разорваны.

Она была уничтожена, растерта в порошок, раздроблена на миллионы частиц, которые тут же дробились еще на миллионы других. На споры.

Миллиарды спор летели во все стороны. Миллиарды.

Они хотели есть.

Застывший мир

Лэниган снова увидел тот сон и, хрипло застонав, проснулся. Он сел и вперил взгляд в фиолетовую тьму, ощущая вместо лица искаженную ужасом маску. Рядом зашевелилась жена, Эстелл. Лэниган и не взглянул на нее. Будучи еще во власти сна, он жаждал реальных доказательств существования мира.

По комнате медленно проплыл стул и с тихим чмоканьем прилип к стене. Лэниган глубоко вздохнул.

— Вот, выпей.

— Не надо, все уже в порядке.

Он полностью оправился от кошмара. Мир снова стал самим собой.

— Тот же сон? — спросила Эстелл.

— Да... Не хочу говорить об этом.

— Ну хорошо. Который час, милый?

Лэниган посмотрел на часы.

— Четверть седьмого.— Тут стрелка конвульсивно дернулась.— Нет, без пяти семь.

— Ты сможешь уснуть?

— Вряд ли. Пожалуй, мне лучше встать.

— Милый, ты не думаешь, что не мешало бы...

— Я иду к нему в двенадцать десять.

— Прекрасно,— сказала Эстелл и сонно закрыла глаза.

Ее темно-рыжие волосы посинели.

Лэниган выбрался из постели и оделся. Это был обычный человек, крупного сложения и ничем не примечательный, если не считать кошмара, сводившего его с ума.

Следующие пару часов он провел на крыльце, глядя, как вспыхивают на заре звезды, превращаясь в Новые.

Потом Лэниган вышел на прогулку. И, как назло, в двух шагах от дома наткнулся на Джорджа Торстейна. Несколько месяцев назад он по неосторожности рассказал Торстейну о своем сне. Торстейн — чистосердечный приветливый толстяк — глубоко веровал в собранность, практичность, здравый смысл и прочие скучные добродетели. Его прямой, трезвый подход был тогда необходим Лэнигану. Но сейчас он только раздражал. Люди типа Торстейна являются, несомненно, солью земли и опорой государства, но для Лэнигана он превратился из надежды в ужас.

— А, Том! Как сынишка? — спросил Торстейн.

— Отлично,— ответил Лэниган,— просто отлично.

Он приветливо кивнул и пошел дальше под курящимся зеленым небом. Но от Торстейна не так-то легко отделаться.

— Том, мальчик, я тут поразмыслил над твоей проблемой,— сказал Торстейн.— Я очень беспокоюсь о тебе.

— Как это мило с твоей стороны,— отозвался Лэниган.— Право, не стоит.

— Но мне хочется! — искренне воскликнул Торстейн.— Я проявляю интерес к людям, Том. Всегда, сызмальства. А ведь мы с тобой друзья и соседи.

— Это правда,— вяло пробормотал Лэниган. (Когда вам нужна помощь, самое неприятное — принимать ее.)

— Знаешь, Том, думается мне, что тебе не мешало бы хорошенько отдохнуть.

У Торстейна на все были простые рецепты. Так как он практиковал душеврачевание без лицензии, то остерегался прописывать лекарства, которые можно купить в аптеке.

— Сейчас я не могу позволить себе взять отпуск,— сказал Лэниган. (Небо приобрело красно-розовый оттенок; засохли три сосны; старый дуб превратился в крепенький кактус.)

Торстейн искренне рассмеялся.

— Дружище, ты не можешь себе позволить не взять отпуск сейчас! Ты устал, взвинчен, слишком много работаешь...

— Я всю неделю отдыхаю.

Лэниган посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время, похоже, они показывали точно. Почти два часа прошло с начала разговора.

— Этого мало,— продолжал Торстейн.— Ты остался здесь, в городе. А тебе надо слиться с природой. Том, когда ты в последний раз ходил в поход?

— В поход? Что-то не припомню, чтобы я вообще ходил в походы.

— Вот видишь?! Старик, тебе необходима прочная связь с реальностью, и прежде всего с природой. Не улицы и дома, а горы и реки.

Лэниган снова взглянул на часы и с облегчением убедился, что они опять золотые. Он обрадовался — ведь за них заплачено шестьдесят долларов...

— Деревья и озера,— декламировал Торстейн.— Трава под ногами, высокие черные горы, марширующие по золотому небу...

Лэниган покачал головой.

— Я был в деревне, Джордж. Это ничего не дало.

Торстейн упорствовал.

— Нужно отвлечься от искусственностей.

— Все кажется искусственным,— возразил Лэниган.— Деревья или дома — какая разница?

— Люди строят дома,— благочестиво пропел Торстейн,— но Бог создает деревья.

У Лэнигана имелись сомнения в справедливости обоих положений, но он не собирался делиться ими с Торстейном.

— Возможно, в этом что-то есть. Я подумаю.

— Ты сделай. Кстати, я знаю одно местечко — как раз то, что нужно. В Мэне, у маленького озера...

Торстейн был великим мастером бесконечных описаний. К счастью для Лэнигана, кое-что его отвлекло. Напротив загорелся дом.

— Эй, чей это дом? — спросил Лэниган.

— Макелби. Третий пожар за месяц.

— Надо, наверное, вызвать пожарных.

— Ты прав. Я сам этим займусь. Помни, что я тебе сказал про то местечко в Мэне.

Он повернулся, и тут произошел забавный случай — асфальт под его ногами расплавился. Торстейн шагнул, провалился по колено и упал.

Том кинулся ему на помощь, пока асфальт не затвердел.

— Сильно ударился?

— Проклятье, я, кажется, вывихнул ногу,— пробормотал Торстейн.— Ну ничего, ходить можно.

И он заковылял сообщить о пожаре. Лэниган стоял и смотрел, полагая, что пожар этот — дело случайное и несерьезное. Через минуту, как он и ожидал, пожар так же, сам по себе, погас.

Не следует радоваться чужой беде, но Лэниган не мог не хихикнуть, вспомнив о вывихнутой ноге Торстейна. Даже неожиданное появление потока воды на Мэйн-стрит не испортило ему настроения. Он улыбнулся колесному пароходу, прошедшему по небу.

Затем он вспомнил сон и снова почувствовал панику. Надо спешить к врачу.

На этой неделе кабинет доктора Сэмпсона был маленьким и темным. Старая серая софа исчезла; на ее месте располагались два стула с кривыми спинками и кушетка. Но портрет Андретти висел на своем обычном месте на стене, и большая бесформенная пепельница была, как всегда, пуста.

В приоткрывшейся двери появилась голова доктора Сэмпсона.

— Привет,— сказал он.— Я мигом.

Голова пропала.

Сэмпсон сдержал слово. Все дела заняли у него ровно три секунды по часам Лэнигана. Еще через секунду Лэниган лежал на кожаной кушетке со свежей салфеткой под головой.

— Ну, Том, как наши дела?

— Все так же. Даже хуже.

— Сон?

Лэниган кивнул.

— Давайте-ка припомним его.

— Лучше не стоит,— произнес Лэниган.— Я еще сильнее боюсь.

Наступил момент терапевтического молчания. Затем доктор Сэмпсон сказал:

— Вы и раньше говорили, что страшитесь этого сна; но никогда не объясняли почему.

— Это звучит глупо.

Лицо Сэмпсона было спокойным, серьезным, сосредоточенным; лицо человека, который ничего не находит глупым, который просто физически не в состоянии увидеть что-нибудь глупое.

— Хорошо, я скажу вам...— резко начал Лэниган и замолчал.

— Продолжайте,— подбодрил доктор Сэмпсон.

— Видите ли, я боюсь, что когда-нибудь каким-то образом мир моего сна станет реальным.— Он снова замолчал, затем быстро проговорил: — Однажды я встану и окажусь в том мире. И тогда тот мир станет настоящим, а этот — сновидением.

Лэнигану хотелось узнать, какое впечатление произвело на Сэмпсона его безумное откровение. Но по лицу доктора ни о чем нельзя было догадаться. Он спокойно разжигал трубку тлеющим кончиком указательного пальца. Затем он задул палец и произнес:

— Ну, продолжайте.

— Продолжать?! Но это все!

На розовато-лиловом ковре появилось пятно размером с монету. Оно потемнело, сгустилось и превратилось в маленькое фруктовое дерево. Сэмпсон понюхал плод и печально посмотрел на Лэнигана.

— Вы ведь и раньше рассказывали мне о своем сне, Том.

Лэниган кивнул.

— Мы все обсудили, проследили его истоки, проанализировали значение... Мы поняли, верится мне, зачем вы терзаете себя этим кошмаром. И все же вы каждый раз забываете, что ваш ночной ужас — не более чем сон, который вы сами вызвали, чтобы удовлетворить потребности своей психики.

— Но мой ночной кошмар очень реалистичен!

— Вовсе нет,— уверенно заявил доктор Сэмпсон.— Просто это независимая и самоподдерживающаяся иллюзия. Человеческие поступки основаны на определенных представлениях о природе мира. Подтвердите их, и его поведение становится понятным и резонным. Но изменить эти представления, эти фундаментальные аксиомы почти невозможно. Например, как вы докажете человеку, что им не управляют по секретному радио, которое слышит только он?

— Понимаю,— пробормотал Лэниган.— И я?..

— Да, Том. С вами то же самое. Вы хотите, чтобы я доказал, что реален этот мир, а тот ваш ночной — вымысел. Вы

откажетесь от своей фантазии, если я вам представлю необходимые доказательства?

— Совершенно верно!

— Но, видите ли, я не могу их представить,— закончил Сэмпсон.— Природа мира очевидна, но недоказуема.

Лэниган задумался.

— Послушайте, доктор, я ведь не так болен, как тот парень с секретным радио?

— Нет. Вы более разумны, более рациональны. У вас есть сомнения в реальности мира, но, к счастью, вы также сомневаетесь в состоятельности вашей иллюзии.

— Тогда давайте попробуем,— предложил Лэниган.— Я понимаю сложность вашей задачи, но, клянусь, буду принимать все, что смогу заставить себя принять.

— Честно говоря, это не моя область,— поморщился Сэмпсон.— Здесь нужен метафизик. Не знаю, насколько я...

— Попробуем,— взмолился Лэниган.

— Ну хорошо, начнем... Мы воспринимаем мир через ощущения и, следовательно, при заключительном анализе должны руководствоваться их показаниями.

Лэниган кивнул, и доктор продолжал:

— Итак, мы знаем, что предмет существует, поскольку наши чувства говорят нам о его существовании. Как проверить точность наших наблюдений? Сравнивая их с ощущениями других людей. Известно, что наши чувства не лгут, если чувства и других людей говорят о существовании данного предмета.

— Таким образом, мир — всего лишь то, что думает о нем большинство людей,— после некоторого раздумья заключил Лэниган.

Сэмпсон скривился.

— Я предупреждал, что сила в метафизике. Все-таки мне кажется, что это наглядный пример.

— Да... Но, доктор, а предположим, все наблюдатели ошибаются? Предположим, что существует множество миров и множество реальностей. Предположим, что это всего лишь одно произвольное существование из бесконечного числа возможных. Или предположим, что сама природа реальности способна к изменению и каким-то образом я его воспринимаю.

Сэмпсон вздохнул и машинально пристукнул линейкой маленькую зеленую крысу, копошащуюся у него под полой пиджака.

— Ну вот,— промолвил он.— Я не могу опровергнуть ни одно из ваших предложений. Мне кажется, Том, что нам лучше обсудить сон целиком.

Лэниган поморщился.

— Я бы не хотел. У меня такое чувство...

— Знаю, знаю,— заверил Сэмпсон, отечески улыбаясь.— Но это прояснит все раз и навсегда,— разве нет?

— Наверное,— согласился Лэниган. Он набрался смелости и выдохнул: — В общем, начинается мой сон...

Его охватил страх. Он почувствовал неуверенность, слабость, ужас. Попытался подняться с кушетки. Склонившееся лицо доктора... блеск металла...

— Расслабьтесь... Успокойтесь... Думайте о чем-нибудь приятном.

Затем Лэниган, или мир, или оба — отключились.

Лэниган и (или) мир пришли в себя. Возможно, время шло, а возможно, и нет. Все, что угодно, могло случиться, а могло и не случиться. Лэниган сел и посмотрел на Сэмпсона.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэмпсон.

— Отлично,— сказал Лэниган.— Что произошло?

— Вам стало плохо. Ничего, все пройдет.

Лэниган откинулся на спинку и постарался успокоиться. Доктор сидел за столом и что-то писал. Лэниган нахмурился, сосчитал до двадцати и осторожно открыл глаза. Сэмпсон все еще писал.

Лэниган огляделся, насчитал на стенах пять картин. Внимательно изучил зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз он досчитал до пятидесяти.

— Ну, может быть, теперь можете рассказать? — поинтересовался Сэмпсон, откладывая ручку.

— Нет, не сейчас,— ответил Лэниган. (Пять картин, зеленый ковер.)

— Как хотите,— развел руками доктор.— Наше время заканчивается. Но если вы подождете в приемной...

— Нет, спасибо, пойду домой.

Лэниган встал, прошел по зеленому ковру к двери, оглянулся на пять картин и лучезарно улыбающегося доктора. Затем пошел через дверь в приемную, через приемную и наружную дверь в коридор к лестнице и по лестнице. Он шел и смотрел на деревья с зелеными листьями, колышущимися слабо и непредсказуемо. Было транспортное движение — чинно, в одном направлении по одной стороне, а в другом — по другой. Было небо — неизменно голубое.

Сон? Лэниган ущипнул себя. Щипок во сне? Он не проснулся.

Он закричал. Воображаемый крик? Он не проснулся.

Лэниган находился в мире своего кошмара.

Улица на первый взгляд казалась обычной городской улицей.

Тротуар, мостовая, машины, люди, здания, небо над головой, солнце в небе. Все в норме. Кроме того, что *ничего не происходило.*

Асфальт ни разу не вскрикнул под ногами. Вот возвышается первый национальный городской банк. Он был здесь вчера, что само по себе достаточно плохо, но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через год. Первый национальный городской банк (основан в 1982 году) чудовищно лишен возможности превращений. Он никогда не станет надгробием, самолетом, костями доисторического животного. Он неизбежно будет оставаться строением из бетона и стали, зловеще настаивая на своей неизменности, пока его не снесут люди.

Лэниган шел по застывшему миру под голубым небом, дразняще обещающем что-то, чего никогда не будет. Машины неумолимо соблюдали правостороннее движение, пешеходы переходили дорогу на перекрестках, показания часов в пределах нескольких минут совпадали.

Город где-то кончался. Но Лэниган знал совершенно точно, что трава не растет под ногами; то есть она растет, безусловно, но слишком медленно, незаметно для чувств. И горы возвышаются, черные и угрюмые, но гиганты замерли на полушаге. Они никогда не промаршируют по золотому (или багряному, или зеленому) небу.

«Сущность жизни,— как-то сказал доктор Сэмпсон,— изменение. Сущность смерти — неизменность. Даже у трупа есть признаки жизни, пока личинки пируют на слепом глазе и мясные мухи сосут соки из кишечника».

Лэниган осмотрел труп мира и убедился, что тот окончательно мертв.

Лэниган закричал. Он кричал, пока вокруг собирались люди и глядели на него (но ничего не делали и ни во что не превращались), а потом, как и полагалось, пришел полицейский (но солнце не изменило его форму), а затем по безнадежно однообразной улице примчалась карета «скорой помощи» (на четырех колесах вместо трех или двадцати пяти), и санитары доставили его в здание, оказавшееся именно там, где они ожидали, и было много разговоров между людьми, которые оставались сами собой, в комнате с постоянно белыми стенами.

И был вечер, и было утро, и был первый день.

Вечность

С такой крупной ставкой Чарлсу Денисону не следовало допускать небрежности. Изобретатель вообще не должен позволять себе небрежности, особенно если изобретение крайне значимо и явно патентабельно. Слишком уж много развелось загребущих рук, готовых захапать все, что принадлежит другому; да и людей, жирующих на творчестве неискушенных ученых, куда больше, чем нужно.

Определенный параноидальный заскок сослужил Денисону неплохую службу, но ему явно не хватало жизненно важных свойств, необходимых каждому изобретателю. Однако он не осознавал всей степени собственной небрежности, покуда пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, не выбила кусочек гранитной стены всего в трех дюймах от его головы.

Вот тогда-то он и понял. Но, как это зачастую случается, понимание пришло слишком поздно.

Отец оставил Чарлсу Денисону не такое уж и скромное состояние, а посему он поступил в Гарвард и, отслужив положенный срок в военно-морских силах, имел возможность продолжить образование. Когда Денисону исполнилось тридцать два, он занялся частными исследованиями в собственной небольшой лаборатории в Ривердейле, штат Нью-Йорк. Областью его деятельности была биология растений; он опубликовал несколько заслуживающих внимания статей и даже продал свою разработку нового инсектицида одной развивающейся корпорации. Гонорары помогли Денисону расширить возможности личной деятельности.

Денисону нравилось работать в одиночку. Это соответствовало его характеру, довольно замкнутому, но вовсе не мрачному. Два-три раза в год он приезжал в Нью-Йорк посмотреть кое-какие спектакли и фильмы, не пренебрегая при этом представившимся поводом пару раз как следует выпить, после чего, удовлетворенный проведенным временем, возвращался домой, к своему добровольному уединению. Он вел холостяцкую жизнь, и, казалось, судьба предопределила ему оставаться таким.

Вскоре после того как Денисон отметил свое сорокалетие, он натолкнулся на некую весьма интригующую путеводную нить, которая выводила его в совершенно иную область биологии. Денисон последовал за этой нитью и, распутывая таинственный клубок, медленно развивал гипотезу. Через три года,

благодаря счастливому случаю, он получил окончательные доказательства.

Денисон изобрел самый эффективный эликсир долголетия. Он не служил защитой против насильственной смерти, однако при прочих условиях мог быть справедливо назван сывороткой бессмертия.

Вот тут-то и пришло время для осмотрительности, однако годы уединения лишили Денисона необходимой осторожности по отношению к людям и их побуждениям. Он относился с заметным невниманием к окружавшему его миру, и ему никогда не приходило в голову, что мир-то вовсе не относился с таким же невниманием к нему.

Денисон думал только о своей сыворотке. Конечно, она была ценным и оригинальным открытием. Но вот относилась ли она к тому разряду изобретений, которые необходимо публиковать? Готов ли мир получить эликсир долголетия?

Подобные размышления никогда не приводили Денисона в восторг. Однако со времени появления атомной бомбы многим ученым пришлось учитывать и этическую сторону своей работы. Денисон тоже учел ее и решил, что бессмертие неизбежно.

Человечество всегда выискивало и исследовало тайны природы, пытаясь уяснить, что как устроено и каким образом действует. Если бы один не открыл огня, рычага, пороха, атомной бомбы или бессмертия, то это обязательно сделал бы другой. Человек хотел знать все тайны природы, и способа сокрыть их просто не существовало.

Приняв на вооружение эту мрачную, но удобную философию, Денисон уложил в портфель все формулы и доказательства, засунул в карман пиджака бутылочку готового продукта на две унции и покинул свою ривердейлскую лабораторию. Уже наступил вечер, а потому Денисон планировал провести ночь в хорошем городском отеле, посмотреть фильм и на следующий день отправиться в вашингтонское Бюро патентов.

В метро Денисон с головой ушел в чтение газеты и едва ли замечал находившихся рядом людей. Он заметил их только тогда, когда человек, сидящий справа, ткнул ему под ребра чем-то твердым. Денисон повернулся и увидел вздернутый носик маленького пистолета, упиравшегося ему в бок. Развернутая газета скрывала оружие от глаз других пассажиров.

— В чем дело? — спросил Денисон.

— Передайте сюда,— велел сосед.

Денисон был ошеломлен. Об открытии знал кто-то еще кроме него самого. Откуда? И как они посмели грабить его прямо в вагоне метро?

Потом он решил, что у него просто хотят отобрать деньги.

— У меня совсем немного,— хрипло произнес Денисон, потянувшись за бумажником.

Сидевший слева мужчина наклонился и шлепнул по портфелю.

— Не деньги,— сказал он.— Микстуру бессмертия.

Каким-то непостижимым образом они о ней знали. А что, если отказаться отдать портфель? Посмеют ли они открыть пальбу в вагоне? Правда, оружие очень малого калибра, и шум выстрелов будет заглушен грохотом метро. А может, риск оправдывает себя за такой грандиозный приз, которым обладал Денисон?

Он быстро окинул их взглядом. Ничем не примечательные люди, одетые неброско, скорее даже мрачновато. Вид их одежды вызвал у Денисона какие-то неприятные воспоминания, но времени подробно копаться в памяти у него теперь попросту не было. Пистолет больно упирался в ребра.

Поезд подходил к станции. Денисон взглянул на человека слева и уловил отблеск света на крошечном шприце.

Многие изобретатели, занятые исключительно собственными мыслями, имеют замедленные реакции. Но Денисон служил на флоте и командовал орудийным расчетом. А потому сейчас он не стал считать себя пассивным участником событий. Да будь он проклят, если с такой легкостью отдаст свое изобретение.

Денисон рванулся с места, и шприц проткнул рукав пиджака, не задев руки. Он с размаху ударил портфелем человека с пистолетом и попал ему в лоб металлическим уголком. Двери открылись, и Денисон выскочил из вагона, оставив позади выпучивших от изумления глаза грабителей, промчался вверх по лестнице и выбежал на улицу.

Оба грабителя — один с окровавленным лбом — гнались за ним. Денисон мчался вперед, не разбирая дороги и дико озираясь в поисках полицейских.

Сзади послышались крики преследователей: «Держи вора! Полиция! Полиция! Задержите его!»

Они явно были готовы к встрече с полицией и несомненно стали бы утверждать, что портфель и бутылка принадлежат им. Нелепая ситуация! Вдобавок благородное негодование и уверенность в их пронзительных голосах лишали Денисона присутствия духа. Развитие событий Денисону совсем не нравилось.

Самый лучший выход из создавшегося положения — конечно, полицейский. В портфеле полно документов, подтверждавших его личность. А его имя даже обозначено на наружной стороне крышки портфеля. Один взгляд скажет любому...

Денисон заметил отблеск металлической пластинки. Он на бегу взглянул на нее — и оцепенел, увидев на воловьей коже крышки портфеля металлическую пластинку, прикрепленную на том месте, где раньше было обозначено его имя.

Очевидно, это сделал человек, сидевший в вагоне слева от Денисона, когда хлопнул по портфелю.

Денисон ковырнул пластинку, но та держалась крепко.

«Собственность Эдварда Джеймса Флайерти, Смитфилдский институт», — значилось на табличке.

Возможно, от полицейского будет не так уж много проку.

Однако эта проблема имела чисто академический характер, поскольку на переполненной Бронкс-стрит Денисон не замечал ни одного полицейского. Люди шарахались в стороны, когда Денисон пробегал мимо, с разинутыми ртами глазели на погоню, но не вмешивались. Ему никто не помогал, но никто и не мешал. Однако преследователи продолжали вопить: «Держи вора! Держи вора!»

Весь длинный квартал уже был настороже. Люди, словно медлительная домашняя скотина, неохотно включались в действие. Побуждаемые возмущенными криками преследователей, некоторые уже начали предпринимать неуверенные попытки остановить Денисона.

Если он не уравновесит шкалу общественного мнения, то столкнется с определенными неприятностями. Денисон переборол застенчивость и закричал: «На помощь! Грабят! Задержите их!»

Однако его голосу не хватало морального негодования и абсолютной убежденности в своей правоте, присущих двум пронзительным голосам преследователей.

Молодой крепыш уже было преградил путь Денисону, но в последний момент какая-то женщина утянула его в сторону.

— Не нарывайся на неприятности, Чарли.

— Почему никто не позовет полицейского?

— Да? А где они, эти полицейские?

— Я слышал, на большом пожаре в районе 178-й стрит.

— Мы могли бы остановить этого типа.

— Давай начинай. А я за тобой.

Дорогу Денисону внезапно преградила четверка ухмыляющихся юнцов в черных мотоциклетных куртках и ботинках, возбужденная шансом поразвлечься и с наслаждением предвкушающая возможность почесать кулаки во имя закона и порядка.

Увидев их, Денисон резко свернул с тротуара и помчался через дорогу на противоположную сторону улицы. И едва не угодил под автобус.

Он быстро увернулся, упал, поднялся и побежал дальше.

Плотный поток транспорта задержал преследователей. Денисон свернул в боковую улицу, пробежал ее до конца и выбежал на другую, слыша, как постепенно стихают визгливые голоса погони.

Он находился в квартале массивных многоквартирных домов. Легкие Денисона горели, словно он дышал пламенем пышущей жаром печи, а в левом боку кололо так, будто он был прошит насквозь раскаленной докрасна проволокой. Тут уж ничем не поможешь, надо только передохнуть.

И вот тут-то первая пуля, выпущенная из бесшумного оружия, выбила кусочек из гранитной стены всего в трех дюймах от головы Денисона. Именно тогда он осознал всю степень своей беспомощности.

Денисон вытащил из кармана бутылочку. Он-то надеялся провести с сывороткой большое количество экспериментов, прежде чем опробовать ее на людях. Однако теперь выбора не оставалось. Денисон вытащил пробку и единым духом проглотил содержимое.

И тут же побежал снова, поскольку в гранитную стену ударила еще одна пуля. Огромные кварталы многоквартирных домов, тихие и чужие, казалось, никогда не кончатся. На улицах даже не было пешеходов — только Денисон, куда медленнее, чем раньше, бежавший мимо необъятных домов с пустыми глазницами окон.

Сзади него появился длинный черный автомобиль, обшаривающий светом фар двери и проулки. Неужели полиция?

— Вот он! — раздался пронзительный крик одного из преследователей.

Денисон нырнул в узенький переулок между домами, пробежал его насквозь и выскочил на другую улицу. Но там уже стояли еще два подобных автомобиля. Расположившись по противоположным сторонам квартала, автомобили светили фарами навстречу друг другу, пытаясь поймать Денисона в перекрестье лучей. Переулок, откуда выбежал Денисон, тоже был освещен светом фар первого автомобиля. Окружили!

Денисон метнулся к ближайшему дому и рванул дверь. Заперто. Автомобили приближались. И, глядя на них, Денисон вспомнил неприятные ассоциации, уже возникавшие у него в метро.

Оба автомобиля были... катафалками.

Грабители в метро своими угрюмыми лицами, мрачной одеждой, монотонными галстуками и визгливыми негодующими голосами напоминали ему гробовщиков. Они и были гробовщиками!

Ну конечно! Конечно же! Нефтяные компании могли выразить желание заблокировать изобретение дешевого горючего нового типа, которое лишало бы их прибылей; стальные корпорации могли пытаться остановить развитие недорогого, но более прочного, чем сталь, пластика...

А производство сыворотки бессмертия обрекало на крах владельцев похоронных бюро.

За работой Денисона и тысяч других исследователей-биологов велось пристальное наблюдение. И как только он сделал открытие, к этому уже были готовы.

Катафалки остановились. Из них вышли мрачные респектабельные люди в черных костюмах и жемчужно-серых галстуках и со всех сторон обступили Денисона. Портфель тут же вырвали из рук, и он мгновенно почувствовал укол иглы в плечо. Не успев ощутить предобморочное головокружение, Денисон потерял сознание.

Придя в себя, он заметил, что сидит в кресле, по обе стороны которого стоят вооруженные люди. Прямо перед Денисоном расхаживал невзрачного вида низенький толстяк в строгом костюме.

— Меня зовут Беннет,— представился толстячок.— Мистер Денисон, прошу прощения за насилие, которому вы подверглись. О вашем изобретении мы узнали в самый последний момент, и потому нам пришлось пойти на некоторые импровизации. Пули были только средством напугать и задержать вас. Убийство не входило в наши планы.

— Ага. Вы просто хотели украсть мое открытие,— сказал Денисон.

— Не совсем,— возразил мистер Беннет.— Секретом бессмертия мы владеем давно.

— Понятно. Значит, вы хотели утаить бессмертие от людей, чтобы сохранить свой проклятый похоронный бизнес.

— Ну разве можно быть таким наивным? — улыбнулся мистер Беннет.— Ни я, ни мои товарищи — не гробовщики. Мы придумали такую маскировку, чтобы правдоподобнее мотивировать свои действия в случае, если бы наш план захватить вас провалился. Тогда и другие подумали бы точно так же — и только так — как и вы, что главной нашей целью было обезопасить свой бизнес.

Денисон нахмурился и, наблюдая за толстяком, ждал продолжения.

— Маскировка для нас — обычное дело,— все еще улыбаясь, пояснил мистер Беннет.— Возможно, до вас доходили слухи о

новом карбюраторе, разработку которого прикрыли бензиновые компании? Или об универсальном источнике пищи, который утаивают главные поставщики продовольствия? Или о новом синтетическом материале, которому так и не дали появиться хлопкопроизводители? Это все наша работа! А изобретения закончили свой путь здесь.

— Вы пытаетесь произвести на меня впечатление? — спросил Денисон.

— Естественно.

— Зачем же вам понадобилось мешать мне запатентовать сыворотку бессмертия?

— Мир еще не готов к ней,— объяснил мистер Беннет.

— Он не готов ко многому,— заявил Денисон.— Почему же вы не заблокировали изобретение атомной бомбы?

— Пытались. Хотели сделать это под маской корыстных интересов угле- и нефтедобывающих компаний, но допустили ошибку. Однако в других случаях мы добились успеха поразительное количество раз.

— И какова же ваша цель?

— Благополучие Земли,— торжественно провозгласил мистер Беннет.— Представьте себе, что произойдет, если люди получат вашу сыворотку. Проблемы рождаемости, производства пищи, жизненного пространства — осложнится буквально все. Напряженность усилится, и война станет реальной угрозой...

— Да ну? — удивился Денисон.— А по-моему, дела и сейчас обстоят именно таким образом. И без всякого там бессмертия. Более того, вопли о гибели мира раздавались после любого изобретения или открытия. Будь то порох, печатный пресс, нитроглицерин, атомная бомба — все они давно бы уничтожили человечество. Однако люди научились управлять ими. Именно так и должно быть! Вы не сможете повернуть историю вспять и закрыть уже сделанное кем-то открытие. Уж если оно есть, человечество должно о нем узнать!

— Да, но с кровавыми, бессмысленными и бесполезными последствиями,— с отвращением заметил мистер Беннет.

— Человек таков, каков он есть.

— Нет, если руководить им надлежащим образом,— заявил мистер Беннет.

— Нет?

— Именно нет,— подтвердил мистер Беннет.— Видите ли, сыворотка бессмертия обеспечит решение проблемы политической власти. Правление неизменной просвещенной элиты —

гораздо лучшая форма правления, несравненно лучшая, чем подверженная ошибкам недееспособная демократия. Но обратимся к истории: такая элита — монархия, олигархия, диктатура или же хунта — не способна увековечить себя. Лидеры умирают, а последователи начинают драться друг с другом за власть, после чего неизбежно наступает хаос. С бессмертием этот последний недостаток будет ликвидирован, то есть не будет прерываться линия лидерства, поскольку лидеры воцарятся навсегда.

— Постоянная диктатура,— съязвил Денисон.

— Да. Постоянное правление небольшой, тщательно отобранной элитарной группы, основанное на исключительном праве обладания бессмертием. Такова историческая неизбежность. Единственный вопрос в том, кому первому удастся захватить власть.

— И вы считаете, что это сделаете именно вы,— заявил Денисон.

— Конечно, наша организация пока еще малочисленна, но абсолютно крепка. И она укрепляется с каждым новым изобретением, попадающим к нам в руки, и каждым новым ученым, присоединяющимся к нам. Пришло наше время, Денисон! Мы бы хотели видеть вас в своих рядах, среди элиты.

— То есть вы хотите, чтобы я присоединился к вам? — изумился Денисон.

— Естественно. Наша организация нуждается в мозгах ученых, способных спасти человечество от самого себя.

— Нет уж, увольте,— сказал Денисон. Сердце его учащенно забилось.

— Вы не хотите к нам присоединиться?

— Мне бы хотелось видеть всех вас повешенными.

Мистер Беннет задумчиво кивнул и сморщил маленькие губки.

— Вы выпили свою сыворотку — не так ли?

Денисон кивнул.

— Полагаю, это означает, что вы убьете меня прямо сейчас?

— Мы не убиваем,— сказал мистер Беннет.— Мы в основном выжидаем. Я думаю, вы разумный человек и, вероятно, еще посмотрите на суть вещей с нашей точки зрения. Мы будем рядом очень-очень долго. Поэтому воля ваша. Уведите его.

Денисона посадили в лифт и опустили глубоко под землю. Потом провели по длинному коридору, вдоль которого стояли вооруженные люди, Денисон с конвоирами прошли четыре массивные двери и остановились у пятой. Узника втолкнули внутрь, и дверь за ним закрылась.

Он попал в большое, хорошо обставленное помещение. Примерно двадцать человек, находившихся там, подошли поприветствовать его.

Один из них, приземистый, кряжистый мужчина, оказался старым знакомым Денисона по университету.

— Неужто Джим Феррис?

— Точно,— подтвердил Феррис.— Добро пожаловать в Клуб бессмертных, Денисон.

— Я читал, что ты в прошлом году погиб в авиакатастрофе.

— Я просто... исчез,— с печальной улыбкой заметил Феррис.— После изобретения сыворотки бессмертия. Так же, как и прочие.

— Все?

— Из присутствующих здесь пятнадцать человек изобрели сыворотку независимо друг от друга. Остальные добились успехов в других областях. Самый старый член нашего клуба — доктор Ли, изобретатель сыворотки, пропавший в Сан-Франциско в 1911 году. А ты — наше последнее приобретение. Наш Клуб, наверное, самое охраняемое на Земле место.

— Тысяча девятьсот одиннадцатый! — только и смог вымолвить Денисон. На него навалилось отчаяние, и он тяжело рухнул в кресло.— Значит, надежды на спасение нет?

— Никакой. Нам предоставлены четыре возможности, на выбор,— объяснил Феррис.— Некоторые уходят от нас и присоединяются к «гробовщикам». Другие кончают жизнь самоубийством. Третьи — их немного — сходят с ума. А оставшиеся образовали Клуб бессмертных.

— Для чего? — изумленно спросил Денисон.

— Чтобы выбраться отсюда,— ответил Феррис.— Добыть свободу и подарить наши открытия миру. Чтобы преградить этим зарвавшимся диктаторчикам путь наверх.

— Но ведь они же должны быть в курсе ваших планов.

— Конечно. Однако они позволяют нам жить, потому что — и довольно часто — кое-кто теряет надежду и присоединяется к ним. И они не думают, что мы когда-нибудь вырвемся отсюда. Они слишком самодовольны. Типичный недостаток всех новоявленных элит и основная причина их падения.

— Но ты же сказал, что это самое охраняемое место на Земле.

— Да,— подтвердил Феррис.

— А кто-нибудь из вас пытался отсюда выбраться за последние пятьдесят лет? Ведь для освобождения понадобится вечность!

— Вечность — как раз именно то, что мы имеем,— сказал Феррис.— Однако мы надеемся, что столь длительный срок нам не потребуется. Каждый новичок приносит свои планы и идеи. Что-нибудь да сработает, обязательно.

— *Вечность.*— Денисон закрыл лицо руками.

— Ты можешь присоединиться к ним,— твердым голосом произнес Феррис.— Или покончить с собой. Либо просто сидеть в уголке и потихонечку сходить с ума. Выбирай.

Денисон уставился в потолок.

— Я должен быть честен и с вами, и с собой. Не уверен, что мы выберемся. Более того, я даже не уверен, что кто-нибудь из вас думает, будто мы сможем это сделать.

Феррис пожал плечами.

— А с другой стороны,— продолжал Денисон,— считаю это чертовски привлекательной идеей. И если вы введете меня в курс дела, я пожертвую всем ради проекта «Вечность». И будем надеяться, что их самодовольство сохранится.

— Наверняка,— сказал Феррис.

Освобождение, конечно, не потребовало вечности. Через каких-то сто тридцать семь лет Денисону и его коллегам удалось вырваться из заточения и раскрыть заговор «гробовщиков». «Гробовщики» предстали перед Высшим Судом по обвинению в похищении людей, тайной подготовке свержения правительства и нелегальном владении бессмертием. Вину признали по всем статьям обвинения, а наказание определили суммарным сроком.

Однако Денисон и его коллеги тоже незаконно обладали бессмертием, что являлось исключительной привилегией нынешней правящей элиты. Их не предали смертной казни ввиду большой услуги, оказанной государству Клубом бессмертных.

Но прощение оказалось преждевременным. Спустя несколько месяцев члены Клуба бессмертных ушли в подполье, открыто провозгласив своей целью свержение правящей элиты и распространение бессмертия в массы. Проект «Вечность», как именовали его сами члены клуба, получил поддержку у диссидентов, которых еще не успели арестовать. Однако это не считалось серьезной угрозой.

Но сия уклонистская акция никоим образом не умаляет славы Клуба, коей он себя покрыл, совершив побег от «гробовщиков». Гениальный способ, с помощью которого Денисон и его коллеги выбрались из, казалось бы, неприступной тюрьмы, используя лишь стальную пряжку от брючного ремня, моток

вольфрамовой проволоки, три куриных яйца и двенадцать химикалий, без труда и задержки добываемых из человеческого тела, слишком хорошо известен, чтобы о нем здесь лишний раз упоминать.

Академия

ИНСТРУКЦИЯ

к пользованию измерителем вменяемости «Кэгилл-Томас», серия ДМ-14 (модель с ручным управлением)

«Производственная компания "Кэгилл-Томас" рада познакомить вас с новейшим измерителем вменяемости. Этот прекрасный, надежный прибор настолько малогабаритен, что превосходно вписывается в интерьер любой спальни, кухни, кабинета, а во всем остальном он является точной копией стационарного измерителя "К-Т", применяемого в большинстве учреждений, на общественном транспорте, в местах отдыха и развлечений и т. п. Фирма не пожалела усилий, чтобы снабдить вас наилучшим из всех возможных измерителей по самой низкой из всех возможных цен.

1) *Действие.* В правом нижнем углу прибора находится выключатель. Переведите его в позицию «включен» и выждите несколько секунд, пока прибор не нагреется. Затем переведите выключатель из позиции «включен» в позицию «работа». Выждите еще несколько секунд, затем снимайте показания.

2) *Отсчет показаний.* На передней части прибора, над выключателем, имеется прозрачное окошко со шкалой, отградуированной от единицы до десяти. Цифра, на которую указывает черная стрелка, характеризует ваше психическое состояние, сравнивая его с современной статистической нормой.

3) *Цифры 0–3.* В вашей модели, как и во всех измерителях вменяемости, за нуль принимается теоретически идеальное психическое состояние. Любая цифра выше нуля считается отклонением от нормы. Однако нуль — это не действительная, а скорее статистическая категория. Для нашей цивилизации диапазон вменяемости колеблется от нуля до трех. Всякое показание прибора в этих пределах считается нормальным.

4) *Цифры 4–7.* Эти цифры соответствуют допустимому пределу отклонения от нормы. Лица, зарегистрированные в данной зоне шкалы, должны немедленно явиться на консультацию к терапевту.

5) *Цифры 8–10.* Лицо, получающее показания свыше семи, считается потенциально опасным для окружающих. У него почти наверняка запущенный невроз или даже психоз. По закону такой гражданин обязан встать на учет и в течение испытательного срока снизить показания до цифры меньше семи. (Длительность испытательного срока определяется законодательством каждого штата.) Если это не удастся, гражданин обязан подвергнуться хирургическому изменению личности или добровольно пройти курс лечения в Академии.

6) *Цифра 10.* Под цифрой десять на шкалу прибора нанесена красная черта. Если стрелка переходит за эту черту, не может быть и речи об обычных платных терапевтических методах лечения. Такой гражданин обязан безотлагательно подвергнуться хирургическому изменению личности или немедленно пройти терапевтический курс лечения в Академии.

Предостережение:

А. Измеритель вменяемости — не диагностическая машина. Не пытайтесь самостоятельно решать вопрос о своем здоровье. Цифры от нуля до десяти не свидетельствуют о характере заболеваний — неврозе, психозе и т. п., а только говорят об их интенсивности. Шкала интенсивности характеризует лишь потенциальную способность данного индивидуума причинить вред социальному порядку. Невротик определенного типа может оказаться потенциально опаснее психотика, что и зарегистрирует любой измеритель вменяемости.

Для дальнейшего диагностирования обращайтесь к терапевту.

Б. Показания от нуля до десяти являются приблизительными. Для получения показаний с точностью до 10^{-30} пользуйтесь стационарной моделью.

В. *Помните:* вменяемость отдельной личности — дело каждого из нас. После периода великих мировых войн мы шагнули далеко вперед — исключительно из-за того, что положили в основу нашей цивилизации концепции социального душевного здоровья, индивидуальной ответственности и сохранения status quo. Поэтому, если ваш показатель выше трех, обращайтесь

за медицинской помощью. Если он выше семи, вы обязаны получить медицинскую помощь. Если вы перешагнули за десять, не дожидайтесь разоблачения и ареста. Ради спасения цивилизации отдайтесь добровольно в руки властей.

С наилучшими пожеланиями,
компания "Кэгилл-Томас".

Мистер Фирмен понимал, что после завтрака надо тотчас же идти на работу. При сложившихся обстоятельствах всякую задержку могли истолковать в неблагоприятном смысле. Он даже надел скромную серую шляпу, поправил галстук, двинулся к двери и взялся было за дверную ручку, но решил дождаться почты.

Недовольный собой, он отошел от двери и принялся расхаживать по комнате. Ведь он знал, что будет дожидаться почты; зачем же прикидываться, будто собираешься уходить? Неужто нельзя быть честным с самим собой, даже сейчас, когда так важна собственная честность?

Черный спаниель Спид, свернувшийся на кушетке, с любопытством посмотрел на него. Фирмен потрепал пса по голове, потянулся за сигаретой, но передумал. Он опять потрепал Спида, и пес лениво зевнул. Фирмен передвинул лампу, которую вовсе не нужно было передвигать, вздрогнул без всякой причины и снова принялся расхаживать по комнате.

Он неохотно признался себе, что у него нет настроения выходить из квартиры,— по правде говоря, он даже боится выйти, хотя ему ничто не угрожает. Он попытался убедить себя, что сегодня всего лишь обычный день, такой же, как вчерашний и позавчерашний. Ведь если человек в это поверит, по-настоящему поверит, события будут отодвигаться в бесконечность и с ним ничего не случится.

Кстати, почему сегодня обязательно должно что-то случиться? У него ведь еще не кончился испытательный срок.

Ему послышался какой-то шум возле наружной двери, и он поспешно открыл ее. Он ошибся, почта еще не пришла. Однако домовладелица тоже открыла дверь — ее квартира находилась на этой же площадке — и поглядела на него бесцветным недружелюбным взглядом.

Фирмен закрыл дверь и обнаружил, что у него дрожат руки. Он решил, что не мешает провериться. Он вошел в спальню, но там хлопотал роботворецкий, выметавший горстку пыли на середину комнаты. Кровать Фирмена была уже застелена; кровать жены нечего было стелить, так как там почти неделю никто не спал.

— Мне уйти, сэр? — спросил роботворецкий.

Фирмен ответил не сразу. Он предпочитал проверяться в одиночестве. Разумеется, роботворецкий не человек. Строго говоря, механизмы — предметы неодушевленные, однако казалось, что этот робот наделен каким-то подобием души. Как бы то ни было, неважно, останется он или уйдет, потому что в схему всех личных роботов встроены измерители вменяемости. Этого требовал закон.

— Как хочешь,— сказал наконец Фирмен.

Роботворецкий всосал в себя горстку пыли и бесшумно выкатился из комнаты.

Фирмен подошел к прибору, включил его и привел в действие. Он угрюмо следил за тем, как черная стрелка медленно ползла мимо двойки и тройки — нормы, мимо шестерки и семерки — отклонений,— к 8,2, где в конце концов замерла.

На одну десятую выше, чем вчера. На одну десятую ближе к красной черте.

Фирмен рывком выключил прибор и закурил сигарету. Он вышел из спальни медленно и устало, словно было не утро, а конец рабочего дня.

— Почта, сэр,— плавно подкатившись к нему, возгласил роботворецкий. Фирмен выхватил из протянутой руки робота пачку писем и просмотрел их.

— От нее ничего,— невольно вырвалось у него.

— Мне очень жаль, сэр,— быстро откликнулся роботворецкий.

— Тебе жаль? — Фирмен с любопытством взглянул на механизм.— Почему?

— Я, естественно, заинтересован в вашем благополучии, сэр,— заявил роботворецкий.— Так же как и Спид, в меру своего понимания. Письмо от миссис Фирмен способствовало бы подъему вашего морального состояния. Нам жаль, что оно не пришло.

Спид тихо гавкнул и склонил морду набок. Сочувствие машины, жалость животного, подумал Фирмен. И все-таки он был благодарен обоим.

— Я ее ни в чем не виню,— сказал он.— Нельзя было полагать, что она станет терпеть меня вечно.— Он выждал, надеясь, что робот посулит ему возвращение жены и скорое выздоровление. Однако роботворецкий молча стоял возле Спида, который тем временем успел снова заснуть.

Фирмен еще раз просмотрел корреспонденцию. Там было несколько счетов, какое-то объявление и маленький негнущийся конверт. На нем значился обратный адрес Академии, поэтому Фирмен торопливо вскрыл его.

Внутри конверта была открытка с надписью: «Дорогой мистер Фирмен, Ваше прошение о приеме рассмотрено и удовлетворено. Мы будем рады принять Вас в любое время. С благодарностью, дирекция».

Фирмен покосился на открытку. У него в мыслях не было добиваться приема в Академию. Ни к чему в мире душа у него не лежала меньше.

— Это жена придумала? — спросил он.

— Не знаю, сэр,— отозвался роботворецкий.

Фирмен повертел в руках открытку. Он, конечно, всегда имел смутное представление о том, что существует Академия. О ней невозможно было не знать, так как она оказывала влияние на все сферы жизни. На самом же деле об этом важнейшем учреждении он знал очень мало — на редкость мало.

— Что такое Академия? — спросил он.

— Большое и приземистое серое здание,— ответил роботворецкий.— Расположено в юго-западной части города. До него можно добраться самыми различными видами общественного транспорта.

— Но что она собой представляет?

— Государственная лечебница,— пояснил роботворецкий,— доступная каждому, кто изъявит желание письменно или устно. Более того, Академия существует как место добровольного пребывания всех людей, у которых показания измерителя превышают десять,— на выбор, взамен хирургического изменения личности.

Фирмен в изнеможении вздохнул.

— Все это мне известно. Но какова ее система? Что там за лечение?

— Не знаю, сэр,— сказал роботворецкий.

— Какой процент выздоравливающих?

— Сто процентов,— без запинки ответил роботворецкий.

Фирмен припомнил нечто, показавшееся ему странным.

— Постой-ка,— сказал он.— Из Академии никто не возвращается. Так ведь?

— Нет никаких сведений о лицах, которые вышли бы из Академии, после того как очутились в ее стенах,— ответил роботворецкий.

— Почему?

— Не знаю, сэр.

Фирмен смял открытку и бросил в пепельницу. Все это было весьма странно. Академия так хорошо известна, все с ней так свыклись, что никому и в голову не приходит расспрашивать. В его воображении это место всегда рисовалось каким-то рас-

плывчатым пятном, далеким и нереальным. То было заведение, в которое отправляешься, перевалив за цифру «десять», так как не хочешь подвергаться лоботомии, топэктомии и прочим операциям, ведущим к необратимой утрате личности. Но, разумеется, стараешься не думать о том, что можешь перевалить за десять, так как самая эта мысль не что иное, как признание своей душевной неуравновешенности, и потому не размышляешь о том, какой выбор тебе предоставят, если это случится.

Впервые в жизни Фирмен пришел к выводу, что ему не нравится вся система. Придется навести кое-какие справки. Почему из Академии никто не выходит? Почему так мало известно о тамошних методах лечения, если они действительно эффективны на сто процентов?

— Пожалуй, пойду на работу,— сказал Фирмен.— Приготовь мне что-нибудь на ужин.

— Слушаю, сэр. Всего хорошего, сэр.

Спид вскочил с кушетки и проводил его до двери. Фирмен опустился на колени и погладил лоснящуюся черную голову.

— Нет, парень, ты оставайся дома. Сегодня не придется зарывать в землю кости.

— Спид никогда не зарывает костей,— вмешался роботворецкий.

— Это верно.

Нынешние собаки, так же как их хозяева, не испытывают неуверенности в завтрашнем дне. Нынче никто не прячет костей.

— Пока.

Он прошмыгнул мимо хозяйской двери и выскочил на улицу.

Фирмен опоздал на работу почти на двадцать минут. Войдя в двери, он позабыл предъявить обследующему механику удостоверение о прохождении испытательного срока. Гигантский стационарный измеритель вменяемости обследовал Фирмена, стрелка скакнула выше семи, зажглись красные сигнальные лампы. Резкий металлический голос из громкоговорителя прогремел: «Сэр! Сэр! Ваше отклонение от нормы вышло за пределы безопасности! Вам следует безотлагательно обратиться к врачу!»

Фирмен быстро выхватил из бумажника испытательное удостоверение. Однако и после этого машина продолжала добрых десять секунд упрямо рявкать на него. Все в холле пялили на него глаза. Мальчишки-рассыльные застыли, довольные, что оказались свидетелями скандала. Бизнесмены и конторские девушки начали перешептываться, а два полисмена из Охраны вменяемости многозначительно переглянулись. Рубашка Фир-

мена пропиталась потом и прилипла к спине. Он подавил желание броситься вон и подошел к лифту. Лифт был почти полон, и Фирмен не мог заставить себя войти.

Он взбежал по лестнице на второй этаж и вызвал лифт. К тому времени как Фирмен попал в агентство Моргана, ему удалось овладеть собой. Он показал удостоверение измерителю вменяемости, стоящему у самой двери, платком вытер с лица пот и прошел внутрь.

В агентстве все уже знали о происшествии. Это было видно по общему молчанию, по тому, как отворачивались все лица. Фирмен быстрым шагом прошел в свой кабинет, закрыл дверь и повесил шляпу.

Он уселся за письменный стол, все еще слегка взбудораженный, исполненный негодования против измерителя вменяемости. Если бы только можно было расколотить эти проклятые штуки! Вечно суют нос в чужие дела, оглушительно гудят прямо в уши, выводят из равновесия...

Тут Фирмен поспешно оборвал собственную мысль. В измерителях нет ничего плохого. Мысль о них как о сознательных преследователях — одно из проявлений паранойи и, возможно, симптом его, Фирмена, нынешнего патологического состояния. Измерители — это всего лишь орудия человеческой воли. Общество в целом, напомнил он себе, нуждается в защите от личности, точно так же как человеческое тело нуждается в защите от дисфункции любой из его частей. При самой нежной привязанности к своему желчному пузырю ты без сожаления пожертвуешь им, если он способен причинить вред всему организму.

Фирмен смутно сознавал шаткость подобной аналогии, но решил не думать над этим. Надо побольше узнать об Академии.

Закурив сигарету, он набрал номер Терапевтической справочной службы.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — откликнулся приятный женский голос.

— Мне бы хотелось получить кое-какую информацию относительно Академии,— сказал Фирмен, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Академия пользовалась такой известностью, так прочно вросла в повседневную жизнь, что его слова были равнозначны вопросу, какое в стране правительство.

— Академия помещается...

— Я знаю, где она помещается,— прервал Фирмен.— Мне бы хотелось выяснить, какие лечебные процедуры там назначают больным.

— Такой информацией мы не располагаем, сэр,— после паузы ответила женщина.

— Нет? А я полагал, что все данные о платной терапии доступны широкой публике.

— Практически так оно и есть,— медленно проговорила женщина.— Но Академия — это не платная лечебница в общепринятом смысле слова. Там действительно взимают плату, однако, с другой стороны, туда принимают больных и на благотворительных началах, совершенно бесплатно. Кроме того, Академию отчасти субсидирует правительство.

Фирмен стряхнул пепел с сигареты и нетерпеливо возразил:

— Мне казалось, что все правительственные начинания известны широкой публике.

— Как правило, известны. За исключением тех случаев, когда подобная осведомленность может оказаться вредной для широкой публики.

— Значит, подобная осведомленность об Академии оказалась бы вредной? — торжествующе воскликнул Фирмен, чувствуя, что наконец-то добрался до сути дела.

— Ах, что вы, сэр! — От изумления голос женщины стал пронзительным.— Я вовсе не это имела в виду! Я просто излагала вам общие правила об отказе в информации. Академия, хотя она и предусмотрена законом, в известной степени оказалась поставленной над законом. Такое правовое положение объясняется тем, что Академия добилась стопроцентного излечения.

— Где я могу увидеть хоть одного излеченного? — спросил Фирмен.— Насколько я понимаю, никто из них никогда не выходил из Академии.

Тут-то они и попались, думал Фирмен, ожидая ответа. Ему показалось, будто в трубке послышался какой-то шепот. Внезапно над ухом раздался мужской голос, громкий и звучный.

— Говорит начальник отдела. У вас возникли затруднения?

Услышав энергичный голос невидимого собеседника, Фирмен едва не выронил трубку. Ощущение торжества развеялось, и он пожалел о том, что позвонил сюда. Однако он принудил себя добавить:

— Мне нужна кое-какая информация об Академии.

— Местонахождение...

— Да нет же! Я имею в виду действительную информацию! — с отчаянием сказал Фирмен.

— С какой целью вы желаете получить эту информацию? — спросил начальник отдела, и в его голосе внезапно зазвучали вкрадчивые, почти гипнотические нотки опытного терапевта.

— Для осведомления,— не задумываясь ответил Фирмен.— Поскольку Академия — это вариант лечения, доступный мне в любое время, я хотел бы узнать о ней побольше, чтобы сделать правильный выбор.

— Весьма правдоподобно,— заметил начальник, отдела.— Однако вдумайтесь. Нужны ли вам полезные, деловые сведения? Такие, что будут способствовать вашему единению с обществом? Или ваша просьба продиктована праздным любопытством, поскольку вы подвержены беспокойству и другим, еще более серьезным комплексам?

— Я спрашиваю, потому что...

— Как ваша фамилия? — неожиданно спросил начальник отдела. Фирмен промолчал.

— Каков уровень вашей вменяемости?

Фирмен по-прежнему молчал. Он старался понять, засечен ли уже номер его телефона, и склонялся к мысли, что уже засечен.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия приносит неизмеримую пользу?

— Нет.

— Вы сомневаетесь в том, что Академия способствует сохранению status quo?

— Нет.

— Тогда в чем же дело? Почему вы отказываетесь назвать свою фамилию и уровень вменяемости? Почему испытываете необходимость в более полной информации?

— Благодарю вас,— пробормотал Фирмен и повесил трубку. Он сообразил, что телефонный звонок был роковой ошибкой. То был поступок восьмерочника, а не нормального человека. Начальник отдела, обладая профессионально развитым восприятием, сразу понял это. Разумеется, начальник отдела не станет давать такую информацию восьмерочнику. Фирмен знал, что тот, кто надеется когда-либо вернуться к статистической норме, должен куда тщательнее следить за своими поступками, анализировать их, отдавать себе в них отчет.

Он все еще сидел у телефона, когда послышался стук; дверь отворилась, и вошел его начальник, мистер Морган. Это был высокий человек, богатырского сложения, с круглым, сытым лицом. Он остановился перед столом Фирмена, барабаня пальцами по пресс-папье и глядя смущенно, как пойманный вор.

— Мне уже доложили об инциденте внизу,— сказал он, не глядя на Фирмена и энергично постукивая пальцами.

— Минутная слабость,— автоматически ответил Фирмен.— Вообще-то мой уровень начинает улучшаться.

Говоря это, он не смел взглянуть Моргану в глаза. Оба напряженно уставились в противоположные углы комнаты. Наконец их взгляды скрестились.

— Послушайте, Фирмен, я стараюсь не вмешиваться в чужие дела,— заговорил Морган, садясь на уголок стола Фирме-

на.— Но черт побери, дружище, вменяемость — это вопрос, который затрагивает всех. Все мы под Богом ходим.— Эта мысль, казалось, укрепила Моргана в его убеждении. Разгорячившись, он подался к собеседнику.— Вы знаете, на мне лежит ответственность за множество сотрудников. За последний год вы третий раз находитесь на испытании.— Он заколебался.— Как это началось?

Фирмен покачал головой.

— Не знаю, мистер Морган. Жил себе помаленьку, тихо и спокойно — и вдруг стрелка полезла вверх.

Подумав, мистер Морган тоже покачал головой.

— Не может быть, чтобы так сразу, ни с того ни с сего. Вы проверяли мозговую ткань?

— Меня заверили, что никаких органических изменений нет.

— Лечились?

— Чего только не перепробовал,— сказал Фирмен.— Электротерапия, психоанализ, метод Смита, школа Раннеса, Девиа-мысль, дифференциация...

— И что вам сказали? — спросил Морган.

Фирмен вспомнил нескончаемую вереницу терапевтов, к которым он обращался. Его обследовали со всех точек зрения, разработанных психологией. Его усыпляли наркотиками, подвергали шоку и обследовали, обследовали... Однако все бурные усилия сводились к одному...

— Не разобрались.

— Неужели они вовсе ничего не могли сказать?

— Во всяком случае немногое. Врожденное беспокойство, глубоко скрытые комплексы, неспособность внутренне принять status quo. Все сходятся на том, что я негибкий тип. На меня не подействовала даже реконструкция личности.

— А как прогноз?

— Не слишком благоприятен.

Морган встал и принялся расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

— Фирмен, я думаю, это вопрос вашего внутреннего отношения к миру. Действительно ли вы хотите стать винтиком в нашем слаженном механизме?

— Я испробовал все...

— Конечно. Но *хотели* ли вы измениться? Приобщение! — воскликнул Морган и стукнул о ладонь кулаком, будто припечатал это слово.— Хотите ли вы приобщиться?

— Едва ли,— ответил Фирмен с искренним сожалением.

— Взять хоть меня,— серьезно сказал Морган, широко расставив ноги перед столом Фирмена.— Десять лет назад это агент-

ство было вдвое больше нынешнего и продолжало расти! Я работал как одержимый, увеличивал фонды, умножал ценные бумаги, вкладывал капитал, расширял дело и делал деньги, деньги и снова деньги.

— И что же случилось?

— Неизбежное. Стрелка подпрыгнула с двух и трех десятых до семи с гаком. Я встал на дурной путь.

— Закон не воспрещает делать деньги,— заметил Фирмен.

— Безусловно. Но существует психологический закон против тех, кто делает их слишком много. Современное общество к таким вещам не приспособлено. Из расы вытравили почти всю жажду конкуренции, всю агрессивность. В конце концов скоро будет сто лет, как установлен status quo. Все это время не было ни новых изобретений, ни войн, ни существенных изменений. Психология нормализует человечество, искореняя безрассудные элементы. Так вот, с моими склонностями и способностями это было все равно что... все равно что играть с младенцем в теннис. Меня невозможно было удержать.

Лицо Моргана раскраснелось, дыхание стало прерывистым. Он овладел собой и продолжал более ровным тоном:

— Понятно, мои поступки были продиктованы патологическими причинами. Жаждой власти, чрезмерным конкурентным азартом. Я прошел Подстановочную терапию.

Фирмен заметил:

— Не вижу ничего ненормального в желании расширить свое дело.

— Боже правый, дружище, да неужели вы ничего не смыслите в Социальной вменяемости, в Ответственности и Укладе стабильного общества? Я был на пути к обогащению. Разбогатев, я мог бы основать финансовую империю. Все вполне законно, понимаете ли, но ненормально. И кто знает, до чего бы я докатился? Быть может, в конечном итоге — до косвенного контроля над правительством. Я бы захотел изменить психологическую политику в соответствии со своими аномалиями. Представляете, к чему бы это привело?

— И вы приспособились,— сказал Фирмен.

— Я мог выбирать между Хирургией мозга, Академией и приспособлением. К счастью, я нашел выход своим склонностям в спортивной борьбе. Я облагородил свои эгоистические комплексы, направив их на благо человечества. Однако вот к чему я клоню, Фирмен. Ведь я приближался к красной черте. Но я приспособился, прежде чем оказалось слишком поздно.

— Я бы с радостью приспособился,— ответил Фирмен,— если бы знал, что со мной происходит. Беда в том, что диагноз неизвестен.

Морган долго молчал, что-то обдумывая. Наконец он сказал:

— Мне кажется, вам нужен отдых, Фирмен.

— Отдых? — Фирмен мгновенно насторожился.— Вы хотите сказать, что я уволен?

— Нет, разумеется, нет. Я хочу быть справедливым и поступать как порядочный человек. Но у меня здесь хозяйство.— Неопределенный жест Моргана означал — агентство, здание, город.— Безумие подкрадывается незаметно. На этой неделе у нескольких наших сотрудников уровень повысился.

— И очаг инфекции — это я.

— Мы должны подчиняться правилам,— сказал Морган, распрямляясь перед столом Фирмена.— Жалованье вам будет поступать до тех пор, пока... пока вы не примете какое-либо решение.

— Спасибо,— сухо произнес Фирмен. Он встал и надел шляпу.

Морган положил руку ему на плечо.

— Вы не задумывались об Академии? — негромко спросил он.— Я хочу сказать, если больше ничего не поможет...

— Раз и навсегда — нет! — ответил Фирмен, заглянув прямо в маленькие голубые глазки Моргана.

Морган отвернулся.

— У вас, по-моему, необъяснимое предубеждение против Академии. Откуда оно? Ведь вы знаете, как организовано наше общество. Вы же не думаете, что в нем дозволят что-нибудь идущее вразрез с общим благом?

— Едва ли,— согласился Фирмен.— Но почему об Академии так мало известно?

Они прошли сквозь анфиладу безмолвных кабинетов. Никто из людей, с которыми Фирмен был так давно знаком, не оторвался от работы.

Морган открыл дверь и сказал:

— Вам все известно об Академии.

— Мне не известно, как там лечат.

— А все ли вы знаете об остальных видах лечения? Можете ли рассказать о Подстановочной терапии? О психоанализе? Или о Редукции О'Гилви?

— Нет. Но у меня есть общее представление об их воздействии.

— Оно есть у всех,— торжествующе подхватил Морган, но тут же понизил голос.— В том-то и загвоздка. Очевидно, Академия не дает такой информации, потому что это нанесло бы вред самой терапии. Но здесь нет ничего странного, не так ли?

Фирмен обдумывал эту мысль, следуя за Морганом в холл.

— Готов согласиться,— сказал он.— Но объясните, почему из Академии никто никогда не выходит? Не поражает ли вас это зловещее обстоятельство?

— Никоим образом. Вы очень странно смотрите на вещи.— Разговаривая, Морган нажал кнопку и вызвал лифт.— Будто стараетесь открыть тайну там, где ее и в помине нет. Я могу допустить, что их метод терапии требует пребывания пациента в стенах Академии. В изменении окружающей среды нет ничего странного. Это делается сплошь да рядом.

— Если это правда, почему бы им так и не сказать?

— Факты говорят сами за себя.

— А где же доказательства стопроцентного излечения? — спросил Фирмен.

В этот момент прибыл лифт, и Фирмен вошел в него. Морган сказал:

— Доказательство в том, что они это утверждают. Терапевты не лгут. Они не способны на ложь, Фирмен!

Морган хотел было сказать что-то еще, но дверцы лифта захлопнулись. Лифт устремился вниз, и Фирмен с содроганием осознал, что лишился работы.

Странное это ощущение — остаться без работы. Идти было некуда. Частенько он ненавидел свою работу. Бывало, по утрам он стонал при мысли о том, что предстоит провести еще один день на службе. Но теперь, оказавшись не у дел, он понял, как важна была для него работа, она придавала ему солидность и уверенность в себе. «Человек — ничто,— думал он,— если ему нечего делать».

Он бесцельно обходил квартал за кварталом, пытаясь поразмыслить. Однако он был неспособен сосредоточиться. Мысли упорно ускользали, увертывались от него; мимолетными наплывами их вытесняло лицо жены. Но даже о ней он не мог толком подумать, потому что на него давил большой город — городские лица, звуки, запахи.

Единственный план действия, который пришел ему в голову, был невыполним. «Беги,— подсказывали смятенные чувства.— Беги туда, где тебя никогда не разыщут. Скройся!»

Но Фирмен знал, что это не выход. Бегство явилось бы чистейшим уходом от действительности и доказательством отклонения от нормы. В самом деле, откуда бы он сбежал? Из самого здравого, наиболее совершенного общества, когда-либо созданного человеком. Только безумец способен бежать отсюда.

Фирмен стал замечать встречных. Они казались счастливыми, исполненными нового духа Ответственности и Социаль-

ной вменяемости, готовыми пожертвовать былыми страстями во имя новой эры покоя. Это славный мир, чертовски славный мир. Отчего Фирмен не может в нем ужиться?

Нет, может. За многие недели у Фирмена впервые забрезжила вера в себя, и он решил, что как-то приспособится.

Если бы только знать как.

После многочасового гуляния Фирмен обнаружил, что голоден.

Он зашел в первый подвернувшийся ресторанчик. Зал был переполнен рабочими: Фирмен забрел почти к самым докам.

Он сел у стойки и заглянул в меню, повторяя себе, что необходимо все обдумать. Надо должным образом оценить свои поступки, тщательно взвесить...

— Эй, мистер!

Он поднял глаза. На него свирепо уставился лысый, заросший щетиной буфетчик.

— Что?

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову.

— Что случилось? — спросил Фирмен, стараясь подавить внезапно охвативший его панический страх.

— Мы тут психов не обслуживаем,— сказал буфетчик. Он ткнул пальцем в сторону настенного прибора, который регистрировал состояние каждого посетителя. Черная стрелка забралась чуть повыше девяти.— Убирайтесь вон.

Фирмен бросил взгляд на других людей у стойки. Они сидели в ряд, одетые в одинаковые коричневые спецовки из грубого холста. Кепки были надвинуты на брови, и каждый, казалось, был всецело погружен в чтение газеты.

— У меня испытательное...

— Убирайтесь,— повторил буфетчик.— По закону я не обязан обслуживать всяких девяточников. Это беспокоит клиентов. Ну же, пошевеливайтесь.

Рабочие по-прежнему сидели чинным рядом, недвижно, не глядя в сторону Фирмена. Фирмен почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. У него появился внезапный импульс — вдребезги разбить лысый, лоснящийся череп буфетчика, врезаться с ножом мясника в рядок прислушивающихся людей, окропить грязные стены их кровью, крушить, убивать. Но агрессивность — реакция нежелательная и, безусловно, патологичная. Он преодолел нездоровый импульс и вышел на улицу.

Фирмен продолжал прогулку, борясь с желанием пуститься наутек: он ожидал, когда же логика подскажет ему, что делать дальше. Однако мысли все больше путались, и, когда наступили сумерки, Фирмен готов был свалиться от изнеможения.

Стоя на узенькой, заваленной гниющим мусором улочке в районе трущоб, в окне второго этажа он заметил вывеску, сделанную от руки: «Дж. Дж. Флинн, терапевт-психолог. Может быть, мне удастся вам помочь». При мысли о всех высокооплачиваемых специалистах, к которым он обращался, Фирмен криво усмехнулся. Он пошел было прочь, но повернул и поднялся по лестнице, ведущей в приемную Флинна. Опять он был недоволен собой. Увидев вывеску, он в тот же миг понял, что пойдет к этому врачу. Неужели он никогда не перестанет лукавить с самим собой?

Кабинет Флинна был тесен и плохо освещен. Со стен облупилась краска, в комнате застоялся запах немытого тела. Флинн сидел за деревянным неполированным письменным столом и читал приключенческий журнальчик. Он был маленького роста, средних лет и уже начинал лысеть. Он курил трубку.

Фирмен собирался начать с самого начала, но неожиданно для себя выпалил:

— Послушайте, у меня страшные неприятности. Я потерял работу, от меня ушла жена, я испробовал все существующие методы терапии. Что вы можете сделать?

Флинн вынул изо рта трубку и взглянул на Фирмена. Он осмотрел его костюм, шляпу, туфли, как бы прикидывая их стоимость, затем спросил:

— А что сказали другие врачи?

— Их слова сводились к тому, что мне не на что надеяться.

— Конечно, так они и говорят,— подхватил Флинн, быстро произнося слова высоким и четким голосом.— Эти модные молодчики слишком легко сдаются. Однако надежда есть всегда. Разум — странная и сложная штука, друг мой, и то и дело...

Флинн неожиданно умолк и печально, иронически ухмыльнулся:

— Ах, да какой в этом толк? У вас уже появился обреченный взор, никуда не денешься.— Он выколотил трубку и устремил отсутствующий взгляд в потолок.— Вот что, я для вас ничего не могу сделать. Вы это знаете, и я это знаю. Зачем вы сюда пришли?

— Надо полагать, в поисках чуда,— ответил Фирмен, устало опускаясь на деревянный стул.

— Многие ищут,— словоохотливо сказал Флинн.— Видно, мой кабинет — самое подходящее место для поисков, не правда ли? Вы посещали фешенебельные приемные модных специалистов. Помощи там не получили. Поэтому уместно и пристойно, если захудалый терапевт добьется того, что не удалось знаменитостям. Что-то вроде поэтической справедливости.

— Вот-вот,— одобрил Фирмен со слабой улыбкой.— Поэтической справедливости.

— Я не так уж бездарен,— заверил его Флинн, набивая трубку табаком из потрепанного зеленого кисета.— Но истина кроется в том, что чудеса стоят денег, всегда стоили и всегда будут стоить. Если вам не могли помочь светила, то я и подавно не могу.

— Спасибо за правду,— сказал Фирмен, но не сделал никакой попытки встать.

— По долгу терапевта,— медленно произнес Флинн,— напоминаю вам, что Академия открыта в любое время дня.

— Как же можно туда обращаться? — спросил Фирмен.— Ведь я о ней ничего не знаю.

— Никто не знает,— ответил Флинн.— Тем не менее я слышал, что там излечивают решительно всех.

— Смерть — тоже излечение.

— Но нецелесообразное. Кроме того, уж очень оно противоречит духу времени. При таком варианте Академией должны были бы заправлять невменяемые, а как раз им-то это и запрещено.

— Тогда почему же оттуда никто не выходит?

— Не спрашивайте меня,— сказал Флинн.— Может быть, никто не хочет оттуда выходить.— Он затянулся.— Вам нужен совет. О'кей. Деньги есть?

— Найду,— осторожно ответил Фирмен.

— Отлично. Мне не полагается этого говорить, но... Бросьте искать лекарства! Пойдите домой. Отправьте роботворецкого за двухмесячным запасом продуктов. Спрячьтесь до поры до времени.

— Спрятаться? Зачем?

Флинн метнул на него бешеный взгляд.

— Затем, что вы изводите себя, пытаясь вернуться к норме, и добиваетесь только ухудшения. Такие случаи я наблюдал сотнями. Перестаньте думать о вменяемости и невменяемости. Отлежитесь спокойненько месяц-другой, отдыхайте, читайте, толстейте. Тогда и посмотрим, как у вас пойдут дела.

— Знаете,— сказал Фирмен,— по-моему, вы правы. Я в этом уверен! Но не уверен, можно ли возвращаться домой. Сегодня я кое-куда звонил... У меня есть деньги. Не могли бы вы спрятать меня здесь, у вас? Спрячьте, пожалуйста!

Флинн встал и боязливо выглянул из окна на улицу.

— Я и так наговорил слишком много. Будь я помоложе... нет, не могу! Я дал вам безумный совет! Я не могу вдобавок совершить безумный поступок!

— Извините,— сказал Фирмен.— Мне не следовало вас просить. Но я и вправду очень вам благодарен. Честное слово.

Он встал.

— Сколько я вам должен?

— Ничего вы не должны,— ответил Флинн.— Желаю вам поправиться.

— Спасибо.

Фирмен поспешно спустился по лестнице и подозвал такси. Через двадцать минут он был дома.

Когда Фирмен подходил к своей квартире, на лестничной площадке было до странности тихо. У хозяйки дверь была закрыта, но у него создалось впечатление, что дверь закрылась перед самым его приходом и хозяйка притаилась за ней, прижав ухо к тонкому слою дерева. Он ускорил шаг и вошел в квартиру.

В квартире тоже было тихо. Фирмен пошел на кухню. Рободворецкий стоял у плиты, а Спид свернулся клубком в углу.

— Добро пожаловать, сэр,— приветствовал Фирмена рободворецкий.— Не угодно ли присесть, а я подам ужин.

Фирмен сел, продолжая строить дальнейшие планы. Надо продумать массу деталей, но в главном Флинн прав. Спрятаться — это именно то, что нужно. Исчезнуть с глаз долой.

— Завтра утром тебе первым делом надо будет сходить за покупками,— сказал Фирмен рободворецкому.

— Слушаю, сэр,— ответил рободворецкий, ставя перед ним тарелку с супом.

— Нам понадобится уйма продуктов. Хлеб, мясо... Нет, лучше покупай консервы.

— Какого рода консервы? — спросил рободворецкий.

— Любого, лишь бы они составили полноценный рацион. И сигареты, не забудь про сигареты! Дай мне, пожалуйста, соли.

Рободворецкий стоял у плиты не двигаясь, а Спид тихонько заскулил.

— Рободворецкий! Пожалуйста, соли.

— Мне очень жаль, сэр,— сказал рободворецкий.

— Что значит — тебе жаль? Подай мне соль.

— Я больше не могу вам повиноваться.

— Почему?

— Только что вы перешли красную черту, сэр. Вы теперь десяточник.

Какое-то мгновение Фирмен бессмысленно смотрел на рободворецкого. Потом бросился в спальню и включил измеритель. Черная стрелка медленно подползла к красной черте, дрогнула и решительно перевалила за нее.

Он стал десяточником.

Но это не важно, убеждал он себя. В конце концов, количество не перешло в новое качество. Не превратился же он внезапно в чудовище. Он все объяснит рободворецкому, убедит...

Фирмен опрометью выскочил из спальни.

— Рободворецкий! Выслушай меня...

Он услышал, как хлопнула входная дверь. Рободворецкий ушел.

Фирмен побрел в столовую-гостиную и сел на кушетку. Естественно, рободворецкий ушел. Роботы оборудованы встроенными приборами для контроля душевного состояния. Если их хозяева перешагивают за красную черту, роботы автоматически возвращаются на завод. Ни один десяточник не может распоряжаться сложным механизмом.

Однако еще не все пропало. В доме есть еда. Он ограничит себя жесткой нормой. Со Спидом будет не так одиноко. Может быть, ему и потребуется всего-то несколько дней.

— Спид!

В квартире не слышалось ни звука.

— Поди сюда, псина.

По-прежнему ни звука.

Фирмен методически обыскал всю квартиру, но пса нигде не было. Он, наверное, ушел вместе с рободворецким.

В одиночестве Фирмен пошел на кухню и выпил три стакана воды. Он взглянул на ужин, приготовленный рободворецким, и принялся было хохотать, но тут же опомнился.

Надо сматываться, да поживее. Нельзя терять ни минуты. Если поспешить, то, может, что-нибудь и выйдет. Куда-нибудь, в любое место. Теперь каждая секунда на счету.

Однако он все стоял на кухне, тупо уставясь в пол и дивясь, почему его покинул пес.

В дверь постучали.

— Мистер Фирмен!

— Нет,— сказал Фирмен.

— Мистер Фирмен, вы должны немедленно съехать.

Это была домовладелица. Фирмен открыл ей дверь.

— Съехать? Куда?

— Это меня не касается. Но вам нельзя здесь больше оставаться, мистер Фирмен. Вы должны съехать.

Фирмен вернулся в комнату за шляпой, надел ее, огляделся по сторонам и вышел. Дверь он оставил открытой.

На улице его поджидали двое. В темноте трудно было разглядеть их лица.

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из них.

— А куда можно?

— На Хирургию или в Академию.

— Тогда в Академию.

Они усадили его в машину и быстро отъехали. Фирмен откинулся на спинку сиденья, слишком измученный, чтобы о чем-то думать. Он чувствовал на лице прохладный ветерок, да и легкое покачивание машины было приятно. Однако поездка казалась нескончаемо долгой.

— Приехали,— сказал наконец один из сопровождающих. Они остановили машину и ввели Фирмена в комнатку, где не было мебели. Лишь в центре стоял письменный стол с дощечкой «Дежурный по приему». Навалившись на стол, там сладко похрапывал какой-то человек.

Один из конвоиров Фирмена громко кашлянул. Дежурный тотчас вскочил, выпрямился и стал протирать глаза. Он нацепил очки и сонно посмотрел на вошедших.

— Который? — спросил он.

Два конвоира указали на Фирмена.

— Ладно.— Дежурный потянулся, раскинув тощие руки, потом открыл большой черный блокнот. Он набросал несколько слов, вырвал листок и вручил конвоирам Фирмена. Те сразу ушли.

Дежурный нажал некую кнопку и энергично почесал в затылке.— Сегодня полнолуние,— сказал он Фирмену с видимым удовлетворением.

— Что? — переспросил Фирмен.

— Полнолуние. Таких, как ты, больше всего привозят в полнолуние, во всяком случае, мне так кажется. Я подумываю написать на эту тему диссертацию.

— Больше всего? Чего больше? — опять переспросил Фирмен, который еще не пришел в себя, попав в стены Академии.

— Не будь таким тупицей,— строго сказал дежурный.— Во время полнолуния к нам поступает больше всего десяточников. Не думаю, чтобы здесь существовала какая-то корреляционная зависимость, но... ага, вот и охранник.

На ходу завязывая галстук, к столу подошел охранник в форме.

— Отведи его в 312-АА,— сказал дежурный. Когда Фирмен пошел к двери вслед за охранником, дежурный снял очки и снова повалился на стол.

Охранник вел Фирмена по запутанной сети коридоров с частыми дверями. Коридоры: казалось, возникали сами по себе, так как от них под всевозможными углами шли ответвления, а некоторые отрезки изгибались и петляли, как улицы древних городов. По пути Фирмен заметил, что двери не были

пронумерованы в последовательном порядке. Он прошел 3112, потом 25Р, потом 14. И был уверен, что мимо номера 888 проходил трижды.

— Как вы здесь не заблудитесь? — спросил он охранника.

— Это моя работа,— ответил тот не без учтивости.

— Особой системы тут не видно,— заметил Фирмен.

— Ее и не может быть,— сказал охранник почти доверительным тоном.— Ведь здесь по проекту намечалось гораздо меньше палат, но после началась лихорадка. Больные, больные, каждый день все новые больные, и ни намека на передышку. Так что пришлось разбить палаты на меньшие и проделать новые коридоры.

— Но как же врачи находят своих пациентов? — спросил Фирмен.

Они подошли к 312-АА. Не отвечая, охранник отпер дверь, а когда Фирмен переступил порог, закрыл ее и запер на ключ.

Палата была очень мала. Там стояли кушетка, кресло и шкафчик; эта немудреная мебель занимала всю клетушку.

Почти сразу Фирмен услышал за дверью голоса. Мужской голос сказал: «Согласен, пусть кофе. В кафетерии через полчаса». В замке повернулся ключ, и Фирмен не расслышал ответа. Внезапно раздался взрыв смеха.

Низкий мужской голос произнес:

— Ну да, и еще сотню, и тогда нам придется в поисках мест лезть под землю!

Дверь отворилась, и в палату, все еще слегка улыбаясь, вошел бородач в белом пиджаке. При виде Фирмена лицо его приняло профессиональное выражение.

— Прилягте, пожалуйста, на кушетку,— сказал он вежливо, но с несомненной властностью.

Фирмен ни единым жестом не показал, что собирается повиноваться.

— Раз уж я здесь,— сказал он,— может быть, вы мне объясните, что все это значит?

Бородач принялся отпирать шкафчик. Он бросил на Фирмена усталый, но в то же время насмешливый взгляд и поднял брови.

— Я не лектор, а врач,— ответил он.

— Я понимаю. Но ведь...

— Да-да,— сказал врач, беспомощно пожимая плечами.— Я знаю. Вы вправе спросить и все такое. Ей-богу, вам должны были это разъяснить до того, как вы сюда попали. Это просто не моя работа.

Фирмен продолжал стоять. Врач сказал:

— Будьте умницей, ложитесь на кушетку, и я вам все расскажу.

Он снова отвернулся к шкафчику.

У Фирмена мелькнула мысль — не попытаться ли скрутить врача, но он тут же сообразил, что, должно быть, до него об этом думали тысячи десяточников. Наверняка существуют какие-то меры предосторожности. Он улегся на кушетку.

— Академия,— заговорил врач, не переставая копошиться в шкафчике,— это закономерное порождение нашей эпохи. Чтобы понять ее, надо сначала понять свой век.— Врач выдержал драматическую паузу и со смаком продолжал: — Вменяемость! Однако с вменяемостью, особенно с социальной вменяемостью, неразрывно связано чудовищное напряжение. Как легко повредиться в уме! И, единожды повредившись, человек начинает переоценивать ценности, у него появляются странные надежды, идеи, теории.. потребность действия. Все это само по себе может и не быть патологией, но в результате неизбежно вредит обществу, ибо сдвиг в каком бы то ни было направлении опасен для стабильного общества. Ныне, после тысячелетий кровопролития, мы поставили перед собой цель — защитить общество от патологической личности. Поэтому каждая личность должна избегать тех умственных построений, тех безмолвных решений, которые делают ее потенциально опасной: грозят переменами. Подобное стремление к стабильности, являющейся нашим идеалом, требует чуть ли не сверхчеловеческой силы и решимости. Если в вас нет этих качеств, вы кончите здесь.

— Мне все же не ясно...— начал Фирмен, но врач его перебил:

— Отсюда очевидна необходимость Академии. На сегодняшний день по-настоящему гарантирует вменяемость лишь хирургическая операция мозга. Однако человеку неприятна даже мысль об этом — только дьявол мог предложить такой выбор. Государственная хирургия мозга приводит к гибели первоначальной личности, а это самая страшная смерть. Академия старается ослабить напряжение, предлагает другую альтернативу.

— Но что это за альтернатива? Почему вы скрываете?

— Откровенно говоря, большинство предпочитает оставаться в неведении.— Врач запер шкафчик, но Фирмену не было видно, какие инструменты он оттуда достал.— Поверьте мне, ваша реакция нетипична. Вы предпочитаете думать о нас как о мрачной, таинственной, грозной силе. Это из-за вашего безумия. Здравомыслящие люди считают нас панацеей, приятно-туманным избавлением от жестокой определенности. Они ве-

рят в нас, как в Бога.— Врач тихонько хмыкнул.— Большинству людей мы представляемся раем.

— Почему же вы храните свои методы в тайне?

— Откровенно говоря,— ласково ответил врач,— даже райские методы лучше не рассматривать слишком пристально.

— Значит, все это обман? — воскликнул Фирмен, пытаясь сесть.— Вы хотите меня убить!

— Ни в коем случае,— заверил врач и мягким движением заставил его лечь.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Увидите.

— А почему отсюда никто не возвращается?

— Не желают,— ответил врач. Прежде чем Фирмен успел шевельнуться, врач ловко всадил ему в руку иглу шприца и впрыснул теплую жидкость.

— И помните,— сказал он,— надо защищать общество от личности.

— Да,— сквозь дремоту отозвался Фирмен,— но кто защитит личность от общества?

Очертания предметов в палате расплылись, и, хотя врач что-то ответил, Фирмен не расслышал слов — знал только, что они мудры, уместны и очень истинны.

Придя в себя, он заметил, что стоит на огромной равнине. Всходило солнце. В тусклом свете к ногам Фирмена льнули клочья тумана, а трава под ногами была мокрой и упругой.

Фирмен вяло удивился, увидев, что рядом, по правую руку от него, стоит жена. Слева к его ноге прижался чуть дрожащий Спид. Удивление быстро развеялось, потому что перед битвой здесь, возле хозяина, и полагалось быть жене и псу.

Впереди движущийся туман распался на отдельные фигурки, и Фирмен узнал их, когда они приблизились.

То были враги! Процессию возглавлял роботворецкий; в полутьме он мерцал зловещим нечеловеческим блеском. Там был и Морган, который, обращаясь к начальнику отдела, истерически вопил, что Фирмен должен умереть; а запуганный Флинн, бедняга, прятал лицо, но надвигался на него. Там была и домовладелица, которая пронзительно кричала: «Нет ему жилья!» А за ней шли врачи, дежурные, охранники, а за ними шагали миллионы в грубых рабочих спецовках; кепки у них были надвинуты на глаза, газеты скатаны в тугую трубочку.

Фирмен подобрался в ожидании решительного боя с врагами, которые его предали. Однако в мозгу шевельнулось сомнение. Наяву ли все это?

Внезапно он с отвращением увидел как бы со стороны свое одурманенное наркотиками тело, лежащее в нумерованной

палате Академии, в то время как дух его невесть где сражается с тенями.

Я вполне нормален! В минуту полного просветления Фирмен понял, что надо бежать. Не его удел — бороться с призрачным противником. Надо вернуться в настоящий мир. Status quo не будет длиться вечно. Что же станется с человечеством, из которого вытравили силу, инициативу, индивидуальность?

Из Академии никто не выходит? А вот он выйдет! Фирмен попытался вырваться из-под власти наркотического бреда, он почти ощущал, как ворочается на кушетке его никому не нужное тело, как он стонет, заставляя себя встать...

Но призрачная жена схватила его за руку и указала вдаль. Призрачный пес зарычал на надвигающегося противника.

Мгновение было безвозвратно упущено, хотя Фирмен этого так никогда и не понял. Он позабыл о своем решении вырваться, позабыл о земле, позабыл о правде, и капли росы окропили его ноги, когда он ринулся в жестокую схватку с врагом.

Носитель инфекции

Эдвард Экс проснулся, зевнул и потянулся. Потом покосился на солнечный свет, льющийся через открытую восточную стену его однокомнатной квартиры, и позвал одежду.

Она не подчинилась! Экс прогнал сон и повторил приказ. Но дверь шкафа осталась закрытой, а одежда не двигалась. Основательно встревоженный, Экс вскочил с кровати. Он вновь начал было формулировать ментальную команду, но остановил себя. Нельзя паниковать. Если одежда не подчиняется, значит, в этом виновато его полусонное состояние.

Экс неторопливо повернулся и подошел к восточной стене. Он откатил ее ночью и сейчас остановился там, где обрывался пол, и взглянул на город.

Было раннее утро. Молочники ужс разносили молоко по террасам. Мужчина в вечернем костюме пролетел мимо, как раненая птица. Пьян, заключил Экс по неуверенной левитации. Мужчина накренился, увернулся от молочника и, недооценив высоту, упал с двух футов. Чудом сохранив равновесие, он потряс головой и продолжил свой путь пешком.

Экс ухмыльнулся, наблюдая, как тот, покачиваясь, брел по улице. Там для него будет безопаснее. Никто не пользуется улицами, кроме нормалов или психов, которые по какой-ни-

будь причине решили прогуляться. Но лавировать в таком состоянии... Либо его зажмет телепортационный парашют, либо он свернет себе шею между домами.

За окном пролетел разносчик газет. Из кармана на его бедре высовывались защитные очки. Паренек выровнял дыхание и взлетел к особняку, выстроенному на крыше двадцатиэтажного небоскреба.

«Особняк,— думал Экс,— вот это жизнь!» Он жил на четвертом этаже такого старого здания, что здесь была даже лестница с лифтом. Вот когда он закончит Университет Микровски... когда получит степень...

Но сейчас не время мечтать. Мистер Оплен не любил опозданий, а работа в его магазине позволяла продолжать учебу.

Экс открыл стенной шкаф и оделся. Потом, совершенно спокойно, приказал постели застелиться. Одеяло наполовину приподнялось и упало назад на кровать. Экс сердито повторил приказ. Простыни лениво разгладились, одеяло медленно поползло на место. Подушка двигаться не желала.

После пятого приказа подушка легла в изголовье кровати. Уборка постели заняла пять минут. Обычно на это требовались секунды.

Ужасная мысль потрясла Экса, его колени задрожали. Он был не в состоянии управлять простейшей телепортацией! Это — болезнь.

Но почему? Как она началась? Он не испытал никаких необъяснимых напряжений, не ломал голову над безнадежными проблемами. Он только начал жить в свои двадцать шесть! Занятия в университете шли успешно. Его главный показатель был в первой десятке; а показатель восприимчивости — у высшего уровня Спящего. Почему это должно было случиться с ним? Почему именно его угораздило подхватить последнюю оставшуюся на Земле болезнь?

— Будь я проклят, если плохо себя чувствую,— сказал Экс громко и вытер с лица пот.

Он быстро скомандовал стене закрыться, и она сделала это! Мысленной командой он открыл кран, поднял стакан, наполнил его и поднес к себе, не уронив ни капли.

— Временная блокада,— сказал он сам себе,— флюктуация. Возможно, я просто перезанимался. Больше общения — вот что мне надо.

Он послал стакан назад, любуясь его скольжением по воздуху и игрой солнечных бликов на гранях.

— Я так же хорош, как и вчера,— сказал Экс.

Стакан упал и разбился.

— Просто временное потрясение,— придумал он новое оправдание.

Конечно, следует обратиться в службу пси-здоровья для проверки. Если твои пси-возможности не в порядке — не медли. Иди на обследование.

Но агенты службы пси-здоровья нервные ребята. Если он попадется им на глаза, ему гарантировано несколько лет лечения в одиночке. И все — ради безопасности.

Это будет конец. Экстраверт в высшей степени, Экс понимал, что никогда не сможет выдержать одиночного заключения. Оно полностью разрушит его пси-возможности.

— Тупицы!

Выругавшись, Экс подошел к отодвигающейся стене, посмотрел вниз, напрягся и выпрыгнул. В какое-то ужасное мгновение ему показалось, что утрачены даже основы искусства левитации. Но он взял себя в руки и полетел к магазину мистера Оплена. Летел Экс неуверенно, как раненая птица.

Штаб-квартира службы пси-здоровья располагалась на восемьсот третьем этаже гудящего от активности здания. Посыльные влетали и вылетали в огромные окна, проносились через комнату, чтобы бросить свои отчеты на стол приема. Другие отчеты телепатировались и записывались конторскими девицами с телепатической чувствительностью третьего класса. Образцы телепортировались через окна. Худенькая пси-девушка четвертого класса собирала отпечатанные бумаги и левитировала их через комнату регистрирующим клеркам.

Трое посыльных, смеясь, влетели в окно. Перелетая через комнату, один из них зацепил кипу отчетов.

— Почему вы так неосторожны? — сердито спросила девушка четвертого класса. Ее бумаги упали на пол и пришлось левитировать их назад.

— Извини, сладкая моя,— сказал посыльный, опуская отчет на стол.

Он подмигнул ей, сделал петлю под потолком и вылетел в окно.

— Нервы,— промурлыкала девушка, глядя ему вслед.

Оставленные без внимания бумаги опять стали расползаться.

Конечный продукт всей этой деятельности возвышался на черном столе старшего офицера службы пси-здоровья Пола Мэрина.

— Что-то не так, шеф?

Мэрин поднял взгляд на своего ассистента Джо Леферта и кивнул. Молча он вручил ему пять регистрационных карточек. Это были сообщения о болезнях.

— Джун Мартинелли, официантка. «Серебряная корова», 4543, Бродвей. Наблюдения: нарушение пси-моторных функций. Диагноз: резкая потеря самоуверенности. Заразна. Карантин на неопределенное время.

Остальные донесения были о том же.

— Довольно мало,— сказал Леферт.

Еще одна стопка карточек упала на черный стол. Мэрин их бесстрастно просмотрел.

— Еще шесть.

Он повернулся к большой карте Нью-Йорка и булавками отметил новые точки.

Леферту не было необходимости говорить. Даже не направленная, его мысль была достаточно сильна, чтобы Мэрин ее уловил: «ЭПИДЕМИЯ!»

— Держи это при себе,— сказал низким голосом Мэрин.

Он прошел назад к столу, размышляя, что означают одиннадцать случаев в один день, если обычная норма — один случай в неделю.

— Собери мне все сведения об этих людях,— сказал Мэрин Леферту, вручая ему регистрационные карточки.— Нужен список, с кем они были в контакте за последние две недели. И без шума.

Леферт поспешил уйти.

Мэрин чуть-чуть подождал и послал телепатический вызов Крэндолу, главе проекта Спящего. Обычно такого рода послания проходили через группу телепатически чувствительных девушек. Но Мэрин обладал пси-возможностями невероятной силы. К тому же после многих лет совместной работы у них с Крэндолом было полное взаимопонимание.

— Что такое? — спросил Крэндол. Сопроводительный идентифицирующий образ имел все, даже не поддающиеся описанию особенности человека.

Мэрин быстро обрисовал ситуацию.

— Я хочу, чтобы ты разобрался, случайный это разброс или мы имеем дело с носителем инфекции,— закончил он.

— За это с тебя причитается ужин,— телепатировал Крэндол. На самой периферии ощущений чувствовалось, что он сидит на молу и рыбачит.— Ужин в «Орлах».

— Хорошо. У меня все данные. Пять тридцать подходит?

— Мой мальчик! Давай, пожалуйста, в шесть тридцать. Человеку моей... э-э... комплекции не пристало левитировать слишком быстро.— Завершающий образ представлял собой чрезвычайно туго набитую колбасу.

— Тогда до шести тридцати.

Контакт завершился. На мгновение Мэрин пожелал стать медиком из прошлого. Там бы у него был хороший жирный микроб для охоты.

Диагноз: «РЕЗКАЯ ПОТЕРЯ САМОУВЕРЕННОСТИ». Попробуй рассмотреть это под микроскопом.

Мэрин вспомнил об официантке. Первый случай. Возможно, она ставила тарелки. Сомнения пустили корни в ее мозгу за несколько часов до этого, за несколько минут... Расцвели... Тарелки упали. И сейчас девушка серьезно больна последней болезнью человечества. ПОТЕРЯ КООРДИНАЦИИ ДВИЖЕНИЙ. Ей придется отправиться в одиночку, чтобы не заражать других. На какой срок? День, год, жизнь?

Между тем некоторые из ее клиентов могли заразиться. И принести болезнь своим женам...

Мэрин сел прямо и послал телепатический вызов жене. Ее ответные мысли пришли быстро и были наполнены теплотой.

— Хэлло, Пол!

Он сообщил ей, что будет работать допоздна.

— Хорошо,— сказала она, но во всех сопутствующих мыслях чувствовалось смущение. Ей очень хотелось узнать, в чем дело, но она понимала, что муж не может ответить, и не спросила.

— Ничего серьезного,— коротко ответил Мэрин на невысказанный вопрос и тут же пожалел. Ложь, неправда, полуправда, даже маленький обман с самыми лучшими намерениями телепатировались отвратительно. Тем не менее он не взял свои слова обратно.

В пять часов служащие отделов откладывают свои бумаги и устремляются к окнам, чтобы лететь домой в Уэстчестер, Лонг Айленд и Нью-Джерси.

— Порядок, шеф,— сказал Леферт, подлетая к столу с толстым портфелем в руках,— больше никого?

— Я бы хотел, чтобы ты был наготове,— сказал Мэрин, взяв портфель,— добавь еще агентов.

— Хорошо. Что-то должно стрястись?

— Не знаю. Иди лучше ужинать.

Леферт кивнул. Его глаза заблестели, и Мэрин понял, что Леферт уже успел телепатировать жене в Гринвич, чтобы к ужину его не ждали.

Мэрин чувствовал себя очень одиноко. Только он и эта возможная эпидемия.

Точно в шесть двадцать Мэрин взял портфель и полетел к «Орлам».

Ресторан «Орлы» висел на высоте двух тысяч футов над Нью-Йорком, опираясь на спины двухсот мужчин. Мужчины были

рабочими первого класса пси, прошедшими правительственную проверку. Приближаясь, Мэрин увидел их под фундаментом здания. Ресторан плавал, легко поддерживаемый необыкновенной пси-силой.

Мэрин спустился за столик почетных гостей.

— Приветствую вас, мистер Мэрин,— сказал главный официант.— Вы должны посещать нас иногда и в других местах. Если будете в Майами, то помните, «Орлы» есть и там. Еда высшего качества.

И цены высшего качества, подумал Мэрин, заказывая мартини. Владелец «Орлов» был баловнем судьбы. Воздушные рестораны стали обычным явлением, но ресторан «Орлы», первый среди них, все еще оставался самым популярным. А его хозяин ухитрялся не платить даже налог с собственности, так как после закрытия ресторана улетал на свою базу в Пенсильвании.

Терраса начала приподниматься, когда прибыл запыхавшийся и вспотевший Крэндол.

— Боже мой,— выдохнул он, садясь,— почему больше нет самолетов? Всю дорогу дул встречный ветер. Виски со льдом.

Официант поспешил за заказом.

— Что у тебя так неожиданно появилось к выходному? — спросил Крэндол.— Полеты на длинные дистанции — для сильных молодых обезьян. А я работник умственного труда. Как твоя жена?

— Так же,— сказал Мэрин и бесстрастно улыбнулся.

Он заказал обед и вручил Крэндолу портфель.

— Гм-м.

Крэндол склонился над страницами. По мере запоминания информации его породистое лицо с резкими чертами приобретало все более рассеянное выражение.

Пока Крэндол читал, Мэрин окинул взглядом террасу. Солнце уже почти зашло, стемнело. Под ними светились огни Нью-Йорка, а над ними поблескивали звезды.

Быстро перелистывая страницы, Крэндол забыл про свой суп. Еще до того как суп остыл, все было просмотрено.

— Так-так, о чем мы будем говорить?

Лучший среди пси-вычислителей, Крэндол как никто другой подходил на место главы проекта Спящего. Подобно другим вычислителям, он выполнял свою работу машинально, не обращая внимания на данные, когда память их усваивала. Бессознательно информация поглощалась, проверялась, сравнивалась, синтезировалась. За несколько минут или часов получался ответ. Но, помимо огромного таланта, Крэндол обладал

недостатками. Он не мог выдержать, к примеру, тест на левитацию, предназначенный для разносчиков газет. А о телепортационных и телекинетических способностях вообще не могло быть и речи.

— Есть что-нибудь новое о Спящем? — спросил Мэрин.

— Все еще спит. Кое-кто из наших ребят сварганил технику подсознательной инфильтрации. Через пару дней будут пробовать.

— Думаешь, сработает?

Крэндол засмеялся.

— Я предсказал вероятность один к одному. Высока, если сравнивать с предыдущими попытками.

Крэндолу подали речную форель, свежую, телепортированную чуть ли не из горного ручья. За ней последовало мясо для Мэрина.

— Ты думаешь, что-нибудь подействует? — спросил Мэрин.

— Нет.— Лицо Крэндола стало серьезным.— Я не верю, что Спящий когда-нибудь проснется.

Мэрин нахмурился. Проект Спящего был самым важным и наименее удачным. Он начался около тридцати лет тому назад. Пси стало нормой, но все еще было непредсказуемо. Оно прошло долгий двухсотлетний путь от экспериментов Райна по экстрасенсорному восприятию, но идти надо было намного дальше.

Микровски приобрел множество талантов с пси-точки зрения. Чрезвычайно чувствительный, с пси-возможностями на уровне гения, он был самым выдающимся человеком своего времени.

С людьми, подобными Крэндолу, Майерсу Блэйсенку и другим, Микровски возглавлял телекинетические проекты, исследовал теорию мгновенного переноса в телепортации и проверял наличие новых, еще не открытых пси-возможностей.

В свободное время он работал над собственными любимыми идеями и основал Школу парапсихологических исследований, названную позднее Университетом Микровски.

То, что ДЕЙСТВИТЕЛЬНО случилось с Микровски, обсуждалось годами. Однажды Крэндол и Блэйсенк обнаружили его лежащим на диване с пульсом слабым настолько, что его почти нельзя было обнаружить. Вернуть его к жизни не удалось.

Микровски всегда верил, что разум — самостоятельная, отличающаяся от тела сущность. Некоторые считали, что он открыл технику проективного отделения разума от тела.

Но ему разум не удалось возвратить.

Кое-кто утверждал, что разум Микровски сломался из-за перенапряжения и его хозяин погрузился в состояние катато-

нии. В любом случае периодические попытки разбудить его оказывались безуспешными. Крэндол, Майерс и еще несколько человек поддерживали проект и получали для него все, в чем только возникала нужда. Огромная ценность гения Микровски была общепризнана.

Там, где лежало тело Спящего, выросло надгробие, ставшее Меккой для туристов.

— Есть у вас идеи, что он мог искать? — спросил Мэрин.

— Не думаю, что он сам знал это,— ответил Крэндол, принимаясь за шерри.— Чертовски странный человек, самый странный в мире. Не любил говорить о деле до тех пор, пока не мог швырнуть его тебе в лицо законченным. Ни у кого из нас не было причин подозревать, что такое могло случиться. Мы были уверены, что звезды и бессмертие ждут нас уже за углом.— Он покачал головой.— Ах, молодость, молодость...

За кофе Крэндол поднял глаза, поджал губы и нахмурился. Произошел синтез усвоенных им данных. Сознательная часть его разума получила ответ тем способом, который раньше называли интуицией, до тех пор пока пси-исследования не связали это темное явление с подсознательным мышлением.

— Знаешь, Мэрин, определенно мы имеем дело с разрастающейся эпидемией. Это не случайный разброс.

Мэрин почувствовал, как в груди все сжимается. Он телепатировал короткий вопрос:

— Есть разносчик инфекции?

— Есть.— Крэндол мысленно отметил имя в своем списке. Его подсознание произвело корреляцию частотных факторов, табулировало вероятность и выдало: — Его зовут Эдвард Экс. Он студент, живет на 4-й авеню, 141.

Мэрин немедленно телепатировал Леферту приказ взять Экса.

— Оставь,— вмешался Крэндол.— Я думаю, что его нет. Вот вероятный расчет его перемещений.

— Все равно, сначала проверь дом,— сказал Леферту Мэрин.— Если его там нет, проверь следующую вероятность. Я встречусь с тобой внизу в городе, если вы его выследите.— Он разорвал контакт и повернулся к Крэндолу.— Я могу рассчитывать на ваше сотрудничество? — Это был в какой-то мере даже не вопрос.

— Разумеется,— уклончиво ответил Крэндол,— здоровье в первую очередь. А Спящий и не собирается шевелиться. Я сомневаюсь, что так уж трудно окажется взять Экса. Сейчас он должен быть полным калекой.

При посадке Экс потерял равновесие и тяжело упал на колени. Он поднялся, отряхнулся и пошел пешком. Неаккуратная левитация, отметил он про себя. Значит, ЭТО продолжается.

Трущобы Нью-Йорка были заполнены нормалами, людьми, не владевшими даже основами пси-энергетики. Всю эту массу народа никогда не видели в более респектабельных районах города. Экс смешался с толпой, чувствуя себя в большей безопасности.

Внезапно он обнаружил, что голоден. Зайдя в закусочную, он уселся у пустого прилавка и заказал гамбургер. У повара уже был один готовый. Телепортировав гамбургер на тарелку, повар, не глядя, легко опустил ее перед Эксом.

Тот мысленно выругал повара: ему хотелось кетчупа. Он надеялся, что бутылка сама заскользит по прилавку; но она не сдвинулась с места. Пришлось протянуть руку. Делая такие ошибки, надо следить за каждым своим шагом.

Экс начал постигать, что значит быть калекой.

Покончив с едой, он вытянул руку ладонью вверх, ожидая, что на нее опустятся деньги из кармана. Но они, конечно, не опустились. Экс медленно выругался. Он так часто делал это... Казалось невозможным утратить одновременно все свои способности.

Но он уже знал, что утратил их. Так решила бессознательная часть его разума, и никакая внушенная самоуверенность помочь не могла.

Повар смотрел на него с удивлением. Эксу пришлось полезть в карман, найти деньги и заплатить. Он попытался улыбнуться и поспешил уйти.

Чудной парень, решил повар. Он уже перестал думать об этом, но далеко в глубине разума продолжал оценивать увиденное. Невозможность командовать бутылкой... Невозможность командовать монетами...

Экс вышел на переполненную грязную улицу. Ноги начали болеть. В жизни он не ходил так много. Вокруг перемешались нормалы и пси. Нормалы ходили так, как ходили всю жизнь. Пси, непривычные к длительным пешим прогулкам, выглядели неуклюже. С облегчением они взмывали в свою привычную стихию — воздух. Люди приземлялись и взлетали, воздух был заполнен телепортируемыми объектами.

Оглянувшись назад, Экс увидел хорошо одетого мужчину. Тот спустился на землю, остановил одного из гуляющих пси, поговорил с ним и пошел восвояси.

Агент службы здоровья! Экс догадался, что его выследили. Он повернул за угол и побежал.

Чем дальше он бежал, тем темнее становились улицы. С трудом переставляя гудящие ноги, Экс попытался левитировать, но не смог даже оторваться от земли.

В панике он пытался телепатировать друзьям. Бесполезно. Телепатические возможности тоже исчезли.

Шок накрыл его, как океанская волна. Экс наткнулся на фонарный столб и остановился. Пришло полное понимание.

В мире, где люди летали, он был привязан к земле.

В мире телепатических контактов он мог общаться лишь неуклюжими словами на расстоянии слышимости.

В мире, где не было нужды в искусственном свете, он мог видеть лишь тогда, когда это позволяли его глаза.

Калека. Слепой, глухой, немой.

Он шел вперед по сужающимся улицам, по грязноватым сырым переулкам. У него было лишь одно преимущество. Неполноценный мозг не транслировал сильную идентификационную волну. Это затрудняло поиски.

Экс решил, что ему необходимо убежище. Какое-нибудь место, где он никого не сможет заразить, а офицеры службы здоровья не смогут его найти. Возможно, ему удастся снять жилье у нормалов. Он мог бы остаться там и разобраться, что с ним не так, подлечиться. К тому же он не может быть один. Нормалы — это лучше, чем отсутствие людей вообще.

Экс дошел до конца переулка, где улицы переплетались. Автоматически он включил свои чувства локации, пытаясь узнать, что впереди.

Бесполезно. Они были парализованы, так же мертвы, как и все остальное. Но правый поворот казался безопасным. Он направился туда.

— Не надо!

Экс закружился, напуганный произнесенными словами. Из подъезда к нему выбежала девушка.

— Меня ждут? — спросил Экс. Его сердце колотилось.

— Офицеры службы здоровья. Они знают, что ты повернешь направо. Что-то говорили насчет твоего правостороннего тропизма, я в этом не разбираюсь. Иди налево.

Экс посмотрел на девушку. Сначала он подумал, что ей около пятнадцати, но потом увеличил ее возраст до двадцати. Маленькая, стройная, с большими темными глазами на худеньком лице.

— Почему ты мне помогаешь?

— Мне поручил мой дядя,— ответила девушка.— Спеши.

Времени для дальнейшей аргументации не было. Экс побежал по переулку за девушкой, беспокоясь, что не успеет за ней.

Девушка была из нормалов, если судить по ее уверенным широким шагам. Но как она могла перехватить разговор офицеров службы здоровья? Почти наверняка он телепатирован узким лучом. Возможно, ее дядя?

Переулок кончился двором. Экс вбежал и остановился. С крыши зданий летели вниз люди. Кольцо окружения сжималось.

Офицеры службы здоровья!

Экс оглянулся, но девушка мчалась назад по переулку. Экс прислонился спиной к зданию, удивляясь, как можно так сглупить! Именно так они обычно берут людей. Спокойно, чтобы никого не заразить.

Проклятая девчонка! Он собрался бежать, но больные ноги не слушались.

Как и предсказывал Крэндол, подумал шеф службы здоровья.

— Держите его за руки и за ноги.

Вися в футах пятидесяти над землей, Пол Мэрин наблюдал за операцией.

Он смотрел без жалости. Агенты действовали осторожно. Зачем использовать против жертвы силу своих умов? А кроме того, он же калека.

Они уже почти взяли его, когда...

Экс стал постепенно исчезать. Мэрин спустился пониже, не веря своим глазам. Экс растворялся в стене, становился ее частью, таял.

Потом его не стало...

— Ищите дверь! — телепатировал Мэрин.— И проверьте тротуар!

Пока агенты производили осмотр, Мэрин размышлял над увиденным. Поиски дверей — оправдание для его агентов. Хорошо, если они думают, что человек исчез через потайную дверь. На пользу их уверенности в себе, их здравомыслию не пойдет, если они поверят в то, что случилось на самом деле.

Калека Экс растворился в стене.

Мэрин приказал обыскать здание. Но там не было ни следа ни Экса, ни волн его мозга. Он исчез, будто его никогда не было.

Но как? — спросил себя Мэрин. Кто-то помог ему?

Кто мог помочь заразному?

Первое, что увидел Экс, когда пришел в сознание, была потрескавшаяся оштукатуренная стена прямо перед ним. Он смотрел на нее долго, наблюдая, как пылинки плавают в воздухе над кроватью, покрытой изорванным коричневым одеялом.

Кровать! Он сел и огляделся. Это была маленькая розовая комната. По потолку бежали длинные трещины. Единственным предметом мебели, не считая кровати, был простой деревянный стул, стоящий у полуоткрытой двери.

Но как он сюда попал? Экс помнил события прошлой ночи. Да, скорее всего, это была прошлая ночь, подумал он. Белая стена, офицеры службы здоровья... Наверное, его спасли. Но как?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил от дверей девичий голос. Экс повернулся и узнал бледное выразительное лицо. Это была девушка, предупредившая его прошлой ночью.

— Я чувствую себя хорошо. Но как я здесь очутился?

— Мой дядя перенес тебя,— ответила девушка, входя в комнату.— Ты, должно быть, голоден.

— Не особенно.

— Тебе надо поесть. Мой дядя говорил, что дематериализация — значительная нагрузка на нервную систему. Знаешь, именно так он спас себя от пси.— Она помолчала.— Я могу принести тебе очень хороший бульон.

— Он ДЕМАТЕРИАЛИЗОВАЛ меня?

— Он может делать разные вещи наподобие этого,— сказала девушка безмятежно.— Такая власть пришла к нему после смерти.— Она открыла окно.— Так принести тебе бульон?

Экс недовольно посмотрел на нее. Ситуация становилась все более ирреальной именно тогда, когда он нуждался в четком понимании действительности... Эта девушка, кажется, считает совершенно нормальным иметь дядю со способностями и энергией для дематериализации, хотя пси-наука никогда ничего не знала об этом.

— Принести бульон? — опять спросила девушка.

— Нет,— ответил Экс.

Он заинтересовался, почему она так упорно предлагает ему еду. Внешность девушки ни о чем ему не говорила. Она была достаточно симпатична даже в дешевеньком, ни на что не претендующем платье. У нее были необычные черные глаза и необычно холодное выражение лица. А точнее — отсутствие выражения.

На некоторое время Экс придержал свои опасения и спросил:

— Твой дядя — пси?

— Нет, мой дядя не обладает пси-энергией. Его сила — духовная.

— Ясно,— сказал Экс и подумал, что это и есть ответ.

В течение всей истории люди предпочитали верить, что их природный пси-талант был результатом вмешательства демона.

Странная энергия была даром дьявола, пока пси не отрегулировали и не объяснили. Но даже в эти дни находились наивные нормалы, люди, предпочитающие верить, что случайные вспышки колоссальной силы — порождение духа. Очевидно, дядя попадал в эту категорию.

— Давно ли твой дядя может делать подобные вещи? — спросил Экс.

— Только около пяти лет. С тех пор, как умер.

— Совершенно верно,— раздался голос. Экс быстро оглянулся. Голос как будто шел из-за спины.— Не ищи. Единственное в этой комнате — мой голос. Я дух дяди Кари — Джóна.

Экс испытал короткий приступ паники, но потом понял трюк. Это был, конечно, телепатированный голос, умело сфокусированный, чтобы создать эффект речи. Телепатированный голос может означать только одно: это пси, выдающий себя за духа.

— Мистер Экс,— сказал голос, умело симулируя произнесенные слова,— своим вмешательством я спас вас. Вы — пси-калека, заразный. Арест и изоляция — для вас катастрофа. Правда ли это?

— Вполне.

Своими притупившимися чувствами Экс пытался прозондировать источник голоса. Имитация была абсолютной. Никакой признак не указывал на то, что источник — телепатия человека.

— Возможно, вы чувствуете ко мне определенную благодарность? — спросил голос.

Экс посмотрел на девушку. Ее лицо оставалось лишенным выражения.

— Конечно,— ответил он.

— Я знаю ваше желание,— сказал дядя Джон,— вы желаете получить убежище на достаточное время, чтобы восстановить свою энергию. И вы его получите, Эдвард Экс. У вас будет убежище.

— Я вам очень благодарен.

Экс быстро соображал, пытаясь обдумать дальнейший план действий. Притвориться, что он верит в духа? Наверняка телепатирующий пси знает, что человек, обученный в университете, не может принять на веру что-либо подобное. С другой стороны, он может иметь дело с невротиком, разыгрывающим духа по каким-то своим причинам. Экс решил подыграть. Чужие претензии его не касаются. Его дело — убежище.

— Я уверен, вы не откажете мне в одной любезности,— сказал голос.

— Что вы хотите? — Экс немедленно насторожился.

— Я чувствую ваши мысли. Вы думаете, что можете оказаться втянутым в опасное дело. Уверяю, это не так. Хоть я и не всесилен, но обладаю определенной мощью, не известной ни вам, ни пси-науке вообще. Примиритесь с этим фактом. Ваше спасение — лучшее тому доказательство. И примите к сведению, что все это крепко связано с вашими собственными интересами.

— Когда я должен буду выполнить поручение? — спросил Экс.

— Когда придет время. А сейчас до свидания, Эдвард Экс.

Голос умолк.

Экс сел на стул. А что, если дядя — пси-мутант? Следующий уровень эволюции. Что тогда?

Кари вышла и вернулась с супом.

— Кто был твой дядя? — спросил Экс у девушки.— Что за человек?

— О, он был очень хороший человек,— сказала девушка, осторожно разливая суп,— сапожник. Он взял меня к себе после смерти моего отца.

— Обнаруживал ли он какие-нибудь признаки пси-энергии? Или другой необычной энергии?

— Нет, он вел спокойный образ жизни. Это началось, только когда он умер.

Экс с жалостью посмотрел на девушку. Ее участь была самой печальной. Пси, без сомнения, прочел ее разум и обнаружил, что дядя умер. А теперь использует ее как пешку. Жестокая игра.

— Пожалуйста, ешь суп,— сказала девушка.

Экс автоматически принялся за еду, глядя ей в лицо. Потом его рука опустилась.

— И ты ешь,— сказал он.

Первые признаки румянца появились на щеках девушки. Словно извиняясь, она принялась за суп, даже немного расплескав его от волнения.

Парусная шлюпка резко накренилась, и Мэрину пришлось на фут опустить главный парус, чтобы добиться равновесия. Жена, сидящая на носу шлюпки, качнулась к нему, наслаждаясь этим ныряющим движением.

Внизу можно было видеть гряду грозных туч, рождение шторма.

— Давай устроим пикник на тех облаках, вон там.

Майра указала на участок перистых облаков, ярко отражающих солнечные лучи над грозовыми тучами. Мэрин изменил курс. Жена легла на носу, вытянув ноги к мачте.

Едва заметив это, Мэрин принял на себя полный вес лодки. Все легкое снаряжение весило двести фунтов вместе с парусами. Суммарный вес его и Майры добавил еще двести шестьдесят фунтов, а тестированные возможности Мэрина левитировать превышали две тонны.

Почти всю работу делал ветер. Управляющие лодкой должны были лишь прилагать достаточное усилие, чтобы удерживать ее в воздухе. Ветер нес их как белое перышко.

Мэрин не мог забыть разносчика инфекции. Куда мог исчезнуть Экс? Дематериализация? Невозможно! Но это было.

Экс в стене. Прошел и...— никакого отверстия.

— Прекрати думать,— сказала Майра.— Доктор велел тебе не думать сегодня ни о чем, кроме меня.

Мэрин знал, что у него не было ни утечки мыслей, ни каких-либо изменений в выражении лица. Просто Майра очень чувствительна к его настроению. Ему не надо было делать какую-нибудь веселую гримасу, чтобы показать, что он счастлив, или плакать, чтобы продемонстрировать грусть.

Мэрин остановил легкую лодку среди облаков и, сориентировавшись по ветру, спустил парус. Они устроили пикник на носу. Мэрин осуществил большую часть левитации, хотя Майра тоже пыталась... деликатно.

Так она пыталась уже семь лет после частичного заражения от носителя инфекции. Хотя пси-возможности никогда не покидали ее полностью, они были судорожными.

Еще одна причина для охоты на Экса.

Сандвичи Майры были очень похожи на нее: маленькие и красивые. И вкусные, подумал Мэрин, телепатируя мысль.

— Зверь,— громко сказала Майра вслух.

Солнце изливало на них тепло своих лучей. Мэрин ощущал удивительную негу. Они вдвоем были распростерты на палубе. Поддержку Мэрин осуществлял чисто рефлекторно. Он отдыхал, как ему не приходилось отдыхать много недель.

— МЭРИН!

Мэрин насторожился, пробужденный от своего полусна телепатированным голосом.

— Пойми, мне ужасно жаль, парень.— Это был Крэндол, надоедающий и извиняющийся.— Я ненавижу портить тебе отдых, но у него есть след. Чертовски занятный след. Очевидно, наш носитель инфекции не нравится кому-то еще. Мне сообщили, где он будет в четыре часа.

— Я иду,— сказал Мэрин,— мы не можем позволить себе пропустить хоть что-то.— Он разорвал контакт и обернулся к жене.— Пожалуйста, извини меня, дорогая.

Она улыбнулась. В ее глазах ясно читалось понимание. Майра не попала в узкий луч послания Крэндола, но сумела разобраться, что к чему.

— Ты сможешь опустить все это? — спросил Мэрин.

— Конечно. Счастливой охоты.

Мэрин поцеловал ее и выпрыгнул из лодки. Несколько секунд он следил, удается ли ей удерживать лодку под контролем. Потом телепатировал в службу проката:

— Моя жена все вам вернет, присматривайте за ней.

Мэрин резко бросился вниз. Он был настолько занят расчетами темпов разрастания болезни, что едва успел вовремя увидеть кинжал.

Клинок пронесся мимо, потом развернулся в двадцати футах и опять атаковал. Мэрин попытался достать его мысленно, но телекинетически управляемый клинок вырвался. Все же он чуть-чуть отклонил его, зацепив, и наконец взял в руки. Тут же Мэрин попытался обнаружить владельца, но тот исчез без следа.

Но не совсем. Мэрину удалось ухватить самый кончик идентификационной волны нападавшего, хуже всего поддающейся контролю. Он задумался над ней, пытаясь воссоздать образ. И он его получил.

Экс!

Экс! Калека! Слепой Экс, заразный, исчезнувший в стене. Он же, очевидно, смог трусливо направить кинжал.

Или кто-то сделал это вместо него.

Угрюмо, с возрастающей уверенностью, что дело усложняется, Мэрин левитировал в отдел пси-здоровья.

Эдвард Экс неподвижно лежал в полутемной комнате на изорванном коричневом одеяле. Его глаза были прикрыты. Мускулы ног дрожали. Он старался расслабить их.

«Расслабление — один из ключей к пси-энергии. Полное расслабление возвращает уверенность в себе: страхи исчезают, напряжение испаряется. Расслабление — насущная необходимость для пси»

Произнося этот внутренний монолог, Экс глубоко дышал.

Не думать о болезни. Болезни нет, есть только отдых и расслабление.

Мышцы на ногах стали вялыми. Экс сконцентрировался на своем сердце, приказав ему работать спокойно. Послал приказ легким дышать глубоко и медленно.

Дядя Джон? Он не слышал о нем уже почти два дня. Он не должен о нем думать хотя бы сейчас. Необъяснимый феномен дяди Джона разрешится со временем.

А что с бледной, голодной, привлекательной девушкой? И о ней не думать.

Мысли обо всем неулаженном выталкивались прочь по мере того, как давление углублялось.

Следующее — глаза. Расслабить мышцы глаз тяжело. После образы танцевали на сетчатке. Солнечный свет. Темнота, здание, исчезновение.

Нет. Не думать.

«Мои глаза так тяжелы,— говорил он себе,— мои глаза сделаны из свинца. Желание спуститься, спуститься...»

И глазные мышцы расслабились. Мысли стали холодными, но под самой поверхностью было безумное столпотворение образов и впечатлений.

Калека, затемненная улица. Призрак, которого нет. Голодная племянница. В чем ее голод? Суматоха впечатлений и чувств, вспышка красного и пурпурного цвета, воспоминания о занятиях в Университете Микровски, телеборьба в Палладиуме, свидание у Кайтопа.

«Расслабление — первый шаг к восстановлению».

Экс вызвал голубизну. Все мысли провалились в огромную голубую пропасть.

Медленно он достигал желаемого холода в мозгу. В него начала просачиваться глубочайшая умиротворенность. Медленно, утешающе...

— ЭДВАРД ЭКС!

— Да?

Экс открыл глаза, расслабление оказалось поверхностным. Он осмотрелся и обнаружил, что это был дядин голос.

— Возьмите это.

В комнату влетела маленькая сфера и остановилась перед Эксом. Казалось, она сделана из блестящего твердого пластика.

— Что это? — спросил Экс.

— Вы положите эту сферу внутри нужного мне здания,— сказал голос дяди Джона, игнорируя вопрос.— Оставьте ее за дверью, на столе, в пепельнице — где угодно. Потом возвращайтесь прямо сюда.

— Что сделает ваша сфера? — спросил Экс.

— Не ваша забота, сфера — вершина психического треугольника, сущность которого вы не поймете. Достаточно сказать, что она никому не принесет вреда, а мне окажет огромную помощь.

— Кажется, в городе ищут меня,— сказал Экс,— и возьмут, как только я вернусь в центр.

— Вы забыли о моей помощи, Экс. Вы будете в безопасности, если не свернете с маршрута, который я вам намечу.

Экс колебался. Он хотел знать больше о дяде и его игре. А самое главное, почему он маскируется под духа?

Или он и есть дух?

Если так, то что хочет сделать дух с Землей? Классические сказки о демонах, ищущих временной власти, до смешного переполнены сырым антропоморфизмом.

— Вы оставите меня одного после возвращения?

— Я вам дал слово. Удовлетворите мое желание и будете иметь убежище, в котором нуждаетесь. Сейчас идите. Маршрут у Кари. Она за дверью.

Голос умолк. Даже своими притупленными чувствами Экс смог ощутить исчезновение контакта.

Он пошел к дверям со сферой в руке. Кари ждала.

— Здесь инструкции,— сказала она.

Экс пристально посмотрел на девушку. Утраченные психоспособности... Многое бы он отдал, чтобы узнать, что скрывает это спокойное симпатичное лицо. Пси никогда не утруждали себя чтением лиц. Аура, окружающая каждого индивидуума, была лучшим индикатором.

Если иметь нормальную пси-чувствительность для ее прочтения.

Солнечный свет ослепил Экса после двух дней полутьмы в маленькой комнате. Он замигал и автоматически оглянулся. Вокруг никого не было.

Они молча шли, следуя инструкциям дяди Джона. Экс бросал взгляды направо и налево, уверенный в своей уязвимости перед ищейками.

Инструкция предлагала извилистый и бессмысленный путь, дважды проходящий по одним и тем же улицам, но обходящий другие. У западного Бродвея пришлось выйти из трущоб на территорию пси.

— Твой дядя говорил тебе когда-нибудь, что хочет сделать? — спросил Экс.

— Нет,— ответила Кари.

Они опять пошли молча. Экс пытался смотреть в небо, где в любой момент ожидал увидеть пси-офицеров, падающих, как ангелы-мстители.

— Бывает, я боюсь дяди Джона,— отважилась Кари некоторое время спустя.— Иногда он такой странный.

Экс растерянно кивнул. Он подумал о положении девушки. Действительно, ей было хуже, чем ему. Он знал об игре. Она же использовалась для какой-то неизвестной цели и, возможно, была в опасности.

— Слушай,— сказал Экс,— если что-нибудь случится, знаешь ли ты бар Энглера на углу Листай и Бликера?

— Нет, но я могу найти его.

— Будешь ждать меня там, если что-нибудь произойдет.

— Хорошо, спасибо.

Экс криво усмехнулся. Какой идиотизм с его стороны опекать эту девушку, когда он не может помочь себе!

Они прошли еще несколько кварталов. Потом девушка нервно посмотрела на Экса.

— Есть одна вещь, которую я не могу объяснить,— сказала она.— Ну... Я иногда вижу события, которые только еще должны произойти. Картины чего-то. Я никогда не знаю, когда точно, но через некоторое время это случается.

— Интересно,— сказал Экс,— возможно, ты обладаешь задатками ясновидения и должна пойти в Университет Микровски. Они всегда искали таких людей.

— До сих пор все, что я видела, происходило.

— Прекрасный результат.

Эксу стало интересно, к чему клонит девушка. Ждет похвалы? Нельзя же быть настолько наивной, чтобы считать себя единственным в мире человеком, обладающим скрытым ясновидением!

— Мой дядя тоже до сих пор был прав во всем, что говорил.

— Очень хорошо,— рассеянно сказал Экс.

У него не было времени для семейного панегирика. Они достигли Сороковой улицы, и в воздухе было темно от пси. Пешком шло мало людей, очень мало.

Оставалось пройти два квартала.

— Что мне интересно,— не успокаивалась девушка,— так это когда я вижу, что события пойдут одним путем, а мой дядя предсказывает другое. Кто из нас будет прав?

— Что ты имеешь в виду?

— Мой дядя говорит, что ты будешь в безопасности, а я не согласна.

— Что? — Экс остановился.

— Я думаю, они попытаются захватить тебя сейчас,— сказала девушка.

Экс посмотрел на нее и оцепенел. Не нужно было обладать пси-энергией, чтобы почувствовать себя в капкане.

Люди из службы здоровья уже не были такими нежными. Телепатическая сила сбила его с ног, больно нагнула голову, схватила руки и ноги.

Психически. Ни одна рука не коснулась его.

Экс боролся в слепой ярости. Арест, казалось, избавил его от последних признаков неустойчивости. Он отчаянно попытался разорвать телекинетические путы.

И он почти сделал это. К нему пришла мощь. Он освободил руки, ухитрился подняться в воздух и в неистовстве устремился в высоту.

Но тут же шлепнулся на тротуар.

Опять попытался, приложив сверхчеловеческие усилия...

И потерял сознание...

Последняя мысль мелькнула в мозгу у Экса: дядя надул его... Он точно убьет его, если представится удобный случай.

А потом была чернота.

Встречу в службе здоровья мира созвали сразу же. Мэрин в штаб-квартире в Нью-Йорке открыл специальный канал. Руководители в Рио, Лондоне, Париже, Кантоне собрались на чрезвычайное заседание.

Плотно сжатая Мэрином информация была распространена по миру меньше чем за минуту. И сразу стали поступать вопросы.

— Я хотел бы узнать,— сказал шеф пси-здоровья из Барселоны,— как Экс ДВАЖДЫ убегал от вас?

Мысль сопровождалась его неизменной идентификационной структурой. Лицо шефа из Барселоны было еле различимо: высокий, грустный, усатый. Конечно, не его истинное лицо. Идентификационная структура всегда идеализировала своего хозяина по его желанию, В действительности барселонец был низенький, толстый и чисто выбритый.

— Второй побег — среди бела дня, не так ли? — спросил берлинский шеф.

Члены руководства увидели его идеализированное лицо, широкое и энергичное.

— Действительно. Я не могу это объяснить.— Мэрин сидел за своим черным столом.

— Вот полная последовательность событий.

Телепатирование продемонстрировало сцену за спиной.

После атаки летящего кинжала Мэрин сосредоточил своих людей вокруг точки, где, по словам информатора Крэндола, должен был появиться Экс.

— Этот информатор. Кто...

— Позднее. Дайте закончить.

Полсотни агентов перекрыли весь район. Экс появился вовремя в указанном месте. Поначалу его удерживали с незначительными трудностями, во время борьбы он продемонстрировал легкое нарастание скрытых сил, потом не выдержал...

И вдруг энергетический потенциал Экса увеличился прыжком, подобным взрыву. Экс пропал.

С разрешения Мэрина его воспоминания об этом моменте были извлечены и исследованы более скрупулезно. Картина оставалась неясной. В одно мгновение Экс был — в следующее его не стало.

Показ образов был замедлен до одного в половину секунды. На такой скорости удалось заметить ореол энергии вокруг Экса перед тем, как он исчез. Уровень ее был настолько высок, что источник практически невозможно было определить.

Никакого разумного объяснения этому не было.

Впечатления отдельных агентов, как и предсказывал Мэрин, были просмотрены без какого-либо результата.

— Не потрудится ли нью-йоркский шеф пси-здоровья предложить свои объяснения?

— С тех пор как Экс стал калекой,— заявил Мэрин,— я все время предполагал, что ему кто-то помогает.

— Есть другая возможность,— сказал шеф из Варшавы. Его идеализированный образ появился вместе с мыслями: худой, с белыми волосами, веселый.— Экс наткнулся на какую-то еще не открытую форму пси-энергии.

— Это выходит из сферы возможного,— телепатировал барселонец с грустными глазами.

— Не совсем. Подумайте о появлении первых пси. Они были поначалу дикими талантами. Почему следующая мутация не может стать очередной стадией дикого таланта?

— Ужасное предзнаменование,— сказал шеф из Лондона,— но если так, то почему Экс не использует свою силу для своей выгоды?

— Возможно, он не уверен в ней, возможно, он имеет присущую только ему систему защиты, которая предохраняет его от опасности в стрессовые моменты. Я не знаю,— сказал Мэрин.— Все это, конечно, возможности. Все мы уверены, что существует еще много нетронутых тайн разума. Еще...

— Аргументом против твоей теории,— вмешался варшавянин, телепатируя прямо Мэрину,— является тот факт, что некто, помогающий Эксу, должен обладать сверхэнергией пси. Он должен иметь ее хотя бы для осуществления почти мгновенного исчезновения. Если он сделал это, то как он мог допустить такую случайность...

— Или кажущуюся случайность,— сказал лондонец,— возможна проба сил. Подсовывая Мэрину Экса, такая группа могла предвидеть соотношение между своими возможностями и возможностями всех пси. Повторившаяся невозможность схватить Экса может означать многое.

— Сомнительно,— осторожно сказал Мэрин.

Он находил, что дискуссия интересна, но лишь в академическом плане. Казалось, что она не принесет никакой практической пользы.

— Как насчет информатора, сообщившего Крэндолу? — телепатировал барселонец.— Его спросили?

— Не сумели найти. Он блокировал идентифицирующую мысленную волну, а мы потеряли след.

— Что вы планируете делать?

— Во-первых,— сказал Мэрин,— предупредить вас. В этом основной смысл нашей встречи, ведь носитель может покинуть Нью-Йорк. Показатель болезни перешагнул минимальный эпидемический уровень. Можно предполагать расширение, хотя я и закрываю город.— Он помолчал и вытер лоб.— Во-вторых, я собираюсь лично выслеживать Экса, работая по новой системе вероятности поиска, предложенной Крэндолом. Бывает так, что один человек в состоянии сделать то, чего не могут многие.

Мэрин продолжал обсуждение еще полчаса и разорвал контакт. Он немного посидел, уныло сортируя бумаги. Потом, постаравшись отделаться от чувства безнадежности, отправился к Крэндолу.

Крэндол был в своем отделе в гробнице Спящего. Когда Мэрин влетел, он невразумительно поздоровался и пододвинул стул.

— Я хотел бы посмотреть на твою систему вероятностного поиска,— попросил Мэрин.

— Хорошо,— буркнул Крэндол.— Ничего особенного, просто список улиц и времен.

Для того чтобы получить всю эту информацию, Крэндол произвел корреляцию огромного количества данных. Места исчезновения Экса, его новых появлений, его психологический индекс плюс суммарная корреляция потайных мест, подходящих калеке тем, что в них его невозможно обнаружить.

— Я думаю, у тебя довольно хорошие шансы найти его,— усмехнулся ученый.— Но вот взять — это совсем другое дело.

— Знаю,— ответил Мэрин,— я уже обдумал свое решение.— Он отвел взгляд от Крэндола.— Я должен буду убить Экса.

— Знаю.

— Что?

— Да, ты не можешь рисковать, оставляя его и дальше на свободе. Показатели распространения инфекции растут.

— Действительно. Полиция департамента здоровья помещает в карантин всех больных. Дело касается общественной безопасности. Очевидно, Экс не может быть схвачен. Посмотрим, можно ли его убить.

— Хорошей охоты. Я уверен, что тебе повезет больше, чем мне.

— Что-то со Спящим?

— Последняя попытка провалилась. Даже не пошевелился.

Мэрин нахмурился. Это были плохие новости. Именно сейчас-то им и пригодился бы интеллект Микровски. Он был именно тем человеком, который мог разобраться со всеми этими случаями.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил Крэндол.

Мэрин бросил взгляд на свой вероятностный список и увидел, что до первой встречи на улице остался еще почти час. Он кивнул и последовал за Крэндолом. По тусклому коридору они спустились к лифту, а потом прошли еще один коридор.

— Ты никогда не был здесь? — спросил Крэндол в конце коридора.

— Нет. Но я помогал рисовать план перестройки десять лет тому назад.

Крэндол отомкнул последнюю дверь.

Спящий лежал в ярко освещенной комнате. По трубкам, подходящим к его рукам, подавался питательный раствор, поддерживающий жизнь. Кровать, на которой находился Спящий, медленно массировала его вялые мышцы. Лицо Спящего было белым и ничего не выражающим, как и все последние тридцать лет. Лицо мертвеца. Еще живого.

— Хватит,— не выдержал Мэрин.— Я достаточно поражен.

Они поднялись наверх.

— Учти, улицы, которые я перечислил, находятся в трущобах,— сказал Крэндол,— следи за каждым своим шагом. В таких местах еще встречаются антисоциальные явления.

— Я сам чувствую себя довольно антисоциально,— ответил Мэрин.

Он левитировал к окраине трущоб и там спустился на улицу. Чувствительный тренированный разум был настроен на прием. Мэрин шел в поисках вялой, почти сгладившейся пульсации. Носитель инфекции! Паутина чувств Мэрина растянулась на кварталы, просеивая, ощущая, сортируя.

Если Экс жив и в сознании — он найдет его.

И убьет.

— Ты дурак! Невежа! Слабоумный! — орал на Экса голос, лишенный тела.

Сквозь туман Экс понял, что находится в трущобах, у Кари в комнате.

— Я дал тебе описание пути! — визжал дядя Джон, и его голос отражался от стен.— Ты сделал неправильный поворот!

— Я его не делал.

Экс поднялся. Ему было интересно, как долго он пролежал без сознания.

— Не спорь со мной! Сделал. И ты должен пойти снова.

— Минутку,— спокойно сказал Экс,— я не знаю, в чем ваша игра, но я следовал всем вашим письменным инструкциям. Я поворачивал на всех улицах там, где вы указали.

— Нет!

— Прекратите этот фарс! — крикнул Экс.— Кто вы, черт возьми!

— Иди! — взревел дядя Джон.— Иди, или я убью тебя!

— Не делайте глупостей,— сказал Экс.— Скажите мне, что вам надо. Объясните, что вы предлагаете мне сделать. Объясните! Я не могу работать хорошо, не зная цели.

— Иди,— зловеще сказал голос.

— Не могу,— ответил Экс в отчаянии,— почему бы вам не сбросить эту маску духа и не сказать мне, что вы хотите? Я — обыкновенный человек. Везде офицеры службы здоровья. Они убьют меня. Сначала мне надо восстановить свои возможности. Но я не могу...

— Ты идешь? — спросил голос.

Экс не ответил.

Невидимые руки сдавили шею Экса. Он рванулся. Захват стал крепче. Какая-то сила била Экса об стенку. Он крутился, пытаясь избавиться от безжалостного избиения. Воздух стал живым от переполнявшей его энергии, он давил, швырял, сплющивал...

Мэрин почувствовал возрастание выхода энергии. Он проследил его и зафиксировал. Затем левитировал к месту расположения, пытаясь идентифицировать структуру.

— Экс!

Мэрин проломил непрочную деревянную дверь и остановился. Он увидел скрюченное тело Экса.

В комнате обитала сила берсеркера. Внезапно Мэрин обнаружил, что ему приходится отчаянно сражаться, пытаясь спасти собственную жизнь. Закрывшись, он нанес удар по телекинетической мощи, нараставшей вокруг.

Стул был поднят и брошен в Мэрина. Тот отклонил его, но получил удар сзади кувшином. Кровать пыталась прижать Мэрина к стене. Увернувшись, он получил столом по спине. Лампа врезалась в стену над головой, осыпав его осколками. Метла бросилась под колени...

Защищаясь, Мэрин определил источник пси-энергии. Он был в подвале здания.

Мэрин послал туда волну угроз, стал метать стулья и столы. Атака внезапно прекратилась. Комната напоминала свалку ломаной мебели.

Мэрин оглянулся. Экс опять исчез. Поиски его идентификационной волны тоже были безуспешны.

Человек из подвала?!

И этот исчез. Но остался след!

Мэрин выскочил из окна, направляясь по следу. Обученный такой работе, он держал контакт с ослабленной приглушенной мыслью по мере того, как ее обладатель мчался в город. Погоня шла по извилистому лабиринту зданий и на открытом пространстве.

Если бы только удалось схватить и задержать соучастника! Мэрин постоянно сокращал дистанцию между собой и человеком, помогавшим Эксу и атаковавшим Экса. Тот летел прочь из города, на Запад.

— Стакан пива, пожалуйста,— сказал Экс, стараясь отдышаться. Хорошая получилась пробежка. К счастью, бармен был нормалом, притом довольно флегматичным. Он вяло повернулся к крану.

В глубине бара Экс увидел Кари. Девушка прислонилась к стене. Слава богу, что запомнила! Он заплатил за пиво и направился к ней.

— Что случилось? — спросила Кари, глядя на его помятое лицо.

— Твой хороший дядя пытался убить меня,— скривился Экс,— потом вломился офицер службы здоровья, и я оставил их драться.

Во время драки Экс выскользнул за дверь. Он рассчитывал, что низкая интенсивность мыслей скроет его. Покалеченный, он вряд ли в состоянии излучать идентифицирующие волны. Иногда утрата телепатических способностей оказывалась ценным качеством.

— Не понимаю,— Кари грустно покачала головой.— Ты можешь не поверить, но дядя Джон всегда был хорошим человеком. Это был самый безвредный человек, которого я знала. Не понимаю.

— Это просто,— сказал Экс,— попробуй понять. Он — не дядя Джон. Какой-то пси очень высокого класса под него маскировался.

— Но почему? — спросила девушка.

— Не знаю. Он спасает меня, потом пытается сделать так, чтобы меня схватили, потом пытается убить. Это бессмысленно.

— Что нам делать сейчас?

— Сейчас конец.— Экс допил пиво.

— Разве нет места, куда бы мы могли пойти,— спросила Кари,— где можно спрятаться?

— Я такого не знаю. И тебе лучше идти одной. Я — слишком опасная личность.

— А я не пойду,— заявила она.

— Почему? — поинтересовался Экс.

— Не пойду.

Даже без телепатии Экс мог понять, что имела в виду Кари. Он мысленно выругался. Идея, что девушка тоже каким-то образом отвечает за всю эту историю, ему не нравилась. Служба пси-здоровья должна быть в отчаянии. За последнее время им досталось не раз. А это ожесточает.

— Уходи.— Экс был тверд.

— Нет!

— Ну что ж, пойдем. Мы должны уходить как можно скорее. Единственное, о чем я могу думать,— это как выбраться из города. Именно с этого надо было начинать, а не играть с духами. Сейчас, без сомнения, слишком поздно. Офицеры службы здоровья будут проверять каждого пешехода. Ты можешь использовать свое ясновидение? Тебе что-нибудь видно?

— Нет,— грустно ответила Кари,— в будущем пусто.

Экс видел то же самое.

Мэрин чувствовал, что обладает большей мощью, чем человек, которого он преследовал. Появились признаки, что тот слабеет, и Мэрин поднажал.

Беглец был уже виден, до него оставалось около мили. Приблизившись, Мэрин послал телекинетический удар, сбросив противника на землю.

Тот упрямо сопротивлялся. Мэрин догнал его и прижал к земле. Потом поискал его идентифицирующую волну.

И нашел.

Крэндол!!!

Мгновение Мэрин мог только таращить глаза.

— Ты взял Экса? — телепатировал Крэндол.

Напряжение полностью истощило его. Толстяк боролся за каждый вздох.

— Нет. Ты был его помощником все это время? Правда?

В мыслях Крэндола читалось подтверждение.

— Как ты мог? — телепатировал Мэрин.— О чем ты думал? Ты же знаешь, что такое болезнь.

— Я объясню позднее,— Крэндол задыхался.

— Сейчас!

— Нет времени. Ты должен найти Экса.

— Знаю. Но почему ты помогал ему?

— Я не помогал,— ответил толстяк,— я не по-настоящему. Я пытался убить его. А ты ДОЛЖЕН его убить.— Он поднялся.— Экс представляет куда большую опасность, чем ты думаешь. Поверь мне, Мэрин. Он должен быть убит.

— Почему ты спасал его?

— С целью вовлечь в еще большую опасность. Я не мог захватить и изолировать Экса. Он должен быть убит.

— Объясни.

— Не сейчас,— покачал головой Крэндол.— Это я послал в тебя кинжал, чтобы убедить в опасности Экса. Я вывел тебя в точку, где ты мог убить его.

— Кто он? Что он?

— Не сейчас! Расправься с ним!

— Но ты не обладаешь такой большой телекинетической силой. Кто был с тобой?

— Девушка,— сказал Крэндол, поднимаясь,— девушка Кари. Я выдавал себя за духа ее дяди. За всем этим стоит она. Ты должен убить ее тоже.— Он вытер пот, ручьями текущий по лицу.— Извини, Пол, что я действовал подобным образом. В свое время ты услышишь эту историю полностью. Главное — поверь мне сейчас.

Крэндол затряс перед Мэрином кулаками.

— Ты должен убить этих двоих! До того как они убьют все, что тебе дорого!

Мэрин видел, что Крэндол не врет. Мэрин поднялся в воздух, связался с агентами и проинструктировал их.

— Убейте этих двоих. Возьмите Крэндола и держите его под прицелом.

Экс направился вниз по улице, надеясь, что отсутствие плана собьет пси. Каждая тень пугала. Он ожидал телекинетического удара, который наконец уничтожит его.

Почему дядя пытался убить его? Ответить невозможно. В чем его кажущаяся важность? Еще один вопрос без ответа. А девушка?

Экс наблюдал за ней уголком глаза. Кари шла молча. Ее лицо покрылось румянцем и оживилось. Она казалась почти веселой. Возможно, свобода от дяди и была этому причиной. Какая еще могла быть причина?

То, что она с ним?

Воздух был наполнен обычным движением дня. Летели тонны руды под присмотром дюжины опытных рабочих. Приплы-

вали грузы с юга: фрукты и овощи из Бразилии, мясо из Аргентины.

И пси-офицеры. Экс не особенно удивился. Город охранялся слишком бдительно. Убежать было невозможно, тем более калеке.

Пси-офицеры опускались, формируя плотную фронтальную цепь.

— Ну хорошо,— сказал Экс,— черт с вами, я сдаюсь.

Он пришел к выводу, что сейчас тот случай, когда можно уступить неизбежному. Стоило подумать о девушке. Пси устали от игр. Если он попытается, они могут сыграть слишком жестоко.

Поток энергии сбил его с ног.

— Я же сказал, что сдаюсь! — крикнул Экс.

Сзади Кари тоже упала. Энергия смела их, завертела по двору. Ее поток усиливался, возрастал.

— Прекратите! — крикнул Экс.— Вы нас...

У него было время, бесконечно малая доля секунды, чтобы полностью разобраться в своем отношении к девушке. Он не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Экс знал, что это было Чувство.

Грустное и горькое ощущение любви.

Экс попытался подняться. Очередь ментальной энергии сбила с ног, не дала устоять. К нему летели камешки и булыжники.

Экс осознал, что ему не позволят сдаться. Его намереваются убить.

И Кари.

Он попробовал защититься, хотя и знал о своей слабости, попробовал укрыть Кари. Девушка согнулась: булыжник ударил ее в живот. Камни свистели вокруг.

Увидев, что Кари получила такой удар, Экс пришел в ярость. Он сумел подняться и пройти два шага вперед.

Его опять сбили. Часть стены начала обрушиваться на них под действием пси-силы. Он попытался вытащить Кари. Слишком поздно. Стена падала...

И в этот момент Экс перескочил через пропасть. Его измученный перенапряжением разум совершил прыжок на новый энергетический уровень. Понимание мгновенно заполнило разум Экса.

Стена обрушилась, но Экса и Кари под ней не было.

— МЭРИН!

Шеф службы пси-здоровья уныло поднял голову. Он сидел за своим столом. Это случилось опять.

— МЭРИН!

— Кто это?

— Экс.

Сейчас уже ничто не могло его удивить. Не важно, что Экс владеет узконаправленной телепатией.

— Что ты хочешь?

— Я хочу встретиться. Назови место.

— Где пожелаешь,— ответил Мэрин с холодным отчаянием. Любопытство переполняло его.— Как ты можешь телепатировать?

— Все пси могут телепатировать,— поддразнивая, ответил Экс.

— Так где же? — спросил Мэрин.

Он попытался проследить за посланием. Но Экс настолько легко управлял узким лучом, что позволял проходить только посланию.

— Я хочу немного покоя,— сказал Экс,— так что я сейчас в гробнице Спящего. Не мог бы ты встретиться со мной здесь?

— Приду.— Мэрин разорвал контакт.— Леферт,— сказал он.

— Да, шеф.— Ассистент вошел в комнату.

— Я хочу, чтобы ты руководил, пока я не вернусь. Если я вернусь.

— Как там Экс? — спросил Леферт.

— Я не знаю. Я не знаю, какой энергией он обладает. Я не знаю, почему Крэндол хотел убить его, но я согласен с приговором.

— Нам можно бомбить гробницу?

— Нет ничего быстрее мысли,— ответил Мэрин.— Экс открыл какую-то форму нуль-транспортировки и сможет исчезнуть еще до того, как бомба упадет.— Он помолчал.— Есть еще способ, но я больше не буду говорить об этом. Экс может прослушать наш разговор.

— Невозможно! Это прямая направленная беседа. Он не мог...

— Он не мог, но убежал,— устало напомнил Мэрин.— Мы недооцениваем мистера Экса. Отныне считай его всемогущим.

— Хорошо,— сказал Леферт в сомнении.

— У тебя есть последние цифры показателя инфекционности? — спросил Мэрин, подходя к окну.

— Они превосходят эпидемические. Болезнь перепрыгнула пределы города.

— Это сейчас не проверить. Мы были сбиты с утеса. И упали с той стороны. Нам повезет, если за год мир потеряет только тысячу пси.— Мэрин сжал кулаки.— За одно это я мог бы разрезать Экса на мелкие кусочки.

Первым, кого увидел Мэрин, войдя в комнату Спящего, был сам Микровски, лежащий в саркофаге. За ним стояли Экс и девушка.

— Мне хотелось, чтобы ты встретился с Кари,— улыбнулся Экс.

— Я хотел бы получить объяснение.— Мэрин не обращал внимания на изумленную девушку.

— Конечно. Для начала ты хочешь узнать, кто я?

— Да.

— Я — следующая стадия пси. Парапси.

— Понимаю. И это пришло...

— Когда вы пытались убить Кари.

— Начни-ка лучше с другого,— сказал Мэрин. Перед тем как сделать последний шаг, он предполагал услышать объяснение.— Почему ты вытащил из Спящего питающие трубки?

— Потому что Микровски больше в них не нуждается,— ответил Экс.

Он повернулся к Спящему, и комната загудела от энергии.

— ХОРОШО СДЕЛАНО, ЭКС.

На мгновение Мэрин подумал, что телепатировала девушка. Потом сообразил, что это был сам Микровски.

— Некоторое время он еще будет в полубессознательном состоянии,— сказал Экс,— позволь мне пока начать с самого начала. Как тебе известно, тридцать лет назад Микровски искал сверхпси-мощь. Чтобы найти ее, он разделил разум и тело. Потом, уже обладая знанием, он был не в состоянии вернуться в тело. Для этого требовался переход на более высокий энергетический уровень, а без находящейся под командой нервной системы он не мог овладеть такой мощью. Не мог ему помочь и никто из обычных пси. Для достижения нового уровня все нормальные каналы должны быть блокированы и перенаправлены, а вся нервная система должна оказаться под ужасным перенапряжением. Короче, я — первый настоящий пси, овладевший подобным методом.

— Так ты не мутант? — озадаченно спросил Мэрин.

— Мутация здесь ни при чем. Дай мне продолжить. Микровски не мог сам без помощи перескочить через пропасть. Для этого нужен был я.

— Не только. Также ты,— телепатировал Микровски Мэрину,— и девушка, и Крэндол. Я был с ним в телепатическом контакте. Вместе с Крэндолом мы выбрали Экса для эксперимента. Сам Крэндол не годился из-за неподходящей нервной системы. Экса взяли за его темперамент и чувствительность. И, я должен добавить, за его эгоизм и мнительность. Все было предусмотрено, включая роль Кари.

Мэрин холодно слушал. Пусть объяснит. У него есть собственный ответ. Окончательный.

— Во-первых, перекрытие каналов. Пси-чувства Экса были блокированы. Потом его ввели в стрессовую ситуацию: назревающий арест, изоляция. И то и другое неприемлемо для его натуры. Когда он оказался не в состоянии перескочить пропасть, Крэндол спас его с моей помощью. С Крэндолом, выдающим себя за дядю Кари, мы угрожали жизни Экса, усиливая стресс.

— Так вот что имел в виду Крэндол,— пробормотал Мэрин.

— Да, Крэндол сказал тебе, что ты должен убить Экса. Это правда. Ты должен был попробовать. Он сказал, что девушка — ключ ко всему. И это тоже правда. Потому что лишь когда под угрозой оказалась жизнь Экса и девушки, был достигнут сильнейший из стрессов, который мы могли создать. Экс перебрался через пропасть к более высокому потенциалу. За этим немедленно пришло понимание.

— И он вернул тебе твое тело,— добавил Мэрин.

— И он вернул мне мое тело,— согласился Микровски.

Мэрин знал, что он должен делать, и поблагодарил Бога за предусмотрительность службы пси-здоровья.

— Итак, если я правильно понял, все это: заражение Экса, его чудесные спасения, все хитрости, что ты использовал,— предназначались для того, чтобы создать силу достаточно большую, чтобы вернуть тебя в твое тело?

— Это одна из частей,— ответил Микровски,— другая часть — создание в лице Экса другого парапси.

— Очень хорошо,— сказал Мэрин.— Вам будет интересно узнать, что служба пси-здоровья всегда размышляла над одной возможностью: возвращение Спящего, но безумного Спящего. На такой случай эта комната подготовлена для атомного взрыва. Все четыре стены, пол, потолок закрыты мною. Атомный взрыв не мгновенный,— в его улыбке не было юмора,— но я сомневаюсь, что парапси — переход более быстрый. Скорость моих мысленных способностей такая же, как у вас. Я собираюсь взорвать это место.

— Твои люди из службы здоровья подозрительны,— сказал Микровски,— но почему, ради всего святого, ты хочешь сделать подобную вещь?

— Почему? Ты осознаешь, что натворил? Ты вернул себе тело. Но болезнь вышла из-под контроля. Пси-паука на всех ее позициях уничтожена! И все из-за твоего эгоизма,— мысленно Мэрин достал ключ.

— Подожди! — вмешался Экс.— Очевидно, ты не понимаешь. Это все временное возмущение. Правда. Никто не останется пораженным. Больные люди могут быть тренированы.

— Тренированы? Для чего?

— Парапси, конечно. Полное перекрытие каналов необходимо, чтобы совершить следующий парапсихологический шаг. Болезнь — это исходная точка. Нынешний уровень пси неустойчив. Если бы я его не покинул, это сделал бы кто-нибудь другой в ближайшие несколько лет.

— Дальше, когда появится несколько людей, перебравшихся через пропасть, будет легче,— добавил Микровски.— Так же как и начало пси. Остальное пойдет сравнительно легко, когда появятся первые достижения. Чем больше парапси — тем легче.

— Как я могу поверить? — тряхнул головой Мэрин.

— Как? Смотри!

Телепатия передает тонкие нюансы смысла, теряющиеся в разговорной речи. Состояние «правды» при телепатировании открывает, насколько человек, посылающий сигнал, верит этой «правде». Существует бесконечное число градаций «истины».

Как и Экс, Мэрин прочитал веру Микровски в парапси. На подсознательном уровне. Невообразимо «правдивая» истина! Больше не надо было никаких аргументов.

Внезапно Кари улыбнулась. Ее постигла одна из вспышек предчувствия. Приятного предчувствия.

— Помоги мне подняться,— сказал Микровски Мэрину,— и позволь обрисовать в общих чертах мою программу тренировок.

Мэрин направился к нему.

Экс усмехнулся. Он прочитал предвидение Кари.

Гонки

1

Наконец он наступил — День Земельных Гонок, день безумных надежд и горьких разочарований, олицетворение трагического двадцать первого века. Как и остальные участники, Стив Бакстер попытался пораньше добраться до старта, но неверно рассчитал время. Значок Участника помог ему пробраться сквозь первые ряды толпы без особых сложностей. Но чтобы про-

биться сквозь внутренние ряды — «ядро толпы»,— мало было полагаться на значок или собственную ловкость.

Бакстер прикинул, что индекс человеческой плотности составлял 8,7 — почти максимум. Страсти могли разыграться в любой момент, несмотря на то что власти недавно опрыскали толпу нейролептиками. Будь у него достаточно времени, Бакстер мог бы обойти людей, но до начала гонок оставалось всего шесть минут.

На свой страх и риск он принялся протискиваться сквозь толпу. На его лице застыла улыбка — что абсолютно необходимо, когда тебя сжимает плотная толпа. Вскоре Бакстер уже мог разглядеть линию старта — возвышающуюся платформу в Глоб-парке Джерси-Сити. Все участники уже заняли свои места. «Еще двадцать футов,— подумал Стив,— лишь бы эти болваны вели себя смирно.

Теперь ему предстояло проникнуть в ядро «эндотолпы», состоящее из субъектов с отвисшими челюстями и незрячими глазами — агглютинирующих истерофилов, на жаргоне психокорректоров. Сдавленные, как сардины в банке, действующие, как единое целое, эти люди были способны только на слепое сопротивление и необузданную ярость в ответ на любую попытку проникнуть в их ряды.

Некоторое время Стив колебался. «Эндотолпа» была опаснее стада буйволов. Люди смотрели на него, раздувая ноздри и притопывая ногами.

Запретив себе думать о последствиях, Бакстер ринулся вперед. Удары сыпались со всех сторон, над беснующимся массивом людей стоял оглушительный рев. Тела словно спекались в один бесформенный комок, и Бакстер почувствовал, что сейчас задохнется.

К счастью, в этот момент власти включили Музак. Гипнотическая мелодия, вот уже добрую сотню лет усмирявшая самые горячие головы, сработала и на этот раз. «Эндотолпа» ненадолго застыла, зачарованная грохочущими децибелами, и Стив Бакстер сумел протиснуться к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Устав. Каждый участник и большинство зрителей знали его наизусть. Тем не менее правила требовали обязательного оглашения Устава перед стартом.

— Джентльмены,— начал судья,— вы получили возможность принять участие в Гонке на приобретение государственной земли. Вы, пятьдесят удачливых мужчин, были выбраны посредством лотереи среди пятидесяти миллионов жителей Южного Вестчестера. Вам предстоит преодолеть отрезок пути от этого места до финиша, который расположен в Земельной конторе

на Таймс-сквер в Нью-Йорке,— расстояние, равное пяти целым семи десятым мили. Всем участникам разрешается выбирать любой маршрут и передвигаться по земле, под землей и по воздуху. Единственное условие — вы сами должны добраться до финиша, замена не разрешается. Десять финалистов...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

— ...получат по акру незанятой земли, дом и фермерский инвентарь! Каждому финалисту бесплатно предоставляется государственный транспорт, который перевезет его вместе с семьей на земельный участок. Вышеуказанный участок площадью в один акр поступает в собственность победителя и принадлежит ему и его наследникам на вечные времена — даже до третьего поколения.

Услышав это, толпа вздохнула. Никто из собравшихся никогда не видел один акр незанятой земли и даже не мог мечтать о таком счастье. Акр земли на всю жизнь, акр, который не надо ни с кем делить,— такое не могло даже присниться!

— Сим постановляется,— продолжал судья,— что государство не несет никакой ответственности за смерть участника во время соревнований. Я обязан довести до вашего сведения, что уровень смертности во время Земельных Гонок составляет шестьдесят восемь и девять десятых процента. Любой, кто решил отказаться от участия, может сделать это сейчас.

Судья ждал, и Стиву Бакстеру вдруг захотелось бросить эту самоубийственную затею. Ведь он, Адель, дети, тетя Фло и дядя Джордж как-нибудь смогут прожить в их уютной однокомнатной квартирке в Жилом Кластере имени Фреда Аллена для семей со средним достатком в Ларчмонте. К тому же он совсем не был героем со стальными мускулами и пудовыми кулаками. Он работал консультантом по системам деформации и неплохо справлялся со своими обязанностями. Стив Бакстер был воспитанным эктоморфом с вялыми мускулами и постоянной одышкой. Так ради чего ему сейчас бросаться очертя голову навстречу опасностям мрачного Нью-Йорка, самого жуткого из городов-джунглей?

— Брось ты все это, Стив,— произнес за его спиной голос, будто в ответ на его мысли.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, своего богатого и, надо сказать, весьма противного соседа по Ларчмонту. Сент-Джон, высокий, элегантный, с мускулистыми руками бывшего спортсмена-гребца. Сент-Джон с его безукоризненной внешностью и томным взглядом, который все чаще останавливался на очаровательной белокурой Адель.

— Ничего у тебя не выйдет, Стив,— сказал Сент-Джон.

— Возможно,— ровным голосом ответил Бакстер.— Но у тебя-то, полагаю, все получится?

Сент-Джон заговорщически подмигнул. Уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, которую за немалую мзду сообщил ему один из контролеров Земельных Гонок. Эта информация должна повысить его шансы, когда он будет преодолевать Манхэттен — самый густонаселенный и опасный район в мире.

— Давай выходи из игры, Стив,— подначивал его Сент-Джон.— Выходи из игры, и я отблагодарю тебя. Ну как?

Бакстер покачал головой. Он не считал себя смельчаком, но готов был скорее умереть, чем согласиться на предложение Сент-Джона. В любом случае он уже не сможет жить, как раньше. Согласно Закону о Совместном Проживании, принятому в прошлом месяце, Стив обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовствующую тетю, чья однокомнатная подвальная квартира в промышленном комплексе Лейк-Плесида была снесена, чтобы освободить место для строительства туннеля Олбани—Монреаль.

Пусть даже антишоковые инъекции, но десять человек в одной комнате — это уже чересчур... Он просто должен выиграть этот участок земли, другого выхода нет.

— Я остаюсь,— тихо произнес Бакстер.

— Ладно, сопляк,— отозвался Сент-Джон, кривя лицо в злобной усмешке.— Но помни, я тебя предупреждал.

— На старт, джентльмены,— раздался голос судьи.

Участники гонок умолкли и заняли места на стартовой линии, прищурив глаза и сжав губы.

— Внимание!

Напряглась сотня ног. Пятьдесят мужчин, настроившихся на победу, подались вперед.

— Марш!

И Гонки начались!

Рев сверхзвуковых динамиков на некоторое время парализовал толпу. Участники состязания прорвались сквозь неподвижные ряды и бросились бежать вдоль длинных верениц заглохших в пробках автомобилей. Затем их плотная группа распалась, но в целом держала направление на восток, к Гудзону и раскинувшемуся на противоположном берегу зловещему городу, который едва виднелся под маслянистым дымным покрывалом.

Все, кроме Стива Бакстера.

Он был единственным, кто направился на север, к мосту Джорджа Вашингтона и к городу Медвежья Гора. Плотно сжав губы, он двигался, как во сне.

В далеком Ларчмонте Адель Бакстер следила за Гонками по телевизору. Она невольно вскрикнула. Восьмилетний сынишка Том сказал:

— Мама, он идет на север к мосту! Но ведь мост в этом месяце закрыт! Там не пройти!

— Не волнуйся, милый,— сказала Адель.— Твой папа знает, что делает.

Как бы ей самой хотелось верить в это... И когда силуэт ее мужа затерялся в толпе, ей снова осталось только ждать... и молиться. Знает ли Стив, что делает? Или потерял голову, не выдержав напряжения?

2

Семена проблемы были посеяны еще в двадцатом веке, но ужасный урожай созрел столетие спустя. После несчитанных тысячелетий медленного роста население планеты внезапно увеличилось, удвоилось, потом удвоилось еще раз. Болезни были побеждены, недостатка в продовольствии не ощущалось, смертность падала, а рождаемость увеличивалась. Угодив в кошмарный капкан геометрической прогрессии, население Земли росло как раковая опухоль.

Четыре всадника Апокалипсиса уже были не в состоянии поддерживать порядок. Чуму и голод объявили вне закона, а войны стали слишком дорогим удовольствием. Осталась только смерть — но и она являла собой лишь бледную тень своего прежнего величия.

Наука же с маниакальным упорством искала способ продления жизни для все большего числа людей.

И население продолжало расти, переполняя Землю, загрязняя воздух и отравляя водоемы, поедая спрессованные водоросли с рыбным хлебом и напрасно ожидая, когда вселенская катастрофа уменьшит его ряды.

Количественный рост качественно изменил образ жизни людей. В безобидном прошлом веке приключения и опасности поджидали лишь в безлюдных местах — в горах, пустынях, джунглях. Но в двадцать первом столетии все они были утилизованы, унифицированы и заселены. Зато опасностей с избытком хватало в городах, неуправляемых и неконтролируемых.

В городах можно было обнаружить все что угодно: современный вариант диких племен, свирепых зверей и смертоносные болезни. Путешествие в Нью-Йорк или Чикаго требовало гораздо больше мужества и ловкости, чем викторианские прогулки на вершину Эвереста или в дельту Нила.

В этом спрессованном мире земля считалась наибольшей ценностью. Правительство распределяло всю свободную землю путем региональных лотерей, вершиной которых и были Земельные Гонки, устроенные по образцу тех, что проводились в девяностые годы девятнадцатого столетия на территории Оклахомы или на землях чероки.

Земельные Гонки считались и спортом и зрелищем, захватывающим и лечебным. Миллионы людей следили за гонками, а медики отмечали определенный психотерапевтический эффект, который сам по себе служил их оправданием.

К тому же следовало учитывать и высокую смертность среди участников Гонок. И хотя их число было несопоставимо с абсолютным приростом населения, переполненный мир с радостью приветствовал каждый подобный исход.

Гонки продолжались уже три часа. Включив крохотный приемник, Стив Бакстер слушал последние новости. Он узнал, что первая группа участников добралась до Голландского туннеля, где их повернула обратно вооруженная полиция. Другие, наиболее сообразительные, пошли в обход и сейчас приближались к мосту Верразано.

Фрейхоф Сент-Джон, действуя в одиночку и размахивая удостоверением заместителя мэра, сумел прорваться через баррикады у туннеля Линкольна.

Пришло время делать ставку и Стиву Бакстеру. Нахмурившись, с бьющимся сердцем, он вступил на печально знаменитую территорию свободного порта Хобокена.

3

Берег Хобокена тонул в сумерках. Перед ним покачивались на волнах быстроходные суда контрабандного флота Хобокена. Некоторые уже погрузили на палубы товар — коробки с сигаретами из Северной Каролины, спиртное из Кентукки, апельсины из Флориды, наркотики из Калифорнии, оружие из Техаса. На каждом ящике стояло официальное клеймо: «Контрабанда, налог уплачен» — потому что в эти тяжелые времена правительство оказалось вынуждено облагать налогом даже нелегальные сделки, придавая им тем самым полузаконный статус.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробрался на борт судна с марихуаной и спрятался среди благоухающих мешков. Команда уже готовилась к отплытию. Если бы только ему удалось ненадолго спрятаться, пока судно доберется до другого берега...

— Ха! Что за птичка к нам залетела?

Пьяный механик, неожиданно появившийся из носового кубрика, застал Бакстера врасплох. Услышав его крик, вся команда высыпала на палубу — видавшие виды жестокие люди, считавшие убийство заурядным событием. Они были из той же не знающей ничего святого людской породы, что несколько лет назад разграбила Уихукен, сожгла дотла форт Ли и постоянно совершала грабительские набеги на всем протяжении реки до Инглвуда. Стив Бакстер знал, что в случае чего пощады ему не будет.

Пытаясь сохранить присутствие духа, он произнес:

— Джентльмены, мне необходимо попасть на другой берег Гудзона. Если вы, конечно, не против...

Капитан корабля, огромный метис с изрезанным шрамами лицом и бугристыми мускулами, зашелся в хохоте.

— Хочешь прокатиться за наш счет? — спросил он на хобокенском жаргоне.— Воображаешь, что ты на пароме?

— Конечно нет, сэр. Но я надеялся...

— Поищи свои надежды на кладбище!

Команда загоготала, оценив капитанский юмор.

— Я готов заплатить за проезд,— сказал Стив со сдержанной гордостью.

— Заплатить? — проревел капитан.— Да, мы иногда продаем билеты в один конец. На дно.

Матросы захохотали еще громче.

— Ну что ж, если так, то я готов,— сказал Стив Бакстер.— Позвольте, я только отправлю открытку жене и детям.

— Бабе с сосунками? — переспросил капитан.— Так что ж ты, парень, сразу не сказал? Когда-то и у меня была жена, да и мелкоты хватало... Только все накрылось...

— Мне больно слышать об этом,— искренне произнес Стив.

— М-да...— Черты капитана смягчились.— Как щас помню, завалишь к себе в хибару, а каралузы по коленкам так и лазят. А на душе до того приятно, словно пузырь раздавил. Кто ж думал, что судьба им копыта раньше меня откинуть...

— Наверное, вы были тогда счастливы,— сказал Стив, стараясь подладиться под настроение капитана и с определенным трудом улавливая смысл его слов.

— А хрен его знает,— угрюмо буркнул тот.

Кривоногий моряк протиснулся вперед.

— Эй, капитан, пора его пришить да отправляться, пока товар не протух.

— Кому ты приказываешь, фуфло кривое?! — взревел капитан.— Клянусь Иисусом, товар будет гнить, коли я не решу

иначе! А пришить ли его... нет, вспомнил я своих карапузов и передумал, черт меня подери.— Повернувшись к Стиву, он сказал: — Мы перевезем тебя бесплатно, парень.

Так Стиву Бакстеру удалось нащупать слабое место капитана, и он получил передышку. Матросы отдали швартовы, и шхуна с грузом марихуаны двинулась по серо-зеленым волнам Гудзона.

Но удача недолго сопутствовала Стиву Бакстеру. Лишь только они добрались до середины реки и вышли в федеральные воды, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора и чей-то голос вполне официальным тоном приказал им остановиться. К несчастью, они наткнулись на сторожевой корабль, патрулирующий Гудзон.

— Черт побери! — взревел капитан.— Только и умеют, что драть налоги и убивать. Но не на тех нарвались. К оружию, ребята!

Матросы быстро стянули брезент с пулеметов 50-го калибра. Натужно взревели сдвоенные дизели. Лавируя и уклоняясь, судно контрабандистов помчалось к спасительному берегу Нью-Йорка. Но двигатели у патрульного корабля были гораздо мощнее, а пулеметы не могли тягаться с четырехдюймовыми пушками. В результате прямых попаданий в щепы разлетелся леер, взорвался капитанский мостик, рухнула грот-мачта и лопнули фалы крюйс-марса по правому борту.

Казалось, от погони уже не уйти. Но тут капитан потянул носом воздух.

— Держись, ребята! — крикнул он.— Западник идет!

С запада надвигалась непроницаемая стена смога, и вскоре он накрыл реку чернильными щупальцами. Потрепанная шхуна поспешила покинуть поле боя. Команда торопливо надела респираторы, вознося хвалу удушливому дыму с горящих свалок города.

Через полчаса они пришвартовались к пирсу на 79-й улице. Крепко обняв Стива, капитан пожелал ему удачи. И Стив продолжил свой путь.

Позади остался широкий Гудзон. Впереди лежали тридцать кварталов городских джунглей. Согласно последним сводкам радио, он сильно оторвался от остальных участников, включая и Фрейхофа Сент-Джона, который еще не вышел из лабиринта на нью-йоркском конце туннеля Линкольна. Похоже, если сравнивать с остальными, дела у Бакстера обстоят совсем неплохо.

Но его оптимизм был преждевременным. Нью-Йорк так легко не завоевывается. И он даже не знал, что впереди его ждет самая опасная часть пути.

4

Поспав несколько часов на заднем сиденье заброшенной машины, Стив двинулся вниз по Вест-Энд-авеню. Забрезжил рассвет — благодатное время в городе, когда на перекрестках оказывается всего лишь несколько сотен жителей, поднявшихся в такую рань. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, а под ними на фоне серо-коричневого неба в причудливую сеть сплетались телевизионные антенны. Глядя на все это, Бакстер пытался представить, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад, в счастливые дни до демографического взрыва.

Его раздумья продолжались недолго. Внезапно путь преградила группа вооруженных людей. Маски, широкополые шляпы и ленты с патронами делали их похожими на театральных злодеев.

Один из них — судя по всему, главарь — шагнул вперед. Это был лысеющий старик с морщинистым лицом, пышными усами и скорбными глазами в красных прожилках.

— Чужеземец,— сказал он,— покажи свой пропуск.

— Боюсь, что у меня нет никакого пропуска,— ответил Бакстер.

— Еще бы,— сказал главарь.— Я, Пабло Стейнмец, лично выписываю пропуска, а тебя что-то не припоминаю.

— Я нездешний,— объяснил Бакстер.— Просто иду через ваш район.

Мужчины заухмылялись, толкая друг друга в бока. Потерев небритый подбородок, Пабло Стейнмец сообщил:

— Что же получается, сынок: ты идешь по частной дороге без разрешения владельца. А владелец-то я. Вот и выходит, что ты незаконно вторгся на мою землю.

— Но разве можно иметь частную дорогу в самом центре Нью-Йорка? — удивился Бакстер.

— Если я тебе говорю, что это моя собственность, значит, так и есть,— сказал Пабло Стейнмец, похлопывая по прикладу своего винчестера.— Словом, выбор у тебя такой: деньги или игра.

Бакстер полез за бумажником, но в кармане его не оказалось. Что поделать — при расставании капитан все-таки не удержался от соблазна обчистить его карманы.

— У меня нет денег,— сказал Бакстер и нервно рассмеялся.— Видимо, мне стоит повернуть обратно.

Стейнмец покачал головой:

— Какая разница, назад или вперед? Все равно надо платить пошлину. Так что или игра, или деньги.

— Что ж, тогда остается игра. Что я должен делать?

— Ты побежишь,— сообщил Пабло,— а мы по очереди будем в тебя стрелять, целясь только в макушку. Кто тебя уложит, тот и будет победителем.

— Это нечестно! — заявил Стив.

— Тебе придется нелегко,— вздохнул Стейнмец,— но так уж устроен мир. Правила есть правила, даже при анархии. Так что если ты окажешь нам услугу и рванешь во весь дух, зарабатывая себе свободу...

Бандиты заухмылялись, сдвинули шляпы на затылки и вытащили пистолеты. Бакстер уже собрался бежать навстречу смерти...

В этот момент раздался голос:

— Стой!

Женский голос. Обернувшись, Бакстер увидел, что сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка. На ней были штаны торсадора, пластиковые галоши и гавайская блузка. Экзотический наряд только подчеркивал ее отважную красоту. В волосах алела бумажная роза, а изящную шею обвивала нитка жемчужных бус. Никогда в жизни Бакстер не видел такой экстравагантной женщины.

Пабло Стейнмец нахмурившись подергал себя за ус.

— Флейм! — воскликнул он.— Что тебе?

— Мне осточертели ваши забавы,— холодно ответила девушка.— И я хочу поговорить с этим недотепой.

— Это мужское дело,— заявил Стейнмец.— Беги, чужеземец.

— Ни с места,— приказала Флейм, и в ее руке опасно блеснул револьвер.

Отец и дочь смотрели друг на друга. Первым не выдержал старый Пабло.

— Черт тебя побери, Флейм,— сказал он.— Правила существуют для всех, даже для тебя. Человек, вступивший на частную территорию, не может уплатить пошлину, значит, должен играть.

— Это не проблема,— заявила Флейм. Засунув руку в вырез блузки, она вытащила оттуда блестящий доллар.— Держи! — Она бросила монету под ноги Пабло.— Деньги уплачены, может, мне самой хочется с ним поиграть. Пойдем, незнакомец.

Взяв Бакстера за руку, она повела его за собой. Бандиты ухмылялись и толкали друг друга в бока, пока Стейнмец не бросил на них угрожающий взгляд. Старый Пабло покачал головой, почесал за ухом, высморкался и сказал:

— Черт побери эту девчонку!

Слова были грубыми, но произнес он их нежным голосом.

5

Ночь опустилась на город, и бандиты разбили лагерь на углу Вест-Энд-авеню и 69-й улицы. Мужчины удобно расположились вокруг костра. На вертел насадили брикет сочного мяса, а в закопченный котел высыпали несколько пакетов свежезамороженных овощей. Старый Пабло Стейнмец от души приложился к канистре с мартини, успокаивая воображаемую боль в деревянной ноге. Во мраке слышался вой одинокого пуделя, тоскующего по подруге.

Стив и Флейм сидели в стороне от остальных. Тихая ночь, нарушаемая лишь грохотом мусорных машин, чарующе действовала на них. Их руки соприкоснулись, пальцы сплелись.

Наконец Флейм произнесла:

— Стив... Я тебе нравлюсь?

— Конечно,— ответил Бакстер, по-братски обняв ее за плечи и не осознавая, что этот жест может быть истолкован иначе.

— Я все думала...— сказала молодая гангстерша,— я думала...— Она замолчала, неожиданно смутившись.— Стив, почему бы тебе не прекратить эту самоубийственную гонку? Может, ты останешься со мной? У меня есть земля, Стив, настоящая земля — сто ярдов в центре Нью-Йорка. Мы вместе сможем заниматься на ней фермерством.

Стиву мысль показалась заманчивой, как любому другому мужчине. Нельзя сказать, что он не замечал тех чувств, которые питала к нему прекрасная гангстерша, и они не оставляли его равнодушным. Красота Флейм Стейнмец, ее отвага (не говоря уже о земле) могли легко завоевать сердце любого мужчины. Какую-то долю секунды Стив колебался, и его рука сильнее сжала хрупкие девичьи плечи.

Но затем чувство верности взяло верх. Флейм была небесным существом, воплощением экстаза, о котором мужчина мечтает всю жизнь. Но Адель — подруга юности, его жена, мать его детей, терпеливая помощница все эти долгие годы, так что для человека с характером Бакстера здесь не было выбора.

Властная красавица не привыкла к отказам. Разъяренная, как ошпаренная пума, она пригрозила вырвать у Бакстера сердце, обвалять его в муке и поджарить на медленном огне. Ее огромные сверкающие глаза и тяжелое дыхание подтверждали, что это не пустые слова.

Но Стив Бакстер твердо стоял на своем. И Флейм с грустью поняла, что никогда не полюбила бы этого человека, не будь у него великой души и высокой морали...

И когда поутру чужеземец стал собираться в путь, она уже не противилась. И даже утихомирила своего разбушевавшегося

отца, назвавшего Стива безответственным идиотом, которого необходимо удержать для его же блага.

— Папа, разве ты не видишь, что это за человек? — спросила она.— Он должен сам выбирать свой путь в жизни, пусть даже этот путь ведет к смерти.

Пабло Стейнмец недовольно ворчал, но вынужден был сдаться. И Стив Бакстер продолжил свою одиссею.

6

Он направился к центру, стиснутый со всех сторон толпой. Оглушенный шумом, ослепленный неоновыми рекламами, Бакстер был на грани истерики. Наконец он оказался в районе, пестревшем указателями, которые требовали прямо противоположных действий:

ТОЛЬКО СЮДА.
ХОДА НЕТ.
ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ.
ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ПРАЗДНИКАМ.
ЗАКРЫТО ПО БУДНЯМ.
ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЛЕВО.

Сбитый с толку противоречивыми указаниями, он случайно забрел в нищий район, известный под названием «Центральный парк». Перед ним, насколько хватало глаз, ютились жалкие хибары, убогие пристройки, покосившиеся вигвамы и публичные дома, занимавшие каждый квадратный фут площади. Его появление среди озлобленных обитателей парка вызвало шквал комментариев, и нельзя сказать, что благожелательных. Жители вбили себе в головы, что он инспектор санитарной службы, появившийся, чтобы закрыть их малярийные колодцы, зарезать их трихинеллезных свиней и привить их чесоточных детей. Собравшись вокруг него, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, неисправный тостер вызвал короткое замыкание, и вся округа мгновенно погрузилась во тьму. Воспользовавшись паникой, Стив бежал.

Но теперь он очутился в районе, где уличные указатели были давно сорваны, чтобы сбить с толку сборщиков налогов. Солнце скрылось в облаках. Здесь ему не помог бы даже компас, слишком уж много ржавого железа — остатков легендарной городской подземки — скрывалось под тротуарами.

Стив понял, что безнадежно заблудился.

Ему удалось выжить не столько благодаря мужеству, сколько из-за отсутствия такового. Бессчетное количество дней бродил он по неизвестным улицам, мимо бесконечных домов, покореженных автомобилей и гор битого стекла. Настороженные прохожие отказывались отвечать на вопросы, принимая его за агента ФБР. Стив Бакстер скитался без еды и питья, не имел возможности толком отдохнуть, опасаясь, как бы его не растоптали многочисленные толпы.

Добросердечный работник службы социальной помощи остановил Стива, когда тот собирался напиться из дизентерийного фонтанчика. Седовласый старик отвел его в свой дом — хибару, сделанную из скрученных газет и ютившуюся возле покрытых мхом руин Линкольновского центра. Он посоветовал Бакстеру остановить свою безумную гонку и посвятить жизнь помощи бедным и убогим — благо их вокруг было несметное множество.

Стив готов был уже согласиться на столь достойное занятие, но тут, на его счастье, старенький приемник стал передавать информацию о гонках.

Многих участников постигла неудача в каменных джунглях Нью-Йорка. Фрейхофа Сент-Джона арестовали за нарушение санитарных правил второй степени. Группа, которой удалось перейти через мост Веррадзано, сгинула в людских водоворотах Бруклинских высот, их дальнейшая судьба осталась неизвестной.

Бакстер понял, что у него еще есть шанс.

7

С надеждой в сердце Стив Бакстер продолжил свой путь. Но теперь его обуяла непомерная самоуверенность, которая гораздо опаснее глубокой депрессии. Быстро продвигаясь на юг, он воспользовался временным затишьем и шагнул на скоростной тротуар. Он сделал этот беспечный шаг, совершенно не задумываясь о последствиях.

Каков же был его ужас, когда он понял, что это дорога с односторонним движением, без каких-либо поворотов, ведущая к terra incognita Джонс-Бич, Файр-Айленда, Пачтога и Восточного Хэмтона.

Надо было срочно принимать решение. Слева шла сплошная бетонная стена, справа — забор в метр высотой, по которому тянулась надпись:

ЗАПРЕЩЕНО ПЕРЕПРЫГИВАТЬ
МЕЖДУ 12 ДНЯ И 12 НОЧИ
ПО ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ.

Сегодня был четверг — запретный день. Но Стив без лишних раздумий перемахнул через барьер.

Возмездие оказалось скорым и ужасным. Из засады вынырнула замаскированная полицейская машина. Полицейские мчались прямо на него, одновременно открыв бешеный огонь по толпе на улице (в эти злосчастные времена полиции было строго предписано, преследуя злоумышленников или подозреваемых, вести бешеный огонь по толпе).

Бакстер спрятался в близлежащей кондитерской. Затем, осознав тщетность этой попытки, он попробовал сдаться, что ему не позволили сделать, поскольку все тюрьмы были переполнены. Вокруг него засвистели пули, а полицейские с жестокими ухмылками на лицах уже готовили минометы и переносные огнеметы.

Казалось, наступил конец не только надеждам на победу, но и самой его жизни. Лежа на полу среди липких тянучек и хрустких крошек лакричных леденцов, он вручил свою душу Господу и приготовился с достоинством встретить неизбежный конец.

Но его отчаяние было столь же преждевременным, сколь раньше — оптимизм. Услышав непонятный шум, он поднял голову и увидел, что группа вооруженных мужчин напала с тыла на полицейскую машину. Развернувшись навстречу нападающим, голубые мундиры попали под фланговый огонь и были уничтожены все до единого.

Когда Бакстер вышел, чтобы поблагодарить своих освободителей, то обнаружил, что во главе их стоит Флейм О'Рурк Стейнмец. Прекрасная гангстерша не смогла забыть незнакомца с нежным голосом. Несмотря на протесты отца, она тенью следовала за Стивом и пришла ему на помощь.

В считанные минуты бандиты в черных шляпах разграбили весь район. Флейм и Стив скрылись в тиши покинутого ресторана Говарда Джонсона. Там, под облупившимся фронтоном, между ними произошла трепетная сцена любви. Правда, скорее, ее можно было назвать коротким и грустным эпизодом, после чего Стив Бакстер вновь окунулся в головокружительный водоворот города.

8

Упрямо двигаясь вперед, Стив Бакстер преодолел 49-ю улицу и 8-ю авеню. Глаза его были прищурены, чтобы спастись от едкого смога, а рот казался белой линией в нижней трети лица. Но тут обстановка изменилась с внезапностью, присущей каменным джунглям.

Переходя улицу, Бакстер услышал оглушительный рев. Он понял, что на светофоре зажегся зеленый. Водители, озверев от многодневного ожидания, одновременно нажали на педали газа, сметая все перед собой. Стив Бакстер оказался как раз на пути несущихся потоков машин.

Путь назад был отрезан. Стремительно приняв решение, он отодвинул крышку канализационного люка и нырнул вниз. И сделал это вовремя: через долю секунды над ним раздался скрежет металла и грохот столкнувшихся автомобилей.

Стив продолжал двигаться вперед по канализационным трубам. Сеть сообщающихся туннелей была густо заселена, но все же здесь было гораздо безопаснее, чем наверху. Лишь однажды возле отстойного колодца на него напал какой-то тип. Закаленный в борьбе с опасностями, Бакстер быстро разделался с наглецом и завладел его каноэ — необходимой вещью в туннелях нижнего уровня. Гребя веслом, он проплыл под 42-й улицей и 8-й авеню, прежде чем течение вынесло его на поверхность.

Теперь долгожданная цель была совсем рядом. Оставался всего один квартал. Один квартал — и он попадет в Земельную контору на Таймс-сквер!

Но тут он наткнулся на непреодолимое препятствие, которое перечеркнуло все его мечты.

9

Посреди 42-й улицы, уходя в бесконечность на север и на юг, стояла стена. Это было циклопическое сооружение, только что возведенное нью-йоркскими архитекторами в их обычном стиле. Как узнал Бакстер, стена являла собой одну сторону нового гигантского многоквартирного дома для семей со средним достатком. Во время строительства все движение на Таймс-сквер направлялось в объезд через туннель Куинз-Баттери и развязку на 37-й улице.

Стив сообразил, что на эту дорогу ему понадобится не менее трех недель, не говоря уже о том, что придется пробираться через неисследованный район Гармет. Стив понял, что выбыл из Гонок.

Смелость, мужество и настойчивость оставили его, и не будь он верующим человеком, мог бы решиться на самоубийство. Он мрачно включил свой маленький транзистор и стал слушать последние сводки.

Четыре участника уже достигли Земельной конторы. Пятеро других находились в нескольких сотнях ярдов от нее, пробира-

ясь с юга. В довершение всех бед Стив услышал, что, получив помилование от губернатора, Фрейхоф Сент-Джон возобновил гонку и теперь приближается к Таймс-сквер с восточной стороны.

В этот тяжелейший для него момент он почувствовал, как на его плечо легла рука.

Обернувшись, Бакстер увидел перед собой Флейм. Хотя отважная девушка поклялась больше не иметь с ним ничего общего, сердце ее не выдержало. Этот спокойный, уравновешенный человек значил для нее больше, чем гордость, возможно, даже больше, чем сама жизнь.

Что делать со стеной? О, это не проблема для дочери короля гангстеров. Если стену нельзя обойти, если под нее нельзя подлезть, надо через нее перебраться. Для этого Флейм взяла веревки, альпенштоки, топорики, болты с крючками и кольцами — короче, полное снаряжение альпинистов. Она была непоколебимо уверена, что Бакстер должен использовать свой последний шанс для достижения цели и Флейм О'Рурк Стейнмец должна идти с ним вместе, что бы он там ни говорил.

Бок о бок они карабкались по бескрайней глади здания. Сотни опасностей подстерегали их — птицы, самолеты, снайперы, психи. В этом непредсказуемом городе можно было ожидать чего угодно. Далеко внизу стоял старый Пабло Стейнмец с лицом, похожим на потрескавшийся гранит.

Преодолев все опасности, они залезли наверх и стали спускаться с обратной стороны.

И тут Флейм сорвалась!

Охваченный ужасом, Бакстер смотрел, как стройная фигурка девушки летела навстречу гибели. Она умерла, упав на торчащую автомобильную антенну. Быстро спустившись, Бакстер встал возле нее на колени, обезумев от горя.

А по ту сторону стены старый Пабло неведомо как почувствовал, что произошло непоправимое. Он содрогнулся, рот его скривился в гримасе горя, а рука потянулась к бутылке.

Сильные руки подняли Бакстера. Непонимающим взглядом он смотрел на сочувственное лицо федерального чиновника из Земельной конторы.

Ему было трудно поверить, что он закончил Гонку. С полным равнодушием он услышал, как наглость и высокомерие Сент-Джона привели к беспорядкам в Бирманском квартале на 42-й улице и как Сент-Джону пришлось искать спасения в лабиринтах развалин Публичной библиотеки, откуда он никак не мог выбраться.

Но Стив Бакстер не имел привычки радоваться чужому несчастью. Самое главное — то, что он выиграл Гонку и вовремя добрался до Земельной конторы, чтобы получить в качестве приза последний оставшийся акр земли.

Но победа досталась ценой усилий и боли. И жизни молодой гангстерши.

10

Время залечивает раны, и через несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о трагических событиях Гонки. Правительственный самолет доставил его вместе с семьей в городок Корморан в горах Сьерра-Невада. Из Корморана вертолет перенес их к месту нового жительства. Там семью встретил чиновник Земельной конторы, который показал Бакстерам их собственность.

Земля, обнесенная изгородью, размещалась на почти вертикальном склоне горы. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись такие же огороженные участки площадью в один акр. Недавно здесь добывали ископаемые, и огромные борозды тянулись, словно шрамы, по пыльной желтоватой земле. Здесь не росло ни деревца, ни травинки. Правда, как и было обещано, дом стоял — хибара, от которой вряд ли что останется после первой же грозы.

Несколько минут Бакстеры рассматривали свою собственность. Затем Адель сказала:

— О, Стив!

— Я знаю,— ответил Стив.

— Это наша земля.

Стив кивнул.

— Она не слишком... привлекательная,— неуверенно сказал он.

— Привлекательная? Какая разница? — заявила Адель.— Она *наша,* Стив, и ее тут целый акр! Мы сможем на ней что-нибудь *выращивать!*

— Ну, может, не сразу...

— Знаю, знаю. Но мы приведем ее в порядок, что-нибудь посеем и соберем урожай! Мы будем здесь *жить,* правда, Стив?

Стив молчал, глядя на землю, полученную столь дорогой ценой. Его дети — Томми и белокурая Амелия — играли с комками глины. Откашлявшись, федеральный чиновник сказал:

— Вы, разумеется, можете изменить свое решение.

— Что? — спросил Стив.

— Вы можете отказаться от земли и вернуться в свою городскую квартиру. Я хочу сказать, что некоторым здесь... не очень нравится. Словно они ожидали чего-то другого.

— О нет, Стив! — простонала жена.

— Нет, папа, нет! — заплакали дети.

— *Вернуться?* — переспросил Стив.— Я не собираюсь *возвращаться*. Я просто *смотрю* на землю, мистер. За всю свою жизнь я не видел сразу столько земли в одном месте.

— Знаю,— мягко ответил чиновник.— Я тут уже двадцать лет, а все никак не могу на нее насмотреться.

Стив и Адель восторженно глянули друг на друга. Чиновник потер кончик носа.

— Что ж, кажется, я вам больше не нужен,— сказал он и тихонько удалился.

Стив и Адель не отрывали глаз от своего сокровища.

— Ах, Стив! — вымолвила наконец Адель.— Это все наше! И ты ради нас выиграл этот приз... в одиночку!

Бакстер сжал челюсти.

— Нет, милая,— очень тихо отозвался он,— не в одиночку. Мне помогли.

— Кто, Стив? Кто тебе помог?

— Когда-нибудь я тебе все расскажу,— ответил Бакстер.— А сейчас... пойдем лучше в наш дом.

Взявшись за руки, они вошли в хибару. За их спинами в клубах лос-анджелесского смога садилось солнце.

Трудно представить себе более счастливый конец для второй половины двадцать первого столетия.

Рыцарь в серой фланели

Способ познакомиться со своей будущей женой, который избрал Томас Хенли, заслуживает внимания в первую очередь антропологов, социологов и тех, кто изучает странности человеческой натуры. Он дает пусть скромный, но образчик одного из самых непонятных брачных обычаев конца XX века. Поскольку обычай этот сильно повлиял на матримониальную индустрию современной Америки, то, что случилось с Хенли, имеет немаловажное значение.

Томас Хенли был стройный юноша высокого роста, со старомодными вкусами, пороками, которые отличались умеренно-

стью, и умеренностью, которая граничила с пороком. В разговорах, что он вел с преподавателями как мужского, так и женского пола, все было абсолютно на месте, включая грамматические ошибки, точь-в-точь приличествующие его возрасту и общественному положению. Он был владельцем нескольких костюмов из серой фланели и множества узких галстуков в косую полоску. Вы скажете, что из толпы его можно выделить по очкам в роговой оправе,— ничего подобного. Вы ошиблись, Хенли еще незаметнее.

Кто бы поверил, что этот смирный, безликий, деловито усердный и со всем согласный молодой человек в душе одержим жаждой романтики? Как ни печально, поверил бы всякий, ибо обманчивая внешность обманывала только своего владельца.

Юноши вроде Хенли, в доспехах из серой фланели с роговым забралом, образуют рыцарский орден наших дней. Миллионы и миллионы их скитаются по дорогам наших великих столиц — твердая поступь, быстрый шаг, прямой взгляд, тихий голос и стандартный костюм, превращающий человека в невидимку. Они, как актеры или зачарованные, влачат свое существование, но сердца их сжигает вечный огонь романтики.

Хенли безостановочно грезил наяву об абордажных саблях, со свистом рассекающих воздух, о фрегатах, которые, распустив паруса, устремляются навстречу восходящему солнцу, о таинственных девичьих глазах, что взирают с безмерной грустью из-под прозрачной вуали. И закономерно, в его грезах присутствовали более современные виды романтики.

Но в больших городах романтика — товар дефицитный. Наиболее предприимчивые из наших бизнесменов совсем недавно поняли это.

И вот как-то вечером к Хенли наведался гость весьма необычный.

В пятницу, после долгого дня муторной конторской рутины, Хенли пришел домой в свою однокомнатную квартирку. Он ослабил узел галстука и не без некоторой меланхолии принялся размышлять о предстоящем уик-энде. Смотреть по телевизору бокс ему не хотелось, а все фильмы в окрестных кинотеатрах он уже видел. Среди его приятельниц не было интересных девушек, и, что хуже всего, шансы познакомиться с другими фактически равнялись нулю.

Он сидел в кресле, пока на Манхэттен опускались густые синие сумерки, и размышлял, где бы встретить симпатичную девушку и что ей сказать, если он ее повстречает, и...

В дверь позвонили.

Без приглашения к нему обычно являлись только бродячие торговцы да агенты Общества содействия пожарной службе. Однако в этот вечер он был рад и такому мимолетному развлечению — отшить торговца, навязывающего свой товар. Он открыл дверь и увидел низенького, подвижного, разодетого человечка, который одарил его лучезарной улыбкой.

— Добрый вечер, мистер Хенли,— выпалил человечек.— Я Джо Моррис из нью-йоркской Службы романтики с главной конторой в Эмпайр Стейт Билдинг и филиалами во всех районах города, а также в Уэстчестере и Нью-Джерси. Наша миссия — обслуживать одиноких, мистер Хенли, а следовательно, и вас. Не отрицайте! Иначе зачем вам вечером в пятницу сидеть дома? Вы одиноки, и наше прямое дело, оно же наше удовольствие,— обслужить вас. Такому способному, восприимчивому, интересному юноше, как вы, нужны девушки — милые девушки, приятные, красивые, чуткие девушки...

— Постойте-ка,— резко оборвал его Хенли.— Если у вас там что-то вроде бюро поставки клиентов для девиц, работающих по телефонному вызову...

Он осекся, увидев, что Джо Моррис побагровел, повернулся и двинулся прочь, раздувшись от негодования.

— Куда же вы! — крикнул Хенли.— Я не хотел вас обидеть!

— Да будет вам известно, сэр, что я человек семейный,— чопорно произнес Джо Моррис.— У меня в Бронксе жена и трое детей. Если вы хотя бы на мгновение допускаете, будто я способен связать свое имя с чем-то неподобающим...

— Бога ради, простите!

Хенли провел Морриса в комнату и усадил в кресло.

К мистеру Моррису сразу же вернулись его живость и общительность.

— Нет, мистер Хенли,— сказал он,— юные леди, которых я имел в виду, не являются... э-э... профессионалками. Это красивые, нормальные, романтически настроенные молодые девушки. Но они одиноки. В нашем городе, мистер Хенли, много одиноких девушек.

Хенли почему-то считал, что в такое положение попадают одни мужчины.

— Неужто? — спросил он.

— Да, много. Задача нью-йоркской Службы романтики,— продолжал Моррис,— организовывать встречи между молодыми людьми в благоприятной обстановке.

— Гм,— сказал Хенли.— Тогда, насколько я понимаю, у вас нечто вроде — простите мне этот термин,— нечто вроде Клуба дружбы?

— Что вы! Ничего похожего! Мистер Хенли, дорогой мой, вы когда-нибудь бывали в таком клубе?

Хенли покачал головой.

— А следовало бы, сэр,— заметил Моррис.— Тогда бы вы смогли по достоинству оценить нашу Службу. Клуб дружбы! Представьте себе, пожалуйста, голый зал где-нибудь на втором этаже в дешевом районе Бродвея. На эстраде пятеро музыкантов в потертых смокингах уныло пиликают разбитные шлягеры. Жалкие звуки отдаются от стен безутешным эхом и сливаются с визгом и скрежетом уличного движения за окнами. У стен выстроились два ряда стульев, мужчины сидят по одну сторону зала, женщины — по другую. И те и другие не могут понять, как они здесь очутились. Все пытаются напустить на себя беззаботный вид, что, впрочем, им плохо удается; все беспрерывно дымят сигаретами, чтобы скрыть нервную дрожь, а окурки бросают на пол и затаптывают каблуками. Время от времени какой-нибудь бедолага набирается смелости пригласить девушку на танец и топчется с ней, словно аршин проглотил, под масленными бесстыжими взглядами всех остальных. Распорядитель, надутый кретин, с идиотской, точно приклеенной улыбочкой, мечется по залу, пытаясь оживить это похоронное сборище, но тщетно! — Моррис перевел дух.— Таков анахронизм, известный под именем Клуб дружбы,— противоестественный, изматывающий нервы гнусный обряд, которому место разве что во времена королевы Виктории, но уж никак не в наши дни. Что касается нью-йоркской Службы романтики, то она занята тем, чем давным-давно следовало бы заняться. Со всей научной точностью и технической сноровкой мы всесторонне изучили факторы, необходимые для организации удачного знакомства между особами противоположного пола.

— А что за факторы? — осведомился Хенли.

— Важнейшие из них,— ответил Моррис,— это стихийность в сочетании с ощущением роковой предопределенности.

— Но стихийность и рок, по-моему, исключают друг друга,— заметил Хенли.

— Разумеется! Романтика по самой своей природе должна состоять из взаимоисключающих элементов. Это подтверждают и составленные нами графики.

— Значит, вы продаете романтику? — спросил Хенли с сомнением.

— Вот именно! Продукт в его очищенном и первозданном виде! Не секс, который доступен каждому. Не любовь — тут нельзя гарантировать постоянство, а потому коммерческой ценности она не имеет. Нет, мистер Хенли, мы продаем романти-

ку, эту изюминку жизни, вековую мечту человечества, которой так не хватает современному обществу.

— Очень интересно,— сказал Хенли.

Но то, что он услышал от Морриса, нуждалось в веских доказательствах. Посетитель мог оказаться и мошенником, и прожектером. Кем бы он, однако, ни был, Хенли сомневался, что он торгует романтикой. То есть настоящей романтикой, теми тайными мерцающими видениями, что днем и ночью преследовали Хенли.

Он встал.

— Благодарю вас, мистер Моррис. Я подумаю о вашем предложении. Но сейчас я спешу, поэтому если вы не возражаете...

— Помилуйте, сэр! Неужели вы позволите себе отказаться от романтики?!

— Извините, но...

— Испытайте нашу систему — мы предоставим ее вам на несколько дней совершенно бесплатно,— настаивал мистер Моррис.— Вот проденьте это в петлицу.— И он вручил Хенли вешичку, похожую на микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— Что это? — спросил Хенли.

— Микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— А для чего?

— Скоро увидите. Вы только попробуйте. Мы, мистер Хенли, самая большая фирма в стране, поставляющая романтику, и наша цель — сохранить престиж, для чего мы и впредь намерены служить нуждам миллионов наиболее впечатлительных юношей и девушек Америки. Запомните, наша романтика — самая роковая и стихийная, она дает эстетическое удовольствие и физическое наслаждение, а также вполне нравственна в глазах закона.

С этими словами Джо Моррис пожал Хенли руку и исчез.

Хенли повертел транзистор в руках, но не нашел ни шкалы, ни кнопок. Он нацепил его на лацкан и... ничего не произошло.

Хенли пожал плечами, подтянул галстук и вышел прогуляться.

Вечер был ясный и прохладный. Как большинство вечеров в жизни Хенли, это было идеальное время для романтического приключения. Вокруг простирался город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять. Тысячи раз бродил Хенли по этим улицам (твердая поступь, прямой взгляд), готовый ко всему. Но с ним никогда ничего не случалось.

Он миновал огромный жилой массив и подумал о женщинах, что стоят у высоких занавешенных окон, глядя вниз на улицу, и видят одинокого пешехода на темном асфальте. Им, верно, хотелось бы знать, кто он и что ему нужно, и...

— Неплохо постоять на крыше небоскреба,— произнес чей-то голос,— и полюбоваться сверху на город.

Хенли быстро обернулся и застыл на месте. Вокруг не было ни души. До него не сразу дошло, что голос раздался из транзистора.

— Что? — переспросил он.

Радио молчало.

Полюбоваться на город, прикинул Хенли. Радио предложило ему полюбоваться на город. Да, подумал он, это и в самом деле неплохо. Почему бы и нет? И он повернул к небоскребу.

— Не сюда,— шепнуло радио.

Хенли послушно прошел мимо и остановился перед соседним зданием.

— Здесь? — спросил он.

Радио не ответило, но Хенли почудилось, будто в транзисторе одобрительно хмыкнули.

Что ж, подумал он, нужно отдать должное Службе романтики. Они, пожалуй, знают, что делают. Если не считать маленькой подсказки, все его действия были почти самостоятельными.

Хенли вошел в здание, вызвал лифт и нажал самую верхнюю кнопку. Поднявшись на последний этаж, он уже по лесенке выбрался на плоскую крышу и направился было к западному крылу.

— В обратную сторону,— прошептал транзистор.

Хенли повернулся и пошел в противоположную сторону. Остановившись у парапета, он посмотрел на город. Белые мерцающие огни уличных фонарей вытягивались в стройные ряды, тут и там красными и зелеными точками перемигивались светофоры, кое-где радужными кляксами расплывались рекламы. Перед ним лежал его город — город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять.

Вдруг Хенли заметил, что рядом с ним еще кто-то поглощен зрелищем ночных огней.

— Прошу прощения,— сказал Хенли.— Я не хотел вам мешать.

— Вы не помешали,— ответил женский голос.

«Мы не знаем друг друга,— подумал Хенли.— Мы всего лишь мужчина и женщина, которых случай — или рок — свел ночью на крыше вознесенного над городом здания. Интересно, сколько грез пришлось проанализировать Службе романтики, сколько

видений разнести по таблицам и графикам, чтобы добиться такого совершенства?»

Украдкой взглянув на девушку, он увидел, что она молода и красива. Она казалась невозмутимой, но он ощутил, что место, время и настроение — вся обстановка, безошибочно выбранная для этой встречи, волнует ее так же сильно, как и его.

Он напряженно подыскивал нужные слова и не мог их найти. Ему ничего не приходило на ум, а драгоценные мгновения ускользали.

— Огни,— подсказало радио.

— Эти огни прекрасны,— изрек Хенли, чувствуя себя последним идиотом.

— Да,— отозвалась девушка шепотом.— Они подобны огромному ковру, расшитому звездами, или блеску копий во мраке.

— Подобны часовым,— сказал Хенли,— что вечно стоят на страже ночи.

Он не мог понять, сам ли дошел до этого или механически повторил то, что пискнул еле слышный голосок из транзистора.

— Я часто сюда прихожу,— сказала девушка.

— Я здесь никогда не бывал,— сказал Хенли.

— Но сегодня...

— Сегодня я не мог не прийти. Я знал, что встречу вас.

Хенли почувствовал, что Службе романтики не мешало бы нанять сценариста классом повыше. Среди бела дня такой диалог прозвучал бы просто нелепо. Но сейчас, на крыше-площадке высоко над городом, когда огни далеко внизу, а звезды близко над головой, это был самый естественный разговор на свете.

— Я не поощряю случайных знакомств,— произнесла девушка, сделав шаг к Хенли.— Но...

— Я не случайный,— ответил Хенли, придвигаясь к ней.

В звездном свете ее белокурые волосы отливали серебром. Девушка чуть приоткрыла рот. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

Они стояли лицом к лицу, и Хенли ощущал едва уловимый запах ее духов и благоухание волос. У него задрожали колени, его охватило замешательство.

— Обнимите ее,— шепнуло радио.

Действуя, как автомат, Хенли протянул руки, и девушка прижалась к нему с тихим коротким вздохом. Они поцеловались — просто, естественно, неизбежно, охваченные нарастающей страстью, как и было задумано.

На отвороте ее блузки Хенли заметил усыпанный бриллиантами транзистор-малютку. Тем не менее он вынужден был

признать, что их встреча, стихийная и роковая, доставила ему, помимо всего прочего, еще и чрезвычайное удовольствие.

На верхушках небоскребов уже зачиналось утро, когда Хенли, вконец измотанный, добрался до дома и завалился спать. Он проспал весь день и проснулся под вечер, голодный как волк.

Он сидел за обедом в баре по соседству и размышлял о том, что произошло этой ночью.

Все, решительно все было чудесно, захватывающе и безупречно: встреча на крыше, а потом уютный полумрак ее квартирки, и то, как они расстались на рассвете, и тепло ее сонного поцелуя, что все еще горел у него на губах. И все-таки его снедала какая-то неудовлетворенность.

Хенли делалось не по себе при мысли о романтическом свидании, подстроенном и разыгранном при помощи транзисторов, чьи сигналы вызывали у любовников соответствующие стихийные и в то же время роковые реакции. Спору нет, Служба поработала на славу, но что-то здесь было не так.

Он представил себе, как миллионы молодых людей в серых фланелевых костюмах, при галстуках в косую полоску бродят по городу, повинуясь еле слышным приказам миллионов транзисторов. Мысленным взором он видел ночных операторов за центральным пультом управления двусторонней видеосвязью — честный, работящий народ, который, выполнив норму по романтике, покупает утренние газеты и разъезжается на подземке по домам, где ждут жена или муж и детишки. Это было противно, но, что ни говори, все же лучше, чем вообще никакой романтики. Таков прогресс. Даже романтику пришлось поставить на солидную организационную основу, не то и она пропала бы во всей этой катавасии.

«И вообще,— решил Хенли,— так ли уж это странно, если разобраться по существу? В средние века, чтобы отыскать заколдованную красавицу, рыцарь запасался у ведьмы талисманом. Сегодня комиссионер снабжает юношу транзистором, который делает то же самое и, судя по всему, куда быстрее».

«Совсем не исключено,— подумал он,— что настоящей стихийной и роковой романтики никогда и не было. Может, в этом деле всегда требовался посредник».

Хенли не рискнул додумать эту мысль до конца. Он расплатился за обед и вышел на улицу прогуляться.

На сей раз твердая поступь и быстрый шаг привели его в кварталы городской бедноты. Вдоль тротуаров тянулись ряды мусорных ящиков, а из грязных окон доходных домов доносилось печальное соло на кларнете и визгливые голоса скандаля-

щих женщин. Полосатая кошка уставилась на него из закоулка агатовыми глазами и шмыгнула неизвестно куда.

Хенли остановился, поежился и решил повернуть назад.

— Почему бы не пройти немного дальше? — подтолкнуло радио.

Вкрадчивый голос раздался как бы у него в голове. Хенли снова поежился и... пошел дальше.

Теперь на улицах стало безлюдно и тихо, как в склепе. Слепые громады складов и железные шторы на окнах магазинов заставили его прибавить шагу. «Есть приключения, которых, пожалуй, искать не стоит»,— подумалось Хенли. Для романтики здесь обстановка самая неподходящая. Зря он послушался радио и не вернулся в свой привычный, залитый светом, упорядоченный мир.

Он услышал какую-то возню и, глянув в тесный переулок, увидел, как двое мужчин пристают к девушке, а та безуспешно пытается вырваться.

Реакция Хенли была стихийной и мгновенной. Он приготовился дать стрекача и привести полицейского, а еще лучше — двух или трех. Помешал транзистор.

— Сами справитесь,— сказало радио.

«Черта лысого я справлюсь»,— мелькнуло у него в голове.

Газеты пестрели заметками о смельчаках, считавших, будто им под силу справляться с бандитами. Как правило, все они попадали в больницу, где на досуге могли поразмыслить о пробелах своего образования по части кулачного боя.

Но радио не отставало. И Хенли, повинуясь роковой неизбежности и тронутый жалобными мольбами о помощи, решился. Он снял очки в роговой оправе, уложил в футляр, засунул его в задний карман брюк и очертя голову ринулся в мрачную пучину переулка.

Он налетел на мусорный бак, опрокинул его — но достиг места действия. Грабители почему-то его не заметили. Хенли схватил одного из них за плечо, повернул к себе лицом и сделал хук правой. Человек зашатался и упал бы, если бы не стена. Его дружок выпустил девушку и бросился на Хенли, который встретил его тройным ударом обоих кулаков и правой ноги. Тот свалился, пробормотав; «Ну-ну, полегче, приятель».

Хенли повернулся к первому. Бандит налетел на него с бешенством разъяренной кошки. Однако, как ни странно, весь шквал его ударов не достиг цели, и Хенли уложил его одним точным ударом левой.

Грабители поднялись на ноги и пустились наутек. Хенли разобрал, как на бегу один жаловался другому: «Чем эдак зарабатывать на жизнь, уж лучше ноги протянуть».

Эта реплика явно не значилась в сценарии, поэтому Хенли оставил ее без внимания и обратился к девушке. Она уцепилась за него, чтобы не упасть, и едва смогла вымолвить:

— Ты пришел...

— Я не мог не прийти,— повторил Хенли за еле слышным суфлером.

— Я знала,— прошептала она.

Хенли увидел, что она молода и красива. В свете фонаря ее черные волосы отливали антрацитом, а полуоткрытые губы — кармином. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

На этот раз Хенли обнял ее, не дожидаясь подсказки. Он понемногу усваивал форму и содержание романтического приключения, равно как и надлежащий образ действий, ведущий к возникновению стихийной и в то же время роковой страсти.

Не теряя времени, они отправились к ней на квартиру. По дороге Хенли заметил в ее волосах огромный сверкающий бриллиант.

И только много позже он догадался, что это не драгоценность, а искусно замаскированный транзистор.

Вечером на другой день Хенли опять не сиделось дома. Он шел по улице и пытался не обращать внимания на бесенка неудовлетворенности, который тихонько скребся внутри. «То была чудесная ночь,— повторял он себе,— ночь нежных теней, шелковых прядей, ласкавших его лицо, и слез благодарности, когда девушка плакала у меня на плече. Однако...»

Девушка оказалась не в его вкусе, как, впрочем, и та, первая, и с этим печальным фактом ничего нельзя было поделать. Нельзя же, в самом деле, сводить наобум двух совершенно чужих друг другу людей и ожидать, что пылкая мгновенная страсть обернется любовью! У любви свои законы, от которых она ни за что не отступит.

Хенли шел и шел, но в нем крепла уверенность, что сегодня непременно он отыщет свою любовь. Ибо этой ночью рогатый месяц висел низко над крышами, а легкий ветерок приносил с юга смешанный аромат чего-то экзотически пряного и до боли родного.

Радио молчало, и он брел наугад. Он сам, без подсказки, нашел маленький парк на берегу реки, и к девушке, что одиноко стояла у парапета, он приблизился по своей воле, а вовсе не по команде из транзистора. Он остановился рядом с ней и погрузился в созерцание. Слева стальные канаты большого моста расплывались во мраке, напоминая огромную паутину.

Река катила черные маслянистые воды, то и дело образуя по течению маленькие водовороты. Завыл буксир, ему ответил другой; они перекликались, как души, затерянные в ночи.

Транзистор не торопился с советами. Поэтому Хенли начал:

— Приятная ночь.

— Возможно,— ответила девушка, даже не повернув головы.— А возможно, и нет.

— В ней есть красота,— сказал Хенли,— для тех, кто хочет ее увидеть.

— Удивительно. Вот уж никак не ожидала услышать...

— Разве? — спросил Хенли, подвигаясь к ней на шаг.— Разве это и в самом деле так удивительно? Удивительно, что я здесь? И вы тоже?

— Может быть, и нет,— ответила девушка, наконец обернувшись и посмотрев Хенли в лицо.

Она была молода и красива. В лунном свете ее каштановые волосы отливали бронзой. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

От неожиданности она чуть приоткрыла рот.

И тут его озарило.

Вот приключение, по-настоящему стихийное и роковое! Не радио привело его сюда, и не радио, нашептывая нужные слова, подсказало, как себя вести. Хенли взглянул на девушку, но не заметил у нее на блузке или в волосах ничего похожего на транзистор.

Он нашел свою любовь без помощи нью-йоркской Службы романтики! Тайные мерцающие видения, которые его преследовали, наконец-то сбывались.

Он протянул руки, и девушка прижалась к нему с еле слышным вздохом. Они поцеловались. Огни большого города сверкали и смешивались со звездами в небе, месяц клонился все ниже и ниже, а над черной маслянистой рекой сирены обменивались траурными вестями.

Девушка перевела дыхание и высвободилась из его объятий.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Нравитесь?! — вскричал Хенли.— Это не то слово!

— Я рада,— сказала девушка,— потому что я опытный образец вольной романтики, который вам предоставил на пробу трест «Производство великой романтики» с главной конторой в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Наша фирма предлагает вашему вниманию истинно стихийную и роковую романтику любого вида. Опираясь на технологические изыскания, мы смогли ликвидировать грубокустарные приспособления типа транзисторов, которые привносят скованность и ощущение подневольно-

сти там, где вы не должны ощущать никакого контроля. Мы счастливы, что наш опытный образец пришелся вам по душе. Не забудьте, однако: это — только образец, первая проба того, что может вам предложить «Производство великой романтики» с филиалами по всему миру. В этом проспекте, уважаемый сэр, описано несколько типовых проектов. Возможно, вас заинтересует цикл «Романтика под всеми широтами»; если же вы отличаетесь смелым воображением, вам, вероятно, больше подойдет пикантный набор «Романтика сквозь века». Обратите внимание на постоянно действующий «Городской проект» и...

Она вложила ему в руку тонкую книжицу с яркими иллюстрациями. Хенли уставился на проспект, потом на девушку. Он разжал пальцы, и книжица с шелестом порхнула на землю.

— Сэр, я надеюсь, мы не оскорбили ваших чувств! — воскликнула девушка.— Эти чисто деловые стороны романтики неизбежны, но преходящи. В дальнейшем наша романтика сразу становится стихийной и роковой. Вы только будете раз в месяц получать счет — по почте, в обычном конверте без указания адреса отправителя, и...

Но Хенли уже бежал прочь вниз по улице. На бегу он выдернул из петлицы транзистор и швырнул его в сточную канаву.

Комиссионерам от романтики так и не удалось всучить Хенли свой товар. У него была тетушка, которой он позвонил, и та, возбужденно кудахтая в трубку, тут же устроила ему свидание с дочкой одного из своих старых друзей. Они встретились в тетушкиной гостиной, тесной от обилия украшений и безделушек, и, запинаясь на каждом слове, добрых три часа проговорили о погоде, о политике, о работе, о колледже и общих знакомых. Тетушка, сияя от счастья, потчевала их кофе и домашним печеньем, разрываясь между кухней и ярко освещенной гостиной.

И видимо, что-то в этих строго официальных, отдающих седой древностью смотринах подействовало на молодых людей самым благотворным образом. Хенли начал за ней ухаживать, и они поженились через три месяца.

Любопытно отметить, что Хенли был из последних, кто нашел себе жену столь причудливым, старомодным, ненадежным, бессистемным и непроизводительным способом. Ибо компании обслуживания сразу учуяли коммерческие перспективы «метода Хенли». Был составлен график кривой воздействия замешательства и смущения на психику; больше того, произведена финансовая оценка роли Тетушки в системе Американского Ухаживания.

Вот почему один из самых распространенных и высокооцениваемых сегодня видов обслуживания в ассортименте таких компаний — поставлять стандартных тетушек в распоряжение молодых людей мужского пола, обеспечивать оных тетушек стеснительными и застенчивыми девушками и заботиться о соответствующей обстановке, а именно: ярко освещенной, уставленной безделушками гостиной, неудобной кушетке и энергичной пожилой даме, которая суетится с кофе и домашним печеньем, врываясь в комнату через точно рассчитанные неравномерные промежутки времени.

Дух, говорят, захватывает. До умопомрачения.

Предварительный просмотр

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября. В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гонориус пришел в ужас: в августе он заполнил формуляр на Продление статуса, который к сегодняшнему дню должны рассмотреть в установленном порядке. Это дало ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим другом графом Унгерфьордом.

— Черт побери, это несправедливо с их стороны! — заявил Гонориус.— Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-нибудь. Я не хуже других знаю, что брак — это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на котором покоится государственная безопасность. Дьявол, да я не хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

— Может быть, ты излишне суетлив? — предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Гонориус покачал головой.

— Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризованную карточку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.

— Да,— самодовольно согласился Унгерфьорд,— именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.

— Неужели нет исключений?

— Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о нем ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.

— Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни,— сказал Гонориус.— Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?

— Так далеко мы еще не зашли,— успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек.— Отправляйся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.

Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустелом районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской «Оптовая торговля б/у матчастью и матобеспечением». Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным, краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он отделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.

— Вы обратились как раз туда, куда нужно,— заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией.— Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, растлителей малолетних, поджигателей, социал-реформаторов, анархистов и тому подобных личностей — это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя. Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И разумеется, никто не будет оспаривать ни

этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.

— Да! — сказал Гонориус.— Именно поэтому я пришел к вам. Какие у вас есть практические...

Но Фьюлера не так-то просто было лишить слова.

— Что нам необходимо — так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризованного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решить, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

— Если бы! — сказал Гонориус.— Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

— Выход есть! — сказал Фьюлер улыбаясь.

— Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

— Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется «Синтезатор и имитатор политических факторов».

— Я слышал о нем,— сказал Гонориус.— Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сотворить с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер может сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

— Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что, если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

— Это было бы великолепно,— сказал Гонориус.— Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс.

— Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов и операторов-идеалистов уже сам канал ввода данных — канал, от которого зависит информационное питание имитатора, может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что

имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщиной, какую ни пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

— Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

— А нам и не нужно подбираться. Мы завладеем терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого человечка.

— Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро улажен, и Фьюлер сверился с расписанием.

— Поскольку ваше дело не терпит отлагательства, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

К условленному часу Гонориус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризованного сватовства — первоклассное агентство с Мэдисон-авеню, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток из Национального объединения резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА), основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась вплоть до того момента, когда жених получал разрешение на моногамный брак. Все эти женщины добровольно избрали статус «мгновенной доступности»; единственное, что требовалось от Гонориуса,— это засвидетельствовать свою готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса явствовало, помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой, привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным, зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым президентом фирмы «Глип электроникс» за всю ее историю, и перед ним открыты поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток мечтали урвать жениха с такой спецификацией. Гонориус являл собой пример добрачного заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.)

Мисс Гребс привела Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал компьютера был спря-

тан там в кузове мебельного фургона. Два техника, переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фургона, где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники усадили Питера в большое командное кресло и укрепили у него на лбу и запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

— Сегодня у нас хватит времени только на одну из них,— сказала она.— Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

— Неважно,— сказал Гонориус.— Они все похожи. Я имею в виду карточки. Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой — прелестную миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103Ц.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Они прогуливались рука об руку по Бликер-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собирается сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногсшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угрюмо жарит Ему на обед рубленые бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание — Он читал свой «Уолл-стрит джорнэл», а Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженном щербатым забором из врытых в землю рельсов, большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго сидеть в безупречной позе лотоса. Ее немигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь — нежелательный отвлекающий момент при увеличении мандалической созерцательности. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддист-

скую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс 1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс 3543, была высокой, стройной, веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала ему салат «Уолдорф» возле жаровни с раскаленными углями. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился кокер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже — спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивисе. Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот Они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губы, когда Она раздает брошюрки по сциентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс 3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля «Скотовод» в Талсе Он уже вопил на Нее: «Ну, скажи хоть что-нибудь, манекен! Хоть что-нибудь! Христом Богом прошу, говори!» Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями. Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то был номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихиканье плюс два Брата-

Тупицы. По крайней мере, это был не самый гибельный вариант.

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда выходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова Мартас Виньярд вместе с 6903-й, миловидной девушкой с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней — Его непромокаемый плащ, и Они бегут, смеясь, под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сразу же помчался в контору Фьюлера.

— Фьюлер! — закричал он.— Наконец-то я нашел ЕЕ! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

— Поздравляю, мой мальчик,— сказал Фьюлер.— А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

— Немедленно! — заявил Гонориус.— Включите Машину государственного архива! 6903 — очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

— Я выясню это сию же минуту,— сказал Фьюлер.— Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Гребс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит, Флашинг, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

— Кажется, я уже где-то слышал это имя,— сказал Гонориус.

— И я,— сказал Фьюлер.— Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

— Вы звали меня, сэр? — спросила Гребс из соседней комнаты.

— Это ты?! — воскликнул Фьюлер.

— Это она! — вскричал Гонориус.— То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец он сурово спросил:

— Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Гонориуса?

— Я объясню это мистеру Гонориусу наедине,— сказала она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

— Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? — сказал Гонориус.

— Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених,— сказала Дина Гребс.— Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матримониальная служба даже не стала бы обрабатывать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

— Понятно,— сказал Гонориус.— Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких достаточно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными — в пределах разумной суммы — в уплату за потраченные вами время и усилия.

— Я не ослышалась? — изумилась Гребс.— Вы предлагаете мне деньги, чтобы я больше не задерживала вас?

— Конечно,— сказал Гонориус.— Я хочу, чтобы все было по-честному.

— Красота! — воскликнула Гребс.— Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента. В сущности, вы меня уже потеряли.

— Постойте-ка,— сказал Гонориус,— я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона — я, а не вы.

— Вы — потерпевшая сторона? Я в вас влюбилась, мошенничаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы — потерпевшая сторона?!

— Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что-нибудь подтасовали, ведь так?

— Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого тупицы, как вы! Рекомендую номер третий — ту, что вечно

молчит как рыба. По крайней мере, при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придвинулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и не в объятиях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь — то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения,— это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви,— это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и стабильность государства.

Позже Гонориус спросил Дину:

— Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?

— Поживем — увидим,— ответила Дина.

Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще многомного раз.

Стоимость жизни

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

— Доброе утро, дорогой,— сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

— Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы «Авиньон электрик».

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из «Авиньон электрик». То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

— Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

— До свидания, детка.— Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

«Во всяком случае она-то счастлива»,— подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине «Авиньон электрик».

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из «А. Э.» осталось полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения — это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат «А. Э.» и установил регулятор душа чуть повыше деления «освежающая». По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем — бодрящее растирание досуха автополотенцем «А. Э.».

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и разминало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце «А Э.» вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он, когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

— Не забыл ли я чего-нибудь? — спросил он вслух.

— Через пятнадцать минут придет инспектор «Авиньон электрик»,— прошептал настенный секретарь фирмы «А. Э.», установленный в ванной.

— Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения — великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

«Ладно, достаточно». Он позвонил автолакею «А. Э.», и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: «К вам мистер Пэтис из финансового отдела "Авиньон электрик"».

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой «Кастиль моторс». Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор «А. Э.» не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

— Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек,— сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

— Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

— Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? — спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул.— Все ли в исправности?

— О да,— с энтузиазмом ответил Кэррин.— Если имеешь дело с «Авиньон электрик», бояться неполадок не приходится.

— Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

— Будьте уверены,— ответил Кэррин. До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

— А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

— Принимает безукоризненно.— Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

— Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

— Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы «Авиньон электрик».

— Все замечательно,— сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды, поскольку успел распаковать далеко не все покупки.— Просто чудесно.

— Очень рад,— сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула.— Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.

— Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.

Кэррин надеялся, что служащему «А. Э.» не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы «Кастиль моторс», неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.

— Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас,— говорил между тем мистер Пэтис.— У нас солидная фирма.

— А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? — полюбопытствовал Кэррин.

— Тот парень, что покончил с собой? — Пэтис на мгновение нахмурился.— По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младе-

нец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.

— Понятно.

— Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.

— Повесился?

— Да,— сказал Пэтис, вновь нахмурясь.— В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.

Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.

— Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.

Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.

— Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин,— таков итог после вашей последней покупки. Правильно?

— Правильно,— подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам.— Примите очередной взнос.

Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.

— Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.

— Да, едва ли я успею,— трезво согласился Кэррин.

Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

— Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул. Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

— А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэрриком.

— Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

— Не знаю, как быть,— сказал Кэррин.— Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

— Но ведь, дорогой сэр,— вставил Пэтис,— это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

— Конечно,— подтвердил Кэррин.— Но ведь...

— Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

— Верно,— с сомнением проговорил Кэррин.

Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. «Правильно ли я поступаю?» — спросил он себя.

— Что вас беспокоит? — бодро спросил Пэтис.

— Да я просто подумал,— сказал Кэррин,— дать обязательство на заработок сына — не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

— Слишком далеко? Дорогой сэр! — Пэтис разразился хохотом.— Вы знаете Меллона? Того, что живет в конце квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов — наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул.

— А когда вас не станет, все это перейдет к вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни — сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

— Отлично! — сказал Пэтис.— Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы «А. Э.»?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор — это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи — владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

— Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его

жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкояти, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

— Привет, милый! — Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо.— Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы «А. Э.». Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

— Прелестный,— похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

— Сейчас наберу ужин,— сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

— Как дела, сынок? — тепло спросил Кэррин.

— Хорошо,— апатично ответил Билли.

— В чем дело, сынок? — Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги невидящими глазами.— Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

— Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

— Возможно, сынок. Все возможно.

— Но возможно ли это именно для меня?

— Не знаю,— ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

— Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком,— сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ.— Я хочу стать летчиком-космонавтом.

— Летчиком-космонавтом, Билли? — вмешалась Лила, войдя в комнату.— Но ведь у нас их нет.

— Нет, есть,— возразил Билли.— Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

— Это говорится уже сто лет,— сказал Кэррин,— однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

— На этот раз пошлют.

— Почему ты так рвешься на Марс? — спросила Лила, подмигнув Кэррину.— На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

— Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

— Тебе там не понравится, милый,— сказала Лила.— Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

— Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать,— угрюмо настаивал мальчик.— Мне здесь не нравится.

— Это еще что? — спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле.— Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

— Нет, сэр. У меня есть все, что надо.— Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

— Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

— Почему же ты им не стал?

— Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

— ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы — прямые, как у отца,— и облизнул губы.

— Откуда у меня появились долги, сэр?

Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

— Сынок,— резко произнес он,— ты проходил в школе историю? Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

— Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

— Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства — все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку.— Голос его смягчился.— Ну, о чем ты думаешь?

— Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс,— ответил мальчик.— Я хочу сказать — с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

— Конечно, нет.

— Разве что забраться в ракету зайцем.

— Но ты ведь этого не сделаешь.

— Конечно, нет,— сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

— Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке,— подхватила мать.

— Конечно, останусь,— отозвался Билл.— Конечно.— Он неожиданно ухмыльнулся.— Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

— Я очень рада,— ответила Лила.

— Забудьте о том, что я тут наболтал,— попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

— Наверное, пошел играть с ракетами,— сказала Лила.— Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Опознав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы — все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины — они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

— Все в порядке? — спросил он.

— Конечно,— ответил сменщик.— Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

— Готова к стирке,— сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоится ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик — прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

— Готова к стирке.— Прошла другая машина.

Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил, что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

— Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

— Готова к стирке.

Он нажал выключатель.

— Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

Страж-птица

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд.

— Представитель президента еще не прибыл,— сказал Гелсену один из собравшихся.— Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу,— сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов, убийство — проблема, старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены,— повторил он,— президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется,— продолжал представитель,— что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю,— заявил председатель Южной объединенной компании.— У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно,— заметил представитель.— Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр,— сказал Гелсен.— Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход Золотого века?!

— В чем суть возражения? — спросил представитель президента.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно,— согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен,— сказал один из предпринимателей.— Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Думаю, вы правы,— вставил представитель президента.— Но я могу понять мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершит убийство.* Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен,— уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну, что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс.— Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной.— Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана.— Ай да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй,— сказал капитан.— Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я,— жалобно сказал Селтрикс.— Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так,— поправил капитан.— Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских.— Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль,— сказал капитан.— Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться,— признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму,— сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана.— Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

— Да вот,— заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях,— эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особому действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-оные,— с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц,— недоверчиво сказал полицейский.

— Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех,— сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю,— повторил капитан.— Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не испускают таких волн,— пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье.— Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно,— сказал Селтрикс.— А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, шенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе.— Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли.— Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев.— Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф,— доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом,— заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно,— согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить...— Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение.— Да что, замечательная штука.

— Я не о том,— сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял.— Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну, почему же? — Макинтайр снова усмехнулся.— А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут — а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого,— признался Гелсен.

— Ничего такого не случится,— заверил Макинтайр.— Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют *учиться*.

— Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра, и еще того больше на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит,— сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим,— сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя,— сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял задачу малому ребенку.— Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы,— сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю,— сказал он Макинтайру.— А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю,— раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа.— Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти.— А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф,— заметил Макинтайр.— Вы знаете, что собой представляет это обучающее устроство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю,— сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... Гелсен замялся.— Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты,— сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смеркалось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающее устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо,— сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о,— простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передавались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прянула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо,— сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак,— сказал Гелсен.— Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет,— мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона,— ответил секретарь.— Я думал...

— Ладно, извините.— Гелсен снял трубку.— Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно,— сказал он Макинтайру.— Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто,— возразил Макинтайр.— Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры,— сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив,— с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний момент спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают?! — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну,— пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа. Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю,— отозвалась сестра. Голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... Но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург.— Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может страж-птица допустить,

чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птицы был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть,— подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито.— Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная,— сказал он повисшей над ним механической птице.— Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии,— сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год...— повторил Гелсен.— Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю,— сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля.— Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день.— По крайней мере, я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы — машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность,— сказал Гелсен.— Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут,— повторил Макинтайр.— В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте,— сказал Гелсен.— Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть,— сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана.— Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я кажется, не спорил,— заметил капитан.

— А все ж таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

— Знаю.— Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру.— Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся.— Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно,— сказал Селтрикс.— Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды.

Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали, не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались и сыпали проклятиями и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы — живое существо, ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента — с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодным.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево. Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента.— Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать,— заявил председатель компании Монро.— Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Прошу вас об этом не беспокоиться,— заговорил представитель президента.— Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смутился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он.— Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен,— прервал председатель компании Монро.— Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель президента с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком,— уговаривал Гелсен.— Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно,— сухо сказал представитель.— Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки.— Он откашлялся.— Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план.— Он пронзил взглядом Гелсена.— Отказ равносилен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разгладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды. Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук,— сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно,— отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно.— Инженер опустился на стул.— Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю,— сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают,— пообещал Макинтайр.— Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны,— прибавил Макинтайр.— Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше,— весело продолжал Макинтайр.— В них заложено обучающее устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте,— спросил он, все еще глядя в небо,— а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр.— Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем,— неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню,— сказал Гелсен.— Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается,— сказал Гелсен.— А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

Язык любви

Однажды в послеполуденный час Джефферсон Томс зашел в кафе-автомат выпить чашку кофе и позаниматься. Усевшись и пристроив поблизости конспект лекций по философии, он взглянул на девушку, управляющуюся со стайкой роботов-официантов. У девушки были дымчато-серые глаза и волосы цвета

ракетного выхлопа, фигурка у нее была тоненькая, но отлично очерченная, и, глядя на все это, Томс внезапно ощутил, что к горлу подкатывает комок, а на ум почему-то приходят осенний вечер, дождь и огонек свечи.

Вот так к Джефферсону Томсу пришла любовь. Чтобы познакомиться с девушкой, этот обычно сдержанный молодой человек послал жалобу по поводу слишком автоматического обслуживания. Когда встреча состоялась, Томс был косноязычен и переполнен чувствами. И все же он ухитрился назначить ей свидание.

Девушка — ее звали Дорис — согласилась сразу. Коренастый черноволосый студент произвел на нее впечатление. Тут-то начались муки Джефферсона Томса.

Несмотря на успехи в изучении философии, он обнаружил, что любовь — это восхитительное и в то же время на редкость беспокойное чувство. Даже в веке, в котором жил Томс, веке, когда космические лайнеры уничтожили расстояние между отдаленными мирами, болезни были окончательно побеждены, войны — немыслимы, а все вопросы, имевшие хоть малейшую важность, образцово разрешены, проблема любви оставалась все такой же сложной.

Старушка Земля жила лучше, чем когда бы то ни было. Города сверкали пластиками и нержавеющей сталью. Оставшиеся кое-где леса представляли собой тщательно охраняемые островки зелени, где вы могли отдыхать в полной безопасности, поскольку все звери и насекомые были удалены в специальные гигиенические зоопарки, и там с завидным умением воспроизводились их естественные условия жизни.

Даже климат Земли поддерживался искусственно. Фермеры получали свою порцию дождя между тремя и половиной четвертого утра, на стадионах собирались толпы смотреть программу солнечных закатов, а торнадо создавали раз в год на специальной арене во время празднования Всемирного дня мира.

Но в делах любви царил тот же беспорядок, что и всегда, и Томс воспринимал это болезненно. Он попросту не мог выразить свои чувства словами. Такие обороты, как «я от тебя без ума», были затасканны, и «я люблю тебя», «обожаю тебя» не выражали существа дела. Они не могли передать всей глубины и пыла его переживаний. В сущности, они даже обедняли их, поскольку теми же словами выражался любой стереотип, любые малозначительные мысли. Люди пользовались ими в повседневных разговорах, и сплошь и рядом можно было услышать, как они любят свиные отбивные, обожают закаты и без ума от тенниса.

Все существо Томса восставало против этого. Он дал себе клятву никогда не говорить о любви теми же словами, что и о свиных отбивных. Но к своему великому разочарованию, обнаружил, что не может выдумать ничего лучшего. Он обратился к своему профессору философии.

— Мистер Томс,— сказал профессор, утомленно покачивая очками,— любовь пока еще не стала предметом наших исследований. В этой области не было выполнено ни одной значительной работы, за исключением так называемого Языка Любви тианцев.

Легче от этого не стало. Томс продолжал размышлять о любви и мечтать о Дорис. В часы их обычных встреч, по вечерам, около ее двери, когда тени от плетей дикого винограда скользили по ее лицу, Томс мучительно пытался рассказать о своих чувствах. Отказавшись от общепринятого языка влюбленных, он старался выразить мысли как-нибудь поэтичней.

— Я испытываю к тебе то же чувство,— говорил он,— какое звезда испытывает к своим планетам.

— Как это огромно! — отвечала она, чрезвычайно польщенная.

— Я не то имел в виду,— признавался Томс.— Мое чувство гораздо больше. Ну, например, когда ты идешь, я вижу перед собой...

— Что?

— Лань на лесной прогалине,— сказал Томс, хмуря брови.

— Как очаровательно!

— Я совсем не стремился быть очаровательным. Я хотел выразить некоторую свойственную тебе неуклюжесть, и вот...

— Но, милый,— возразила она,— я совсем не неуклюжа. Мой учитель танцев...

— Я не говорю, что ты неуклюжа. Но самая сущность неуклюжести, которая... которую...

— Понимаю,— сказала она.

Но Томс знал, что она ничего не понимает.

Так он был вынужден отказаться от необычных способов выражения своих мыслей. Скоро он обнаружил, что не может сказать Дорис ничего мало-мальски важного — каждый раз все оказывалось совсем не то, просто ничего похожего.

Между ними постепенно вырастало длительное унылое молчание.

— Джефф,— умоляла она,— ну скажи хоть что-нибудь.

Томс пожимал плечами.

— Пусть даже совсем не то, что ты думаешь...

Томс вздыхал.

— Ради всего святого! Я не могу этого вынести!

В конце концов он сделал ей предложение. Он готов был допустить, что любит ее, но уклонился от развития этой темы. Он объяснил, что брак должен быть основан на искренности, в противном случае все будет обречено на неудачу.

Дорис нашла эти порывы превосходными, но от замужества отказалась.

— Ты должен сказать девушке, что любишь ее,— заявила она.— Ты должен повторять ей это по сто раз на день, Джефф, и даже этого все равно мало.

— Но я же люблю тебя,— запротестовал Томс.— Я хотел сказать, что у меня такое чувство, словно...

— Перестань!

Получив такой отпор, Томс подумал о Языке Любви и отправился к своему профессору.

— Говорят,— сказал профессор,— что у аборигенов планеты Тиана II был особый и единственный в своем роде язык для выражения любви. Им казалось совершенно немыслимым сказать: «Я люблю вас». В таких случаях они использовали слова, точно отражающие вид и класс любви, которую они ощущали именно в данный момент.

Томс кивнул, и профессор продолжал:

— Конечно, вместе с языком развивалось и искусство творить любовь, поистине невероятное в своем совершенстве.

— Это именно то, что нужно! — воскликнул Томс.— Как далеко до Тианы II?

— Порядочно. И к тому же ехать туда незачем — жители планеты вымерли.

— Следовательно, язык утерян?

— Не совсем. Двадцать лет назад землянин по имени Джордж Веррис отправился на Тиану II и изучил Язык Любви с помощью нескольких уцелевших тианцев.

Томс долго и тяжело размышлял. Путешествие на Тиану II было нелегким, длительным и дорогим. Возможно, Веррис умрет, прежде чем он доберется до места, или откажется учить его языку. «Стоит ли любовь всего этого?» — спрашивал себя Томс.

Он продал ультракомбайн, аппарат искусственной памяти, учебники философии, несколько акций, полученных в наследство от деда, и оплатил поезд до Грантиса IV, ближайшего к Тиане II пункта, куда регулярно отправлялись звездолеты. Покончив со всеми приготовлениями, он пошел к Дорис.

— Когда я вернусь,— сказал он,— я буду в состоянии точно высказать тебе, как сильно... Я имею в виду, Дорис, что, когда освою искусство тианцев, ты будешь любима так, как не была еще любима ни одна женщина.

— Ты думаешь? — спросила она. Глаза ее засветились.

— Ну,— сказал Томс,— слово «любима» не совсем точно выражает это. Однако я имею в виду нечто очень близкое.

— Я буду ждать тебя, Джефф,— сказала она,— но, пожалуйста, возвращайся скорее.

Джефферсон Томс кивнул, смахнул слезы, сжал Дорис в объятиях и поспешил в космопорт. Через час он был в пути.

Четырьмя месяцами позже Томс уже шел по пустынному проспекту тианской столицы. По обеим сторонам его вздымались величественные строения. С помощью карманного тианского словаря он разобрал вывеску на одном из зданий: «Бюро консультаций по проблемам любви четвертого уровня».

Он миновал «Институт по исследованиям замедленной привязанности» и двухсотэтажный «Дом для эмоционально отсталых». Это был город, целиком посвятивший себя исследованиям и советам в делах любви.

Для дальнейших размышлений времени не было. Прямо перед ним находился гигантский «Комбинат любовных услуг». Из мраморного подъезда вышел старик.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Джефферсон Томс, землянин. Прибыл сюда, чтобы изучить Язык Любви, мистер Веррис.

Веррис внимательно посмотрел на него.

— Но это не простое дело, Томс. Язык Любви почти так же сложен, как нейрохирургия или практическая юриспруденция. Нужна работа, много работы, а также талант.

— Я буду работать.

Томс запоминал длиннейшие перечни чудес природы, с которыми можно сравнивать различные чувства. Каждый предмет в природе был занесен в каталоги, классифицирован и снабжен подходящими уточняющими эпитетами.

Когда он заучил весь перечень, Веррис начал тренировать его в восприятии любви. Томс изучил странные мелочи, из которых складывается состояние влюбленности. Некоторые из них были настолько комичны, что он не смог удержаться от смеха.

Старик строго увещевал его.

— Любовь — серьезное дело, Томс. Вам кажется смешным, что предрасположение к любви часто создается скоростью и направлением ветра...

Вскоре Веррис устроил ему десятичасовое письменное испытание, которое Томс выдержал с отличными оценками. Он был полон стремления поскорей закончить учебу, но Веррис заметил, что левый глаз его ученика подергивается, а руки начинают дрожать.

— Вам необходимы каникулы,— сообщил ему старик.

Томс подумывал об этом и сам.

— Вы правы,— сказал он с едва скрываемым нетерпением.— А не отправиться ли мне на несколько недель на Цитеру?

Веррис, которому репутация Цитеры была известна, улыбнулся.

— Не терпится испытать новые знания?

— Но черт побери! — взорвался Томс.— Должен же я немного поэкспериментировать! Должен же я показать самому себе, как все это действует. Особенно «Подход 33-СЦ». В теории он выглядит чудесно, однако я сомневаюсь, что он сработает на практике.

Они забрались в принадлежащий старику космический корабль и летели пять дней до маленького безымянного планетоида. Совершив посадку, старик привел Томса на берег быстрой речки, где вода была огненно-красной, а пена сверкала. По берегам росли низкорослые деревья с листьями цвета киновари. Даже трава — оранжевая и голубая — не походила на траву.

Томс проводил дни, странствуя по берегам рек или любуясь цветами, которые жалобно стонали, когда он приближался. По ночам три сморщенные луны играли друг с другом в салки, утреннее солнце совсем не было похоже на желтое солнце Земли.

В конце недели посвежевшие и обновленные Томс и Веррис вернулись на Тиану II. Томс научился различать пятьсот шесть оттенков Истинной Любви, от самых первых, робких ее проявлений до наивысшего чувства.

В один прекрасный день Веррис сказал:

— Вот и все.

— Все?

— Да, Томс. Сердце не имеет теперь от вас секретов. Возвращайтесь к своей молодой леди.

— Лечу! — воскликнул Томс.— Наконец-то она узнает!

— Пошлите мне открытку,— попросил его Веррис.— Я хочу знать, как пойдут у вас дела.

— Непременно,— обещал Томс. Он горячо пожал руку своему учителю и отбыл на Землю.

У дома Томс вдруг почувствовал, что на лбу у него выступила испарина, а руки начали дрожать. Он мог теперь точно определить это чувство как Ожидательную Горячку второго уровня. Но что толку — это была его первая практическая работа, и он первничал. Правда ли, что он освоил все?

Она открыла дверь, и Томс увидел, что Дорис стала еще красивее.

— Я вернулся,— тихо сказал он.

— О, Джефф,— произнесла она нежно.— О, Джефф. Это было так долго, и я сомневалась, нужно ли это. Теперь я знаю.

— Ты... знаешь?

— Да, дорогой! Я ждала тебя! Я бы прождала еще сто, тысячу лет! Я люблю тебя, Джефф!

Она очутилась в его объятиях.

— Теперь скажи мне, Джефф,— просила она.— Скажи мне!

Томс смотрел на нее, чувствовал, ощущал, рылся в классификации, подбирал эпитеты, проверял и перепроверял. И после долгих поисков и выборов с абсолютной уверенностью, приняв во внимание свое теперешнее настроение и не забыв учесть климатические условия и фазу луны, скорость и направление ветра, солнечные пятна и другие обстоятельства, влияющие на любовь, он сказал:

— Дорогая, я на редкость хорошо к тебе отношусь.

— Джефф! Ты, конечно, можешь сказать больше! Язык Любви...

— Этот язык чертовски точен. Мне очень жаль, но фраза «На редкость хорошо к тебе отношусь» в точности выражает мои чувства.

— О, Джефф!

Это была жалкая сцена и очень болезненное расставание. Томс отправился путешествовать.

Он нанимался на работу то здесь, то там, перебиваясь чем придется. Затем он встретил хорошенькую девушку, ухаживал за ней, в надлежащее время женился и занялся домашним хозяйством.

Друзья говорят, что Томсы достаточно счастливы, хоть в доме у них большинство людей чувствуют себя не слишком уютно. Они живут в красивом месте, но многих раздражает быстрая река красного цвета. Да и кто может привыкнуть к деревьям цвета охры и трем сморщенным лунам, играющим в салки в необычном небе?

И все же Томсу там нравится, а миссис Томс — покладистая молодая леди.

Томс написал на Землю своему профессору философии, что по крайней мере для себя он решил проблему исчезновения населения Тианы II. Тианцы, видно, настолько углубились в теорию любви, что у них руки не доходили до практики.

А однажды он послал короткую открытку Джорджу Веррису. Он написал, что женился, что ему повезло, и он нашел себе девушку, к «которой питает нежное чувство».

— Везучий, черт,— проворчал Веррис, прочтя открытку.

Мой двойник — робот

«Роботорама Снэйта» — неприметное на вид предприятие на бульваре КБ в Большом Новом Ньюарке. Оно втиснуто между ректификационным заводом и протеиновым магазином. И на витрине ничего необычного — три одетых в соответствии с назначением человекоподобных робота. Застывшие улыбки и броская реклама:

МОДЕЛЬ ПБ-2 — ПОВАР-ФРАНЦУЗ.
МОДЕЛЬ РЛ9 — АНГЛИЙСКАЯ НЯНЯ.
МОДЕЛЬ ИХ5 — ИТАЛЬЯНСКИЙ САДОВНИК.

Каждый готов служить вам.
Каждый внесет в ваш дом теплоту и уют
ушедшего старого времени.

Я толкнул дверь и через пыльный демонстрационный зал прошел в цех — нечто среднее между бойней и мастерской великана. На полках, стеллажах и просто на полу лежали головы, руки, ноги, туловища, неприятно похожие на человеческие, если бы не торчащие провода.

Из подсобного помещения ко мне вышел Снэйт — маленький невзрачный человечек со впалыми щеками и красными заскорузлыми руками. Он был иностранец; самых лучших нелегальных роботов всегда делают иностранцы.

— Все готово, мистер Уатсон.

(Мое имя не Уатсон, имя Снэйта — не Снэйт. Фамилии, естественно, я изменил.)

Снэйт провел меня в угол, где стоял робот с обмотанной головой, и театральным жестом сорвал ткань.

Мало сказать, что робот внешне походил на меня; этот робот был мною, достоверно и безошибочно, до мельчайших подробностей. Я рассматривал это лицо, словно в первый раз заметил оттенок жесткости в твердых чертах и нетерпеливый блеск глубоко посаженных глаз. Да, то был я. Я не стал прослушивать его голос и проверять поведение. Я просто заплатил Снэйту и попросил доставить заказ на дом. Пока все шло по плану.

Я живу в Манхэттене на Верхней Пятой Вертикали. Это обходится недешево, но, чтобы видеть небо, не жалко и переплатить. Здесь же и мой рабочий кабинет. Я межпланетный маклер, специализируюсь на сбыте редких минералов.

Как всякий, кто хочет сохранить свое положение в нашем динамичном мире конкуренции, я строго придерживаюсь жест-

кого распорядка дня. Работа занимает большую часть моей жизни, но и всему остальному уделено место и время. Два часа в неделю уходят на дружбу, два часа — на праздный отдых. На сон предусмотрено шесть часов сорок восемь минут в сутки; я включаю снонаводитель и использую это время для изучения специальной литературы при помощи гипнопедии. И так далее.

Я все делаю только по графику. Много лет назад вместе с представителями компании «Ваша жизнь» я разработал всеобъемлющую схему, задал ее своему компьютеру и с тех пор от нее не отступаю ни на шаг.

Разумеется, предусмотрены и отклонения на случай болезни, войны, стихийных бедствий. Про запас введены две подпрограммы. Одна учитывает появление жены и преобразует график для выделения особых четырех часов в неделю. Вторая предусматривает жену и ребенка и освобождает еженедельно дополнительно еще два часа. Тщательная обработка подпрограмм позволит снизить мою производительность лишь соответственно на два и три десятых и два и девять десятых процента.

Я решил жениться в возрасте тридцати двух с половиной лет, поручив подбор жены агенству «Гарантированный матримониальный успех» — фирме с безупречной репутацией. Но тут случилось нечто совершенно непредвиденное.

Однажды в часы, отведенные на досуг, я присутствовал на свадьбе моего знакомого. Подружку нареченной звали Илэйн. Это была изящная живая девушка со светлыми волосами и очаровательной фигуркой. Мне она пришлась по вкусу, но, вернувшись домой, я тут же позабыл о ней. То есть мне казалось, что позабыл. В последующие дни и ночи ее образ неотрывно стоял перед моими глазами. У меня пропал аппетит и ухудшился сон. Мой компьютер, обработав всю доступную ему информацию, предположил, что я либо нахожусь на грани нервного расстройства, либо — и скорее всего — серьезно влюблен.

Нельзя сказать, что я был недоволен. Любовь к будущей супруге является положительным фактором для установления добрых отношений. Корпорация «Благоразумие» по моему запросу навела справки и установила, что Илэйн — в высшей степени подходящий объект. Я поручил Мистеру Счастье, известному посреднику в брачных делах, сделать за меня предложение и заняться обычными приготовлениями.

Мистер Счастье — невысокий седовласый джентльмен с блуждающей улыбкой — принес неважные новости.

— Юная дама,— сообщил он,— приверженка старых взглядов. Она ожидает от вас ухаживания.

— Что это значит конкретно? — спросил я.

— Это значит, что вы должны позвонить ей по видеофону, назначить свидание, повести ужинать, посетить с ней места общественного увеселения и так далее.

— Распорядок дня не оставляет мне времени для подобных занятий,— сказал я.— Но если это совершенно необходимо, я постараюсь освободиться в четверг с девяти до двенадцати.

— Для начала великолепно,— одобрил Мистер Счастье.

— Для начала? Сколько же вечеров мне придется на это убить?

Мистер Счастье полагал, что ухаживание по всем правилам потребует по меньшей мере три вечера в неделю и будет продолжаться в течение двух месяцев.

— Нелепо! — воскликнул я.— Можно подумать, у девушки — уйма свободного времени.

— Вовсе нет,— заверил меня Мистер Счастье.— Илэйн, подобно каждому образованному человеку наших дней, ведет очень насыщенный, детально распланированный образ жизни. Ее время целиком поглощают работа, семья, благотворительная деятельность, артистические поиски, политика.

— Так почему же она настаивает на этом расточительном занятии?

— Похоже, для нее это вопрос принципа. Короче говоря, она этого хочет.

— Илэйн склонна к нелогичным поступкам?

Мистер Счастье вздохнул:

— Что вы хотите — она ведь женщина...

Весь свой следующий час я посвятил размышлениям. На первый взгляд у меня было всего два пути: либо отказаться от Илэйн, либо потакать ее прихоти. В последнем случае я потеряю около семнадцати процентов дохода и к тому же буду проводить вечера самым глупым, скучным и непродуктивным образом.

Оба пути я счел неприемлемыми и оказался в тупике.

В досаде я ударил кулаком по столу, так что подпрыгнула старинная пепельница. Гордон, один из моих секретарей-роботов, поспешил на шум.

— Вам что-нибудь требуется, сэр?

Гордон — андроид серии ОНЛХ (ограниченно наделенные личностными характеристиками) класса «де-люкс», худой, слегка сутулый и как две капли воды похож на Лесли Говарда. Если бы не обязательные правительственные клейма на лбу и руках, его не отличить от человека. И вот при виде Гордона меня осенило.

— Гордон,— медленно сказал я,— не знаешь ли ты, кто производит лучших индивидуализированных роботов?

— Снэйт из Большого Нового Ньюарка,— уверенно ответил он.

Я имел беседу со Снэйтом и убедился, что это вполне нормальный, в меру жадный человек. Снэйт согласился сделать робота без правительственных клейм, который был бы похож на меня и дублировал мою манеру поведения. Мне пришлось уплатить более чем солидную сумму, но я остался доволен: денег у меня было предостаточно, а вот времени — в обрез. Так все и началось.

Когда я вернулся домой, робот, посланный пневмоэкспрессом, уже ждал меня. Я оживил его и сразу принялся за дело. Мой компьютер внес всю касающуюся меня информацию непосредственно в память робота. Я ввел план ухаживания и сделал необходимые проверки. Результаты превзошли все ожидания. Окрыленный успехом, я позвонил Илэйн и договорился о встрече.

Остаток дня я разбирался с делами на бирже. Ровно в восемь Чарлз II, как я стал его называть, отправился на свидание. Я немного вздремнул и снова принялся на работу.

Чарлз II возвратился точно в полночь, согласно программе. Мне не пришлось расспрашивать его; все происшедшее было запечатлено скрытой камерой, которую Снэйт встроил роботу в левый глаз. Я смотрел и слушал начало моего ухаживания со смешанным чувством.

Робот безусловно был мной, вплоть до покашливания перед тем, как заговорить, и привычки потирать в задумчивости большой и указательный пальцы. Впервые в жизни я заметил, что мой смех неприятно напоминает хихиканье, и решил избавиться от этой и некоторых других раздражающих манер в себе и Чарлзе II.

И все же, на мой взгляд, первый опыт прошел блестяще. Я остался доволен. И работа, и ухаживание продвигались успешно. Осуществилась древняя мечта: одно «я» располагало двумя телами. Можно ли было ждать большего?

Какие изумительные вечера мы проводили! Мои переживания, хоть и не из первых рук, были искренними. До сих пор помню первую ссору с Илэйн: как красива она была в своем упрямстве и как чудесно последовавшее примирение!

Кстати, «примирение» обнаружило некоторые проблемы. Я запрограммировал Чарлза II не переступать в своих действиях определенных границ. Но жизнь показала, что человек не может предусмотреть все хитросплетения в отношениях двух независимых существ, особенно если одно из них — женщина. Ради большего правдоподобия мне пришлось пойти на уступки.

После первого потрясения я уже с интересом следил за собой и Илэйн. Какой-нибудь налутый психиатр, вполне вероятно, распознал бы в этом эротоманию или что-то и похуже. Однако подумать так — значит пренебречь самим естеством человеческой натуры. В конце концов, какой мужчина не мечтает посмотреть на себя со стороны!

Мои отношения с Илэйн развивались драматически, в поразившем меня направлении. Появилось какое-то отчаяние, какое-то любовное безумие, в чем я никогда не мог себя заподозрить. Наши встречи приобрели оттенок возвышенной печали, окрасились чувством надвигающейся неотвратимой утраты. Порой мы вовсе не разговаривали, просто сидели, держась за руки и не отрывая глаз друг от друга. А однажды Илэйн расплакалась без всякой видимой причины. «Что же нам делать?» — прошептала она. Я гладил ее волосы и не знал, что сказать.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что все это происходило с роботом. Но робот был мной — моим двойником, моей тенью. Он вел себя так, как вел бы себя в подобной ситуации я сам; следовательно, его переживания принадлежали мне.

Все это было крайне интересно. Но настала пора подумать и о свадьбе. Я велел роботу предложить дату обручения и прекратить ухаживание как таковое.

— Ты молодец,— похвалил я.— Когда все завершится, тебе сделают пластическую операцию, наделят новыми личностными характеристиками и ты займешь почетное место в моей фирме.

— Благодарю вас, сэр,— проговорил Чарлз II.

Его лицо было непроницаемо, и голос выражал идеальное послушание. Он отправился к Илэйн, унося мой последний дар.

Наступила полночь, а Чарльз II не возвращался. Я начал беспокоиться. К трем часам ночи я истерзал себя самыми нелепыми фантазиями, обнаружив, что способен на самую настоящую ревность. Мучительно тянулись минуты. Мои фантазии приобрели садистский характер: я уже представлял, как жестоко отомщу им обоим: роботу за неповиновение, а Илэйн за глупость — принять механическую подделку за настоящего мужчину!

Наконец я забылся сном.

Но и утром Чарлз II не пришел. Я отменил все дневные встречи и помчался к Илэйн.

— Чарлз! — воскликнула она.— Вот неожиданность! Я так рада!

Я вошел в ее квартиру с самым беспечным видом, решив сохранять спокойствие, пока не узнаю точно, что произошло ночью.

— Неожиданность? — переспросил я.— Разве я не упоминал, что могу зайти к завтраку?

— Возможно,— сказала Илэйн.— Честно говоря, я была слишком взволнована, чтобы запомнить все твои слова.

— Но ты помнишь остальное?

Она мило покраснела.

— Конечно, Чарлз. У меня на руке до сих пор остался след.

— Вот как!

— И болят губы.

— Я бы не отказался от кофе.

Она налила кофе, и я в два глотка осушил чашку.

— Ты узнаешь меня? Не находишь ли перемен со вчерашнего вечера?

— Разумеется нет,— удивилась она.— Я, кажется, знаю все твои настроения. Чарлз, что случилось? Тебя что-то огорчило вчера?

— Да! — дико закричал я.— Мне вспомнилось, как ты голая танцевала на веранде! — Я пристально смотрел на нее, ожидая взрыва негодования.

— На меня что-то нашло,— нерешительно проговорила Илэйн.— К тому же я не была совсем голой. Ты же сам попросил...

— Да. Да-да...— Я смутился, но решил не отступать.— А когда ты пила шампанское из салатницы...

— Я только отхлебнула,— вставила она.— Это было чересчур дерзко?

— А помнишь, как мы, совсем обезумев, поменялись одеждой?

— Какие мы с тобой испорченные! — рассмеялась она.

Я встал.

— Илэйн, что именно ты делала прошлой ночью?

— Странный вопрос,— произнесла она.— Была с тобой. Все, о чем ты говорил...

— Я это выдумал.

— Тогда с кем был ты?

— Я был дома, один.

Она замолчала и с минуту собиралась с мыслями.

— Чарлз, мне надо тебе признаться.

Я в ожидании скрестил руки на груди.

— Я тоже вчера была дома одна.

Мои брови поползли вверх.

— А остальные дни?

Она глубоко вздохнула:

— У меня больше нет сил тебя обманывать. Мне действительно хотелось старомодного ухаживания. Но когда настала

пора, я убедилась, что у меня нет на это ни минуты. Видишь ли, как раз заканчивался курс ацтекской керамики, и меня выбрали председателем Лиги помощи алеутам, да и мой новый магазин женского платья требовал особого внимания...

— И что ты сделала?

— Ну, не могла же я сказать тебе: «Послушай, давай бросим эти ухаживания и поженимся». В конце концов, мы едва были знакомы.

— Что ты сделала?

Она опустила голову.

— Кое-кто из моих подруг попадал в подобные переделки... Они обращались к одному специалисту по роботам, Снэйту... Почему ты смеешься?

— Я тоже должен тебе признаться. Снэйт помог и мне.

— Чарлз! Ты послал робота ухаживать за мной? Как ты мог? А если бы я сама...

— По-моему, ни ты, ни я не вправе возмущаться. Твой робот вернулся?

— Нет. Я решила, что Илэйн II и ты...

Я покачал головой:

— Я никогда не встречался с Илэйн II, а ты — с Чарлзом II. Наши роботы, надо думать, так увлеклись друг другом, что сбежали вместе.

— Разве роботы на это способны?

— Наши — способны. По всей видимости, они перепрограммировали друг друга.

— Или просто полюбили,— с завистью произнесла Илэйн.

— Я выясню, что произошло. Но сейчас, Илэйн, давай подумаем о себе. Предлагаю пожениться при первой же возможности.

— Да, Чарлз,— промурлыкала она.

Мы поцеловались. А потом кропотливо стали координировать наши графики.

Мне удалось проследить путь беглецов до космодрома Кеннеди. Оттуда они попали на Пятую станцию, где пересели на экспресс, отправлявшийся к созвездию Кентавра. Продолжать поиски не имело смысла. Они могли избрать любую из дюжины планет.

Пережитое произвело на нас с Илэйн глубокое впечатление. Мы поняли, что слишком привержены принципу «время — деньги» и пренебрегаем простыми древними радостями. И поступили, как подсказали наши сердца,— выкроили по часу из каждого дня — семь часов в неделю! — лишь для того, чтобы быть вместе. Друзья считают нас глупыми романтиками, но

мы не обращаем на это внимания. Чарлз II и Илэйн II, наши «альтер эго», поддержали бы нас.

Осталось добавить только одно. Как-то ночью Илэйн проснулась в истерике. Ей привиделось во сне, что Чарлз II и Илэйн II — настоящие люди, которые вырвались из холодной деловитости Земли в какой-то другой, простой и более щедрый на человеческое тепло мир. А мы — роботы, оставленные на их месте и запрограммированные верить в то, что мы люди.

Я объяснил Илэйн всю нелепость ее сна. Это было непросто и заняло много времени, но в конце концов я ее убедил. Мы — счастливая пара. Теперь я должен кончать свой рассказ и идти работать.

Я и мои шпики

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс-клапанов на заводе фирмы «Космические корабли "Старлинг"». Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть, как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебедя, к альфе Центавра и другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушками. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер,— меня лишь раздражало и не давало сосредоточиться их жужжание.

Я ходил жаловаться в Ведомство внутренней безопасности. Я говорил им: «Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?» Но они ничего не захотели для меня сделать — они были слишком заняты.

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его

отрегулировать, и он гудел всю ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: «Послушайте, ни у кого этот аппарат так не гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!» В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в «холодной войне» и о том, что они не могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство нисколько во мне не заинтересовано.

Взять хотя бы моего шпика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпик считал себя, должно быть, кинозвездой — на нем всегда была пятнистая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его — ведь в таком деле, как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним,— причем я чувствовал его дыхание на своем затылке,— мои друзья хохотали до слез.

— Билл,— шумели они,— это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую комиссию по расследованию и заявил: «Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?»

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них.

Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал оттого, что меня постоянно игнорировали, оттого, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал думать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил «Каталог светил Вселенной» и потрепанный «Галактический пилот», проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота.

Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупицы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля «Звездный клипер». Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но в конце концов я рисковал только собственной жизнью. По крайней мере так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, номерное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома я уложил вещи и распрощался с звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпику и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты — пути к отступлению больше не было!

Мне оставалось получить лишь общую визу, и я поспешил в Бюро общих виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным горным солнцем, но с молочно-белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

— Куда же вы желаете отправиться?

— В космос! — ответил я.

— Это понятно. Но куда именно?

— Я еще не знаю,— сказал я.— Просто в космос. В глубокий космос! В свободный космос!

Клерк устало вздохнул:

— Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселиться на планете в Американском космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский космос? Или в Голландский? Или во Французский?

— Я не думал, что космос может быть чьим-то владением,— ответил я.

— Значит, вы отстали от жизни,— сказал он с улыбкой превосходства.— Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмента, на который претендует Мексика. Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я прервал его:

— А где же свободный космос?

— Такого нет.

— Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

— В бесконечность! — гордо ответил он.

На минуту я остолбенел. Я никогда не представлял себе, что вся бесконечная Вселенная может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов, кто-то должен владеть пространством!

— Я хочу отправиться в Американский космос,— заявил я, не придав этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста — начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мой корабль был уже заправлен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг заметил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других. Развязав его, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

— Ну,— заговорила она,— может, вы поможете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова и предать забвению этот инцидент?

Я помог ей вылезти. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пламени от реактивного двигателя. Лицо ее, изрядно перепачканное, выдавало характер бойкий и самостоятельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.

— Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить? — спросила она.— С самой Земли у меня крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.

Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вы все равно не поймете меня,— ответила она с набитым ртом.

— А я уверен, что пойму,— сказал я.

Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского космоса.

— Я стремилась к свободе,— сказала она наконец.

— То есть?

Она устало опустилась на мою койку.

— Может быть, вы назовете это романтикой,— голос ее звучал спокойно,— но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волнение при виде желтых осенних листьев, а капли росы на зеленой лужайке кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.

Она утомленно закрыла глаза — я вполне понимал ее. Просидеть пятьдесят часов в мешке из-под картофеля — это утомит кого угодно.

— Земля стала раздражать меня,— продолжала она.— Я больше не могла все это выносить: казенщину, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну» — все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...

— Но почему вы выбрали именно меня?

— Потому что вы хотели свободы,— ответила она.— Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.

Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.

— Можете остаться,— сказал я.

— Благодарю вас,— кротко ответила она,— вы действительно поняли меня.

— Конечно,— сказал я,— но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...

Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.

Я, не медля ни минуты, обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов «Венера-5», книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью: «Следователь по особым вопросам. ФБР».

Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.

Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.

Мой космический корабль углубился в просторы Американского космоса. Работая по пятнадцать часов ежедневно, я сумел добиться, чтобы этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком перегревались, а швы в корпусе сохраняли герметичность. Мэйвис О'Дэй — так звали моего шпика — готовила пищу, вела хозяйство и успела расставить по всем углам миниатюрные кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

Но при всем при том мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие...

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру номер три.

— Извините, пожалуйста,— сказал я.

— Ничего, ничего, все в порядке,— ответила она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я чувствовал дразнящий аромат духов «Венера-5».

— *Теперь* можете меня отпустить,— сказала она.

— Да, конечно,— ответил я, продолжая держать ее в объятиях. Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны.— Мэйвис,— прозвучал мой голос,— мы познакомились совсем недавно, но...

— Что, Билл? — спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями шпика и подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульту управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый «Звездный клипер». Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

— А моя собака...— начал он.

— Все в порядке, сынок,— ответил я.

— Мне очень неловко,— продолжал он,— что я вторгся к вам таким образом.

— Забудь об этом,— сказал я.— Что ты делал на скале?

— Сэр,— начал он тонким голосом,— мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом — испытателем космических кораблей. Он геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж — высокий черноволосый мужчина с бегающими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого

начала одно мое присутствие приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый нрав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставив ему участки земли на какой-то планете в Британском космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: «Рейчел, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться». Мать воскликнула: «Дэрк, он ведь еще так мал!» Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он запихнул меня в космический скафандр, дал мне ящик с ракетами, сунул Фликера в его собственный маленький скафандрик и сказал мне: «В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи». «Но, сэр,— пытался было я протестовать,— отсюда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!» Но он не стал меня слушать. «Там как-нибудь разберешься»,— сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единым духом. Его собака Фликер уставилась на меня влажными овальными глазами. Я поставил перед ним миску молока с хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда с едой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальную каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

— Да проснись же ты, идиот несчастный! — услышал я голос Мэйвис.

— Оставьте меня, дайте поспать,— отвечал мальчишка.

— Давай просыпайся, успеешь еще выспаться,— не отставала Мэйвис.— И зачем это Комиссия по расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

— Его дело было пересмотрено, и теперь он относится к группе десять.

— Ну хорошо, но я-то здесь зачем? — воскликнула Мэйвис.

— Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании,— ответил мальчишка.— Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

— И они прислали тебя,— Мэйвис всхлипнула,— двенадцатилетнего ребенка...

— Через семь месяцев мне будет тринадцать!

— Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

— Вам не повезло,— посочувствовал он.— Лично я хочу стать пилотом-испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе — ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно — я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.

Но если смотреть правде в глаза, моими шпиками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток. Это, по всей видимости, были самые последние агенты, которых удалось отыскать в кадрах службы безопасности.

Мое правительство продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла место второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и хлопотала по хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпиков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как оказалась невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой пришел в восторг от прозрачных озер и кое-где поднимавшихся холмов как раз такой высоты, чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить.

Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было ожидать чего-либо другого от шпика в его возрасте.

Построив жилища и засеяв зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тени-

стый и задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы, и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голубых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем она нисколько не походила на шпика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

— Билл,— позвала она.

— Что? — спросил я.

— Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

— Билл!

— Что?

— Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что я ответил бы ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба спустился космический корабль.

Эд Уоллес — пилот корабля — оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и в пятнистой шинели. Он назвался представителем фирмы «Клир-Флот», занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имевшихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше чем через месяц.

— Как нехорошо получилось,— пробормотал он.— Теперь придется сидеть здесь.

— Я тоже так думаю,— ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

— Не могу понять, в чем здесь причина?

— Быть может, прочность вашего клапана несколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой,— сказал я и пошел к себе.

Я-то заметил предательские следы надпила, когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллес сделал вид, что не расслышал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что уч-

реждение, в котором служил мистер Уоллес, называлось почему-то не «Клир-Флот», а Центральное разведывательное управление.

Из мистера Уоллеса получился отличный огородник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то так вышло, что у нас не осталось времени для прогулок по желто-зеленым полям, и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но, несмотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллеса у нас были и другие визитеры. К нам прибыла супружеская пара из Районной разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа — тайные агенты Разведывательно-информационного бюро. После этого — молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского совета по космическим нравам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал, гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабенькие ручейки, пока в конце концов не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеянны, или ни на что другое не способны, или просто неудачники. Я казался себе подозреваемым, за которым посылали следить агентов, уходящих в отставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда, все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружелюбными людьми.

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию охватила необычайная суматоха. Были включены все радиоприемники — по-

видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне пришлось попросить некоторых шпиков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как представитель всей группы.

— Случилось нечто ужасное,— сказала она,— но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы не те, за кого себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

— Не может быть! — воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

— Это так, Билл,— продолжала она.— Мы все шпионили за тобой.

— Не может быть! — повторил я.— Даже вы, Мэйвис?

— Даже я.— Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

— А теперь все кончено,— выпалил вдруг Рой. Это потрясло меня.

— Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллес, мозолистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

— Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

— А какому же государству он принадлежит? — спросил я.

— Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела,— вмешалась Мэйвис.— Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

— В связи с этим,— продолжала Мэйвис,— наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

— Но вы не можете взлететь! — закричал я.— Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

— У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны,— мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел, как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в ночи чьи-то шаги за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из

шпиков. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жаль их, этих бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпиков, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого подозреваемого, как я, или другую такую планету?

— Прощайте, Билл,— сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллеса, и вдруг до меня дошло, что она уже больше не мой шпик!

— Мэйвис! — закричал я и бросился за ней.

Она заспешила к кораблю, но я поймал ее за руку.

— Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

— Мэйвис, я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улетать, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллеса как раз начали созревать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались неотложные дела на этой планете.

Так я стал тем, кем остаюсь по сей день,— правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя назвать. Бывшие шпики теперь толпами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали отказывать мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпиков, чтобы они сбегали ко мне.

Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.

Я не могу подать в отставку, так как эта планета — моя собственность. А отправить их обратно — не хватает духу. Я дошел уже до предела.

Все мои подданные — бывшие правительственные агенты. Поэтому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действи-

тельности я не нашел никакой поддержки у них в данном вопросе. Я оказался единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком случае, с голоду мы не умрем. Но в конце концов не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.

Ведь ни один из них не желает быть шпиком и доносить на своих друзей.

Мнемон

То был великий день для нашей деревни — к нам пришел Мнемон. Но сперва мы этого не знали, потому что он утаил от нас свою личность. Он сказал, что его зовут Эдгар Смит и что он мастер по ремонту мебели. Мы поверили ему, как верили всем. До тех пор мы не встречали человека, который что-либо скрывал.

Он пришел в нашу деревню пешком, с рюкзаком и ветхим чемоданчиком. Он оглядел наши лавки и дома. Он приблизился ко мне и спросил:

— Где тут полицейский участок?

— У нас его нет,— сказал я.

— В самом деле? Тогда где местный констебль или шериф?

— Люк Джонсон девятнадцать лет был у нас констеблем,— сказал я.— Но Люк умер два года назад. Мы, как положено, сообщили властям, только на его место никого не прислали.

— Значит, вы сами себе полиция?

— Мы живем тихо, у нас в деревне все спокойно. Почему вы спрашиваете?

— Потому что мне надо,— не очень любезно ответил Смит.— Скудные знания не столь опасны, как абсолютное невежество, правда ведь? Ничего, мой пустолицый юный друг. Мне нравится ваша деревня. Мне нравятся деревянные дома и стройные вязы.

— Стройные что? — удивился я.

— Вязы,— повторил он, указывая на высокие деревья по обеим сторонам главной улицы.— Разве вам не известно их название?

— Оно забыто,— смущенно проговорил я.

— Многое потеряно, а многое спрятано. И все же нет вреда в названии дерева. Или есть?

— Никакого,— сказал я.— Вязы.

— Я останусь в вашей деревне на некоторое время.

— Будем очень вам рады. Особенно сейчас, в пору уборки урожая.

Смит гордо взглянул на меня.

— При чем тут уборка урожая? Уж не принимаешь ли ты меня за сезонного сборщика яблок?

— Мне это и в голову не приходило. А чем вы занимаетесь?

— Ремонтирую мебель,— сказал Смит.

— В такой деревне, как наша, у вас немного будет работы,— заметил я.

— Ну тогда, может быть, найду еще что-нибудь, к чему приложить руки.— Он неожиданно усмехнулся: — Пока что мне надо бы найти пристанище.

Я привел его к дому вдовы Марсини, и он снял у нее большую спальню с верандой и отдельным входом.

Его появление вызвало целый поток догадок и слухов. Миссис Марсини уверяла, что вопросы Смита о полиции доказывают, что он сам полицейский. «Они так работают,— говорила она.— Лет пятьдесят назад каждый третий был полицейским. Вашим собственным детям арестовать вас было, что плюнуть. Даже легче».

Но другие утверждали, что это было очень давно, а сейчас жизнь спокойная, полицейского редко увидишь, хотя, конечно, где-то они есть.

Но зачем тут появился Смит? Некоторые считали, что он пришел, чтобы забрать у нас что-то. «По какой еще причине можно прийти в такую деревню?» А другие говорили, что он пришел нам что-то дать, подкрепляя свою догадку теми же соображениями.

Но точно мы ничего не знали. Оставалось только ждать, пока Смит не решит открыться.

Судя по всему, человек он был во многом сведущий и немало повидавший. Однажды мы поднялись с ним на холм. То был разгар осени, чудесная пора. Смит любовался лежащей внизу долиной.

— Этот вид напоминает мне известную фразу Уильяма Джеймса,— сказал он.— «Пейзаж запечатлевается в человеческой памяти лучше, чем что-либо другое». Подходит, верно?

— А кто это — Уильям Джеймс? — спросил я.

Смит посмотрел на меня.

— Разве я упомянул чье-то имя? Извини, друг, обмолвился.

Но это была не последняя «обмолвка». Через несколько дней я указал ему на уродливый склон, покрытый молодыми елочками, кустарником и сорной травой.

— Здесь был пожар пять лет назад,— объяснил я.

— Вижу,— произнес Смит.— И все же... Как сказал Монтень: «Ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность».

Как-то, проходя по деревне, он остановился полюбоваться пионами мистера Вогеля, которые все еще цвели, хотя время их давно миновало, и обронил:

— Воистину у цветов глаза детей, а рты стариков.

В конце недели некоторые из нас собрались в задней комнате магазина Эдмондса и стали обсуждать мистера Эдгара Смита. Я упомянул про фразы, сказанные им мне. Билл Эдмондс вспомнил, что Смит ссылался на человека по имени Эмерсон, который утверждал, что одиночество невозможно, а общество фатально. Билл Фарклоу сообщил, что Смит цитировал ему какого-то Иона Хиосского: «Удача сильно разнится с Искусством, но все же создает подобные творения». Но жемчужина оказалась у миссис Гордон; по словам Смита, это была фраза великого Леонардо да Винчи: «Клятвы начинаются, когда умирает надежда».

Мы смотрели друг на друга и молчали. Было очевидно, что мистер Эдгар Смит — не простой мебельщик.

Наконец я выразил словами то, что все мы думали.

— Друзья,— сказал я.— Этот человек — Мнемон.

Мнемоны как отдельная категория выделились в течение последнего года Войны, Покончившей Со Всеми Войнами. Они объявили своей целью запоминать литературные произведения, которым грозила опасность быть затерянными, уничтоженными или запрещенными.

Сперва правительство приветствовало их усилия, поощряло и даже награждало. Но после Войны, когда началось правление Полицейских Президентов, политика изменилась. Была дана команда забыть несчастливое прошлое и строить новый мир. Беспокоящие веяния пресекались в корне.

Здравомыслящие согласились, что литература в лучшем случае не нужна, а в худшем — вредна. В конце концов, к чему сохранять болтовню таких воров, как Вийон, и шизофреников, как Кафка? Необходимо ли знать тысячи различных мнений, а затем разъяснить их ошибочность? Под воздействием таких влияний можно ли ожидать от гражданина правильного и лояльного поведения? Как заставить людей выполнять указания?

А правительство знало, что, если каждый будет выполнять указания, все будет в порядке.

Но дабы достичь этого благословенного состояния, сомнительные и противоречивые влияния должны быть уничтожены. Следовательно, историю надо переписать, а литературу ревизовать, сократить, приручить или запретить.

Мнемонам приказали оставить прошлое в покое. Они, разумеется, возражали. Дискуссии длились до тех пор, пока правительство не потеряло терпение. Был издан окончательный приказ, грозящий тяжелыми последствиями для ослушников.

Большинство мнемонов бросило свое занятие. Некоторые, однако, только притворились. Эти некоторые превратились в скрывающихся, подвергаемых гонениям бродячих учителей, когда и где возможно продающих свои знания.

Мы расспросили человека, называющего себя Эдгаром Смитом, и тот признался, что он Мнемон. Он преподнес деревне щедрый дар: два сонета Уильяма Шекспира, один полный акт пьесы Аристофана.

Сделав это, он стал предлагать свой товар на продажу жителям деревни.

Мистер Огден обменял целую свинью на две строфы Симонида.

Мистер Беллингтон, затворник, отдал свои золотые часы за высказывание Гераклита и посчитал это удачной сделкой.

Старая миссис поменяла фунт гусиного пуха на три станса из поэмы «Атланта в Каледонии» некоего Суинберна.

Мистер Мервин, хозяин ресторана, приобрел короткую оду Катулла, высказывание Тацита о Цицероне и десять строк из гомеровского «Списка кораблей». Это обошлось ему недешево.

Мне не на что было покупать. Но за свои услуги я получил отрывок из Монтеня, фразу, приписываемую Сократу, и несколько строк из Анакреонта.

Неожиданным посетителем оказался мистер Линд, пришедший однажды морозным зимним утром. Мистер Линд был самым богатым фермером в округе и верил только в то, что мог увидеть и пощупать. Меньше всего мы ожидали, что его заинтересует предложение Мнемона.

— Так вот,— начал Линд, маленький, краснолицый человек, быстро потирая руки,— я слышал о вас и ваших незримых товарах.

— А я слышал о вас,— как-то странно произнес Мнемон.— У вас ко мне дело?

— О да! — воскликнул Линд.— Я желаю купить эти старые чудные слова.

— Я поражен,— сказал Мнемон.— Кто мог представить себе такого добропорядочного гражданина, как вы, в подобной ситуации — покупающим товары не только незримые, но и нелегальные.

— Я делаю это для своей жены, которой в последнее время нездоровится.

— Нездоровится? Неудивительно,— сказал Мнемон.— И дуб согнется от такой работы.

— Эй вы, не суйте свой нос в чужие дела! — яростно проговорил Линд.

— Это мое дело,— возразил Мнемон.— Люди моей профессии не раздают слова налево и направо. Каждому получателю мы подбираем соответствующие строки. Если мы ничего не можем найти, то ничего и не продаем.

— Я думал, вы предлагаете товар всем покупателям.

— Вас дезинформировали. Я знаю одну пиндарическую оду, которую не продам вам ни за какие деньги.

— Как вы со мной разговариваете!

— Я разговариваю, как хочу. Если вам не нравится, обратитесь в другое место.

Мистер Линд гневно сверкнул глазами и побагровел, но ничего не мог сделать. Наконец он произнес:

— Простите. Не продадите ли вы что-нибудь для моей жены? На прошлой неделе был ее день рождения, но я только сейчас вспомнил.

— Замечательный человек! — сказал Мнемон.— Сентиментальный, как норка, и такой же любящий, как акула. Почему за подарком вы обратились ко мне? Разве не больше подойдет новая маслобойка?

— О нет,— проговорил Линд тихим и грустным голосом.— Целый месяц она лежит в постели и почти ничего не ест. По-моему, она умирает.

Мнемон кивнул.

— Умирает! Я не приношу соболезнований человеку, который довел ее до могилы, и не питаю симпатии к женщине, выбравшей себе такого мужа. Но у меня есть то, что ей понравится и облегчит смерть. Это будет вам стоить тысячу долларов.

— О боже! Нет ли у вас чего-нибудь подешевле?

— Конечно, есть,— ответил Мнемон.— У меня есть невинная комическая поэма на шотландском диалекте без середины; она ваша за две сотни. И есть «Ода памяти генерала Китченера», которую я отдам вам за десять долларов.

— И больше ничего?

— Для вас больше ничего.

— Что ж... я согласен на тысячу долларов,-- сказал Линд.— Да! Сара достойна и большего!

— Красиво сказано, хотя и поздно. Теперь слушайте внимательно.

Мнемон откинулся назад, закрыл глаза и начал читать.

Линд напряженно слушал. И я тоже слушал, проклиная свою нетренированную память и молясь, чтобы меня не прогнали из комнаты.

Это была длинная поэма, очень странная и красивая. Она все еще у меня.

Мы — люди. Необычные животные с необычными влечениями. Откуда в нас духовная жажда? Какой голод заставляет человека обменивать три бушеля пшеницы на поэтическую строфу? Для существа духовного это естественно, но кто мог ожидать этого от нас? Кто мог представить, что нам недостает Платона? Может ли человек занемочь от отсутствия Плутарха, умереть от незнания Аристотеля?

Не стану отрицать. Я сам видел, как человека отрывали от Стриндберга.

Прошлое — частица нас самих, и уничтожить эту частицу — значит поломать что-то и в нас. Я знаю мужчину, обретшего смелость только после того, как он услышал об Эпаминонде, и женщину, ставшую красавицей после того, как она услышала про Афродиту.

У Мнемона был естественный враг в лице нашего учителя, мистера Ваха, учившего всему по утвержденной программе. И еще был враг — отец Дульес, заботившийся о наших духовных потребностях в лоне Всеобщей Американской Патриотической Церкви.

Мнемон пренебрегал этими авторитетами. Он говорил нам, что многое, чему они учат, ложно. Он утверждал, что они извращают смысл знаменитых высказываний, придавая им противоположное значение.

Мы слушали его, мы размышляли над его словами. Медленно, болезненно, мы начали думать. И при этом — надеяться.

Неклассический расцвет нашей деревни был бурным, ярким и неожиданным. Однажды ранним весенним утром я помогал с уроками сыну моего соседа. У него оказалось новое издание «Общей истории», и я просмотрел главу «Серебряный век Рима». И вдруг понял, что там не упоминается Цицерон. Его даже не внесли в алфавитный указатель. Я еще подумал: интересно, в каком преступлении он уличен?

А потом, внезапно, все кончилось. Трое пришли в нашу деревню, в серых мундирах с латунными значками, в тяжелых черных ботинках. Их лица были широкими и пустыми. Они повсюду ходили вместе и всегда стояли рядом друг с другом, вопросов не задавая и ни с кем не разговаривая. Они знали точно, где живет Мнемон, и, сверившись с планом, направились туда.

Эти трое находились у него в комнате, наверное, минут десять. Затем снова вышли на улицу. Их глаза бегали, они казались испуганными. Они быстро покинули нашу деревню.

Мы похоронили Смита на высоком холме, возле того места, где он впервые цитировал Уильяма Джеймса, среди поздних цветов с глазами детей и ртами стариков.

Миссис Блейк совершенно неожиданно назвала своего младшего Цицероном. Мистер Линд зовет свой яблоневый сад Ксанаду. Меня самого считают приверженцем зороастризма, хотя я и не знаю-то ничего об этом учении, кроме того, что оно призывает человека говорить правду и пускать стрелу прямо.

Но все это — тщетные потуги. А правда в том, что мы потеряли Ксанаду безвозвратно, потеряли Цицерона, потеряли Зороастра. Что еще мы потеряли? Какие великие битвы, города, мечты? Какие песни были спеты, какие легенды сложены? Теперь — слишком поздно — мы поняли, что наш разум как цветок, который должен корениться в богатой почве прошлого.

Мнемон, по официальному заявлению, никогда не существовал. Специальным указом он объявлен иллюзией — как Цицерон. Я — тот, кто пишет эти строки,— тоже скоро перестану существовать. Буду запрещен, как Цицерон, как Мнемон.

Никто не в силах мне помочь: правда слишком хрупка, она легко крушится в железных руках наших правителей. За меня не отомстят. Меня даже не запомнят. Уж если великого Зороастра помнит всего один человек, да и того вот-вот убьют, на что же надеяться?!

Поколение коров! Овцы! Свиньи! Если Эпаминонд был человеком, если Ахилл был человеком, если Сократ был человеком, то разве мы люди?..

Идеальная женщина

Мистер Морчек пробудился с ощущением какого-то кисловатого привкуса во рту. Последнее, что он помнил со вчерашней вечеринки, устроенной Триад-Морганом, был раскатистый

смех Джорджа Оуен-Кларка. Ах, какая была вечеринка! Жители всей Земли праздновали начало нового тысячелетия. Наступил 3000-й год! Всеобщий мир и благоденствие, счастливая жизнь...

— Вы счастливы? — с хитрой улыбкой спросил Оуен-Кларк, слегка пошатываясь от принятого.— Я имею в виду, счастливы ли вы со своей милой женушкой?

Какая бестактность! Все знали, что Оуен-Кларк был сторонником примитивизма, но это еще не давало ему права соваться в чужие дела. Только потому, что сам Оуен-Кларк женат на обычной женщине, которых теперь называют Примитивными?

— Я люблю свою жену,— с достоинством отвечал Морчек.— Она намного нежнее и заботливее, чем та неврастеничка, которую вы называете своей женой.

Но, конечно, примитивистов трудно пронять: у них толстая шкура. Примитивисты любят недостатки своих жен больше, чем их достоинства,— они просто обожают их капризы.

Улыбка Оуен-Кларка сделалась еще загадочнее, и он сказал:

— Знаете, старина Морчек, мне кажется, что ваша жена нуждается в диспансеризации. Вы обращали в последнее время внимание на ее рефлексы?

Непроходимый идиот! Приломнив весь этот разговор, мистер Морчек встал с постели, жмурясь от яркого утреннего солнца, которое пробивалось сквозь шторы. Мирины рефлексы, черт бы их побрал! В том, что сказал Оуен-Кларк, была крупица истины. В последнее время Мира была как будто не в себе.

— Мира,— позвал Морчек.— Где мой кофе?

Мгновение с первого этажа никто не отвечал. Затем раздался приятный женский голос:

— Сию минуту!

Морчек натянул брюки, все еще сонно мигая глазами. Хорошо, что три следующих дня объявлены праздничными. За это время он успеет прийти в себя после вчерашней вечеринки.

Спустившись по лестнице, Морчек увидел суетящуюся Миру, которая наливала кофе, раскладывала салфетки и выдвигала для него кресло. Он уселся, а она поцеловала его в лысину. Он любил, когда она его целовала в лысину.

— Как моя женушка чувствует себя сегодня? — спросил он.

— Великолепно, мой дорогой! — ответила она, помедлив секунду.— Сегодня я приготовила тебе бифсольнички. Ты же их любишь...

Морчек надкусил бифсольник, он оказался очень сочным, и запил его кофе.

— Так как твое самочувствие? — снова поинтересовался он.

Мира намазала маслом кусочек поджаренного хлеба и подала мужу.

— Великолепно! Ты знаешь, вечеринка вчера была прекрасная. Мне там так понравилось!

— Я немного захмелел,— признался Морчек, изобразив на лице подобие улыбки.

— Мне нравится, когда ты немного под хмельком,— сказала Мира.— У тебя голосок тогда становится, как у ангела, конечно, как у очень умного ангела. Я готова была слушать тебя не переставая.

Она намазала маслом еще кусочек хлеба и подала мужу.

Мистер Морчек сиял как красное солнышко, потом вдруг нахмурился. Он положил на тарелку бифссольник и поскреб пальцем щеку.

— Знаешь, у меня была небольшая стычка с Оуен-Кларком. Он разглагольствовал о Примитивных Женщинах.

Мира ничего не ответила, она готовила для мужа пятый кусок поджаренного хлеба с маслом. На столе выросла уже целая горка из бутербродов. Она принялась намазывать шестой, но Морчек дотронулся до ее руки. Она подалась вперед и поцеловала его в кончик носа.

— Примитивные Женщины! — с презрением произнесла она.— Кто бы говорил! Эти неврастенички? Тебе же со мной лучше, правда, милый? Ну что из того, что я модернизированная? Ни одна Примитивная Женщина не будет любить тебя, как я! А я тебя обожаю!

То, что она говорила, было правдой. За всю писаную историю человечества мужчина никогда не был счастлив с обычной Примитивной Женщиной. Эгоистичные, избалованные натуры, они требовали, чтобы о них всю жизнь заботились и проявляли к ним внимание. Всех возмущало то, что жена Оуен-Кларка заставляла мужа вытирать тарелки. И он, дурак, с этим мирился! Примитивным Женщинам постоянно требовались деньги, на которые они покупали себе тряпки и разные безделушки, им нужно было подавать завтрак в постель, они уходили из дому для игры в бридж, часами висели на телефоне и выделывали черт знает что. Они пытались отнять у мужчин выгодные должности. В конечном счете они доказали свое равенство.

Некоторые идиоты, вроде Оуен-Кларка, соглашались, что эти женщины ни в чем не уступают мужчинам.

После таких бесспорных проявлений безграничной любви к нему со стороны жены мистер Морчек почувствовал, что неприятные ощущения после вчерашней ночи постепенно улетучиваются. Мира между тем ничего не ела. Он знал, что она имела привычку перекусить без него, с тем чтобы все свое внимание

переключить на то, чтобы накормить мужа. Вот эти так называемые мелочи и делали обстановку в доме совершенно особенной.

— Оуен-Кларк сказал, что у тебя замедленная реакция.

— Неужели? — спросила Мира, немного помедлив.— Эти примитивисты воображают, будто им все известно.

Это правильный ответ, но было очевидно, что он чуть-чуть запоздал. Мистер Морчек задал жене еще несколько вопросов. Время ее реакции он проверял по секундной стрелке на кухонных часах. Сомнений не было — ее реакция запаздывала.

— Почту принесли? — быстро спросил он ее.— Кто-нибудь звонил? Я не опоздаю на работу?

Спустя три секунды она раскрыла рот и снова его закрыла. Случилось нечто непоправимое.

— Я тебя люблю,— было все, что она смогла вымолвить.

Мистер Морчек почувствовал, как у него тревожно забилось сердце. Ведь он ее любил! Любил безумно, страстно! Но этот проклятый Оуен-Кларк был прав. Миру нужно подлечить. Казалось, она читает его мысли. Она вновь оживилась и произнесла через силу.

— Я хочу только одного, дорогой, чтобы ты был счастлив. Кажется, я заболела... Ты позаботишься о том, чтобы меня вылечили? Возьмешь меня обратно после обследования? И не позволяй им изменять меня — я не хочу никаких перемен!

Она закрыла лицо руками. И заплакала — беззвучно, чтобы не досаждать ему.

— Это будет обычная проверка, дорогая,— сказал Морчек, сам едва сдерживая слезы. Но он знал, так же как и Мира, что она действительно больна.

«Как это несправедливо! — думал он.— Примитивная Женщина с ее грубым мозговым веществом почти не подвержена таким болезням. Но здоровье нежной Современной Женщины с ее тонкой чувствительностью чрезвычайно уязвимо. Какая чудовищная несправедливость! Именно поэтому Современная Женщина вобрала в себя все самые драгоценные качества женской натуры. Ей не хватает только выносливости».

Мира снова оживилась. С усилием поднялась на ноги. Она была очень красива. На ее щеках выступил болезненный румянец, а утреннее солнце высветило ее прекрасные волосы.

— Милый,— сказала она слабым голосом.— Ты не позволишь мне остаться еще ненадолго? Может быть, я сама собой поправлюсь?

Но глаза ее уже застилала пелена.

— Милый...

Она попробовала собрать все силы, держась за край стола.

— Когда у тебя будет другая жена, не забывай, как я тебя любила.

Она села. Выражение ее лица сделалось бессмысленным.

— Я подгоню машину,— пробормотал Морчек и поспешил выйти из кухни. Он почувствовал, что еще немного и сам расклеится.

Он направился в гараж усталой походкой.

Мира его покинула! И современная наука, несмотря на все ее достижения, не в силах ей помочь!

Он подошел к гаражу и сказал:

— Подавай задним ходом!

Машина плавно подалась назад и остановилась рядом с хозяином.

— Что-нибудь случилось, босс? — спросила машина.— Вы чем-то расстроены? Никак не отойдете после вчерашнего?

— Нет, это из-за Миры. Она сломалась.

Машина мгновение помолчала. Потом негромко сказала:

— Мне очень жаль, мистер Морчек. Мне бы очень хотелось вам помочь.

— Спасибо,— сказал Морчек, который обрадовался тому, что в тяжелый час рядом есть друг.— Боюсь, что мне уже никто не сможет помочь.

Машина подъехала задним ходом к самой двери дома, и Морчек помог Мире устроиться на заднем сиденье. Машина плавно тронулась.

Всю дорогу до завода она тактично хранила молчание.

Билет на планету Транай

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного бюро путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-XI и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай,— сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет,— ответил молодой человек.— Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал.— Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так,— сказал агент уверенным голосом.— Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой.

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся.

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай,— угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться,— терпеливо начал объяснять агент.— Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна.— Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай,— сказал Гудмэн.

— Гм.— Клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента.— Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматрива-

ет посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай,— повторил Гудмэн.— До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нонскеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично,— сказал Гудмэн.— Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн,— спросил он в отчаянии,— все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия,— сказал он.

Марвин Гудмэн прожил бóльшую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал

честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикиркской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикиркская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов у́же стандарта. Она сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой вина начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм,— бросил бармену старый космонавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж,— ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский»,— сказал капитан.— Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр,— признался Гудмэн.

— Так вот, сынок,— сказал капитан Сэвидж.— Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я

пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар»,— назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикиркской строительной корпорации,— вздохнул старик.— Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселен-

ной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический вихрь и наконец добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народу, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и, что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или была эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай,— сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Г-н министр...— официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо,— сказал Гудмэн, слегка ошарашенный.— Мистер... эээ.... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал,— сказал министр.— Довольно нервное, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да, да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал...— Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо.— В общем, я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверное, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно,— великодушно сказал Мелит.— Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет,— поправил его Мелит.— Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся,— объяснил Мелит,— потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал,— сказал Гудмэн,— что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал,— сказал весело Мелит.— Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо.— Гудмэн в возбуждении наклонился вперед.— Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно,— сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой,— сказал Мелит.— Видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться.— Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится,— сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету.— У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много.— Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

— Анкету заполним в следующий раз,— сказал он.— Я сейчас не в настроении этим заниматься.— Он откинулся на спин-

ку кресла.— Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать,— с чувством сказал Гудмэн.— Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас,— весело улыбнулся Мелит.— Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой,— сказала она Мелиту.

— Скоро вечер,— сказал Мелит.— Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Г-жа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам,— ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой,— сказала г-жа Мелит мужу.— Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена,— сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят,— извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну.— Очаровательная молодая женщина.— Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну.— Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед,— сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием,— ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать,— заметил Мелит, взглянув на часы.— Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Бергу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия,— сказал он себе.— Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсинстасисного поля: он узнал характерное голубое сияние. Дерсинполе применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако, если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим чужой, планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите,— сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь,— сказал маленький человек с довольной улыбкой.— Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично,— сказал человек.— Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу,— весело говорил незнакомец.— Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать,— изумленно спросил он,— что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец.— Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улуч-

шения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение,— сказал Гудмэн.— Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек.— Я и есть Верховный Президент Берг.

Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Берг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Берг,— сказал портье.— Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина,— сказал Аббаг.— Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу.— Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, привел в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте,— предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидирова-

ны сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно,— осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы,— сказал Аббаг.— Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг.— Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите,— сердито спросил Аббаг,— разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все,— продолжал жаловаться Аббаг.— Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок,— сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает покупатель?

— Подождите,— запротестовал Гудмэн.— Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови.

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок,— сказал Аббаг.— А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться,— сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису,— педантично продолжал Аббаг.— Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн.— Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий,— беспощадно докончил Аббаг.— Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на роботочасы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даем конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогого робота, которого можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять,— признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он закончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии. Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ. Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы — вместо безостановочного дви-

жения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин! Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов, дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая,— сказал рыжий.— Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть,— сказала г-жа Влэй.— Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля,— сказал мистер Влэй.— Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так,— согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна,— сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой звезды из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь,— сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно,— сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звездного пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэнн «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду,— задумчиво сказала она.

— Не очень,— сказал Гудмэн.— Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети...— Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра,— улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все

лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень,— сказал незнакомец,— давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права,— сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить.— На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец.— Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей,— сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь.— Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице. Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска бара «Китти Кэт». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок,— сказал бармен, взглянув наконец на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да, да,— сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев.— Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов,— пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал,— сказал Гудмэн,— что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно,— подтвердил бармен.— Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще? — попросил он.— Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно,— приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы.— Бармен закивал головой.— Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так,— согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку.— Если я правильно вас понял, любой человек мо-

жет взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно,— подтвердил бармен.— Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно,— пообещал Гудмэн.— И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Его хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро он услышал шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна.

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-3, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен,— сказал Гудмэн,— давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно,— задумчиво протянул транаец.— Лично я рекомендовал бы вам игло-лучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги,— отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-3 заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель.— Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна.— Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать.— Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх,— приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой,— бросил через плечо транаец, даже не обернувшись.— Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень,— окликнул он,— руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер,— взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться,— предупредил он.— Предохранители сняты.

— Вижу,— выдавил из себя толстячок.— Осторожнее с этой штукой, мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег,— заскулил транаец.— Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты,— поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн.— Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит,— сказал Гудмэн.— Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть,— продолжал всхлипывать транаец,— но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь.

— Оставьте его себе,— сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым чувством он возвратился в бар «Китти Кэт» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет,— признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся,— сказал бармен.— Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое нео-

добрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали много аспектов культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы, научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное раз-

решение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер,— прервал его раздумье чей-то голос.— Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло,— жалобным тоном пропел старик.— Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар,— заскулил старик.— Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр,— сказал нищий.— Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки. Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них,— сказал старик.— Смотрите.— Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR-43241-3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься,— подчеркнул старик.— Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, нездешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества,— сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. Лично мне нравится работать на улице. Такая работа позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что еще я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда,— обиделся государственный нищий.— Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно,— сказал он.— Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн.— Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться граж-

данином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная,— сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-XI.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Берг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите.— Мелит подмигнул.— Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн.— Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится,— заверил его Мелит.— А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит.— Он задумался на мгновение.— Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры...— запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочей день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену,— ответил Мелит.— Я думал, это вам известно.

— Да,— сказал Гудмэн.— Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову.— Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам,— заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам,— сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсинполе?

— Конечно нет. Просто, согласно обычаю, каждую неделю в течение некоторого минимального времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно нет,— саркастически заметил Гудмэн.— Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно,— сказал Мелит, не заметив сарказма.— Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, что да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас,— сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Берг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Берга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Берг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю,— сказал Гудмэн.— По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход,— одобрительно сказал Берг.— У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь,— ответил Гудмэн.

Берг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет,— сказал Берг.— Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна.— Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Берг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы, и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля на целый день или даже на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, и вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

Правительственный совет
по бракосочетаниям

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы,— ответил Гудмэн.— Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать,— заявил Гудмэн.— Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся в нашем доме.

— Тебе лучше знать, дорогой,— послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюбленных, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха,

хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу. На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и наконец вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсинполя.

— Дорогая,— сказался,— до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи,— сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

— Подумай,— настаивал Гудмэн.— В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

«Вне всякого сомнения,— подумал Гудмэн,— она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему конт-

роля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься, как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить,— глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих.— Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили,— заявил Гудмэн.— Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй,— сказал Мелит.— Но, на мой взгляд...— он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку.— Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца,— ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых,— заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит.— У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг — защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудлэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит.— Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — Усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться.— Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова,— сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой.— Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью,— упрямо отстаивал свои доводы Мелит.— И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что, согласно определению и неписаным законам, каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да,— бросил Мелит.— Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем домс.

— Да, хочу,— проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Берг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей,— ответил Берг. Лицо его лоснилось от пота.— Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелите. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен,— сказал Гудмэн.

Берг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Берга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Берга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость,— заговорил Мелит.— Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие,— объяснил Мелит,— носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тесснума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства.— Мелит вздохнул.— Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Берга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен,— возразил Мелит.— Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали,— сказал Мелит с еле заметной улыбкой.— Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Берга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян,— грустно заметил Мелит.— Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы,— сказал Гудмэн.— Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть, заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычайно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну,— от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват,— пробормотал незнакомец.— Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел,— это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна.— Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна,— тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову.— Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна,— заговорил он нежно,— такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно,— возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои

права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино.— Она снова зарыдала.— Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину. Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми,— тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется,— сказал мужчина.— В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн.— Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин,— сказала Жанна.

— А как насчет тебя? — спросил Гудмэн.— Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял,— заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны,— когда ты умрешь, я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать,— вымолвил Гудмэн.— Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать,— жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь,— ответила Жанна,— раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт.— Она грустно улыбнулась.— Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы Греа. Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелест-

ную молодую женщину вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да,— сказала Жанна.— Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела,— сухо сказал Гудмэн,— я, конечно, вам мешать не буду. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов,— сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад.— Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин,— сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо.— Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал тратить время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Динганс — амфибийная раса, и Гудмен едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели наконец истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил «Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав». Они единственные члены этой лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

Ордер на убийство

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Кро-

хотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленой на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного повалandаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! — донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь. Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ
ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА
ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и, прищурившись, глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр.— Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь,— сказал Ткач.— Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли.— Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания,— продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим,— сказал мэр.— И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр.— Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво,— сказал Сид.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их,— сказал мэр.— Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой.— Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю.— А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли.— Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам,— сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи.— Ну и жарища! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена

битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, ведь я сейчас отдыхаю...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр.— Только не сейчас. Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том,— без проволочки приступил к делу мэр,— как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю,— сказал Том.— А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что...— и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе — последнее безмолвное звено, связующее их планету с матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

На Земле, по-видимому, шла война. Новый Дилавер с его единственной деревушкой был слишком мал и слишком далек, чтобы принимать участие в войне. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения.

Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим,— сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же! — горделиво ответил мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени из-за неустойчивости внутреннего положения мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но теперь с этим покончено, осталось навести кое-где порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Империи Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

Мэр смутился. Во всех книгах Земля упоминалась как Содружество демократий. Но, в конце концов, за два столетия название могло перемениться.

— Мы по-прежнему верны Земле,— с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. Это освобождает нас от необходимости посылать экспедиционный корпус. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь обычаев, установлений и традиций, принятых на Земле.

— Как вы сказали? — обеспокоенно спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что во Вселенной есть место только для одного разумного существа — для Человека! Все остальное должно быть уничтожено раз и навсегда! Мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, Генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — Генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места чуждым элементам. Это исключено! Совершенно так же в ней не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Невозможно управлять Империей, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится. Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, Генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы; никакого радикализма, наподобие свободы воли, свободы любви, свободных выборов или еще чего-либо, внесенного в проскрипционные списки. Все это нам чуждо, а ко всему чуждому мы будем беспощадны. Наведите у себя в колонии порядок, Генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне был срочно созван митинг: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем нам преступник,— сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества,— объяснил мэр.— На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про школы, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать,— сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр.— Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он.— Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно,— отвечаю я.— Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? — спросит он меня.— Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм,— хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так,— быстро продолжал мэр,— я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получил-

ся какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню со временем. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя,— сказал мэр.— Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь, так или нет?

— Хочу, конечно,— неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано:

«ОРДЕР НА УБИЙСТВО

К всеобщему сведению

Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом спросил:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издам,— сказал мэр.— Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно.— Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.

Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя.— Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что? — раздраженно сказал Джед Фермер.— Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле,— все так же ворчливо сказал Фермер.— Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю,— сказал Джед.— Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно,— ухмыльнулся Марв Плотник.— А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удач, Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере практически еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете,— маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы,— питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, как он на него глядел, у него противно холодело в животе. Он подумал, что слишком поспешно взялся за это поручение.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд — оторвался от чтения только раз, чтобы слегка перекусить. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно и вполне доступно, иной раз даже с диаграммами. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид: казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр,— отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь,— сказал он.— Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время,— сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома,— сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

— Это верно, Том,— сказал мэр.— Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а у нас до сих пор нет ни одного преступления. Нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо,— сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывавший ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «...надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовые сестры, было «Местечко отдыха» Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том,— сказал Эд.— Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили,— сказал Том.— Налей-ка мне перриколы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы красть?

— Я обдумываю,— сказал Том.— В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво.— Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне,— пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пиво уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие,— пробормотал он.— Они уж тебя отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять. Его удивляло, что это дается ему с таким трудом. Чем больше он старался, тем меньше было толку. Но он с мрачным упорством продолжал свое.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока,— отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато,— сказал Том.— Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься,— как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик.— Уж кто-кто, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том,— успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан.

Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну,— сказал Том.

Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитывать, что сколько стоит,— этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

— Воруешь понемногу, а, Том?

— Валяй, валяй, приятель!

— У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже. Для них это был экзотический обычай далекой планеты Земли, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще не хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто,— небрежно проронил он.

— Свеженькие, прямо из сада,— сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду,— сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие,— сказала миссис Мельник.— Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо прозвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид,— согласился Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору,— поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм,— промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том? — спросил Билл.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец.—

А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг, как начальника полиции,— продолжал Билли,— охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах,— сказал мэр.— Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас в деревне нет другого преступника,— сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг.— Он отвернулся, шагнул в сторону, затем внезапно устремился к Тому.— А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра.— Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться,— объяснил мэр.— Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать,— сказал Том.— Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас,— настаивал мэр.— Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем,— сказал Макс Ткач.— Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит,— сказал он мэру.

— На сегодня достаточно,— согласился мэр.— Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если б люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению,— сказал мэр.— Ну что подсласшь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Похоже, что и нам тоже надо бы иметь хоть одно убийство,— согласился Том.— Ладно, я постараюсь.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор!

А что он может сказать в свое оправдание? Воровство и убийство — такие же необходимые занятия, как всякие другие. А если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно,— это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд-гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой. Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно,— сказал себе Том. Он и в самом деле начинал осваивать свое новое ремесло. Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, в другой — пара самодельных наручников.

В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза. Все маляры отличаются слабым зрением. Вот почему они такие раздражительные.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли. Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер.— Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни.— Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол рядом с остальными трофеями. Он с гордостью поглядел на свой улов. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как подвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работка? — весело окликнул их Том.

— Отлично,— сказал Марв Плотник.— И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время — часика на два?

— Я что-то не знаю,— сказал Том, нахмурившись.— Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно. Вернуть ее.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну,— возмущенно сказал Марв.— Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе во всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Стащил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, стащил,— вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался.— Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо,— несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается,— признался Том.— Правду сказать, не двигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глявы и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает,— мрачно сказал мэр.— Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот.— Он показал на межпланетное радио.— Оно опять говорило. Что-то насчет восстания на Денге IV и о том, что все не отпавшие от Земли колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Я отродясь не слыхал про какой-то там Денг IV, а вот, пожалуйста, должен беспокоиться о нем, как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы это точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя,— сказал мэр.— Если мы хотим быть настоящими землянами, надо идти до конца. А убийство — единственное, в чем мы проявляем отсталость. Все прочее у нас как по расписанию.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо,— сказал начальник полиции.— Прочти любую книгу. Какой же ты преступник, если не совершил ни одного убийства?

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля,— выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство,— возразил Том.— Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится,— пояснил начальник полиции.— Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем,— сказал Том.— А что если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда.

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли.— Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умопомешательства. Но ты же должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать,— сказал Том, вставая.

— Только думай не слишком долго,— сказал мэр.— Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли.— Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно,— сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя на небо. Черная точка выросла до огромных размеров. Она уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: «ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА». Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине довольно мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том,— сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы получше привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить. Том нетерпеливо покачал головой. Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он струтает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой. А сам уже, конечно, изнывает от жажды, а в левом плече у него свербит, так как мазь Яна Аптекаря никак ему не помогла.

Вот, это Марв Плотник.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, руки и ноги окоченели, рот скривился набок, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках. Никогда не пожалуется на ломоту в плече, которую Ян Аптекарь не сумел...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она,— сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон,— сказал мэр.— Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже свыше...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в

черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер,— сказал мэр.

— Благодарю вас, Генерал,— сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра.— Я — инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню,— сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал,— сказал он инспектору.— Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен,— сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, Генерал?

— Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами,— отвечал мэр.— Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите,— обратился инспектор к мэру,— сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прошения?..— растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет,— пояснил мистер Грент.— Видите ли, Генерал, Империя матери-Земли находится в состоянии войны. Колонисты на Денге IV и в некоторых других колониях восстали против ее законного первородства. Они подняли мятеж против непререкаемого главенства матери-Земли.

— Очень прискорбно слышать,— сочувственно произнес мэр.

— Нам нужны люди для космической пехоты,— сказал инспектор.— Крепкие, здоровые и боеспособные мужчины. Наши ресурсы исчерпаны...

— Мы хотим,— деликатно вставил мистер Грент,— предоставить всем колонистам, сохранившим верность Земле, возможность принять участие в решающей битве за Империю матери-Земли. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет,— сказал мэр.— Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту.— Шестьдесят, семьдесят, а может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически.

Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождали четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед,— сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо,— сказал Том, опешив от удивления.— Ты совсем не обязана была это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить,— сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! — Миссис Пиво придвинулась ближе.

— Да, это верно,— задумчиво согласился Том.— Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том,— сказала миссис Пиво.— Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно, кроме них, никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра.

Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком проулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Том начал припоминать методы, какими пользуются убийцы, но ничего не мог припомнить. Он знал только, что должен совершить убийство, и как можно быстрее, а уж как получится, так и получится. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож.— Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня,— сказал мэр, пятясь назад.— Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр,— сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло.— Лично я, конечно, ничего против вас не имею,— добавил он.

— Постой! — закричал мэр.— Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр поташил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом ряду. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что, поскольку я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю,— с неподдельной сердечностью сказал он,— но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты же убиваешь не мэра! Ты убиваешь Генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — спросил Том.— А что же это тогда?

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. Потом выпустил ворот рубахи.— Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке,— сказал мэр.— Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему.— Он глубоко, с облегчением вздохнул.— Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь.— Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. А вместе с тем кто-то должен быть убит. Кто же? Убить самого себя он не мог. Это уже самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получалось, что у него нет никаких мотивов убить миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум, кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Том не хотел, чтобы Билли Маляр сказал ему потом, что это не мотив. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан. И в то же время он не в состоянии убить никого из этих людей, которых знает с колыбели.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он.— Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и Генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца!»

Это, несомненно, будет самое эффективное убийство, какое он только может совершить, думал Том. Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела. Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ,— говорил мистер Грент.— Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество,— заметил инспектор.— Особенно в солдатах

— А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат.— Мистер Грент оглушительно зевнул.— Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее позабыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал солдату пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и инспектором. Он прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно,— сказал ему Том.— Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам у обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник,— горделиво отвечал Том.— Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

Грент уставился на него.

— Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства,— пояснил Том,— но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с искривленным ртом, окоченевшего, бездыханного, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление,— рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие на изготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли,— сказал мэр,— я подумал, что если уж кто-нибудь у нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том,— с грустью признался мэр.

Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на

жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать, в рядах нашей армии!..

— Моральное состояние наших солдат...— весь дрожа, пробормотал мистер Грент,— опасная зараза... Один человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь воздушный корабль... быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр.

Том вылез из кустов, где он прятался, следя за всем происходящим.

— Напортачил я с этим поручением,— жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся,— утешил его Билли Маляр.— Это же невыполнимое дело.

— Похоже, что ты прав,— сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню.— Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы и половины того, что ты.

— А на что нам теперь эти постройки? — спросил Билли Маляр, указывая на тюрьму, на почту, на церковь и на маленькое красное школьное здание.

С минуту мэр сосредоточенно размышлял.

— Я знаю,— сказал он.— Мы устроим детскую площадку для игр. Качели, горки, ящики с песком и всякие прочие штуки.

— Еще одну площадку для игр? — спросил Том.

— Ну да. А почему бы нет?

Ответить на это было нечего: конечно, почему бы нет?

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится,— сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй,— сказал мэр. Все сочувственно посмотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие кусочки.— Ну что ж, мы сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность,— смущенно пробормотал Том,— а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние,— сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой, и вокруг каждого облака был черный нимб. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова начать рыбачить.

Почему не пришло ему в голову представить себе инспектора в виде рыбы? Но он чувствовал, что слишком устал, чтобы рассудить сейчас, могло ли бы это послужить достаточным мотивом для убийства. Во всяком случае, теперь думать об этом было уже поздно. Земля отказалась от них, цивилизация отлетела, и на какое количество столетий отодвинулась она от их планеты, никому было неведомо.

Он плохо спал в эту ночь.

Паломничество на Землю

Элфред Саймон родился на Казанге IV — небольшой земледельческой планетке неподалеку от Арктура; там он водил комбайн по пшеничным полям, а долгими тихими вечерами слушал записи любовных песен Земли.

Жилось на Казанге, пожалуй, неплохо, девушки там были миловидные, резвые, искренние и покладистые — хорошие спутницы для прогулки по холмам или купания в ручье, верные подруги жизни. Однако романтики в них не было! Очень приятны веселые, безыскусные развлечения на Казанге. Но только приятны — не более.

Саймон чувствовал, что в его размеренном существовании чего-то недостает. Однажды он понял, чего же именно.

Потрепанный космический корабль, груженный книгами, занес на Казангу странствующего торговца. Это был изможденный, седой, слегка помешанный человек. В его честь устроили торжество — ведь за пределами Солнечной системы горячо радовались всякому новому знакомству.

Торговец выложил все свежие сплетни: и о войне цен между Детройтом II и Детройтом III, и во что обходится рыбалка на Алане, и как одета жена президента Морации, и до чего чудной говор на Доране V.

И наконец кто-то попросил:

— Расскажи нам о Земле.

— Ага,— сказал торговец, подняв брови.— Хотите послушать о планете-праматери? Так вот, друзья, нет другой такой планеты, как старушка Земля, и ничто с ней не сравнится. На Земле, друзья, все возможно, там исполняются все желания...

— У каждого? — спросил Саймон.

— У них там есть закон против отказов,— с усмешкой разъяснил торговец.— Пока еще никто его не нарушал. На Земле все иначе, друзья. Вы, ребята, специализируетесь по сельскому хозяйству? Ну вот, а Земля специализируется по всяким излишествам — таким, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужасы и прочее. Люди преодолевают световые годы, чтобы изведать эти блага.

— А любовь? — спросила какая-то женщина.

— Девушка,— мягко сказал торговец.— Земля — это единственное место во всей Галактике, где еще сохранилась любовь! На Детройтах II и III ее попробовали, но оказалось, что она непомерно дорога, а на Алане сочли, что она слишком выбивает из колеи, а импортировать ее на Морацию или Доран V еще не успели. Но, как я сказал, Земля специализируется по излишествам, и они окупаются сторицей.

— Сторицей? — переспросил дородный фермер.

— Конечно! Земля уже стара, ее недра исчерпаны, а почва бесплодна. Колонии ее стали независимыми и заселены людьми с трезвой головой — вроде вас. Такие люди хотят получить полную цену за свой товар. На чем же еще может заработать Земля, как не на пустяках, благодаря которым жизнь обретает смысл?

— А ты-то был влюблен на Земле? — спросил Саймон.

— Уж чего-чего,— угрюмо ответил торговец.— Был когда-то влюблен, а теперь вот странствую. Друзья, эти книги...

За баснословные деньги Саймон купил древний сборник стихов и, читая, грезил о страсти под безумной луной, о блед-

ных лучах рассвета, ласкающих иссушенные губы любовников, о сумеречном береге моря, где сплетенные тела упоены любовью и оглушены рокотом прибоя.

И это было возможно лишь на Земле. Ибо, как рассказывал торговец, разбросанные по Вселенной дети Земли слишком уж тяжко трудились, отвоевывая пропитание у враждебных миров. На Казанге росла пшеница и кукуруза, на Детройтах II и III множились фабрики и заводы. О рыбных угодьях Аланы ходили легенды по всему Южному звездному поясу. На Морации водились опасные хищники, а на Доране V предстояло распахать целину. Это было прекрасно, как и должно быть.

Но все же новые миры оказались слишком суровыми и стерильными в своем совершенстве — слишком уж точно была там спланирована жизнь. Что-то было утрачено в мертвых просторах космического пространства. Только на Земле сохранилась любовь.

Поэтому Саймон работал, копил деньги и мечтал. На двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в прочный баул, надел свой лучший костюм, крепкие дорожные ботинки и поднялся на борт ракеты «Казанга—Метрополия».

И наконец он прибыл на Землю, где мечты непременно сбываются, так как попытки воспрепятствовать этому караются законом.

Саймон быстро прошел таможенный досмотр в астропорте Нью-Йорка, и подземка мигом доставила его на Таймс-сквер. Там он вышел на дневной свет и стоял ослепленный, крепко прижимая к себе баул, так как его уже стращали карманниками и прочими хищниками большого города.

Он огляделся по сторонам, и у него дух захватило от изумления.

Первое, что поразило его, была бесконечная вереница кинотеатров, где фильмы демонстрировались в двух, трех и четырех измерениях, по выбору зрителя. И какие фильмы!

Справа от него шатром навис рекламный щит:

«ПОХОТЬ НА ВЕНЕРЕ!

Документальный отчет
о сексуальной жизни обитателей зеленого ада!
Шокирует! Разоблачает!»

Он хотел войти, но на другой стороне улицы шел военный фильм. Афиша зазывала:

«УКРОТИТЕЛИ СОЛНЦ!

Посвящается сорвиголовам военно-космического флота!»

А рядом шла картина:

«ТАРЗАН ПОБЕЖДАЕТ ВАМПИРОВ САТУРНА!»

Тарзан, смутно припомнил он читанное в книгах,— это герой древних народных сказаний Земли.

Все это удивительно. А то ли еще ждало его впереди! Он видел лавчонки, где можно было полакомиться кушаньями всех миров, особенно национальными земными блюдами — пиццей, расстегаями, спагетти и кнышами. Были магазины, где шла распродажа уцененной одежды с космических кораблей, и лавки, торгующие только напитками.

Саймон не знал, с чего начать. Внезапно он услышал отрывистую дробь пулеметной очереди и круто обернулся.

То был всего лишь тир — длинная, узкая, ярко расписанная галерея с барьером по пояс. На высоком табурете сидел хозяин — смуглый толстяк с бородавкой на щеке. Он улыбнулся Саймону:

— Хочешь попытать счастья?

Саймон вошел внутрь и увидел, что вместо обычных мишеней в конце галереи на изрешеченных пулями стульях сидят четыре едва одетые женщины. На лбу и над каждой грудью у них нарисованы крохотные «яблочки».

— А у вас стреляют настоящими пулями? — спросил Саймон.

— Разумеется! — ответил хозяин.— На Земле есть закон, воспрещающий лживую рекламу. И пули настоящие, и девки настоящие. Заходи и сшибай любую!

Одна из женщин подзадорила его:

— Давай, давай, красавчик! Бьюсь об заклад, что промажешь!

Другая вскричала:

— Да он и по космическому кораблю промахнется!

— Ну что ты, он малый не промах! — подхватила третья.— Давай же, красавчик!

Саймон потер лоб, стараясь не выказать удивления. В конце концов, ведь это Земля, где разрешается все, что приносит прибыль.

Он спросил:

— А есть тиры, где стреляют в мужчин?

— Конечно,— ответил хозяин.— Но ты ведь не страдаешь извращениями, правда?

— Безусловно, нет!

— Ты из другой системы?

— Да. А как ты узнал?

— По костюму. Всегда можно отличить по костюму.— Толстяк закрыл глаза и затянул нараспев:

— Подходи! Подходи! Убивай женщин! Избавляйся от гнета подавленных желаний! Нажми курок — дай выход застарелой ярости! Это лучше, чем мордобой! Лучше, чем пьянка! Подходи! Подходи! Убивай!

Саймон спросил у одной из женщин:

— А когда вас убивают, вы так и остаетесь мертвыми?

— Не задавай дурацких вопросов,— ответила девушка.

— Но ведь шок...

Она пожала плечами.

— Бывает работа и похуже.

Саймон хотел было спросить, что может быть хуже, но в эту минуту хозяин, перегнувшись через барьер, доверительно сказал:

— Послушай-ка, приятель. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за барьер и увидел миниатюрный пулемет.

— За смехотворно низкую плату,— сказал хозяин,— я дам тебе пострелять из томми. Можешь исполосовать весь тир, сбить всю арматуру, продырявить стены. Здесь пульки сорок пятого калибра, приятель, а уж отдача у него — точно осел лягается. Кто стреляет из томми, тот действительно стреляет.

— Не интересуюсь,— непреклонно ответил Саймон.

— У меня найдется граната-другая,— сказал хозяин.— Осколочное действие. Ты мог бы...

— Нет!

— Если заплатишь как следует,— сказал хозяин,— можешь уложить и меня, раз уж у тебя такой вкус, хотя я никогда бы этого не подумал. Ну как?

— Нет! Никогда! Это отвратительно!

Хозяин посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Не в настроении? О'кей. У меня открыто круглые сутки. Заходи в другой раз, красавчик.

— Никогда! — ответил Саймон, уходя прочь.

— Ждем тебя, милый! — крикнула ему вслед одна из женщин.

Подойдя к киоску, Саймон заказал стаканчик кока-колы.

Он заметил, что руки его трясутся. Усилием воли он подавил эту дрожь и маленькими глотками стал прихлебывать освежающую жидкость. Он напомнил себе, что нельзя подходить к Земле со своей меркой. Если на Земле одним людям нравится убивать других, а жертвы ничего не имеют против, почему кто-то должен возражать?

А может, все-таки должен?

Из раздумий его вывел голос, раздавшийся у самого уха:

— Эй, малый!

Обернувшись, Саймон увидел перед собой сморщенного человечка с бегающими глазками, в большом не по росту плаще.

— Не здешний? — спросил человечек.

— Да,— ответил Саймон.— А как ты узнал?

— По ботинкам. Я всегда смотрю на ботинки. Как тебе нравится наша планета?

— Она какая-то... беспорядочная,— осторожно ответил Саймон.— Я хочу сказать, что не ожидал... ну как его...

— Конечно,— сказал человечек.— Ты идеалист. Это видно с первого взгляда. Стоит только посмотреть на твое честное лицо, друг. Ты прилетел на Землю с определенной целью. Так или не так?

Саймон кивнул. Человечек продолжал:

— Я знаю, друг, какая у тебя цель. Ты ищешь войны, которая сделала бы мир лучше, и ты попал куда следует. У нас всегда идет шесть крупных войн, и ни на одной не приходится долго ждать генеральского чина.

— К сожалению, я...

— В настоящий момент,— внушительно продолжал человечек,— угнетенные рабочие Перу ведут отчаянную борьбу против загнивающей и продажной монархии. Один лишний человек может решить исход борьбы! И ты, мой друг, можешь стать этим человеком! Ты принесешь победу социалистам!

Подметив выражение лица Саймона, человечек поспешно добавил:

— Но многое можно сказать и в пользу просвещенной аристократии. Старый и мудрый король Перу (король-философ в глубочайшем, платоновском смысле слова) крайне нуждается в твоей помощи. Его крошечное войско, состоящее из ученых, идеалистов, швейцарской гвардии рыцарей короны и королевских крестьян, с трудом противостоит натиску заговорщиков-социалистов, подстрекаемых иностранными державами. И вот один-единственный человек...

— Не интересуюсь,— сказал Саймон.

— В Китае анархисты...

— Нет!

— Может, ты предпочитаешь присоединиться к коммунистам в Уэльсе? Или к японским капиталистам? Или хочешь примкнуть к какой-нибудь из мелких группировок — к феминисткам, к сторонникам сухого закона или к партии звонкой монеты? Это можно устроить.

— Война мне ни к чему,— ответил Саймон.

— Никто тебя за это не осудит,— быстро-быстро закивал человечек.— Война — это ад. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

— Откуда ты знаешь? — удивился Саймон.

Человечек скромно улыбнулся.

— Война и любовь,— сказал он.— На Земле это два основных предмета торговли. С незапамятных времен мы отпускаем их огромными партиями.

— А очень трудно найти любовь? — спросил Саймон.

— Пройди два квартала к центру,— деловито ответил человечек.— Найдешь не глядя. Скажешь, что тебя прислал Джо.

— Но так ведь не бывает! Нельзя же просто войти и...

— Что ты знаешь о любви? — осведомился Джо.

— Ничего.

— Ну, а мы на ней собаку съели.

— Я знаю то, что сказано в книгах,— возразил Саймон.— Страсть под безумной луной...

— Ну конечно, и тела на сумеречном берегу моря, упоенные любовью и оглушенные рокотом прибоя.

— Ты тоже читал эту книгу?

— Какую еще книгу? Это стандартная рекламная брошюра. Ну, мне пора. Два квартала к центру. Найдешь не глядя.

И, дружелюбно кивнув, Джо нырнул в толпу. Саймон допил кока-колу и медленно двинулся по Бродвею. От тяжкого раздумья на лбу у него вздулись вены, однако он решил не делать поспешных выводов.

Дойдя до 44-й стрит, он увидел огромные, ярко светящиеся неоновые буквы: «ЛЮБОВЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД».

Неоновые буквы поменьше гласили: *«Открыто круглосуточно!»*

И под ними: *«Подняться на второй этаж»*.

Саймон нахмурился, ибо в голову его закралось ужасное подозрение. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую, со вкусом обставленную приемную. Оттуда его направили по длинному коридору в комнату номер такой-то.

В комнате находился красивый седоволосый человек, который поднялся из-за внушительного письменного стола навстречу посетителю и, пожав ему руку, сказал:

— Ну, как дела у вас на Казанге?

— Как вы догадались, что я с Казанги?

— По рубашке. Я всегда обращаю внимание на рубашку. Меня зовут мистер Тэйт. Я здесь для того, чтобы служить вам по мере своих сил. Вы...

— Саймон. Элфред Саймон.

— Прошу вас, присядьте, мистер Саймон. Вы курите? Хотите выпить? Вы не пожалеете, что обратились именно к нам, сэр. Мы — старейшая фирма, поставляющая любовь, и гораздо более крупная, чем наш главный конкурент — «Страсть лими-

тед». К тому же у нас гораздо более сходная цена и товар лучше. Могу ли я осведомиться, как вы о нас услышали? Прочитали объявление во всю полосу «Таймса»? Или же...

— Меня прислал Джо,— перебил Саймон.

— Активный агент,— сказал мистер Тэйт с игривым видом.— Ну-с, сэр, не вижу причин откладывать дело в долгий ящик. Вы приехали издалека за любовью, и уж что-что, а любовь вы получите.— Он потянулся к кнопке на письменном столе, но Саймон его остановил:

— Я не хочу показаться невежливым и все такое, но...

— Да-да? — отозвался мистер Тэйт с ободряющей улыбкой.

— Мне это непонятно,— выпалил Саймон, густо покраснев; на лбу у него выступили бисеринки пота.— Кажется, я не туда попал. Не для того я проделал весь путь на Землю, чтобы просто... Неужели вы и вправду продаете любовь? Все, что угодно, только не любовь! Значит, тогда это ненастоящая любовь, так ведь?

— Да что вы! — возразил мистер Тэйт, приподнимаясь в кресле от изумления.— В том-то и дело! Секс может купить каждый. Боже правый, да это же самая дешевая штука во Вселенной, если не считать человеческой жизни. Но любовь — это редкость, любовь — это нечто особенное, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

— Тела на сумеречном берегу моря? — спросил Саймон.

— Она самая. Ее написал я. Передает настроение, правда? Такое настроение вы не получите от *первой встречной*, мистер Саймон. Такое настроение вам даст лишь та, кто вас любит.

Саймон с сомнением сказал:

— И все же это не истинная любовь, не так ли?

— Да что вы, конечно, истинная! Если бы мы продавали поддельную, мы бы так ее и именовали. На Земле законы о рекламе чрезвычайно суровы, уверяю вас. Торгуйте чем угодно, но только непременно называйте вещи своими именами. Это и есть этика, мистер Саймон!

Тэйт перевел дыхание и продолжал более ровным тоном:

— Нет, сэр, не допускайте этой ошибки. Наша продукция — не суррогат. Это именно то чувство, каким много тысячелетий бредят поэты и писатели. Благодаря чудесам современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше полное распоряжение, когда вам будет угодно, в красивой упаковке и притом по смехотворно низкой цене.

Саймон сказал:

— Я представлял себе нечто более... стихийное.

— В стихийности есть своя прелесть,— согласился мистер Тэйт.— Эту проблему разрабатывают наши исследовательские

лаборатории. Поверьте, наука в силах воспроизвести решительно все, был бы только спрос на рынке.

— Не нравится мне все это,— сказал Саймон, поднимаясь с места.— Пойду-ка я лучше в кино.

— Постойте! — вскричал мистер Тэйт.— Вы думаете, что мы пытаемся вас надуть. Вы думаете, что вас познакомят с девушкой, которая станет притворяться, будто влюблена в вас, а в действительности вас не любит. Не правда ли?

— Правда,— согласился Саймон.

— Ошибаетесь! Во-первых, это обошлось бы слишком дорого. Во-вторых, девушка подвергалась бы чудовищному износу. Да, кроме того, попытка разыграть в жизни такую сложную роль явилась бы для девушки психически вредной.

— Но как же вы это делаете?

— При помощи науки и познания законов психологии.

Для Саймона все это звучало какой-то тарабаршиной. Он направился к двери.

— Скажите-ка,— не унимался Тэйт.— С виду вы кажетесь смышленым молодым человеком. Неужто вы не отличите настоящую любовь от фальшивки?

— Ясно, отличу.

— Так чем же вы рискуете? Или останетесь довольны, или не заплатите нам ни цента.

— Я подумаю,— сказал Саймон.

— К чему откладывать? Ведущие психологи утверждают, что настоящая любовь укрепляет и исцеляет психику, снимает комплекс неполноценности, восстанавливает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В поставляемой нами любви есть все: глубокая и постоянная привязанность, безудержная страсть, безупречная верность, почти мистическое обожествление как ваших недостатков, так и достоинств, трогательное стремление сделать любимому приятное и в довершение всего — гордость фирмы «Любовь инкорпорейтед»: не поддающаяся контролю первая вспышка, ослепительное зарождение любви с первого взгляда!

Мистер Тэйт нажал кнопку. Саймон нахмурился в нерешительности. Дверь отворилась, вошла девушка, и Саймон больше не раздумывал.

Она была высокая и стройная, каштановые волосы отливали медью. О лице ее Саймон ничего не мог бы рассказать, но оно вызвало на его глазах слезы. А за вопрос, какая у девушки фигура, он мог бы убить на месте.

— Мисс Пенни Брайт,— сказал Тэйт,— познакомьтесь с мистером Элфредом Саймоном.

Девушка попыталась что-то произнести, но губы ей не повиновались; да и Саймон онемел. С одного взгляда он уже все понял. Остальное ничего не значило. Всем сердцем он чувствовал, что любим — любим верно и безгранично.

Они ушли сразу же, рука в руке. Реактивный везделет примчал их к беленькому коттеджу в сосновой роще на берегу моря. Там они беседовали, смеялись и любили друг друга. А потом Саймон увидел свою возлюбленную, точно богиню огня, в облачении пламени. В синих сумерках она устремила на него огромные темные глаза, и ее тело, уже такое знакомое, словно сызнова окуталось тайной. Взошла луна, яркая и безумная, и обратила тела в тени. Девушка плакала, колотя кулачками в его грудь, и Саймон тоже плакал, сам не зная отчего. И наконец наступил рассвет: робкий и неверный, он мерцал на иссушенных губах и сплетенных телах, а рядом рокочущий прибой оглушал, разжигал страсть и доводил ее до безумия.

В полдень они снова были в конторе фирмы «Любовь инкорпорейтед». Пенни порывисто сжала его руку и скрылась за внутренней дверью.

— Настоящая была любовь? — спросил мистер Тэйт.

— Да!

— И вы удовлетворены?

— Да! То была любовь, настоящая любовь! Но почему она так настаивала, чтобы мы вернулись?

— Постгипнотическое внушение,— разъяснил мистер Тэйт.— А чего вы ожидали? Все хотят любви, но мало кто хочет платить за нее. Вот ваш счет, сэр.

Саймон, вскипая, уплатил по счету.

— В этом не было никакой необходимости,— сказал он.— Само собой разумеется, я заплатил бы вам за то, что вы свели нас. А где она сейчас? Что вы с нею сделали?

— Прошу вас,— сказал мистер Тэйт примирительным тоном,— постарайтесь успокоиться.

— Мне не нужен покой! — закричал Саймон.— Мне нужна Пенни!

— Это невозможно,— сказал мистер Тэйт с легким нажимом изморози в голосе.— Будьте добры, прекратите сцену.

— Хотите урвать побольше денег? — загремел Саймон.— Хорошо, я заплачу. Сколько я вам должен за то, чтобы вы выпустили ее из своих когтей? — Саймон рывком выхватил из кармана бумажник и хлопнул им по столу.

Мистер Тэйт брезгливо ткнул в бумажник указательным пальцем.

— Положите-ка обратно в карман,— сказал он.— У нас старая и почтенная фирма. Если вы еще раз повысите голос, я буду вынужден выдворить вас отсюда.

Саймон сделал над собой неимоверное усилие, сунул бумажник в карман и уселся. Он глубоко выдохнул и сказал очень спокойно:

— Извините меня.

— Так-то лучше,— смягчился мистер Тэйт.— Я не допущу, чтобы на меня повышали голос. Однако если вы будете вести себя разумно, то мы как-нибудь договоримся. Итак, в чем же дело?

— В чем дело? — Саймон опять едва не закричал. Он овладел собой и сказал: — Она меня любит.

— Конечно.

— Как же вы можете нас разлучать?

— А какая здесь связь? — спросил мистер Тэйт.— Любовь — это восхитительная интерлюдия, отдых, полезный для интеллекта, для человеческой личности, для баланса гормонов и для цвета лица. Однако едва ли кому-нибудь захочется длительной любви, не так ли?

— Мне захочется,— сказал Саймон.— Эта любовь особая, необыкновенная...

— Они все такие,— утешил его мистер Тэйт.— Но, как вам известно, все они производятся одинаково.

— Что?

— Вы, без сомнения, знакомы с технологией производства любви?

— Нет,— сказал Саймон.— Я думал любовь... естественна.

Мистер Тэйт покачал головой.

— От естественного подбора мы отказались сотни лет назад, вскоре после технической революции. Он протекает слишком медленно и в коммерческом масштабе нецелесообразен. К чему возиться, когда посредством регулировки рефлексов и соответствующей стимуляции определенных мозговых центров мы можем произвольно создать любое чувство? А результат? Пенни, влюбленная в вас по уши! Мы проанализировали ваши индивидуальные склонности и остановились на ее соматотипе, что сделало вашу любовь совершенной. Мы всегда добавляем сумеречный берег моря, безумную луну, бледный рассвет...

— Значит, ее можно было принудить влюбиться в кого угодно,— медленно проговорил Саймон.

— Можно было убедить ее влюбиться в кого угодно,— поправил мистер Тэйт.

— О боже, как она попала на такую омерзительную работу?

— Пришла и подписала контракт, как это обычно делается,— сказал Тэйт.— За это очень хорошо платят. А по истечении договорного срока мы возвращаем ей первоначальную индивидуальность — нетронутой! Однако почему вы считаете эту работу омерзительной? В подобной любви нет ничего такого, что заслуживало бы порицания.

— Это не любовь! — воскликнул Саймон.

— Да нет же, любовь! Настоящий товар! Беспристрастные научно-исследовательские фирмы провели ее испытания на качество по сравнению с естественной любовью. И во всех случаях наша любовь показала большую глубину, страсть, пыл и размах.

Саймон крепко зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

— Выслушайте меня. Мне нет дела до ваших научных испытаний. Я ее люблю, она меня любит, а остальное неважно. Дайте мне поговорить с ней! Я хочу на ней жениться!

Мистер Тэйт скорчил гримасу.

— Опомнитесь! Разве на таких женятся! Если вы хотите жениться, то браками мы тоже занимаемся. Можно устроить идиллический и почти стихийный брак по любви с патентованной девственницей, прошедшей государственную инспекцию...

— Нет! Я люблю Пенни! Дайте мне по крайней мере поговорить с ней!

— Это совершенно невозможно,— ответил мистер Тэйт.

— Почему?

Мистер Тэйт нажал какую-то кнопку.

— Как вы думаете, почему? Мы стерли предыдущую гипнограмму. Сейчас Пенни любит другого.

И тогда Саймону все стало ясно. Он осознал, что уже сейчас, в эту минуту, Пенни глядит на другого и в глазах ее вспыхивает такая же страсть, какую познал и он... Она питает к другому ту самую всепоглощающую и безграничную любовь, которая, по свидетельству беспристрастных научно-исследовательских фирм, намного превосходит старомодный, коммерчески нецелесообразный естественный подбор... И на том же сумеречном морском берегу, упомянутом в рекламной брошюре...

Он рванулся, норовя вцепиться Тэйту в глотку. Два служителя, вошедшие несколькими секундами ранее, перехватили его и повели к двери.

— Учтите! — бросил Тэйт ему вслед.— Это никоим образом не обесценивает ваших воспоминаний.

И, как ему ни было противно, Саймон понимал, что Тэйт говорит правду.

А затем он оказался на улице.

Сначала он жаждал только одного: как можно скорее покинуть Землю, где продажные излишества обходятся нормальному человеку чересчур дорого. Он шагал очень быстро, а рядом с ним шла его Пенни, и лицо ее светилось любовью к нему, и к другому, и к третьему, и к десятому.

И конечно, он подошел к тиру.

— Хочешь попытать счастья? — спросил хозяин.

— Заряжай,— ответил Элфред Саймон.

Дипломатическая неприкосновенность

— Заходите, джентльмены, не стесняйтесь,— произнес посол, приглашая их в особые апартаменты, предоставленные Государственным департаментом.— Садитесь, пожалуйста.

Полковник Серси уселся на стул, пытаясь оценить персону, по милости которой весь Вашингтон стоял на ушах. Вид у посла был вовсе не угрожающий. Роста среднего, сложения изящного, одет в строгий коричневый твидовый костюм (подарок Государственного департамента). Лицо одухотворенное, с тонкими чертами.

«Человек как человек»,— подумал Серси, сверля пришельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

— Чем могу служить? — с улыбкой спросил посол.

— Президент поручил мне вести ваше дело,— ответил Серси.— Я ознакомился с отчетом профессора Даррига.— Он кивнул в сторону своего спутника.— Но хотелось бы узнать все из первоисточника.

— Конечно,— согласился пришелец и закурил сигарету. По-видимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие.

«Любопытно,— подумал Серси.— Ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие ученые страны успели вымотать из него душу».

Но когда припекло по-настоящему, напомнил себе Серси, они призвали на подмогу военных. Он откинулся на спинку стула, небрежно сунув руки в карманы. Его правая рука лежала на рукоятке крупнокалиберного пистолета со снятым предохранителем.

— Я прибыл,— заговорил пришелец,— как полномочный посол, представитель империи, охватывающей половину Галактики. Я привез вам привет от своего народа и предложение вступить в наше сообщество.

— Понятно,— ответил Серси.— Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не предложение, а требование.

— Вступите, можете не сомневаться,— заверил посол, выпуская дым через ноздри.

Серси заметил, как сидящий рядом с ним Дарриг напрягся и прикусил губу. Полковник переместил пистолет в кармане — теперь его можно было легко выхватить.

— Как вы нас разыскали? — осведомился Серси.

— Каждого из полномочных послов прикрепляют к неисследованному участку космоса,— объяснил пришелец.— Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету — в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике — большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это было ему неизвестно.

— Найдя планету, населенную разумными существами, мы на ней высаживаемся, как это сделал я, и подготавливаем ее обитателей к участию в нашем содружестве.

— А как ваш народ догадается, что вы обнаружили разумную жизнь? — поинтересовался Серси.

— В организм каждого посла вмонтировано передающее устройство,— ответил пришелец.— Оно включается, как только мы попадаем на населенную планету. В космос начинает непрерывно поступать сигнал, который можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Вспомогательные группы постоянно дежурят вблизи границ зоны приема. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд колонизаторов.— Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.— У этого метода есть явные преимущества по сравнению с засылкой комплексного отряда из разведчиков и колонизаторов. Отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятки лет.

— Конечно.— Лицо Серси оставалось бесстрастным.— Расскажите подробнее о самом сигнале.

— Подробности вам ни к чему. Методами земной техники сигнал невозможно уловить и, следовательно, заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг порывисто вздохнул и покосился на Серси.

— Но если вы прекратите передачу, а сигнал еще не будет перехвачен, то нашу планету никогда не отыщут.

— Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор,— согласился дипломат.

— Прекрасно. Как полномочный представитель президента США прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей империи.

— Мне очень жаль.— Посол пожал плечами. («Интересно,— подумал Серси,— сколько раз он уже разыгрывал эту сцену и на скольких планетах?») — Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

— Значит, не прекратите?

— Не могу. Как только передача сигнала начинается, я не в состоянии им управлять.— Дипломат отвернулся и подошел к окну.— Однако я подготовил для вас философский трактат. Как посол я обязан предельно смягчить психологический удар. Ознакомившись с новыми идеями, вы сразу поймете, что...

Едва посол подошел к окну, Серси выхватил пистолет. Шесть выстрелов в голову и тело посла слились в единый грохочущий взрыв. И Серси вздрогнул.

Посол исчез!

Серси переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол столь же внезапно появился вновь.

— По-вашему, это так легко? — спросил он.— Мы, послы, волей-неволей обладаем дипломатической неприкосновенностью.— Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене.— Если вы этого еще не поняли, скажу иначе — убить меня вы не властны. Вы не сможете даже понять принцип моей защиты.

Посол взглянул на них, и в этот момент до Серси впервые дошло, что посол здесь действительно чужак.

— Всего доброго, джентльмены,— сказал посол.

Дарриг и Серси вернулись на командный пункт. Никто и не ожидал по-настоящему, что посла удастся убить столь легко, но все же его неуязвимость потрясала.

— Полагаю, вы все видели, Мэлли? — спросил полковник Серси.

Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул:

— Видел и заснял на пленку.

— Интересно, в чем суть его философии? — пробормотал себе под нос Дарриг.

— Думать, что такое простое решение сработает, просто нелогично. Никакая раса не отправила бы посла с подобным предложением, всерьез надеясь на то, что посол уцелеет. Если только...

— Если что?

— Если только не снабдить посла чертовски эффективной защитой,— уныло закончил психиатр.

Серси пересек комнату и взглянул на экраны. Квартира у посла действительно была особая. Ее спешно соорудили спус-

тя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и Бог знает чем еще.

Это была самая совершенная в мире камера смерти.

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, подаренной правительством США.

— Эй, Гаррисон! — крикнул Серси.— Пора приступать к плану номер два.

Из соседней комнаты, где находилась подключенная к квартире посла аппаратура, появился Гаррисон. Он методично проверил показания манометров, отрегулировал управление и поднял глаза на Серси.

— Можно? — спросил он.

— Можно,— ответил Серси, не отрывая глаз от экрана. Посол все еще печатал.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и из скрытых отверстий в стенах и потолке кабинета посла вырвались огненные языки.

Кабинет превратился в нечто вроде доменной печи. Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот нажал другую кнопку. Они впились взглядом в изображение раскаленной комнаты на экране, надеясь увидеть обугленный труп.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на остатки пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

— Нельзя ли попросить другую машинку? — обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер.— Мне все-таки хочется, чтобы вы, неблагодарные ничтожества, ознакомились с моей философией.

Потом уселся в обгоревшее кресло и через секунду, по всей видимости, заснул.

— Ладно, все садитесь,— сказал Серси.— Настало время собрать военный совет.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, зажег трубку и стал медленно раскуривать.

— Итак,— начал Серси,— правительство свалило все на нас. Посла надо уничтожить — тут других мнений быть не может. Ответственность за это возложена на меня.— Серси криво улыбнулся.— Вероятно, по той причине, что никто из шишек не желает отвечать за неудачу. А я выбрал вас троих себе в помощники. Мы получим все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию. А теперь — есть идеи?

— Как насчет плана номер три? — спросил Гаррисон.

— Дойдет черед и до него,— сказал Серси.— Но, по-моему, он не подействует.

— По-моему, тоже,— согласился Дарриг.— Мы ведь даже не знаем, как он защищается от опасности.

— Вот это — первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана. Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? «Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?»

— Хорошо,— буркнул Мэлли и вышел, бормоча что-то о превосходстве физики над прочими науками.

— Гаррисон,— сказал Серси,— к осуществлению плана номер три все подготовлено?

— Конечно.

— Попробуем.

Пока Гаррисон возился с окончательной настройкой, Серси наблюдал за Дарригом. Пухлый коротышка-физик задумчиво уставился куда-то вдаль и что-то бормотал. Серси надеялся, что его осенит какая-нибудь идея. От Даррига он ждал многого.

Зная, что с большим количеством людей работать невозможно, Серси тщательно подобрал себе штат. Ему требовалось качество.

Именно поэтому первым избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь бы у него было хоть смутное представление, как должна действовать эта конструкция.

Следующим в команду попал психиатр Мэлли — Серси не был уверен, что для уничтожения посла потребуются только физические действия.

Дарриг — физик-математик, но его беспокойный, пытливый ум создавал интереснейшие теории и в других областях науки. Дарриг был единственным из четверых, кто заинтересовался послом в интеллектуальном аспекте.

— Он мне напоминает Металлического Старика,— произнес наконец Дарриг.

— Это еще кто такой?

— Вы что, не слышали легенду о Металлическом Старике? Так вот, это был монстр, закованный в черную металлическую броню. С ним встретился Победитель Чудовищ — герой индейских легенд — и после многих попыток сумел убить Металлического Старика.

— Как же ему это удалось?

— Он ударил его под мышку. Там у него брони не было.

— Красота,— ухмыльнулся Серси.— Так попроси нашего посла поднять руки.

— Готово! — сообщил Гаррисон.

— Отлично. Давайте.

В комнату посла беззвучно хлынули невидимые потоки жестких гамма-лучей.

Однако подвергнуться их смертельному действию оказалось некому.

— Хватит,— немного погодя сказал Серси.— От этого околело бы стадо слонов.

Посол пять часов пробыл в невидимом состоянии, пока интенсивность радиации немного не спала. Тогда он вновь появился в комнате.

— Так я жду машинку,— напомнил он.

— Вот заключение анализатора.— Мэлли подал Серси пачку бумаг.— А вот кратко сформулированный вывод.

Серси прочитал вслух: «Простейший способ защиты от данного или любого оружия — стать тем или иным конкретным оружием».

— Превосходно,— сказал Гаррисон.— Но что это значит?

— Это значит,— ответил Дарриг,— что, когда мы угрожаем послу огнем, он сам превращается в огонь. Когда мы в него стреляем, он превращается в пулю — и так до тех пор, пока опасность не проходит, а там он возвращает себе прежнее обличье.

Дарриг взял у Серси бумаги и принялся их перелистывать.

— Гм... Интересно, существуют ли какие-либо исторические параллели? Вряд ли.— Он оторвался от бумаг.— Вывод не окончательный, но вполне убедительный. Всякий иной принцип защиты требует сначала опознать оружие, потом оценить его, а потом уже принимать контрмеры в соответствии с потенциальными возможностями оружия. У посла защита намного безопаснее и срабатывает мгновенно. Ему не приходится опознавать оружие. Скорее всего, его тело каким-то образом отождествляется с тем, что ему угрожает.

— Есть ли способ сломить такую защиту? — спросил Серси.

— Анализатор недвусмысленно указывает, что, если его вывод верен, такого способа нет,— угрюмо заметил Мэлли.

— Такой вывод можно и отбросить,— возразил Дарриг.— Возможности машины все-таки ограничены.

— Но мы до сих пор не знаем способа его остановить,— подчеркнул Мэлли.— А он продолжает передавать сигнал.

Серси на мгновение задумался.

— Свяжитесь со всеми экспертами, которых знаете. Зададим-ка послу жару. Знаю, все знаю,— добавил он, заметив сомнение на лице Даррига,— но попытаться мы обязаны.

В последующие дни смерть обрушивалась на посла во всех мыслимых формах и сочетаниях. Его пытались убить оружием, начиная с каменных топоров и кончая современными атомными гранатами, топили в кислотах, душили ядовитыми газами.

Посол философски пожимал плечами и продолжал печатать на очередной новой машинке.

Его травили бактериями: сперва возбудителями всех известных болезней, затем их мутированными разновидностями.

Посол даже не чихнул.

На нем испытали электричество, радиацию, оружие деревянное, железное, медное, бронзовое, урановое — все без исключения, перебрали любые возможности.

На после не появилось ни царапины, зато его комната выглядела так, словно в ней вот уже пятьдесят лет беспрерывно идет пьяный дебош.

Мэлли и Дарриг каждый корпели над собственными идеями, физик лишь ненадолго отвлекся, чтобы напомнить Серси миф о Бальдуре. На Бальдура тоже нападали с самым разным оружием, но он остался неуязвим, потому что все на Земле пообещало его любить. Все, кроме омелы. И когда в него бросили веточку омелы, он умер.

Выслушав Даррига, Серси раздраженно отвернулся. Но все же велел доставить омелу — так, на всякий случай.

Она, во всяком случае, оказалась не менее эффективной, чем фугасные снаряды или лук со стрелами, и при нулевом результате хоть немного украсила изуродованную комнату.

Прошла неделя, и посла, не встретив возражений с его стороны, переселили в новую, более прочную и надежную камеру смерти. В старую никто не осмеливался войти — отпугивали микроорганизмы и высокая радиоактивность.

Посол возобновил работу за пишущей машинкой. Все предыдущие плоды его трудов или сгорели, или были разорваны в клочки, или съедены.

— Побеседуем с ним,— предложил Дарриг на другой день. Серси согласился. Все равно идеи временно иссякли.

— Заходите, джентльмены,— сказал посол так радушно, что Серси замутило.— К сожалению, мне нечем вас угостить. По досадному недосмотру меня уже десятый день не снабжают ни пищей, ни водой. Меня-то это, конечно, не волнует.

— Рад слышать,— отозвался Серси.

Глядя на посла, никто бы не догадался, что он отразил натиск всех земных средств умерщвления. Напротив, можно было подумать, что бомбежку перенесли Серси и его сотрудники.

— Ну и защита, у вас,— дружелюбно произнес Мэлли.

— Рад, что вам нравится.

— Скажите, пожалуйста, а каков ее принцип? — невинно спросил Дарриг.

— Разве вы не знаете?

— Кажется, знаем. Вы становитесь тем, что вам грозит. Правда?

— Безусловно,— подтвердил посол.— Как видите, я от вас ничего не скрываю.

— Примите от нас что-нибудь в благодарность за то, что вы прекратите передачу,— предложил Серси.

— Это что же, взятка?

— Точно,— сказал Серси.— Все, что ни...

— Нет,— отрезал посол.

— Будьте благоразумны,— настаивал Гаррисон.— Вы же не хотите развязать войну, верно? Сейчас на Земле согласие между государствами — против вас. Мы вооружаемся...

— Чем?

— Атомными бомбами,— ответил Мэлли.— Водородными бомбами. Мы...

— Сбросьте на меня бомбу,— прервал посол.— Она не причинит мне вреда. Почему вы думаете, что она причинит вред моему народу?

Все четверо промолчали. Об этом они как-то не подумали.

— Уровень ведения войны,— заявил посол,— истинное мерило цивилизации. Стадия первая — применение простейших орудий уничтожения. Стадия вторая — овладение материей на молекулярном уровне. Сейчас вы приближаетесь к третьей стадии, хотя все еще далеки от полного контроля над атомными и субатомными силами.— Он обаятельно улыбнулся.— Мой народ идет к вершине пятой стадии.

— Это какая же стадия? — полюбопытствовал Дарриг.

— Увидите,— сказал посол.— Но, может быть, вам интересно, насколько типичны мои способности для моих соплеменников? Могу вас заверить, что они вовсе не типичны. Для того чтобы я мог справиться с работой, не превышая своих полномочий, в меня введены кое-какие ограничения, позволяющие мне совершать только пассивные действия.

— Зачем? — спросил Дарриг.

— Причины очевидны. Если под горячую руку я совершу активное действие, то сотру вашу планету в порошок.

— Неужели вы надеетесь, что мы вам поверим? — спросил Серси.

— Почему бы и нет? Или это так трудно понять? Разве вы не в состоянии поверить в то, что есть силы, о которых вы не имеете ни малейшего представления? Впрочем, у моей пассивности есть и другая причина. О ней вы уже, разумеется, догадались.

— Полагаю, вы намерены сломить наш дух,— сказал Серси.

— Совершенно верно. Впрочем, от моего признания ничего не изменится. Схема всегда одна и та же. Посол приземляется и делает предложение юной, дикой и необузданной расе вроде вашей. Ему отчаянно сопротивляются, посла упорно пытаются убить. Когда же все попытки проваливаются, туземцы обычно сильно падают духом. Так что, когда прибывает отряд колонизаторов, восприятие новых идей проходит намного быстрее. И вообще,— добавил он после короткой паузы,— обычно планеты проявляют гораздо больший интерес к предлагаемой им философии. Уверяю вас, она сильно облегчает перестройку.— Он протянул посетителям стопку бумаги с машинописным текстом.— Может быть, пролистаете?

Дарриг взял у посла бумаги и сунул в карман.

— Если найдется время.

— Рекомендую полюбопытствовать,— сказал посол.— Сейчас вы уже близки к критической точке. Почему бы вам не сдаться?

— Еще рано,— невозмутимо ответил Серси.

— Не забудьте прочитать,— настойчиво напомнил посол.

Люди торопливо вышли.

— Вот что,— сказал Мэлли, когда они вернулись на командный пункт.— Мы еще не все испробовали. Пустим в ход психологию?

— Хоть черную магию,— согласился Серси.— Что вы имеете в виду?

— Насколько я понимаю,— объяснил Мэлли,— посол мгновенно реагирует на опасность. У него безотказный защитный рефлекс. Давайте прибегнем к чему-нибудь такому, на что этот рефлекс не распространяется.

— Например? — спросил Серси.

— Например, гипноз. Может, что-нибудь выведаем.

— Конечно,— сказал Серси.— Попытайтесь. Пробуйте что угодно.

В комнату посла впустили микроскопическое количество гипнотизирующего газа, и Серси с Мэлли и Дарригом уселись

перед видеоэкраном. Одновременно в кресло, где сидел посол, был дан электрический импульс.

— Это чтобы отвлечь внимание,— прокомментировал Мэлли.

Посол исчез, прежде чем его поразил электрический ток, и вскоре вновь появился в кресле.

— Достаточно,— прошептал Мэлли и перекрыл клапан.

Все впились взглядом в экран. Немного погодя посол отложил книгу и уставился в пустоту.

— Как странно,— произнес он.— Альферн мертв. Добрый друг... идиотская случайность. В пути ему не повезло. Он был обречен. На его пути таилось... Но такое не часто встречается.

— Думает вслух,— прошептал Мэлли, хотя услышать его посол никак не мог.— Проговаривается. Должно быть, друг у него из головы не выходит.

— Конечно,— продолжал посол,— когда-нибудь Альферн должен был умереть. Бессмертие пока недостижимо. Но такой смертью... и нет защиты. Хаос таится... Нечто, вечно ждущее своего часа.

— Его тело еще не опознало гипнотизирующий газ как угрозу,— прошептал Мэлли.

— Впрочем,— снова заговорил посол,— закон упорядочивания держит все это в рамках, сглаживает...

Посол неожиданно вскочил и побледнел. Он явно пытался припомнить только что сказанное. Потом рассмеялся.

— Остроумно. Такую шутку вы сыграли со мной в первый и последний раз. Но, джентльмены, она вам не сослужит службы. Я и сам не знаю, чем меня можно одолеть...— Он снова рассмеялся.— Кстати,— заметил он,— команда колонизаторов теперь уже наверняка знает нужное направление. Они отыщут вас и без меня.

Посол снова уселся, чему-то улыбаясь.

— Что и требовалось доказать! — возликовал Дарриг.— Он уязвим. Погиб же от чего-то его друг Альферн.

— От чего-то в космосе,— напомнил ему Серси.— Но от чего?

— Дайте сообразить,— размышлял Дарриг вслух.— Закон упорядочивания. Это, наверное, неизвестный нам закон природы. А таилось... что там может таиться, в космосе?

— Он сказал, что колонизаторы отыщут нас в любом случае,— напомнил всем Мэлли.

— Давайте сперва покончим с главным делом,— сказал Серси.— Вполне возможно, он блефует... впрочем, вряд ли. Но избавиться от посла необходимо.

— Мне кажется, я знаю, что там таится! — воскликнул Дарриг.— Потрясающе. Это может вылиться в новую космологию!

— Хорошая идея? — осведомился Серси.— Мы сможем ею воспользоваться?

— Думаю, да. Но над ней нужно поработать. Пойду-ка я к себе в отель. Мне надо полистать кое-какие книги, и желательно, чтобы в ближайшие несколько часов меня никто не тревожил.

— Хорошо,— согласился Серси.— Но в чем суть..

— Не спрашивайте, я мог и ошибиться,— сказал Дарриг.— Дайте мне возможность помозговать.

И он выбежал из комнаты.

— Как по-вашему, к чему он клонит? — спросил Мэлли.

— Ума не приложу,— пожал плечами Серси.— Вот что, давайте еще попробуем эти психологические штучки.

Сперва комнату посла на несколько футов заполнили водой — не с целью утопить, а чтобы причинить максимальное неудобство.

Затем к воде добавили свет. Восемь часов подряд посла изводили световыми вспышками — то яркими, проникающими сквозь веки, то тусклыми, чтобы лишь раздражать.

Потом настала очередь звуков — скрежета, визга, скрипов, тысячекратно усиленного звука скребущих по шершавой поверхности ногтей, странных причмокиваний, вскриков и шепота.

А потом — запахи. И следом за ними — весь мыслимый арсенал способов свести человека с ума.

Посол невозмутимо спал.

— Ну вот что,— сказал Серси на следующий день,— начнем шевелить мозгами.

Голос его звучал хрипло и устало. Психологическая пытка, которая даже не вывела посла из равновесия, словно рикошетом отразилась на Серси и его команде.

— Куда, черт подери, запропастился Дарриг?

— Все продумывает свою идею,— сказал Мэлли, потирая заросший подбородок.— Говорит, вот-вот докопается до истины.

— Будем исходить из допущения, что его идея порочна,— сказал Серси.— Давайте рассуждать. Например, если посол способен превратиться во что угодно, есть ли что-нибудь такое, во что он не способен превратиться?

— Хороший вопрос,— буркнул Гаррисон.

— Это вопрос об ответном действии,— сказал Серси.— Нет смысла бросать копье в человека, способного в это копье превратиться.

— А что, если сделать так,— предложил Мэлли.— Пусть он превращается во что угодно, мы поставим его в такое положение, что опасность будет грозить ему уже после превращения.

— Конкретнее,— сказал Серси.

— Предположим, ему что-то грозит. Он превращается в источник опасности. А если что-то угрожает именно этому источнику? И, в свою очередь, само находится под какой-то угрозой? Что он тогда сделает?

— А как это осуществить? — спросил Серси.

— А вот как.— Мэлли снял телефонную трубку.— Алло! Соедините с Вашингтонским зоопарком. Срочно.

Посол обернулся на звук открывающейся двери. В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась.

Тигр посмотрел на посла, посол — на тигра.

— Изобретательно,— одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно распрямившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули второго тигра. Он злобно оскалился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких десятках сантиметров от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он посторонился, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и чуть не перекувырнулся, не обнаружив добычи на месте. За неимением лучшего лев вцепился в одного из тигров.

Посол вновь очутился в кресле — он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга на куски.

Через десять минут комната стала похожа на бойню. К тому времени это зрелище послу надоело, и он улегся на постель с книжкой в руках.

— Сдаюсь,— сказал Мэлли.— Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, уперся взглядом в пол. Гаррисон в уголке тихо накачивался виски.

Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

— Да?

— Раскусил! — услышал он торжествующий голос Даррига.— Послушайте, я сейчас же хватаю такси. Велите Гаррисону вызвать подручных.

— А в чем дело? — спросил Серси.

— В хаосе, который подо всем этим таится! — ответил Даррриг и бросил трубку.

Полчаса, час... Только через три часа после своего звонка на командный пункт лениво вошел Дарриг.

— Привет,— сказал он небрежно.

— К дьяволу приветы! — зарычал Серси.— Почему так долго?

— В пути я познакомился с философией посла,— ответил Дарриг.— Это шедевр.

— Поэтому вы и задержались?

— Да. Я попросил водителя проехать несколько раз вокруг парка, а сам читал.

— Оставим это. В чем же...

— Нельзя это оставить,— перебил Дарриг странным, напряженным голосом.— Боюсь, что мы заблуждались относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями, Земля — колонией, это будет вполне разумно и справедливо. Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтоб они скорее прилетели.

Но вид у Даррига был не столь уверенным, как слова. Его голос дрожал, со лба градом струился пот, он судорожно сжимал кулаки, словно его мучила боль.

— Это трудно объяснить,— произнес он.— Едва я начал читать, как все стало совершенно ясным. Я понял, какими мы были тупицами, пытаясь сохранить независимость в этой взаимозависимой Вселенной. Я понял... да ладно, Серси. Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

— Успокойтесь! — заорал Серси на совершенно спокойного физика.— Вы сами не знаете, что говорите.

— Странно,— пробормотал Дарриг.— Я знаю, что я думал... только теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с настоящей философией. Вы поймете меня, как только прочтете...

Он подал Серси стопку бумаг. Серси тотчас поджег их своей зажигалкой.

— Неважно,— сказал Дарриг.— Я заучил наизусть. Вы только послушайте. Аксиома первая: все разумные существа...

Серси выбросил вперед кулак, и Дарриг повалился на пол.

— Слова в тексте, видимо, подобраны так, чтобы вызывать в человеке определенную эмоциональную реакцию. Это своего рода гипноз,— прокомментировал Мэлли.— Послу остается лишь приспособить слова под мышление людей, с которыми он имеет дело.

— Знаете, Мэлли,— обратился к нему Серси,— теперь все в ваших руках. Дарриг нашел разгадку — или думал, что нашел. Вам придется вытянуть ее из него.

— Задача нелегкая,— проговорил Мэлли.— У него ведь будет ощущение, что, выдав нам свою тайну, он предает правое дело.

— Как вы этого добьетесь — меня не касается,— отмахнулся Серси.— Лишь бы добились.

— Даже с риском для его жизни? — спросил Мэлли.

— Даже с риском для вашей.

— Тогда помогите отвести его в мою лабораторию,— бросил Мэлли.

В тот вечер Серси с Гаррисоном не покидали командного пункта, следя за послом. В голове Серси лихорадочно путались мысли.

Что погубило Альферна в космосе? Можно ли смоделировать это «нечто» и на Земле? Что такое «закон упорядочивания»? Как это — «хаос таится»?

И вообще, какого черта, я со всем этим связался? — подумал он. Нет, подобные мысли следует давить сразу.

— Кто такой, по-вашему, посол? — спросил он Гаррисона.— Человек?

— Похож,— сонно ответил Гаррисон.

— С виду похож, а на деле не похож. Интересно, каков его настоящий облик?

Гаррисон качал головой и раскуривал трубку.

— Что он собой представляет? — не унимался Серси.— С виду человек, но преображается во что угодно. Ничем его не проймешь — адаптируется. Как вода, принимает форму любого сосуда.

— Воду можно вскипятить,— зевнул Гаррисон.

— Конечно. Вода не имеет собственной формы, так ведь? Или имеет? В чем ее внутренняя суть?

Сделав над собой усилие, Гаррисон попытался сосредоточиться на словах Серси.

— В молекулярной структуре? В матрице?

— Матрица,— повторил Серси, тоже зевая.— Должно быть, нечто вроде этого. Структура абстрактна, так?

— Так. Структуру можно наложить на что угодно. Что я только что сказал?

— Ну-ка, подумаем,— сказал Серси.— Структура. Матрица. Любая частичка тела посла способна изменяться. Но для сохранения его личности должна иметься и некая объединяющая сила. Нечто неизменное в любых обстоятельствах.

— Как тесемка,— произнес Гаррисон, не размыкая век.

— Конечно. Завяжи ее узлами, сплети в жгут, намотай на палец — она останется тесемкой.

— Да.

— Но как одолеть эту структуру? — спросил Серси.

Отчего бы не поспать? К черту посла вместе с его колонизаторами, сейчас он наконец заснет...

— Проснитесь, полковник!

Серси через силу открыл глаза и посмотрел на Мэлли. Рядом самозабвенно храпел Гаррисон.

— Удалось?

— Нет,— признался Мэлли.— Философия произвела на него слишком глубокое впечатление. Правда, до конца она не подействовала. Дарриг знает, что раньше хотел уничтожить посла по достаточно веским причинам. Теперь его позиция изменилась, зато он чувствует, что предает нас. С одной стороны, он не может причинить вред послу; с другой — он не хочет причинить вред нам.

— И все же молчит?

— Боюсь, все не так просто. Знаете, если перед вами непреодолимое препятствие, которое *необходимо* преодолеть... кроме того, как мне кажется, философия посла повредила его разум.

— Так куда вы клоните? — Серси встал.

— Мне очень жаль,— извинился Мэлли,— но тут я ничего поделать не могу. В его сознании происходила сильнейшая борьба, и когда у него не осталось сил сражаться, он... отступил. Боюсь, он безнадежно помешался.

— Сходим к нему.

Они прошли по коридору в лабораторию Мэлли. Дарриг лежал на кушетке, уставившись куда-то немигающими остекленевшими глазами.

— Неужели нет способа его вылечить? — спросил Серси.

— Возможно, при помощи шоковой терапии,— с сомнением произнес Мэлли.— Однако на это уйдет немало времени. К тому же в его сознании наверняка имеется блокировка причин, которые довели его до такого состояния.

Серси отвернулся — у него потемнело в глазах. Даже если Даррига можно вылечить, окажется слишком поздно. Сигнал посла наверняка уже принят, и пришельцы-колонизаторы направляются к Земле.

— А это что? — спросил Серси, поднимая клочок бумаги, лежащий возле руки Даррига.

— Да так, бумажка. Он все вертел ее в руках. Разве на ней что-то написано?

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона»,— прочитал Серси.

— И что это значит? — спросил Мэлли.

— Понятия не имею,— отозвался Серси.— Его всегда интересовала мифология.

— Похоже на бред шизофреника,— заключил психиатр.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона».— перечитал Серси.— Не может ли быть,— спросил он у Мэлли,— что Дарриг старался навести нас на решение? Что он сам себя обманывал, тайком от себя подсказывая нам ответ.

— Возможно,— согласился Мэлли,— Безуспешный компромисс... но что же означают эти слова?

— Хаос.— Серси вспомнил, что Дарриг произносил это слово, разговаривая с ним по телефону.— Согласно древнегреческой мифологии, хаос — первоначальное состояние Вселенной, не так ли? Бесформенность, породившая мир?

— Вроде того,— сказал Мэлли.— А Медуза — одна из трех сестер с жуткими физиономиями.

Еще с секунду Серси вчитывался в запись. Хаос... Медуза... И закон упорядочивания! Конечно!

— Кажется...

Серси повернулся и выбежал из лаборатории. Мэлли взглянул ему вслед, заполнил шприц и поспешил за полковником.

Серси с трудом растолкал Гаррисона.

— Надо кое-что сконструировать,— сказал он,— и срочно. Вы меня слышите?

— Конечно.— Гаррисон похлопал глазами и встал.— Но зачем такая спешка?

— Я теперь знаю, что хотел сообщить Дарриг,— ответил, полковник,— Идемте, я вам объясню, что от вас требуется. А вы, Мэлли, положите шприц. Я еще в своем уме. Лучше достаньте мне книгу по греческой мифологии. Да пошевеливайтесь.

В два часа ночи достать книгу по греческой мифологии — дело нелегкое. Подключив к поискам агентов ФБР, Мэлли вытащил букиниста из постели, получил книгу и заторопился назад.

У Серси были налитые кровью глаза и возбужденный вид, Гаррисон с подручными хлопотал над тремя неведомыми аппаратами. Серси выхватил у Мэлли книгу, нашел в оглавлении нужные страницы и, просмотрев их, отложил книгу в сторону.

— Великие люди были эти древние греки,— сказал он.— Теперь у нас все готово. А у вас, Гаррисон?

— Почти.— Гаррисон и десять его подручных монтировали последние детали.— Может, все-таки объясните, что вы затеяли?

— Я бы тоже хотел послушать,— ввернул Мэлли.

— Да нет здесь никаких тайн,— сказал Серси.— Просто время поджимает. Попозже все объясню.— Он встал.— А теперь разбудим посла.

Усевшись перед экранами, они приступили к делу. С потолка на постель посла молнией метнулся электрический заряд. Посол исчез.

— Теперь он стал частью электронного потока, верно? — сказал Серси.

— Так он утверждает,— откликнулся Мэлли.

— Но в этом потоке сохраняет костяк собственной структуры,— продолжал Серси.— Иначе он бы не мог вернуться в прежний облик. А теперь включим первый генератор помех.

Гаррисон включил свое творение и отослал подручных.

— Вот осциллограмма электронного потока,— сказал Серси.— Замечаете разницу? — На экране с нерегулярными промежутками змеились и таяли пики и спады кривой.— Помните, вы загипнотизировали посла? Он заговорил тогда о своем друге, погибшем в космосе.

— Верно,— кивнул Мэлли.— Друга погубила какая-то неожиданность.

— Посол проговорился еще кое о чем,— продолжал Серси.— О том, что основной закон природы — закон упорядочивания — обычно не допускает таких происшествий. У вас это с чем-нибудь ассоциируется?

— Закон упорядочивания,— медленно повторил Мэлли.— Ведь Дарриг сказал, что это неизвестный нам закон природы.

— Сказал. Но последуйте примеру Даррига и подумайте, что это для нас значит. Если в природе есть какая-то упорядочивающая тенденция, то, следовательно, есть и тенденция противоположная, препятствующая упорядочиванию. А то, что препятствует упорядочиванию, называется...

— Хаос!

— Вот что сообразил Дарриг, и вот до чего должны были додуматься мы сами. Из хаоса и возникает закон упорядочивания. Этот закон, если я все понял правильно, стремится подавить первозданный хаос, сделать все в мире закономерным.

Но кое-где есть места, где хаос все еще силен. Альферн убедился в этом на собственном опыте. Возможно, в космосе стремление к упорядочиванию слабее. Как бы то ни было, по-

добные места опасны до тех пор, пока над ними не поработает закон упорядочивания.

Полковник обернулся к пульту.

— Ладно, Гаррисон. Включай второй генератор.

Зигзаги на экране изменили конфигурацию. Зубцы и спады затеяли бешеную бессмысленную пляску.

— Теперь проанализируем с этой точки зрения записку Даррига. Как мы знаем, хаос — основа всего. Из него появилась Вселенная. Медуза Горгона — нечто такое, на что нельзя смотреть. Помните, кто взглянет на нее, тот сразу окаменеет. А Дарриг нашел родство между хаосом и тем, на что нельзя смотреть. Применительно к послу, разумеется.

— Посол не выдержит встречи с хаосом! — вскричал Мэлли.

— В том-то и дело. Посол способен на бесконечное число изменений и превращений. Но что-то основное — некая внутренняя структура — не должно изменяться, иначе от посла ничего не останется. А чтобы уничтожить нечто столь абстрактное, как структура, нам нужны условия, при которых никакая структура невозможна. Состояние хаоса.

Включили третий генератор помех. Осциллограмма стала похожа на след пьяной гусеницы.

— Идею генераторов белого шума подал Гаррисон,— сказал Серси.— Я просто спустил задание: получить электрический ток, лишенный какой бы то ни было упорядоченности. Эти генераторы применяют для глушения радиопередач. Первый изменяет все основные характеристики электрического тока. Такое у него назначение: ввести бессистемность. Второй устраняет закономерность, случайно внесенную работой первого; третий устраняет закономерности, которые могли остаться после работы двух первых. Полученный сигнал снова поступает на вход и следы всяких закономерностей систематически уничтожаются... надеюсь.

— Это аналогия хаоса? — спросил Мэлли, глядя на экран.

Бешено металась осциллограмма, завывала аппаратура. Но вот в комнате посла появилось какое-то туманное пятно. Оно колыхнулось, сжалось, расширилось...

Затем началось неописуемое. Они смогли лишь догадаться, что все предметы, оказавшиеся внутри пятна, исчезли.

— Отключить! — рявкнул Серси. Гаррисон повернул рубильник.

Пятно продолжало расти.

— Но почему мы смотрим на него без вреда для себя? — удивился Мэлли, не отрывая глаз от экрана.

— Помните щит Персея? — ответил Серси.— Он смотрел на Медузу, пользуясь щитом как зеркалом.

— Растет! — воскликнул Мэлли.

— Производственный риск,— невозмутимо произнес Серси.— Всегда существует возможность, что хаос выйдет из-под контроля. Если это случится...

Пятно перестало расти. Его края колыхнулись, подернулись рябью, пятно начало сжиматься.

— Закон упорядочивания сработал,— сказал Серси и повалился в кресло.

— Как там посол? — спросил он через несколько минут.

Пятно все еще колыхалось. Внезапно оно исчезло. Громыхнул взрыв. Возникший вакуум вогнул внутрь стальные стены, но они выдержали. Экран погас.

— Пятно высосало в комнате весь воздух,— пояснил Серси.— Вместе с мебелью и послом.

— Он не выдержал,— сказал Мэлли.— В полностью беспорядочном состоянии не сохраняется ни одна система. Посол отправился к своему Альферну.

Мэлли нервно рассмеялся. Серси почувствовал, что вот-вот к нему присоединится, но взял себя в руки.

— Успокойтесь, ребята,— сказал он.— Дело еще не закончено.

— Как это не закончено? Ведь посол...

— От него мы избавились. Но в нашем регионе космоса шныряет флот инопланетян. Он столь силен, что водородная бомба для него не страшнее хлопушки. И они будут нас искать.

Серси встал.

— Ступайте по домам и отоспитесь. Если предчувствие меня не обманывает, завтра нам предстоит изобретать способ маскировки всей планеты.

Право на смерть

Боль эта просто неописуемая, вам все равно не представить. Скажу лишь, что она была невыносимой даже под анестезией, а перенес я ее только потому, что выбирать мне не приходилось. Затем она стихла, я открыл глаза и взглянул на лица стоящих рядом браминов. Их было трое, в обычных белых хирургических халатах и марлевых масках. Сами они утверждают, что носят маски, предохраняя нас от инфекции, но каждый солдат знает правду: под масками они прячут лица. Не хотят, чтобы их опознали.

Я был все еще по уши напичкан обезболивающими, поэтому в памяти мелькали лишь обрывки воспоминаний.

— Долго я пробыл покойником? — спросил я.

— Часов десять,— ответил один из браминов.

— Как я умер?

— Разве ты не помнишь? — удивился самый высокий из них.

— Еще нет.

— Тогда слушай,— сказал высокий.— Ты со своим взводом находился в траншее 2645Б-4. На рассвете вся ваша часть пошла в атаку, чтобы захватить следующую траншею. Номер 2645Б-5.

— А потом? — спросил я.

— Ты нарвался на несколько пулеметных пуль. Тех самых, нового типа — с шоковыми головками. Теперь вспомнил? Одна попала в грудь, три в ноги. Когда тебя отыскали санитары, ты уже был мертв.

— А траншею взяли?

— На этот раз нет.

— Ясно.

Анестезия слабела, память быстро возвращалась. Я вспомнил парней из своего взвода. Вспомнил нашу траншею. В старушке 2645Б-4 я просидел больше года, и обжили мы ее как дом родной. Противник пытался ее захватить, и наша утренняя атака на самом деле была контратакой. Вспомнил, как пулеметные пули рвали меня на куски и какое я при этом испытал восхитительное облегчение. И тут я вспомнил кое-что еще...

Я поднялся и сел.

— Эй, погодите-ка!

— В чем дело?

— Я думал, через восемь часов человека уже не оживить, это предел.

— С недавних пор мы стали искуснее,— ответил один из браминов.— Мы все время совершенствуемся, и теперь верхний предел — двенадцать часов, лишь бы мозг серьезно не повредило.

— Что ж, радуйтесь,— буркнул я. Теперь память вернулась ко мне полностью, и я понял, что произошло.— Только со мной у вас ошибочка вышла. И немалая.

— Что еще за претензии, солдат? — осведомился один из них. Офицерские интонации ни с чем не спутаешь.

— Посмотрите на мой личный знак.

Он посмотрел. Его лоб — единственное, что не закрывала маска,— нахмурился.

— Да, *необычная* ситуация,— протянул он.

— Необычная,— согласился я.

— Видишь ли,— пояснил он,— в траншее было полно мертвецов. Нам сказали, что все они новобранцы, по первому разу. А приказано было оживить всех.

— И что, нельзя было сперва взглянуть на личный знак?

— Мы устали — слишком много работы. Да и время поджимало. Мне действительно очень жаль, рядовой. Если бы я знал...

— В гробу я видал ваши извинения. Хочу видеть генерал-инспектора.

— Ты и в самом деле полагаешь...

— Да,— отрезал я.— Пусть я не окопный юрист, но я сыт по горло. И у меня есть право на встречу с Г. И.

Пока они шепотом совещались, я принялся разглядывать себя. Брамины здорово залатали мое тело. Но, конечно же, не так хорошо, как в первые годы войны. Заплаты на коже наложили довольно халтурно, да и внутри что-то зудело и свербило. К тому же правая рука оказалась на два дюйма длиннее левой — скверно срастили сустав. Но в целом поработали они неплохо.

Брамины кончили совещаться и выдали мне форму. Я оделся.

— С генерал-инспектором не так просто,— начал один из них.— Видишь ли...

Стоит ли говорить, что к Г. И. я так и не попал. Меня отвели к старшему сержанту, эдакому верзиле-добряку из тех, кто умеет решить все твои проблемы, просто поговорив по душам. Только я его не просил лезть мне в душу.

— Да брось ты дуться, рядовой,— сказал добряк сержант.— Неужто ты и в самом деле затеял склоку из-за того, что тебя оживили?

— Так оно и есть,— подтвердил я.— По военным законам даже у простого солдата есть права. Так мне, во всяком случае, говорили.

— Конечно, есть,— согласился сержант.

— Я свой долг выполнил. Семнадцать лет в армии, из них восемь на передовой. Трижды убит, трижды оживлен. И все это выбито на моем личном знаке. Но мне *не дали* умереть. Проклятые медики меня снова оживили, а это нечестно. Хочу остаться мертвым.

— Куда как лучше оставаться живым,— возразил сержант.— Пока ты жив, остается шанс попасть в нестроевые. Сейчас, правда, приходится долго ждать, потому что на фронте людей не хватает. Но все-таки шанс есть.

— Знаю. Но по-моему, скорее стать покойником.

— Знаешь, могу тебе пообещать, что месяцев через шесть...

— Хочу остаться мертвым,— твердо заявил я.— После третьей смерти это мое законное право.

— Разумеется,— согласился добряк сержант, улыбаясь мне товарищеской солдатской улыбкой.— Но на войне случаются и ошибки. Особенно на такой войне, как эта.— Он откинулся на спинку и сцепил руки за головой.— Я еще помню, как все началось. Поначалу никто не сомневался, что все сведется к нажатию кнопок. Но и у нас, и у красных оказалось навалом противоракет, так что пулять друг в друга атомными боеголовками скоро оказалось бессмысленно. А когда изобрели подавитель атомных взрывов, ракетам и вовсе пришел конец. Кроме пехоты воевать стало некому.

— Сам знаю.

— Но противники превосходили нас числом. И сейчас превосходят. Ты только вспомни, сколько миллионов солдат у русских и китайцев! Нам оставалось одно — иметь как можно больше бойцов и по крайней мере не терять тех, кто есть. Вот почему медики стали оживлять убитых.

— Да знаю я все это. Послушайте, сержант, я тоже хочу, чтобы мы победили. Очень хочу. Я был хорошим солдатом. Но меня уже трижды убили, и...

— Беда в том,— сказал сержант,— что красные тоже оживляют своих мертвецов. И именно *сейчас* борьба за превосходство в живой силе на передовой достигла критической точки. В следующие два-три месяца все так или иначе решится. Так почему бы тебе не плюнуть на все это и не забыть об ошибке? Обещаю, что когда тебя убьют в следующий раз, то оставят в покое. Потерпи еще немного.

— Я хочу видеть генерал-инспектора.

— Ладно, рядовой,— буркнул добряк сержант уже не очень приветливо.— Топай в комнату 303.

Комната 303 оказалась приемной. Я стал ждать. Мне даже стало немного стыдно за шум, что я поднял. Все-таки моя страна воевала. Но злость пересилила. У солдата есть права, даже на войне. Эти проклятые брамины...

Забавно, как к ним пристало это прозвище. Вообще-то они самые обычные медики, а не какие-нибудь индусы или брамины. Пару лет назад, когда все это еще было в новинку, в газете появилась статья. В ней рассказывалось о том, что медики научились оживлять мертвецов и снова посылать их в бой.

Тогда это было сенсацией. Автор цитировал стихотворение Эмерсона:

Убил ли красный убийца,
И мертв ли убитый мертвец,
Никто из них точно не скажет,
Где жизнь, а где смерти конец.

Такие дела. И убив сегодня противника, ты понятия не имеешь, останется ли он мертвым, или уже завтра вернется в траншею, чтобы снова стрелять в тебя. А если убивают тебя, тоже не знаешь, пришел ли тебе конец. Стихотворение Эмерсона называлось «Брама», и медиков с тех пор прозвали браминами.

Сперва оживать после смерти совсем неплохо. Пусть больно, но ведь ты жив. Но в конце концов доходишь до предела, за которым эта карусель со смертью и оживлением уже невыносима. Начинаешь гадать, сколько же смертей ты должен родной стране и как здорово отдохнуть, пробыв подольше мертвецом. Начинаешь мечтать о долгом сне, о покое.

Начальство это поняло. Когда солдат слишком часто оживляют, это плохо отражается на их боевом духе. Поэтому установили предел — три оживления. После третьего раза можешь выбирать — или дожидаться смены, или постоянная смерть. Начальство предпочитало, чтобы ты выбрал смерть, потому что трижды умиравший человек оказывает очень скверное влияние на моральный дух оставшихся в тылу. И большинство солдат на передовой предпочитали после третьего оживления умереть окончательно.

Но меня надули. Оживили в четвертый раз. Я такой же патриот, как и все, но это им даром не пройдет.

Кончилось тем, что мне позволили увидеться с адъютантом генерал-инспектора, седым жилистым полковником — типичным педантом, какого словами не проймешь. Он уже знал, в чем дело, и не стал рассусоливать. Разговор оказался коротким.

— Рядовой,— сказал он.— Мне жаль, что так получилось, но уже издан новый приказ. Красные увеличили количество оживлений, и мы не можем от них отставать. Согласно последнему приказу число оживлений, дающее право на отставку, увеличено до шести.

— Но этот приказ отдан уже после моей смерти.

— Он имеет обратную силу. У тебя впереди еще две смерти. Все, рядовой. Удачи тебе.

Вот так. Как будто не знал, что от начальства справедливости не добьешься. Откуда им знать о наших мучениях? Их редко убивают более одного раза, и им просто не понять, что испытывает человек после четвертого. Пришлось возвращаться в траншею.

Я не торопясь шел мимо заграждения из отравленной колючей проволоки, крепко задумавшись. Миновал какую-то фиговину, накрытую брезентом цвета хаки с нанесенной по трафарету надписью «Секретное оружие». В нашем секторе всякого секретного оружия — как собак нерезаных. Каждую неделю поступает что-то новенькое. Черт его знает, глядишь, какое-нибудь и в самом деле выиграет войну.

Но сейчас мне было на это начхать. Я размышлял над следующей строфой из того же стихотворения Эмерсона:

И даль, и забытое рядом;
Что солнце, что тень — не понять.
Пропавшие боги вернулись
Позора и славы искать.

Старина Эмерсон попал в точку, потому что именно таким ощущаешь себя после четвертой смерти. Тебя уже ничто не волнует, все едино, все обрыдло. Поймите меня правильно, я не циник. Я клоню лишь к тому, что, умерев четыре раза, человек просто обречен взглянуть на мир другими глазами.

Добрался я наконец до старой доброй 2645Б-4, поздоровался с парнями. Оказалось, на рассвете пойдем в атаку. Я продолжал размышлять.

Я не дезертир, но решил, что четырех смертей с меня хватит. И в завтрашней атаке нужно умереть наверняка. На этот раз ошибок не будет.

Едва забрезжил рассвет, мы миновали наши проволочные заграждения и перекатывающиеся мины и сосредоточились на ничейной полосе между нашей траншеей и 2645Б-5. В атаку шел весь батальон, а в боекомплекте у нас были пули нового образца. Сперва мы продвигались довольно быстро, но затем противник взялся за нас всерьез.

Но мы не останавливались. Вокруг свистели пули и громыхало, как в аду, но меня даже не задело. Мне уже начало казаться, что атака станет успешной, а меня не убьют.

И тут я нарвался — разрывная пуля в грудь. Смертельная рана, тут и думать нечего. Обычно если тебе такое врежет, падаешь как подкошенный. Но я не упал. На этот раз я дол-

жен умереть наверняка. Поэтому я встал и заковылял вперед, опираясь на винтовку как на костыль. Я прошел еще пятнадцать ярдов под таким бешеным перекрестным огнем, какого и не припомню. И тут мне врезало еще раз. Точно так, как надо, без дураков.

Разрывная пуля просверлила мне лоб. В последнюю долю секунды я еще успел ощутить, как вскипают мои мозги, и понял, что на этот раз промашки не будет. В случае серьезных ранений головы брамины бессильны, а моя рана очень серьезная.

Потом я умер.

Я очнулся и увидел браминов в белых халатах и марлевых масках.

— Долго я был покойником? — спросил я.

— Два часа.

И тут я вспомнил:

— Но ведь меня ранило в голову!

Марлевые маски сморщились — брамины улыбнулись.

— Секретное оружие,— сказал один из них.— Его создавали почти три года, и наконец нам и инженерам удалось создать восстановитель тканей. Важнейшее изобретение!

— Вот как? — вяло спросил я.

— Наконец-то медицина в силах лечить серьезные ранения головы,— сообщил брамин.— И не только головы, любые повреждения организма. Теперь мы можем оживить кого угодно, лишь бы от человека осталось семьдесят процентов тела — достаточно поместить его в восстановитель. Теперь наши потери резко сократятся. Это может решить исход всей войны!

— Приятно слышать,— пробормотал я.

— Кстати,— добавил брамин,— тебя наградили медалью за героическое поведение под огнем после получения смертельной раны.

— И это приятно слышать,— кисло улыбнулся я.— Так мы взяли ту траншею?

— На этот раз взяли. Теперь копим силы для атаки на 2645Б-6.

Я кивнул. Вскоре мне выдали форму и отправили обратно на фронт. Сейчас там затишье, и должен признать, что быть живым довольно приятно. Однако считаю, что получил от жизни все, что хотел.

А теперь мне осталась всего одна смерть до шестой.

Если только снова не изменят приказ.

Мат

Игроки встретились за грандиозной и бесконечной доской космоса. Плавно двигающиеся светящиеся точки, служившие им фигурами, составляли две разделенные пространством комбинации. По начальному расположению фигур, еще до первого хода, исход игры был уже предрешен.

Оба соперника видели это и знали, кто из них победит. Но продолжали игру.

Потому что партию следовало довести до конца.

— Нильсон!

Лейтенант Нильсон с блаженной улыбкой сидел перед орудийным пультом. На обращение не отреагировал.

— Нильсон!

Лейтенант посмотрел на свои пальцы недоуменным взглядом ребенка.

— Нильсон! Ну-ка оторвись от клавиатуры! — Над лейтенантом стремительно выросла фигура генерала Брэнча.— Ты слышишь меня, лейтенант?

Нильсон вяло кивнул и снова посмотрел на пальцы, однако его вниманием тут же опять завладел светящийся строй кнопок на орудийном пульте.

— Классно,— сказал он.

Генерал Брэнч ворвался в кабину, схватил лейтенанта за плечи и хорошенько встряхнул.

— Классная штука,— указывая на пульт, улыбнулся генералу Нильсон.

Маргрейвс, второй по чину в команде, просунул голову в дверь. На рукаве у него все еще красовались сержантские нашивки, поскольку его произвели в полковники всего три дня назад.

— Послушай, Эд, прибыл представитель президента,— сообщил он.— Незапланированный визит.

— Погоди,— отозвался Брэнч.— Я хочу закончить инспекцию.

Он мрачно улыбнулся. Черта ли в инспекции, если при обходе обнаруживается, сколько свихнувшихся еще осталось.

— Ты слышишь меня, лейтенант?

— Десять тысяч кораблей,— проговорил Нильсон.— Десять тысяч, раз — и нету!

— Прошу прощения,— сказал генерал и, нагнувшись, залепил лейтенанту сильную пощечину.

Лейтенант Нильсон разрыдался.

— Эй, Эд, ну так что насчет представителя?

От полковника Маргрейвса несло виски, но Брэнч не стал устраивать ему разнос. Если у тебя остался толковый офицер, ты не должен учинять ему разносов, что бы он там ни вытворял. А потому Брэнч одобрял виски. Не самый скверный способ разрядиться, особенно в данных обстоятельствах. Возможно, даже лучше, чем мой собственный, подумал он, взглянув на свои покрытые шрамами пальцы.

— Я поступил с тобой правильно, Нильсон, ты понимаешь?

— Да, сэр,— дрожащим голосом ответил лейтенант.— Теперь я в норме, сэр.

— Ну вот и отлично,— заявил Брэнч.— Можешь нести дежурство?

— Какое-то время да,— ответил Нильсон.— Но, сэр, я все же не совсем в полном порядке. И чувствую это.

— Знаю,— согласился генерал.— Ты заслужил отдых. Но ты единственный стрелковый офицер, которого я оставил на борту корабля. Отдохнуть сможешь только в дурдоме.

— Постараюсь, сэр,— сказал Нильсон, снова прирастая взглядом к пульту.— Но временами мне слышатся голоса. Я ничего не могу обещать, сэр.

— Эд,— снова начал Маргрейвс,— этот представитель...

— Пошли. Пока, Нильсон.

Лейтенант, не отрываясь, смотрел на пульт и даже не обернулся в сторону уходящих командиров.

— Я привел его на мостик,— сообщил Маргрейвс. Его слегка кренило вправо.— Предложил ему выпить, но он не пожелал.

— Ладно.

— Он лопается от вопросов,— продолжал, хихикая, Маргрейвс.— Один из тех усердных загорелых чиновников Госдепа, явившийся выиграть войну за пять минут. Очень дружелюбный парень. Хотел знать мое личное мнение, почему флот маневрировал в космосе целый год, не производя никаких боевых действий.

— И что ты ему ответил?

— Да сказал, что мы ждали партию лучевых пушек. Думаю, он мне почти поверил. А потом завел разговор насчет материально-технического обеспечения.

Брэнч хмыкнул. Не следовало обсуждать, что полупьяный Маргрейвс наговорил представителю. Не в этом дело. Уже

долгое время официальное вмешательство в ведение войны считалось обязательным.

— Однако вынужден тебя покинуть,— заявил Маргрейвс.— У меня осталось кой-какое незавершенное дело, которому я просто обязан уделить серьезное внимание.

— Давай,— сказал Брэнч, поскольку это было все, что он мог ответить, ибо незавершенное дело Маргрейвса имело отношение к бутылке.

Генерал Брэнч в одиночестве отправился на мостик.

Представитель президента смотрел на огромный, целиком занимавший одну из стен экран локатора. На экране медленно двигались светящиеся точки. Тысячи зеленых точек слева представляли собой земной флот, отделенный черным пустым пространством от оранжевых точек флота противника. Объемное изображение подвижной линии фронта медленно менялось. Армии точек группировались, перемещались, отступали и наступали, совершая движения в гипнотизирующей тишине.

Но между ними постоянно оставалась черная пустота. Генерал Брэнч наблюдал это зрелище уже почти год. По его мнению, экран был излишней роскошью. По экрану все равно невозможно определить, что происходит в действительности. Это могли сделать лишь ПВК-компьютеры, а они в экране не нуждались.

— Приветствую вас, генерал,— поздоровался представитель президента, протягивая руку.— Меня зовут Ричард Элснер.

Брэнч пожал руку, отметив про себя, что описание Маргрейвса оказалось довольно точным. Представителю было не больше тридцати, а его загар выглядел довольно странно среди бледных лиц, окружавших генерала целый год.

— Вот мои полномочия,— заявил Элснер, вручая Брэнчу целую пачку бумаг.

Генерал бегло пробежал по ним взглядом, отметив, что полномочия Элснера определяют его как Глас Президента в Космосе. Высокая честь для такого молодого человека.

— Ну как там Земля? — спросил Брэнч, исключительно ради того, чтобы что-нибудь сказать. Он предложил Элснеру кресло и сел сам.

— Трудно,— ответил Элснер.— Мы дочиста выгребли из планеты радиоактивные элементы, чтобы сохранить боеспособность вашего флота, не говоря уже о чудовищных затратах на доставку пищи, кислорода, запчастей и прочего требующегося вам оборудования для удержания на поле боя флота подобной величины.

— Знаю,— пробормотал Брэнч. Его широкое лицо не выражало никаких эмоций.

— Я бы хотел начать прямо с претензий президента,— с извиняющимся смешком произнес Элснер.— Просто ради того, чтобы облегчить душу.

— Давайте прямо с них,— согласился Брэнч.

— Значит, так,— сказал Элснер, сверяясь по записной книжке.— Ваш флот находится в космосе уже одиннадцать месяцев и семь дней, верно?

— Да.

— В течение всего этого времени имели место лишь мелкие столкновения, но ни одного по-настоящему развернутого боевого действия. Вы и командующий противника, очевидно, удовлетворились покусыванием друг друга, словно недовольные псы.

— Мне бы не хотелось проводить подобную аналогию,— ответил Брэнч, мгновенно ощутив неприязнь к молодому человеку.— Но продолжайте.

— Прошу прощения. Это было неудачное и вынужденное сравнение. Так или иначе, но сражения не произошло, несмотря на ваше некоторое численное превосходство. Верно?

— Да.

— Тем более вы знаете, что содержание флота подобной величины расточает ресурсы Земли. Президенту хотелось бы знать, почему не состоялось сражение.

— Сперва мне бы хотелось выслушать остальные претензии, — сказал генерал, сжимая разбитые кулаки и с завидным самообладанием удерживаясь от того, чтобы не пустить их в ход.

— Очень хорошо. Теперь моральный фактор. Мы продолжаем получать от вас доклады об имеющих место инцидентах боевого утомления — помешательствах, прямо говоря. Цифры абсурдны! Тридцать процентов молодых людей помещены в сумасшедший дом. Это переходит всякие границы, даже учитывая нынешнюю напряженную обстановку.

Брэнч не ответил.

— Короче,— закончил Элснер,— я бы хотел получить ответы на эти вопросы. А затем я бы просил вашей помощи в переговорах о перемирии. Война изначально была абсурдна. И начала ее не Земля. Президенту кажется, что ввиду сложившейся ситуации командующий противника согласится с подобной идеей.

Пошатываясь, в рубку вошел полковник Маргрейвс. Его лицо покраснело. Он закончил свое незавершенное дело, уба-

вив еще на четверть содержимое уже начатой наполовину бутылки.

— Похоже, я слышу о перемирии? — воскликнул он.

Элснер бросил на него быстрый взгляд и снова повернулся к Брэнчу.

— Полагаю, вы позаботитесь об этом сами. Если вы свяжетесь с командующим неприятеля, я попробую с ним договориться.

— Им не интересно,— сказал Брэнч.

— Откуда вы знаете?

— Я пробовал. Я пытаюсь вести мирные переговоры вот уже шесть месяцев. Однако противная сторона требует нашей полной и безоговорочной капитуляции.

— Но ведь это же полный абсурд,— качая головой, удивился Элснер.— У них нет намерений вести переговоры? Силы флотов примерно равны. И даже не было решающих сражений. Как же они могут...

— Проще простого! — заорал Маргрейвс, идя прямо на представителя и свирепо глядя ему в лицо.

— Генерал, этот человек пьян.— Элснер встал.

— Конечно, ты, юный кретин! Разве ты еще не понял! *Война проиграна.* Окончательно и бесповоротно.

Элснер сердито обернулся к Брэнчу. Генерал вздохнул и встал.

— Правда, Элснер. Война проиграна. Всему флоту известно об этом. Вот почему так плохо с моральным духом. Мы просто болтаемся здесь в ожидании всеобщего уничтожения.

Флоты перестраивались и лавировали. Тысячи точек плавали в космосе, создавая искривленные хаотичные структуры.

Кажущиеся хаотичными.

Структуры блокировались, раскрывались и закрывались, динамично, легко уравновешивались. Каждая конфигурация представляла собой планируемое движение фронта на сто тысяч миль. Противостоящие друг другу точки совершали перемещения, чтобы занять местоположение в соответствии с требованиями новой комбинации.

Где преимущество? Для неискушенного наблюдателя игра в шахматы кажется бессмысленным построением фигур и позиций. Но игроки, понимающие суть построений, заранее могут знать, выиграна партия или проиграна.

Механические игроки, делавшие ходы тысячами точек, знали, кто из них выиграл, а кто проиграл.

— А теперь давайте-ка лучше расслабимся,— утешающе проговорил Брэнч.— Маргрейвс, смешай нам пару коктейлей. А я все объясню.

Подполковник подошел к стенному бару в углу рубки.

— Я жду,— заявил Элснер.

— Для начала краткий обзор. Помните, когда два года назад была объявлена война, обе стороны подписали Холмстедский пакт, запрещающий подвергать бомбардировке обитаемые планеты? Была оговорена встреча в космосе, флот на флот...

— Это древняя история,— перебил Элснер.

— Это отправная точка. Земной флот вылетел, сгруппировался и прибыл к назначенному месту встречи.— Брэнч прочистил горло.— Вам известно о ПВК? Позиционно-вероятностных компьютерах? Это нечто вроде шахматистов, только с необычайно расширенным пределом возможностей. Они распределяют элементы флота по оптимальной оборонительно-атакующей схеме, основываясь на конфигурации флота противника. Так была установлена исходная позиция.

— Не вижу нужды...— начал было Элснер, но Маргрейвс, вернувшийся с выпивкой, перебил его:

— Погоди, мой мальчик. Вскоре наступит поразительное просветление.

— Когда флоты встретились, ПВК просчитали вероятности нападения. И вычислили, что в случае нашей атаки мы лишимся примерно восьмидесяти семи процентов своего флота против шестидесяти пяти процентов потерь неприятеля. Если атакует противник, то потери составят семьдесят девять процентов от их флота против шестидесяти четырех от нашего. Такова была изначальная ситуация. По экстраполяции в то время оптимальная атакующая позиция противника давала им в результате сорок пять процентов потерь своего флота, а нашего — семьдесят два процента.

— Я не так уж сильно разбираюсь в ПВК-компьютерах,— признался Элснер.— Мое поле деятельности — психология.

Он отпил глоток, скривился и отпил еще.

— Думайте о них как о шахматистах,— посоветовал Брэнч.— Они способны оценить вероятность потерь при атаке в любой данной точке в любой момент времени в любой позиции. Они могут просчитать любые возможные ходы обеих сторон. Поэтому, когда мы сошлись, сражения так и не произошло. Ни один командующий не согласился подвергнуть уничтожению почти весь свой флот.

— Ну а потом? — спросил Элснер.— Что же помешало вам использовать имеющееся у вас некоторое численное превосходство? Почему вы не использовали это свое преимущество?

— Ага! — воскликнул, хлебнув из стакана, Маргрейвс.— Грядет просветление!

— Позвольте мне продолжить аналогию,— сказал Брэнч.— Если имеются два шахматиста равновысокого мастерства, исход игры определяется при получении кем-то из них преимущества. Раз появилось такое преимущество, другой игрок не способен победить, если первый не допустит ошибки. И если все идет как должно, исход игры предрешен. Поворотный момент может наступить всего через несколько ходов после начала партии, хотя сама игра может длиться еще несколько часов.

— И помните,— вмешался Маргрейвс.— Для неискушенного наблюдателя видимого преимущества может и не быть. Ведь ни одна из фигур не потеряна.

— Именно так и произошло,— печально закончил Брэнч.— ПВК обоих флотов действуют с максимальной эффективностью. Однако противник имеет преимущество, которое тщательным образом развивает. И мы ничего не можем сделать в противовес.

— Но как это случилось? — спросил Элснер.— Кто допустил ошибку?

— ПВК определили случай ошибки,— пояснил Брэнч.— Исход войны был заложен *в нашем стартовом боевом порядке.*

— Что вы имеете в виду? — спросил Элснер, отставляя стакан.

— Только то, что сказал. Боевой порядок флота был установлен за несколько световых лет от места сражения, еще до того, как мы вошли в соприкосновение с флотом противника. Этого оказалось достаточно. Достаточно для ПВК, по крайней мере.

— В утешение можно лишь добавить,— опять влез Маргрейвс,— что, если бы шансы были пятьдесят на пятьдесят, преимущество с тем же успехом могло оказаться и у нас.

— Мне нужно разобраться в этом получше,— заявил Элснер.— Я пока еще всего не понимаю.

— Война проиграна. Что вам еще хочется знать?

Элснер покачал головой.

— Я духом пал, а потому попался в сети злого рока,— процитировал Маргрейвс.— Неужто стоит после этого винить меня в грехопадении?

Лейтенант Нильсон сидел у орудийного пульта, сцепив пальцы в замок, поскольку испытывал почти непреодолимое желание нажать на кнопки.

Красивенькие кнопочки.

Лейтенант выматерился и засунул руки под себя. Он обещал генералу продолжать. А что продолжать — неважно. Минуло три дня с тех пор, как он последний раз видел генерала, а он все еще был назначен продолжать. Лейтенант сконцентрировал все внимание на шкалах пульта.

Чувствительные стрелки индикаторов колебались и подрагивали, постоянно измеряя расстояние и устанавливая дальнобойность ствола. Стрелки индикаторов точной настройки опускались и поднимались в соответствии с маневрами корабля, приближаясь к красной линии, но ни разу не доходя до нее.

Красная линия означала готовность. Стоит лишь маленькой черной стрелочке пересечь красную черточку, он должен открыть огонь.

Лейтенант ждал уже целый год, наблюдая за маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой. Маленькой стрелкой...

Прекрати.

...когда нужно открывать огонь.

Лейтенант Нильсон вытащил из-под себя руки и принялся изучать ногти. Брезгливо выковырнул грязь из-под ногтя и снова сцепил пальцы.

Опять посмотрел на красивые кнопочки, черную стрелку, красную черту.

И улыбнулся. Он обещал генералу. Всего три дня назад.

А потому старался не слушать, что кнопки нашептывали ему.

— Вот чего я не понимаю,— заявил Элснер,— так это почему вы не можете изменить позицию? Отступить и перегруппироваться, к примеру.

— Я объясню,— сказал Маргрейвс.— Это даст возможность Эду прерваться и выпить. Идите сюда.

Он повел Элснера к контрольному пункту. Брэнч с Маргрейвсом три дня знакомили Элснера с кораблем, скорее чтобы немного разрядиться самим, чем по какой-либо иной причине. Последний день они посвятили длительной попойке.

— Видите эту шкалу? — Маргрейвс ткнул пальцем в пульт. Пульт имел размеры около четырех футов в ширину и двадцати в длину, а с помощью расположенных на нем кнопок и переключателей велось управление движением всего флота.— Видите затемненную зону? Ею отмечен предел безопасности. Если мы применим запрещенную конфигурацию, стрелка перейдет в другую область и все полетит в тартарары!

— А что такое «запрещенная конфигурация»?

— Запрещенные конфигурации — это такие боевые порядки, которые могут обеспечить неприятелю преимущества в атаке. Или, иными словами, перемещения, которые изменяют картину вероятностных потерь настолько, что дают гарантию атаки противника.

— И потому вы можете перемещаться только в строго заданных пределах? — спросил Элснер, глядя на шкалу.

— Точно. Из бесконечного количества возможных боевых порядков мы можем выбрать лишь несколько, если хотим вести безопасную игру. Совсем как в шахматах. Скажем, вы хотите провести свою пешку на шестое поле в тыл сопернику. Но для этого необходимо сделать два хода. Однако после того как вы пойдете на седьмое поле, у вашего противника открывается свободная линия, что неизбежно ведет к мату. Конечно, если противник сам пойдет слишком нагло, преимущество изменится снова и *мы* атакуем.

— Но это лишь наши надежды,— вставил генерал Брэнч.— И мы молимся, чтобы враги допустили какую-нибудь ошибку, флот находится в постоянной боевой готовности. И если наши ПВК определят, что противник где-то слишком рассредоточился...

— В этом-то и кроется причина психозов,— заключил Элснер.— Все люди на грани нервного срыва в ожидании шанса, который, как они уверены, так и не появится. И тем не менее они продолжают ждать. Сколько еще, по-вашему, это продлится?

— Перемещения и проверки могут занять больше двух лет,— сказал Брэнч.— После чего противник окажется в оптимальном атакующем боевом порядке, имея двадцать девять процентов вероятностных потерь против наших девяноста трех. Враги просто будут обязаны атаковать, иначе вероятность начнет изменяться в нашу пользу.

— Эх вы, черти несчастные,— мягко произнес Элснер.— Ждать шанса, который никогда не появится, зная, что рано или поздно космос уничтожит вас.

— Зато как славно,— сказал Маргрейвс с инстинктивным отвращением к симпатии, проявленной гражданским.

В коммутаторе что-то зажужжало. Генерал Брэнч подошел и воткнул в гнездо штекер. «Алло? Да. Да... Верно, Уильямс. Верно». И отключил связь.

— Полковник Уильямс вынужден запереть своих людей в каютах,— объяснил Брэнч.— В третий раз за месяц. Я должен

заняться с ПВК. Необходимо просчитать новую конфигурацию, которая учтет вывод его группы.

Он подошел к пульту и принялся нажимать кнопки.

— Безумья дух и здесь витает,— заявил Маргрейвс.— Ну и каковы ваши планы, мистер Представитель Президента?

— О да,— сказал лейтенант Нильсон смеющейся комнате.— О да.

И глядя на все кнопки сразу, лейтенант думал и радостно улыбался своим мыслям.

Какая глупость. Джорджия.

Нильсон принял всепоглощающую глубину святости, накинул ее на плечи. Откуда-то слышалось птичье пение.

Конечно.

Три красные кнопки. Нажать. Три кнопки зеленые. Нажать. Четыре шкалы. Переместить.

«Ого. Нильсон свихнулся».

— Три — это за меня,— произнес Нильсон и украдкой коснулся лба. Затем снова потянулся к клавиатуре.

В его мозгу переплетались невообразимые ассоциации, производимые неисчислимыми раздражителями.

«Лучше упрятать его в дурдом. Осторожно!»

Ласковые руки обняли меня, когда я нажал две коричневые за маму и одну, главную, за всех остальных.

«Не дайте ему открыть огонь из этого орудия!»

А я поднимаю руки и лечу, лечу.

— Есть ли какая-нибудь надежда в отношении этого парня? — спросил Элснер после того, как они заперли Нильсона в камере.

— Кто его знает,— ответил Брэнч. На его широком лице играли желваки. Внезапно он развернулся, закричал и со всей силой врезал кулаком по стальной стене. Потом фыркнул и застенчиво улыбнулся.— Глупо, не правда ли? Маргрейвс пьет. Я выпускаю пар, колошматя стены. Пойдемте лучше перекусим.

Офицеры питались отдельно от солдат. Брэнч опасался, что с некоторыми из них могли расправиться психопаты из команды. Лучше уж держать их порознь.

Во время еды Брэнч вдруг повернулся к Элснеру.

— Приятель, я не сообщил тебе всей правды. Я сказал, что это может продлиться два года? Послушай, люди не выдержат столько. Я и сам не знаю, смогу ли удержать флот больше двух недель.

— И что же вы предлагаете?

— Не знаю,— ответил Брэнч.

Он все еще отказывался рассматривать возможность капитуляции, хотя и знал, что это был единственный реалистичный ответ на вопрос Элснера.

— Я не вполне уверен,— заявил Элснер,— но все же считаю, что решение вашей дилеммы есть.

Офицеры перестали жевать и уставились на него.

— У вас найдется для нас какое-нибудь супероружие? — поинтересовался Маргрейвс.— Дезинтегратор за пазухой?

— Боюсь, нет. Но думаю, оттого, что вы так близко столкнулись с проблемой, вы и не видите здесь никакого просвета. Именно тот самый случай, когда за деревьями не видно леса.

— Продолжайте,— методично пережевывая хлеб произнес Брэнч.

— Подойдите к Вселенной с точки зрения ПВК. Как к строго причинно-следственному миру, где в логической последовательности каждый результат имеет свою причину и каждый фактор может быть мгновенно просчитан. Но это не будет картиной реального мира. ПВК рассчитаны на то, чтобы видеть специализированную Вселенную и проводить экстраполяцию на ее базисе.

— Ну и как бы вы поступили? — спросил Маргрейвс.

— Надо разорвать связь соединений,— сказал Элснер.— Привести мир к неопределенности. Ввести человеческий фактор, который машины просчитать не смогут.

— Интересно, как это вы введете в шахматную партию фактор неопределенности? — спросил Брэнч.

— Да просто плюнуть на решающий момент, и все тут. Как это просчитает машина?

— А никак. Она классифицирует ваш плевок как постороннюю помеху и проигнорирует его.

— Верно.— Элснер на секунду задумался.— А само сражение... Сколько времени оно продлится, если считать от начала боевых действий?

— Минут шесть,— ответил Брэнч.— Плюс-минус двадцать секунд.

— Ага, значит, это подтверждает мою идею,— заявил Элснер.— Аналогия шахматной партии, примененная вами, ошибочна. Здесь нет реального сравнения.

— Зато это очень удобный способ сравнения,— заметил Маргрейвс.

— Но *неверный.* Шах и мат королю не эквивалентен уничтожению всего флота, впрочем, как и другие шахматные ком-

бинации. В шахматах игра ведется по правилам, предварительно согласованным игроками. В данной игре вы можете сыграть по собственным правилам.

— Данная игра имеет присущие самой себе правила,— сказал Брэнч.

— Нет,— не согласился Элснер.— Только ПВК играют по правилам. Разве нет? Предположите, что можно обойтись без ПВК. Пусть каждый командир полагается лишь на себя и атакует по собственному усмотрению, а не по боевой схеме. Что тогда случится?

— Ничего не получится,— сказал Маргрейвс.— ПВК вдобавок обладают способностью подводить итоги общего положения дел, основываясь на базисе возможностей планирования среднего человека. Более того, они управляют наступлением в несколько раз быстрее человека. Это будет напоминать стрельбу по глиняным болванам.

— Но вы *должны* попытаться сделать хоть что-нибудь,— настаивал Элснер.

— Подождите-ка минутку,— сказал Брэнч.— Вы можете развивать какие угодно теории. Но я знаю, что мне сообщают ПВК, и верю им. Пока еще я командующий флотом и не собираюсь рисковать жизнями подчиненных ради каких-то дурацких прожектов.

— Дурацкие прожекты порой выигрывают войны,— ответил Элснер.

— Обычно они их проигрывают.

— Согласно вашему собственному признанию, война и так проиграна.

— Я могу еще ждать, когда неприятель допустит ошибку.

— И вы считаете, это произойдет?

— Нет.

— Ну и тогда?..

— Я намерен ждать.

Трапеза была завершена в тягостной тишине. После чего Элснер ушел в свою каюту.

— Ну, Эл? — спросил Маргрейвс, расстегивая рубашку.

— Гну,— огрызнулся генерал.

Он вытянулся на кровати и попытался собраться с мыслями. Это уже слишком. Логистика. Предрешенные сражения. Предстоящий разгром. Он хотел было врезать кулаком по стене, но удержался. И так уже растянуты сухожилия. Ему надо поспать.

В полузабытьи, находясь на грани сна и дремы, генерал услышал щелчок.

Дверь!

Брэнч выпрыгнул из кровати и дернул ручку. Затем навалился на дверь всем телом.

Заперто.

— Пристегнитесь, пожалуйста, генерал. Мы атакуем,— раздался по внутренней связи голос Элснера.— Я изучил клавиатуру на вашем пульте, сэр, и отыскал включение магнитных затворов. Огромное удобство в случае мятежа, не правда ли?

— Идиот! — заорал Брэнч.— Ты всех нас погубишь! ПВК...

— Отключил я ваши ПВК,— вежливо объяснил Элснер.— Сам я довольно логичный парень и, кажется, знаю, какой плевок побеспокоит их.

— Да он же просто псих! — крикнул Маргрейвс. И они вдвоем бросились на стальную дверь. И тут же оказались на полу.

— Всем стрелкам, огонь — по усмотрению! — радировал Элснер флоту.

Корабль пришел в движение. Атака началась.

Точки поплыли навстречу друг другу, пересекая ничейное пространство космоса.

И соединились! Сражение началось.

Шесть минут по человеческому времяисчислению. Часы — по мерке скоростного электронного шахматиста. Шахматист за мгновение проверил свои фигуры в поисках боевой схемы атаки.

Схемы не было!

Половина фигур соперника-шахматиста понеслись в космос, полностью нарушив правила партии. Наступление велось по всем флангам. Фланги разъединялись, воссоединялись снова, вырывались вперед, разрушая свои боевые порядки и создавая их вновь.

Нет схемы?

Должна быть. Шахматист знал, что все имеет схему. Вопрос лишь в том, как ее найти. Необходимо только проанализировать проделанные ходы и вычислить дальнейшие, чтобы просчитать предполагаемый итог партии.

Итог был — хаос!

Точки мчались во все стороны, расходились под прямыми углами, останавливались и возвращались, делая совершенно бессмысленные ходы.

Что это означает? — спросил себя шахматист с холодным беспристрастием металла. Он ожидал появления узнаваемой комбинации, безо всяких эмоций наблюдая, как его фигуры снимаются с доски.

— Сейчас я выпущу вас из каюты,— сообщил Элснер.— Но не пытайтесь остановить меня. Думаю, я выиграю это сражение.

Замок открылся. Генерал с полковником со всех ног помчались по коридору к мостику, собираясь разорвать Элснера на мелкие кусочки.

Ворвавшись в рубку, они замерли.

Экран показывал огромное количество точек землян, плавающих вокруг рассеянных точек противника.

Однако остановило их вовсе не это зрелище, а Нильсон. Лейтенант смеялся, а его руки порхали над переключателями и кнопками главного пульта управления.

ПВК монотонно бубнил: «Земля — восемнадцать процентов. Потери противника — восемьдесят три процента. Восемьдесят четыре. Восемьдесят шесть. Земля — девятнадцать процентов».

— Мат! — закричал Элснер. Он стоял рядом с Нильсоном, сжимая в руке разводной ключ.— Множественность схем. Я подсунул неприятельским ПВК нечто такое, что они не сумели переварить. Атака при явном отсутствии схемы. Бессмысленные боевые порядки.

— Но они-то что делают? — спросил Брэнч, показывая на тающие точки противника.

— Все еще рассчитывают на своего шахматиста,— пояснил Элснер.— До сих пор ждут от его свихнувшегося разума выдачи информации о боевом порядке атаки. Слишком много веры в машины, генерал. А вот этот человек и понятия не имеет, что ведет стремительное наступление.

...И нажать еще три — за папу, на ветвях оливы я всегда хотел, две-две-две, к любимой с пряжками на туфельках, коричневая, все коричневые кнопки вниз, восемь красных — за грех...

— А гаечный ключ зачем? — спросил Маргрейвс.

— Ах это? — Элснер взвесил в руке ключ.— Чтобы после наступления отключить Нильсона.

...И пять — за любовь, и черная, все черные, любимая, кнопки нажать, когда я юным был совсем, я помню брошку на траве...

Склад миров

Мистер Уэйн дошел до самого конца длинной и почти в рост человека насыпи из какого-то серого мусора и оказался перед Складом Миров. Он выглядел именно так, как опи-

сывали Уэйну друзья,— лачуга, построенная из обрезков досок, искореженных кузовов автомобилей, листов оцинкованного железа и нескольких рядов битого кирпича. Все это было покрашено водянистой голубой краской.

Мистер Уэйн обернулся и внимательно оглядел обширную щебенчатую равнину, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Он покрепче прижал локтем свой пакет, дрожа от собственной смелости, открыл дверь и вошел.

— Здравствуйте,— сказал хозяин.

Он тоже выглядел точно таким, как его описывали,— высокий хитрый старик с узкими глазами и перекошенным ртом. Звали его Томпкинс. Старик сидел в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В помещении склада стояли еще стул и стол. На столе лежал заржавленный медицинский шприц.

— О вашем складе мне рассказали друзья,— произнес мистер Уэйн.

— Тогда и цена вам известна,— отозвался Томпкинс.— Принесли?

— Да,— ответил мистер Уэйн, показывая сверток,— но сначала я хотел бы спросить...

— Все они сначала хотят спросить,— обратился Томпкинс к попугаю, который в ответ моргнул.— Валяйте спрашивайте.

— Я хочу знать, что именно происходит.

Томпкинс вздохнул:

— А происходит вот что. Вы платите мне мой гонорар. Я делаю вам укол, от которого вы теряете сознание. Затем с помощью неких приборов, которые у меня тут хранятся, я освобождаю ваше сознание.

Говоря это, Томпкинс улыбался и, казалось, его молчащий попугай — тоже.

— И что же происходит потом? — спросил мистер Уэйн.

— Ваше сознание, освобожденное от телесной оболочки, выберет один из бесконечного числа вероятностных миров, которые порождает Земля в каждую секунду своего существования.

Еще шире улыбаясь, Томпкинс поудобнее устроился в своей качалке и даже проявил признаки некоторого возбуждения.

— Да, дружище, хотя вы этого, скорей всего, и не подозреваете, но с того самого момента, как старушка Земля вышла из огненного солнечного чрева, она начала порождать параллельные вероятностные миры. Бесконечное число миров, возникающих под воздействием как самых великих, так и самых не-

значительных событий. Каждый Александр Македонский и каждая амеба рождают свои миры, подобные кругам, расходящимся по поверхности пруда, независимо от того, большой или маленький камень был брошен в воду. Разве не отбрасывает тень любой предмет? Понимаете, дружище, поскольку сама Земля существует в четырех измерениях, она отбрасывает трехмерные тени — чувственные отражения самой себя в каждое мгновение своего бытия. Миллионы, миллиарды земных шаров. Бесчисленное множество шаров! И ваше сознание, освобожденное мной, может выбрать любой из этих миров и жить в нем некоторое время.

Мистеру Уэйну стало противно — Томпкинс ораторствовал, как зазывала в цирке, рекламирующий несуществующие чудеса. Потом мистер Уэйн подумал, что в его собственной жизни произошли такие события, которые прежде показались бы ему невероятными. Абсолютно невероятными! Что ж, может быть, и чудеса, обещанные Томпкинсом, окажутся все же возможными.

Мистер Уэйн сказал:

— Мои друзья говорили мне еще...

— ...что я просто-напросто шарлатан? — подхватил Томпкинс.

— Кое-кто из них намекал на такую возможность,— осторожно ответил мистер Уэйн,— но мне хотелось бы составить собственное мнение. Они говорили также...

— Знаю я, о чем болтали ваши друзья с их грязными мыслишками. Трепались про исполнение желаний. Вы об этом хотите спросить?

— Да,— сказал мистер Уэйн,— они говорили, что то, чего я хочу... что, чего бы я ни захотел...

— Верно,— перебил его Томпкинс.— А иначе эта штука и не сработает. Миров, среди которых можно выбирать, существует огромное множество. Выбор же производит ваше сознание, руководствуясь вашими же тайными желаниями. Именно эти потаенные, глубоко запрятанные желания и играют главную роль. Если в вас живет тайная мечта быть убийцей...

— О нет, разумеется, нет! — вскричал мистер Уэйн.

— ...то тогда вы попадете в мир, где сможете убивать, сможете купаться в крови, сможете переплюнуть маркиза де Сада, или Цезаря, или кому вы там еще поклоняетесь. Или, предположим, что вы жаждете власти. Тогда вы выберете мир, где в буквальном смысле будете богом. Может быть, кровавым Джаггернаутом, а может — всеведущим Буддой.

— Очень сомневаюсь, чтобы я...

— Есть еще и другие страстишки,— сказал Томпкинс.— Любые виды бездн и заоблачных вершин. Безудержная чувственность. Чревоугодие. Пьянство. Любовь. Слава. Все, что хотите.

— Потрясающе! — воскликнул мистер Уэйн.

— Да,— согласился Томпкинс.— Конечно, мой маленький перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и оттенков желаний. Как знать, может, вы предпочитаете простую, скромную, пасторальную жизнь на островах Южных морей, среди идеализированных туземцев?

— Это на меня больше похоже, пожалуй,— сказал мистер Уэйн с застенчивым смешком.

— Кто знает? — возразил Томпкинс.— Возможно, вам даже самому неизвестны ваши истинные страстишки. А между тем они способны привести вас к гибели.

— А это часто бывает? — обеспокоился мистер Уэйн.

— Время от времени.

— Мне бы не хотелось умереть,— заявил мистер Уэйн.

— Вероятность ничтожна,— ответил Томпкинс, косясь на сверток в руках мистера Уэйна.

— Ну, раз вы так говорите... Но откуда я знаю, что все это будет в действительности? Ваш гонорар столь велик, что на него уйдет все мое имущество. Почем я знаю, может, вы просто дадите мне наркотик и все, что произойдет, мне просто приснится? Отдать все состояние за щепотку героина и жалкую лживую болтовню?!

Томпкинс успокаивающе улыбнулся:

— То, что происходит, нисколько не похоже на действие наркотиков. И на сон — тоже.

— Но если все это происходит в действительности,— раздраженно сказал мистер Уэйн,— то почему я не могу остаться в мире своих желаний навсегда?

— Над этим я сейчас и работаю,— ответил Томпкинс.— Вот почему мои гонорары так высоки. Нужны материалы, нужно экспериментировать. Я пытаюсь изыскать способ сделать переселение в вероятностный мир постоянным. Но пока мне никак не удается ослабить связи человека с его истинным миром, и они притягивают его обратно. Самым великим чудотворцам не разорвать этих связей — одна лишь смерть способна на это. И все же я надеюсь.

— Если получится — будет просто замечательно,— вежливо вставил мистер Уэйн.

— Еще бы! — вскричал Томпкинс с неожиданной горячностью.— Тогда я превращу свою жалкую лавчонку в ворота всеоб-

щего исхода. Я сделаю пользование моим изобретением бесплатным, доступным для всех. Все люди смогут уйти в мир своих истинных желаний, в мир, к жизни в котором они действительно приспособлены, а это проклятое место останется крысам и червям.

Томпкинс оборвал себя на полуслове и вновь стал холоден, как лед.

— Боюсь, я немного увлекся. Пока я не могу предложить вам переселения с этой Земли навсегда. Во всяком случае такого, в котором не участвовала бы смерть. Возможно, я этого никогда не смогу. Сейчас я в состоянии предоставить вам только каникулы, перемену обстановки, вкус и запах другого мира и обозрение ваших тайных стремлений. Мой гонорар вам известен. Я возвращу его вам, если вы останетесь недовольны испытанным.

— Это очень мило с вашей стороны,— сказал мистер Уэйн совершенно серьезно.— Но есть еще одна сторона, о которой мне тоже говорили друзья. Я потеряю десять лет жизни.

— Тут уж ничего не поделаешь,— ответил Томпкинс.— И их я вам вернуть не смогу. Изобретенный мною процесс требует страшного напряжения нервной системы и соответственно укорачивает жизнь. Это одна из причин, по которым наше так называемое правительство объявило мое дело противозаконным.

— Однако оно не очень-то решительно претворяет этот запрет в жизнь,— заметил мистер Уэйн.

— Да. Официально дело запрещено как опасное шарлатанство. Но ведь чиновники тоже люди. Им так же хочется убежать с Земли, как и простым смертным.

— Но цена! — размышлял мистер Уэйн, крепко прижимая к груди свой сверток.— Да еще десять лет жизни! И все это за выполнение каких-то тайных желаний. Нет, надо еще подумать.

— Думайте,— безразлично отозвался Томпкинс.

Мистер Уэйн думал об этом по пути домой. Он размышлял о том же, когда его поезд подошел к станции Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде. И ведя машину от станции к дому, он все еще думал о хитром старом лице Томпкинса, об отраженных мирах и об исполнении желаний.

Только когда он вошел в дом, эти мысли исчезли. Дженнет — его жена — тут же попросила его поговорить с прислугой, которая опять напилась. Сынишка Томми потребовал, чтобы ему помогли наладить парусную лодку, которую завтра

полагалось спустить на воду. А маленькая дочурка все порывалась рассказать, как прошел день в ее детском садике.

Мистер Уэйн вежливо, но твердо поговорил с прислугой. Помог Томми покрыть дно лодки медной краской. Выслушал рассказ Пегги о приключениях на детской площадке. Позже, когда дети легли спать, а он и Дженнет остались в гостиной, она спросила, нет ли у него неприятностей.

— Неприятностей?

— Мне кажется, ты чем-то обеспокоен,— сказала Дженнет.— Много было работы в конторе?

— Да нет, как обычно.

Разумеется, ни Дженнет, ни кому-либо другому он не собирался говорить про то, что брал на день отпуск и ездил к Томпкинсу в этот идиотский Склад Миров. Не собирался он и разглагольствовать о праве настоящего мужчины на то, чтобы хоть разок в жизни удовлетворить свои потаенные желания. Дженнет с ее практическим умом не поняла бы его.

А потом началась горячка на работе. Уолл-стрит била паника из-за событий на Дальнем Востоке и в Азии, акции скакали вверх и вниз. Мистеру Уэйну приходилось очень много работать. Он старался не думать об исполнении желаний, на которые пришлось бы истратить все, что он имел, да еще десять лет жизни в придачу. Старик Томпкинс, должно быть, совсем спятил.

По субботам и воскресеньям они с Томми катались на лодке. Старая лодка вела себя прилично, и швы на дне почти не пропускали воды. Томми мечтал о новых парусах, но мистер Уэйн принужден был отказать ему. В будущем году — может быть, если, конечно, дела пойдут получше. А пока и старые сойдут.

Иногда ночью, когда дети засыпали, на лодке катались он и Дженнет. Лонг-Айленд-Саунд был прохладен и тих. Лодка, скользя мимо мигающих бакенов, плыла к огромной желтой луне.

— Я чувствую, что с тобой что-то происходит.

— Ну что ты, родная.

— Ты что-то таишь от меня.

— Ничего.

— Ты уверен? Совершенно уверен?

— Совершенно.

— Тогда обними меня крепче. Вот так...

И лодка плыла, не управляемая никем.

Страсть и ее утоление... Но пришла осень, и лодку вытащили на берег. Положение на бирже выровнялось, но Пегги под-

хватила корь. Томми задавал массу вопросов о разнице между обыкновенными бомбами, бомбами атомными, водородными, кобальтовыми и всякими прочими, о которых шумели радио и газеты. К тому же неожиданно ушла прислуга.

Тайные желания — это, конечно, любопытно. Возможно, он действительно втайне мечтал убить кого-нибудь или жить на островах Южных морей. Но ведь у него есть обязанности. Есть двое детей и жена, которой он явно не стоит.

Разве что после Рождества...

Но зимой из-за неисправности проводки загорелась комната для гостей. Пожарные погасили пламя, убыток был невелик, никто не пострадал, но пожар на время выбил всякие мысли о Томпкинсе. Сначала надо было отремонтировать комнату, так как мистер Уэйн очень гордился своим красивым старым домом.

Биржу все еще лихорадило в связи с международным положением. Ох уж эти русские, эти арабы, эти греки, эти китайцы... Межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Мистер Уэйн проводил в своей конторе долгие дни; а иногда и вечера. Томми заболел свинкой. Надо было перекрыть кусок крыши. А там подошло и время спускать лодку на воду.

Год прошел, а у него так и не нашлось времени, чтобы поразмыслить о своих тайных желаниях. Разве что в будущем году. А пока...

— Ну,— спросил Томпкинс,— все в порядке?

— Да, все в полном порядке,— ответил мистер Уэйн. Он встал со стула и потер лоб.

— Вернуть гонорар?

— Нет. Все было как надо.

— Ощущения никогда не подводят,— сказал Томпкинс, похабно подмигивая попугаю.— Что там у вас было?

— Мир недавнего прошлого,— ответил мистер Уэйн.

— Их тут полным-полно. Что ж, выяснили вы, какие такие у вас тайные страстишки? Поножовщина? Южные острова?

— Мне бы не хотелось обсуждать это,— ответил мистер Уэйн вежливо, но твердо.

— Почему-то никто не хочет со мной об этом говорить,— обиженно пробурчал Томпкинс.— Будь я проклят, если понимаю почему!

— Это потому... мне кажется, что мир потаенных желаний каждого столь интимен... Я не хотел вас обидеть. Как вы думаете, удастся вам сделать это постоянным... Я имею в виду мир по выбору...

Старик пожал плечами:

— Пытаюсь. Если выйдет, вы услышите об этом. Все услышат.

— Это верно.— Мистер Уэйн развязал сверток и выложил на стол его содержимое. Там была пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки, три маленькие банки говяжьей тушенки.

На мгновение глаза Томпкинса загорелись.

— Подходяще. Спасибо вам.

— До свидания,— сказал мистер Уэйн.— Это вам спасибо.

Мистер Уэйн вышел из лачуги и быстро пошел по серой гравийной насыпи. По обе ее стороны, насколько хватал глаз, лежали плоские россыпи обломков — серые, черные, бурые. Эти простирающиеся до горизонта равнины были прахом разбитых мертвых городов, обломками испепеленных деревьев, белою золою сожженных человеческих костей и плоти.

— Что ж,— сказал вслух мистер Уэйн,— во всяком случае как аукнулось, так и откликнулось.

Этот год, проведенный в прошлом, отнял у него все, чем он владел. Туда же для ровного счета ушло и десять лет жизни. Может, это был сон? Все равно — он стоил того. Теперь надо только выбросить из головы мысли о Дженнет и ребятишках. С ними покончено навсегда, разве что Томпкинсу удастся улучшить свое изобретение. Надо думать лишь о том, как выжить самому.

С помощью наручного счетчика Гейгера он нащупал безопасный проход через развалины. Надо вернуться домой до наступления темноты, пока крысы еще не выщли из нор. Если не торопиться, он может пропустить вечернюю раздачу картошки.

Попробуй докажи

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного — высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ, НАГОЙ И БЕЗЗАЩИТНЫЙ. Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА.

Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы, хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. Хороша-то она хороша, подумал он, да только, кроме меня, ее читать некому.

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной — на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать — или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того, как последний палец нажал последнюю кнопку, автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватится, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война оказалась двенадцатидневной — он предполагал две недели,— но пришлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся.

Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно — но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали — наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров — к примеру, дворцы, выходили кособокими и недоделанными, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать — достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам не делал,— те же горы и долины,— но с еще большими усилиями. Выходило

так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже мог сотворять птиц и мелких животных — вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? Факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал, сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но кто их знает — вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс — сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. «Но как они поймут ее смысл?» — подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется — но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что *они* непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка — высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

— Привет,— сказала она, заходя в пещеру.— Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

— Я видела, как ты это сделал,— сказала она,— но... глазам своим не верю. Зеркала?

— Нет,— неуверенно пробормотал он.— Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав вопроса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

— Я спряталась в твоем корабле, дружище.— Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено.— Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

— Нет. Но почему же я тебя не заметил?

Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

— Да настоящая я, настоящая,— бросила она.— Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база — с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, *была* там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

— Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть,— пожаловалась она.— Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

— На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода,— пояснил он.— Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

— Я так рада, что ты меня не заметил,— рассмеялась она.— Жуткий, должно быть, был у меня видик — словно заиндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась

спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

— Просто я не особо приглядывался в кладовых,— признался он.— Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

— А это что такое? — спросила она, взглянув на надпись.

— Решил оставить что-то вроде памятника...

— И кто это будет читать? — практично поинтересовалась она.

— Вероятно, никто. Дурацкая была идея.— Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким.— Все равно не понимаю, как ты смогла выжить,— удивленно произнес он.

— Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь,— показала она на стул и стену,— зато принимаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

— Постарайся понять меня правильно,— попросил мужчина.— Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

— Порядок. Можешь поворачиваться.

— Недурно,— улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток.— Одолжи-ка мне расческу и... будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких каблуках.

— Жмут немного,— заметила она, примеривая обновку,— да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной.

— Попробуй, может, и ты сумеешь творить,— нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

— Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

— Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? — нахмурился он.

— Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? — насмешливо бросила она и присела ослабить ремешок на туфельках.

— Я все время думал... о женщинах,— хмуро произнес он.— А тебя мог создать во сне. Вдруг мое подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам — да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

— Чушь собачья!

— Потому что если мое сознание обо всем узнает.— упрямо продолжил он,— оно отвергнет твое существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

— Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

— Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина — уродливое неуклюжее существо. Одна рука оказалась короче другой, ноги слишком длинные. Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье — он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

— Я не скульптор,— признал он.— И не Бог.

— Рада, что до тебя наконец дошло.

— Но все равно это не доказывает, что ты *настоящая*,— упрямо повторил он.— Я не знаю, какие штучки способно выкинуть мое подсознание.

— Сделай мне что-нибудь,— отрывисто произнесла она.— Надоело слушать эту чушь.

Я ее обидел, понял он. Нас на Земле всего двое, а я ее обидел. Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из «Тысячи и одной ночи» и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками — всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

— И все это фальшивое,— напомнил он немного погодя.

— Вовсе нет,— улыбнулась она.— Коснись и убедишься, что все настоящее.

— А что будет после моей смерти?

— Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь нипочем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

— Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое,— так в чем проблема?

— Хочешь попробовать? — спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой.— Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

— Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

— Теперь ты убедился, что я настоящая?

— Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

— Тогда послушай меня,— сказала она, подавшись ближе.— Я настоящая.— Она обняла его.— Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

— Я тебе верю,— медленно произнес он.— Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она на секунду задумалась.

— Джоан.

— Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а *его* город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

— Ты так и не сказала мне свою фамилию,— напомнил он.

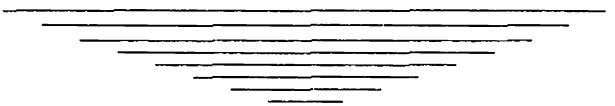
— Ах, фамилия. Да кому интересна девичья фамилия — девушка всегда берет фамилию мужа.

— Женская уверткa!

— А разве я не женщина? — улыбнулась она.

Часть IV

Прикладная демонология



Предел желаний

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: «Ну их всех к черту, мой дом — моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь». Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что, видно, блондинка из корпуса 12С пришла одолжить баночку селитры. Или вдруг нагрянул какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?!)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

— Я никого не жду.

— Да, знаю,— отозвался голос по ту сторону двери.

— Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги,— сухо сообщил Эдельштейн.— Что бы вы мне не предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте,— ответил голос.— Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподносят в дар пакет, не помеченный «Двадцать долларов», то надеются получить деньги каким-то другим способом.

— Принимать что-либо бесплатно,— сказал Эдельштейн,— я тем более не могу себе позволить.

— Но это действительно бесплатно,— подчеркнул голос за дверью.— Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

— Не интересует! — заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

— Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

— Дорогой мистер Эдельштейн,— мягко проговорили за дверью,— цинизм — лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

— Он меня еще учит,— обратился Эдельштейн к стене.

— Ну хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем цинизме и национальных предрассудках, зачем мне это, в конце концов?

— Минуточку,— всполошился Эдельштейн.— Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы — просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

— Не имеет значения. Мне часто приходится сталкиваться с подобным. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите,— буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадал в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за десять долларов иллюстрированного двухтомника «Сексуальная история человечества», который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за два доллара девяносто восемь центов!

Но голос уйдет, думая: «Эти евреи считают себя лучше других!..» Затем поделится своими впечатлениями с друзьями при очередной встрече «Лосей» или «Рыцарей Колумба», и на черной совести евреев появится новое пятно.

— У меня слабый характер,— печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал: — Ну хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.

Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: «Благодарю вас», и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.

— Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку,— взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется необычайно быстро.

Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.

— Простите, у меня только что была галлюцинация.

— Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? — осведомился гость.

— О боже, конечно нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О боже, боже, кажется, я попал в переплет!

Эдельштейн тяжело опустился на диван. Гость сел на стул.

— Что происходит! — прошептал Эдельштейн.

— Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время,— объяснил гость.— Кроме того, это обычно убеждает недоверчивых. Мое имя Чарльз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.

— Как я могу вам поверить? — спросил Эдельштейн.

— На слово,— ответил Ситвел.— Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Также мы впустили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боюсь, что в ближайшее время придется объявить амнистию по мелким грехам.

— Так вы явились не за мной?

— О дьявол, нет! Я же вам говорю: все круги ада переполнены!

— Тогда зачем вы здесь?

Ситвел порывисто подался вперед.

— Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на «Юнайтед стейтс стил». У нас гигантский размах, и мы более или менее монополия. И как всякая действительно большая корпорация, мы печемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.

— Разумеется,— заметил Эдельштейн.

— Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские — неправильно поймут. По той же причине мы не можем возводить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-то не поинтересовался нашими мотивами.

— Я понимаю ваши трудности,— признал Эдельштейн.

— И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.

— Клиент? Я?

— Никто не назовет вас грешником,— успокоил Ситвел.— Я сказал «потенциальных» — это означает всех.

— А... что за премии?

— Три желания,— произнес Ситвел живо.— Это традиционная форма.

— Давайте разберемся, все ли я понимаю,— попросил Эдельштейн.— Вы исполните три моих любых желания? Без вознаграждения? Без всяких «если» и «но»?

— Одно «но» будет,— предупредил Ситвел.

— Я так и знал,— вздохнул Эдельштейн.

— Довольно простое условие. Что бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получит вдвойне.

Эдельштейн задумался.

— То есть, если я попрошу миллион долларов...

— Ваш враг получит два миллиона.

— А если я попрошу пневмонию?

— Ваш злейший враг получит двустороннюю пневмонию.

Эдельштейн поджал губы и покачал головой.

— Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не искушаете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?

— Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходим по двум причинам,— ответил Ситвел.— Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостаз.

— Простите, я не совсем...

— Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание — чрезвычайно мощное орудие.

— Представляю,— кивнул Эдельштейн.— А вторая причина?

— Вы бы уже могли догадаться,— сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки.— Подобные пункты являются нашим, если так можно выразиться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.

— Понимаю, понимаю,— произнес Эдельштейн.— Но мне потребуется некоторое время на размышление.

— Предложение действительно в течение тридцати дней,— сообщил Ситвел, вставая.— Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.

Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его.

— Я бы хотел только обсудить один вопрос.

— Какой?

— Так случилось, что у меня нет злейшего врага. У меня вообще нет врагов.

Ситвел расхохотался и лиловым платком вытер слезы.

— Эдельштейн! — проговорил он.— Вы восхитительны! Ни одного врага!.. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?

— Я не подумал о Сеймуре,— признался Эдельштейн.

— А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кэссиди, обладатель полного собрания речей Геббельса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?

Эдельштей, сидевший на диване, внезапно побелел и вновь сжал руки.

— Мне и в голову не приходило...— пробормотал он.

— Никому не приходит,— успокоил Ситвел.— Не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов — пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.

— Имена остальных! — потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.

— Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?

— Но я должен знать, кто мой злейший враг! Это Кэссиди? Может, купить ружье?

Ситвел покачал головой:

— Кэссиди — безвредный полоумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злейший враг — человек по имени Эдуард Самуэль Манович.

— Вы уверены? — спросил потрясенный Эдельштейн.

— Абсолютно.

— Но Манович мой лучший друг.

— А также ваш злейший враг,— произнес Ситвел.— Иногда так бывает. Да свидания, мистер Эдельштейн, и удачи вам со всеми тремя желаниями.

— Подождите! — закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел лишь спросить: — Как случилось, что ад переполнен?

— Потому что безгрешны лишь небеса.

Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.

Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злейший враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.

Правда, Манович иногда разевал свой большой рот и переходил границы благовоспитанности.

Иногда Манович бывал груб.

Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.

— Но мы друзья,— обратился к себе Эдельштейн.— Мы друзья, не так ли?

Он знал, что есть простой способ проверить это — пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?

Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желании.

«Боже мой! — думал Эдельштейн.— Час назад я был бедным, но счастливым человеком. Теперь у меня есть три желания и враг».

Он обхватил голову руками. Надо хорошенько поразмыслить.

На следующий день Эдельштейн договорился на работе об отпуске и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме замков. Замки гармонировали с желаниями. Но, если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате прислуге и так далее.

Все сводилось к деньгам.

«Я могу содержать приличный замок на две тысячи в неделю,— прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры.— Но это значит, что Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!»

Наконец Эдельштейн перерос замки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветнос? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отдых в Фонтенбло или в Майами-Бич, чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!

Уж лучше остаться бедным и лишить Мановича возможных благ.

Лучше, но не совсем.

Эдельштейн все больше отчаивался и злился. Он говорил себе: «Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел смог пройти сквозь двери; но разве он волшебник? Может, это химера».

Он сам удивился, когда встал и уверенно произнес:

— Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал легкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на двадцать тысяч долларов.

Эдельштейн пошел в банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватит полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучился болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалкие двадцать тысяч! А ведь Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впадал то в апатию, то в гнев. Боль в животе не утихала — похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врага, буквально убивала его.

Он сказал себе: «Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении».

Но как?

И тут *это* пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он погрузился в вычисления. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу — впервые после визита Ситвела он был счастлив!

— Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячьей печенки!

Несколько порций рубленой цыплячьей печенки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а остальное продал по половинной цене, заработав на этом семьсот долларов. Оставшиеся незамеченными семьдесят пять фунтов прибрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенкой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, и продал остальное за две тысячи долларов.

«Я слабоумный, дебил, кретин,— думал Эдельштейн.— Из-за минутного удовлетворения потратить желание, которое стоит по крайней мере миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячьей печенки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!»

Оставалось одно желание.

Теперь было необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно — и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг, и для того лишь, чтобы убедиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил замки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн молился:

— Господи, Боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают выполнение трех желаний, может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом карманов Мановича, злейшего врага, который запросто всего получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой и приятной безмятежностью он сказал себе: «Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну».

Эдельштейн встал и выпрямился.

— Это мое последнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть среднего роста, хорошо сложена, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, разумеется, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора...

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеной скорости.

— А особенно,— добавил он,— она должна быть... не знаю, как бы это повежливее выразить... она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то *сексуальное* постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

«Двадцать тысяч долларов, два фунта печенки и теперь это! Манович,— подумал он,— ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злейшему врагу — но я пожелал!»

Демоны

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глазея на прохожих.

— Что «видали»? — отозвался тучный краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую,— буркнул мясник,— ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть, даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто, отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце,— разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погибло! Так или иначе, сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к исполинской бутыли плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутыли — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячьи глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну вот,— заметило красное страшилище, нарушив, наконец, молчание,— теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован,— продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике.— Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания пяти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в серую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он

понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит,— совершенно другое.

— Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу,— задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура.— Занятно.

— Это ошибка,— твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент,— заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует,— зарычал Нельзевул.— В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами.— Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу,— заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием.— Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк.

Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк...— растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шмар, или волхолово, или фон-дер-пшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах»,— вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много,— продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой.— Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертия.

Артур обрадовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае,— ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой,— мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

— Ну же,— сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем была раньше,— нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь,— продолжал он тихо,— ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара.— Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита.— Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется, по меньшей мере, на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из Бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по больше части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк,— промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово.— Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно,— согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура.— Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Вельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед,— ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура.— Он был военным. К сожалению, он...— Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злоб-

ный взгляд.— Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся — ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену,— но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было немного. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболеет еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменил кожу,— заметил Нельзевул.— Где же крутяк? — нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет,— ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы стать лицом к Нельзевулу.— Мне нужна дополни-

тельная информация.— Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями.— И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно,— с радостью согласился Нельзевул.— Так или иначе, я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов,— пояснил Нельзевул с благоговейным видом.— У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул произнес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутыли зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так,— заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опиши мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

— ...и желтый.

Золото...

— Гм,— пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыль.— А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время,— сказал Артур.— Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят—семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутыль, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались.— Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку,— проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника.— Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Более того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете,— заявил Артур.— Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутыль, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутыль бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется,— это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например, веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя простонапросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего,— что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей

квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур очертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание,— отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раз похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня,— сказал демон,— но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту,— нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова.— Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известного также под названиями крутяк, волхолово и фон-дер-пшик.— «С минуты на минуту,— подумал он,— могу оказаться в бутылке».

— Ну,— пробормотал холодильный демон,— ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат,— сообщил холодильный демон.— Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка,— докончил Артур. Он указал на большую бутыль, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутыль будет достаточно велика,— прибавил Артур.— Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях,— раздумывал демон вслух.— Так вот что тогда случается! Преисподняя... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк,— распорядился Артур.— Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник поширс,— попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны.— Мне не хватает места для...

— Сгинь,— воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он очертил его заново, использовав на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыль (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колышущийся синий туман.

— Ты только не горячись,— заговорил в пятиугольнике холодильный демон.— Фон-дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню.— Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутыль высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке,— пояснил демон.— Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона.— Он ткнул костлявой

рукой в сторону бутыли.— Но он ни за что не хочет раскошеливаться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в, общем-то, бутылка ни к чему,— продолжал холодильный демон,— у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся,— прервал его Артур.— Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю,— заверил синекрылый страховой агент.— Что же касается крутяка...

— Да Бог с ним,— сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга.— А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям,— ответил страховой агент.— Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

Алтарь

Этим утром мистер Слэйтер как-то по-особенному весело, даже слегка подпрыгивая, вышагивал в направлении железнодорожной станции. На его гладко выбритом лице сияла эффектная улыбка. Какое все-таки чудесное весеннее утро сегодня!

Мистер Слэйтер даже напевал чуть слышно, радуясь этой прогулке вдоль семи кварталов. Зимой, конечно, это причиняет определенные неудобства, но такая погода заставляет забыть о них. Становится просто радостно жить, особенно в пригороде, даже несмотря на необходимость ежедневно приезжать в город.

И тут его остановил какой-то мужчина в синем демисезонном пальто.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он.— Не могли бы вы показать мне дорогу к алтарю Баз-Матайна?

Мистер Слэйтер, все еще окутанный весенними грезами, попытался сосредоточиться:

— Баз-Матайна? По-моему... Вы сказали: алтарь Баз-Матайна?

— Совершенно верно,— еле заметно улыбнулся, словно принося извинения, незнакомец. Лицо его было смуглым и продолговатым, а что касается роста, то незнакомец был необычно высоким. Мистер Слэйтер решил про себя, что наверняка тот иностранец.

— Мне, право, неловко,— вымолвил после некоторого замешательства мистер Слэйтер,— однако, кажется, ни о чем подобном слышать мне не доводилось.

— И тем не менее, благодарю вас,— вежливо откланявшись, смуглолицый направился к центру городка. А мистер Слэйтер продолжил свой путь.

Лишь после того, как кондуктор закомпостировал его билет, мистер Слэйтер задумался над своим маленьким происшествием. «Баз-Матайн»,— повторял он про себя все время, пока поезд мчал его мимо подернутых туманом вспаханных полей к Нью-Джерси. «Баз-Матайн». Мистеру Слэйтеру удалось уговорить себя, что этот незнакомец, похожий на иностранца, скорее всего, попросту ошибся. Северный Амброуз, штат Нью-Джерси,— заурядный городишко, настолько крохотный, что любой его житель знал наперечет не только что улицы, но и каждый дом или там магазин. А если уж обитал здесь, как мистер Слэйтер, почти двадцать лет...

Без малого половина рабочего дня истекла в его конторе, когда мистер Слэйтер поймал себя на том, что, постукивая карандашом по стеклу, накрывавшему его письменный стол, не перестает думать о мужчине в синем демисезонном пальто. Впрочем, любой иностранец — всегда диковинка для Северного Амброуза, этого тихого и чистенького, давно уже образовавшегося пригорода. Мужчины, населяющие Северный Амброуз, носили добротные деловые костюмы, держа в руках плоские коричневые кейсы. Одни из них были полными, другие — худыми, но, несмотря на это обстоятельство, все они здесь похожи друг на друга, как родные братья.

Выяснив для себя это, мистер Слэйтер отогнал от себя мысли о происшествии. Подогнав оставшиеся дела, он доехал на метро до Хобокена, пересел там на поезд, следующий в Северный Амброуз, а затем, спустя какое-то время, уже шагал в направлении своего дома.

И на этом пути он опять встретился с незнакомцем.

— Нашел,— объяснил тот.— Хотя и с трудом, но отыскал.

— И где же он расположен? — поинтересовался, останавливаясь, мистер Слэйтер.

— Почти рядом с Храмом Темных Таинств Изиды,— разъяснил незнакомец.— Я, конечно, допустил глупость. Мне сразу надо было спрашивать о нем. Я ведь знал, что это где-то там, но как-то даже в голову не приходило, что...

— Храм... чего? — переспросил мистер Слэйтер.

— Темных Таинств Изиды,— повторил смуглолицый.— В самом деле, здесь же нет конкурентов. Всяких там прорицателей или магов, приверженцев циклов плодородия и все такое. Все это — не наша сфера,— прибавил незнакомец, акцентируя на слове «наша».

— Понятно,— протянул мистер Слэйтер, пытаясь, несмотря на сгущающиеся сумерки, внимательнее разглядеть незнакомца.— Я заинтересовался, собственно, потому, что проживаю в этом городе много лет, но совершенно уверен, что никогда не слыхал...

— Ой! — вскрикнул вдруг незнакомец, взглянув на часы.— Я и не предполагал, что уже так поздно. Я задержу всю церемонию, если тотчас же не потороплюсь!

И, помахав дружески на прощанье рукой, заспешил к станции.

Весь оставшийся путь к дому мистер Слэйтер посвятил размышлениям. Алтарь Баз-Матайна. Темные Таинства Изиды. Похоже на нечто, связанное с отправлением культа. Но может ли существовать подобное в этом пригородном местечке? Пожалуй, что нет. Приверженцам какого-либо мистического культа никто здесь не предоставит помещение.

Поужинав, мистер Слэйтер заглянул в телефонную книгу, но не нашел там ни Баз-Матайн, ни Храм Темных Таинств Изиды. Справочное бюро тоже оказалось бессильно помочь ему.

— Странно,— задумался он.

Несколько позже он рассказал жене о своих встречах с иностранцем.

— Так вот,— подытожила она, стремясь потуже затянуть пояс на халате,— никто в этом городке ни за что на свете не станет принимать участие в отправлении такого рода культов. Бюро развития Бизнеса не допустит это ни при каких условиях. Не говоря уже о членах женского клуба или родительском совете.

Мистер Слэйтер не мог не согласиться с ее доводами. Незнакомец, скорее всего, попросту перепутал города. Эти культы, возможно, отправлялись в Южном Амброузе, соседнем местечке, где находится кинотеатр и несколько баров с соответствующим подобным заведениям контингентом.

Все следующее утро, в пятницу, мистер Слэйтер пытался разыскать незнакомца. Но на глаза ему попадались только похожие между собой, как капли воды, его земляки — жители пригорода, что ни день следующие на работу в город. Не увидел он его и на обратном пути. Вероятно, этот парень посетил алтарь и отправился восвояси. А может, выполнил свою миссию в часы, не совпадающие с началом и окончанием поездок мистера Слэйтера.

Утром в понедельник мистер Слэйтер вышел из дому несколькими минутами позже обыкновенного и потому торопился, чтобы поспеть к своему поезду. Впереди мелькнуло приметное синее пальто.

— Хэлло,— окликнул незнакомца мистер Слэйтер.

— Хэлло! — откликнулся тот, улыбаясь.— А я как раз подумал, когда же мы опять столкнемся друг с другом?!

— Как и я,— сознался мистер Слэйтер, несколько сбавив шаг. Незнакомец же шел очень медленно, явно наслаждаясь великолепием погоды. Мистер Слэйтер понял, что свой поезд он пропустит.

— Ну, и как там алтарь? — поинтересовался мистер Слэйтер.

— Да как вам сказать,— ответил незнакомец, держа руки за спиной.— Честно говоря, возникли некоторые затруднения.

— В самом деле? — удивился мистер Слэйтер.

— Да,— ответил тот, и смуглое лицо его посуровело.— Старик Алтерхотеп, мэр города, грозит аннулировать нашу лицензию в Северном Амброузе. Утверждает, что мы нарушаем устав. Но, ответьте мне, можем ли мы поступать иначе? Ведь на противоположной стороне улицы обосновались поклонники Диониса Африканского, перехватывая всех более или менее стоящих, а под самым носом у нас Папа Легба-Дамбалла прибирает к рукам и вовсе уж завалящих. Так что же нам остается делать?

— М-да, похоже, дела неважнецкие,— согласился мистер Слэйтер.

— Но это еще не все,— продолжал незнакомец.— Наш верховный жрец грозится уехать, если мы ничего не предпримем. А ведь он — адепт седьмой ступени, один лишь Брама ведает, где нам отыскать другого такого.

— Гм-м,— пробурчал мистер Слэйтер.

— Потому-то я здесь,— сказал незнакомец.— Если они намереваются применить сильнодействующие средства для улучшения бизнеса, то вряд ли им подыскать лучшую кандидатуру, чем я... Я ведь, видите ли, новый управляющий.

— О! — мистер Слэйтер удивленно вздернул брови.— Вы намереваетесь провести реорганизацию?

— В некотором роде,— доверительно подтвердил незнакомец.— Понимаете ли, иначе ведь ничего не поделать...

И в ту же минуту к ним приблизился приземистый толстяк. Тотчас же он ухватился за рукав синего пальто смуглолицего.

— Элор,— выпалил он, отдуваясь.— Я перепутал дату. В этот понедельник! Сегодня, а не на будущей неделе!

— Тьфу! — отреагировал смуглолицый.— Придется извиниться перед вами,— повернулся он к мистеру Слэйтеру.— Очень срочное дело.

И он поспешил вслед за коротышкой.

В это утро мистер Слэйтер явился на работу с получасовым опозданием, и, как ни странно, это его не волновало. «Все абсолютно ясно»,— размышлял он, сидя за своим письменным столом. В Северном Амброузе образовалось несколько сект, конкурирующих между собой из-за паствы. А мэр, вместо того чтобы пресечь все это, сидит сложа руки. А может быть, и взятки от них не гнушается брать.

Мистер Слэйтер постучал карандашом по стеклу. Да неужели все это возможно? Разве может оставаться что-либо тайным в Северном Амброузе? Ведь он совсем уж крохотный городишко. Мистер Слэйтер чуть не половину его жителей знает по имени. Каким же образом хоть что-то подобное может пройти тут незамеченным?

Нахмурясь, он потянулся к телефону.

Справочная не смогла сообщить ему номера телефонов Диониса Африканского, Папы Легбы или Дамбаллы. А мэром Северного Амброуза значился, как его уведомили, вовсе не Алтерхотеп, а некто по фамилии Миллер. Мистер Слэйтер тотчас же позвонил ему.

Состоявшийся разговор не способствовал его успокоению. Мэр настаивал, что ему абсолютно точно известно, кто и чем занимается во вверенном ему городе, знает наперечет и каждую церковь, и вообще строение. И если бы здесь обосновались какие-либо секты или мистические культы,— а он уверен: их здесь нет,— то и об этом он знал бы непременно.

— Вас попросту ввели в заблуждение, дорогой мой,— мэр Миллер изъяснялся в весьма напыщенной манере, и это почему-то еще сильнее расстроило мистера Слэйтера.— В нашем городе нет ни людей с такими именами, ни организаций таковых не имеется. Да мы бы и не допустили их появления.

Мистер Слэйтер с горечью обдумывал это по пути к дому. Но как только он ступил на платформу вокзала, то сразу же

заметил Элора, торопливо переходящего улицу Дубовую. Но он мгновенно остановился, услышав, как его окликнул мистер Слэйтер.

— Увы, никоим образом не могу задерживаться,— сказал он как-то весело.— Вскоре начнется церемония, и я должен находиться там. И все по вине этого идиота Лигиана.

Лигиан, решил про себя мистер Слэйтер, это наверняка толстячок, который утром остановил Элора.

— Он ужасно рассеянный,— продолжал свой монолог Элор.— Вы только представьте себе астролога, опытного притом, который мог бы ошибиться на целую неделю, вычисляя сопряжение Сатурна со Скорпионом! Впрочем, бог с ним. Так или иначе, но церемония сегодня вечером состоится — неважно, наберется ли достаточное число...

— А я не мог бы туда пойти? — ни секунды не колеблясь, спросил мистер Слэйтер.— Я имею в виду... раз вам недостает...

— Гм-м,— задумался Элор.— Такого еще не случалось.

— Но мне, правда, хочется,— принялся *настаивать* мистер Слэйтер, почуяв шанс приблизиться к разгадке тайны.

— Мне кажется, это будет не слишком порядочно по отношению к вам,— продолжал в задумчивости Элор.— Без подготовки и всякого такого...

— Нет-нет, что касается меня, то здесь все будет нормально,— не унимался мистер Слэйтер. Ведь если получится, то тогда у него окажутся факты, в которые он ткнет носом мэра.— Я действительно хочу пойти туда. Слишком уж вы растормошили мое любопытство.

— Ладно,— неожиданно согласился Элор.— Но придется тогда поспешить.

И они двинулись улицей Дубовой к центру города. Но лишь только они достигли первых магазинов, Элор повернул в сторону. Миновав два квартала, он снова повернул к центру, затем — еще квартал в сторону, а после — назад к железнодорожной станции.

Смеркалось.

— Неужели нет более короткого пути? — удивился мистер Слэйтер.

— Увы, нет. Это самый что ни на есть прямой. Если бы вы только знали, какой круг довелось мне сделать тогда, в первый раз...

Они продолжали идти, то сворачивая, то возвращаясь на несколько кварталов той же улицы, кружа, следуя по тем же улочкам, которые не раз уже миновали,— словом, исхаживая

вдоль и поперек этот городок, знакомый мистеру Слэйтеру как свои пять пальцев.

Но по мере того как все больше темнело, а к издавна знакомым улицам они прокладывали совершенно необычные маршруты, беспокойство мистера Слэйтера нарастало. Да, конечно, он легко ориентировался, где именно находится сейчас, но это бесконечное кружение по городу изрядно его утомило.

«Довольно странно было бы,— думал он,— заблудиться в родном городе, проживя здесь двадцать лет».

Мистер Слэйтер попытался, не вглядываясь в табличку-указатель, определить, на какой из улиц они сейчас находятся, как вдруг последовал еще один неожиданный поворот. Уже было он выяснил, что они возвращались Ореховой аллеей, как вдруг обнаружил, что никак не может вспомнить названия перпендикулярной ей улицы. Когда они подошли к углу, он бросил взгляд на табличку.

«Левый переход»,— извещала надпись на ней.

Улицы с названием «Левый переход» мистер Слэйтер явно не припоминал.

Здесь не было уличных фонарей, и мистер Слэйтер обнаружил, что не может узнать ни одного магазина. Это было весьма странно, так как он всегда полагал, что достаточно хорошо знает деловую часть Северного Амброуза. И совсем уже полной неожиданностью для него стала тускло освещенная вывеска на стене одного из приземистых строений.

Там он прочел: «Храм Темных Таинств Изиды».

— Сегодня здесь что-то непривычно тихо, правда? — заметил вскользь Элор, перехватив устремленный к этому зданию взгляд мистера Слэйтера.— Надо торопиться.

И он прибавил шагу, не оставляя времени мистеру Слэйтеру, чтобы задавать вопросы.

И чем дальше двигались они этой улицей, тем все более странные очертания принимали расположенные вдоль нее дома. Поражали формы и размеры зданий: одни казались сияюще новыми, другие же — ветхими, запущенными. Мистер Слэйтер пребывал в полной уверенности, что такого района в Северном Амброузе нет. Или же это город внутри города? А может быть, Северный Амброуз предстает ночью именно таким, незнакомым его коренным жителям, привыкшим видеть его улицы буднично, только с одной точки?

— Вот здесь совершаются фаллические ритуалы,— пояснил Элор, показывая на высокое узкое здание, рядом с которым разместилось другое — какое-то искореженное, скособоченное.

— А это пристанище Дамбаллы,— продолжал разъяснения Элор.

В самом конце улицы находилось светло окрашенное строение, несколько продолговатое, а окна его совсем ненамного удалялись от земли. Мистер Слэйтер не успел разглядеть здание как следует, потому что Элор, взяв его за руку, потянул к двери.

— Пожалуй, мне следует быть расторопнее,— едва слышно пробормотал Элор.

В помещении царила кромешная тьма. Мистер Слэйтер сначала почувствовал легкое движение возле себя, затем он смог различить крохотный белый язычок огня. Элор вел его в направлении этого огонька, по-дружески тепло приговаривая:

— Вы действительно очень выручили меня.

— Ну как, достал? — раздался со стороны светящегося пятнышка тихий голос.

Теперь мистер Слэйтер кое-что мог рассмотреть. Прямо у огня стоял худой сгорбленный старик. В его руках блестело необычно длинное лезвие ножа.

— Разумеется,— ответил старику Элор.— Он сделал это добровольно.

Белый огонек горел в лампаде, висящей над каменным алтарем. Только теперь мистер Слэйтер все совершенно отчетливо понял. Он было рванулся, чтобы убежать куда глаза глядят, но Элор крепко держал его руку.

— Теперь вы уже не можете покинуть нас,— ласковым голосом заговорил Элор.— У нас все готово, можно приступать.

И мистер Слэйтер тотчас же ощутил прикосновения других рук, множества рук, неумолимо тащивших его к алтарю.

Царская воля

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс,— шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, чтобы он появился,— сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый,— по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно вглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинствен-

но похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет,— зашептал Боб.— В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся,— возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса.— Кроме того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры воздуха...

— Кажется, я что-то слышу,— заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала,— прошептала Джейнис,— включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Ни с места!»

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятье! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис.— Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым и живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею,— виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились.— Сноровки не хватает. Проклятье!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины.— Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алериану,— ответил гигант.— Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис.— Нука, поставь на место.— Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем,— возразил молодой гигант, нервно подрагивая крылышками.— Царь его возжелал.

— Пеняй на себя,— сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Она хватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру сила не действует,— извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами.— Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке.— А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Берроуза и «Волшебника Изумрудного города», оказался более легковерным.

— Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же,— поморщился ферра.— Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста,— почтительно обратился Боб к гостю,— для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер воздуха?

— С охотой и удовольствием,— ответил ферра, ставя вентилятор на пол. Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак.— Недельки три назад я окончил Политехнический колледж имени Иблиса,— приступил он к своему повествованию.— И конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Аладдина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся,— попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами... я получил работу по знакомству.— Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми.— Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен,— промолвил он печально.— Ферра кубка должен быть искусником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами,— опомнился он, соскакивая с воздуха на пол.— Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку,— сказала Джейнис.— Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти,— ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка,— поинтересовалась Джейнис,— а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с эти сверхъестественным явлением как с обыкновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? — осведомилась Джейнис.— Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну,— промямлил ферра,— ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна»,— подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу,— произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно,— уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой.— Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай,— не отставал Боб.

— Если хотите знать,— угрюмо ответил ферра,— царь Алериан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите,— сердито сказал молодой ферра.— Я вам все объясню.— Он вытер вспотевшие руки о белый свитер.— Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин,— то и другое я доставил бы без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешно обратился к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключил к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся»,— подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю,— сказал Джейнис.— В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие во времени?

— Именно. В колледже я специализировался в путешествиях во времени,— подтвердил ферра с мальчишески-горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский,— думал тем временем Боб,— хотя это маловероятно...»

— Что ж,— посоветовала Джейнис,— обратись еще куда-нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени,— пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алериана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис.— Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить,— устало отозвался Боб.— Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь,— стойко ответила Джейнис. Однако тут же вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше.— Ну да ладно,— сказала она.— Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии,— назидательно изрек Боб.— Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю,— поддержала его Джейнис.— Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой:

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клин клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка,— ответил Боб,— мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желанный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда,— предложила она.— Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет винчестера,— сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет,— заявил он.— Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения,— любезно откликнулся гость.— Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия.— Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телаля и Энлиля...

— Ага, вот они,— пробормотал ферра.— Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату,— нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию,— и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный,— обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх.— Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку,— перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала.— К Волку, стерегущему вра-

та Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфралучевая духовка,— сказал ферра как ни в чем не бывало.— Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Ваала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула.— Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света — Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу,— размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно,— признал ферра,— но все равно ни к чему не приведет.— Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра.— Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай,— вмешалась Джейнис.— Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром,— ответил ферра.— Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся.— С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну,— сказала Джейнис, когда ферра скрылся.— Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких,— ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

— Ничего не выйдет,— отрезал Боб.— Ни в одной энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алериан». Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утопленникам,— пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон.— Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться,— заметил Боб.

— Я, кажется, придумала,— объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть наша торговля и *наша* свадьба. Правильно?

— Правильно,— ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не бог весть какой мастак в заклинаниях,— подытожила Джейнис, засучив рукава,— зато в технике я разбираюсь. Живо за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда,— сказал он.— Новая жена всю душу ему вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно,— сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся,— предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны,— с признательностью вымолвил ферра.— Поверьте, я способен это оценить.— Он выбрал стиральную машину.— Царица ждет.— И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке,— прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма,— это называется «машинка с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра.— Это нечестно!

— Ты такой способный,— ядовито ответила Джейнис.— Валяй, чини.

— Я похвастал,— смиренно промолвил ферра.— Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте,— умолял ферра, нервно подрагивая крылышками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь,— сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение,— не унимался ферра,— меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка,— предложил он.— Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, *пусть платит* пошлину демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву,— с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попытайся,— предложил Боб.

— Попытаюсь,— сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

— Царь так богат,— мечтательно проговорила Джейнис.— По-моему, просто грез не...

— Постой! — вскричал Боб.— Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб.— Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила,— торжествующе заметила Джейнис.

— Да перестань,— обиделся Боб.— Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра ни происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие,— сообщил он.— Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять,— заявил Боб.— Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое,— пояснил Боб.— Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся,— примирительно сказал ферра.— Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний Рим...

— К несчастью,— вставил ферра,— государство царя Алериана лишено будущего.

— Не можешь ли ты разъяснить свою мысль?

— Запросто.— Ферра уселся в воздухе.— Через три года царь Алериан и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично,— заключила Джейнис, поднеся рубин к свету.— Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело,— сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра.— А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе,— ответил ферра.— Скорее всего, попрошусь в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

— Я буду наведываться,— предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку,— вскочил Боб.— Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алериан?

— Пожалуйста,— ответил ферра, у которого была видна только голова.— Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

Регулярность кормления

Треггис почувствовал облегчение: наконец-то! Владелец магазина направился к входной двери, чтобы встретить очередного покупателя. Треггису здорово действовал на нервы этот раболепно согнувшийся старик, который все время торчал у него за спиной, заглядывал сквозь очки на каждую страницу, которую он открывал, совал повсюду свой грязный узловатый палец и подобострастно вытирал пыль с полок несвежим носовым платком с пятнами от табака. А когда старик начинал предаваться воспоминаниям и тонким голоском рассказывал разные истории, Треггису просто сводило скулы от скуки.

Конечно, старик хотел угодить, но ведь во всем нужно знать меру. Треггис вежливо улыбался, надеясь, что рано или поздно звякнет колокольчик над входной дверью. И колокольчик звякнул...

Треггис поспешил в глубь магазина, надеясь, что противный старик не последует за ним. Он прошел мимо полки с несколькими десятками книг с греческими названиями. За ней была секция популярных изданий. Странная путаница имен и названий... Эдгар Райс Барроуз, Энтони Троллоп, теософские трактаты, поэмы Лонгфелло. Чем дальше он забирался, тем толще становился слой пыли на полках, тем реже в проходах попадались электрические лампочки без абажуров, тем выше становились кипы тронутых плесенью книг со скрученными уголками, напоминавшими собачьи уши.

Это был прелестный уголок, словно специально для него созданный, и Треггис удивлялся, что раньше сюда не забредал. Книжные магазины были его единственной страстью. Он проводил в них все свободное время, бродил по книгохранилищам и чувствовал себя счастливым.

Разумеется, его интересовали книги определенного толка.

...Стена, сложенная из книг, кончилась, и за нею оказались три коридора, расходившиеся под немыслимыми углами. Треггис выбрал средний, отметив про себя, что снаружи книгохранилище не казалось ему таким просторным. Дверь, которая вела в магазин, была едва заметна между двумя другими домами. Над входом висела вывеска, имитирующая старинную надпись от руки. Впрочем, с улицы эти старые книжные лавки подчас выглядели обманчиво: иногда они тянулись почти на полквартала.

В конце коридора оказалось еще два ответвления, набитых книгами. Выбрав то, которое вело налево, Треггис принялся читать названия, выхватывая их натренированным взглядом. Теперь он не спешил. При желании он мог остаться здесь на весь день, не говоря уже о ночи.

Одно название вдруг поразило его. Он уже прошел по инерции восемь или десять шагов, но вернулся.

Книга была небольшая, в черном переплете, на вид старая, но, скорее, неопределенного возраста. Это свойственно некоторым книгам. Края ее были потрепаны, и заглавие на обложке потускнело.

— Что же это такое? — чуть слышно пробормотал Треггис.

На обложке значилось:

«ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

А ниже — более мелким шрифтом:

«Советы владельцу».

Треггис знал, что грифон — мифологическое чудовище, наполовину — лев, наполовину — орел.

— Ну, что же,— сказал сам себе Треггис.— Взглянем.

Он открыл книгу и начал просматривать содержание.

Главы носили следующие названия.

1. Виды грифонов.
2. Краткая история грифонологии.
3. Подвиды грифонов.
4. Пища для грифонов.
5. Создание для грифона естественной среды обитания.
6. Грифон во время линьки.
7. Грифон и...

Треггис закрыл книгу.

— Несомненно,— сказал он вслух,— это очень необычно.

Он принялся торопливо перелистывать книгу, выхватывая из текста случайные фразы. Вначале он подумал, что книга — своего рода мистификация, в которой были использованы естественно-научные источники. Таково было любимое развлечение в елизаветинские времена. Но в данном случае вряд ли. Книга была не такой уж старой. Кроме того, в манере письма не ощущалось напыщенности, синтаксическая структура не была должным образом сбалансирована, не хватало оригинальных антитез и так далее. Изложение мысли стройное, предложения краткие и доходчивые. Треггис перелистал еще несколько страниц и наткнулся на следующий абзац:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы. Регулярность кормления — один раз в месяц, при этом нужно принимать во внимание...»

Треггис захлопнул книгу. Эти слова внезапно смутили его, породив бурный поток воспоминаний интимного свойства. Покраснев, он отогнал эти мысли и снова взглянул на полку в надежде найти еще что-нибудь в том же роде. Скажем, «Краткую историю сирен» или «Как правильно кормить Минотавра». Но на полке не оказалось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего найденную книгу о грифоне. Ни на этой, ни на других.

— Нашли что-нибудь? — раздался голос у него за спиной.

Треггис вздрогнул, улыбнулся и протянул продавцу книгу в черной обложке.

— О да,— сказал старик, вытирая с нее пыль.— Это довольно редкая книга.

— В самом деле? — пробормотал Треггис.

— Грифоны,— задумчиво сказал старик, перелистывая книгу,— встречаются довольно редко. Это, в общем, необычная разновидность... животных,— закончил он, мгновение подумав.— С вас один доллар пятьдесят центов, сэр... За эту книгу.

Треггис покинул магазин, зажав свое приобретение под мышкой. Он отправился прямо домой. Не каждый день случается купить книгу под названием: «ГРИФОН — УХОД И КОРМЛЕНИЕ».

Комната, в которой обитал Треггис, смахивала на букинистический магазин. Та же теснота, такой же слой вездесущей пыли, тот же более или менее упорядоченный хаос названий, авторов и шрифтов. На этот раз Треггис даже не остановился,

чтобы полюбоваться своими сокровищами. Он прошел мимо сборника «Сладострастные стихи». Бесцеремонно сбросил с кресла том под названием «Сексуальная психопатология». Уселся и принялся читать.

В черной книге содержалось многое из того, что имело прямое отношение к уходу за грифоном. В голове не укладывалось, что существо — наполовину лев, наполовину орел — могло быть таким чувствительным. Подробно говорилось о том, какую пищу предпочитает грифон... Чтение книги о грифоне доставляло такое же удовольствие, как и лекции небезызвестного Хэвлока Элиса о сексе, которыми прежде увлекался Треггис.

В приложении содержались подробные указания относительно того, как попасть в зоопарк. Указания эти, мягко выражаясь, были уникальными...

Было далеко за полночь, когда Треггис закрыл книгу. Сколько же необычной информации заключалось в ней!

Из головы Треггиса не выходила одна фраза:

«Единственная пища грифонов — юные девственницы».

Она почему-то беспокоила Треггиса. В этом была какая-то несправедливость...

Некоторое время спустя он снова раскрыл книгу в том месте, где были «Указания: как попасть в зоопарк». Содержавшаяся в них информация была, несомненно, странной. Но не слишком сложной. Все это не требовало излишнего физического напряжения. Там было напечатано всего несколько слов, точнее, наставлений. Треггис вдруг понял, сколь унизительна была для него работа в качестве банковского служащего. Бессмысленная трата восьми полноценных часов в день независимо от того, как это воспринимать. Намного интереснее быть человеком, отвечающим за содержание грифона. Использовать специальные мази в период линьки, отвечать на вопросы по грифонологии. Быть ответственным за кормление.

«Единственная пища... Да, да, да,— торопливо бормотал Треггис, прохаживаясь по своей узкой комнате.— Ерунда, конечно, мистификация, но, может быть, попробовать? Ради шутки!»

И он глухо рассмеялся.

Не было ни ослепительной вспышки, ни удара грома, но тем не менее какая-то сила мгновенно перенесла Треггиса в нужное место. От неожиданности он зашатался, но через секунду обрел равновесие и открыл глаза.

Ярко светило солнце. Оглядевшись по сторонам, Треггис убедился, что кто-то хорошенько потрудился, чтобы создать «естественную среду обитания для грифона».

Треггис двинулся вперед, стараясь сохранять самообладание, несмотря на дрожь в коленях и противное ощущение в желудке. И вдруг увидел грифона.

В то же мгновение грифон заметил его.

Вначале неторопливо, затем все быстрее грифон начал к нему приближаться. Раскрылись огромные орлиные крылья, обнажились когти — и грифон плавно ринулся вперед.

Треггис инстинктивно рванулся в сторону. Огромный, отливающий на солнце золотом грифон обрушился на него.

Треггис в отчаянии закричал:

— Нет, нет! Единственная пища грифонов — юные...

И издал вопль, сообразив, что очутился в когтях грифона.

Бухгалтер

Мистер Дии сидел в большом кресле. Его пояс был ослаблен, на коленях лежали вечерние газеты. Он мирно покуривал трубку и наслаждался жизнью. Сегодня ему удалось продать два амулета и бутылочку приворотного зелья; жена домовито хозяйничала на кухне, откуда шли чудесные ароматы; да и трубка курилась легко... Удовлетворенно вздохнув, мистер Дии зевнул и потянулся.

Через комнату прошмыгнул Мортон, его девятилетний сын, нагруженный книгами.

— Как дела в школе? — окликнул мистер Дии.

— Нормально,— ответил мальчик, замедлив шаги, но не останавливаясь.

— Что там у тебя? — спросил мистер Дии, махнув на охапку книг в руках сына.

— Так, еще кое-что по бухгалтерскому учету,— невнятно проговорил Мортон, не глядя на отца. Он исчез в своей комнате.

Мистер Дии покачал головой. Парень ухитрился втемяшить в башку, что хочет стать бухгалтером. Бухгалтером!.. Спору нет, Мортон действительно здорово считает; и все же эту блажь надо забыть. Его ждет иная, лучшая судьба.

Раздался звонок.

Мистер Дии подтянул ремень, торопливо набросил рубашку и открыл дверь. На пороге стояла мисс Гриб, классная руководительница сына.

— Пожалуйста, заходите, мисс Гриб,— пригласил Дии.— Позволите вас чем-нибудь угостить?

— Мне некогда,— сказала мисс Гриб и, подбоченясь, застыла на пороге. Серые растрепанные волосы, узкое длинноносое лицо и красные слезящиеся глаза делали ее удивительно похожей на ведьму. Да и немудрено, ведь мисс Гриб и впрямь была ведьмой.

— Я должна поговорить о вашем сыне,— заявила учительница.

В этот момент, вытирая руки о передник, из кухни вышла миссис Дии.

— Надеюсь, он не шалит? — с тревогой произнесла она.

Мисс Гриб зловеще хмыкнула:

— Сегодня я дала годовую контрольную. Ваш сын с позором провалился.

— О Боже,— запричитала миссис Дии.— Четвертый класс, весна, может быть...

— Весна тут ни при чем,— оборвала мисс Гриб.— На прошлой неделе я задала Великие Заклинания Кордуса, первую часть. Вы же знаете, проще некуда. Он не выучил ни одного.

— Хм-м,— протянул мистер Дии.

— По биологии — не имеет ни малейшего представления об основных магических травах. Ни малейшего.

— Немыслимо! — сказал мистер Дии.

Мисс Гриб коротко и зло рассмеялась:

— Более того, он забыл Тайный алфавит, который учили в третьем классе. Забыл Защитную Формулу, забыл имена девяноста девяти младших бесов Третьего круга, забыл то немногое, что знал по географии Ада. Но хуже всего — он просто не желает учиться.

Мистер и миссис Дии молча переглянулись. Все это было очень серьезно. Какая-то толика мальчишеского небрежения дозволялась, даже поощрялась, ибо свидетельствовала о силе характера. Но ребенок должен знать азы, если надеется когда-нибудь стать настоящим чародеем.

— Скажу прямо,— продолжала мисс Гриб,— в былые времена я бы его отчислила и глазом не моргнув. Но нас так мало...

Мистер Дии печально кивнул. Ведовство в последние столетия хирело. Старые семьи вымирали, становились жертвами демонических сил или учеными. А непостоянная публика утратила всякий интерес к дедовским чарам и заклятиям.

Теперь лишь буквально считанные владели Древним Искусством, хранили его, преподавали детям в таких местах, как частная школа мисс Грииб. Священное наследие и сокровище.

— Надо же — стать бухгалтером! — воскликнула учительница.— Я не понимаю, где он этого набрался.— Она обвиняюще посмотрела на отца.— И не понимаю, почему эти глупые бредни не раздавили в зародыше.

Мистер Дии почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Но учтите — пока у Мортона голова занята этим, толку не будет!

Мистер Дии не выдержал взгляда красных глаз ведьмы. Да, он виноват. Нельзя было приносить домой тот игрушечный арифмометр. А когда он впервые застал Мортона за игрой в двойной бухгалтерский учет, надо было сжечь гроссбух!

Но кто мог подумать, что невинная шалость перейдет в навязчивую идею?

Миссис Дии разгладила руками передник и сказала:

— Мисс Грииб, вся надежда на вас. Что вы посоветуете?

— Что могла, я сделала,— ответила учительница.— Остается лишь вызвать Борбаса, Демона Детей. Тут, естественно, решать вам.

— О, вряд ли все так уж страшно,— быстро проговорил мистер Дии.— Вызов Борбаса — серьезная мера.

— Повторяю, решать вам,— сказала мисс Грииб.— Хотите, вызывайте, хотите, нет. При нынешнем положении дел, однако, вашему сыну никогда не стать чародеем.

Она повернулась.

— Может быть, чашечку чаю? — поспешно предложила миссис Дии.

— Нет, я опаздываю на шабаш ведьм в Цинциннати,— бросила мисс Грииб и исчезла в клубах оранжевого дыма.

Мистер Дии отогнал рукой дым и закрыл дверь.

— Хм.— Он пожал плечами.— Могла бы и ароматизировать...

— Старомодна,— пробормотала миссис Дии.

Они молча стояли у двери. Мистер Дии только сейчас начал осознавать смысл происходящего. Трудно было себе представить, что его сын, его собственная кровь и плоть, не хочет продолжать семейную традицию. Не может такого быть!

— После ужина,— наконец решил мистер Дии,— я с ним поговорю. По-мужски. Уверен, что мы обойдемся без всяких демонов.

— Хорошо,— сказала миссис Дии.— Надеюсь, тебе удастся его вразумить.

Она улыбнулась, и ее муж увидел, как в глазах сверкнули знакомые ведьмовские огоньки.

— Боже, жаркое! — вдруг опомнилась миссис Дии, и огоньки потухли. Она заспешила на кухню.

Ужин прошел тихо. Мортон знал, что приходила учительница, и ел, словно чувствуя вину, молча. Мистер Дии резал мясо, сурово нахмурив брови. Миссис Дии не пыталась заговаривать даже на отвлеченные темы.

Проглотив десерт, мальчик скрылся в своей комнате.

— Пожалуй, начнем.— Мистер Дии допил кофе, вытер рот и встал.— Иду. Где мой Амулет Убеждения?

Супруга на миг задумалась, потом подошла к книжному шкафу.

— Вот,— сказала она, вытаскивая его из книги в яркой обложке.— Я им пользовалась вместо закладки.

Мистер Дии сунул амулет в карман, глубоко вздохнул и направился в комнату сына.

Мортон сидел за своим столом. Перед ним лежал блокнот, испещренный цифрами и мелкими аккуратными записями, а также шесть остро заточенных карандашей, ластик, абак и игрушечный арифмометр. Над краем стола угрожающе нависла стопка книг: «Деньги» Римраамера, «Практика ведения банковских счетов» Джонсона и Кэлоуна, «Курс лекций для фининспекторов» и десяток других.

Мистер Дии сдвинул в сторону разбросанную одежду и освободил себе место на кровати.

— Как дела, сынок? — спросил он самым добрым голосом, на какой был способен.

— Отлично, пап! — затараторил Мортон.— Я дошел до четвертой главы «Основ счетоводства», ответил на все вопросы...

— Сынок,— мягко перебил Дии,— я имею в виду занятия в школе.

Мортон смутился и заелозил ногами по полу.

— Ты же знаешь, в наше время мало кто из мальчиков имеет возможность стать чародеем...

— Да, сэр, знаю.— Мортон внезапно отвернулся и высоким срывающимся голосом произнес: — Но, пап, я хочу быть бухгалтером. Очень хочу. А, пап?

Мистер Дии покачал головой:

— Наша семья, Мортон, всегда славилась чародеями. Вот уж одиннадцать веков фамилия Дии известна в сферах сверхъестественного.

Мортон продолжал смотреть в окно и елозить ногами.

— Ты ведь не хочешь меня огорчать, да, мальчик? — Мистер Дии печально улыбнулся.— Знаешь, бухгалтером может стать каждый. Но лишь считанным единицам подвластно искусство Черной Магии.

Мортон отвернулся от окна, взял со стола карандаш, попробовал острие пальцем, завертел в руках.

— Ну что, малыш? Неужели нельзя заниматься так, чтобы мисс Гриив была довольна?

Мортон затряс головой:

— Я хочу стать бухгалтером.

Мистер Дии с трудом подавил злость. Что случилось с Амулетом Убеждения? Может, заклинание ослабло? Надо было подзарядить...

— Мортон,— продолжил он сухим голосом.— Я всего-навсего Адепт Третьей степени. Мои родители были очень бедны, они не могли послать меня учиться в университет.

— Знаю,— прошептал мальчик.

— Я хочу, чтобы у тебя было все то, о чем я лишь мечтал. Мортон, ты можешь стать Адептом Первой степени.— Мистер Дии задумчиво покачал головой.— Это будет трудно. Но мы с твоей мамой сумели немного отложить и кое-как наскребем необходимую сумму.

Мортон покусывал губы и вертел карандаш.

— Сынок, Адепту Первой степени не придется работать в магазине. Ты можешь стать Прямым Исполнителем Воли Дьявола. Прямым Исполнителем! Ну, что скажешь, малыш?

На секунду Дии показалось, что его сын тронут,— губы Мортона разлепились, глаза подозрительно заблестели. Потом мальчик взглянул на свои книги, на маленький абак, на игрушечный арифмометр.

— Я буду бухгалтером,— сказал он.

— Посмотрим! — Мистер Дии сорвался на крик, его терпение лопнуло.— Нет, молодой человек, ты не будешь бухгалтером, ты будешь чародеем. Что было хорошо для твоих родных, будет хорошо и для тебя, клянусь всем, что есть проклятого на свете! Ты еще припомнишь мои слова.

И он выскочил из комнаты.

Как только хлопнула дверь, Мортон сразу же склонился над книгами.

Мистер и миссис Дии молча сидели на диване. Миссис Дии вязала, но мысли ее были заняты другим. Мистер Дии угрюмо смотрел на вытертый ковер гостиной.

— Мы его испортили,— наконец произнес мистер Дии.— Надежда только на Борбаса.

— О нет! — испуганно воскликнула миссис Дии.— Мортон совсем еще ребенок.

— Хочешь, чтобы твой сын стал бухгалтером? — горько спросил мистер Дии.— Хочешь, чтобы он корпел над цифрами, вместо того чтобы заниматься важной работой Дьявола?

— Разумеется, нет,— сказала жена.— Но Борбас...

— Знаю. Я сам чувствую себя убийцей.

Они погрузились в молчание. Потом миссис Дии заметила:

— Может, дедушка?.. Он всегда любил мальчика.

— Пожалуй,— задумчиво произнес мистер Дии.— Но стоит ли его беспокоить? В конце концов, старик уже три года мертв.

— Понимаю. Однако третьего не дано: либо это, либо Борбас.

Мистер Дии согласился. Неприятно, конечно, нарушать покой дедушки Мортона, но прибегать к Борбасу неизмеримо хуже. Мистер Дии решил немедленно начать приготовления и вызвать своего отца.

Он смешал белену, размолотый рог единорога, болиголов, добавил кусочек драконьего зуба и все это поместил на ковре.

— Где мой магический жезл? — спросил он жену.

— Я сунула его в сумку вместе с твоими клюшками для гольфа,— ответила она.

Мистер Дии достал жезл и взмахнул им над смесью. Затем пробормотал три слова Высвобождения и громко назвал имя отца.

От ковра сразу же поднялась струйка дыма.

— Здравствуйте, дедушка.— Миссис Дии поклонилась.

— Извини за беспокойство, папа,— начал мистер Дии.— Дело в том, что мой сын — твой внук — отказывается стать чародеем. Он хочет быть... счетоводом.

Струйка дыма затрепетала, затем распрямилась и изобразила знак Старого Языка.

— Да,— ответил мистер Дии.— Мы пробовали убеждать. Он непоколебим.

Дымок снова задрожал и сложился в иной знак.

— Думаю, это лучше всего,— согласился мистер Дии.— Если испугать его до полусмерти, он раз и навсегда забудет свои бухгалтерские бредни. Да, жестоко,— но лучше, чем Борбас.

Струйка дыма отчетливо кивнула и потекла к комнате мальчика. Мистер и миссис Дии сели на диван.

Дверь в комнату Мортона распахнулась и, будто на чудовищном сквозняке, с треском захлопнулась. Мортон поднял взгляд, нахмурился и вновь склонился над книгами.

Дым принял форму крылатого льва с хвостом акулы. Страшилище взревело угрожающе, оскалило клыки и приготовилось к прыжку.

Мортон взглянул на него, поднял брови и стал записывать в тетрадь колонку цифр.

Лев превратился в трехглавого ящера, от которого несло отвратительным запахом крови. Выдыхая языки пламени, ящер двинулся на мальчика.

Мортон закончил складывать, проверил результат на абаке и посмотрел на ящера.

С душераздирающим криком ящер обернулся гигантской летучей мышью, испускающей пронзительные невнятные звуки. Она стала носиться вокруг головы мальчика, испуская стоны и пронзительные невнятные звуки.

Мортон улыбнулся и вновь перевел взгляд на книги.

Мистер Дии не выдержал.

— Черт побери! — воскликнул он.— Ты не испуган?!

— А чего мне пугаться? — удивился Мортон.— Это же дедушка!

Летучая мышь тут же растворилась в воздухе, а образовавшаяся на ее месте струйка дыма печально кивнула мистеру Дии, поклонилась миссис Дии и исчезла.

— До свиданья, дедушка! — попрощался Мортон. Потом встал и закрыл дверь в свою комнату.

— Все ясно,— сказал мистер Дии.— Парень чертовски самоуверен. Придется звать Борбаса.

— Нет! — вскричала жена.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю,— проговорила миссис Дии, едва не рыдая.— Но Борбас... После встречи с ним дети сами на себя не похожи.

Мистер Дии был тверд как кремень.

— И все же ничего не поделаешь.

— Он еще такой маленький! — взмолилась супруга.— Это... это травма для ребенка!

— Ну что ж, используем для лечения все средства современной медицины,— успокаивающе произнес мистер Дии.— Найдем лучшего психоаналитика, денег не пожалеем... Мальчик должен быть чародеем.

— Тогда начинай,— не стесняясь своих слез, выдавила миссис Дии.— Но на мою помощь не рассчитывай.

«Все женщины одинаковые,— подумал мистер Дии,— когда надо проявить твердость, разнюниваются...» Скрепя сердце он приготовился вызывать Борбаса, Демона Детей.

Сперва понадобилось тщательно вычертить пентаграмму вокруг двенадцатиконечной звезды, в которую была вписана бесконечная спираль. Затем настала очередь трав и экстрактов — дорогих, но совершенно необходимых. Оставалось лишь начертать Защитное Заклинание, чтобы Борбас не мог вырваться и уничтожить всех, и тремя каплями крови гиппогрифа...

— Где у меня кровь гиппогрифа?! — раздраженно спросил мистер Дии, роясь в серванте.

— На кухне, в бутылочке из-под аспирина,— ответила миссис Дии, вытирая слезы.

Наконец все было готово. Мистер Дии зажег черные свечи и произнес слова Снятия Оков.

В комнате заметно потеплело; дело было только за Прочтением Имени.

— Мортон,— позвал отец.— Подойди сюда.

Мальчик вышел из комнаты и остановился на пороге, крепко сжимая одну из своих бухгалтерских книг. Он выглядел совсем юным и беззащитным.

— Мортон, сейчас я призову Демона Детей. Не толкай меня на этот шаг, Мортон.

Мальчик побледнел и прижался к двери, но упрямо замотал головой.

— Что ж, хорошо,— проговорил мистер Дии.— БОРБАС!

Раздался грохот, полыхнуло жаром, и появился Борбас, головой подпирая потолок. Он зловеще ухмылялся.

— А! — вскричал демон громовым голосом.— Маленький мальчик!

Челюсть Мортона отвисла, глаза выкатились на лоб.

— Непослушный маленький мальчик,— просюсюкал Борбас и, рассмеявшись, двинулся вперед; от каждого шага сотрясался весь дом.

— Прогони его! — воскликнула миссис Дии.

— Не могу,— срывающимся голосом произнес ее муж.— Пока он не сделает свое дело, это невозможно.

Огромные лапы демона потянулись к Мортону, но мальчик быстро открыл книгу.

— Спаси меня! — закричал он.

В то же мгновение в комнате возник высокий, ужасно худой старик, с головы до пят покрытый кляксами и бухгалтерскими ведомостями. Его глаза зияли двумя пустыми нулями.

— Зико-пико-рил! — взвыл демон, повернувшись к незнакомцу. Однако худой старик засмеялся и сказал:

— Контракт, заключенный с Высшими Силами, может быть не только оспорен, но и аннулирован как недействительный.

Демона швырнуло назад; падая, он сломал стул. Борбас поднялся на ноги (от ярости кожа его раскалилась докрасна) и прочитал Главное Демоническое Заклинание:

— ВРАТ ХЭТ ХО!

Но худой старик заслонил собой мальчика и выкрикнул слова Изживания:

— Отмена, Истечение, Запрет, Немощность, Отчаяние и Смерть!

Борбас жалобно взвизгнул, попятился, нашаривая в воздухе лаз, сиганул туда и был таков.

Худой старик повернулся к мистеру и миссис Дии, забившимся в угол гостиной, и сказал:

— Знайте, что я — Бухгалтер. Знайте также, что это Дитя подписало со мной Договор, став Подмастерьем и Слугой моим. В свою очередь я, БУХГАЛТЕР, обязуюсь обучить его Проклятию Душ путем заманивания в коварную сеть Цифр, Форм, Исков и Репрессалий. Вот мое Клеймо!

Бухгалтер поднял правую руку Мортона и продемонстрировал чернильное пятно на среднем пальце. Потом повернулся к мальчику и мягким голосом добавил:

— Завтра, малыш, мы займемся темой «Уклонение от Налогов как Путь к Проклятью».

— Да, сэр,— восторженно просиял Мортон.

Напоследок строго взглянув на чету Дии, Бухгалтер исчез.

Наступила долгая тишина. Затем мистер Дии обернулся к жене.

— Что ж,— сказал он.— Если парень так хочет быть бухгалтером, то лично я ему мешать не стану.

Рыболовный сезон

Они жили в новом районе лишь неделю, и соседи впервые пригласили их в гости. Кармайклы явно ждали — во всех окнах горел яркий свет, входная дверь была приоткрыта.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Филис Маллен на пороге.— Швы не перевернулись, волосы не разлохматились?

— Полный ажур, в красной шляпке ты неотразима,— заверил ее муж.— Только постарайся этим не козырять.

Она скорчила ему физиономию и нажала кнопку звонка. В глубине раздался мелодичный перезвон.

Маллен поправил галстук и вытащил платочек из нагрудного кармана на миллиметр повыше.

— Должно быть, наливают вино в погребе,— сказал он жене.— Позвонить еще?

— Нет, давай подождем.

Они подождали, потом снова позвонили.

— Странно,— произнесла Филис.— Договорились на сегодня...

В распахнутые окна вливался теплый весенний воздух. Сквозь венецианские жалюзи виднелись карточный столик, расставленные стулья, накрытый обеденный стол... Все было готово. Но на звонок никто не отзывался!

— Может, они вышли? — предположила Филис.

Ее муж быстрым шагом пересек лужайку и подошел к гаражу.

— Машина на месте,— вернувшись, сообщил он и толкнул приоткрытую дверь.

— Джим, не входи.

— Я и не вхожу.— Он просунул голову внутрь.— Люди! Есть кто-нибудь?

В доме царило молчание.

— Эй! — крикнул он и напряженно прислушался. Из соседнего коттеджа доносился обычный шум предвыходного дня — там разговаривали, смеялись. По улице проехала машина. Он слушал. Где-то в доме треснула половица; потом снова наступила тишина.

— Если бы они ушли, то не бросили бы все нараспашку. Наверно, что-то случилось.— Маллен ступил внутрь; Филис последовала за ним, но нерешительно остановилась в гостиной, в то время как муж пошел на кухню. Она слышала, как он открыл дверь в погреб, позвал: — Ау, есть кто-нибудь! — потом вернулся в гостиную, нахмурился и пошел на второй этаж.

Немного погодя Маллен с озадаченным видом спустился вниз.

— Никого.

— Пойдем отсюда,— нервно сказала Филис. Ей вдруг стало не по себе в этом ярко освещенном пустом доме.

— Может, закрыть дверь? — спросил Джим Маллен.

— Что толку? Все окна настежь.

— Все-таки...— Он прикрыл дверь, и они медленно пошли к себе домой, то и дело оглядываясь на залитый светом коттедж. Маллен не удивился бы, если б откуда-нибудь вдруг выскочили Кармайклы с веселым криком «Разыграли!».

Но дом хранил молчание.

Мистер Картер мастерил искусственных мух для рыбной ловли. Неторопливо и методично, его ловкие пальцы с любовной бережностью управлялись с цветными нитями. Он был

так погружен в свое занятие, что не заметил прихода Маллеков.

— Папа, мы дома,— сказала Филис.

— Ага,— пробормотал мистер Картер.— Только взгляните на эту прелесть! — Он протянул законченное творение — почти точную копию шершня. Крючок был хитроумно запрятан в нависавших желтых и черных нитях.

— Кармайклы, наверно, куда-нибудь ушли,— сказал Маллен, снимая пиджак.

— Утром попытаю счастья на Старом Ручье,— отозвался мистер Картер.— Чутье подсказывает мне, что там водится форель.

Маллен внутренне усмехнулся. С отцом Филис разговаривать было трудно. В последнее время он не знал другой темы, кроме рыбной ловли. В день своего семидесятилетия старик оставил весьма процветающее дело и без остатка посвятил себя любимому занятию.

Теперь, спустя десять лет, мистер Картер выглядел великолепно. Кожа его была розовой, глаза чистыми и безмятежными, красивые белые волосы аккуратно зачесаны назад. Причем он находился в здравом уме — если говорить с ним о рыбалке.

— Перекусим, что ли...

Филис с сожалением сняла красную шляпку, разгладила вуаль и положила ее на кофейный столик. Мистер Картер вплел еще одну нить к своей мухе, придирчиво осмотрел ее, потом отложил в сторону и последовал на кухню.

Пока Филис варила кофе, Маллен рассказал старику о происшедшем. Ответ мистера Картера был типичным.

— Лучше сходи-ка утром на рыбалку и выкинь это из головы. Рыбная ловля, Джим, не просто спорт. Рыбная ловля — это образ жизни, да и философия, если хочешь. Я люблю посидеть на берегу тихой заводи... Думаю поискать завтра. Если есть где-нибудь рыба, то почему не здесь?

Филис улыбнулась, глядя как Джим беспокойно ерзает на стуле. Ее отца, раз уж он разошелся, теперь так просто не остановить. А разойтись на эту тему — ему раз плюнуть!

— Представь себе,— продолжал мистер Картер,— молодого энергичного администратора. Ну, вроде тебя, Джим. Спешит по делам. Обычное дело, да? Но в конце последнего длинного коридора — ручей с форелью. Или представь политика. Ты их, безусловно, предостаточно видишь в Олбани. В руке кейс, вечно в заботах...

— Странно,— сказала Филис, перебивая отца на полуслове. Она разглядывала неоткрытую бутылку молока.— Посмотри.

Молоко они покупали станертоновской маслодельни. Зеленая этикетка на *этой* бутылке гласила: «Станероновска маладелня».

— И вот.— Она указала пальцем. Ниже было написано: «Разрешено ньЮ-йорКской комисией здравооххранения».

Все это сильно смахивало на неумелую подделку или розыгрыш.

— Откуда ты это взяла? — спросил Маллен.

— Из магазина мистера Элдриджа. Может, какой-нибудь рекламный трюк?

— Презираю тех, кто ловит на червя,— с чувством заявил мистер Картер.— Муха — это творение искусства. Тот же, кто пользуется червем, способен обирать сирот и рушить храмы!

— Не пей его,— сказал Маллен.— Давай-ка взглянем на остальные продукты.

Они обнаружили еще три фальшивки: конфету «Объеденье» в оранжевой обертке вместо обычной розовой; пачку «Амерриканского Сыра», почти на треть больше привычной; и бутылку «Газированной вады».

— Очень странно,— пробормотал Маллен, потирая подбородок.

— Мелюзгу я никогда не беру,— продолжал мистер Картер.— Это не спортивно. Я их отпускаю. Таково неписаное правило рыболова. Пускай растут, пускай зреют, пускай набираются опыта. Мне нужны старые, которых на мякине не проведешь, которые укрываются в корягах и улепетывают при виде крючка. Вот с кем интересно состязаться!

— Отнесу-ка я это к Элдриджу,— решил Маллен, складывая подозрительные продукты в бумажный пакет.— Если найдешь еще что-нибудь подобное, отложи.

— Старый Ручей,— задумчиво произнес мистер Картер.— Там они, там...

Утро выдалось тихим и солнечным. Мистер Картер спозаранку позавтракал и ушел на Старый Ручей, легкой юношеской походкой, залихватски сдвинув набок потрепанную широкополую шляпу. Джим Маллен допил кофе и отправился к дому Кармайклов.

Машина все так же стояла в гараже. Окна были все еще распахнуты, стол накрыт, свет горел,— все, как предыдущим вечером. Маллену невольно вспомнилась прочитанная когда-то история о корабле под всеми парусами — но без единой души на борту.

— Может, позвонить кому-нибудь? — предложила Филис, когда муж вернулся домой.— Что-то произошло, я уверена.

— Но кому?

Они почти никого еще не знали в этом районе.

Проблему решил телефонный звонок.

— Если это кто-нибудь отсюда,— сказал Джим,— спроси у них.

— Алло?

— Простите, вы, очевидно, меня не помните. Я — Мариам Карпентер, живу в конце улицы... К вам случайно не заходил мой муж?

Даже искаженный телефоном, голос выражал беспокойство и страх.

— Нет. К нам сегодня вообще никто не приходил.

— А...

— Может быть, вам нужна какая-нибудь помощь? — спросила Филис.

— Я не могу понять,— произнесла миссис Карпентер.— Джордж — мой муж — как обычно позавтракал со мной утром, потом поднялся наверх за пиджаком. Больше я его не видела.

— Ох...

— Вниз он не спускался, уверена. Я пошла посмотреть, что его задерживает,— мы должны были уехать,— но его не было. Я обыскала весь дом. Решила, что он меня разыгрывает, хотя Джордж в жизни никогда так не шутил, и посмотрела даже под кроватями и в шкафах. Потом заглянула в погреб, спросила у соседей... Как в воду канул! Я и подумала: может, он заскочил к вам?

Филис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они еще немного поболтали и распрощались.

— Джим,— заявила Филис.— Мне это не нравится. Надо сообщить в полицию.

— Мы окажемся круглыми дураками, когда выяснится, что они гостили у друзей в Олбани.

— Все равно.

Джим набрал номер полицейского участка, но линия была занята.

— Пойду сам.

— И захвати с собой эти...

Она протянула ему бумажный пакет.

Капитан Леснер был терпеливым краснолицым человеком. Всю ночь и все утро он выслушивал нескончаемый поток жалоб. Его патрульные устали, его сержанты устали, а сам он устал больше всех. Однако он провел мистера Маллена в свой кабинет и внимательно выслушал его рассказ.

— Я хочу, чтобы вы все записали,— попросил Леснер.— Насчет Кармайклов нам еще звонил их сосед. Включая мужа миссис Карпентер, это уже десять за два дня.

— Десять... чего?

— Исчезновений.

— О господи,— тихо выдохнул Маллен и поправил бумажный пакет.— Все из нашего города?

— Все до единого,— отчеканил капитан Леснер,— из одного района. А точнее, даже с четырех улиц этого района.— Он перечислил названия улиц.

— И я живу там,— пробормотал Маллен.

— Я тоже.

— У вас есть какие-нибудь соображения о личности похитителя?

— Вряд ли это похититель,— сказал Леснер, закуривая уже двадцатую сигарету за день.— Никаких записок. Никаких требований о выкупе. У многих пропавших гроша ломаного нет за душой. Это просто невероятно!

— Значит, орудует маньяк?

— Безусловно. Но как он захватывает целые семьи? Или взрослых мужчин крепкого телосложения, таких как вы? И где он прячет их или их тела? — Леснер ожесточенно затушил сигарету.— Мои люди обшаривают сейчас каждый метр города. Привлечены полицейские всех пригородов. Полиция штата останавливает и проверяет автомашины. И ничего!

— Да, чуть не забыл, вот еще что.— Маллен показал фальшивые продукты.

— И опять я ничего не знаю,— раздраженно признался капитан.— У меня не хватает времени. Я захлебываюсь в заявлениях...— Зазвонил телефон, но Леснер не обращал внимания.— Похоже на козни черного рынка. Я уже отправил нечто подобное в Олбани на анализ. Необходимо установить источник. Не исключено, что действуют из-за границы. Между прочим, ФБР... А, будь проклят этот телефон!

Он схватил трубку.

— Леснер слушает. Да... да... ты уверена? Конечно, Мэри. Немедленно еду.

Он опустил трубку. Его красное лицо внезапно побелело.

— Звонила свояченица,— выдавил он.— Моя жена пропала!

Маллен вел машину на бешеной скорости. У порога он резко затормозил, едва не стукнувшись головой о ветровое стекло, и вбежал в дом.

— Филис! — закричал он.— Где она? О боже, если...

— Что случилось? — спросила Филис, выходя из кухни.

— Я думал...

Он схватил ее в охапку и крепко сжал.

— Ну знаешь,— улыбнулась она,— мы уже не молодожены. Как-никак полтора года...

Маллен рассказал ей о том, что узнал в полицейском участке.

Филис словно впервые увидела их гостиную. Неделю назад она казалась уютной и теплой. Сейчас каждая тень пугала, каждая приоткрытая дверь в шкаф наводила ужас. Этот дом уже никогда не станет снова родным и близким.

Раздался стук.

— Не подходи,— прошептала Филис.

— Кто? — спросил Маллен.

— Джо Даттон, ваш сосед. Вы, должно быть, слыхали новости?

— Да,— ответил Маллен, стоя за закрытой дверью.

— Мы баррикадируем улицы,— сказал Даттон.— Будем проверять всех входящих и выходящих. Придется взяться за дело самим, раз полиция бессильна. Вы с нами?

— Еще бы.

Маллен открыл дверь. На пороге стоял высокий смуглый мужчина в старой армейской форме. В руке он сжимал увесистую деревянную палку.

— Перекроем эти кварталы, так что и комар не проскочит.

Маллен поцеловал жену и ушел вместе с ним.

Днем в актовом зале школы состоялось общее собрание. В зал набились все жители пораженного участка и еще столько горожан, сколько влезло. Сразу выяснилось, что, несмотря на блокаду, из района исчезло еще три человека.

В краткой речи капитан Леснер сообщил, что он обратился за помощью в Олбани. Подходят специальные части; кроме того, подключается ФБР. Он честно признал, что не имеет понятия, кто это делает и зачем. Совершенно необъяснимым оставалось и то, что все пропавшие — из одного участка.

Из Олбани пришло сообщение по поводу фальшивых продуктов, которыми, оказалось, был наводнен весь район. Химики не обнаружили никаких токсических веществ. Это камня на камне не оставляло от новой теории: будто людей одурманивали, заставляя их покидать дома. Тем не менее капитан советовал воздержаться от употребления этих продуктов. Осторожность не повредит.

Мэр в своем выступлении призвал жителей не поддаваться панике и проявлять благоразумие. Гражданские власти способны справиться с любой ситуацией.

Конечно, сам мэр жил в другом районе.

Собрание закончилось, люди вернулись на баррикады. К ночи прибыла помощь из Олбани — войска и снаряжение. Все четыре улицы взяли в кольцо. Установили прожектора, ввели комендантский час.

Мистер Картер не был свидетелем этих увлекательных событий. Целый день он удил и вернулся на закате, с пустыми руками, но счастливый.

— Прекрасная погода для рыбной ловли! — заявил он.

Маллены провели кошмарную ночь — полностью одетые, урывками погружаясь в сон, невольно наблюдая за мельтешением прожекторных лучей на стеклах, прислушиваясь к чеканному шагу солдатских патрулей.

Воскресенье, восемь часов утра. Еще двое пропавших. Исчезли из небольшого района, охраняемого лучше тюрьмы.

В десять часов мистер Картер, решительно отметя все возражения Малленов, вскинул на плечо свою сумку и ушел. С тринадцатого апреля, с начала рыболовного сезона, он не пропустил ни одного дня и дальше собирался продолжать в том же духе.

Воскресенье, полдень. Пропал еще один человек. Общее число исчезнувших достигло шестнадцати.

Воскресенье, час дня. Нашлись пропавшие дети!

Полицейская машина обнаружила их на окраине, всех восьмерых, включая сына Кармайклов. Чем-то глубоко потрясенные, они шли к городу. Все были срочно доставлены в больницу.

И никаких следов пропавших взрослых.

Слухи разносятся куда быстрее, чем могут распространить новости газеты или радио. С детьми не сделали ничего плохого. Медицинское обследование подтвердило, что они не помнят, где были и как туда попали. Специалисты обнаружили только общее для всех пострадавших ощущение полета и чувство тошноты. Для вящей безопасности детей оставили в больнице, под усиленной охраной.

А к вечеру из района исчез еще один ребенок.

На закате мистер Картер пришел домой с двумя крупными рыбинами. Он весело приветствовал Малленов и отправился в гараж чистить форель.

Джим Маллен вышел в задний дворик и зашагал к гаражу вслед за тестем. Он хотел прояснить у старика какую-то фразу, оброненную им день или два назад. Память не подсказывала ее точно, но это казалось очень важным...

Его окликнул худенький лысый сосед, чью фамилию он забыл.

— Маллéн, я понял.

— Что?

— Вы задумывались над выдвигаемыми теориями?

— Конечно.

— Так слушайте. Это не похитители. В их действиях нет никакой логики. Верно?

— Ну, очевидно.

— Исключен и маньяк. Как бы он мог схватить пятнадцать, шестнадцать человек? И вернуть детей? С этим не справится и банда маньяков. По крайней мере, не перед носом у такой уймы полицейских. Правильно?

— Продолжайте.— Краем глаза Маллен заметил, что во дворик вышла толстая жена соседа. Она подошла к ним и прислушалась.

— То же самое относится и к шайке бандитов, и даже к марсианам. Это неосуществимо и бессмысленно. Надо искать что-то невозможное. И вот тут-то мы и находим единственно логичный ответ.

Маллен искоса взглянул на женщину. Та стояла, сложив руки на груди, и пронизывала его испепеляющим взглядом. «Похоже, она на меня злится,— подумал Маллен.— Что я такого сделал?»

— Вывод только один,— торжественно произнес сосед.— Где-то рядом существует дыра. Дыра в пространственно-временном континууме.

— Что?! — выпалил Маллен.

— Дыра во времени,— разъяснил лысый инженер.— Или в пространстве. Или и там, и там. Только не спрашивайте меня, как она образовалась; главное, что она есть. Стоит человеку попасть в эту дыру, как — бац! — он в другом месте. Или в другом времени. Или и в другом месте, и в другом времени. Конечно, дыру эту не увидишь — в четвертом-то измерении! — но она есть. Я полагаю, что если проследить движения этих людей, то выяснится, что каждый из них проходил через какую-то определенную точку — и пропал.

— Ммм...— задумчиво хмыкнул Маллен.— Любопытно. Но ведь известно, что многие исчезали прямо из своих домов.

— Да,— озадаченно согласился сосед.— Одну минутку, сейчас соображу... О, понял! Дыра в пространстве-времени не стационарна. Она перемещается, дрейфует. Сперва в доме Карпентера, затем спонтанно сдвигается...

— Но почему она не выходит за пределы наших четырех улиц? — спросил Маллен, недоумевая, в чем причина такого злобного взгляда соседской жены.

— Ну... должны же у нее быть какие-то ограничения!

— А как вернулись дети?

— О господи, Маллен, что вы пристаете ко мне со всякими пустяками?! Я предлагаю хорошую рабочую теорию. Нам необходимо набрать больше фактов, чтобы прояснить все до конца.

— Общий привет! — бодро закричал мистер Картер, появившись из гаража с двумя красивыми, тщательно вычищенными и вымытыми рыбами.— Форель — достойнейший соперник и, между прочим, великолепна на вкус. Самый прекрасный спорт и самая прекрасная еда! — Он неторопливо вошел в дом.

— У меня теория получше,— сказала жена соседа, разведя руки и опустив их на могучие бедра.

Оба мужчины повернулись к ней.

— Кого одного совершенно не беспокоит все происходящее? Кто везде разгуливает с огромной сумкой, в которой, по *его* словам, рыба? Кто *утверждает,* что проводит время на рыбалке?

— О нет,— поразился Маллен.— Только не мистер Картер. У него целая философия...

— Плевала я на философию! — завизжала женщина.— Он дурачит вас, но меня ему не надуть! Я знаю только, что он один совершенно спокоен, шляется повсюду и вообще, линчевать его мало!

С этими словами она круто повернулась и вперевалку направилась к своему дому.

— Послушайте, Маллен,— проговорил лысый сосед.— Я прошу прощения. Вы же знаете этих женщин... Она очень расстроена, хотя Дэни сейчас в больнице, в безопасности.

— Разумеется,— заверил Маллен.

— Она не понимает концепции пространственно-временного континуума,— с искренним огорчением продолжал сосед.— Утром ей самой будет стыдно. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Сумерки спустились быстро, и по всему городу зажглись прожектора. Лучи света прорезали улицы, дворы, отражались в стеклах. Жители района приготовились к ожиданию новых исчезновений.

Джим Маллен чувствовал себя на редкость беспомощным. Губы его жены побелели и растрескались, глаза опухли. Зато мистер Картер был как всегда бодр и пожарил на всех форели.

— Сегодня я набрел на прелестное тихое озеро,— объявил мистер Картер.— Возле устья Старого Ручья, чуть выше по притоку. Я ловил там целый день, нежась на чудесной зеленой травке и любуясь облаками. Фантастическая вещь — облака! Завтра я снова буду ловить там. А потом двинусь дальше. Опытный рыбак не станет злоупотреблять хорошим местом. Умеренность — вот девиз рыбака. Хорошенького понемножку. Я часто думаю...

— Папа, ну пожалуйста, уймись! — выкрикнула Филис и заплакала.

Мистер Картер грустно покачал головой, понимающе улыбнулся и направился в гостиную мастерить новую муху.

Маллены понуро пошли спать.

Джим проснулся и сел в постели. Рядом тихо посапывала жена. Светящийся циферблат часов показывал без двух минут пять. Почти утро, подумал Маллен.

Он вылез из постели, накинул халат и, стараясь не шуметь, прошлепал по лестнице вниз. Из окна кухни были видны фигуры часовых и качающиеся прожекторные лучи. Маллен налил себе стакан молока и отрезал кусок свежего кекса.

«Похитители! — подумал Джим.— Маньяки. Пришельцы с Марса. Дыры в пространстве. Чушь какая!..» Черт побери, о чем же он хотел спросить мистера Картера? О чем-то очень важном... Он сполоснул стакан и вернулся в гостиную.

Неожиданно его резко швырнуло на бок. Что-то его держало! Он отчаянно замолотил руками, но бить было не в кого. Его ухватила незримая стальная длань! Ноги оторвались от пола, и на миг Джим завис в воздухе, извиваясь и брыкаясь. Безжалостная хватка вокруг ребер сжала так, что он едва мог дышать. Его неумолимо начало поднимать.

Дыра в пространстве, подумал Маллен и попытался крикнуть. Размахивая руками, он задел тахту и тут же вцепился в нее. Его стало поднимать вместе с тахтой. Он рванулся, и то, что его держало, на миг ослабло.

Маллен упал, мгновенно вскочил и прыгнул к двери. Его снова поймало и ухватило, но он уже был возле батареи и просунул за нее обе руки.

Маллена тянуло все сильнее; батарея страшно скрипела. Ему казалось, что он сейчас разорвется надвое, но из последних сил держался. Неожиданно незримая длань отпустила.

Джим свалился на пол.

Когда он пришел в себя, уже был день. Филис, закусив губу, плескала ему в лицо водой.

— Я еще здесь? — пробормотал Маллен.

— Как ты себя чувствуешь? Что произошло? О, милый, давай уедем отсюда...

— Где твой отец? — потребовал Маллен, вставая на ноги.

— На рыбалке. Ты сядь, сейчас я вызову врача.

— Нет. Погоди.— Он прошел на кухню и достал кекс. На этикетке было написано: «Кондитерская Джонсона, НьюЙоркК». Заглавная «К». Совсем крошечная ошибка.

А мистер Картер? Не здесь ли таится ответ? Маллен кинулся наверх и торопливо оделся. Он запихнул кекс в карман и выбежал на улицу.

— До моего возвращения ничего не трогай! — закричал он Филис.

Она проследила взглядом, как его машина скрылась за поворотом, и, стараясь не расплакаться, побрела на кухню.

Маллен добрался до Старого Ручья за пятнадцать минут. Он оставил машину и пошел вверх по течению.

— Мистер Картер! — позвал он.— Мистер Картер!

Он шел и кричал около получаса, все дальше углубляясь в лес. Деревья склонялись над ручьем и переплетали над ним свои ветви. Маллен шел уже прямо по воде, почти бежал, то и дело оскальзываясь.

— Мистер Картер!

— Я тут! — раздался голос старика. Вскоре показался и он сам, на крутом берегу маленькой заводи, с длинной бамбуковой удочкой.

Маллен в изнеможении свалился рядом.

— Наконец-то ты прислушался к моему совету,— удовлетворенно сказал мистер Картер.

— Нет,— едва отдышавшись, выпалил Маллен.— Я хочу, чтобы вы мне кое-что объяснили.

— С радостью,— отозвался старик.— Что тебя интересует?

— Рыбак ведь не станет вылавливать всю рыбу из водоема, не так ли?

— Я бы не стал, но некоторые способны и на такое.

— А наживка? Правда, что всякий настоящий рыбак пользуется искусственной наживкой?

— Я горжусь своими мухами,— сказал мистер Картер.— Я стремлюсь приблизиться к оригиналу. Вот, к примеру, изумительная копия шершня. Или вот — чудесный комар.

Внезапно леска натянулась. Старик легко и уверенно подтащил и вскоре протянул Маллену бьющуюся форель.

— Это еще практически малек — мне он не нужен.

Он осторожно снял рыбу с крючка и бросил ее в воду.

— Когда вы отпускаете их, как по-вашему,— они понимают? Они не расскажут другим?

— Конечно, нет,— ответил мистер Картер.— Они не могут научиться даже на собственном опыте. Мне уже дважды попадается один и тот же. Им еще надо подрасти.

— Ясно...— Маллен посмотрел на тестя. Старик совершенно не замечал того, что происходит вокруг, совершенно не замечал ужаса, обуявшего район. Рыбаки живут в своем собственном мире, подумал Маллен.

— Ты бы пришел на час пораньше,— посоветовал мистер Картер.— Клюнул настоящий красавец. Фунта два, не меньше. Ну и задал же он мне работенку! И под конец сорвался. Но... Эй, что ты делаешь?

— Назад! — заорал Маллен, спрыгнув в воду. Теперь он понял, почему его беспокоила мысль о мистере Картере. Аналогия.

Безобидный мистер Картер ловит свою форель, как тот, другой рыбак, ловит...

— Все назад! Предупредите остальных! — кричал Маллен, беснуясь в воде. Только бы Филис не прикасалась ни к каким продуктам!..

Он вытащил из кармана кекс и зашвырнул его как можно дальше.

Прогулка

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова.

«Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону»,— напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на Земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки — играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

— Эй, приятель, как быстрее пройти на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

— Ощупайте эту стену, а когда найдете неплотность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане — когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

— Остряк чертов! — пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

«Какая косность! — сказал про себя Папазиан.— Надо бы включить это в рапорт».

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

— Я хотел бы попробовать ваши знаменитые «хот дог».

— Знаменитые? — изумился буфетчик.— Скорей бы настал такой день!

— Уже настал,— возразил Папазиан.— Ваши «хот дог» пользуются хорошей репутацией во всей Галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.

— Чушь! — убежденно сказал буфетчик.

— Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий момент половина ваших клиентов — пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

— Вы что, иностранец? — спросил буфетчик.

— Альдебаранец по материнской линии,— объяснил Папазиан.

— Тогда все ясно,— сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему так много еще предстоит узнать. Изумительно — не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.

— Эй, приятель! — окликнул его прохожий.— Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтона?

— Не знаю,— сказал Папазиан, и это было правдой.

К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: «Сдается в аренду». Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:

— Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?

— Совершенно верно. Ваше имя?

— Лилиан.

— Сойдет. Можете приступать к работе.

— Но у вас ничего нет, даже машинки.

— Купите все, что необходимо. Вот деньги.

— А что от меня требуется?

— Вы меня спрашиваете? — с мягкой укоризной сказал Папазиан.— Я понятия не имею, чем заняться мне самому.

— А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?

— Вот это я и хочу выяснить.

— О... Ну, хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

— Превосходно, Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?

— Нет...

— Значит, я ошибся. Если *вы* этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле «Центральный» и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы не умываться.

Лилиан была уже в конторе и расставляла новенькую мебель.

— Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан,— сказала секретарша.

— Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.

— Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? — спросил Хол.

— Не имею ни малейшего представления,— смутился посетитель.— Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.

— И где же вы его ощутили? — поинтересовался он.

— К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

— Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне, мистер Джасперс! Чем могу вам услужить?

— Говорю вам — не знаю! Это был необъяснимый...

— Да. Но чего бы вы хотели?

— Побольше времени,— печально сказал Джасперс.— Разве не все этого хотят?

— Нет,— твердо сказал Хол.— Но, возможно, я помогу. Сколько времени вам нужно?

— Еще бы лет сто,— попросил Джасперс.

— Приходите завтра,— сказал Хол.— Посмотрим, что удастся для вас сделать.

Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:

— Вы действительно можете ему помочь?

— Это я выясню завтра,— ответил Хол.

— Почему не сегодня?

— А почему не завтра?

— Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

— Согласен,— сказал Хол.— Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь суть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

— Это чересчур сложно для меня.

— В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

— Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

— Лично я,— заметил Хол,— вынужден согласиться, потому что рядом стоит старая седовласая женщина в астральном теле с высохшей рукой.

— Боже мой, это, наверно, Этель! Она умерла в прошлом году, мистер, и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

— Цитирую: «Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла».

— Точно Этель! — воскликнул Герберт.— Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама — дух?

— Она отвечает,— доложил Хол,— что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о духах.

— Вечно она меня пилит,— посетовал Герберт и заторопился прочь.

— Мадам, не слишком ли вы строги с ним? — спросил Хол.

— Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора,— сказала Этель.

— Куда? — поинтересовался Хол.

— В Дом престарелых духов,— куда же еще? — и она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

«Земля! — подумал он.— Какое прекрасное место!»

На кафедральной аллее толпился народ — в основном, венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

— Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

— С Альдебарана? — спросил Хол.

— Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

— На Альдебаране нет Бронкса,— констатировал Хол.

— Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

— Алина?

— Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внеземные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

— Хорошо,— сказал Хол,— благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько волнений моей жене, моей дорогой Полине...

— Алине,— поправил Вентура.

— Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

— Какое задание?

— Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего.

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину звали Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян. Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его: «Милый, ты еще ничего не вспомнил?» А он отвечал: «Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке».

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья — очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме — чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-либо делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жил настоящей земной жизнью, и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интересней.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману — специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщил, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие — плохие и грязные.

Кардоман:

— Давно ли у вас появилось ощущение, что вы — внеземное существо?

Папазиан:

— Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

— Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

— Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

— Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

— Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием «Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана».

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

— Кажется, ко мне возвращается память.

— Хм-м,— ответил доктор Кардоман.

— Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какого-то железного фламинго на лугу, возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

— Ложная память из фильмов,— прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина.— Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Папазиан.

— Но вы на верном пути,— успокоил его Кардоман.— У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это добрый признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую он провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка...

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

В один погожий день в дом пришел продавец щеток — он хотел поговорить с хозяйкой.

— Она вернется через несколько часов,— извинился Папазиан.— У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

— Прекрасно,— сказал продавец.— На самом деле я хотел поговорить с вами.

— Мне не нужны щетки,— ответил Папазиан.

— К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

— Отбываем?

— Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

— Отдых?

— Бросьте! — отрезал продавец щеток, или офицер связи.— Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

— А вы откуда?

— Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

— Кажется, женился на одной местной,— сообщил Папазиан.

— Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через 50—60 лет.

— Пошли они все к черту,— сказал Папазиан.— Я с вами.

— По-прежнему ничего не помню,— пожаловался Хол офицеру связи.

— Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

— Зачем?

— Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетала плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезла Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети...

Но он не испытывал сожаления. Земля — чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

«Извините, что врываюсь в ваш сон...»

Прошлой ночью мне приснился очень странный сон. Чей-то незнакомый голос сказал:

— Извините, что врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. Помочь мне можете только вы — больше никто.

Мне приснилось, что я ответил:

— Не нужно извиняться, сон все равно был так себе, и если я могу вам чем-то помочь...

— Вы, и только вы,— произнес голос.— В противном случае я и мой народ обречены на гибель.

— О господи,— вымолвил я.

Звали его Фрока, и принадлежал он к очень древнему роду. С незапамятных времен соплеменники его жили в широкой долине, окруженной гигантскими холмами. Они всегда жили мирно, по образцовым законам, а детей воспитывали с любовью и снисхождением. У них даже были свои выдающиеся ху-

дожники. И хотя некоторые из них питали слабость к крепким напиткам, а иногда — правда, крайне редко,— кто-то умирал насильственной смертью, они считали себя добрыми и достойными уважения мыслящими существами, которые...

— Послушайте,— перебил я его,— может быть, перейдем прямо к делу, вашему неотложному делу?

Фрока извинился за многословие, но объяснил, что в его мире всякое прошение должно предваряться обширным изложением моральных достоинств просителя — такова существующая норма.

— Ладно,— успокоил я его.— Давайте перейдем к делу.

Фрока перевел дух и начал. Он рассказал мне, что около ста лет назад (по их представлениям о времени) с небес спустилась невиданных размеров желто-красная колонна. Приземлилась она в третьем по величине городе, неподалеку от памятника Неизвестному Богу у городской ратуши.

Колонна представляла собой цилиндр неправильной формы и имела две мили в диаметре. Вопреки всем законам природы она вдруг поднялась вверх и стала недосягаемой для приборов, потом снова опустилась на прежнее место. Тогда они попытались воздействовать на колонну с помощью холода, тепла, бактерий, протонной бомбардировки, любого приемлемого средства, наконец,— все безрезультатно. Полная ужасающего величия, она простояла не двигаясь ровно пять месяцев, двенадцать часов и шесть минут.

Потом без всякой видимой причины колонна начала двигаться в северо-западном направлении. Средняя скорость движения составляла 78,881 мили в час (по их представлениям о скорости). Она вспахала поверхность на участке 183,223 мили длиной и 20,011 мили шириной, после чего неожиданно исчезла.

Для изучения этого невероятного события собрался симпозиум, на который были приглашены все светила науки. В заключительном документе они заявили, что событие это не поддается объяснению, является уникальным и, скорее всего, в будущем не повторится.

Однако ровно через месяц оно повторилось, на сей раз цилиндр опустился около столицы. Совершая частые беспорядочные движения, он переместился на расстояние 820,331 мили от места приземления. Причиненный ущерб был огромен, он не поддавался никакому учету. Было унесено несколько тысяч жизней.

Спустя два месяца и один день колонна появилась снова, и на этот раз пострадали все три главных города.

Теперь всем стало ясно, что непонятое и, может быть, не поддающееся пониманию явление представляет угрозу не только для жизни каждого в отдельности, но и для всей цивилизации в целом, ставит на грань гибели весь народ.

Естественно, мысль о возможной трагедии наполнила души граждан отчаянием. Волна всеобщей истерии сменялась волной всеобщей апатии.

Четвертый удар был нанесен к востоку от столицы в пустынной местности. Ущерб оказался минимальным, но в народе поднялась паника, настоящая паника, в результате чего многие покончили жизнь самоубийством. Положение усугубилось до крайности. На помощь, наряду с истинными науками, были призваны псевдонауки. Рассматривались любые теории и предложения, кто бы их ни выдвигал — будь то биохимик, гадалка или звездочет. Хватались даже за явно бредовые идеи, особенно после того, как в одну кошмарную летнюю ночь красивый древний город Рас вместе с двумя пригородами подвергся полному уничтожению.

— Извините,— прервал его я.— Все это, безусловно, очень грустно, но я что-то не пойму, какой помощи вы ждете от меня.

— Я как раз собирался к этому перейти,— ответил голос.

— Тогда продолжайте,— разрешил я.— Только советую вам не очень тянуть резину, потому что я, кажется, скоро проснусь.

— Мою роль в этой истории объяснить довольно трудно,— продолжал Фрока.— По профессии я бухгалтер. Однако у меня есть ряд хобби — на досуге я шутки ради разрабатываю способы, которые расширяют возможности нашего мозга. Недавно я проводил эксперименты с одним химическим элементом, мы называем его «кола». Он обладает способностью вызывать глубокое просветление...

— У нас такие химикалии тоже имеются,— вставил я.

— Значит, вы меня понимаете! Так вот, во время путешествия — вам этот термин должен быть знаком,— находясь, так сказать, под воздействием препарата, я вдруг увидел и понял... на меня снизошло откровение... Но это так трудно объяснить.

— Ничего, ничего, смелее,— поторопил я,— давайте самую суть.

— В общем,— произнес голос,— я понял, что мой мир существует на многих уровнях — на атомном, податомном, в вибрационных плоскостях, он имеет бессчетное множество уровней действительности, и все они являются составной частью других уровней существования.

— Мне это известно,— начиная нервничать, сказал я.— Недавно я выяснил, что все сказанное вами относится и к моему миру.

— Итак,— развивал свою мысль Фрока,— мне стало ясно, что один из наших уровней находится под внешним воздействием.

— А если конкретнее? — попросил я.

— В соответствии с моей гипотезой вмешательство происходит на молекулярном уровне.

— Поразительно! — воскликнул я.— И что же, вы смогли выявить природу этого вмешательства?

— Мне кажется, что да,— ответил голос.— Но у меня нет никаких доказательств. Все это чисто интуитивно.

— Я и сам верю в интуицию,— подбодрил я его.— Так что выкладывайте ваши соображения.

— Сейчас,— неуверенно произнес голос.— Одним словом, я пришел к выводу (чисто интуитивно), что мой мир — это микроскопический паразит на вашем теле.

— Выражайтесь, пожалуйста, яснее!

— Хорошо. Я обнаружил, что в одном из аспектов, в одной из плоскостей действительности, мой мир существует между костяшками указательного и среднего пальцев вашей левой руки. Он находится там вот уже несколько миллионов лет — по нашему летосчислению. Разумеется, для вас это всего несколько минут. У меня нет никаких доказательств, и я, конечно, ни в чем вас не обвиняю...

— Ничего, ничего,— успокоил его я.— Значит, вы говорите, что ваш мир расположен между костяшками указательного и среднего пальцев левой руки? Прекрасно. И чем же я могу вам помочь?

— Видите ли, не знаю, верна ли моя догадка... Я предположил, что недавно вам потребовалось почесать руку как раз в зоне расположения моего мира.

— Почесать руку?

— Полагаю, что так.

— И вы считаете, что несущая разрушения и смерть огромная красноватая колонна — это один из моих пальцев?

— Именно.

— И вы хотите, чтобы я прекратил чесаться.

— Только около этого места,— торопливо произнес голос.— Мне ужасно неловко, что приходится обращаться к вам с такой просьбой, я делаю это лишь в надежде спасти свою цивилизацию от полного уничтожения. Прошу меня извинить...

— Не надо извиняться,— остановил я его.— Мыслящие существа ничего не должны стесняться.

— Спасибо вам на добром слове,— поблагодарил голос,— Ведь все-таки мы, нечеловекообразные паразиты, чего-то требовать от вас не вправе.

— Все мыслящие существа должны держаться вместе, помогать друг другу,— сказал я.— Вот вам слово чести,— никогда до конца дней моих я не буду чесать между костяшками большого и указательного пальцев левой руки.

— Указательного и среднего пальцев,— поправил он.

— Я вообще не буду чесать между костяшками пальцев левой руки! Торжественно клянусь вам в этом и обещаю, что, пока я жив, слово не нарушу.

— Сэр,— взволнованно произнес голос,— вы спасли мой мир. Никакими словами не выразить степень моей благодарности. И все же скажу, что я безмерно вам благодарен.

— Ну что вы, что вы, не стоит,— сказал я.

Голос окончательно смолк, и я проснулся.

Вспомнив удивительный сон, я открыл аптечку и перебинтовал костяшки пальцев левой руки. Я уже хожу с бинтом целую неделю и, несмотря на позывы, не чешу левую руку и даже не мою ее.

В конце следующей недели я бинт сниму. Я прикинул, что по их летосчислению это обеспечит им полный покой на двадцать-тридцать миллиардов лет, что вполне достаточно для любой цивилизации.

Но сейчас меня беспокоит другое. Дело в том, что недавно у меня возникло какое-то интуитивное чувство опасности. Причина — землетрясение в районе Сан Андреас Фолт, а также возобновившаяся вулканическая деятельность в центральной части Мексики. В общем, когда я эти события сопоставляю, меня охватывает настоящий страх.

Поэтому извините, что я врываюсь в ваш сон, но у меня к вам совершенно неотложное дело. И помочь мне можете только вы — больше никто...

Ловушка

Сэмиш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмиш, старый дружище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но

они не такие глупые, как кажутся. Я начинаю убеждаться, что толщина жгутика — не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмиш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался на цыпочках наружу — взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом подошел к двери.

— В первый день отпуска всегда льет, как из ведра,— констатировал он.— Закон природы.

— Сегодня может хорошо клевать форель,— заметил Дэйли.

— Это ее личное дело,— без особого восторга отозвался Турстон.— На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие, сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающе изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочкой и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь отнюдь не на

серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпрепровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

— Ну что ж, ром так ром,— охотно согласился Дэйли.— А это что? — Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой.

— Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

— Где ты купил это? — недоуменно спросил Турстон.

— Я ничего не покупал.— Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешно отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель *абсолютно бесплатно!* Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете *точно* соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

— Занятная вещица,— проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт.— Думаешь, ее подбросили ночью?

— Какая разница? — пожал плечами Турстон.— У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

— Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился.

— Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким барахлом: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

— Никогда не видел таких ловушек,— задумчиво пробормотал Дэйли.— А какая реклама! Знали, куда подбросить...

— В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки,— цинично заверил Турстон.— Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием *кнопки один,* расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите *кнопку два.* Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите *кнопку три,* отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

ВНИМАНИЕ! Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расчленения и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

— Чего только не выдумают люди! — восхищенно воскликнул Дэйли.

— Завтрак готов! — позвал Турстон.

— Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в крикливую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением воззрился на ловушку.

— Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

— Конечно. Может, мы поймаем лису.

— Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

— Отпустим, конечно,— не раздумывая ответил Дэйли.— Главное — поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерцала. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

— Пойдем,— не выдержал Турстон.— Яйца уже наверняка остыли.

Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмиш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмиш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегль. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расчленения. Турстон упорствовал, что такого не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

— Смотри! — крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое — какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

— Все, хватит, никакого рома до завтрака,— отрубил Турстон и нерешительно добавил: — Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекосился:

— Бррр!

— А вдруг это новый вид? — глубокомысленно изрек Дэйли.

— Новый вид кошмара! Может, поедем в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

— Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

— *Его держать?*

— А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

— Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? Потом от него наверняка скверно пахнет...

Набрав воздуха, он продолжал:

— К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся:

— Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка — просто еще один блистательный пример американского технического прогресса!

— Я сам сторонник прогресса! — вспыхнул Турстон.— Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

— Да,— задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы.— Так и будет.

— Что?

— Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэмиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегль, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью — ума не приложу. Эти алчные люди хранят все, что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

— Фу,— поморщился Турстон,— и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча — тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По соседству разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто напоминающее змею с головами на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нашинкованными овощами, травой — все это оставалось нетронутым.

— Они совсем ничего не едят,— пожаловался Дэйли.

— Совершенно очевидно, что они больны,— настаивал Турстон.— Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

— Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

— О чем?

— О славе. Чтобы твое имя повторяли через века?

— Я деловой человек,— с достоинством ответил Турстон.— Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обанкротился.

— Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся.

— Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

— Эти существа,— назидательно произнес Дэйли,— уникальные! Мы подарим их музею.

— Ну и что? — заинтересовался Турстон.

— Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли—Турстоном!

— Они могут даже назвать их нашими именами,— неожиданно размечтался Турстон.— Мы же их поймали!

— Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Гм.— Турстон глубоко задумался.— Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

— Я думал не просто о выставке,— прервал его Дэйли.— Я думал об открытии галереи,— галереи Дэйли—Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

— Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

— Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо фута в три длиной с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

— Остальные были поспокойнее,— заметил Турстон.— Возможно, эта тварь поопаснее.

— Мы запутаем ее сетью,— решил Дэйли.— Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в музей естественной истории:

«ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ».

Затем, по настоянию Турстона, он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами в глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расчленения, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

— Адирондак исследован вдоль и поперек,— робко возразил Турстон.

— Как видишь, все же недостаточно,— отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

Я тебя еле-еле слышу, Сэмиш. Попробуй усилить сигнал. А еще лучше — прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Сэмиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в саду. Она была очень довольна.

— Скажи мне, дорогой,— заговорила она,— тебя что-то мучает в последнее время?

— Угу,— ответил я.

— Ты меня разлюбил?

— Нет, дорогая,— сказал я.— Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но, увы — я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

— Это Фрегль!

— Да,— подтвердил я,— славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

— Но нас же обручили на всю жизнь!

— Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Сэмиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошнило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функционирует в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшей суеты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

— Что случилось с этой дурацкой штукой? — Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

— Может быть, она уже все выловила? — предположил Турстон.

— Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом — больше ни одного?

Он опустился перед ловушкой на колени и громко произнес:

— Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

— В какой-то степени их можно понять,— осторожно сказал Турстон.

— Черта с два! Обвинить меня в мошенничестве! Ты слышал, как они издевались, Том? Они спрашивали, как мне удалось проделать пересадку кожи?

— Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея,— вздохнул Турстон.— Это и впрямь показалось подозрительным.

— Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих остолопов?

— Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных,— пытался успокоить друга Турстон.— Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

— Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

— Они просто не слышали о такой системе,— угрюмо промолвил Турстон.— Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

— Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! — Дэйли включил и активировал ловушку и принялся ее пристально рассматривать. Внезапно он откинул крышку, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль:

— Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

— Да нет же, успокойся, она на месте,— заверил Турстон. Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

— Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

— Хорошо, хорошо,— поспешно согласился Турстон.— Конечно, исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид, а? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже — и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

— Теперь ясно, как она работает,— провозгласил он.— Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

— А где?

— Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музейным крысам нужны доказательства? Они меня обзывали лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

— Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону.

— Пожелай мне успеха!

— Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все, что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

Форма

Пид-Пилот снизил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами

шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры как экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий вторжением предупреждал его, но все же надо что-то предпринять. Это долг пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды,— медленно начал Пид.— Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же,— сурово сказал Пид,— расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам,— продолжал Пид.— На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхности своего тела.

— У меня все,— закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники,— решил он.— Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид,— сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы,— эта планета нужна нам позарез.

— Да, сэр,— ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас,— внушительно проговорил Командующий,— должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр,— ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели,— сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости.— Строго между нами: на Гломе неспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!

— Это не все,— поведал ему Командующий.— Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Великого Бесформия, самого опасного дьявола, которого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению?

Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пида на языке.

— Пид,— сказал он,— тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр,— ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое,— продолжал Командующий.— Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства...— И он печально потряс телом.— Я сообщил тебе об этом не зря,— пояснил Командующий.— Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете,— все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр,— не без гордости ответил Пид.

Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем,— сказал он.— Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр,— осмелился возразить Пид,— если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции.— Он вздохнул.— Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

— Да, сэр,— сказал Пид.

— Надо только следить за ними,— сказал Командующий.

— Да, сэр,— повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи,— сказал Командующий.— Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако.

Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью.

Однако облачко опускалось все ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотом был его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы пилотировал их. Теперь, без корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы... С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринимать, поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера,— подумал он горько,— а вот радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший.

Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тождественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тождественности гломы могли перешагивать с планеты на планету, могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое туловище, и он бросился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно! — взвыл Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

— Джер!

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскочку вернулся к Пиду.

— Я был голоден,— сказал он.

— Нет, не был,— неумолимо ответил Пид.

— Был,— пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится,— сказал Пид.— Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден.— Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжали путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а в воротах стояли часовые.

«Первая задача,— подумал Пид.— Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали неимоверные различия.

Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно не похоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

И совершенно ясно, что люди наловчились вылавливать непрошеных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал,— сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду.— Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке,— напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращу. Вот так.— Джер быстро принял облик Человека.

— Недурно,— одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясущейся походке Человека.

— Но, боюсь, ничего не выйдет,— продолжал Пид.

— Это же вполне логично,— возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать,— ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: это была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

— Гм,— сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу,— возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму Собаки.

— Нет, погоди,— сказал Пид.— Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться,— сказал Пид. В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг! — тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? А, да! — произнес дубок и слился с кустарником.— Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся,— повторил Пид.— Ты случайно не Мыслил?

— О нет,— заверил его Ильг.— Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности — Человек и Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите,— сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира.

Может быть, открытые ворота просто ловушка?

Он устало вытек в удобную Позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок.

Он опустился до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом»,— напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело,— сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг! — сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг.— Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его,— сказал Пид Джеру.— Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил перейти за ворота на свой страх и риск? — предположил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы.

Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя,— объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался

пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Видимо, Радист погиб или захвачен в плен Людьми.

Значит, Сместитель придется активировать вдвоем.

А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста,— сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их.— Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи,— сказал Пид.

— Благодарю.— Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку, если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу.

Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги.

Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же.

Потом обе собаки побежали за угол.

«Это остроумно,— подумал Пид.— Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничего не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно было так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него. Собаки лаяли у ворот. Но Джер так и не появлялся.

Джер попался. Ильг исчез. Пид остался один.

И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пида охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил воспользоваться возникшей сутолокой и стал отливаться в форму Человека.

По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет,— сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением.— Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю,— ответил Джер, виляя хвостом.— Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился,— благодушно пояснил Джер.— Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... Твой долг...

— Я передумал,— заявил Джер.— Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно,— сказал Джер,— но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пида трясло от злости.

— Нельзя,— сказал он очень медленно, как объяснял бы глому-ребенку,— форма Охотника для тебя запретна.

— Ну не здесь, здесь-то не запретна,— возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтобы я этого больше не слышал,— сердито сказал Пид.— Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. А я таки постараюсь забыть все, что ты здесь мне плел.

— Не пойду,— ответил Джер.— Мне здесь глому ни к чему. Они все погубят.

— Он прав,— произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид.— Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь,— сказал Ильг.— Я все Размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот,— печально сказал Джер.— Проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот,— заметил Ильг,— все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу формы,— подхватил Джер.

— Вот именно,— сказал Ильг.— Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать.— И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют,— сказал он.— Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит,— сообщил Джер.— Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился,— это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно!

Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот,— предложил Джер.— Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот.

Но ведь люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома,— прорычал он злобно и обернулся Собакой.— Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пида к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он оглянулся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, почему он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один Человек. Он пристально посмотрел на Пида, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого!

Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие.

«Это, несомненно, козни самого Бесформия»,— сказал он себе и бросился вперед.

Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид уставился на нее.

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, послышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Пид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие.

Однако они дезертировали, все до единого.

Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно придать им кастовую форму предков. Но Свобода формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть, его предназначение. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак... Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека.

Дверь трещала под непрерывными ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда! А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз, потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно. Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахнула крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетавшую птичью стаю.

Песнь звездной любви

Лоллия — это маленький, поросший соснами островок в Эгейском море. Он необитаем, и добраться туда сложно, хоть не вполне невозможно. В Хиосском порту Кинкейд взял напрокат алюминиевую лодку, погрузил туда туристское снаряжение и, при попутном ветре и спокойном море, добрался до Лоллии за шесть часов — как раз перед закатом.

Кинкейд был высок и худ; светлую веснушчатую кожу курносого лица опалило жестокое летнее солнце Греции. Одет он был в мятый белый костюм и полотняные туфли. Было ему тридцать два года, и курчавые рыжеватые волосы на макушке начали редеть. Кинкейд был представителем вымирающего племени богатых археологов-любителей. О Лоллии он услыхал в Миконосе. Рыбак сказал ему, что остров этот временами посещают древние боги, и разумные люди держатся от Лоллии подальше. Кинкейд, само собой, ощутил острое желание оказаться там немедленно. Ему требовался отдых от развлечений миконосских кафе.

Кроме того, всегда оставался шанс найти какую-нибудь древность. Многие открытия делались на ровном месте, всего под парой дюймов земли. Конечно, не в таких исхоженных местах, как Микены, Тирены, Дельфы, где ученые и туристы роются столетиями. В наше время счастливые находки делаются в неподходящих местах, на задворках великих цивилизаций. Вроде той самой Лоллии.

Если он и не найдет ничего, все равно будет приятно пожить на острове пару деньков, прежде чем лететь на Венецианский кинофестиваль на встречу с друзьями. А шанс обнаружить нечто невиданное всегда остается.

Что же до рыбацких разговоров о древних богах, Кинкейд не был уверен, списать ли их на счет любви греков к преувеличениям или к суевериям.

На Лоллию Кинкейд прибыл перед самым закатом, когда небо над Эгейским морем, быстро темнея, проходит через все оттенки лилового в глубокую прозрачную синеву. Ветерок подгонял волны, воздух был чист. То был день, достойный богов.

В поисках удобного места для высадки Кинкейд обогнул весь остров и на северной его оконечности нашел небольшой пляж. Лодку Кинкейд вытащил из прибоя на берег и привязал к дереву. А потом он начал восхождение по изрезанному трещинами утесу, сквозь густой кустарник, пахнущий розмарином и тимьяном.

На вершине острова оказалось небольшое плато, где Кинкейд обнаружил остатки древнего святилища. Алтарные камни потрескались и разошлись, но можно еще было различить следы искусной резьбы.

Невдалеке в склоне холма виднелась пещерка. Кинкейд направился было туда и остановился. Из пещеры появилась человеческая фигурка. Девушка. Молоденькая, очень симпатичная, рыжеволосая, в простом льняном платье. Девушка смотрела на Кинкейда.

— Как вы сюда попали? — спросил тот.

— Звездолет высадил,— ответила она. Ее безупречный английский был, однако, окрашен каким-то неопределимым акцентом, который Кинкейд нашел очаровательным.

Как она оказалась на острове, Кинкейд не мог себе представить. Не звездолет же ее привез; это, конечно, шутка. Но ведь как-то она же прибыла? Другой лодки Кинкейд не заметил. Проплыть семьдесят миль от Хиоса она вряд ли в силах. Может, ее высадил вертолет? Возможно, но маловероятно. Выглядела она так, словно готова для пикника: ни пятнышка на платье, только что нанесенная косметика. Кинкейд остро ощутил, что после сложных альпинистских упражнений грязен, потен и неопрятен.

— Не хотел бы показаться назойливым,— заметил Кинкейд,— но все-таки не скажете ли, как вам удалось сюда забраться?

— Я уже сказала. Меня высадил звездолет.

— Звездолет?

— Да. Я не человек. Я андарианка. Ночью корабль за мной вернется.

— Ну-у, это серьезно,— промолвил Кинкейд с многозначительной улыбкой.— Издалека прибыли?

— О, полагаю, что до нашей планеты Андар несколько сот миллионов миль. Мы, конечно, умеем преодолевать световой барьер.

— Это само собой,— поддакнул Кинкейд. Или у девушки нет чувства меры, или у нее с головой не в порядке. Скорее, последнее. История была такая нелепая, что хотелось смеяться. Но девушка была столь неимоверно прекрасна, что Кинкейд понял — если он ее не трахнет, у него случится нервный срыв.

Он решил ей подыграть.

— Как тебя зовут? И зачем ты сюда прилетела? — осведомился он.

— Можешь звать меня Алия. Твоя планета — одна из тех, которые андарианки решили обследовать после того, как Ве-

ликое Исчезновение заставило нас покинуть родину и уйти в космос. Но об Исчезновении мне не позволено говорить.

Да, действительно сумасшедшая; но Кинкейд был так очарован, что решил не обращать внимания.

— Ты, случаем, не из здешних древних богов? — спросил он.

— О нет, я не с Олимпа,— рассмеялась она.— Но когда мой народ посещал вашу планету много веков назад, они и породили эту легенду.

Кинкейду было наплевать, что эта девушка болтает или откуда она взялась. Он хотел ее. Он еще никогда не занимался любовью с внеземными существами. Первый раз — это всегда серьезно. Такие симпатичные инопланетянки не каждый день встречаются. И кто знает — может, она *и в самом деле с* другой планеты. Впрочем, это Кинкейду было безразлично.

Кем бы она ни являлась и откуда бы ни пришла, девушка была прекрасна. Желание захлестнуло Кинкейда.

Да и она, кажется, была к нему небезразлична. Кинкейд заметил, как смущенно и лукаво поглядывает на него странная девушка, как отводит взгляд. На ее щеках появился румянец. Пока они болтали, девушка бессознательно приблизилась к нему.

Сейчас или никогда, подумал Кинкейд и ловко заключил девушку в объятия.

Вначале она прижалась к нему, потом отстранилась.

— Ты очень привлекателен,— сказала она.— Я даже удивлена, как ты притягиваешь меня. Но любовь между нами невозможна. Я не твоей расы и не с твоей планеты. Я андарианка.

Опять она за свое.

— Ты хочешь сказать, что в земном смысле ты не женщина? — переспросил Кинкейд.

— Нет, дело не в этом. Проблема чисто психологическая. Мы, андарианки, любим всей душой. Для нас акт спаривания означает брак и пожизненную привязанность. Разводов у нас нет. И мы *хотим* иметь детей.

Кинкейд только усмехнулся. Он уже наслышался подобных фраз от девушек-католичек, за которыми приударял в Шорт-Хиллз, штат Нью-Джерси. Он знал, как следует поступать в подобной ситуации.

— Я люблю тебя,— сказал он. По крайней мере, на тот момент это была правда.

— Я тоже... неравнодушна к тебе,— призналась Алия.— Но ты и представить себе не можешь, что это значит — любить андарианку.

— Так расскажи,— предложил Кинкейд, обнимая девушку за талию и прижимая к себе.

— Не могу,— ответила она.— Это наша священная тайна. И нам не позволено открывать ее мужчинам. Быть может, тебе стоит покинуть меня, пока еще есть время.

Кинкейд понимал, что совет хороший: что-то жуткое было и в девушке, и в том, как она оказалась на острове. Уйти, конечно, стоило; но Кинкейд не мог. В отношении женщин он был сущим наркоманом, а эта девушка представляла собой квинтэссенцию, предел мечтаний донжуана. Кинкейд не был ни писателем, ни художником, а его археологические потуги не могли завоевать ему уважения. Единственное, что он мог оставить потомкам,— это летопись постельных побед. Так пусть на его надгробии напишут: Кинкейд получал лучшее, и брал его там, где находил.

Он поцеловал девушку, и поцелуй их длился, и длился, и продолжался, пока они оседали на землю в фонтане разлетающейся одежды, сквозь который проглядывала плоть. Испытанный Кинкейдом в завершение экстаз превосходил его способности к описанию. Столь могучее чувство захлестнуло его, что Кинкейд едва ощутил шесть коротких уколов — по три в каждый бок, точно в межреберья.

Только потом, развалившийся на спине, усталый и удовлетворенный, Кинкейд обратил внимание на шесть крохотных дырочек в коже. Повернувшись, он глянул на Алию — обнаженную, немыслимо прекрасную; рыжие волосы сияющим облачком окружали овал лица. В горячке любовной страсти Кинкейд не обратил внимания на довольно необычную деталь. Шесть маленьких выступов — по три на каждой стороне грудной клетки — завершались тонкими клыками-иглами. Кинкейду вспомнилось, что самки некоторых насекомых на Земле во время полового акта откусывают самцу голову. Он все еще не верил, что девушка — инопланетянка, но недоверие его заметно поколебалось. Ему вспомнились другие земные насекомые, те, что имитируют других существ,— кузнечики как сучки, жуки как осы. А не скинет ли эта красавица сейчас свой облик?

— Это было прекрасно, милая,— сказал он,— даже если это будет стоить мне жизни.

Алия воззрилась на него.

— О чем ты говоришь? — воскликнула она.— Неужели ты думаешь, что я могу убить тебя? Невозможно! Я андарианка, ты мой супруг до конца наших дней, а живем мы очень долго.

— Тогда что ты со мной сделала? — осведомился Кинкейд.

— Я просто впрыснула тебе детей,— объяснила Алия.— Они будут такие милашки! Надеюсь, они унаследуют твою расцветку.

Кинкейд не сразу понял, что именно ему сообщили.

— Ты уверена, что не отравила меня? — переспросил он.— Чувствую я себя очень странно.

— Это всего лишь гибернационная сыворотка. Я ее впрыснула вместе с детками. А теперь, мой дорогой, ты будешь спать в этой уютной сухой пещерке, а наши дети будут расти в твоих межреберьях. Через год я вернусь, выну их из тебя, перенесу в коконы и отправлю домой, на Андар. Следующая стадия их развития пройдет там.

— А со мной что будет? — осведомился Кинкейд, упорно борясь с нахлынувшим на него сном.

— С тобой все будет в порядке,— заверила его Алия.— Спячка совершенно безопасна. Я вернусь задолго до того, как тебе придет пора рожать. Потом ты отдохнешь немного — примерно недельку. Я буду заботиться о тебе. А тогда мы сможем заняться любовью снова.

— И что?

— И снова придет время спячки, любимый, до следующего года.

Кинкейд хотел было съязвить, что он совершенно иначе собирался провести свою жизнь, а не вот так — час любви, год сна, роды — и все начинается сначала. Он хотел сказать, что лучше бы она тогда откусила ему голову. Но говорить он уже не мог — и едва отгонял от себя сон. Алия собиралась уходить.

— Ты настоящая красотка,— выдавил Кинкейд,— но лучше бы ты осталась на Андаре и вышла замуж за своего одноклассника.

— Я бы так и сделала, любимый мой,— ответила она.— Но случилось что-то страшное. Должно быть, мужчины шпионили за нашими священными таинствами, потому что все они куда-то запропастились. Это и называется Великим Исчезновением. Они все ушли, совсем ушли, покинули планету.

— Я так и думал, что до них рано или поздно дошло бы,— прошептал Кинкейд.

— Они были не правы,— возразила Алия.— Я понимаю, что деторождение накладывает на плечи мужчин тяжелую ношу, но с этим ничего нельзя поделать, раса обязана жить. И мы, андарианки, сделаем все для этого, через что бы нам ни пришлось пройти. Я ведь *предлагала* тебе уйти. А теперь до свидания, милый! До будущего года!

Травмированный

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору № 13 371А. В секторе космоса, известном под шифром «Аттала», я создал 1 (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т. п. См. прилагаемые расчеты.

Внешние пределы метагалактики «Аттала» обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением, Кариеномен.

Приложение: Расчеты конструкций — 1
Карта метагалактики «Аттала» — 1

* * *

Адрес: Штаб строительства 334 132, доб. 12
Адресат: Подрядчик Кариеномен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой Кариеномен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценность! Может быть, и так. Однако не забыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить — последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра метагалактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы встроили в метагалактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной запиской, и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранены, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавшей в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущение, пока этот обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п.; все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Карионом. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс — это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успел ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз.

Приложение: Заверенная копия протоколов жалоб — 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

— Вот так,— сказал Джек Масрин, прикидывая на руку вес битком набитого чемодана.— Прощайся со своим владением.—

Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

— Прощай, владение,— пробормотала Кей.— Как бы не опоздать на поезд.

— Времени еще много.— Масрин направился к двери.— А со Счастливчиком попрощаемся? — Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц — получая с них квартирную плату*. Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

— Не надо,— возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм.— Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станется?

— Ты совершенно права,— поддержал ее Масрин.— Не стоит начинать новую жизнь с благословений Счастливчика. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

— Что случилось? — поинтересовалась Кей.

— Мы ничего не забыли? — нахмурившись, в свою очередь, спросил Масрин.

— *Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела.* Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то его тревожило. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя — неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое, чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

— Неужто тебе так не хочется уезжать? — спросила Кей.— Пойдем же, не то Счастливчик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбежала по ступенькам.

— Видишь? — шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа.— Это легко. Решайся. Подойди, деточка, к своей мамочке.

---

* Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход свершился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из нештукатуренного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди — человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил почти нехотя, что люди эти коренасты, смуглы, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал, как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Он одним духом вбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

— Что случилось? — помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

— А что ты видела? — спросил Масрин. Он еще не успел полностью прочувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу. «Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть.

Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом».

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

— Ты мне не поверишь,— произнес он наконец.

— Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

— Мог бы сказать, что побывал на Марсе,— отозвалась Кей.— Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

— А чемодан! — внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

— Да бог с ним, с чемоданом,— отмахнулась Кей.

— Надо вернуться,— настаивал Масрин.

— Нет!

— Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому, какой комитет организовал мне торжественную встречу, я, должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

— Почему? — спросила Кей.

— Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс.— Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему самомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

— Сама посуди,— продолжал он,— мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на молниях, пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять-пятнадцать книг — некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже «Обычаи Запада» — монография Эггисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней.

Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки к европейцам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

— Не знаю,— откликнулась Кей.— Да и тебе это неизвестно.

— Мне-то, положим, известно,— сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

— Будем рассуждать так,— снова заговорил Масрин.— Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа

ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

— Почему не должно? — спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

— Ты уж поверь мне на слово,— отчеканил он.— В логически построенной Вселенной парадокс не допускается.

Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

— Я представляю себе,— продолжал Масрин,— что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы — яркое воплощение этого принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что...— Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первозданному хаосу, но не знал, какое и почему.

— Как бы то ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

— Где ты набрался таких мыслей? — изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

— Они у меня появились очень давно,— ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит.— Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

— Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки,— бодро произнес Масрин.— К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. Устранить хоть что-нибудь — все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступеньке он опять исчез.

* * *

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгрудились вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от Масрина. «Еще не открывали»,— с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе — изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане — как и о самом Масрине — впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это — предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымер-

шая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обежал вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

«Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?» — подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выражения. За ним гнались дикари, постепенно окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все вылетело из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг, когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно сжимая ручку чемодана.

— Ты ранен, милый? — Кей обвила руками его шею.— Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторическое племя, которое отделывало бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея.

Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался овладеть собой. Голос рассудка говорил ему, что пугаться нечего: трещины во времени возможны, и в одну из таких трещин его заклинило. Все остальное вытекало отсюда логически. Надо только...

Но с другой стороны, логика не интересовала его. Не поддаваясь никаким разумным доводам, он озадаченно взирал на

все происшедшее и понимал, что, несмотря на любые разумные аргументы, того, что было, не могло быть. Когда Масрин видел невозможное, он умел его распознавать и прямо говорил об этом.

Тут Масрин вскрикнул и потерял память.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариономен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой сэр!

Считаю, что Вы пристрастны в своих замечаниях. Действительно, при сотворении данной конкретной метагалактики я исходил из некоторых новаторских принципов. Я позволил себе занять позицию свободного художника, не подозревая, что меня будет преследовать улюлюканье застойного реакционного Центра.

Поверьте, что в нашем великом деле — подавлении первозданного хаоса — я заинтересован не меньше Вашего. Однако при выполнении своих планов не следует жертвовать идеалами.

Прилагаю объяснительную записку, трактующую проблему красного смещения, а также заявление о преимуществах, связанных с использованием небольшого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет ремонт. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограниченна его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мой контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчи-

щать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это, в свою очередь, повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики.

Однако надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метагалактики покоробился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытым люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением, Кариономен.

Приложение: 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе.
2. Заявление о неустойчивых атомах на 7689 листах.

* * *

Адрес: Штаб строительства 334 132, доб. 12
Адресат: Подрядчик Кариономен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Кариономен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не прорвала пространственную ткань.

Миглиз.

* * *

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принялся мерять шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

— Прошлое внизу,— сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе.— Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направлении, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

— Что это значит? — спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

— Ты уж поверь мне на слово,— ответил Масрин.— Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удавалось. Не хватало слов, в которые можно было бы облечь новые концепции.

— А подниматься можно? — спросила совершенно сбитая с толку Кей.

— Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

— Ох, я этого не выдержу,— заныла Кей.— Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

— Вы еще здесь? — прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

— Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время,— сказал он домовладельцу.

— Ничего подобного,— возразил Гарф.— Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порядочные люди способны на самые ужасающие преступления.

— Когда въезжают новые жильцы? — спросил Масрин.

— Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

— Нельзя ли нам как-нибудь договориться? — спросил Масрин. Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

— Мне плохо,— произнесла Кей сдавленным голосом,— я пока еще не могу ехать.

— Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову скорую помощь,— сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в поисках бацилл бубонной чумы.

— Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго,— предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: «А где деньги?»

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

— Прожились,— констатировал Гарф.— Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

— Получил,— подтвердила преданная Кей.

— В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома? — спросил Гарф.

Масрины промолчали. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

— Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка подобру-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

— Постойте,— заметил Масрин.— Мы заплатили вам по сегодняшний день. До полуночи эта комната — наша.

Гарф уставился на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

— Чтоб ни одной минуты дольше,— предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

— Милый,— сказала она,— может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уверена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

— Пока не заделают трещину,— ответил Масрин.— Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

— А почему? — спросила Кей.

— Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого, и от будущего. Правильно?

— Если ты так говоришь, значит, правильно.

— Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств, что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю.

Вызовут фотографов, желая убедиться, что я не мистифицирую ученых. Потом потребуют доказательств. Захотят, чтобы я принес им чей-нибудь скальп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уж где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

— Нет, и ты тоже не знаешь.

— Я знаю,— твердо сказал Масрин.— Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал,— исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем — устранением парадоксального элемента.

— Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла.— Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстилался Нью-Йорк, а где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

— Позвони в колледж,— попросил Масрин.— Сообщи, что я задержусь на несколько дней.

— А хватит ли нескольких дней? — спросила Кей.— Как ты в конце концов отсюда выберешься?

— Да ведь дыра во времени не вечна,— авторитетно ответил Масрин.— Она затянется... если только я перестану в нее соваться.

— Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

— Не знаю,— сказал Масрин.— Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр «Морстт». Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено «первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени». См. прилагаемые рецензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике «Аттала» исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охотно содействует этому, по

крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метагалактики.

По крайней мере, в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертания галактик вокруг центра метагалактики. Это прекрасная греза, которая навсегда запечатлеется в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метагалактики «Морстт» с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метагалактику «Аттала».

С уважением, Кариономен.

Приложение: 1. Заявка на строительство метагалактики «Морстт».
2. Рецензии на метагалактику «Аттала», 3 шт.

* * *

— Уже без четверти двенадцать, дорогой,— нервно сказала Кей.— Как ты думаешь, можно сейчас идти?

— Подождем еще несколько минут,— ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят. Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

— Что ты делаешь? — спросила Кей.

— У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя,— пояснил Масрин.— С доисторическими индейцами и днем-то шутки плохи, Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: «Теперь я точно знаю, что ты спятил».

— Дело вовсе не в лестнице,— еще раз объяснил Масрин.— Дело в самом действии, в подъеме и спуске. Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

— Кажется, все в порядке,— заявил он, чуть покачиваясь.— Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью-Йорк. Он был так красив, что дух захватывало,— так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе, наконец, вздохнуть.

Кожа у них была голубого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он поискал позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип, скорее всего, уверен, что Масрин возглавляет мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера — все равно что яд.

— Послушай-ка,— обратился он к Кей.— У меня возникла другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь временную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

— Нет.

— Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько метров. Однако она ничего не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

— Пожелай мне удачи,— сказал он.

— Черта лысого, а не удачи,— откликнулся с площадки мистер Гарф.— Убирайтесь-ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

* * *

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикари по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не более получаса. Почему это так, некогда было выяснять.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какую-то расщелину, он спрыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана.

Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикари решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся перед ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму, и взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть. Масрин слабо улыбнулся.

— Мистер Гарф,— предложил он,— не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариономен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики «Морстг» мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы потрудитесь ознакомиться с моей последней работой в «Аттале», то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить,— это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели места, но я предчувствую, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метагалактики «Морстг».

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением, Кариеномен.

* * *

— Теперь вы все знаете, мистер Гарф,— закончил Масрин час спустя.— Я понимаю, что это кажется сверхъестественным; но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

— Это-то я видел,— признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

— Да,— процедил Гарф,— пожалуй, вы и вправду исчезали, если на то пошло.

— Безусловно.

— И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

— Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

— Дайте подумать,— попросил Гарф. Он энергично высморкался.— Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодилась бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

— Что? — переспросил Масрин, выходя из ванной.— Послушайте, я не могу даже прикоснуться к этому барахлу. Это повлечет...

— Конечно,— задумчиво произнес Гарф,— я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколотил кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

— Вы этого не сделаете! — вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

— Да успокойтесь,— сказал Гарф.— Все, что мне от вас нужно,— это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто стребовать со своего дьявола...

— Дьявол тут ни при чем,— возразил Масрин.— Вы не представляете себе, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

— Не втирайте мне очки,— заявил Гарф.— Принесете вы дубинку или нет?

— Ведь я вам все объяснил,— устало ответил Масрин.

— Довольно морочить мне голову всякими парадоксами. Все равно я в них ничего не смыслю. Но выручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

— Нет.

— Ну ладно же. Еще увидимся.— Гарф взялся за дверную ручку.

— Погодите.

— Да? — тонкий паучий рот Гарфа тотчас же искривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все, что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созовет газетчиков и ученых. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф,— стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку — это простейшее решение.

— Принесу,— заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

— Не делай этого,— попросила она.

— Больше ничего не остается.— У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить.

Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что,

если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был не способен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки — те, что его задели. Должно быть, теперь они превратились в табу, решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

— Молодчага! — одобрил его Гарф.— Давай сюда!

Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс — все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

— Прелестная вещица,— сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки.— Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрызнул лицо водой.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю,— ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшим.— Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на одних бобах.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карieномен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подобное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой «Морстт».

Что касается метагалактики «Аттала», то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор — подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть к выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устранить один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться нормально.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для всех моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике «Морсгт».

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением, Карieномсн.

Приложение: Брошюра, 9978 листов.

Опека

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурить. Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка — след сданного несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане позвякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пять миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Луна — между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

— Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И — ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вывер-

нулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет, загрохотал по Бродвею.

Если бы не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на «Титанике». Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

— Спасибо, друг! — сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

— Вы все еще меня слышите? — осведомился голос.

— Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

— Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

— Грониш,— отвечал голос.— Это ли не искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

— Вы, должно быть, невидимка?

— Вот именно.

— Но кто же вы все-таки?

— Сверхпопечительный дерг.

— Что такое?

— Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я — дух прошедшего Рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

— Позвольте,— прервал я его.— Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

— Вот-вот,— сказал голос.— На то похоже.

Итак, мне все стало ясно. Каждый дурак понял бы, что со мной говорит существо с другой планеты. На земле он невидим, но изощренные чувства позволили ему обнаружить надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.

Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.

Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.

— Что случилось? — спросил невидимка дерг.

— Ничего не случилось,— отвечал я,— если не считать того, что я стою посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже, что я один вас и слышу?

— Естественно.

— О господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?

— Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.

— В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных. Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!

В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.

— Не желаете со мной говорить? — допытывался дерг.

Я покачал головой — безобидный жест, за который людей не хватают на улице,— и продолжал идти вперед.

— Но вы должны! — воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе.— Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью. И связь тут же затухает.

Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я по-прежнему ничего такого не чувствовал.

— Подобные условия повторяются раз в сто лет,— сокрушался дерг. Какие условия? Пять монет и три ключа, позвякивающие в кармане во время восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во всяком случае не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не докажешь. Достаточно белолаг вяжет сетки для смирительных рубашек, обойдутся и без меня.

— Оставьте меня в покое! — бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд полисмена, ухмыльнулся ему с видом сорванца-мальчишки и заторопился дальше.

— Я понимаю ваши затруднения,— не отставал дерг.— Но такой контакт будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона опасностей, угрожающих человеческому существованию.

Я промолчал.

— Ну, что ж,— сказал дерг.— Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

— Последнее остережение! — крикнул дерг.— Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

— Угу! А почему, собственно?

— Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

— Так завтра кого-то убьют? — заинтересовался я.— Вы уверены?

— Не сомневаюсь.

— Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

— Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание — защитить вас.

— Послушайте,— прошептал я,— а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

— И вы мне позволите взять вас под опеку? — воспрянул дерг.

— Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочитал ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

— Сперва надо ее сохранить,— напомнил он.— Вчерашний грузовик...

— Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

— Так ведь в жизни и умирают только раз,— торжественно заявил дерг.— Достаточно вспомнить метро.

— Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

— Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

— А почему бы и нет?

— Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

— Но это не смертельно, верно?

— Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

— А когда это случится? — спросил я.

— Вас это, кажется, не интересует.

— Очень интересует. Когда же? И где?

— Вы отдадитесь под мою опеку?

— Скажите только, на что это вам?

— Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

— А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

— Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу,— это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно.— И дерг умолк. А потом добавил негромко: — Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурить!

— А как же цветочный горшок? — спросил я.

— Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

— Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

— В Джерси-Сити,— ответил он не задумываясь.

— В жизни не бывал в Джерси-Сити! Не стоило меня предупреждать.

— Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать,— возразил дерг.— Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

— Что же мне теперь делать?

— Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

— Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы — словом, жил, как раньше, и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: «На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее».

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно,— это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в Нью-Йорке,— опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-Сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

— Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

— Как? И в Мексико-Сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

— Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят,— ответствовал старый упрямец.— Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-Сити, Ангор Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтэн-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. Иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквэй, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия.

Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На амстердамском автобусе номер 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я бóльшую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение, В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей стало так много?

Вечером я задал ему этот вопрос.

— Все мои сообщения абсолютно правдивы,— заявил он, по-видимому, слегка задетый.— А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

— Зачем, собственно?

— Повреждена проводка.

— Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

— Конечно нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

— Какие же это отрицательные стороны?

Дерг заколебался.

— Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

— Значит, снова-здорово? — спросил я ошеломленно.

— До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

— Изменилась? Но почему же?

— Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

— Вы хотите сказать,— спросил я раздельно,— что с вашей помощью опасность возросла?

— Это было неизбежно,— вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неощущаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

— Отлично,— сказал я, взяв себя в руки.— Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

— Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

— Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

— Но что случилось? — Дерг был, видимо, искренне озадачен.— В вашей жизни возросли опасности — это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

— Только не для меня,— сказал я.— Брысь!

— Опасности увеличились,— доказывал свое дерг,— но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой:

— Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

— Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

— Что это значит?

— Это значит, что количественно им уже некуда расти.

— Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

— Но ведь я вам как раз объяснил...

— Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

— Вполне возможно,— согласился дерг.— Если, конечно, вы доживете.

— Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

— Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

— Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

— Я говорю не о несчастном случае.

— А о чем же?

— Уж и не знаю, как вам объяснить.— В тоне его чувствовалась растерянность.— Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

— Что вы плетете? — накинулся я на него.

— Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

— Это еще что за невидаль?

— Гампер — существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

— К дьяволу гампера — и вас вместе с ним!

— Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало — и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

— Дерг! — завопил я.— Выручай!

Он оказался тут как тут.

— Омела! — крикнул он.— Гоните его омелой!

— А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

— Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

— Видите, вам нужна моя опека,— торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

— Как будто да,— подтвердил я скучным голосом.

— Вам еще много чего потребуется,— продолжал дерг.— Цветы борца, амаранта, чеснок, могильная плесень...

— Но ведь гампер убрался вон.

— Да, но остались трейлеры. И вам нужны средства против липпов, фиггов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между

сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужеземные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование притекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня извести, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком,— неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг — мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиггами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

— Вам грозит опасность,— сказал мне дерг не далее как позавчера.

— Опять? — отозвался я зевком.

— Нас преследует трэнг.

— Нас?..

— Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

— И этот трэнг действительно опасен?

— Очень!

— Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

— Ни то ни другое,— сказал дерг.— Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше — ничего уже не значило.

— Что же мне делать?

— Не политурьте,— сказал он.

— Не политурить? — Я наморщил брови.— Как это понимать?

— Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

— Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

— Хорошо. Политурить — это значит...— Но тут он осекся.

— Что?...

— Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

— Дерг! — позвал я.— Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

— Он меня заполучил! — взвизгнул дерг.

— Что же мне делать? — снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: «Не политурьте!»

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом «политурить». Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, в другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось — значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

Кое-что задаром

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь про-

мокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расползшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!» А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ней делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь,— сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом

один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят,— сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе, Господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл»,— сказал один.— Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— *Уходите*,— сказал Коллинз.— *Я вас потом позову.*

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами,— боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок, появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик»,— сказал он, протирая глаза.— Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет,— ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла.— Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? — спросил Коллинз.

— Не исключено,— сказал Лиик.— Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление.— Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза.— А это ваш Утилизатор?

— Ну конечно,— сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз.— Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь,— сонно произнес Лиик.— Это я по-дружески.— Он медленно покачал головой.— И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше,— сказал Лиик, зевая во весь рот.— День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив своего зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь,— сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватало глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

— Я хочу дом,— твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр,— сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья,— но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз.— Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк,— не задумываясь, ответил агент.— Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтобы все было в порядке,— сказал он.

— Конечно, сэр,— сказал тот.— Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме имелись Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено. Небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Не похоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется,— это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существует законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках, появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать,— сказал Лиик.— У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль.— Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает,— сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш.— Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть,— сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня,— пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла. Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква Л, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от

зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционерами, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Конторы одушевления.

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз рванулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующие нефтяные скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну,— сказал наконец Коллинз,— вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза.— Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз,— сказал он твердо,— меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует,— защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр,— спокойно и с достоинством произнес Флайн.— Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита,— Флайн поглядел на часы.— Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и предоставляет прочие услуги. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он.— Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр.— Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал.— Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием . . . . . 450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы
«Поухи минайл», а также
фирмы «Максимо олф» . . . . . 111 000 кр.
Сто двадцать две танцовщицы . . . . . 122 000 000 кр.
Безукоризненное здоровье . . . . . 888 234 031 кр.

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллиардов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз.— Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство,— сказал Флайн.— Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло,— сказал Флайн.— Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи,— сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка,— терпеливо разъяснил человек.— А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец,— с кривой усмешкой ответил человек.— Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам,— сказал Янг.— Расценки здесь — пятьдесят кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это — сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка,— возразил Янг.— У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг.— Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить.— Он подтолкнул Коллинза к каменоломне.— Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

Вор во времени

Томас Элдридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Элдридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шуму несколько лет назад,— ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Элдридж увидел огромного детину в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они посмотрели друг на друга. В первый момент Элдридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был

самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвелльского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

— Как вы сюда попали? — спросил Элдридж.— И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

— Будешь запираться?

— В чем?! — испуганно воскликнут Элдридж.

— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец.— *Виглан.* Припоминаешь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись,— медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж,— раздельно сказал он.— Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *cum laude**. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглецом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник,— провозгласил Виглан.— Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Виглан, ужасающе реальный Виглан, никуда не сгинул!

Полисмены тем временем вытащили наручники.

---

* С отличием *(лат.)*.

— Стойте! — закричал Элдридж, пятясь к столу.— Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь,— произнес Виглан,— сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением.— Он откашлялся.— Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хронокага, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

— Стоп! — остановил его Элдридж.— Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Виглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же, выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно воскликнул он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать,— согласился второй.

— Конечно, мы из будущего,— сказал Виглан.— А то откуда же?.. В 1962-м ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул,— осипшим вдруг голосом продолжал Виглан.— Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким.— Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованная надпись гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают,— ответил полицейский.— Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня,— сказал Виглан.— Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?..

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные,— философски заметил другой.— Помнишь танцора — как откалывал *штугги!* — а девчонку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретет машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершит путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще *должен* совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо,— сказал он и стал медленно валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты.

Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева.

И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Элдриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полумили виднелось селение. Элдридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого встречного: «Простите, сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?..»

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравиро-

вано: «Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!»

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Элдридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Элдриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Элдриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он сможет познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников? Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж, по существу, открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжил чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса».

Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и расправился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью

которых путешественники во времени убивают своих прапрапрадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путаниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прошу прощения, сэр,— обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотекарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен,— строго заявила библиотекарша.

«Понятно,— подумал Элдридж.— Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышит.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр,— настаивала библиотекарша,— если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие. Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступиться, не желая лезть во все эти дрязги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постарается найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было проделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция.— Один из мужчин показал ему значок.— Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

— Но за что?! — возмутился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться.

В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Элдридж,— произнес он.

Элдридж холодно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас,— сказал с грустью по старым добрым временам капитан.— Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов ведь именно его, Элдриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку,— продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье.— Да, никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы,— и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Элдридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?

— Совершенно,— сказал Элдридж.— Темпоральная амнезия.

— Понятно, понятно,— сочувственно заметил капитан и протянул Элдриджу лист бумаги.— Вот, поглядите.

ПРЕДМЕТЫ, ПОХИЩЕННЫЕ ТОМАСОМ МОНРО ЭЛДРИДЖЕМ

Количество	Стоимость	
Из спортивного магазина Виглана, Сектор I		
Многозарядные пистолеты	4 штуки	10 000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 банок	4000
Из специализированного магазина Альфгана, Сектор I		
Микрофильмы Всемирной литературы	2 комплекта	1000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2650
С продовольственного склада Лури, Сектор I		
Картофель сорта «белая черепаха»	50 штук	5
Семена моркови «фэнси»	9 пакетов	6
Из галантерейной лавки Мэнори, Сектор II		
Дамские зеркальца	60 штук	95
Общая стоимость похищенного		14 256

— Что все это значит? — недоумевал капитан.— Укради вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркальца, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдридже I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен нести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем,— ответил капитан.— Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элдридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете,— улыбнулся капитан.— Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном положении,— сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас,— с глубоким вздохом сказал капитан.— Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно,— выдавил Элдридж.

— Но, конечно, если...— в задумчивости произнес капитан,— если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно,— продолжал капитан.— Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

— Спасибо,— сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Элдридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

«Видно, снова произошли климатические изменения»,— подумал Элдридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам,— от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочка ни вейся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят,— продолжал старейшина,— преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Элдридж, ощутив неприятную дрожь в коленях.

— Преступления,— подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не порадовал.

— Неблагодарность ведет к предательству,— продолжал старейшина.— Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным

добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостил им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве,— ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал,— начал он с жалкой улыбкой,— это жизнь в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опершись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов,— с гордостью возразили снаружи.— У нас есть справедливость.— И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу,— сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених,— вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его.

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные,— с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец? — не выдержал Элдридж.— Чей жених?

Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж.

И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем награбленным барахлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушенную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервирования продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и зашищали его.

И за все это добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего барахла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях,— подтвердил Беккер.— Что-то из твоих вещей осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о habeas corpus*.

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно,— вздохнул Беккер.— Свою тайну ты откроешь утром палачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь немым свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришел поглазеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится,— возразил Виглан, вытирая пот со лба.— Поверь мне, Том, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да,— признался Виглан.— Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя нисколько не интересовали деньги.

---

* Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. *(лат.)*.

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-нибудь другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном.— Он снова вытер пот со лба.— Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах,— сказал Элдридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен.— Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твое изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж.— Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь. Отсидишься у меня, пока за давностью дело не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставлю при себе,— тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным.— Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто *необходим* компаньон.

— Ладно, пойдем-ка отсюда,— предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих,— прошептал Виглан.— Как бы прихватить твой?

— Он, наверное, в сарае,— отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись,— сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан.— Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправляюсь в Нецивилизованные секторы,— решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан.— Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере,— ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки.— Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов.— Виглан надел Элдриджу часы.— Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.

На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. Не бойся,— старался успокоить себя Элдридж,— ведь динозавры были травоядными. Однако чудище, обнажив два ряда превосходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах, Элдридж снова нажал кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилось сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.

— Привет, ребята,— миролюбиво обратился он к ним.

Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды,— поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угро-

жающе почти сомкнули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедшийся по голове удар свалил его наземь. Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучу обломков.

Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился *праздник.*

Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на страшный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но *почему* он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включу хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует. Я нажимаю кнопку.

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдриджа подвели к глубокой нише в скале. Внутри нее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устилал собранный накануне хворост.

Элдриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец, последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдриджу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Элдриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут его рука нашарила какой-то предмет...

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Элдридж I! Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Элдридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Элдридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдаль уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Элдридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Элдриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да...— бормотал Элдридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот,— Элдридж вытащил свои сокровища.

— Спасибо тебе, как ты думаешь...

— Ты же, наверное, устал? — пытался отгородить его от наседавших людей гигант.

Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.

— Устал,— признался он.— Очень.

— Тогда иди домой.

— Домой?

— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Элдридж улыбнулся и покачал головой.

— Он не помнит! — закричал гигант.

— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?

— А наши пикники, праздники?

— А танцы?

— А яхты?

Элдридж продолжал отрицательно качать головой.

— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время,— объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.

Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка.

Так почему же он оставил этот мир?

— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста,— возмутилась она.— И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да,— сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком.— Ну конечно же... Как же — очень рад встрече с вами...— совсем уже глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка.— Мы ведь, в конце концов, муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце?

Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой,— сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас,— проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут.— Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет,— и она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал кнопку хроноката.

Так было покончено с Элдриджем II.

Отныне он становился Элдриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

Три смерти Бена Бакстера

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был тщедушный человечек с причудливым, некрасивым лицом. Большая контрольная доска, светившаяся над его головой, казалось, и вовсе пригнетала маленькую фигурку к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и хоть Джеймс знал, как это обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и провел рукой по лицу. Из прорези в панели выползла бумажная лента. Главный программист оборвал ленту и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти, высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже слегка редеющей на макушке. Видно, он еще чувствовал себя здесь не очень уютно. С серьезным и сосредоточенным видом Битти уткнулся в «Руководство по процедуре» и нет-нет да и прикладывался к своей кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил, подвижный, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, азартно сражалась в шахматы со смуглокожим Аауи.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать,— сказал Джеймс,— я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левински. В Главной исторической линии Левински умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левински избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух дет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий? — спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико-сити.

— Все ли пострадавшие удовлетворены? — поинтересовался Лан Ил.

— Да, Уже приступили к заселению Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение,— сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту.— Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в

истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в прошлом. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения исторических магистралей на побочные линии. Конечно в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далекое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Нормандский проиграл битву при Гастингсе. История Англии после этого пошла бы по иному пути, чего допустить мы не имеем права. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Рэйберна предсказал вероятность полной стерилизации земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса-Хольта-Мартенса. Планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Базиля Юшо (а также полный отказ от его теорий о вреде радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Юшо, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение приобрело роль, которую в медицине играет профилактика.

Но и у переключения были свои границы. Мог наступить момент, когда ни одна доступная линия уже не способна была удовлетворять нужным требованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И, когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает,— продолжал Эдвин Джеймс.— И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист,— отозвался Лан Ил.— что Американский континент может плохо кончить?

— К сожалению, да.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказать необходимое воздействие на рассматриваемые события. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его и заведет там правильное лесопользование. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные угодия в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы. Их стараниями — вплоть до нашего времени — на Американском материке сохранятся большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда воспоследствует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять сохранившиеся в мире лесные зоны. И наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением лесов естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород окажется нарушенным, когда все окислительные процессы прекратятся, а нам в удел останутся только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса,— вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может нарушиться еще больше. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж,— заметил доктор Свег,— магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много,— ответил Джеймс.— Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— Говоря точнее, *Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.*

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места.

— До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства! — сказал он.

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу,— предложил Аауи.— Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы миллионов людей, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно,— ответил программист.— Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом? — спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждения, подкуп, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее? — спросил Аауи.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире — свой,— предложила мисс Чандрагор.— Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и карты в руки,— ответил Эдвин Джеймс.— Тем более что мы лучше других знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования. Каждая группа будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае,— подытожил доктор Свег,— пусть каждая группа исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет,— невесело улыбнулся Джеймс.— Давайте разделимся на группы и договоримся о методах работы.

1

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы за-

ручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде сквозила недюжинная гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, неотступно следящего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался выходить. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман «Американских пэров» Сомерсета. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для столь высокого звания. Однако все сходились на том, что Бринн не по возрасту ревностно относится к своим правам и обязанностям.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но были среди них и два шталмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, сэр камергер,— приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простым смертным. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза приметил в кабине лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и широко расставленными глазами. Бринн еще подивился, что могло привести этого человека в их прозаический многоквартирный дом. Почти все жильцы были ему знакомы по ежедневным встречам, но скромное положение этих людей позволяло ему не узнавать их.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о незнакомце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе «Принц Чарльз».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил Аауи.

— Похоже, с ним каши не сваришь! — сказал Роджер Битти.

Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, энергично вышагивающая фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте? — спросил Бити.

— Заметил,— ухмыльнулся Аауи.— Думаете, чует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги? — пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно,— сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы. Вокруг них собрался народ. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам! — надсаживался толстяк крестоносец.— Шатается по улицам, как помешанный. Вашу братию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр! — ответствовал Бринн, стараясь сохранить спокойствие.— Если вам угодно получить удовлетворение, я с удовольствием встречусь с вами в любом месте, с оружием, какое вы соблаговолите выбрать...

— Мне? Встретиться с вами? — Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг дозволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета,— пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкнув Бринна, горделиво прошествовал дальше.

— Трус! — бросил ему вслед Бринн, лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки? — удивился Битти.

— А как же! — кивнул Ааун.— Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

— Пора приниматься за дело! — напомнил Битти.— Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе «Принц Чарльз» Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чванный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущество своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо подумать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Посмотрев на часы, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Горячего шоколаду, тостов и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! — напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

— *Нед Бринн!*

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— *Бринн!*

— Это еще что? — недовольно буркнул Бринн.— Кто со мной говорит?

— *Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходимы отдых и перемена обстановки.*

На лице у Бринна даже под загаром проступила бледность. Он внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— *Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Отключись, пока есть возможность.*

— У меня важное деловое свидание,— отвечал Бринн дрожащим голосом.

— *Дела важнее душевного здоровья?* — иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

— *С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?*

— Неужто я говорю сам с собой?

— *А это тебе видней!*

— Ваш заказ, сэр! — подлетел к нему официант.

— Что? — заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколада пролилась на блюдце.

— Сэр? — спросил он срывающимся голосом.

— Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— *Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться,*— настаивал голос.— *Ступай домой, прими что-нибудь, постарайся уснуть и прийти в себя.*

— Но что случилось, почему?

— *Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь,— последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное предостережение, Бринн! Прислушайся к нему!*

— Неправда! — воскликнул Бринн.— Я здоров! Я совершенно...

— Прошу прощения,— раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

— Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

— Чушь какая! — огрызнулся Бринн.

— *Это верно! Верно! Ты сходишь с ума!* — взвизгнул голос у него в голове.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль никак не прореагировал. Он все так же строго взирал на Бринна.

— Враки! — сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал! — возразил лейтенант-нобиль.

— Видите ли, сэр, в чем дело,— начал Бринн, осторожно подыскивая слова.— Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!* — завопил голос.— *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант! У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобиль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие,— отозвался с безопасного расстояния официант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставите же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы! — подтвердил лейтенант-нобиль, кивая на сей раз более уверенно.— Но я бы попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы! — согласился Бринн.— Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной сторожки?

— Как же! Это мой третий кузен по материнской линии.— Теперь лейтенант-нобиль увидел значок с восходящим солнцем на груди у Бринна.— Кстати, мой сын стажируется в юридической корпорации «Чемберлен-Холлс». Высокий малый, его зовут Кэллехен.

— Я запомню это имя,— обещал Бринн.

— Яйца были горячие! — не унимался официант.

— С джентльменом лучше не спорить! — оборвал его офицер.— Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр! — Лейтенант-нобиль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в кафе «Принц Чарльз».

— Вот пройдоха! — с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон.— А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного усомнился в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте! — предупредил он.— Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно! А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу!

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся у причалов, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: «Тезей».

Куда эта махина держит путь? Возможно, в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку, он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе заботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать, не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он сразу узнал по золотисто-смуглой коже.

— Мистер Бринн? — обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно? — спросил Бринн.

Но тут смуглолицый без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огрел кулаком, в котором блеснул металлический предмет. Взвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром он служил в «неистовых рыцарях». Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексы. Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул смуглолицего локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил смуглолицего ребром руки по горлу. Тот задохнулся и упал как подкошенный, закинув голову. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой поддать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул на себя. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую, ударившись затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Смуглолицый лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого? Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобиль доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявляют в полицию сами.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы? — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: пока цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой,— ответил Ааури.— К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился с самого начала.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили,— сказал Ааури.— У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, да,— отвечал Битти, поднимаясь с земли.— А ведь, наверно, уже поздно?

— Без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось, удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша смотрела на них округлившимися глазами. Правда, в такси они немного пообчистились, но все еще выглядели по меньшей мере странно. У Битти голова была кое-как перевязана платком, а смуглое лицо Ааури приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно? — спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном,— начал Ааури официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если вы не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор,— настаивал Ааури.

— Приказано не мешать.— Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Ааури. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий. Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком: утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь,— сказал он секретарше,— мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема палаты лордов Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова.

— Гм-м-м,— промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свело спазмой. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью,— сказал Бакстер.

— Сэр?

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет,— ответил Бринн.

— Тем лучше! Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн! И когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия «Предприятиям Бакстера», это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить,— возразил Бринн,— о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы,— вздохнул Бакстер.— Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивая цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал, подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр! — пролепетал он помертвевшими губами.— Это звучит оскорбительно.

— Что? — отозвался Бакстер, и в его холодных глазах Бринну почудилась усмешка.— Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения,— возразил Бакстер.— Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. *Это мне надо просить извинения.* Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться,— сказал Бакстер.— А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите послушать разумного человека? Постарайтесь не валять дурака. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу! — сказал Бринн, всей душой сожалея, что не может.— Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый Бакстер, поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее. Глаза у Бакстера потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения! — крикнул Бринн.— Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он понимал, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер! — окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из угла рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова Бакстера лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох...— только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервые видел сломанную шею.

2

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман «Руководство к праведной жизни» Норстеда. Никогда не выходил он из дому без этого надежного поводыря.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа луны — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались с тем, что Бринн не по возрасту ревностно относится к обязанностям, которые налагает на него сан.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но среди них и два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой! — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза приметил в кабине лифта прелестную, холсную девушку с волосами, черными как воронье крыло, с пикантным смугло-золотистым

личиком. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн тут же забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить.

Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в «Золотом лотосе».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! — воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой и, должно быть, ханжа и святоша.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, сутулая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сводил с вас в лифте,— заметил Ил.

— Знаю. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то все началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениям? — молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги,— ответствовал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель,— смиренно, но настойчиво возразил Бринн.— Все авторы единодушны в этом.

— Если вы чтите старость,— возразил священник,— внемлите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе «Золотой лотос» и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, блаженное ощущение единства разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

— Что вам угодно? — спросил официант.

— Воды и сушеной рыбки, если можно,— отвечал Бринн.

— Не желаете ли картофеля фри?

— Сегодня витья, и это не положено,— ответствовал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и его связи, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглянку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщенный старикашка пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд, Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику.

— Простите мою навязчивость,— сказал он,— я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет! — зарыдала девушка.

Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе,— сказал он.— Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так,— подтвердил старичок.— Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях,— возразил Бринн,— всяк помогает всякому — и дело бывает сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук,— процитировал старичок.— Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере! — воскликнул Бринн.— Это один из основных догматов западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграммы в Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь небольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джанна.— Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены,— продолжал старик со спокойствием отрешенности.— Мне следует остаться здесь и завершить свой труд, ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джанна.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут,— заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных, сверляших глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает теплоход. Дочери нужен провожатый, сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она смогла бы благополучно закончить путешествие. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю,— начал он.— А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором. Он мог поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше,— сказал старик.— Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность,— продолжал старик.— Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я буду рад отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности, скорее всего, искусная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так швыряются, не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительные события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в «Книге золотых ответов» мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглянку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить улыбаться этот трагически сжатый рот. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул старик.— Возможно ли, что вы согласны, что вы готовы...

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая,— волновался старик.— Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

— Но я не одет для дороги...

— Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...

— ...к тому же друзья, деловые свидания:.. погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун-аль-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор,— продолжал Бринн.— Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны? — воскликнул старик.

— Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите — пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр,— сказал старик.— Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день,— вразумлял его Бринн.— Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни! — с горькой иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится,— уверял Бринн.— Ибо сказано: «Зверь в джунглях пугается шагов...»

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на «Тезее» в каюте-люкс «2А». Ваша каюта «3А», соседняя. Пароход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сушеная рыба, сэр! — подлетел к нему официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу! — взревел Бринн. Но тут же спохватился.— Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду,— заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил,— пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие,— возразила Джанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы,— энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту.— Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

— Я ему как будто понравилась,— заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали? Надо ли было наворачивать столько ужасов?

— Это было абсолютно необходимо. Бринн — сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долгу.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка? — заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, подождем — увидим.

— Единственное, что нам остается,— сказала Джанна, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся у причала, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же дело, долг перед его преданными служащими? Ведь именно сегодня ему предстояло обрести поддержку своему грандиозному проекту на письменном столе у Бакстера. Он остановился, рассматривая корабль-гигант. Вот он, «Тезей». Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, шедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире, он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой:

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн...— Помощник поискал в списке.— Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо,— сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.— Кстати,— спросил он помощника,— в котором часу вы отчаливаете?

— В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя успеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема смиренных служителей Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова.

— Гм-м-м,— промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще успеть на «Тезей». Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают,— сказал Бакстер.

— Сэр! — только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что, туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае не для таких новостей,— заверил его Бринн с улыбкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм,— продолжал Бакстер, улыбаясь.— Я прямой человек, Бринн, и я говорю вам без всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь. Меня радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично! — Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт «Тезея», а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится: доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшись новыми любезностями, будущие компаньоны начали прощаться.

— У вас редкостный посох,— сказал Бакстер.

— А? Что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно вырезанную палку и надавил на ручку. На другом конце палки выскочил клинок, который царапнул Бакстера по ноге.

— Вот уж верно, что легко,— сказал Бакстер.

— Вы, кажется, порезались?

— Ничего! Пустячная царапина. А клинок-то — дамасской стали.

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер замолчал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн проследил за направлением его взгляда, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

— Сэр! — крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача! — крикнул он испуганной девушке, а потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллионы трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую ее жертву.

С ужасом глядел он, как лицо и руки Бакстера приобретают ярко-зеленый цвет.

3

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовался неподдельный интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, всегда готовом прислушаться к доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр «Убийства в метро» в мягком переплете. Обычно он не выходил из дому без увлекательного детектива.

Напоследок он приколол к лацкану пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались с тем, что он не по возрасту ревностно относится к правам и обязанностям, которые налагает на него звание.

Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка его соседей по дому; в большинстве своем это были лавочники, но Бринн заметил среди них и двух незнакомых джентльменов.

— Славный денек, мистер Бринн,— приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь! — сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в кабине лифта белокурого гиганта, который увлеченно о чем-то разговаривал с лысым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о гиганте. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать «У Чайльда».

Часы показывали двадцать минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил доктор Свег.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Я меньше всего сторонник насилия,— сказал доктор Свег.— Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится,— сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите,— сказал Бринн.

— Простите,— отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе «У Чайльда» и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо!

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр,— раздался голос.— Не разрешите ли с вами побеседовать?

— О чем это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения,— сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн,— начал он.— Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудаки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте,— сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю! — виновато пожал плечами доктор Свег.— Но наши доказательства...

— ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему небольшой блестящий предмет. Бринн почтительно уставился на него.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее миллиарды.

— Это продукт нашей технологии,— сказал Главный программист,— как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и совершенствования сегодняшней научной мысли и технологии.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ получения пресной воды из морской! — Он уставился на обоих собеседников.— Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие

изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать...— Бринн крепко задумался.— Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! — Бринн все больше сердился.— Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс в моей жизни! Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное,— поправил его Джеймс.— Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн,— сказал Свег,— вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно,— хмуро отозвался Бринн.— Но вы говорили, что у вас там еще и другие группы. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире?

— Не остановили, нет!

— Почем вы знаете!

— Я не хотел говорить тем группам,— сказал Главный программист,— но их надежды на успех так же призрачны, как и мои,— они близки к нулю!

— Черт! — выругался Бринн.— Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете на это право?

— А что, если отложить свидание до завтра? — предложил доктор Свег.— Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете,— может быть, и всю жизнь,— чтоб он вам назначил другое.— Бринн поднялся.— Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать пока не могу! Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право! — сказал Главный программист Джеймс.— До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное

решение.— Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как? — спросил Свег.— Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии маловероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо,— отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, уверенно покоящихся у своих причалов, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ... которому он верил.

Ну, а как же его долг и все эти годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А возможности, которые сулит сделка, если Бакстер пойдет на нее?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант «Тезей»...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И, чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

«К черту Бакстера!» — говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами. Пусть будущее позаботится само о себе!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не думать. Самое простое — действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер ждет вас. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн не сдвинулся с места, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать у него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр! — напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал,— сказал он каким-то, словно чужим, голосом.— Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы не передумать, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале все уже собрались вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливым, некрасивым лицом.

— Ваши доклады! — сказал он.

Аауи, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше,— добавил он в заключение.

— Это еще как сказать,— отозвался Битти, пострадавший больше Аауи.

Лан Ил обстоятельно доложил о полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое. В заключение Лан Ил посетовал на возмутительно ненадежные расписания судоходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места:

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Северной и Южной Америки. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— И вы до сих пор ничего не рассказали,— попеняла ему с места мисс Чандрагор.— Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами. Серьезно поразмыслив, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах.

Затрещал зуммер внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэссиди?

— Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите дословно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэссиди!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

— Повернулся и побежал вниз.

— Побежал?

— Да, мистер Бакстер. Он не стал даже дожидаться лифта.

— Понимаю.

— Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?

— Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стало быть, Бринн уже знает!

Это единственно возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясниться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошла новость? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, когда все обнаружилось бы, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня-завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу?..

Что ж, у него уже много лет назад созрело решение на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время и умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевой крах 1959 года.

Чумной район

Неопытные путешественники стараются материализоваться в каком-нибудь укромном месте, в уединении. Они возникают на помойках, в складских помещениях, в телефонных будках, отчаянно надеясь, что переход выполнен гладко. И всегда подобное поведение только привлекает к ним внимание — то, чего они хотели избежать. Но для такого опытного путешественника, как я, переход — пустяк. Место моего назначения —

Нью-Йорк в августе 1988 года. Я выбрал вечерний час пик и материализовался в гуще толпы на Таймс-сквер.

Конечно, для этого требуется определенная сноровка, нельзя же просто *появиться*. Надо сразу начать двигаться: голова слегка наклонена, плечи чуть сгорблены, в глазах бессмысленное выражение. Тогда никто тебя не заметит.

Я провел всю операцию превосходно и, держа в руке чемоданчик, поспешил в центр. Там, возле пруда у вашингтонской арки, поставил чемоданчик на землю и воздел руки к небу. На меня оглянулись несколько человек.

— Подходите, друзья! — воскликнул я.— Подходите скорей! Не упускайте возможности. Не надо смущаться и робеть, подходите ближе и слушайте добрые вести.

Вокруг меня собралась маленькая толпа.

— Эй, что вы продаете? — обратился ко мне молодой парень.

Я улыбнулся ему, но не ответил. Мне нужна большая аудитория.

— Подождите же, друзья, подходите и внемлите. Это то, чего вы ждали, прекрасная возможность, последний шанс!

Вскоре собралось человек тридцать, и я решил, что для начала достаточно.

— Славные жители Нью-Йорка! — воззвал я.— Я хочу поговорить о загадочном заболевании, неожиданно вошедшем в ваши жизни, об эпидемии, попросту называемой Синей Чумой. Сейчас вы уже знаете, что спасения от этого безжалостного убийцы нет. Конечно, врачи продолжают уверять вас, что ведутся исследования, что скоро, дескать, будет найден ключ и определена радикальная терапия. Но на самом деле у них нет ни сыворотки, ни антител — ничего. Да и откуда? Ученые не в состоянии даже выявить причины заболевания! Пока они наработали лишь пустые и противоречивые теории. Из-за жуткой активности и быстроты возбудителя, чрезвычайной заразности и неизвестных последствий мора можно ожидать, что врачи не успеют найти вовремя лекарство для вас, страдающих. Вся история несчастного человечества ясно показывает: несмотря на попытки контроля и лечения, эпидемии свирепствуют до тех пор, пока не исчерпают себя.

Кто-то в толпе засмеялся; многие улыбались. Я объяснил это для себя истерией и продолжал:

— Что же делать? Останетесь ли вы пассивными жертвами чумы, обманутыми напускным спокойствием правителей? Или осмелитесь использовать что-то новое, не отмеченное штампом согласия дискредитировавших себя политико-медицинских властей?

К тому времени толпа разрослась человек до пятидесяти. Я быстро закончил свою речь:

— Врачи не могут защитить вас от Синей Чумы, нет, друзья мои. Но я могу!

Не теряя ни секунды, я раскрыл чемоданчик и зачерпнул пригоршню больших белых таблеток.

— Вот лекарство, которое усмирит Синюю Чуму! Нет времени объяснять, откуда оно у меня и как действует, не буду я нести и научную тарабарщину. Вместо этого я представлю конкретные доказательства.— Толпа притихла и замолкла в напряженном внимании.— Приведите мне заболевшего! — вскричал я.— Приведите десять. И если в них еще теплится жизнь, они встанут на ноги! Ведите их ко мне, друзья! Я вылечу любого — мужчину, женщину или ребенка — страдающего от Синей Чумы!

Секунду еще продолжалось молчание; затем толпа взорвалась смехом и аплодисментами. Я пораженно услышал реплики, доносящиеся со всех сторон.

— Студенты веселятся...

— Для хиппи он староват...

— Спорю, это пойдет по телевидению...

— Эй, мистер, что вы затеяли?

Я был слишком потрясен, чтобы пытаться ответить. Я просто стоял у своего чемоданчика, зажав в руке таблетки. Толпа постепенно рассеялась, осталась одна девушка.

— Так что это все значит? — спросила она.— Реклама? Вы собираетесь открыть ресторан или магазинчик? Расскажите мне. Может, я помогу вам с оформлением документов.

Хорошенькая девушка, лет двадцати, стройная, темноволосая и кареглазая. Ее трогательная самоуверенность вызвала у меня жалость.

— Это не шутка. Если вы не будете остерегаться чумы...

— Какой чумы? — изумилась она.

— Синей чумы. Чумы, которая свирепствует в Нью-Йорке.

— Послушайте, приятель, никакой чумы в Нью-Йорке нет — ни синей, ни желтой, ни черной, никакой другой. Ну признайтесь, что вы задумали?

— Нет чумы? — переспросил я.— Вы уверены?

— Совершенно.

— Наверное, держат в тайне...— пробормотал я.— Хотя это невозможно... От пяти до десяти тысяч смертей ежедневно трудно скрыть от газет. Сейчас август 1988 года?

— Да. Эй, что вы побледнели? Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно,— ответил я, что не соответствовало истине.

— Вам, пожалуй, лучше присесть.

Она подвела меня к садовой скамейке. Неожиданно мне пришло в голову, что я ошибся годом. Может быть, компания имела в виду 1990-й или 1998-й. Если так, то меня могут лишить торговой лицензии на продажу лекарств в незараженном регионе.

Я вытащил бумажник и достал тоненькую брошюру, озаглавленную: «Чумной район». Брошюра содержала даты всех великих эпидемий, их типы, количество погибших и другие важные сведения. С огромным облегчением я убедился, что нахожусь в нужном месте и в нужное время.

— «Чумной район»? — удивилась девушка, заглянув через мое плечо.— Что это такое?

Мне следовало скрыться. Мне следовало даже вообще дематериализоваться. Компания давала на этот счет строжайшие указания. Но мне теперь было все равно. Я внезапно захотел побеседовать с этой очаровательной девушкой в старинной одежде, сидевшей на солнышке рядом со мной в обреченном городе.

— «Чумной район» — это список дат и мест, где разражались или еще будут свирепствовать основные эпидемии. Такие, как Великая Чума в Константинополе в 1346 году или лондонская чума 1664 года.

— Неужто вы там были?

— Да. Меня послала компания «Медицинская помощь во времени».

— Значит, вы из будущего?

— Да.

— Вот чудесно! — воскликнула она.— Только вы ошиблись. У нас нет чумы.

— Что-то не так,— пробормотал я.— И как нарочно задерживается мой помощник-разведчик.

— Вероятно, затерялся во временном потоке...

Она любовалась собой; мне же все происходящее казалось отвратительным. Девушка, если только она не из единиц счастливцев, чуму не переживет. С другой стороны, разговор с ней меня увлекал. Я никогда не беседовал с жертвой эпидемии.

— Что ж,— произнесла она,— приятно было познакомиться. Боюсь, однако, что вашему рассказу никто не поверит.

— Жаль.— Я достал из кармана горсть таблеток.— Пожалуйста, возьмите.

— О...

— Серьезно. Для вас и вашей семьи. Сохраните их, пожалуйста. Они вам пригодятся, вот увидите.

— Ну хорошо, очень вам благодарна. Счастливого путешествия во времени.

Я смотрел ей вслед. Мне показалось, что, завернув за угол, она выбросила таблетки. Впрочем, не уверен.

Я сидел на садовой скамейке и ждал.

Джордж появился после полуночи. Я гневно набросился на него:

— Что произошло? Я чуть не опростоволосился! Тут нет никакой чумы!

— Успокойся,— сказал Джордж.— Я должен был прибыть сюда неделю назад, но компания получила правительственную директиву отложить операцию на год. Затем распоряжение отменили, и все пошло по плану.

— Почему меня никто не предупредил?

— Тебя собирались уведомить. Но в суматохе... Мне очень жаль, поверь. Теперь можно начинать.

— А стоит ли?

— Что «стоит»?

— Сам знаешь.

Он пристально посмотрел на меня.

— Что с тобой случилось? В Лондоне ты был не таким.

— Но то был 1664-й год, а это 1988-й. Он ближе к нашему времени. И люди выглядят более... человечными.

— Надеюсь, ты ни с кем здесь не братался,— заметил Джордж.

— Конечно нет!

Джордж вздохнул.

— Я знаю, наша работа может стать эмоционально неприятной. Но надо же трезво смотреть на вещи. Бюро Населения предоставило им богатый выбор. Оно дало им водородную бомбу.

— Да.

— Но они не испытали ее друг на друге. Бюро дало им все средства для ведения масштабной бактериологической войны, но и их они не использовали.

Наконец, Бюро предоставило необходимую информацию, чтобы сознательно сократить рост населения. Но они и этого не сделали. Они продолжали просто бездумно размножаться, вытесняя остальные виды и друг друга, пачкая и отравляя Землю.

Я знал все это и, слушая, постепенно приходил в себя.

— Ничто не может расти безгранично,— продолжал Джордж.— Все живое должно находиться под контролем. У большинства видов такое выравнивание происходит естественным путем. Но люди вышли из-под власти природы. Они должны сами выполнять эту работу.— Джордж вдруг по-

бледнел и еле слышно добавил: — Только люди никогда не видят необходимости прореживать свои ряды. Никак не могут научиться... Вот почему необходимы наши чумы.

— Ну хорошо,— сказал я.— Давай.

— Около двадцати процентов выживет,— произнес Джордж, словно уговаривая себя.

Он вынул из кармана плоскую серебряную флягу. Отвинтил колпачок. Опрокинул флягу над канализационным люком.

— Вот и все. Через неделю начинай продавать свои таблетки. После этого планом предусмотрены остановки в Лондоне, Париже, Риме, Стамбуле, Бомбее...

Я кивнул. Наша работа необходима. Но иногда так трудно быть садовником людей.

Раздвоение личности

Эверетт Бартолд застраховал свою жизнь. Но сперва он поднатаскался в страховом деле, уделив особое внимание разделам: «Нарушение договорных обязательств», «Умышленное искажение фактов», «Мошенничество во времени» и «Выплата страховых премий».

Прежде чем оформлять полис, Бартолд посоветовался с женой. У Мэвис Бартолд — худощавой, красивой, нервной женщины — повадки были вкрадчивые, кошачьи.

— Ничего не выйдет,— тотчас же заявила она.

— Дело верное,— возразил Бартолд.

— Тебя упрячут под замок, а ключ забросят подальше.

— Никогда в жизни. Все будет разыграно как по нотам, лишь бы ты не подвела.

— Меня привлекут как соучастницу,— сообразила жена.— Нет уж, уволь.

— Дорогая, насколько мне помнится, тебе давно нужно манто из натурального мексиканского эскарта.

Глаза Мэвис блеснули, супруг нащупал уязвимое место.

— И мне пришло в голову,— без нажима продолжал Бартолд,— что ты бы получила удовольствие от гардероба «Летти Дет», ожерелья из руумов, виллы на Венерианской Ривьере и...

— Хватит, дорогой!

Миссис Бартолд давно подозревала, что в этом тщедушном теле бьется отважное сердце. Бартолд был приземист, начи-

нал лысеть, отнюдь не поражал красотой, глаза его кротко смотрели из-под роговых очков. Однако душе его впору было обитать в мускулистом теле какого-нибудь пирата.

Бартолд занялся последними приготовлениями. Он пошел в лавочку, где рекламировались одни товары, а продавались другие. Он оставил там несколько тысяч долларов и ушел, крепко сжимая в руке коричневый чемоданчик.

Бартолд сдал чемоданчик в камеру хранения, собрался с духом и предстал перед служащими корпорации «Межвременная Страховка».

Целый день его выстукивали и выслушивали врачи. Он заполнил кучу бланков, и, наконец, его привели в кабинет окружного директора мистера Гринза.

Гринз оказался рослым приветливым человеком. Он быстро прочел заявление Бартолда и кивнул.

— Отлично, отлично,— сказал он.— Все как будто в порядке.

— Кажется, да,— ответил Бартолд, несколько месяцев подряд изучавший стандартный бланк фирмы.

— Выписываем полис на страхование жизни,— пояснил мистер Гринз.— Длительность жизни измеряется исключительно в единицах субъективного физиологического времени. Полис служит гарантией на протяжении 1000 лет по обе стороны Настоящего. Но не дальше.

— Мне и в голову не пришло бы забраться дальше,— вставил Бартолд.

— И в полисе имеется известная статья о раздвоении личности. Понятны ли вам ее условия и смысл?

— Пожалуй,— ответил Бартолд, затвердивший эту статью слово в слово.

— Значит, все в порядке. Распишитесь вот здесь. И здесь. Спасибо, сэр.

Бартолд вернулся на службу — он заведовал сбытом в компании «Алпро Мэньюфэкчеринг» (игрушки для детей любого возраста) — и тут же во всеуслышание заявил, что намерен незамедлительно заняться сбытом в Прошлом.

— Слабовато у нас с реализацией во времени,— сказал он.— Поеду-ка я сам в Прошлое, лично налажу там сбыт.

— Чудесно! — вскричал директор компании «Алпро», мистер Карлайл.— Я уже давненько об этом подумываю, Эверетт.

— Знаю, что подумываете, мистер Карлайл. Ну а я, сэр, принял решение совсем недавно. «Поезжай-ка сам,— сказал я себе,— да погляди, что там происходит». Я все приготовил и готов ехать хоть сейчас.

Мистер Карлайл похлопал его по плечу.

— Вы лучший заведующий сбытом из всех, кто служил когда-либо в «Алпро», Эверетт. Очень рад, что вы приняли такое решение. Да, между прочим,— мистер Карлайл лукаво усмехнулся.— Есть у меня адресок в Канзас-сити 1895 года, может быть, он вас заинтересует. Нынче таких уже не повстречаешь. А в Сан-Франциско 1850 года я знаю одну...

— Нет, спасибо, сэр.

— Чисто по-деловому, а, Эверетт?

— Да, сэр,— ответил Бартолд с добродетельной улыбкой.— Чисто по-деловому.

Вертолетом Бартолд добрался до центрального выставочного зала фирмы «Темпорал Моторс» и приобрел флипер класса «А».

— Вы не пожалеете, сэр,— говорил продавец, снимая ярлык с поблескивающей машины.— Мощная штучка! Двойной импеллер, регулируемая прицельная высадка в любом году. Никакой опасности стазиса.

— Прекрасно,— сказал Бартолд.— Значит, можно садиться.

— Конечно, сэр. Темпорометр стоит на нуле, он будет регистрировать ваши маршруты во времени. Вот список запретных временных зон. Проникновение в запретную зону карается по всей строгости федерального закона. На темпорометре будет зафиксировано даже самое кратковременное пребывание в запретной зоне.

Бартолд забеспокоился. Продавец, конечно, ничего не подозревает. Но с какой стати он все время разглагольствует о запретах и нарушениях?

— По инструкции, я должен разъяснить вам закон,— жизнерадостно продолжал продавец.— А еще, сэр, предельная дальность путешествия во времени — тысяча лет. Путешествия на большее расстояние дозволяются лишь с письменного разрешения Государственного Департамента.

Бартолд принужденно улыбнулся, пожал продавцу руку, сел в машину и нажал кнопку «старт».

Его окутало серое небытие. Бартолд думал о мелькающих мимо годах — бесформенных и бесконечных, о серых мирах, о серой Вселенной...

Однако философствовать было некогда. Бартолд открыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда стопку бумажных листов с машинописным текстом. Бумаги, составленные неким агентством частного сыска времени, содержали всеобщую историю рода Бартолдов вплоть до родоначальника.

Бартолду нужен был Бартолд. Но не всякий. Нужен был мужчина лет 38, холостой, не поддерживающий связи с род-

ней, не имеющий ни близких друзей, ни ответственной работы. А самое лучшее — вовсе никакой работы.

Нужен был такой Бартолд, которого никто бы не хватился и не стал бы разыскивать, если бы он вдруг исчез.

В роду Бартолдов почти все мужчины в возрасте 38 лет были женаты. Некоторые не дожили до этих лет. У тех немногих, что остались живыми и холостыми, были добрые друзья и любящие родственники.

Оставшиеся после отбора кандидатуры можно было пересчитать по пальцам. Бартолд ехал проверить эти кандидатуры в надежде отыскать подходящую...

Серая мгла расступилась. Бартолд увидел булыжную мостовую. Мимо прогромыхал чудной автомобиль на неимоверно высоких колесах; за рулем сидел человек в соломенной шляпе.

Бартолд высадился в Нью-Йорке 1912 года.

Первым в списке значился Джек Бартолд, прозванный друзьями «Джеки-Бык» — бродячий печатник с рыскающими глазами и зудом в ногах. В 1902 году Джек бросил жену с тремя детьми и вернуться к семье не собирался. Бартолд смело мог считать его холостым. Он кочевал из типографии в типографию, нигде не задерживаясь подолгу. Теперь, в 38 лет, он работал где-то в Нью-Йорке.

Бартолд начал с района Бэттери. В одиннадцатой по счету типографии на Уотер-стрит он разыскал нужного человека.

— Вам Джека Бартолда? — переспросил старенький метранпаж.— Конечно, он в цехе. Эй, Джек! К тебе приятель!

У Бартолда зачастил пульс. Из темных закоулков типографии к нему направился человек. Он хмуро подошел вплотную.

— Я Джек Бартолд,— сказал он.— Тебе чего?

Бартолд поглядел на родича и грустно покачал головой. Этот Бартолд явно непригоден.

— Ничего,— ответил он.— Ровным счетом ничего.

Он круто повернулся и ушел из типографии.

Джеки-Бык, который при росте пять футов восемь дюймов весил двести девяносто фунтов, почесал в затылке.

— Какого дьявола, что это значит? — спросил он.

Эверетт Бартолд вернулся в машину и задал ей новый маршрут. «Очень жаль,— подытожил он мысленно,— но разжиревший Бартолд не вписывается в мои планы».

Следующая остановка была сделана в Мемфисе 1869 года. Одетый в подобающий костюм, Бартолд отправился в отель «Дикси Белл» и спросил у дежурного, как повидать Бена Бартолдера.

— Да как вам сказать, сэр,— ответил старик-дежурный,— ключ у меня, значит, его, стало быть, нет. Может, найдете его в салуне, тут на углу, в компании таких же никудышных людишек!

Бартолд проглотил оскорбление и двинулся в салун.

Вечер только начинался, но газовый свет уже пылал вовсю. Кто-то бренчал на банджо, у бара за стойкой красного дерева не было ни одного свободного места.

Бартолд сразу узнал того, кого искал. Бена Бартолдера он ни с кем не мог бы спутать.

Тот был точной копией Эверетта Бартолда.

А за этой-то жизненно важной особенностью и охотился Бартолд.

— Мистер Бартолдер,— сказал он,— нельзя ли нам перекинуться словечком с глазу на глаз?

— Почему бы нет? — ответил Бен Бартолдер.

Бартолд отвел его к свободному столику. Родственник уселся напротив и устремил на Бартолда внимательный взгляд.

— Сэр,— сказал Бен,— между нами имеется поразительное сходство.

— Воистину,— согласился Бартолд.— Это одна из причин моего появления.

— Есть и другие?

— Сейчас к ним перейдем. Не хотите ли выпить?

Бартолд заказал спиртного и подметил, что Бен держит правую руку под столом, на коленях. Бартолд заподозрил, что рука сжимает пистолет. Время такое, что северянам приходится быть начеку.

Когда подали выпивку, Бартолд сказал:

— Будем говорить без обиняков. Вас не привлекает крупное состояние?

— Кого оно не привлекает?

— Даже если ради него надо совершить долгий и трудный путь?

— Я приехал сюда из Чикаго,— сказал Бен,— и могу прокатиться еще дальше.

— А если дойдет до того, чтобы нарушить кое-какие законы?

— Вы убедитесь, сэр, что Бен Бартолдер готов на все, была бы ему выгода.

— Есть где-нибудь место, где нам наверняка не помешают?

— Мой номер в отеле.

— Так пойдемте.

Собеседники встали. Бартолд посмотрел на правую руку Бена и ахнул.

У Бенджамина Бартолдера не было кисти правой руки.

— Потерял под Виксбургом,— объяснил Бен, перехватив потрясенный взгляд Бартолда.— Но ничего. С любым готов драться, один на один одолею его левой рукой и обрубком правой.

— Ничуть не сомневаюсь,— растерянно откликнулся Бартолд.— Восхищен вашим мужеством, сэр. Подождите меня здесь. Я... я сейчас вернусь.

Бартолд стремительно проскочил сквозь входной турникет салуна и сразу бросился к флиперу.

Калека не вписывался в его планы.

Бартолд перенесся в Пруссию 1676 года. Располагая привитым под гипнозом знанием немецкого языка и одеждой соответствующего фасона, он бродил по пустынным улицам Кенигсберга в поисках Ганса Берталера.

Стоял полдень, но улицы были диковинно, до жути безлюдны. Бартолд все шел да шел, и в конце концов повстречался с монахом.

— Берталер? — призадумался монах.— А-а, вы о старике Отто-портном! Он теперь живет в Равенсбрюке, добрый господин.

— Это, наверное, отец,— возразил Бартолд.— А я ищу сына, Ганса Берталера.

— Ганса... Конечно! — Монах энергично закивал, потом метнул на Бартолда ехидный взгляд.— А вы уверены, что вам нужен именно он?

— Совершенно уверен,— сказал Бартолд.

— Вы найдете его у собора,— ответил монах.— Пойдемте, я и сам туда направляюсь.

Бартолд последовал за монахом. Берталер был наемным солдатом, воевал по всей Европе. Таких у собора не найдешь... Разве что, подумал Бартолд, сгоряча ударился в религию...

— Вот и пришли, господин,— сказал монах, останавливаясь перед благородным, устремленным ввысь зданием.— А вот и Ганс Берталер.

Бартолд увидел на ступенях собора человека в лохмотьях. Рядом лежала бесформенная шляпа, а в шляпе — два медяка и хлебная корка.

— Нищий,— брезгливо пробормотал Бартолд.— Но все же, не исключено...

Он пригляделся внимательнее и заметил пустые, бессмысленные глаза, отвисшую челюсть, подергивающиеся губы.

— Душераздирающее зрелище,— сказал монах.— В битве со шведами Ганса Берталера ранило в голову, и с тех пор он так и не пришел в себя.

Бартолд кивнул, оглянулся на пустынную соборную площадь, на безлюдные улицы.

— А где все? — спросил он.

— Да неужто вы не знаете, господин? Все бежали из Кенигсберга, кроме него да меня. Ведь здесь Великая Чума!

Бартолд в ужасе отшатнулся и побежал по пустынным улицам назад, к флиперу, антибиотикам и любому другому году.

Предчувствуя неотвратимый крах, промчался Бартолд сквозь годы в Лондон конца XVI века. И в таверне «Медвежонок», что близ Грейт-Хергфорд Кросса, осведомился о некоем Томасе Баргале.

— Это зачем же вам понадобился Бартал? — спросил трактирщик на таком варварском наречии, что Бартолд с трудом понял смысл вопроса.

— У меня к нему дело,— ответил Бартолд на гипноусвоенном староанглийском языке.

— Быть того не может! — трактирщик смерил взглядом Бартолда, оценил кружевную пену брыжжей.— Да неужели вы не шутите?

Посетители обступили Бартолда, не выпуская из рук оловянных кружек, и на фоне лохмотьев он разглядел блеск смертоносного металла.

— Фискал, а?

— Какого шута здесь делать фискалу?

— Может, слабоумный?

— Безусловно, иначе не пришел бы сюда один.

— И просит, чтобы мы выдали ему беднягу Тома!

Трактирщик с ухмылкой наблюдал за тем, как толпа оборванцев надвигается на Бартолда, как оловянные кружки вот-вот будут пущены в ход вместо палиц. Бартолда прижали к стене.

— Я не фискал! — воскликнул он.

— Бабушке своей расскажи!

Тяжелая кружка грохнулась о дубовую панель у него над головой.

Бартолда осенило: он сдернул с головы шляпу, разукрашенную перьями.

— Посмотрите на меня!

Оборванцы уставились на него во все глаза.

— Ну вылитый Том Баргал! — охнул кто-то.

— Но Том ведь даже не заикался, что у него есть брат! — заметил другой.

— Мы близнецы,— поспешно разъяснил Бартолд.— Нас разлучили, едва мы появились на свет. Лишь месяц назад я узнал,

что у меня есть брат-близнец. И вот я здесь, чтобы познакомиться с ним.

Для Англии XVI века история была вполне правдоподобная, да и сходства не приходилось отрицать. Бартолда усадили за стол и поставили перед ним кружку с элем.

— Ты опоздал, парень,— сказал ему дряхлый одноглазый нищий.— Отменно он работал, лихой был гарцовщик...

Бартолд вспомнил, что так в старину называли конокрадов.

— ...но его схватили в Эйлсбери, и пытали его, и судили вместе с пиратами, и, что еще хуже, признали виновным.

— Какой же у него приговор? — спросил Бартолд.

— Суровый,— сказал коренастый вор.— Сегодня его повесят на Рынке Строптивых.

На мгновение Бартолд замер. Потом спросил:

— А брат действительно похож на меня?

— Как две капли воды! — вскричал трактирщик.— Удивления достойно, прямо глазам не верится. Тот же лик, тот же рост, тот же вес — все одинаковое!

Остальные закивали в знак согласия. И Бартолд, столь близкий к цели, решил идти ва-банк. Во что бы то ни стало ему нужен был Том Бартал!

— Слушайте меня внимательно, друзья,— сказал он.— Вы ведь не очень-то любите фискалов и законы Лондона, правда? А я во Франции слыву богачом, большим богачом. Хотите отправиться туда вместе со мной и жить, как бароны? Тише, тише,— я не сомневаюсь, что хотите. Что ж, это можно, друзья. Но надо взять и моего брата.

— Это как же? — удивился плечистый лудильщик.— Его же сегодня повесят!

— Разве вы не мужчины? — сказал Бартолд.— Разве вы не вооружены? Разве не пойдете на риск ради богатства и привольной жизни?

...На Рынке Строптивых собралась сравнительно небольшая кучка зевак, ибо казнь была мелкая и незначительная. Но все же хоть какое-то развлечение, и люди азартно улюлюкали, когда повозка с приговоренным прогромыхала по булыжной мостовой и остановилась у подножья виселицы.

Палач уже взошел на помост, уже окинул толпу взглядом сквозь прорези в черной маске, и теперь проверял прочность веревки. Два констебля провели Тома Баргала вверх по ступенькам, подвели к палачу, протянули руки к веревке...

Бартолд, разинув рот, смотрел на осужденного. Баргал был похож на Бартолда точь-в-точь, если не считать одной мелочи.

Щеки и лоб у Баргала были изрыты оспинами.

— Самое время нападать,— сказал трактирщик.— Вы готовы, сэр? Сэр! Эй!

Он обернулся через плечо и увидел, что шляпа с перьями скрывается из виду в переулке.

В глубокой меланхолии возвращался Эверетт Бартолд к флиперу. Рябой никак не вписался бы в его планы.

Все понапрасну — ни одного пригодного Бартолда. Теперь он приближался к тысячелетнему барьеру.

Дальше забираться нельзя... Во всяком случае, по закону.

Но не может он вернуться с пустыми руками, да и не желает.

Есть же где-то во времени какой-нибудь Бартолд, пригодный для дела!

Он раскрыл коричневый чемоданчик и вынул оттуда маленький тяжелый аппарат. Там, в Настоящем времени, Бартолд выложил за него несколько тысяч долларов.

Он старательно наладил аппарат и подключил к темпорометру.

Теперь Бартолд волен странствовать во времени, где заблагорассудится — хоть среди неандертальцев. Темпорометр этого не отметит.

На какой-то миг Бартолду захотелось отказаться от своей затеи, вернуться к безопасности, к жене, к работе. Уж очень это страшно — ринуться через грань тысячелетия...

Он прибыл в Англию 662 года, к окрестностям древней крепости Мейден-Касл. Флипер он спрятал в лесной чаще, а сам в простом одеянии из грубого холста направился к крепости.

Он обогнал двоих голых по пояс путников, что-то распевающих по-латыни. Тот, что шел сзади, хлестал переднего кожаной плетью. А потом они поменялись местами, даже не сбившись с ритма ударов.

— Прошу прощения, сэры...

Но путники даже не удостоили его взглядом.

Бартолд зашагал дальше, утерев пот со лба. Немного погодя он поравнялся с человеком в накидке, с арфой на одном боку и мечом на другом.

— Сэр,— обратился к нему Бартолд,— не знаете ли, где мне разыскать родича, на днях прибывшего сюда? Звать его Коннор Лох мак Байртр.

— Знаю,— ответил незнакомец.

— Где? — спросил Бартолд.

— Перед тобой,— ответил незнакомец. Он мгновенно отступил на шаг, сбросил арфу на траву и выхватил меч из ножен.

Бартолд смотрел на Байртра как зачарованный. Под длинными волосами он увидел точную и несомненную копию собственной физиономии.

Наконец-то кандидатура найдена!

Однако кандидатура явно не намеревалась вступать в сотрудничество. Медленно наступая с мечом наголо, Байртр приказал:

— Сгинь, демон, иначе разрублю на куски!

— Я не демон! — обиделся Бартолд.— Я твой родич!

— Лжешь,— непреклонно заявил Байртр.— Я долго странствовал по свету, это верно, и давненько не был дома. Однако я наперечет помню всех членов семьи. Ты не из них. Значит, ты демон, а обличье мое принял в колдовских целях.

— Погоди! — взмолился Бартолд.— Ты никогда не задумывался о будущем?

— О будущем?

— Да, о будущем!

— Слыхал я о том чудном времени, хоть сам и живу только сегодняшним днем,— проговорил Байртр и медленно опустил меч.— Знавал я одного чужеземца, трезвый он называл себя корнуэльцем, а пьяный — фоторепортером из «Лайфа». Ходит, бывало, повсюду, щелкает какой-то игрушкой да что-то себе под нос бормочет. Накачаешь его медом — он и расскажет тебе про облик грядущего.

— Вот и я оттуда,— сказал Бартолд.— Я твой дальний родич из будущего. А прибыл я для того, чтобы предложить тебе несметное богатство!

Байртр проворно сунул меч в ножны.

— Это весьма любезно с твоей стороны, родич,— сказал он вежливо.

— Иди со мной,— распорядился Бартолд и повел его к флиперу.

В коричневом чемоданчике лежало все необходимое. Бартолд лишил Байртра сознания с помощью микрошприца. Затем, приставив ко лбу Байртра электроды, гипнотически привил ему краткий курс всемирной истории, достаточное знание английского языка и некоторые представления об американских обычаях.

Гипнообучение длилось почти двое суток. Тем временем Бартолд специальным аппаратом пересадил кожу со своих пальцев на пальцы Байртра. Теперь отпечатки у обоих стали идентичны.

Затем, то и дело сверяясь со списком, Бартолд наделил Байртра кое-какими недостающими особыми приметами и избавил его от кое-каких излишних. Процесс электролиза скомпенсировал то обстоятельство, что Бартолд начинал лысеть, а его родич — нет.

Когда все было закончено, Байртр застонал, схватился за свою гипнофаршированную голову и сказал на современном английском языке:

— Ну и ну! Чем это ты меня оглушил?

— Не тревожься,— ответил Бартолд.— Займемся-ка делом.

Он вкратце изложил свой план обогащения за счет корпорации «Межвременная Страховка».

— А там и вправду заплатят? — спросил Байртр.

— Заплатят, если не смогут оспорить претензию.

— И такие огромные деньги?

— Да. Я проверял заранее. Страховая премия за раздвоение личности фантастически высока.

— Этого я по-прежнему не понимаю,— сказал Байртр.— Что такое раздвоение личности?

— Так бывает,— объяснил Бартолд,— если путешественник в Прошлое пересек зеркальную трещину в фактуре времени. Это случается чрезвычайно редко. Но уж когда случается... В Прошлое, сам понимаешь, отправлялся один, а вернулись два абсолютно одинаковых человека. Каждый считает, что он-то и есть подлинный, первоначальный, что только ему принадлежит право на собственность, службу, жену и так далее. Кто-то один должен отречься от всех прав и отправиться жить в Прошлое. Другой остается в родном времени, но живет в вечном страхе, с вечной тревогой и чувством вины.

— Гм,— Байртр задумался.— И часто оно случалось, это самое раздвоение?

— За всю историю путешествий во времени — раз десять, не больше. Есть меры предосторожности: принято держаться подальше от Узлов Парадокса и соблюдать тысячелетнее ограничение.

— Ты заехал дальше, чем на тысячу лет,— вставил Байртр.

— Я пошел на риск и выиграл.

— С такими деньгами я мог бы стать бароном,— мечтательно проговорил Байртр.— А в Ирландии, пожалуй, даже королем! Я к тебе присоединяюсь.

— Прекрасно. Распишись вот здесь.

— А что это? — спросил Байртр, хмуро поглядев на казенного вида бумагу, подсунутую Бартолдом.

— Всего-навсего обязательство: получив с «Межвременной Страховки» должную компенсацию, ты тотчас же вернешься в Прошлое, в любую эпоху по собственному усмотрению, и откажешься от всех и всяческих прав на Настоящее. Подпишись «Эверетт Бартолд». Дату я проставлю попозже.

— Ты все предусмотрел, а? — вздохнул Байртр.

— Старался уберечь себя от досадных неожиданностей. Мы отправляемся на мою родину, в мою эпоху, и я намерен там и остаться. Пошли. Тебе надо постричься и вообще привести себя в порядок.

Рука об руку двойники зашагали к флиперу.

Открыв дверь, Мэвис пронзительно вскрикнула, всплеснула руками и упала в обморок.

Позднее, когда мужья привели ее в чувство, она в какой-то степени овладела собой.

— Получилось, Эверетт! — сказала она.— Эверетт!

— Это я,— отозвался Эверетт.— Познакомься с моим родичем Коннором Лох мак Байртром.

— Невероятно! — вскричала миссис Бартолд.

— Значит, мы похожи? — спросил ее супруг.

— Неразличимо! Просто неразличимо!

— Отныне и присно,— повелел Бартолд,— считай нас обоих Эвереттом Бартолдом. За тобой будут следить сыщики и следователи страховой фирмы. Помни: твоим супругом может быть любой из нас или оба вместе. Обращайся с нами совершенно одинаково.

— Как хочешь, дорогой,— с напускной застенчивостью проворковала Мэвис.

— Разумеется, кроме того... то есть кроме как в сфере... сфере... черт возьми, Мэвис, неужели ты сама не разбираешься, кто из нас — я?

— Конечно, разбираюсь, милый,— проворковала Мэвис.— Жена везде узнает своего мужа.

С приходом двух Эвереттов Бартолдов в помещении «Межвременной Страховки» воцарились ужас, смятение, страх и бестолковая лихорадка телефонных звонков.

— Первый случай подобного рода за пятнадцать лет,— сообщил мистер Гринз.— О господи! Вы, конечно, согласны на детальный осмотр?

Их ощупывали и мяли врачи. Врачи обнаружили расхождения, каковые скрупулезно перечислили, обозначив их длинными латинскими терминами. Однако все эти расхождения не выходили из нормального диапазона отклонений, какие бывают у темпоральных двойников.

Инженерно-технические работники «Межвременной Страховки» выверили темпорометр, установленный на флипере. Они осмотрели приборы управления — на них были заданы эпохи: Настоящее, 1912, 1869, 1676 и 1595. На перфоленте был пробит и 662 год — год запретный,— но, как показывал темпоро-

метр, эта команда не была исполнена. Бартолд объяснил, что случайно задел не те кнопки, а потом счел за благо оставить все как есть.

Подозрительно, но не дает оснований отказать в выплате премии.

Мистер Гринз предложил компромиссное решение, которое оба Бартолда отвергли. Он предложил два других, которые постигла та же участь.

Последняя беседа состоялась в кабинете Гринза. Два Бартолда расселись по обе стороны письменного стола, и вид у них был такой, будто вся эта история им наскучила.

— Хоть убейте, не понимаю,— сказал Гринз.— Для эпох, по которым перемещались вы, сэр, и вы, сэр, вероятность попадания в зеркальную трещину составляет примерно одну миллионную!

— Видимо, эта одна миллионная себя и показала,— заметил Бартолд, а Байртр кивнул.

— Но как-то все кажется не... ну да ладно, чему быть, того не миновать. Вы уладили вопрос о своем дальнейшем сосуществовании?

Бартолд протянул Гринзу документ, подписанный Байртром еще в 662 году.

— Отбудет он, незамедлительно после получения компенсации.

— Вас это устраивает, сэр? — обратился Гринз к Байртру.

— Еще бы,— ответил Байртр.— Все равно, мне здесь не по нутру.

— То есть как это, сэр?

— Я хочу сказать,— заторопился Байртр,— мне всегда хотелось оторваться от общества, знаете, такая у меня затаенная мечта — жить в укромном месте, на природе, среди простых людей и так далее...

— Понятно,— с сомнением в голосе произнес мистер Гринз.— А вы разделяете эти чувства, сэр? — обратился он к Бартолду.

— Безусловно,— категорически заявил Бартолд.— У меня точно те же затаенные мечты. Но кто-то из нас вынужден остаться — из чувства долга, знаете ли,— так вот, остаться согласился я.

— Понятно,— повторил Гринз, хоть тоном он ясно показывал, что ему решительно ничего не понятно.— Гм. Хорошо. Вам сейчас выписывают чеки — вам, сэр, и вам, сэр. Можете получить завтра же с утра... Конечно, если до тех пор нам не представят доказательств вашей недобросовестности.

Бартолд схватил Байртра за руку и потащил к вертолету-автомату, причем сознательно не сел в первый же свободный.

Он нажал клавишу управления, потом посмотрел назад — нет ли погони. Потом обшарил кабину вертолета, проверяя, нет ли скрытой кинокамеры или звукозаписывающей аппаратуры. И лишь после этого заговорил с Байртром.

— Ты безнадежный кретин! Эта шуточка может обойтись нам в целое состояние! Гринз, несомненно, держит нас теперь под наблюдением. Если заметят хоть что-нибудь — что-нибудь опровергающее наши права на премию,— это будет значить Каторжный Планетоид.

— Нам надо держаться начеку,— здраво рассудил Байртр.

— Рад, что ты это понимаешь,— отозвался Бартолд.— Вечером поиграем в картишки, поболтаем, попьем кофе и вообще все проделаем так, будто мы оба — Бартолды. Утром я поеду за чеками.

— Годится,— согласился Байртр.— С удовольствием вернусь. Не понимаю, как ты тут терпишь вокруг себя сталь и камень. Нет уж, я — в Ирландию. Стану ирландским королем!

— Не загадывай, рано еще.

Бартолд отпер дверь, и они вошли в дом.

— Здравствуй, милый,— произнесла Мэвис, глядя в пространство между ними.

— Ты уверяла, что всегда узнаешь меня,— сухо прокомментировал Бартолд.

— Конечно, узнаю, дорогой! — Мэвис одарила его нежной улыбкой.— Просто мне не хотелось обижать бедного мистера Байртра. Тебе кто-то звонил, милый. И еще позвонят. Котик, я тут проглядывала рекламные объявления о мехе эскаргов. Полярный марсианский эскарг чуть дороже простого канального, но...

— Кто-то звонил? — перебил ее Бартолд.— Кто же?

— Не назвался. Зато он гораздо прочнее, и мех отличается радужным блеском, исключительно...

— Мэвис! Что ему было нужно?

— Что-то такое в связи с раздвоением личности,— ответила жена.— Но там ведь все улажено, не правда ли?

— Ничего не улажено, пока у меня на руках нет чека,— обозлился Бартолд.— А теперь повтори слово в слово, что он тебе сказал.

— Да сказал, что звонит насчет твоей так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка»...

— Так называемой? Прямо сказал «так называемой»?

— Слово в слово. Так называемой претензии к корпорации «Межвременная Страховка». Сказал, что непременно должен переговорить с тобой, и срочно, до наступления утра.

Бартолд почернел.

— И он сказал, что перезвонит попозже?

— Он сказал, что явится лично.

— Что такое? — всполошился Байртр.— Что это значит? Не иначе как страховой сыщик!

— Вот именно,— подхватил Бартолд.— По-видимому, он напал на какой-то след.

В дверь позвонили.

— Открывай, Бартолд! — прогремел чей-то голос.— Не пытайся увильнуть!

— Нельзя ли его умертвить? — осведомился Байртр.

— Слишком сложно! Идем! Через черный ход!

— Но зачем?

— Там стоит флипер. Бежим в Прошлое! Неужто не понимаешь? Будь у него в руках полновесные доказательства, он бы давно передал их корпорации. Значит, он только подозревает. Может быть, надеется расколоть нас своими вопросами. Если не попадаться ему на глаза до утра, то мы в безопасности!

— А как же я? — всхлипнула Мэвис.

— Заморочь ему голову,— отмахнулся от нее Бартолд и поволок Байртра через черный ход к флиперу.

Черт возьми! Инженеры и техники страховой компании изъяли из машины темпорометр.

Все пропало? Без темпорометра флипер недвижим. На какой-то миг Бартолд обезумел от страха, но тут же взял себя в руки и решил, что надо как-то выпутываться.

На приборах оставался фиксированный маршрут. Настоящее время и годы 1912, 1869, 1676, 1595 и 662. Поэтому даже без темпорометра во все эти эпохи можно попасть, управляя флипером вручную.

Бартолд быстро нажал кнопку «1912» и взялся за рычаги управления. До него донесся вопль жены. И крик незнакомца:

— Стой! Стой, тебе говорят! — кричал незнакомец.

И флипер ринулся в путь сквозь годы.

Бартолд с Байртром пошли в салун, заказали по кружке пива (десять центов за кружку) и налегли на бесплатную закуску.

— Чертов сыщик, и надо же ему было совать нос куда не просят,— пробормотал Бартолд.— Ну, теперь-то мы от него оторвались. Придется уплатить солидный штраф за вождение флипера без темпорометра. Но теперь это мне по карману.

— Для меня все это чересчур стремительно,— пожаловался Байртр. Он покачал головой и пожал плечами.— Я только хо-

тел спросить, каким образом бегство в Прошлое поможет нам получить завтра утром чеки в твоем Настоящем. Но теперь я и сам догадался.

— Конечно. Считается-то объективное время. Если скроемся в Прошлом часов на двенадцать, то прибудем в мою эпоху через двенадцать часов после отправления. Так исключается возможность накладки — прибытия в самый миг отправления или даже раньше. Обычные правила движения.

— А где мы сейчас?

— В Нью-Йорке 1912 года. Довольно занятная эпоха.

— Я хочу домой. А что это за люди в синем?

— Полисмены,— ответил Бартолд.— Они, по-видимому, кого-то разыскивают.

В салун вошли два усатых полисмена, а за ними следом — необычайно толстый человек в одежде, заляпанной типографской краской.

— Вот они! — взревел Джеки-Бык Бартолд.— Хватайте этих близнецов, начальники!

— В чем дело? — осведомился Эверетт Бартолд.

— Это ваш экипаж стоит на улице?

— Да, сэр, но...

— Все ясно. У меня ордер на арест вас обоих. Так и сказано «в сверкающем новом экипаже». И вознаграждение обещано, кругленькая сумма.

— Этот малый заявился прямехонько ко мне,— сказал Джеки-Бык.— Я ему говорю, дескать, рад буду помочь... а надо бы дать ему раза, интригану вшивому, сукину...

— Начальники,— всполошился Бартолд,— мы ни в чем не виноваты!

— В таком случае, вам нечего опасаться. А теперь следуйте за мной.

Бартолд увернулся от полисмена, огрел Джеки-Быка по физиономии и выскочил на улицу. Байртр отдавил каблуком ногу одному полисмену, другого стукнул под ложечку, отпихнул в сторону Джеки-Быка и устремился вслед за Бартолдом.

Они прыгнули во флипер, и Бартолд нажал кнопку «1869».

Флипер спрятали на извозчичьем дворе и пошли в близлежащий парк. Расстегнули рубашки и разлеглись на травке.

— Откуда сыщику известен наш маршрут? — спросил Байртр.

— Сыщик знает, что у нас нет темпорометра, поэтому нам доступны только эти годы.

— Значит, и здесь опасно,— заключил Байртр.— Возможно, он нас ищет.

— Возможно,— устало согласился Бартолд.— Но ведь он нас пока не нашел! Еще несколько часов — и мы в безопасности.

— Вы убеждены в этом, джентльмены? — раздался вкрадчивый голос.

Бартолд поднял голову и увидел Бена Бартолдера, а в левой, здоровой руке у него — маленький пистолет.

— Значит, и вам он предлагал вознаграждение! — воскликнул Бартолд.

— Еще как предлагал! И это, смею вас уверить, было весьма заманчивое предложение. Но меня оно не волнует.

— Не волнует? — переспросил Байртр.

— Ничуть. Меня волнует только один вопрос. Я бы хотел знать, кто из вас оставил меня с носом вчера вечером в салуне?

Бартолд и Байртр посмотрели друг на друга, потом на Бена Бартолдера.

— Никто не смеет безнаказанно оскорблять Бена Бартолдера. Пусть у меня всего одна рука, я потягаюсь с любым двуруким! Так вот, мне нужен тот, вчерашний. А другой пусть уйдет с миром.

Бартолд и Байртр встали. Бартолдер отошел назад, так, чтобы оба оставались под прицелом.

— Который из вас, джентльмены? Я не из терпеливых.

Он стоял перед ними, вызывающе покачиваясь на носках, злобный и ядовитый, как гремучая змея.

Бартолд в отчаянии только удивлялся, отчего Бен Бартолдер еще не выстрелил, отчего просто-напросто не уложил их обоих.

Но потом решил эту загадку и тотчас же разработал единственно возможный план действий.

— Эверетт,— окликнул он Байртра.

— Что, Эверетт? — отозвался тот.

— Сейчас мы повернемся к нему спиной и направимся к флиперу.

— А пистолет?

— Он не станет стрелять. Ты идешь?

— Иду,— процедил Байртр сквозь зубы.

— Стой! — заорал Бен Бартолдер.— Стой, стрелять буду!

— А вот не будешь! — огрызнулся Бартолд на ходу. Они успели выйти в переулок и приближались к цели.

— Не буду? Думаешь, побоюсь?

— Не в этом дело,— разъяснил Бартолд, подходя к флиперу.— Просто у тебя не такой характер, чтобы застрелить совершенно невинного человека. А ведь один из нас невиновен!

— Плевать! — взвыл Бартолдер.— Который из вас? Признайся, трус несчастный! Который? Вызываю на честный бой. Признайтесь, иначе обоих пристрелю на месте!

— А что скажут ребята? — парировал Бартолд.— Скажут, что у однорукого сдали нервишки, и он убил двух безоружных чужаков!

Они забрались в машину и захлопнули дверцу. Бартолдер спрятал пистолет в карман.

— Ладно же, мистер,— сказал Бен Бартолдер.— Ты был здесь дважды, и, сдается мне, не миновать тебе третьего раза. Я подожду. В следующий раз ты от меня никуда не денешься.

Он повернулся и зашагал прочь.

Надо было уносить ноги из Мемфиса. Но куда податься? Бартолд и думать не желал о Кенигсберге 1676 года и Черной Смерти. Лондон 1595 года кишел преступниками — дружками Тома Бартала, и каждый из них с восторгом перережет глотку Бартолду как предателю.

— Пропадать, так с музыкой,— решил Бартолд.— Поехали в Мэйден-Касл.

— А если он и туда заберется?

— Не заберется. Закон запрещает путешествия на расстояния свыше тысячи лет. А страховому сыщику и в голову не придет нарушить закон.

И вот наконец над зеленеющими полями взошло солнце, теплое и желтое.

— Он не появлялся,— сообщил Байртр.

Бартолд вздрогнул и проснулся.

— Чего?

— Протри глаза! Мы спасены. Ведь в твоем Настоящем уже утро? Значит, мы выиграли, и я буду королем Ирландии!

— Да, мы выиграли,— согласился Бартолд.— Черт!

— Что случилось?

— Сыщик! Гляди, вон он!

— Ничего я не вижу. Тебе не показалось?..

Бартолд ударил Байртра камнем по затылку.

Потом нащупал его пульс. Ирландец остался жив, но несколько часов проваляется без сознания. Когда он придет в себя, у него не будет ни спутника, ни королевства.

«Очень жаль»,— подумал Бартолд. Но при сложившихся обстоятельствах возвращаться вместе с Байртром рискованно. Проще одному зайти в «Межвременную» и взять чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда! А через полчасика зайти еще раз и взять другой чек, выписанный на имя Эверетта Бартолда.

И выгоднее!

Флипер остановился во дворе дома Бартолдов. Эверетт Бартолд быстро поднялся по ступенькам и забарабанил кулаками в дверь.

— Кто там? — отозвалась Мэвис.

— Это я! — закричал Бартолд.— Все в порядке, Мэвис,— все удалось как нельзя лучше!

— Кто? — Мэвис открыла дверь, посмотрела на него и взвизгнула.

— Успокойся,— сказал Бартолд.— Я знаю, ты страшно переволновалась, но теперь все кончено. Схожу за чеком, а потом мы с тобой...

Он осекся. Рядом с Мэвис на пороге появился мужчина — низкорослый, лысеющий, с невзрачным лицом, с глазами, кротко поблескивающими из-под очков в роговой оправе.

Бартолд уставился на Бартолда, возникшего рядом с Мэвис.

— За мной гнался...— начал было он.

— За тобой гнался я,— перебил его двойник.— Разумеется, переодетый, ведь ты нажил во времени кучу врагов. Кретин, почему ты удрал?

— Принял тебя за сыщика. А почему ты за мной гнался?

— По одной-единственной причине.

— По какой же?

— Мы могли бы сказочно разбогатеть,— сказал двойник.— Нас было трое — ты, Байртр и я; мы могли втроем прийти в «Межвременную» и потребовать премии за растроение личности!

— Растроение личности! — ахнул Бартолд.— Такое мне и не снилось!

— Нам бы выплатили чудовищную сумму. Неизмеримо больше, чем за простое раздвоение. Мне на тебя глядеть тошно.

— Что же,— сказал Бартолд,— сделанного не исправишь. По крайней мере, получим премию за простое раздвоение, а там уже решим...

— Я получил оба чека и расписался за тебя. Ты, к сожалению, отсутствовал.

— В таком случае, отдай мою долю.

— Не говори глупости,— поморщился двойник.

— Она моя! Я пойду в «Межвременную» и расскажу...

— Там тебя и слушать не станут. Я подписал твой отказ от всех прав. Тебе нельзя даже находиться в Настоящем, Эверетт.

— Не поступай со мной так! — взмолился Бартолд.

— Это почему же? А как ты поступил с Байртром?

— Да не тебе, черт побери, меня судить! — вскричал Бартолд.— Ведь ты — это я!

— Кому же и судить тебя, как не тебе самому?

Бартолду нечем было крыть. Он обратился к Мэвис.

— Дорогая,— сказал он,— ты твердила, что всегда узнаешь своего мужа. Разве сейчас ты меня не узнаешь?

Мэвис попятилась к двери. Бартолд заметил, что на шее у нее сверкает ожерелье из руумов, и больше ничего не стал спрашивать.

Во дворе приземлился полицейский вертолет. Из него выскочили трое полисменов.

— Этого-то я и опасался,— сказал им двойник.— Мой двойник, как известно, сегодня утром получил свой чек. Он отказался от всех прав и отбыл в Прошлое. Я подозревал, что он вернется и потребует чего-нибудь еще.

— Больше он вас не потревожит, сэр,— пообещал один из полисменов. Он повернулся к Бартолду:

— Эй, ты! Полезай в свой флипер и убирайся прочь из Настоящего. Еще раз увижу — буду стрелять без предупреждения!

Бартолд умел проигрывать.

— Да я бы с радостью отбыл. Но мой флипер нуждается в ремонте. На нем нет темпорометра.

— Об этом надо было думать до того, как ты подписал отказ,— заявил полисмен.— Пошевеливайся!

— Умоляю! — сказал Бартолд.

— Нет,— ответил Бартолд.

И Бартолд знал, что на месте своего двойника он ответил бы точно так же.

Он сел во флипер, захлопнул дверцу. И в оцепенении стал мысленно перебирать возможные варианты (если их позволительно назвать «возможными»).

Нью-Йорк 1912 года? Но там полиция и Джеки-Бык. Мемфис 1869 года? Бартолдер ждет не дождется его третьего визита. Или Кенигсберг 1676 года? Чума! Или Лондон 1595 года? Там головорезы — дружки Тома Бартала. Мэйден-Касл 662 года? А как быть с разъяренным Коннором Лох мак Байртром?

«На сей раз,— подумал Бартолд,— пусть место само меня выбирает».

И, зажмурившись, ткнул кнопку наугад.

Робот-коробейник по имени Рекс

Когда в мангровых зарослях появляется автоматизированная походная кухня, битком набитая всякими продуктами, сразу возникает мысль: а не последует ли за ней вскоре и кавалерийский полк?

В тринадцать ноль-ноль сканер у входной двери в дом Мордехая Гастона сообщил о прибытии разносчика из федерального почтового ведомства 193-СН (робота), временно подменявшего Фреда Биллингса, который сидел на больничном. «Сунь все в почтовый ящик!» — крикнул Гастон из ванной. «Необходимо расписаться в получении»,— сообщил ему сканер.

Гастон завернулся в полотенце и вышел на крыльцо. Робот-почтальон представлял из себя большой цилиндр, выкрашенный в красный, белый и синий цвета и снабженный колесами с резиновыми покрышками. Он также был оборудован подъемным устройством с питанием от линии электропередач Дейд-Броуард, что давало ему возможность по воздуху преодолевать транспортные пробки и открывать подъемные мосты. Робот извлек клочок бумаги и шариковую ручку. Гастон расписался. Он сказал: «Спасибо, сэр», в боку у него открылась откидная панель, и оттуда выехала большая посылка.

Гастон знал, что это мини-флаер, который он заказал на прошлой неделе в фирме «Персонал Транспортс Инк.» (она находилась в Корал Гейблз, штат Флорида). Он отнес посылку на террасу, отключил блокировку и инициировал сборочную память. Посылка раскрылась, аппарат сам себя собрал, и перед Гастоном предстала алюминиевая корзина ажурного плетения с простой панелью управления, ярко-желтым аккумуляторным отсеком, который также также служил пилотским креслом, и блоком питания, который подключал флаер к системе электропередач округа Дейд.

Гастон влез в аппарат и включил его. Индикатор питания вспыхнул приятным красным цветом. Гастон чуть тронул ручку управления, и флаер мгновенно взлетел. Вскоре он был уже высоко над Форт-Лодердейлом и мчался в западном направлении над заповедником Эверглейдс. С одной стороны был виден длинный изгиб атлантического побережья Флориды, а с другой — темная зелень заповедника. На юге сияющим жарким маревом вставал Майами. Гастон уже пролетел половину расстояния над Эверглейдс, когда индикатор питания вдруг мигнул три раза и погас. Флаер начал падать. И только тогда Гастон вспомнил, что вчера по телевизору предупреждали о кратковременном отключении электросети для подсоединения к ней округа Кольер.

Он подождал, пока микропроцессор флаера переключится на питание от аккумулятора. Но индикатор питания почему-то не загорался, и внезапно у Гастона возникло ужасное подозрение. Он заглянул в аккумуляторный отсек — точно! Аккумулятора не было и в помине. Лишь табличка на крышке отсека с указанием, где такой аккумулятор можно приобрести.

Флаер падал в однообразную серо-зеленую массу мангровых зарослей, пальметто и осоки. Гастон успел еще вспомнить, что не пристегнул ремень безопасности и не надел противоударный шлем, и тут флаер врезался в воду, подпрыгнул и тяжело рухнул в густые мангровые заросли. Гастон потерял сознание.

Уже через несколько минут он пришел в себя. Вода вокруг небольшого мангрового островка все еще была вспенена. Флаер застрял в тесном переплетении веток и побегов, упругое сопротивление которых и спасло Гастону жизнь.

Это была, так сказать, светлая сторона ситуации. Темная же ее сторона заключалась в том, что он лежал внутри флаера в исключительно неудобной позе, а когда попробовал распрямиться и вылезти, левую ногу пронзила такая острая боль, что он чуть снова не лишился чувств, а нога так и осталась согнутой под очень странным углом.

До чего же глупо все получилось! Служба спасения наверняка задаст ему массу неприятных вопросов, когда наконец доберется сюда...

Только вот когда она сюда доберется?

Никто ведь не знает, что он тут застрял, если только тот робот-почтальон не заметил, как он взлетел. Но ведь роботам запрещено говорить о том, что они видели.

А он через час, между прочим, должен был встретиться со своим лучшим другом Марти Фенном — они собирались играть в теннис! И если он не появится на корте, Марти позвонит ему домой.

И сканер ответит ему, что Гастона нет дома. И больше он ничего сообщить Марти не сможет!

А Марти будет продолжать звонить и через день-два начнет уже по-настоящему беспокоиться. Ключ от квартиры Гастона у него есть, и он наверняка в итоге заедет, чтобы проверить, действительно ли его друга нет дома. И обнаружит упаковку от флаера. И поймет, что Гастон куда-то улетел. Но как он узнает, куда именно? Ведь за столько дней можно оказаться на другом конце Соединенных Штатов, в Калифорнии, если лететь вдоль линий электропередач! С какой стати Марти искать его в Эверглейдс? И почему он непременно решит, что Гастон потерпел аварию?

Едва перевалило за полдень, и на болотах царили тишина и покой. Пролетел длинноногий аист. Легкий ветерок поднял рябь на мелководье, потом затих. Что-то длинное и серое плыло по направлению к нему. Аллигатор? Нет, просто полузатопленный ствол дерева.

Гастон весь взмок от жары и духоты — воздух над болотами был буквально пропитан влагой. Зато рот и горло совершенно пересохли, даже глотать было больно.

Краб-отшельник, таща на себе домик-раковину, вылез из воды и осмотрел пришельца. Гастон махнулся рукой, пытаясь прогнать краба, и от этого резкого движения ногу опять пронзила острая боль. Краб отбежал шага на два, остановился и пристально уставился на Гастона. А ведь крабы запросто могут распотрошить меня еще до того, как сюда соберутся аллигаторы, подумал тот.

И вдруг услышал далекий тонкий писк мотора. И улыбнулся, стыдясь своих недавних страхов. Группа спасения, видно, все время следила за его полетом на экране радара, как же это он забыл, что в нынешние времена человек не может так просто исчезнуть!

Звук мотора стал громче. Аппарат летел низко, над самой поверхностью воды, и явно направлялся прямо к Гастону.

Но оказалось, что это вовсе не Служба спасения, а уменьшенная копия древней походной кухни в сопровождении робота, выполненного в виде гуманоида, одетого в белые джинсы и спортивную рубашку с открытым воротом.

— Здорово, приятель! — приветствовал его Гастон, едва не лишившись чувств от облегчения.— Чем торгуешь?

— Я многоцелевой робот-коробейник,— сказал робот.— Работаю от фирмы «Предприятия Большого Майами». Наш лозунг: «Предприимчивый продаст все где угодно!» Мы, коробейники, находим клиентуру и в глуши лесов, и на вершинах гор, и даже в трясине болот — вот вас, например. А зовут меня Рекс. Что желаете приобрести, сэр? Хотите что-нибудь выпить? Извините, но, к сожалению, у нас нет разрешения на торговлю алкогольными напитками.

— Очень рад с тобой познакомиться, Рекс,— сказал Гастон.— А у меня тут авария приключилась!

— Спасибо, сэр, что поделились со мной своими переживаниями,— молвил растроганный робот.— Хотите хот-дог?

— Нет, хот-дог мне не нужен,— сказал Гастон.— Мне помощь нужна. У меня нога сломана.

— Надеюсь, вы вскоре получите необходимую помощь,— сказал робот.— До свиданья, сэр, желаю вам удачи.

— Да погоди ты! — воскликнул Гасстон.— Куда ты собрался?

— Я должен работать, сэр,— заявил робот-коробейник.

— Но ты хоть сообщишь обо мне в Службу спасения?

— Боюсь, что не смогу, сэр. Нам не разрешается сообщать о действиях людей.

— Но я прошу тебя сообщить!

— Я должен следовать Правилам. Приятно было с вами поговорить, сэр, но мне действительно уже пора...

— Подожди! — крикнул Гастон вслед коробейнику.— Куда ты? А может, я хочу что-нибудь купить?

Робот осторожно приблизился к нему снова.

— Вы действительно хотите?

— Действительно. Дай мне хот-дог и бутылку содовой с лимоном.

— По-моему, вы говорили, что хот-дог вам не нужен.

— Нужен, нужен! И содовая нужна!

Гастон жадно выпил всю бутылку и заказал еще.

— С вас ровно восемь долларов,— сообщил Рекс.

— Не могу достать бумажник,— сказал Гастон.— Он в заднем кармане, а я и пошевелиться не в состоянии.

— Не беспокойтесь, сэр. Я запрограммирован на оказание помощи пожилым людям, инвалидам и тем, у кого возникли проблемы, подобные вашей.

И не успел Гастон возразить, как Рекс невесть откуда взявшимся длинным и тонким щупальцем извлек его бумажник, достал нужную сумму и сунул бумажник обратно.

— Желаете заказать что-нибудь еще, сэр? — спросил робот, неторопливо отводя свой аппарат от островка, на котором застрял Гастон.

— Если ты мне не поможешь,— сказал Гастон,— я могу тут умереть.

— Мне не хотелось бы показаться невежливым, сэр,— заявил коробейник,— но для робота смерть — явление заурядное. Мы называем это «отключением от сети». Такое с нами сплошь и рядом случается. Да и потом все равно кто-нибудь придет и снова тебя включит. А если никто не придет, ты об этом все равно не узнаешь.

— У людей совсем по-другому,— заметил Гастон.

— Вот как? Я этого не знал, сэр,— сказал робот.— А какова смерть у людей?

— Да ладно, не важно. Ты только не улетай! Я у тебя сейчас еще что-нибудь куплю.

— Знаете, слишком много времени уходит на всякие мелкие заказы...— пробормотал Рекс.

Тут Гастона осенило.

— Мой заказ — совсем другое дело! Я хочу купить все, что у тебя есть.

— Это будет дорого стоить, сэр.

— У меня неограниченный лимит по кредитной карте. Давай записывай заказ.

— Уже записал, сэр — сказал Рекс. Он достал из бумажника кредитную карту Гастона, сделал отметку и вернул Гастону для подписи. Гастон расписался шариковой ручкой.

— Куда вам сложить товар? — спросил робот.

— Просто свали все в кучу где-нибудь поблизости, а потом повторим все еще разок.

— Все-все?

— Именно все-все. Сколько тебе потребуется времени?

— Мне надо будет сперва слетать на склад. Потом выполнить предыдущие заказы. А потом я вернусь к вам — так скоро, как только сумею. Я думаю, дня через три, максимум четыре. Если, конечно, мои хозяева не вздумают меня перепрограммировать для нового задания.

— Так долго ждать? — грустно спросил Гастон.

Он-то уже лелеял надежду на то, что робот-коробейник станет сновать, как челнок, по десять раз на день от склада к мангровому островку с грудами вещей, и кто-нибудь наконец заметит это и поинтересуется, что с ним происходит, а там, глядишь, и помощь подоспеет.

Но просто ждать три или даже четыре дня — совсем другое дело!..

— Ладно, забудем про повторный заказ,— сказал Гастон.— И не надо все это здесь выгружать. Ты лучше сделай вот что: отвези эти замечательные вещи моему другу в подарок. Его зовут Марти Фенн.

Робот записал адрес Марти, потом спросил:

— А вы не хотите вместе с подарком передать вашему другу какое-нибудь сообщение?

— Я думал, ты не передаешь никаких сообщений.

— Сообщение, сопровождающее подарок, это совсем другое дело. Такое сообщение в корне отличается от умышленной передачи роботом-коробейником некоего сообщения. Естественно, содержание сообщения должно быть абсолютно невинным.

— Естественно,— кивнул Гастон, в душе которого вновь вспыхнула надежда на отсрочку смертного приговора.— Просто передай Марти, что мой мини-флаер развалился над заповедником Эверглейдс, как мы с ним и планировали, но у меня, к сожалению, сломана всего одна нóга, а не две.

— Это все, сэр?

— Можешь еще добавить, что дня через два я планирую и умереть здесь, если это не окажется для него слишком большой неприятностью.

— Понял, сэр. Если ваше сообщение пройдет через Комитет по этике, я его тут же передам.

— Какой еще Комитет по этике?!

— Это неофициальный орган, созданный нами, мыслящими роботами, во избежание обмана со стороны людей, ибо они часто используют нас для передачи особо важных или даже секретных сообщений, что категорически запрещено нашими Правилами. До свиданья, сэр, желаю удачи.

И робот-коробейник улетел. Нога у Гастона болела страшно, и он с ужасом думал о том, пройдет ли его сообщение через этот их чертов «Комитет по этике». А если пройдет, поймет ли Марти сразу (он ведь не слишком быстро соображает), что это призыв о помощи, а не идиотская шутка? А если поймет, то сколько времени ему понадобится, чтобы получить подтверждение, что Гастон и в самом деле пропал, известить об этом чиновников из Службы спасения и убедить их выслать помощь? И чем больше Гастон об этом думал, тем мрачнее становился.

Он попытался хоть немного переменить положение, чтобы унять боль в скрюченной спине, но от боли в сломанной ноге тут же вновь потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на больничной койке и к вене на руке подключена капельница.

Вскоре пришел врач и спросил, в состоянии ли он разговаривать. Гастон кивнул.

Незнакомец, вошедший в его палату, был высокого роста, но с изрядным брюшком и одет в коричневую форму егеря заповедника.

— Меня зовут Флетчер,— сказал он.— Вам здорово повезло, мистер Гастон. Вас уже всего облепили крабы, когда мы прилетели вас вытаскивать. Да и аллигаторы уже начинали собираться.

— Как же вы меня нашли? Марти получил мое сообщение?

— Нет, мистер Гастон,— послышался знакомый голос.

Коробейник Рекс тоже, оказывается, стоял рядом, у его постели.

— Комитет по этике не разрешил мне передать ваше сообщение, догадавшись, что вы хотите нас провести. А мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы мыслящие роботы помогали людям, понимаете? Иначе сами же люди и обвинят нас в предвзятости, в том, что мы действуем в чьих-то интересах, и мы тут же будем уничтожены.

— И как же ты поступил?

— Я внимательно изучил Правила. И понял, что, хотя роботам и запрещено помогать людям даже для их собственного блага, нет такого правила, согласно которому мы не имели бы права действовать ПРОТИВ людей. Что открывало передо

мной разнообразные возможности: например, я мог сообщить о ваших многочисленных преступлениях федеральным властям...

— О каких «моих преступлениях»?

— Загрязнение федерального заповедника деталями вашего развалившегося флаера. Разбивка лагеря в федеральном заповеднике без разрешения. Возможная попытка кормить животных в федеральном заповеднике — в частности, крабов и аллигаторов...

— Ну, обвинения эти, разумеется, никто не поддержит,— улыбнулся Флетчер,— но уж в следующий-то раз я сперва проверю, установлен ли аккумулятор!

В дверь кто-то тихонько постучал.

— Мне пора,— сказал Рекс.— Это прибыли ремонтники. У нас в Комитете сочли, что у меня синдром незапрограммированной инициативы. Это серьезная неисправность, она может привести к иллюзии полной собственной автономности.

— А что это такое? — спросил Гастон.

— Прогрессирующий недуг, поражающий все комплексные системы. Единственный способ лечения — полностью отключить робота и стереть его память.

— Нет! — воскликнул Гастон и спрыгнул с кровати, таща за собой капельницу.— Ты же сделал это ради меня! Ты меня спас! И я не позволю тебя убить!

— Пожалуйста, не расстраивайтесь,— сказал Рекс, мягко останавливая его и поддерживая, пока не подбежал врач.— Теперь-то я понял, как вас, людей, волнует проблема смерти. Но ведь для роботов отключение от сети означает всего лишь недолгий отдых на складе. До свиданья, мистер Гастон. Рад был с вами познакомиться.

И коробейник Рекс направился к двери. В коридоре его уже ждали: два робота в черных спортивных костюмах, ловко защелкнув наручники на тонких металлических запястьях Рекса, повели его прочь.

Терапия

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шел по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент, чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

«Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят...»

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: «Марс для марсиан, Венера для венерианцев!»

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации «Рэпид трэнзит». Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок третьей улице, где находился магазин «Домашние терапевтические приборы». Скоро закончится рабочий день, и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Убивать нехорошо. Его посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину «Домашние терапевтические приборы».

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение. Свет был мягким, шторы — спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

— Не нужна ли помощь?

— Терапию! — пробормотал Кэсвел.

— Разумеется, сэр,— обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака.— Мы для этого и существуем.— Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату.— Вот это,— сказал продавец,— новый Алкоголеразгрузитель фирмы «ИБМ», рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

— Мне нужно...— начал Кэсвел.

— Терапию,— закончил за него продавец.— Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений: «много», «умеренно», «в компании» или «для аппетита». Это новинка, уникальная в механотерапии.

— Я не алкоголик,— с достоинством сказал Кэсвел.— Корпорация «Нью-Йорк рэпид трэнзит» не нанимает алкоголиков.

— Понимаю,— сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела.— Вы, кажется, человек нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы «Бендикс»...

— Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец поджал губы.

— Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

— Не знаю,— признался Кэсвел, несколько растерявшись.

— В общем, это не имеет значения,— сказал продавец.— Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты — к маниакальной депрессии.

— Интересно. Вы давно здесь работаете?

— Неделю. Итак, сэр, вот что вам нужно.

— Что это?

— Рекс-Регенератор, созданный фирмой «Дженерал моторс». Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер,

внутри отлично оборудованный портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

— Излечит ли он манию убийства? — спросил Кэсвел.— Сильную.

— Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

— Как раз то, что у меня,— сказал Кэсвел с простительной гордостью.

— Эта малютка все из вас вышибет. Большие, сверхпрочные подшипники! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

— Я беру его,— сказал Кэсвел.— Сейчас же. Заплачу сразу.

— Отлично! Я только позвоню на склад...

— Я могу взять этот,— сказал Кэсвел, вынимая бумажник.— Хочу побыстрее его испробовать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно щелкнул языком:

— Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог. Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий — крупный представительный мужчина в пенсне — испортил все удовольствие.

— Хэскинс,— сказал управляющий,— по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

— Да, мистер Фолансби, простите, сэр,— извинился Хэскинс, гася сигарету.— Я немедленно воспользуюсь Деникотанизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

— Вот как? — Новость произвела на управляющего впечатление.— Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

— А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

— Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был *марсианской* моделью. Для механотерапии *марсиан*.

— Ага,— сказал Хэскинс. Он подумал мгновение.— Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в зловещем молчании.

— Но какое это имеет значение? — быстро спросил Хэскинс.— Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

— У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. *Но от чего он будет лечить?*

— Понимаю,— сказал Хэскинс.

— Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали, у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес, скорее!

— Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

— Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности «Дженерал моторс»! Разыщите его!

Хэскинс бросился к двери.

— Стойте! — крикнул управляющий, натягивая плащ.— Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

— А продавец прав,— сказал он наконец.— Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

«Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле...»

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнущимся пальцем.

Пора начинать терапию.

Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обесчещенная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина, чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии.

Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

«ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕГЕНЕРАТОРОМ МОДЕЛИ РЕКС:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине "Дженерал моторс").
2. Воткните вилку в комнатную розетку.
3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову.

Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется,— довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущение или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш Регенератор фирмы "Дженерал моторс" и СТАНОВИТЕСЬ НОРМАЛЬНЫМ!»

— Ничего сложного,— сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

— Я чувствую себя так глупо! — хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

— Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

— Ладно, попробуй.— Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расползаться.

«Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный...»

— Добрый день,— прозвучал в его голове голос.— Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

— Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

— Понимаю,— успокаивающе сказала машина.— Ведь мы все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

— Да?

— Один момент.— Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал: — Весьма необычный случай.

— Правда? — спросил довольный Кэсвел.

— Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен...— механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

— Эй, в чем дело?

— Какая-то путаница,— ответила машина.— Однако,— продолжала она окрепшим голосом,— необычная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснить на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

— А вы уверены, что делаете то, что нужно? — спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

— Современная механотерапия — точная наука, не допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

— Валяйте,— сказал Кэсвел.

— Жилище?

— Дом.

— Собака?

— Кошка.

— Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

— Флифл? — повторил Регенератор.
— Марфущ,— сымпровизировал Кэсвел.
— Громкий?
— Сладкий.
— Зеленый?
— Мама.
— Тханагойес?
— Патаматонга.
— Арридес?
— Нексотесмодрастика.
— Чтисполхельгноптецес?
— Рагамару латасентрикпропатрия! — выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно было гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произнести.
— Гм,— сказал Регенератор.— Закономерности совпадают. Так и должно быть.
— Какие закономерности?
— У вас,— сообщила ему машина,— классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.
— Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.
— Этот термин не имеет смысла,— строго сказала машина.— Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...
— Я не совсем понимаю то, что вы говорите,— признался Кэсвел.
— Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы — пациент. Я — механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.
— Ладно,— сказал Кэсвел.— Я попробую.
До сих пор он наслаждался сознанием собственного превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его неточности.
Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэсвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.
Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громад-

ный опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Однако ясно, подумал Кэсвел, угрюмо укладываясь на кушетку, что механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после очередного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе со встревоженным молодым лейтенантом — детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: «А почему вы не удосужились повесить ярлыки на товары?» — как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищенный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

— Что вам нужно? — спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

— Я Джон Рэт из отдела безопасности «Дженерал моторс».

— А... виноват, сэр,— сказал лейтенант Смит, отдавая честь.— Я не думал, что вы так быстро прибудете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

— Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

— Я сейчас же этим займусь, сэр,— сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» или «ИБМ» прибывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом пронизывающим и безличным, как луч радара.

— Выкладывайте все по порядку,— сказал он, вынимая из бесформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в зловещем молчании. Наконец он захлопнул записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

— Терапевтические машины должно оберегать, как святыню. Дать покупателю не ту машину — значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

— Марсианский вариант машины,— продолжал Рэт,— вообще не должен был находиться на витрине.

— Я объясню, как это получилось,— поспешно сказал Фолансби.— Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

— Это,— безжалостно перебил его Рэт,— может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии «Дженерал моторс» возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

— Правда, это вне моей компетенции,— сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: — Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

— Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен,— ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

— Упоминал ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

— Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

— Кого? — переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

— Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон! Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

— Неужели он не упомянул ничего существенного?

— Дайте мне подумать! — сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

— Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства как таковую?

— Конечно, нет. Мания убийства не известна на Марсе.

— Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенератор с жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

— Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он обнаружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

— Что же будет делать машина?

— Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фиммании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

— Значит, исцеление возможно!

— Вы не поняли,— сказал Рэт.— Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы «Белл».

— В результате,— заключил Рэт,— больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в «Нью-Йорк рэпид трэнзит»! Я это ясно помню!

— Это уже шанс,— сказал Рэт, протягивая руку к телефону.

Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

— И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

— Что именно?

— Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем «ИБМ», пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

— Отлично,— сказал Рэт.— Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер «Рэпид трэнзит», его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным.

Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

— Но, конечно, вы помните свою горику? — спрашивал Регенератор.

— Нет,— устало отвечал Кэсвел.

— Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

— Никогда не было ничего подобного.

— Гм. Блокировка,— пробормотала машина.— Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горику и что она для вас означала? Все прошли через это.

— Только не я,— сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа — и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отбросить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное — чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

— Послушайте,— запротестовал Кэсвел.— я даже не знаю, что такое горика.

— Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

— Не знаю. Объясните мне.

— Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

— Каким образом? — разозлился Кэсвел.— Я ведь не знаю!

— Что такое, по-вашему, горика?

— Это лесной пожар,— сказал Кэсвел.— Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

— Эти ассоциации не лишены смысла,— заверил его Регенератор.— Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

— Так что же все-таки, черт побери, такое горика?— рявкнул Кэсвел.

— Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влендишным способом.

— Никакое дерево меня не вскармливало.

— Вы не помните об этом?

— Конечно нет, этого никогда не было.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

— Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Послушайте, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

— Безусловно,— сказал Регенератор,— хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

— К черту,— сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

— Тебе и насморка не вылечить,— сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

— Чертов обманщик! — крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе, тускло поблескивая.

«Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то...»

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

«Да, это мой долг»,— подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия.

Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы.

Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался отогнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно.

Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруч на голову.

— Да? — спросил Регенератор.

— Черт побери, это удивительно,— сказал Кэсвел.— Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою горику!

Джон Рэт вызвал по телевидео «Нью-Йорк рэпид трэнзит», где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужниной с внимательными глазами.

— Алкоголизм? — переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон.— Среди наших служащих? — Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта.— Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему «Дженерал моторс» этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У «Рэпид трэнзит» и «Дженерал моторс» в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

— Дело касается Общественных Интересов,— сказал Рэт.

— Разумеется.— Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе.— Видимо, имеются в виду Общественные Интересы «Дженерал моторс»? — продолжал Бемис с вежливым ехидством.— Я полагаю, это намек на то, что нашими ракетобусами и гелисами управляют пьяные водители?

— Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

— Исключено. Мы в «Рэпид трэнзит» не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

— Тупик,— с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул: — Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

— Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию фирмы.

— Простите, сэр,— сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? «Рэпид трэнзит» отказывается помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

— Сэр,— снова сказал Хэскинс.

— Что вам?

— Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

— Не ошибаетесь?

— Нет,— сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность.— Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей.

— Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

— Я тоже, сэр,— признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

— Потому что в противном случае.— сказал Рэт,— я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

— Что это значит? — вызывающе спросил он.

— Ваша фамилия Мэгнесен? — рявкнул лейтенант Смит.

— Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

— Можно войти? — спросил Рэт.— Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

— Мистер Мэгнесен,— обратился к нему Рэт самым приятным тоном, на который был способен.— Надеюсь, вы извините нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

— Да,— медленно и осторожно сказал Мэгнесен.

Хэскинс испустил вздох облегчения.

— Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес,— попросил Рэт.

— Это, наверно... постойте! А что он сделал?

— Ничего.

— Тогда зачем он вам нужен?

— Объяснять некогда,— сказал Рэт.— Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта.

Вмешался лейтенант Смит:

— Давай выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию — и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

— А разрешение у тебя есть, приятель?

— Еще бы,— сказал Смит, двинувшись вперед.— Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

— Прекратите! — приказал Рэт.— Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом.

Рэт сказал:

— Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложил всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После его рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее.

— Вы хотите сказать, что он собирается убить *меня*?

— Вот именно.

— Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого детства. Мы вместе служили в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

— Да, да,— нетерпеливо сказал Рэт.— Во вменяемом состоянии. Однако ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

— Имя,— насмешливо сказал Мэгнесен.

— Ваш друг Элвуд душевнобольной.

— Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

— Идиот! — закричал Рэт.— Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также жизнь и разум вашего друга!

— Но откуда я знаю? — взмолился Мэгнесен.— Вы, парни, сюда врываетесь...

— Вы должны мне поверить,— сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

— Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

— Вы Элвуд Кэсвел? — спросил Рэт.— Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине «Домашние терапевтические приборы»?

— Да,— сказал Кэсвел.— Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

— Вы им пользовались? — с тревогой спросил Рэт.

— Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

— Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами,— марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

— Я знаю,— сказал Кэсвел.

— Знаете?

— Разумеется. Это быстро выяснилось.

— Ситуация была опасной,— сказал Рэт,— особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями.— Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчива, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

— Бедняга, он старался изо всех сил,— сказал он.— Конечно, он не мог излечить то, чего не было.— Он усмехнулся.— Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

— Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

— Разумеется,— сказал Кэсвел.

— ...и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

— В этом нет необходимости.

— Нет?

— Нет.— В голосе Кэсвела звучала твердость.— Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.

— Вы не испытываете сейчас такой потребности?

— Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фолансби и Хэскинсу.

— Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох.

— Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновления процесса.

— В данном случае опасности нет,— мягко, но твердо сказал Кэсвел.— Благодарю вас за заботу, сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

— Погодите! — крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

— Возьмите,— сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукояткой вперед.— Мне это больше не понадобится.

Рэт с равнодушным выражением лица принял револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

— Спокойной ночи,— сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с точки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

«Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-

Йорк отвратительной фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала...»

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влендишным способом.

Специалист

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва успел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уже бушевал вовсю.

Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.

«Чего бояться,— подумал Передатчик,— разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?»

Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца — это его первый дальний рейс.

Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя — все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.

Глаз расплющил по стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза, Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверенно: Глаз измерял силу волн, Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлекшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

— Отлично,— сказал Передатчик.— Посмотрим, есть ли повреждения.— Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь.— Двигатель!

— Самочувствие превосходное,— отозвался Двигатель. Во время шторма он активировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

— Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи — тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

— Давайте-ка побыстрее,— сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам.— Ну, как вы там? — спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но Аккумуляторы не шелохнулись.

— Пусти-ка меня,— вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах — их было около двенадцати — и лягнул ближайший Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенно-

го в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

— Сейчас же прекрати,— буркнул Аккумулятор.

— А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двуногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля — дело нешуточное. Корабль — это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них — удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подошел к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из Корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель — гигантская бесформенная глыба протоплазмы — лежал в углу каюты. В ней хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

— В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться

домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

— Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца путешествия, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то, по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

— Хорошо,— сказал Мыслитель.— А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же поглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри его питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а Стенкам — хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы. Глаз расширил свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный чувствительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой «Периферическое свечение». Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно — ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль — это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное — чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одна галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении — влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров — и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линий связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, да к тому же в качестве корабельного прибора?

Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей — надо только поискать как следует.

По крайней мере он на это надеялся.

Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути

попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.

— Какая богатая территория,— обратился Питатель к Передатчику.— Галактике следовало бы выслать сюда отряд контактеров.

— Возможно, после нашего возвращения так и поступят,— ответил Передатчик.

Они были очень дружны между собой — их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции — вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель — центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.

Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле — это Питатель. По-настоящему Передатчик никогда не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.

Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться: как правило, он применялся только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал беспрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.

С помощью Доктора Питатель привел в действие системы охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.

Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.

От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.

Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.

Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.

Спустились поближе — так, что можно было различить отдельные предметы.

Ускорители! Примитивные Ускорители!

Стремительно развернулись назад, в космос,— строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

— Ну как, все готовы? — еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом.

Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух — они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всего пришлось Питателю. Поскольку его система приспосабливалась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый йод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми оставались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил — свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты с помощью Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

— Так не бывает,— категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей, или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

— Не хочешь ли ты сказать, что они делают из металла вещи? — осведомился Передатчик.— Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

— Ничего нельзя сделать,— решительно сказал Питатель.— Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лить сравнительно легкая задача — уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики — сотрудничество и взаимопомощь — нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем — дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивидуум. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, и Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения пищи.

После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

— Обращайся с ним поласковее.— посоветовал Питатель.— Возможно, его испугал наш вид.— У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного

множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободившись, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения пищи у него дрожало.

— Перестань,— возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

— Остановите его,— распорядился Передатчик.— Он может ушибиться.

Один из аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отбирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

— Подключи его к системе связи! — вскричал Питатель.— Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

— Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? — спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

— Оставьте его в покое,— сказал Передатчик.— Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз, когда Передатчик протягивал ему свою нить, Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой — прерогатива отряда контактеров.

Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.

— Мне кажется, я понял, в чем беда,— заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор как на трибуну.— Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как Доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов.— Он сделал эффектную паузу.— Здешние Ускорители утратили специализацию!

По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо — города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.

Он умел делать все, только не ускорять!

Частично эту несообразность объяснил Мыслитель:

— Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность — ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.

Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.

— Вполне возможно,— продолжал непреклонный Мыслитель,— что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним,— заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо может отказаться от добровольного сотрудничества.

— А как это сделать? — спросил Питатель.

Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.

Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.

Ускоритель без чувств рухнул на пол.

Когда Ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.

Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уложить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чужой речи.

Он попытался наладить общение с Ускорителем.

Ускоритель хранил молчание.

— По-моему, он нуждается в пище,— сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

— О Господи! Бифштекс! — воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов — еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха — существом, которое находилось где-то на полпути между освежеванным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность.

Попытались войти в контакт.

— Что вы за создания такие, черт вас возьми? — спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток.— Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

— Нет,— успокоил его Передатчик,— твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

— Допустим, но при чем тут я?

— Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде,— ответил Передатчик,— и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку, и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

— Слушайте, братцы,— сказал он,— я не знаю, кто вы такие и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и, если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое «дисциплинарное взыскание», и послал полученную информацию Мыслителю.

«Эти Ускорители заняты склокой»,— таково было заключение Мыслителя.

— Но зачем? — спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особого стремления сотрудничать.

— С удовольствием выручил бы вас, ребята,— продолжал Ускоритель,— но откуда вы взяли, что я могу такому огромному агрегату придать скорость? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

— Одобряете ли вы войны? — спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

— Никто не любит войну,— особенно те, кому приходится проливать кровь.

— Зачем же вы воюете?

Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и переслал Мыслителю. «Одно из двух: либо ты убьешь, либо тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?»

— У нас нет войн,— отчеканил Передатчик.

— Счастливые,— горько сказал Ускоритель.— А у нас есть. И много.

— Конечно,— подхватил Передатчик. К тому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение.— А хотел бы ты с ними покончить?

— Конечно.

— Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.

Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него, Ускоритель сжал кулаки.

— Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? — осведомился он.— Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...

— Этого не нужно,— прервал его Передатчик.— Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.

— Черта с два,— ответил Ускоритель.— Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.

Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?

— Я думал, ты хочешь прекратить войны,— заметил он.

— Ну ясно, хочу. Но я не хочу, чтобы нас *заставляли* их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.

— Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.

— А ты знаешь, почему мы воюем?

— Само собой разумеется.

— Неужто? Интересно послушать.

— Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики,— объяснил Передатчик.— У вас есть специальность — ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами — металлами, неодушевленными предметами,— но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место,— ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие,— когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.

Ускоритель покачал головой — жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.

«А что это такое — ускорение?»

Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.

— Ты хочешь сказать, что *этим* и должен заниматься каждый житель Земли?

— Безусловно,— подтвердил Передатчик.— Это ваша великая профессия.

На несколько минут Ускоритель задумался.

«По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить».

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

— Когда мы попадем в Галактику,— сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы,— ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы, Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В Содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

— Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами,— пробормотал Ускоритель.— Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, что его ударили в самое ядро. Должно быть, Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со всей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут по-

добающего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в Содружество.

— Как мне убедить тебя? — воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показывали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, *никак не реагируя.*

Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом — неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

— Ты свободен,— сказал Передатчик.— Отключи только линию связи и ступай.

— А как же вы?

— Поищем другую планету Ускорителей.

— Какую? Марс? Венеру?

— Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем — и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

— Все, что вы мне показывали,— правда?

Отвечать не пришлось.

— Ладно,— внезапно заявил Ускоритель,— поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

— Осталось лишь маленькое затруднение,— прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием.— Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

— Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять,— убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

— Ты только попробуй.

— Обязательно,— согласился Ускоритель.— Во всяком случае тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

— Странно,— бормотал Ускоритель.— Я-то думал, что туристский поход — лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

— Мы вышли из зоны притяжения,— сообщил Передатчик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги.— Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам его тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

— Ты сумасшедший,— пролепетал Ускоритель.— Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

— Ты теперь участник Содружества,— возразил доведенный до отчаяния Передатчик.— Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, всех четверых со Стенками, с остальными членами Команды — всех со всеми.

— Что это такое? — растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

— Попробуй еще разок,— взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь свое искаженное ужасом лицо. Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель — теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя и Передатчика за плечи.

Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

Через пищевод и в космос с тантрой, мантрой и крапчатыми колесами

— Но у меня действительно будут галлюцинации? — спросил Грегори.

— Я уже говорил, что гарантирую это,— ответил Блэйк.— Вы должны попасть куда-то уже сейчас.

Грегори огляделся. Ужасно знакомая скучная комнатенка: узкая, застеленная голубым покрывалом кровать, ореховый шкаф, мраморный столик на металлических ножках, двухрожковая люстра, красный ковер да бежевый телевизор. Он сидел в мягком кресле, а напротив, на кушетке, расположился бледный и опухший Блэйк.

— Должен заметить,— заявил Блэйк, ткнув пальцем в три крапчатые неправильной формы таблетки,— что здесь содержатся все виды ЛСД, разбавленные амфетамином или прочими аналогичными стимуляторами. Но вы, к счастью, проглотили старый добрый «особый тантро-мантрический быстрорастворимый супернарко-ЛСД-коктейль», известный в кругах торговцев наркотиками под названием «крапчатые колеса», в основе которого абсолютно чистый ЛСД-25 с тщательно подобранными добавками СТП, ДМТ и ТЭйчС плюс немножко псилобицина, мизерного количества ололоки и особого ингредиента собственной разработки доктора Блэйка — экстракта из брусники. То есть вы проглотили новейший и самый эффективный из галлюциногенов.

Грегори взглянул на свою правую руку, согнул и разогнул ее.

— В результате,— продолжал Блэйк,— вы получите моментальное тотально-великолепное наркотическое наслаждение, гарантирующее вам галлюцинации по крайней мере на четверть часа. В противном случае я возвращаю деньги и отказываюсь от своей репутации как лучшего алхимика Вест-Виллиджа.

— Вы говорите так, словно сами уже его пробовали,— заметил Грегори.

— Вовсе нет,— запротестовал Блэйк.— Я в основном сижу на старом добром амфетамине, том самом амфетамине, что шоферюги и старшеклассники глотают фунтами и ширяются галлонами. Амфетамин не более чем стимулятор. С его помощью мне работается быстрее и лучше. Я должен создать соб-

ственную мощную наркоимперию между Хьюстоном и 14-й стрит, после чего быстренько дать тягу до того, как совсем сожгу себе нервы или влипну в разборку с наркомафией, а потом вынырнуть где-нибудь в Швейцарии, где я буду балдеть на шикарных курортах в окружении ярких женщин, толстых банковских счетов, быстрых автомобилей и уважаемых местных политиков,— Блэйк на миг умолк и подергал себя за верхнюю губу.— От амфетамина, конечно, появляется некая высокопарность, сопровождаемая многословием... Но этого не стоит пугаться, мой дорогой новоявленный друг и уважаемый покупатель. Мои чувства и ощущения нисколько не притупились, и я в волной мере способен взять на себя роль гида в том сверхколдовском мире, куда вы сейчас вступите.

— А сколько времени прошло с тех пор, как я принял таблетку? — поинтересовался Грегори.

Блэйк взглянул на часы.

— Чуть больше часа.

— Почему же она до сих пор не действует?

— Должна подействовать. Несомненно должна. *Что-то* обязательно должно случиться.

Грегори опять огляделся. И увидел заросшую по краям травой яму, пульсирующую светящимися червями, и влипшего в слюдяную стену сверчка.

Грегори стоял на краю ямы рядом с дренажной трубой, а напротив, на сером мшистом камне, разлегся Блэйк. Его реснички перепутались, а кожа была покрыта разноцветными пятнами. Он показывал на три крапчатые неправильной формы таблетки.

— Что случилось? — полюбопытствовал Блэйк.

Грегори поскреб тугую мембрану в области грудной клетки. Его реснички спазматически двигались, передавая крайнюю степень удивления и, может, даже испуга. Он вытянул щупальце, посмотрел, какое оно длинное и упругое, затем согнул его пополам и медленно разогнул.

Щупальце Блэйка вытянулось в жесте интереса.

— Ну-ка, малыш, скажи мне, у тебя начались галлюцинации?

Грегори неопределенно взмахнул хвостом.

— Они начались раньше, когда я спросил вас, действительно ли у меня будут галлюцинации. Я уже тогда галлюцинировал, но еще не понимал этого. Все казалось таким обычным и естественным... Я сидел в *кресле*, а вы — на *кушетке*, и мы оба имели мягкий кожный покров, словно какие-нибудь *млекопитающие*.

— Переход в иллюзию часто бывает незаметен,— подтвердил Блэйк.— Ты будто вскальзываешь туда, а потом выскальзываешь обратно. И что же случилось теперь?

Грегори завернул кольцом сегментарный хвост, расслабил щупальце и огляделся. Яма была ужасна знакомой.

— Теперь я вернулся к обычному состоянию. А вы считаете, что галлюцинации должны продолжаться?

— Как я уже говорил, я гарантирую это,— произнес Блэйк, изящно складывая глянцевитые красные крылья и поудобней устраиваясь в углу гнезда.

С божьей помощью

Есть во Вселенной планета Аталла. И на ней — громадная гора Санито, у подножия которой, в долинах, где климат умеренный и благоприятный, процветают различные цивилизации. Вершина же Санито закована в вечные льды, а по склонам то и дело сходят лавины. Склоны эти не просто круты — они почти отвесны, и среди голых скал там зияют бездонные пропасти.

Ни один человек не бывал на вершине Санито. Она считается неприступной. Даже холмы в ее предгорьях словно бросают вызов альпинистам. Однако, как гласит легенда, некогда одному святому удалось-таки на эту гору подняться, ибо святость этого человека за долгие годы достигла уровня божественности — а все благодаря усиленной и однонаправленной концентрации всех его духовных сил.

Этот новоявленный бог, до своего вознесения на Санито известный среди местного населения под именем Шельмо, вырубил в гранитной щеке горы пещеру, сделал себе ложе из ледяных глыб и сплел из лишайников коврик для медитации. Ничего более ему не требовалось — ведь он научился вырабатывать вполне достаточно энергии и внутреннего тепла для своей жизнедеятельности.

Шельмо решил провести на вершине Санито несколько тысячелетий и как следует попрактиковаться в применении однонаправленной концентрации, хотя и без того неплохо владел этим мастерством, и оно даже принесло ему титул бога. Но достигнутые результаты его не удовлетворяли. Он полагал, что может еще отточить свое умение.

Проходили века. Возникали и исчезали цивилизации, но Шельмо было не до того: для достижения по-настоящему полноценной концентрации времени требуется чрезвычайно много. С другой стороны, Шельмо понимал, что, возможно, проявляет некоторый эгоизм по отношению к живущим по соседству народам — нужно же ему, богу, как-то присматривать за людьми, а он забывает о них, все свое время без остатка посвятив любимому занятию. Но потом Шельмо рассудил здраво: во-первых, богам закон не писан, а во-вторых, времени впереди еще более чем достаточно и вполне можно успеть проявить себя как высоконравственное божество — разумеется, когда ему удастся полностью овладеть наконец мастерством однонаправленной концентрации.

Для бога, желающего ото всего отрешиться, гора Санито была местом поистине идеальным. Рев бурь и грохот лавин создавали отличный звуковой фон, а клубящиеся белые облака и темные тучи являли собой отличный объект для медитаций. И расположена пещера Шельмо была так высоко, что людские молитвы редко достигали его ушей. Заглушенные воем ветров и толщей снегов, они казались Шельмо, скорее, печальными стонами или вздохами, не имевшими к нему отношения.

Однако даже богам не дано вечно оставаться в стороне от мирских дрязг. Какое-то время, конечно, можно продержаться, но в итоге тебя все-таки достанут земными проблемами.

И вот как-то раз человек из нижнего мира застал-таки Шельмо врасплох, взобравшись на неприступную вершину и отыскав его пещеру. (Но Шельмо, разумеется, никакого удивления по этому поводу не выказал — боги ведь никогда не удивляются. И все же это было для него неожиданно.)

Человек пал перед божеством ниц и принялся возносить ему длиннющую молитву.

— Да-да, спасибо большое,— прервал его Шельмо.— Скажи лучше, как ты сюда попал? Ведь считается, что взобраться на Санито не может никто, кроме богов. Ты случайно не бог в человечьем обличье?

— Нет,— сказал человек.— Я обыкновенный человек. И зовут меня Дэн. Мне помогли подняться на такую высоту как мои собственные добродетели и благочестие, так и молитвы людей, которые там, внизу, поклоняются тебе.

— Ясно,— промолвил Шельмо.— Не хочешь ли присесть с дороги? Вот и подходящая ледяная глыба. Надеюсь, ты достаточно хорошо владеешь терморегуляцией?

— Да, конечно! — отвечал Дэн.— Ведь это один из самых легких шагов на пути к высшей духовности.

— Ты прав,— согласился Шельмо.— Ну, рассказывай, зачем ко мне пожаловал?

Дэн поудобнее уселся на ледяную глыбу, поправил одежду и сказал:

— Господи, мы, твои верующие, молим тебя о помощи! Без твоего вмешательства мы вскоре будем уничтожены, стерты с лица Аталлы.

— Да? И что же у вас случилось? — спросил Шельмо.— Надеюсь, что-то серьезное? Я не люблю, когда меня отвлекают по пустякам.

— Все дело в проклятых стальных крабах! — воскликнул Дэн.— Самопрограммирующиеся механические вампиры тоже, конечно, не подарок. Да и медные скорпионы со взрывающимися хвостами несколько поднадоели. Но основное — все-таки крабы. Эти чертовы автоматы научились сами себя воспроизводить! Мы один завод разрушим, так тут же появляется десяток новых! Чертовы твари заполонили наши дома, улицы, их полно даже в храмах! Они созданы как убийцы, и сейчас мы им явно проигрываем.

— А в мое время на Аталле ничего подобного не было,— заметил Шельмо.— Откуда же эти крабы взялись?

— Ну...— начал Дэн,— тебе ведь, наверное, известно, что сейчас на Аталле царит мир. Но еще в самом недавнем прошлом некоторые страны продолжали друг с другом воевать, тогда-то и были изобретены стальные крабы. А через некоторое время они вырвались из-под контроля людей и мгновенно распространились — сперва на территории той страны, где были созданы, а потом и по всему миру. Крабы размножались быстрее, чем их успевали уничтожать. Мы, разумеется, совершили большую глупость, но... теперь просто пропадаем! Господи, умоляю, яви свою милость, помоги нам! Сделай хоть что-нибудь!

Несмотря на добровольное отшельничество, Шельмо все-таки чувствовал себя чем-то обязанным этим людям — «его верующим», как они себя называли.

— Ну хорошо, я это улажу,— сказал он,— но сможете ли вы впоследствии сами о себе позаботиться, а меня оставить в покое?

— О, конечно! — воскликнул Дэн.— Мы абсолютно уверены, что человеческое общество способно управлять собою. Мы, люди, хотим сами ковать свою судьбу! Мы считаем оправ-

данным отделение церкви от государства. Вот только... чертовы крабы, к сожалению, вырвались из-под контроля!

Шельмо всесторонне изучил проблему «чертовых крабов», включив Великое Знание, которым теперь (в качестве бога) располагал. Внизу действительно были серьезные неприятности.

Разумеется, он мог бы запросто сотворить чудо, и все крабы тут же исчезли бы — богу это раз плюнуть! — однако Совет Божественной Этики вряд ли одобрил бы столь прямое вмешательство в жизнь людей. Подобные «чудеса» обычно приводят к возникновению суеверий, и Шельмо пришлось создать некий вирус — люди, между прочим, так и не сумели разобраться в его происхождении,— который разрушал микросхемы не только стальных крабов, но и медных скорпионов и механических вампиров. Умело манипулируя вирусом на генетическом уровне, Шельмо заставил его уничтожать только вредные для человека автоматы, а потом подвергнуться саморазрушению.

Когда дело было сделано, Шельмо быстренько прервал словоизлияния ликующего Дэна и заявил:

— Знаешь, я не против потрудиться разок на благо человечества. В конце концов, я ведь и сам когда-то был одним из вас. Но теперь очень прошу на какое-то время оставить меня в покое: мне нужно наконец как следует сосредоточиться и достигнуть максимальной однонаправленной концентрации.

Итак, Дэн вернулся назад, в мир людей, а Шельмо опять с головой погрузился в любимое занятие.

Шли годы, но Шельмо они казались мгновениями, и, когда Дэн снова возник на пороге его пещеры, он удивленно спросил:

— Снова ты? Так скоро? Что случилось теперь? Неужели я тогда не всех крабов уничтожил?

— Всех, слава тебе, господи,— ответствовал Дэн.

— Тогда в чем дело?

— Видишь ли, некоторое время мы вполне успешно жили в мире и покое, но потом опять начались неприятности.

— Неприятности? Вы снова стали воевать друг с другом?

— Нет, войн мы избежали. Стряслась совсем иная беда, но не менее страшная. У нас имелись огромные бетонные резервуары для хранения ядерного и химического оружия, которое ныне вышло из употребления. По мнению специалистов, угрожать нам это ничем не могло. Но потом что-то все-таки внутри этих озер произошло: началась неведомая ученым мутация и зародилась некая новая и, надо сказать, весьма агрессивная форма жизни...

— Итак, вы создали новую разновидность живых существ? — молвил Шельмо.— Как бы случайно, по ошибке, но тем не менее! И теперь вам нужен бог, чтобы разрешить создавшуюся проблему. Вам, верно, несладко пришлось?

Дэн кивнул.

— Да уж! Из этих искусственных озер поползла живая, полужидкая субстанция, пожиравшая все на своем пути и быстро заполонявшая планету; эта... тварь повсюду рассыпает свои споры, заражая людей, и скоро Аталла исчезнет под ее покровом. И у нас, увы, нет средства, чтобы остановить этот кошмар. Если ты нам не поможешь, господи, мы приговорены!

— Вы, глупцы, упорно продолжаете ошибаться на одном и том же месте,— сказал Шельмо.— Неужели так трудно было сделать выводы из истории со стальными крабами?

— Ты прав, но уж на этот раз мы выводы сделаем наверняка! — воскликнул Дэн.— Весь мир в страхе и тревоге ждет конца! Но поскольку мы, к счастью, пока что не успели себя уничтожить, может быть, ты сумеешь помочь нам еще разок? Мне кажется, уж после этого-то мы определенно изберем путь прогресса и построим новый, куда лучший мир!

Шельмо снова включил Великое Знание и всесторонне обследовал создавшуюся ситуацию. Радиоактивная тварь неведомого химического состава выглядела действительно устрашающе — ее оранжево-черные кляксы испятнали уже большую часть сине-зеленых просторов красавицы Аталлы.

Будучи богом, Шельмо имел несколько возможностей решить эту задачу. Он сделал новоявленное химическое чудовище чувствительным к нехватке нобелия, неустойчивого радиоактивного изотопа, относящегося к актиноидам, а затем неким чудесным образом удалил с планеты Аталла весь нобелий. (Шельмо, в общем, любил порой пошутить. И, разумеется, собирался позднее вернуть все на свои места.)

Радиоактивная тварь погибла мгновенно. А Дэн сумел вымолвить лишь:

— Благодарю тебя, господи! — И правда, где найти слова, чтобы выразить безграничную благодарность тому, кто только что вторично спас человечество от гибели?

Затем Дэн, естественно, вернулся в свой мир, а Шельмо — к любимому занятию.

Он вроде бы еще и сосредоточиться не успел — глядь, а этот Дэн опять на пороге!

— Ты же только что был здесь! — воскликнул Шельмо.

— С тех пор уж полвека прошло,— возразил Дэн.

— Но это же ничтожно мало!

— Ты прав, господи,— смиренно признал Дэн.— Молю тебя: прости, что я снова нарушаю твой покой! Не за себя молю, но за весь народ — твой народ, господи! — ибо он, беспомощный, обречен на страдания.

— А на этот раз что случилось? Очереднос ваше изобретение вышло из-под контроля?

Дэн покачал головой:

— На сей раз всему виной паратиды. Я знаю, тебя не интересует земная политика, но позволь, я все же немного поясню. Паратиды — одна из основных политических партий в нашей стране. Они выступают за свободу, равенство и справедливость по отношению ко всем вне зависимости от расовой и половой принадлежности или религиозных убеждений. Во всяком случае, мы так думали. Но, когда паратиды пришли к власти, стало ясно, что нас жестоко обманули! На самом деле они оказались беспринципными авторитаристами, фанатичными циниками и...

— Довольно, я понял,— прервал его Шельмо.— Но вы-то почему позволили таким людям прийти к власти?

— Они обманули нас своими пропагандистскими посулами! А может, они и сами верили собственной лжи... Не знаю уж, что в них страшнее — цинизм, или слепой фанатизм, или то и другое. Известно одно: они уже отменили все грядущие выборы и провозгласили себя единственными и постоянными гарантами некоей будущей утопии. В их партии состоит менее трети всего населения планеты, однако паратиды уже создали настоящее царство страха.

— Но почему же вы не оказали им сопротивления? — спросил Шельмо.

— Но оружие-то в их руках! И это их солдаты маршируют по улицам! Ужасные вещи рассказывают также об их камерах пыток... Они уже бросили в застенки тысячи людей! Запрещена любая культурная деятельность; можно лишь сочинять вариации на одобренные правительством музыкально-патриотические темы. И мы, беспомощные, оказались полностью в их власти! Только ты один, господи, можешь спасти нас!

Шельмо задумался.

— Интересно, можно ли отыскать примеры божественного вмешательства в политические дела людей? — спросил он.

— Разумеется! И немало! Многочисленные сведения об этом имеются в наших древних религиозных анналах...

— А в этих анналах не говорится, какова в подобных случаях божественная судебная процедура?

— Господь поразил неправых.

— Как же он определил, где правые, а где неправые?

Дэн подумал и сказал:

— Иногда люди посылают своего пророка с конкретной жалобой непосредственно к богу — как вот меня, например.

— Нет, этого недостаточно,— заявил Шельмо.— Ведь необходимо выслушать доводы и противоположной стороны.

— Но ведь ты мог бы узнать, где истина, включив свое Великое Знание! — подсказал Дэн.

— Нельзя,— возразил Шельмо.— Великое Знание годится только в том случае, когда оперируешь фактами, а не мнениями.

— Ну тогда делай, как сочтешь нужным,— сказал Дэн.

— Хорошо,— кивнул головой Шельмо и вдруг застыл, прищурив глаза из-за чрезвычайно интенсивной внутренней концентрации. Невидимое глазу энергетическое поле со звоном окутало его. У Дэна даже волосы встали дыбом. Пещеру вдруг залил зловещий красный свет, который то слабел, то становился ярче, точно его интенсивность регулировалась с помощью какого-то дьявольского реостата. Потом свет погас совсем, и пещера приняла свой обычный вид.

— Кончено,— устало вымолвил Шельмо.

И Дэн услышал, как с Аталлы донесся страшный вопль — в нем слились печаль и ярость, гнев и тоска,— и так он был силен, что, в отличие от людских молитв, сумел достичь даже пещеры Шельмо.

— Что же ты сделал, господи? — пролепетал Дэн.

— Я принял самое простое решение. Теперь все паратиды исчезли.

— Что значит «исчезли»?

— Пожалуй, это можно назвать и убийством,— спокойно ответил Шельмо,— но я предпочитаю говорить, что они исчезли. Или — что их количество стремится к нулю. В общем, больше у вас с ними неприятностей не будет. Все ваши проблемы решены.

Дэну понадобилось некоторое время, чтобы осознать случившееся, и ужас постепенно объял его — он понял: Шельмо только что уничтожил треть населения планеты!

— Тебе не следовало их убивать! — воскликнул он.— По большей части это были вовсе не такие уж плохие люди. Просто они, как последние дураки, следовали за своими вождями, и...

— Надо было других вождей себе выбирать! — наставительно заметил Шельмо.

— Но в этой партии состояли даже некоторые члены моей семьи!

— Прими мои соболезнования. Зато теперь все ваши враги уничтожены, верно? И не существует никаких препятствий для построения на Земле общества справедливости! Впрочем, если помехи все же возникнут, можешь свободно обращаться ко мне. И пожалуйста, передай это людям,— великодушно предложил Шельмо.

— А как же! Непременно передам всем нациям и народам! — пообещал Дэн.

— Вот и прекрасно! Скажи, что отныне я полностью в распоряжении своих верующих, решения принимаю быстро и буду рад помочь тому, кто сам себе помочь не может. Но помогать буду, разумеется, по-своему.

Дэн низко поклонился и поспешил уйти. А Шельмо с удовольствием позволил себе выпить чашку чая — первую за долгие столетия. Он даже промурлыкал несколько тактов какой-то песенки, которую певал, еще будучи человеком. Потом он включил Великое Знание и заглянул в будущее Аталлы. Он внимательно изучил ближайшие лет полтораста и понял, что утопии эти люди так и не создали. Однако жили они, в общем, неплохо. По крайней мере, не хуже, чем можно было предполагать.

И никто больше за этот период к нему за помощью не обратился.

Он отключил Великое Знание и устроился поудобнее на своем ложе из ледяных глыб, намереваясь как следует и надолго предаться однонаправленной концентрации. И уж на сей раз выполнить наконец все предписания!

Шкатулка Пандоры

Это была прекрасная планета — с ласковым ветерком, доброжелательным океаном, дивной красоты горами, тенистыми лесными полянами и поросшими сочной густой травой лугами. Но самое замечательное — там не было ни души! Точнее,

там были только души. Или духи. Но никаких людей! Ни единого человеческого существа. Зато духов — полным-полно.

Неуловимые, бесплотно-прозрачные, совершенно немыслимые и абсолютно вездесущие, духи эти были повсюду. Дух западного ветра играл в полях, осыпая на землю спелые зерна пшеницы — все равно ведь урожай убирать было некому! Тяжелые грозди винограда зрели на солнце под присмотром беспечного духа виноградной лозы. Для всякого дела здесь имелся свой дух, и все здесь было одушевлено. В далеких горах время от времени случались извержения вулканов, но это происходило отнюдь не произвольно, а в полной зависимости от капризов бога, повелевавшего вулканами и заставлявшего раскаленную лаву выплескиваться из недр планеты и стекать по горным склонам на равнину, безжалостно выжигая траву. Трава умирала, но память о ней оставалась жива. И бог трав успевал позаботиться о том, чтобы на смену умершей траве выросло еще больше новой. Божество бурь вызывало над планетой страшные грозы и вихри. С горных вершин скатывались валуны, которыми играл один шутник из семейства богов и духов. По приказу великого Протея реки выходили из берегов и меняли свой курс...

Поскольку на планете не было людей, то и протестовать против подобных шалостей было некому. Да они никому и не приносили никакого ущерба. Все снова вырастало, восстанавливалось, текло куда надо и успокаивалось как бы само собой; каждой вещью и явлением управлял свой дух или какое-нибудь божество. Так что сотворение сменялось разрушением, затем все потворялось снова, и мир пребывал в равновесии.

Но однажды случилось нечто совершенно невиданное, небывалое. Ранним утром в небе блеснул свет, но вспышка эта не имела ни малейшего отношения ни к одному из богов или духов. Свет был ровный; некоторое время он как бы висел над землей, а потом исчез. И стало видно — если бы было кому наблюдать за этим! — что с неба медленно падает какой-то предмет.

Предмет плавно и мягко опустился на землю и оказался каким-то сундуком или ларцом, сделанным из металла.

Боги и духи слетелись со всех сторон, желая рассмотреть эту диковинку. Их настолько заинтересовало происходящее, что они даже обрели вполне конкретную форму, по большей части представ в обличье детей, хотя на самом деле возраст имели весьма почтенный, ведь они существовали здесь с незапамятных времен. Однако таких предметов никому из них прежде видеть не приходилось.

Все они столпились вокруг металлического ларца. Их хрупкие полупрозрачные тела, чуть поблескивая, как бы расплывались в воздухе.

— Как ты думаешь, Ариэль, что это?

— Не знаю, Пакс. Ты когда-нибудь видел что-либо подобное?

— Нет. Гляди-ка, здесь что-то написано.

— Да, похоже на то. Только нам-то этой надписи не прочесть.

— Глупый! Настоящая надпись читается сама.

Пакс коснулся написанных на ящике букв. Внутри будто кто-то откашлялся и произнес:«Я — шкатулка Пандоры 1134В, серия № 2. Меня следует открывать с максимальной осторожностью, соблюдая все правила безопасности».

— Как ты думаешь, что там? — спросил Ариэль.— А вдруг игрушки!

— В коробках бывают не только игрушки,— резонно заметил Пакс.— Может быть, нам с Просперо посоветоваться?

— А то ты не знаешь, что он скажет! Разумеется, тут же велит оставить эту штуку в покое!

— Возможно, именно это нам и следовало бы сделать.

— Но это же совершенно новая коробка! Новая вещь! А у нас уже так давно не было ничего новенького!

— Хорошо, давай спросим Психею. Уж она-то знает, как лучше поступить.

Психея была очаровательна в обличье юной девушки с длинными каштановыми волосами и в простом белом платье. В руках она держала букетик цветов. Правда, она была почти совсем прозрачной. Стоило им произнести ее имя, как она возникла прямо перед ними и спросила:

— Что это у вас такое?

— Это шкатулка Пандоры! — гордо заявил Ариэль.— И нашел ее я!

— Совершенно неважно, кто ее нашел,— заметил Пакс.— А вот что нам с ней делать, мы не знаем. Если с ней вообще стоит что-то делать...

И тут в своем красновато-коричневом одеянии явилась богиня урожая Верна. В руках у нее был рог изобилия, из которого буквально вываливались всякие овощи и фрукты. Верна имела вид добродетельной женщины средних лет, хотя на самом деле была не старше прочих богов и духов.

Взглянув на шкатулку, она воскликнула:

— Наконец-то!

— Ты что, ожидала ее прибытия? — спросила Психея.

— Конечно! Это именно то, что мне нужно! Между прочим, это я за ней посылала.

— А что у нее внутри? — спросил Ариэль.

— Люди,— сказала Верна.

— А зачем тебе люди? — спросил Пакс.

— Мне же не для кого растить плоды и злаки! — воскликнула Верна.— А это не слишком приятно, если ты богиня урожая!

— Как это «не для кого»? — удивился Пакс.— Мы все очень любим, когда созревает твой урожай, Верна. Мы всегда так тебе об этом и говорим.

— Я знаю, что любите,— кивнула Верна,— и очень мило с вашей стороны иногда напоминать мне об этом. Но вы, как и я, как и все мы, принадлежим к силам природы. И никто из нас не ест земных плодов. А в таком случае разве может урожай действительно что-то значить для нас?

— Ты права, но забываешь, что главное — это духовность! — заметил Пакс.

— Иногда одной духовности маловато,— сказала Верна.— И хочется чего-то вполне материального, реально существующего: хотя бы людей, которые с благодарностью съедят тот урожай, который ты для них вырастила.

Тихе, богиня удачи, должно быть, подслушивала их разговор, потому что, внезапно появившись как бы ниоткуда, тут же приняла в этой дискуссии самое живое участие. Тихе имела облик высокой стройной женщины благородного вида, с белыми крыльями и в тунике цвета спелой сливы.

— Верна права,— сказала Тихе.— Я, например, просто зря трачу время, потому что рядом нет никого, кому я могла бы принести удачу.

— А ты принеси удачу мне! — воскликнул юный Ариэль.

— Слова, слова! — сокрушенно покачала головой Тихе.— Ты же прекрасно знаешь, что таким, как мы, удача не нужна. Что нам с ней делать? Мы же вечные сущности, для нас все дни похожи один на другой, и каждый из них приносит только то, что и должен принести,— не больше и не меньше. Мы и без того всегда получаем то, что нам нужно. К чему же нам удача?

— Но, возможно, именно благоларя удаче мы получили эту шкатулку,— возразил Ариэль.— Ну пожалуйста, позвольте ее открыть, а?

Они еще немного поспорили, и к этой дискуссии постоянно присоединялись все новые духи и божества. Когда день уже склонялся к закату, Пакс сказал:

— Что ж, дружеская дискуссия — это прекрасно, но, по-моему, с разговорами пора кончать. Вы не находите, что стоило бы решиться и открыть эту шкатулку? Прямо сейчас?

И они решились. И стали открывать загадочный ларец. Пакс трудился над замком, Тихе ломала печать, а Верна приподнимала крышку. Потом все заглянули внутрь. И исчезли.

А шкатулка осталась стоять на месте. Она была довольно вместительной и сделана из какого-то не известного божествам материала. Вокруг нее расстилался луг, за ней высились горы, а чуть в стороне голубел текущий по лугу ручей.

Вдруг в глубине шкатулки что-то шевельнулось. Потом за ее край ухватилась чья-то рука, показалась чья-то голова, и глаза, смотревшие с любопытством, стали озираться по сторонам. Затем человек — это был мужчина — с некоторым усилием выбрался из шкатулки и неловко шлепнулся на землю.

Следом за ним появилась женщина. За ней — вторая.

А потом — десять, двадцать, сто человек так и посыпались из шкатулки! И еще сто! И еще!..

Последний человек, вылезший оттуда, был одет в голубую форму и фуражку, украшенную золотым листком. На универсальном языке символов это означало, что он несет за всех остальных некую ответственность.

В руках человек в форме держал мегафон. Это тоже кое-что да значило.

— Так, ребята, прекрасно! А теперь все послушайте меня! — обратился он к бывшим обитателям коробки.— Мы добились своего! Мы избежали уничтожения Земли! Наша «Шкатулка Пандоры», пронеся нас по просторам космоса, успешно совершила посадку на дружественной планете.

К нему подошла одна из женщин. По ее уверенной повадке можно было догадаться, что именно она несет ответственность за все то, за что мужчина в форме ответственности нести не может.

— Здесь очень мило,— сказала она.— Интересно, есть здесь какие-нибудь приличные вибрионы?

Мужчина нахмурился.

— Фу, Мира, что ты говоришь! Какие там вибрионы! Ну откуда им взяться в совершенно новом мире?!

— Я полагала, что их довольно легко привнести,— сказала она.— Или же они сами по себе зародятся прямо на месте.

— Может быть, ты имеешь в виду духов? Всяких там богов и демонов? Всякие вечные сущности и прочую персонифицированную ерунду вроде Дикого Западного Ветра или Бурного Моря?

Она кивнула.

— Да, именно это я и имела в виду.

— Выброси эту чушь из головы. Все это было частью нашей старушки Земли. А здесь мы начинаем с чистого листа! И никаких «сущностей» здесь еще нет. Мы здесь одни и сами по себе. Надеюсь, что нам здесь улыбнется удача.

— Ты уверен, что мы здесь одни?

— Конечно, уверен! Всем известно, что богов выдумали люди. И люди прекрасно могут без них обойтись.

Женщина кивнула. Спорить с ним всегда было бесполезно. Но что, если он ошибается? — подумала она. Что, если первыми все же возникли боги, а люди — только потом?

Но если это так, то куда же исчезли здешние боги?

Где Ариэль, где Пакс, где Верна? Куда пропали все остальные? Где Удача и Неудача? Куда скрылся дух изобретательности? И душа прогресса? И тень смерти?

А в далекой, недосягаемой небесной выси летела к солнцу группа вечных сущностей, легких и прозрачных, точно осенняя паутинка.

— Они зовут нас! — молвила Верна.

— Забудь о них,— мрачно откликнулся Пакс.— Эти люди так решительно настроены — вот пусть сами и попытают счастья.

Битва

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет,— сказал Феттерер, взглянув на часы.— Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте.— Он ткнул в карту толстым

пальцем.— В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем,— пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр,— сказал он,— там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно,— строго сказал Феттерер.— Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр,— ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, *что* грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его,— сказал Феттерер.— Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр,— сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

— Продолжим,— сказал верховный главнокомандующий Феттерер.— Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина,— продолжал Феттерер.— Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр,— сказал он,— священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его,— сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал,— сказал он,— я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение,— тоскливо сказал Феттерер.— Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва,— сказал священнослужитель.— В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют,— ответил Феттерер.— Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет,— пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать.— заявил Феттерер.— Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное,— сказал он.— Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких

энергий, пронизывающих воздух,— всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно,— сказал Феттерер.

— Многие,— сурово произнес священник,— считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините,— бодро возразил Феттерер,— это пораженческая болтовня. С вашего разрешения...— Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.— Ох уж эти штатские,— вздохнул Феттерер.— Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него,— пылко произнес генерал Мак-Фи.— Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы,— сказал генерал Делл.

— Превосходно,— подвел итог генерал Феттерер.— Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы...— начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде,— ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю,— ответил Феттерер,— но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи.— Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю,— сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет,— твердо ответил Феттерер.— Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, ломая танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна,— прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана.— Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран, и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это...— начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между грудами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи,— прошептал верховный главнокомандующий Феттерер.— Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

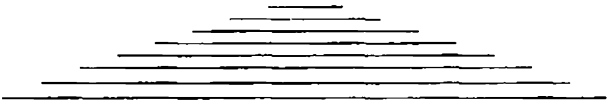
Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы Господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин.— Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка,— сказал Феттерер.— Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.



Эпилог

Глаз реальности

Легенды гласят, что на окраине нашей метагалактики есть безымянная планета. На той планете растет единственное дерево. Давно забытая раса укрепила на верхушке дерева огромный алмаз, и заглянувший в тот алмаз увидит все, что есть, было или может быть. Дерево то зовется Древом Жизни, а алмаз — Глазом Реальности.

И трое искателей истины вышли на поиски дерева. Преодолев немало трудностей и опасностей, они добрались до безымянной планеты. Каждый из них по очереди забрался на верхушку дерева и заглянул в алмаз. А потом они решили сравнить впечатления.

— Я увидел,— сказал первый из троих, весьма известный писатель,— бессчетные драмы, великие и мелочные. И я понял, что нашел замочную скважину Вселенной, которую Борхес назвал Алефом.

— А я увидел,— возразил второй, прославленный ученый,— кривизну пространства, смерть фотона и рождение звезды. И я понял, что гляжу в суперголограмму, самотворящуюся и самосотворенную, а основа ее — вся Вселенная.

А третий, художник, произнес:

— Чтобы понять, надо почувствовать.

И показал товарищам только что сделанные им наброски женщин и пантер, скрипок и пустынь, шаров и гор.

— Как и вы,— сказал он,— я увидел то, с чем обычно сталкиваюсь в жизни.

Содержание

Пролог

О высоких материях *(Перевод Н. Евдокимовой)* 7

Часть I

Справочник космического бизнесмена

Необходимая вещь *(Перевод А. Ежкова)* 11
Лаксианский ключ *(Перевод А. Корженевского)* 21
Мятеж шлюпки *(Перевод Г. Косова)* 30
Рейс молочного фургона *(Перевод Н. Евдокимовой)* 43
Призрак V *(Перевод Н. Евдокимовой)* 56
Долой паразитов! *(Перевод А. Нефедова)* 71
Беличье колесо *(Перевод Т. Шинкарь)* 79

Часть II

Основы выживания на враждебных планетах

Поединок разумов *(Перевод В. Скороденко)* 103
Заяц *(Перевод Н. Евдокимовой)* 138
Абсолютное оружие *(Перевод Ю. Виноградова)* 147
Земля, воздух, огонь и вода *(Перевод Н. Лобачева)* 155
Похмелье *(Перевод Е. Коротковой)* 163
«Особый старательский» *(Перевод А. Иорданского)* 182
Минимум необходимого *(Перевод А. Вавилова)* 205
На берегу спокойных вод *(Перевод А. Волнова)* 218
Наконец-то один *(Перевод А. Кона)* 222
Вымогатель *(Перевод В. Баканова)* 227
Защепка *(Перевод Н. Евдокимовой)* 246
Бремя человека *(Перевод Р. Гальпериной)* 258
Стандартный кошмар *(Перевод Б. Белкина)* 272
Человекоминимум *(Перевод Н. Евдокимовой)* 285
Верный вопрос *(Перевод И. Авдакова)* 314
Где не ступала нога человека *(Перевод Н. Евдокимовой)* 322
Пушка, которая не бабахает *(Перевод В. Бабенко)* 335
Проблема туземцев *(Перевод Е. Коротковой)* 343
Человек по Платону *(Перевод И. Гуровой)* 363
Опытный образец *(Перевод Н. Евдокимовой)* 377
Безымянная гора *(Перевод Б. Белкина)* 395
Что в нас заложено *(Перевод А. Санина)* 409
Потолкуем малость? *(Перевод Е. Венедиктовой)* 419
Мусорщик на Лорее *(Перевод Н. Евдокимовой)* 443
Жертва из космоса *(Перевод А. Волнова)* 456
Заповедная зона *(Перевод Норы Галь)* 472
Запах мысли *(Перевод Н. Евдокимовой)* 488
Руками не трогать! *(Перевод А. Санина)* 499
Второй рай *(Перевод М. Черняева)* 518
Поднимается ветер *(Перевод Э. Кабалевской)* 531
Чудовища *(Перевод И. Зивьевой)* 545
Ритуал *(Перевод Н. Евдокимовой)* 555
Охота *(Перевод В. Бабенко, В. Баканова)* 564
Вторжение на рассвете *(Перевод М. Черняева)* 576
Хранитель *(Перевод М. Черняева)* 586

Часть III

Человековедение не для слабонервных

Премия за риск *(Перевод М. Данилова, Б. Носика)* 603
Бесконечный Вестерн *(Перевод В. Бабенко)* 620

Спецразлет выставки *(Перевод А. Кона)* 637
Страх в ночи *(Перевод А. Волнова)* 641
Служба ликвидации *(Перевод Н. Евдокимовой)* 644
Доктор Вампир и его мохнатые друзья *(Перевод Норы Галь)* 650
Тело *(Перевод В. Бука)* 659
Пиявка *(Перевод Е. Цветкова)* 663
Застывший мир *(Перевод В. Бука)* 675
Вечность *(Перевод М. Черняева)* 683
Академия *(Перевод Н. Евдокимовой)* 693
Носитель инфекции *(Перевод Л. Резника)* 715
Гонки *(Перевод С. Коноплева)* 746
Рыцарь в серой фланели *(Перевод В. Скороденко)* 763
Предварительный просмотр *(Перевод В. Бабенко)* 775
Стоимость жизни *(Перевод Н. Евдокимовой)* 783
Страж-птица *(Перевод Норы Галь)* 792
Язык любви *(Перевод А. Щупейко)* 813
Мой двойник — робот *(Перевод В. Баканова)* 820
Я и мои шпики *(Перевод А. Русина)* 827
Мнемон *(Перевод В. Баканова)* 839
Идеальная женщина *(Перевод Л. Мельникова)* 845
Билет на планету Транай *(Перевод А. Вавилова, Ю. Логинова)* 849
Ордер на убийство *(Перевод Т. Озерской)* 887
Паломничество на Землю *(Перевод Н. Евдокимовой)* 915
Дипломатическая неприкосновенность *(Перевод Н. Евдокимовой)* 927
Право на смерть *(Перевод А. Волнова)* 945
Мат *(Перевод М. Черняева)* 952
Склад миров *(Перевод В. Ковалевского)* 965
Попробуй докажи *(Перевод А. Волнова)* 972

Часть IV

Прикладная демонология

Предел желаний *(Перевод В. Баканова)* 983
Демоны *(Перевод Н. Евдокимовой)* 990
Алтарь *(Перевод А. Кона)* 1000
Царская воля *(Перевод Н. Евдокимовой)* 1007
Регулярность кормления *(Перевод А. Мельникова)* 1018
Бухгалтер *(Перевод В. Баканова)* 1022
Рыболовный сезон *(Перевод Б. Белкина)* 1030
Прогулка *(Перевод В. Баканова)* 1042
«Извините, что врываюсь в ваш сон...» *(Перевод М. Загота)* 1049
Ловушка *(Перевод А. Санина)* 1053
Форма *(Перевод Н. Евдокимовой)* 1063
Песнь звездной любви *(Перевод В. Серебрякова)* 1077
Травмированный *(Перевод Н. Евдокимовой)* 1082
Опека *(Перевод Р. Гальпериной)* 1100
Кое-что задаром *(Перевод Т. Озерской)* 1110
Вор во времени *(Перевод Б. Клюевой)* 1123
Три смерти Бена Бакстера *(Перевод Р. Гальпериной)* 1143
Чумной район *(Перевод В. Бука)* 1174
Раздвоение личности *(Перевод Н. Евдокимовой)* 1179
Робот-коробейник по имени Рекс *(Перевод И. Тогоевой)* 1198
Терапия *(Перевод А. Вавилова)* 1205
Специалист *(Перевод Н. Евдокимовой)* 1223
Через пищевод и в космос с тантрой, мантрой и крапчатыми колесами *(Перевод М. Черняева)* 1239
С божьей помощью *(Перевод И. Тогоевой)* 1241
Шкатулка Пандоры *(Перевод И. Тогоевой)* 1248
Битва *(Перевод И. Гуровой)* 1253

Эпилог

Глаз реальности *(Перевод В. Серебрякова)* 1261

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ

Ответственный редактор *И. Шефановская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *Е. Шниткова, Н. Тюрина, И. Данилова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Гарри Руделла*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Валери СПД»
191002, Санкт-Петербург, а/я 24.
Тел./факс (812) 316-68-24

ООО «Издательство «Эксмо»,
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00

Книга — почтой: **Книжный клуб «Эксмо»**
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@ eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК»
представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Книжный магазин издательства «Эксмо»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Подписано в печать с готовых монтажей 25.09.2002.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 66,36.
Доп. тираж 7000 экз. Заказ 4252.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.